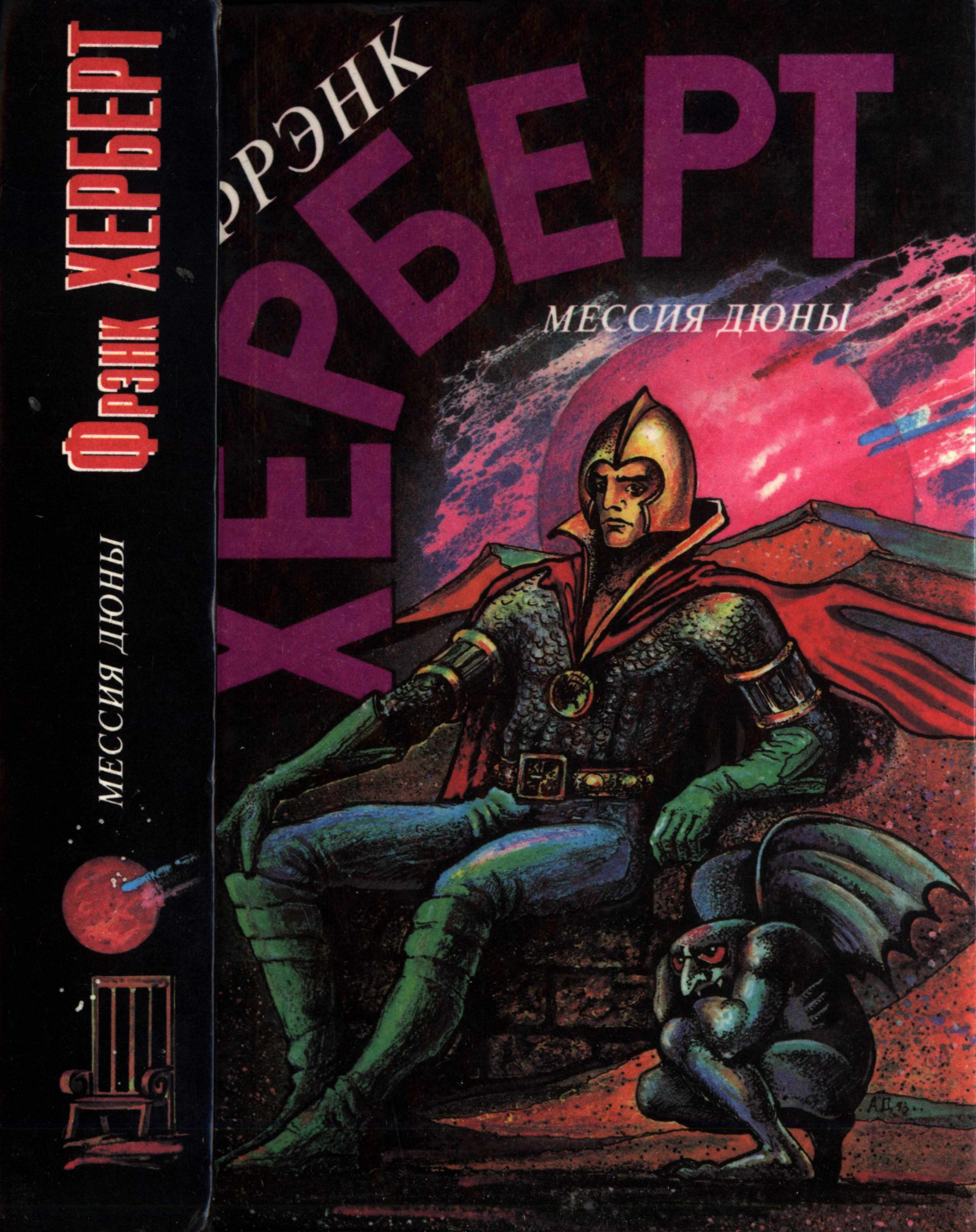

ФРЭНК ХЕРБЕРТ
МЕССИЯ ДЮНЫ
МЕССИЯ ДЮНЫ
Фрэнк ХЕРБЕРТ

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ
ФАНТАСТИКА
XX века
****

Frank HERBERT

****

Dune Messiah
Childrens of Dune

«Amber, Ltd»
Moscow
1994

Фрэнк ХЕРБЕРТ

****

Мессия Дюны
Дети Дюны

роман

г. Ангарск
«Амбер, Лтд.»
1994

ББК 84.7 США
Х39

Херберт Фрэнк
Мессия Дюны. Пер. с англ. —
Ангарск. «Амбер Лтд»,
1994 г. — 640 стр.

Печатается с разрешения автора и его литературного агента.

Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом без разрешения — запрещена.

Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с ведома издателя.

Издание осуществлено при участии издательства «Сигма-Пресс».

Х $\frac{470310100 - 8}{И\ 22\ (03) - 94}$ — Без объявления

ISBN 5-88358-043-2

© F. Herbert, 1969 г., 1976 г.
© Составление и перевод «Амбер Лтд», 1993 г.
© Художник Д. Аввакумов

Мессия Дюны

Пролог

Судьба Дюны

Планета Дюна — иначе Арракис — засушливый мир огромных пустынь, где жизнь сохраняется в труднейших условиях. Коренные жители Дюны, Свободные, весь уклад своей жизни основывают на экономии воды и противостоят пустыням в стилсьютах — специальных костюмах, сохраняющих почти всю расходуемую организмом влагу. Огромные песчаные черви и свирепые ураганы постоянно угрожают им. Дюна является единственным источником специфического продукта под названием меланж, наркотика, вырабатываемого червями. Меланж, или спайс, продлевает жизнь и помогает посвященным заглядывать в будущее.

Пол Атридес был сыном правителя Дюны, Герцога Лито. Когда его отец погиб в борьбе с соперничающим Великим Домом, родом Харконненов, Пол вместе со своей беременной матерью, леди Джессикой, бежал в пустыню. Леди Джессика была членом Бене Джессерит — древнего женского ордена, ставившего своей задачей контроль над генетическими линиями человека. В соответствии с положениями Бене Джессерит, Пол принадлежал к родословной, которая должна была породить Квизац Садераха — мессию будущего.

Спасая их, погиб Данкан Айдахо. Пол был принят Свободными в свою среду и даже научился ездить на песчаных червях. В одном из местных обрядов он принял

большую дозу наркотика, в результате в его организме произошли изменения, позволившие ему видеть будущее, вернее, различные варианты будущего. Мать Пола тоже приняла наркотик, пытаясь преобразовать его методом Бене Джессерит. В результате сестра Пола, Алия, будучи еще во чреве матери, овладела всеми ее знаниями и при рождении обладала полным сознанием.

Со временем Пол стал признанным вождем Свободных — фременов. Подругой его стала девушка Свободных, Чани, и он принял большинство обычаев ее племени. Но его мозг Атридеса обладал неизвестными Свободным способностями, и он придал пустынным племенам организацию и цель, которых у них не было раньше. Он решил изменить климат Дюны, чтобы обеспечить планету водой.

Прежде чем его планы осуществились, Харконнены снова ударили по Дюне и ее столице Арракину. Несмотря на поддержку считавшихся непобедимыми сардукаров, предводительствуемые Полом силы Свободных одолели врагов в большой битве.

По заключенному после битвы договору Пол обрел власть, которая помогла ему создать звездную Империю. Он взял в жены наследницу Императора Шаддама IV принцессу Ирулэн, но брак этот был фиктивным, Пол оставался верен Чани.

В последующие двенадцать лет он создал свою Империю. Но теперь все древние группировки начали объединяться против него и против легенды о Муад Дибе, которую он создал.

* * * * *

«Пола Муад Диба, Императора-ментата, и его сестру Алию окружает такое количество мифов, что под их покровом трудно разглядеть подлинные личности. Но все же действительно существовали мужчина по имени Пол Атридес и женщина по имени Алия. Их плоть существовала в пространстве и времени. И хотя пророческие способности выдвинули их за обычные границы пространства и времени, все же они были людьми. С ними происходили реальные события, оставившие реальные следы в реальной вселенной. Чтобы разглядеть эти следы, нужно понять, что их катастрофа была катастрофой всего человечества. Эта книга, следовательно, посвящена не

только Муад Дибу и его сестре, а и всем их потомкам — всем нам».

Предисловие к алфавитному указателю «Изречений Муад Диба». Из собрания памятников культа духа Махди.

Период правления Императора Муад Диба породил больше историков, чем любая другая эпоха. Большинство из них отстаивало свои собственные, узко сектантские взгляды, но все же сам факт их количества свидетельствует об огромном влиянии, которое оказал этот человек на бесчисленное количество миров.

Конечно же, этот период содержит идеальные и идеализированные ингредиенты истории. Человек, урожденный Пол Атридес, потомок Великого Дома, был обучен приемам прана-бинду стараниями своей матери, принадлежавшей к ордену Бене Джессерит, и благодаря этому великолепно контролировал свои мышцы и нервы. Более того, он был ментатом, так как обладал интеллектом, превосходившим по своим возможностям те, что приписывались механическим компьютерам древних.

Но прежде всего Муад Диб был Квизац Садерахом, тем самым, которого орден готовил в течение столетий.

И вот Квизац Садерах, «тот, кто может быть одновременно во многих местах», пророк, человек, при помощи которого Бене Джессерит пытались контролировать судьбу человечества, стал Императором Муад Дибом и вступил в династический брак с дочерью поверженного им Падишаха Императора.

Подумайте о заключающемся в этом парадоксе. Вы, несомненно, читали других историков и знаете лежащие на поверхности факты. Дикие племена, Свободные Муад Диба, действительно победили Падишаха Шаддама IV. Они сразили сардукарские легионы, объединенные силы Великих Домов, армии Харконненов и наемников, нанятых на деньги Ландсраада. Муад Диб поставил Космический Союз на колени и посадил свою сестру Алию на религиозный трон, который орден Бене Джессерит считал своим.

Он проделал все это и еще многое другое. Миссионеры его Квизарата принесли в космос джихад, религиозную войну. Основные ее события заняли двенадцать лет, и за это время вся человеческая Вселенная оказалась под властью одного человека.

Муад Диб смог осуществить это потому, что владел

Арракисом — планетой, более известной как Дюна, монопольным поставщиком спайса — яда, дающего жизнь.

Вот еще один ингредиент идеальной истории — вещество, чьи физические и химические свойства превзошли время. Без меланжа Преподобные Матери ордена не смогли бы осуществлять генетическую селекцию человечества. Без меланжа рулевые Союза не смогли бы вести свои корабли в космос. Без меланжа миллиарды подданных Империи погибли бы от наркотического голодания.

Без меланжа Муад Диб потерял бы дар предвидения.

Мы знаем, что верховная власть содержит в себе момент собственной гибели. Абсолютная точность предвидения смертельна.

Некоторые историки утверждают, что Муад Диба победили заговорщики — Союз, орден Бене Джессерит и аморальные ученые Тлейлакса* с их техникой «лицевого танца» — способностью изменять свою внешность. Другие называют имена предателей в собственном окружении Муад Диба. Они упоминают о тароте Дюны, который ослабил силу пророчества Муад Диба, указывают на ошибку Муад Диба, воспользовавшегося услугами гхолы — тела, воскрешенного к жизни и запрограммированного на убийство. Но им следовало бы помнить, что этот гхола — Данкан Айдахо, офицер Атридесов, погибший, спасая жизнь Пола.

Они описывают заговор Квизарата, возглавляемый панегиристом Корбой, шаг за шагом исследуют план Корбы превратить Муад Диба в мученика, возложив всю вину на его возлюбленную Чани.

Как сообразуется все это с фактами истории? Никак! Только понимая губительную сущность способности к предвидению, можно объяснить природу этой колоссальной неудачи.

Надеемся, что другие историки сумеют это сделать.

Из «Истории Муад Диба» Вронсо Иксийского.

«Нет четкой грани между богами и людьми: одни переходят в других»

«Изречения Муад Диба».

* Тлейлакс — планета (или несколько планет) системы Талима, известная как отступнический центр воспитания ментатов, источник ментатов-извращенцев.

Скайтейл, лицевой танцор с Тлейлакса, старался не думать о том, какой зловещий характер носит их заговор. Однако он снова и снова возвращался к печальной мысли: «Я сожалею о том, что должен принести смерть Муад Дибу».

Свою жалость он тщательно скрывал от соучастников. Сам же он находил, что ему легче понять жертву, чем преследователей — очень характерное для лицевого танцора свойство.

Скайтейл держался в стороне от остальных. Сначала они обсуждали вопрос о возможности применения яда. Энергичное и яростное по сути, это обсуждение внешне выглядело бесстрастно и чопорно и проходило в манере, свойственной представителям Великих Школ, когда затрагиваются их догмы.

— Тебе кажется, что он сражен, а он вновь невредим!

Это сказала старая Преподобная Мать Бене Джессерит Гаиус Хэлен Моахим, их хозяйка здесь, на Валлахе IX. Закутанная в черное старуха сидела в плавающем кресле слева от Скайтейла. Капюшон абы был откинут, обнаружив обтянутое сухое кожей лицо, обрамленное серебряными прядями волос. Глубоко запавшие глаза смотрели настороженно и сердито.

Она говорила на языке мирабхаза, со множеством гортанных согласных и дифтонгов. Этот язык хорошо передавал тончайшие оттенки эмоций. Преподобной Матери отвечал Адрик, навигатор Союза. В его вежливом голосе звучала насмешка.

Скайтейл взглянул на посланца Союза. Адрик плавал в контейнере с оранжевым газом в нескольких шагах от него. Контейнер находился в центре прозрачного купола, специально сооруженного для него Бене Джессерит. Продолговатое тело, отдаленно гуманоидное, с увеличенными плавниками-ногами и с перепончатыми кистями рук, рыба в чужом море, это и был рулевой Союза. Вентиляторы его контейнера выбросили бледно-оранжевое облако, насыщенное запахом меланжа.

— Если так будет продолжаться, мы умрем от собственной глупости!

Это произнес четвертый из присутствующих — потенциальный участник заговора, принцесса Ирулэн, жена (но не настоящая, напомнил себе Скайтейл) их общего врага. Она стояла у контейнера Адрика, высокая, светловолосая краса-

вица в великолепном платье из голубой китовой шерсти и в такого же цвета плаще и шляпе. Золотые серьги блестели у нее в ушах. Она вела себя с аристократическим высокомерием, но что-то в выражении ее лица говорило, что усвоенный у Бене Джессерит самоконтроль дается ей с большим трудом.

Мысли Скайтейла от тонкостей языка и лиц обратились к деталям окружающей их местности. Со всех сторон расстилались холмы, почерневшие от тающего снега, отражавшего грязноватую голубизну маленького бело-голубого солнца, повисшего над горизонтом.

«Почему выбрано именно это место? — подумал Скайтейл. — Бене Джессерит редко поступают беспричинно. Возьмем этот павильон: более просторное, но закрытое помещение могло вызвать у представителя Союза клаустрофобию. Адрик привык к просторам своей родной планеты. Но построить такой купол специально для него значило прямо указать на его слабость».

«А для меня лично что здесь приготовлено?» — вновь подумал Скайтейл.

— А вам разве нечего сказать, Скайтейл? — в упор спросила его Преподобная Мать.

— Вы хотите втянуть меня в эту дурацкую борьбу? Мы имеем дело с потенциальным мессией. На него нельзя нападать открыто. Если мы превратим его в мученика, это будет нашим поражением.

Взоры всех присутствующих обратились на него.

— Вы думаете, в этом единственная опасность? — снова спросила Преподобная Мать своим пронзительным голосом.

Скайтейл пожал плечами. Для этой встречи он выбрал круглое открытое лицо, веселые глаза, полные губы — внешность обрюзгшего коротышки. Сейчас, глядя на соучастников заговора, он подумал, что сделал идеальный выбор, возможно, инстинктивный. Он единственный из них мог выбирать из большого набора внешностей. Он — человек-хамелеон, лицевой танцор, и внешность, которую он сейчас надел, заставляла остальных воспринимать его слишком легкомысленно.

— Ну, так как же? — настаивала Преподобная Мать.

— Я наслаждался тишиной, — сказал Скайтейл. — Лучше не выражать вслух нашу враждебность.

Преподобная Мать отпрянула от него, и Скайтейл увидел,

как она меняет свою оценку. Все они прошли жесткую школу прана-бинду, все владели своими мышцами и нервами так, как мало кто из людей. Но Скайтейл, лицевой танцор, мог делать со своими мышцами и нервами то, что было недоступно другим, и вдобавок обладал особым даром проникновения — он мог надевать на себя не только внешность другого человека, но и вживаться в его душу.

Скайтейл дал ей возможность завершить переоценку, потом коротко сказал:

— Яд!

Он произнес это слово с такой интонацией, как будто только он один понимал его истинное значение.

Представитель Союза шевельнулся, и его голос полился из блестящего шара, укрепленного в углу контейнера:

— Мы говорим не о физической отраве, а о психологической.

Скайтейл рассмеялся. Смех на языке мирабхаза срывал маску с собеседника, и тому нечего было больше прятать.

Ирулэн одобрительно улыбнулась, но в глазах Преподобной Матери блеснул гнев.

— Прекратите! — выдохнула Моахим.

Скайтейл замолчал, но теперь общее внимание было приковано к нему: Адрик разгневан, Моахим взбешена, Ирулэн удивлена, но забавляется.

— Наш друг Адрик предполагает, — сказал Скайтейл, — что две опытные Бене Джессерит не знают всех возможностей обмана.

Моахим отвернулась и посмотрела на холодные холмы родной планеты Бене Джессерит. Скайтейл понял, что она готова пойти на уступку. Это хорошо. Другое дело — Ирулэн.

— Вы с нами или нет? — спросил Адрик, глядя на Скайтейла своими круглыми глазами грызуна.

— Дело не во мне, — ответил Скайтейл. Он продолжал привлекать внимание Ирулэн. — Вы удивлены, принцесса, зачем мы с таким риском добирались сюда за много парсеков?

Она кивнула в знак согласия.

— Для того разве, чтобы обменяться банальностями с человеком-рыбой или спорить с толстым лицевым танцором с Тлейлакса? — спросил Скайтейл.

Она отступила от бака Адрика, раздраженно отмахиваясь от густого запаха меланжа.

Адрик воспользовался этим моментом, чтобы бросить себе в рот таблетку меланжа. Он ел спайс и дышал им, он

даже пил его, как заметил Скайтейл. Вполне понятно — спайс обостряет проницательность рулевого, дает ему возможность вести лайнеры Союза со сверхсветовой скоростью. Спайс помогает ему угадывать курс, на котором корабль не подстерегает опасность. Сейчас Адрик ощущал присутствие другой опасности, но на этот раз ему не мог помочь даже его меланжевый костыль.

— Я думаю, с моей стороны было ошибкой явиться сюда, — сказала Ирулэн.

Повернувшись к ней, Преподобная Мать раскрыла глаза, точно рептилия, затем снова закрыла их.

Скайтейл перевел взгляд с Ирулэн на контейнер, будто приглашая принцессу разделить его точку зрения. Он знал, что Адрик ей отвратителен: самоуверенный взгляд, безобразные руки и ноги, медленно двигающиеся в газе, клубы меланжевого запаха вокруг. Она задумывается над его сексуальными обычаями, подумывает, как странно было бы видеть себя парой такого существа. Даже генератор поля, который создавал для Адрика невесомость космоса, отделяет его от нее.

— Принцесса, — сказал Скайтейл, — благодаря присутствию Адрика, пророческие способности вашего супруга не смогут проникнуть в некоторые события, включая и нашу встречу... предположительно.

— Предположительно, — механически повторила Ирулэн.

Преподобная Мать кивнула с закрытыми глазами.

— Сущность проникновения в будущее непонятна даже тем, кто обладает этим даром, — сказала она.

— Я полноправный представитель Союза и обладаю этой способностью, — заявил Адрик.

Преподобная Мать снова открыла глаза. На этот раз с проницательностью, свойственной Бене Джессерит, она смотрела на лицевого танцора. Она взвешивала его слова.

«Нет, Преподобная Мать, — пробормотал про себя Скайтейл, — я не так прост, каким кажусь».

— Мы не понимаем сущности проникновения, — сказала Ирулэн. — Вот, например, Дарик говорит, что мой муж не может знать, видеть или предвидеть то, что происходит в присутствии рулевого Союза, — этому мешает его воздействие. Но каковы границы этого воздействия?

— Существуют люди и явления в нашей Вселенной, о которых я знаю лишь по их последствиям, — рыбий рот

Адрика сжался в тонкую линию. — Я знаю, что они существуют... где-то. Как морское животное колеблет поверхность моря, так и проникновение в будущее лишь колеблет ткань времени. Я видел места, где был ваш супруг. Но ни его самого, ни тех, кто разделяет его цели и стремления, я не видел. Точно так же я сам укрыт от него и могу укрыть всех наших.

— Ирулэн не ваша, — возразил Скайтейл, искоса взглянув на принцессу.

— Мы все знаем, что заговор должен осуществляться только в моем присутствии, — сказал Адрик.

Голосом, каким говорят об использовании машины, Ирулэн произнесла:

— Конечно, у вас есть свои достоинства...

«Теперь она поняла, кто он такой», — удовлетворенно подумал Скайтейл.

— Будущее надо создавать, — сказал он, — подумайте об этом, принцесса.

Ирулэн взглянула на лицевого танцора и подумала о людях, разделяющих цели и стремления Пола, о легионерах из числа Свободных. Она видела, как он пророчествовал для них, видела знаки слепого преклонения перед их Махди, их Муад Дибом.

«Ей кажется, — подумал Скайтейл, — что она перед судом, который ее оправдает или уничтожит. Она видит ловушку, которую мы все приготовили для нее».

На мгновение он встретился взглядом с Преподобной Матерью и испытал странное ощущение, будто их мысли о Ирулэн совпали. Конечно, орден Бене Джессерит подготовил принцессу, обучил ее, теперь настало время воспользоваться результатами этой подготовки.

— Принцесса, я знаю, чего вы больше всего хотите от Императора, — произнес Адрик.

— Кто же этого не знает? — ответила Ирулэн.

— Вы хотите стать основательницей династии, — продолжал Адрик, как будто не слыша ее реплики. — Я хочу заставить вас поверить моему дару предвидения: Император женился на вас из политических соображений и вы никогда не делили с ним ложе.

— Значит, ваш оракул еще и сводня, — усмехнулась Ирулэн.

— Настоящая жена Императора — его возлюбленная из Свободных, а не вы! — выпалил Адрик.

— Но она не может дать ему наследника, — вспыхнула Ирулэн.

— Разум — первая жертва сильных эмоций, — пробормотал Скайтейл. Он видел гнев Ирулэн, видел, что его предостережение на нее подействовало.

— Она не может дать ему наследника, — повторила Ирулэн уже спокойнее, беря себя в руки, — потому что я тайно даю ей противозачаточные средства. Вам было нужно это признание?

— Но Императору этого знать не следует, — с улыбкой заметил Адрик.

— У меня готово объяснение для него, — возразила Ирулэн. — Может, он и обладает чувством правды, но иногда в ложь легче поверить, чем в правду.

— Вы должны сделать выбор, принцесса, — сказал Скайтейл.

— Пол добр со мной, — проговорила она. — И я заседаю в его Совете.

— За двенадцать лет брака с ним проявил он к вам хоть немного нежности? — спросил Адрик.

Ирулэн покачала головой.

— Он сверг вашего отца с помощью своих злобных орд и женился на вас, чтобы законно претендовать на трон, но его настоящей женой вы так и не стали, — продолжал Адрик.

— Адрик старается воздействовать на ваши чувства, — заметил Скайтейл. — Разве это не забавно?

Она взглянула на лицевого танцора, увидела его дерзкую улыбку, и брови ее поползли вверх. Скайтейл видел: теперь она совершенно уверена, что если она покинет встречу соучастницей заговора, Пол этого определить не сможет, если же она не согласится, тогда...

— Не кажется ли вам, принцесса, — спросил Скайтейл, — что Адрик обладает в нашем заговоре слишком большой властью?

— Я заранее согласен подчиниться наиболее разумному предложению, — сказал Адрик.

— А кто его определит, это наиболее разумное предложение?

— Вы не хотите, чтобы принцесса присоединилась к нам? — спросил Адрик.

— Он хочет, чтобы присоединение было искренним, — проворчала Преподобная Мать. — Между нами не должно быть обмана.

Скайтейл видел, что Ирулэн задумалась, спрятав руки в рукава. Теперь она думает о подброшенной Адриком наживке — об основании династии. Она думает и о том, как заговорщики собираются защититься от нее. Ей многое нужно взвесить.

— Скайтейл, — наконец сказала она, — говорят, у вас, на Тлейлаксе, странные представления о чести — ваши жертвы всегда имеют возможность спастись.

— Если найдут эту возможность, — согласился Скайтейл.

— А я — жертва?

Скайтейл рассмеялся. Преподобная Мать фыркнула.

— Принцесса, — как можно убедительнее сказал Скайтейл, — не бойтесь, вы уже давно одна из нас. Разве не вы посылали регулярные сообщения Бене Джессерит?

— Пол знает, что я пишу своим учителям.

— Но разве не вы снабжаете их материалом для пропаганды против вашего мужа и Императора? — спросил Адрик.

«Не «нашего» Императора, — отметил про себя Скайтейл, — а «вашего» Императора. Ирулэн слишком хорошо обучена Бене Джессерит, чтобы не заметить этой детали».

— Вопрос о том, чем и как воспользоваться, — сказал Скайтейл, подходя ближе к баку представителя Союза. — Мы, на Тлейлаксе, считаем, что самое прочное во Вселенной — это энергия. И что энергия способна обучаться. Слышите, принцесса, — энергия обучается. Ее мы и зовем властью.

— Вы не убедили меня в том, что мы сможем победить Императора, — сказала Ирулэн.

— Мы не убедили в этом даже самих себя, — заметил Скайтейл.

— Куда мы ни посмотрим, — продолжала Ирулэн, — всюду его власть противостоит нам. Он — Квизак Садерах, он может быть одновременно во множестве мест. Он — Махди, и любой его каприз — непререкаемый приказ для миссионеров Квизарата. Он — ментат, чей интеллект превосходит знаменитые компьютеры древних. Он — Муад Диб, чьи повеления легионам Свободных опустошают целые планеты. Он обладает пророческим видением, он проникает в будущее. Именно его генный рисунок Бене Джессерит искал...

— Мы все знаем его свойства, — прервала ее Преподобная Мать. — И мы знаем, что эта мерзость, его сестра Алия, обладает тем же генетическим рисунком. Но оба они — люди, и, значит, у них есть слабости.

— И где же эти человеческие слабости? — спросил лицевой танцор. — Следует ли искать их в религии джихада? Можно ли обратить против него императорский Квизарат? А власть Великих Домов? Может ли Ландсраад сделать больше, чем просто выразить протест?

— Я советую опереться на КХОАМ, — сказал Адрик, поворачиваясь в своем баке. — КХОАМ — это бизнес, а бизнес всегда ищет прибыль.

— А может, на мать Императора? — предложил Скайтейл. — Леди Джессика, насколько я знаю, остается на Келадане, но поддерживает постоянную связь с сыном.

— Шлюха, предательница, — ровным голосом произнесла Моахим. — Я отрубила бы собственные руки, которые учили ее.

— Нашему заговору необходим руководитель, — сказал Скайтейл.

— Мы не просто заговорщики, — возразила Преподобная Мать.

— Да, — согласился лицевой танцор. — Мы энергичны и быстро набираем опыт. Это делает нас единственной надеждой человечества, — он произнес это тоном величайшей убежденности, который звучал насмешкой в устах тлейлаксу* — лицевого танцора.

По-видимому, только одна Преподобная Мать поняла это.

— В чем дело? — спросила она у Скайтейла.

Прежде чем лицевой танцор успел ответить, Адрик, прочистив горло, сказал:

— Оставим этот философский вздор! Любой вопрос может быть сведен к одной фразе: почему, вообще, все? Любые религиозные, деловые и политические проблемы сводятся тоже к одной фразе: кому принадлежит власть? Союзы, объединения, блоки — все это лишь иллюзия, если за ними нет настоящей власти. А все остальное — вообще чепуха, и это понимает любое мыслящее существо.

Скайтейл пожал плечами. Жест его предназначался Преподобной Матери: Адрик ответил за него на ее вопрос. Чтобы окончательно убедиться, что она это поняла, Скайтейл сказал:

* Тлейлаксу — ученые, лицевые танцоры и ментаты, живущие на планете Тлейлакс, производящие противоестественные эксперименты над человеком и его мозгом.

— Внимательно слушая учителя, приобретаешь знания.

Преподобная Мать медленно кивнула.

— Принцесса, — снова заговорил Адрик, — делайте выбор! Вы избраны как орудие судьбы, прекраснейшая...

— Поберегите свои комплименты для тех, на кого они могут подействовать, — оборвала его Ирулэн. — Вы упомянули о призраке, мстителе, который может покончить с Императором. Объясните, что вы имели в виду.

— Атридес победит сам себя! — воскликнул Адрик.

— Перестаньте говорить загадками! — рассердилась Ирулэн. — Что это за призрак?

— Весьма необычный, — сказал Адрик. — У него есть тело и имя. Тело — плоть знаменитого фехтовальщик Данкана Айдахо. Имя...

— Но Айдахо мертв, — быстро вставила Ирулэн. — И Пол часто оплакивал его в моем присутствии. Он сам видел, как Айдахо был убит сардукаром моего отца.

— Даже в поражении сардукару вашего отца не изменила мудрость, — сказал Адрик. — Предположим, что мудрый командир сардукаров узнал в убитом великого бойца. Что же тогда? Можно использовать такое тело и его умение... если действовать быстро.

— Гхола тлейлаксу... — прошептала Ирулэн, искоса взглянув на Скайтейла.

Скайтейл, уловив этот взгляд, продемонстрировал свое искусство лицевого танцора — овал лица у него изменился, черты расплылись... И вот уже перед ней стоит стройный мужчина: лицо более смуглое, с чуть плоскими чертами, выступающие скулы, морщины у глаз, черные взлохмаченные волосы...

— Гхола с такой внешностью, — сказал Адрик, указывая на Скайтейла.

— Или еще один лицевой танцор? — спросила Ирулэн.

— Не лицевой танцор, — возразил Адрик. — При длительном наблюдении лицевой танцор может быть раскрыт. Но, предположим, что наш мудрый командир сардукаров сохранил тело Айдахо для аксолотлиевых резервуаров. Почему бы и нет? Оно принадлежало одному из лучших фехтовальщиков в истории, советнику Атридесов, военному гению. Зачем терять такие способности, когда можно получить великолепного инструктора для сардукаров?

— Но я ни разу не слышала об этом, а я ведь была очень близка к отцу, — возразила Ирулэн.

— Ваш отец потерпел поражение, и спустя несколько часов вы были проданы новому Императору, — сказал Адрик.

— Это все действительно имело место? — спросила Ирулэн повелительным тоном.

С благодушием, способным свести с ума, Адрик ответил:

— Предположим, наш мудрый командир сардукаров, понимая необходимость быстрых действий, немедленно отправил сохраненное тело Айдахо на планету Тлейлакс. Предположим далее, что этот командир и все его люди, которые знали об этом, погибли раньше, чем успели сообщить эту информацию вашему отцу, который, впрочем, все равно не успел бы ею воспользоваться. Тогда остается лишь голый факт — тело, отправленное на Тлейлакс. Существовал лишь один способ переправить его — в скоростном лайнере, конечно. А Союз, естественно, знает, какие грузы перевозят его корабли. Разве при этих обстоятельствах не мудро заключить, что такой подарок подходит Императору Муад Дибу?

— И вы это сделали? — спросила Ирулэн.

Скайтейл, вернувший себе свой первоначальный облик пухлого коротышки, сказал:

— Как уже справедливо отметил наш друг с длинными плавниками, мы сделали это.

— И к чему же готовили Айдахо? — спросила Ирулэн.

— Айдахо... — повторил Адрик и посмотрел на лицевого танцора. — Вы знаете, кто такой Айдахо, Скайтейл?

— Мы продали вам создание по имени Хейт, — ответил тот.

— Верно, Хейт, — согласился Адрик. — Почему же вы нам его продали?

— Потому что однажды мы вырастили собственного Квизац Хадераха, — ответил Скайтейл.

Быстро повернув голову, старая Преподобная Мать посмотрела на него.

— Вы нам этого не говорили! — обвиняюще произнесла она.

— А вы нас об этом и не спрашивали, — возразил Скайтейл.

— Как же вы распорядились своим Квизац Садерахом? — спросила Ирулэн.

— Существо, всю жизнь создававшее нечто определенное как проявление своей сущности, скорее умрет, чем станет противоположностью этой сущности, — ответил Скайтейл.

— Не понимаю, — вмешался Адрик.

— Он убил себя, — проворчала Преподобная Мать.

— Внимательно слушайте меня, Преподобная Мать, — предупредил Скайтейл, в то же время телепатически передавая ей: «Ты не обладаешь Полом, не обладала им и никогда не будешь обладать!»

Тлейлаксу подождал, пока она все поймет. Она не должна заблуждаться относительно его намерений. Гнев пройдет, и она осознает, что лицевой танцор не мог предъявить такое обвинение, зная генетическую программу Бене Джессерит. В тоне Скайтейла звучало оскорбление, совершенно не характерное для Тлейлаксу.

Используя умиротворяющую интонацию мирабхаза, Адрик поспешил смягчить напряжение:

— Скайтейл, вы ведь говорили нам, что продали Хейта, потому что разделяете наши планы по его использованию?

— Вы, Адрик, будете молчать, пока я не разрешу вам говорить, — сказал Скайтейл.

И так как представитель Союза собрался запротестовать, Преподобная Мать крикнула:

— Помолчите, Адрик!

Тот отступил в глубину своего бака.

— Мимолетные эмоции неуместны при решении общей программы, — сказал Скайтейл. — Они неуместны потому, что единственная общая эмоция, которая собрала нас здесь, — страх.

— Да, — согласилась Ирулэн, оглянувшись на Преподобную Мать.

— Мы должны видеть слабое звено в нашей защите, — продолжал Скайтейл. — И оракул может натолкнуться на нечто непонятное.

— А вы изобретательны, Скайтейл, — сказала Ирулэн.

«Она и не догадывается, насколько справедливо это ее замечание, — подумал Скайтейл. — Когда дело будет сделано, в наших руках окажется Квизац Садерах, которого сможем контролировать только мы. А все остальные не получат ничего».

— Каково происхождение вашего Квизац Садераха? — спросила Преподобная Мать.

— Мы имеем дело с чистыми сущностями, — ответил Скайтейл. — Добро и зло в чистом виде. Злодей, испытывающий наслаждение, лишь причиняя боль и ужас, легко поддается обучению.

— Старый Барон Харконнен, дед нашего Императора, был ли он созданием Тлейлакса? — спросила Ирулэн.

— Нет, — ответил Скайтейл. — Но природа часто создает существа, не менее смертоносные, чем наши. Мы лишь ставим их в условия, в которых можем их изучать.

— Я не потерплю такого обращения с собой! — не выдержав, заявил Адрик. — Кто скрывает нашу встречу от...

— Именно поэтому вы и должны быть благоразумнее, — напомнил ему Скайтейл.

— Давайте обсудим, как мы подарим Хейта Императору, — настаивал Адрик. — По моему мнению, Хейт представляет старую верность, испытанную Атридесом с самого рождения. С помощью Хейта Император смягчит свои действия, установит равновесие позитивных и негативных элементов в жизни и религии.

Скайтейл улыбнулся, снисходительно разглядывая сообщников. Они вели себя так, как он и ожидал. Старая Преподобная Мать орудовала эмоциями точно косой. Ирулэн хорошо подготовлена к возложенной на нее задаче, но все же потерпела поражение — это ошибка Бене Джессерит. Адрик не больше (но и не меньше), чем орудие — он может скрывать и отвлекать. Сейчас Адрик погрузился в угрюмое молчание, остальные не обращали на него внимания.

— Правильно ли я поняла, что Хейт должен отравить душу Императора? — спросила Ирулэн.

— Более или менее, — ответил Скайтейл.

— А как же Квизарат? — спросила она снова.

— Нужен лишь легкий толчок, небольшое акцентирование определенных эмоций, чтобы превратить зависть во вражду, — ответил Скайтейл.

— А КХОАМ?

— Ее интересует только прибыль.

— А другие группировки?

— Придется действовать от имени правительства, — сказал Скайтейл. — Менее могущественные мы проглотим — во имя морали и прогресса. Наши противники задохнутся в петле собственных трудностей.

— Алия?

— Хейт — гхола многоцелевого назначения, — ответил Скайтейл. — Сестра Императора в том возрасте, когда ее сможет привлечь мужчина, специально для этого созданный.

Его могущественность и способности ментата не останутся без ее внимания.

Моахим позволила своим старым глазам удивленно раскрыться.

— Гхола — ментат? Рискованный ход.

— Мне кажется, что ментат должен иметь точные данные, — произнесла Ирулэн с ноткой сомнения. — Что, если Пол спросит его об истинной цели подарка?

— Хейт скажет правду, но это не будет иметь никакого значения, — заверил ее Скайтейл.

— Значит, двери спасения открыты для Пола? — Ирулэн задала свой вопрос утвердительным тоном.

— Ментат! — фыркнула Моахим.

Скайтейл смотрел на Преподобную Мать и видел дремучую наивность, скрашивающую ее реакцию. Еще со времен Бутлерианского Джихада, когда «думающие машины» были стерты с лица Вселенной, компьютеры внушали недоверие, и человеческие компьютеры — тоже.

— Мне не нравится ваша улыбка, — сказала Моахим с внезапной откровенностью.

В тон ей Скайтейл ответил:

— А я и не собираюсь вам нравиться, но мы должны работать вместе и все это понимаем, — он оглянулся на представителя Союза. — Как, Адрик?

— Вы преподали нам болезненный урок, — сказал тот. — Мне кажется, я не должен возражать против мнения всех других участников.

— Видите, его можно научить, — улыбнулся Скайтейл.

— Я вижу и другое, — проворчал Адрик. — Атридесу принадлежит монополия на спайс. Без него я не могу проникать в будущее, а Бене Джессерит утратит свое чувство правды. У нас, конечно, есть запасы, но они не беспредельны. Меланж — могучая сила.

— У нашей цивилизации не одна эта сила, — многозначительно сказал Скайтейл.

— Вы думаете выкрасть секрет меланжа! — взвизгнула Моахим. — С планеты, охраняемой этими безумными Свободными?!

— Свободные тоже бывают разные, — спокойно возразил ей Скайтейл. — И они не безумны. Просто их приучили не думать, а верить, а верой вполне можно манипулировать. Опасно только знание.

— Но я буду родоначальницей династии? — спросила Ирулэн.

Все уловили жалобную интонацию в ее голосе, но улыбнулся только Адрик.

— Конечно, — успокоил ее Скайтейл.

— Это будет означать конец Атридесов как правящей партии, — констатировал Адрик.

— Другие, менее одаренные оракулы, уже сделали это пророчество, — заметил Скайтейл. — Для них это «мектуб ал меллах», как говорят Свободные.

— «Написано солью», — перевела Ирулэн.

И когда она сказала это, Скайтейл понял, кого выставил против него орден Бене Джессерит — прекрасную умную женщину, которая никогда не будет принадлежать ему. «Что ж, — подумал он, — у меня будет ее копия».

«Любая цивилизация должна бороться с бессознательной силой, которая может противостоять любому сознательному намерению коллектива, предать или блокировать его».

***Теорема Тлейлакса** (не доказана).*

Пол сел на край кровати и начал снимать пустынные сапоги. Они резко пахли смазкой, которая предохраняла насосы его стилсьюта. Было поздно. Он задержался на своей вечерней прогулке, чем вызвал беспокойство тех, кто его любил. Он и сам сознавал, что такие прогулки опасны, но эту опасность он мог распознать и немедленно на нее отреагировать. Что-то привлекательное было в ночных прогулках по темным улицам Арракина.

Швырнув сапоги в угол комнаты, под единственный светящийся глоуглоб, он принялся за застежки стилсьюта. Великий Боже, как же он устал! Но усталость притаилась лишь в мышцах, мозг продолжал свою активную деятельность. Зрелище обыденной городской жизни вызывало в нем острую зависть. Император не мог влиться в этот безымянный поток жизни, но пройти по улицам, не привлекая ничьего внимания, — какое это преимущество! Миновать крикливую толпу нищенствующих пилигримов, слышать, как Свободный бранит лавочника: «У тебя влажные руки!»

Улыбаясь своим воспоминаниям, Пол освободился от стилсьюта.

Он стоял, обнаженный, странно не настроенный на свой привычный мир. Дюна теперь парадокс: планета в осаде, но

в то же время — центр власти. Глядя себе под ноги, на зеленый ковер, ощущая подошвами его грубый ворс, он решил, что оказаться в осаде — неизбежная прерогатива власти.

Улицы по щиколотку были полны песка, надутого ветрами из-за Защитной стены. Пешеходы поднимали удушливую пыль, забивавшую фильтры стилсьюта. Даже здесь, несмотря на мощную вентиляцию крепости, он ощущал запах пыли. Этот запах напоминал ему о пустыне.

Другое время — другие опасности.

Сравнительно с теми, прежними днями, опасность, сопровождавшая его одинокие прогулки, ничтожна. Но надев стилсьют, он надевает и пустыню. Костюм, со всеми его приспособлениями, предназначенными для сбережения влаги тела, организовывал мысли по-другому. Пол снова становился диким Свободным. В костюме он забывал об опасности, снова, как прежде, полагаясь на навыки Свободного. Пилигримы и жители города скользили мимо него, опустив глаза. Они благоразумно не задевали дикаря. У горожан было свое представление о лике пустыни — это было лицо Свободного, скрытое носовыми фильтрами стилсьюта.

По правде говоря, существовала лишь мизерная вероятность, что кто-то из прежней жизни — жизни съетча — узнает его по походке, запаху или глазам. Но даже и в этом случае вероятность встречи с врагом была ничтожна мала.

Шум дверных занавесей и полоса света прервали его размышления. Вошла Чани с кофейным сервизом на платиновом подносе. За ней следовали два светящихся шара: один повис над изголовьем кровати, другой светил ей на руки.

Движения Чани оставляли впечатление хрупкости и уязвимости, но в то же время и уверенности. Что-то в ее позе, когда она склонилась над кофе, напомнило ему их первые дни. Черты ее лица оставались тонкими, годы их не тронули — разве что, внимательно присмотревшись, можно было разглядеть морщинки в уголках лишенных белков глаз — «песчаные следы», как называют их Свободные.

Чани подняла крышку кофейника, откуда повалил пар. Она опустила крышку, и Пол понял, что кофе еще не готов. Серебряный кофейник в форме беременной женщины — это ганима, военная добыча, доставшаяся ему после того, как он убил прежнего владельца в личном поединке. Кажется, его звали Джемиз... верно, Джемиз. Что за странное бессмертие выпало на его долю! Зная, что смерть неизбежна, неужели он именно такую прочил сам себе?

Чани расставила чашки, голубые, приземистые словно повитухи рядом с кофейником. Три чашки: по одной на каждого пьющего и одну — для всех прежних владельцев.

— Через минуту кофе будет готов, — сказала она, взглянув на Пола, и он постарался представить себе, каким она его видит. Все еще чужеземец, сухощавый, жилистый, но все же полный воды в сравнении со Свободными. Напоминает ли он ей Узула, того, чье имя он принял, когда они с матерью были беглецами в пустыне?

Пол оглядел себя — стройное тело, тугие мышцы, немного прибавилось шрамов, но в целом все то же, и ведь он уже двенадцать лет как Император. Подняв голову, он увидел свое лицо в зеркале: синие глаза Свободного — след приверженности к спайсу, нос Атридесов. Ведь он родной внук Атридеса, который погиб на арене в схватке с быком, на глазах у своего народа, жаждущего зрелищ.

Пол вспомнил слова старика: «Тот, кто правит, берет на себя ответственность за тех, кем он правит. Ты хозяин, но это значит, что иногда от тебя требуется самопожертвование, бескорыстный акт любви, который может лишь позабавить тех, кем ты правишь». Подданные до сих пор вспоминают старика с любовью.

«А что сделал я во славу Атридесов? — спросил себя Пол. — Выпустил волка среди овец».

На минуту он задумался над всеми убийствами, над всем насилием, что творятся его именем.

— Немедленно в постель! — приказала Чани, и Пол с усмешкой подумал, в какое замешательство пришли бы его подданные, если бы они могли услышать ее повелительный тон.

Он послушно лег навзничь, закинув руки за голову и отдаваясь привычным успокаивающим движениям рук Чани.

Неожиданно окружающая обстановка поразила его своей необычностью. Совсем не так представляли себе спальню Императора его подданные. Свет беспокойно плавающих шаров перемещал тени множества кувшинов на полке за спиной Чани. Пол про себя перечислил их содержимое — сухие ингредиенты пустынной фармакопеи, мази, ладан, горсть песка из съетча Табр, прядь волос их сына, невинного младенца, убитого двенадцать лет назад в битве, которая сделала его, Пола, Императором.

Густой запах спайсового кофе заполнил комнату. Пол вдохнул этот запах, и взгляд его упал на желтую чашку рядом

с подносом, на котором Чани готовила кофе. В чашке лежали земляные орехи. Неизбежный распознаватель яда, смонтированный под столом, размахивал над чашкой своими паучьими лапками. Это рассердило Пола: в дни пустыни не было нужды искать в пище яд.

— Кофе готов, — сказала Чани. — Есть будешь?

Его сердитый ответ потонул в грохоте спайсового лайнера, поднимающегося в небо с взлетного поля Арракина.

Чани видела, что Пол не в духе, однако налила кофе и подвинула ему чашку. Потом она села в изножье кровати, обнажила его ноги и начала растирать мышцы, затекшие от долгой ходьбы в стилсьюте. Самым обыденным тоном, который, однако же, не обманул Пола, она сказала:

— Давай поговорим о желании Ирулэн иметь ребенка.

Пол раскрыл глаза и внимательно посмотрел на Чани:

— Прошло всего два дня, как Ирулэн вернулась с Валлаха IX. Она что, уже была у тебя?

— Мы не говорили с ней об этом, — сказала Чани.

Пол напряг свои способности ментата и стал рассматривать Чани, подмечая каждую деталь, как учила его мать, Бене Джессерит. Ему не хотелось проделывать это с Чани. Секрет ее притягательности отчасти заключался для него в том, что ему не надо было рядом с ней напрягать свои способности ментата. Чани обычно избегала непрямых вопросов. Ее вопросы, как правило, касались практической стороны. Чани интересовали факты, от которых зависело положение ее мужчины, его влияние в Совете, верность его легионов, сила и слабость его союзников. В памяти у нее хранилось множество имен и подробностей. Она легко могла перечислить все слабые стороны любого из известных ей врагов, представить возможное расположение вражеских сил, предугадать военные планы предводителей вражеской армии, определить производственные мощности главных отраслей промышленности противника.

«Почему же теперь она заговорила об Ирулэн?» — силился понять Пол.

— Я тебя встревожила, — извинилась Чани. — Я не хотела этого.

— Чего же ты хотела?

Она стыдливо улыбнулась, встретив его взгляд.

— Если ты сердишься, любимый, не скрывай этого.

Пол снова опустил голову на подушки.

— Может быть, отослать ее? — спросил он. — Польза от

Ирулэн теперь сомнительная, к тому же мне очень не нравится ее последнее путешествие.

— Ты не отошлешь ее, — сказала Чани, продолжая массировать ему ноги. — Ты много раз говорил, что она — твоя связь с врагами, что по ее действиям ты угадываешь их планы.

— Почему же тогда ты заговорила о ее желании иметь ребенка?

— Я думаю, это обескуражит наших врагов и поставит Ирулэн в зависимое положение... если ты сделаешь ее матерью.

По движениям ее рук он понял, чего стоили ей эти слова. В горле у него застрял ком. Он негромко сказал:

— Чани, любимая, я поклялся, что она никогда не будет лежать в моей кровати. А ребенок дал бы ей слишком большую власть. Ты что, хочешь, чтобы она заняла твое место?

— У меня нет места.

— Неправда, Сихайя, моя пустынная весна. Почему ты вдруг решила позаботиться об Ирулэн?

— Я забочусь о тебе, а не о ней. Если у нее будет ребенок Атридесов, ее друзья усомнятся в ее верности им. Чем меньше они будут верить ей, тем меньше она принесет им пользы.

— Ее ребенок может повлечь за собой твою смерть, — сказал Пол. — Ты знаешь, какие здесь возможны заговоры, — он повел рукой, повторяя очертания крепости.

— Ты должен иметь наследника! — выдохнула она чуть слышно.

— Ах, вот оно что!

Теперь все ясно: Чани не родила ему наследника, значит, это должен сделать кто-то другой. Почему бы и не Ирулэн? Так рассуждала Чани. И это должно быть сделано при помощи секса, так как по всей Империи действовало строжайшее табу на любые искусственные способы оплодотворения. Чани пришла к этому заключению, руководствуясь естественной логикой Свободных.

Пол в новом свете рассматривал ее лицо. Его он знал лучше, чем свое собственное. Он видел его в экстазе страсти, видел смягченным сном, видел на нем выражение страха, гнева, печали...

Он закрыл глаза и снова мысленно увидел Чани еще юной девушкой — поющей, просыпающейся рядом с ним. В его

воспоминаниях она улыбалась, сначала стыдливо, потом напряженно — как будто хотела бежать из его видений.

У Пола пересохло во рту. На мгновение он ощутил дым опустошенного будущего; Голос из другого видения приказывал ему: освобождайся, освобождайся, освобождайся!.. Его пророческие видения уже очень давно приносили ему картины будущего, обрывки чужих языков. С того самого мгновения, как первое видение посетило его, он вглядывался в будущее, надеясь увидеть там мир.

Конечно, путь существует, он знает это. Не зря видение кричит ему: освобождайся.... освобождайся... освобождайся!

Пол открыл глаза и посмотрел на Чани. Она перестала массировать ему ноги и сидела теперь неподвижно как изваяние, настоящая Свободная! Черты ее лица оставались знакомыми под голубым незхони — шарфом, который она обычно носила в помещении. Но на лице ее застыла непреклонность, древний и чуждый ему образ мыслей. В течение тысячелетий женщины Свободных жили рядом со своими мужьями обязательно в мире и согласии. Сейчас в Чани было что-то от тех женщин.

— Единственного наследника, который мне нужен, дашь мне ты, — сказал Пол.

— Ты видел это? — спросила она, имея в виду его пророческое видение.

Как и много раз до этого, Пол подумал, как трудно объяснить ей сложность видений, бесконечное число временных линий, которые одновременно проходят перед ним. Он вздохнул, представляя себе воду, поднятую из реки в ладонях, струйки, вытекающие сквозь дрожащие пальцы. Как может он рассказать о будущем, утекающем, как эта вода? Слишком много оракулов скрывают от него это будущее.

— Значит, ты не видел, — утвердительно сказала Чани.

Видение будущего, доступное для него путем крайнего напряжения сил, что оно может показать им, кроме горя? Пол чувствовал, что находится в негостеприимной промежуточной зоне, где его чувства качаются и плывут — бесконечно, безостановочно...

Чани укрыла ему ноги и сказала:

— Наследник Дома Атридесов — это не шутка. Не следует полагаться на волю случая, ставить это в зависимость от одной женщины.

«Так могла бы сказать моя мать», — подумал Пол.

Неужели леди Джессика тайно общается с Чани? Его мать, разумеется, встала бы на защиту интересов Дома Атридесов. Такой воспитала ее школа Бене Джессерит. И это остается в ней даже теперь, когда она противостоит воспитавшему ее ордену.

— Ты подслушивала, когда ко мне сегодня приходила Ирулэн, — в его голосе прозвучала суровость.

— Да, — ответила она, не поднимая на него глаз.

Пол вспомнил посещение Ирулэн. Он сидел в семейной комнате. На ткацком станке Чани он заметил незаконченное платье. Комната пропахла едким запахом пустынного червя, злым запахом, почти забивающим запах меланжа. Кто-то пролил жидкий спайс на ковер. Не самое удачное сочетание. Спайс растворил материю ковра. На том месте, где лежал ковер, на пластиковом полу остались масляные следы. Пол уже хотел позвать кого-нибудь, чтобы вытерли пол, но вошла Хара, жена Стилгара и лучшая подруга Чани, и доложила о приходе Ирулэн.

Пол вынужден был принять Ирулэн среди этих острых запахов, будучи не в состоянии преодолеть суеверие Свободных, что злые запахи предотвращают покушение на убийство.

Впустив Ирулэн, Хара вышла.

— Добро пожаловать, — сказал Пол.

На Ирулэн было платье из серой китовой шерсти. Она запахнула его плотнее и поправила волосы. Его мирный тон удивил ее, и заготовленные гневные слова замерли на ее губах.

— Ты пришла сообщить мне, что орден растерял последние остатки морали? — спросил Пол.

— Разве не опасно быть таким злым? — возразила она.

«Злой» и «опасный» — сомнительное сочетание», — подумал Пол. Его опыт ученика Бене Джессерит подсказывал ему, что она едва преодолевает желание уйти. За этим скрывается страх, и он понял, что ей предстоит дело, которое она не вполне одобряет.

— Они слишком многого ожидали от принцессы королевской крови, — сказал он.

Ирулэн застыла на месте, и Пол понял, что она изо всех сил сдерживает себя. «Тяжелая ноша», — подумал он.

Ирулэн мало-помалу расслабилась. Она, видно, решила, что теперь уже нет смысла поддаваться страху и отступать.

— Ты позволил погоде быть очень примитивной, —

сказала она, растирая руки. — Сухо, и сегодня, к тому же, был песчаный шторм. Неужели так никогда и не будет дождя?

— Ты пришла сюда не для разговоров о погоде, — заметил Пол. Он чувствовал, что Ирулэн хочет сказать ему что-то, чего ей не позволяет сделать открыто ее воспитание. Его с самого начала вдруг понесло по течению, и теперь нужно было стараться прибиться к берегу.

— Я должна иметь ребенка! — выпалила она.

Он покачал головой.

— Должна! — упрямо повторила Ирулэн. — И если мне понадобится, я найду отца для своего ребенка — просто наставлю тебе рога. Посмей тогда обвинить меня!

— Изменяй мне сколько тебе угодно, — возразил он, — но никакого ребенка!

— Как ты сможешь мне помешать?

С бесконечно нежной улыбкой он произнес:

— Если понадобится, я тебя задушу.

На мгновение повисло молчание, и Пол почувствовал, что Чани подслушивает за тяжелыми занавесями их личных покоев.

— Я — твоя жена, — прошептала Ирулэн.

— Не будем играть в глупые игры, — ответил он. — Мы оба знаем, кто на самом деле мне жена.

— А я — всего лишь средство? — горько усмехнулась она.

— Мне не хотелось бы быть с тобой грубым.

— Отчего же? Ты выбрал меня как раз для этого.

— Не я, — возразил он. — Тебя выбрала судьба. Твой отец, орден Бене Джессерит, Союз — вот кто сделал этот выбор. А теперь они избрали тебя еще раз. Для чего, Ирулэн?

— Почему я не могу иметь от тебя ребенка?

— Потому что тебя выбрали не для этой роли.

— Мое право дать тебе наследника!.. Мой отец был...

— Твой отец был и остается зверем. Мы оба знаем, что он утратил почти все связи с людьми, которыми должен был править и которых должен был защищать.

— Разве его ненавидели больше, чем тебя? — вспылила она.

— Хороший вопрос, — согласился он. Сардоническая улыбка застыла в уголках его рта.

— Ты говоришь, что не хочешь быть несправедливым со мной, однако...

— Потому я и допускаю возможность твоей измены. Но пойми и ты меня: заводи себе любовников, но не приноси в мой дом плодов своей любви. Я откажусь от такого ребенка.

Я буду на все закрывать глаза, пока ты будешь благоразумна. В подобных обстоятельствах было бы глупо вести себя по другому. Но не злоупотребляй позволением, которое я тебе даю. Поскольку дело касается трона, вопрос о наследнике буду решать только я. Не Бене Джессерит и не Союз. Это одна из тех привилегий, которые я завоевал, разбив легионы сардукаров твоего отца здесь, на равнинах Арракиса.

— Так пусть это падет на твою голову! — сказала Ирулэн и, повернувшись, вышла...

Пол, оторвавшись от воспоминаний, взглянул на Чани, сидевшую в изножье кровати. Он понимал, почему Чани приняла такое решение. В других обстоятельствах Чани и Ирулэн могли бы быть друзьями.

— Что же ты решил? — спросила она.

— Никакого ребенка.

Сложив указательный и большой пальцы правой руки, Чани сделала знак, означающий у Свободных криснож.

— Может дойти и до этого, — согласился Пол.

— Разве ребенок не решил бы проблемы Ирулэн?

— Только глупец может так думать.

— Я не так глупа, любимый.

Его охватил гнев.

— Я никогда этого не говорил. Но мы обсуждаем не какой-нибудь вульгарный ее роман. Там, во дворце, — подлинная принцесса, выросшая среди отвратительных интриг императорского двора. Устраивать заговоры для нее так же естественно, как и писать глупые истории.

— Они не глупые, любимый.

— Вероятно, нет, — он взял себя в руки и коснулся ее плеча. — Прости меня, но эта женщина вся сплетена из интриг. Удовлетвори одно ее требование, и она тут же предъявит другое.

Чани спокойно возразила:

— Разве я не утверждала это много раз?

— Да, конечно. Но что тогда, в сущности, ты хочешь мне сказать?

Она легла рядом с ним, прижавшись головой к его шее.

— Они сговорились, как бороться с тобой, — сказала она. — От Ирулэн так и несет заговором.

Пол погладил ее волосы: наконец-то она сбросила покровы со своей души! В его же душе бушевали неистовые бури. Они свистели сквозь его бытие. Тело его знало то, чего никогда не знало сознание.

— Чани, любимая, — прошептал он, — ты знаешь, что я хочу положить конец джихаду, отделиться от божества, роль которого навязал мне Квизарат?

Она вздрогнула всем телом.

— Тебе стоит только приказать...

— О, нет! Даже если бы я сейчас умер, мое имя все равно повело бы их. Когда я думаю об имени Атридесов, связанном с этой религиозной бойней...

— Но ты Император! Ты...

— Я лишь номинальный вождь. Однажды появившись, так называемое божество лишается власти, — горький смех сотрясал его тело. Он чувствовал, как смотрит на него будущее — смотрит глазами не народившейся еще династии. Он чувствовал, как в страхе гибнет его существо, отвязавшееся от цепи судьбы, — остается только его имя. — Я был избран, — сказал он. — Может быть, при рождении... и, во всяком случае, раньше, чем я начал говорить. Я был избран.

— Тогда откажись от выбора.

Он еще крепче обнял ее за плечи.

— Со временем, любимая. Дай мне немного времени.

Невыплаканные слезы жгли ему глаза.

— Мы должны вернуться в съетч Табр, — сказала Чани. — В этом каменном шатре становится слишком опасно.

Он кивнул, проводя подбородком по гладкой поверхности шарфа, укрывающего ее голову. Успокаивающий запах спайса наполнил его ноздри.

Съетч... Древний смысл проступил в этом слове: место отступления и безопасности... во время опасности. Предложение Чани вызвало у него острый приступ тоски по открытым песчаным просторам, по далеким горизонтам. Где любого врáга видно издалека.

— Племена ждут возвращения Муад Диба, — сказала она, затем подняла голову и посмотрела на него. — Ты принадлежишь нам.

— Я принадлежу провидению, — прошептал он.

Он подумал о джихаде, о генах, смешивающихся во многих парсеках, и о предвидении, которое показало ему, как покончить со всем этим. Должен ли он уплатить цену? Тогда вся ненависть умрет, погаснет, как костер — уголек за угольком. Но... ах! Что за ужасная цена!

«Я никогда не хотел быть Богом, — подумал он. — Я хотел лишь исчезнуть, как исчезает жемчужная роса по утрам. Не хотел быть ни среди ангелов, ни среди дьяволов... один, брошенный, словно по недосмотру».

— Мы вернемся в съетч? — настаивала Чани.

— Да, — прошептал он, а про себя подумал: «Я должен заплатить цену».

Чани тяжело вздохнула, устраиваясь поудобней.

«Я медлю», — подумал он. И увидел, как связывают его требования любви и джихада. Что значит одна жизнь, как бы ты ни любил этого человека, по сравнению со множеством жизней, которые заберет джихад? Можно ли страдания одного противопоставить мучениям миллионов?

— Любимый? — вопросительно произнесла Чани.

Он закрыл ей рот рукой.

«Я сдамся сам, подумал он. — Я попытаюсь, пока у меня еще есть силы, найду щель, через которую не пролететь и птице». Бесполезная мысль, и он это знал. Джихад последует за его тенью.

Что он может ответить? Как объяснить тем, кто обвиняет его в несусветной глупости? Кто поймет?

Он хотел только оглянуться и сказать: «Вот! Вот мир, в котором я существую... Смотрите — я исчезаю! Никакая сеть человеческих желаний больше не поймает меня! Я отрекаюсь от своей религии! Этот великолепный миг — мой! Я свободен!»

Пустые слова.

— Вчера у Защитной стены видели большого червя, — сказала Чани. — Длиннее ста метров. В том районе теперь редко появляются такие большие черви. Я думаю, их прогоняет вода. Говорят, этот червь пришел звать Муад Диба домой, в пустыню, — она ущипнула его. — Не смейся надо мной!

— Я не смеюсь.

Пол, удивленный живучестью мифов Свободных, чувствовал, как сжимается его сердце. Происходит нечто, влияющее на его линию жизни, — адаб, требовательное воспоминание. Он вспомнил свою детскую комнату на Келадане... темную ночь в каменном помещении... видение! Один из самых первых случаев его предвидения. Он чувствовал, как разум его окунается в это видение, видел сквозь затуманенную память (видение в видении) линию Свободных в запыленных одеждах. Они двигались мимо щели в высоких скалах и несли что-то продолговатое, завернутое в ткань.

Пол слышал свой собственный голос в видении: «Много было хорошего... но ты была лучше всех...»

Адаб освободил его.

— Ты лежал так тихо, — прошептала Чани. — Что это было?

Пол вздрогнул, сел и отвернул лицо.

— Ты сердишься, потому что я была на краю пустыни, — сказала Чани.

Он молча покачал головой.

— Я вошла туда, потому что хочу ребенка.

Пол не мог говорить. Он чувствовал, как его захватило это раннее видение. Ужасная цель! Вся жизнь его в этот момент представилась ему веткой, дрожащей после взлета птицы, а эта птица была — возможность. Свободная воля.

«Я уступаю оракулу», — подумал Пол.

И почувствовал, что, уступая, он закрепляется на единственно возможной линии жизни. «Неужели, — подумал он, — оракул не просто предсказывает будущее? Неужели оракул создает его?» Он давным-давно попал в сеть, и теперь ужасное будущее надвигалось на него со своими зияющими челюстями.

В мозгу его вспыхнула аксиома Бене Джессерит: использовать грубую силу — значит, оказаться во власти гораздо более могущественных сил.

— Я знаю, что сердит тебя, — сказала Чани, дотрагиваясь до его руки. — Да, племена возобновили старые обряды и кровавые жертвоприношения, но я в этом не участвовала.

Пол, весь дрожа, сделал глубокий вдох. Поток его видений расширился и превратился в тихую глубокую заводь. Течение же ушло далеко за пределы его досягаемости.

— Я хочу ребенка, — просила Чани, — нашего ребенка. Разве это так много?

Пол погладил ее руку и отодвинулся, потом встал с постели, погасил шары, подошел к балконному окну и откинул занавеси. Прямо перед ним в ночное небо поднималась стена без окон. Пустыня могла вторгаться сюда только своими запахами. Лунный свет падал в сад, освещал деревья, влажную листву. Пол видел пруд, в котором отражались звезды. На мгновение он увидел этот сад глазами Свободного: чуждый, угрожающий, опасный изобилием воды.

Он думал о продавцах воды, исчезнувших после того, как он стал щедро раздавать воду. Они его ненавидят, он убил прошлое. Были и другие, даже те, что сражались за драгоценную воду. Они ненавидели его за то, что он изменил их жизнь. По мере того как, повинуясь приказам Муад Диба,

изменялась биология планеты, усиливалось и сопротивление людей. Разве не самонадеянно, думал он, пытаться взять верх над целой планетой? А если ему это удастся, то его ждет вся Вселенная. А с ней он сможет справиться?

Он резко задернул занавеси и повернулся в темноте к Чани. Ее водные кольца звенели как колокольчики пилигримов. На ощупь он пробрался к ней и встретил протянутые руки.

— Любимый, — прошептала она, — я растревожила тебя?

Руки ее, обнимая его, скрыли видения будущего.

— Не ты... — ответил он. — О... не ты.

«Появление защитного поля и ласгана с их взрывным взаимодействием, смертельным и для нападающего, и для обороняющегося, наложили определенные ограничения на технологию вооружения. Мы не будем вдаваться в особую роль атомного оружия. Тот факт, что любая Семья в моей Империи может так развернуть свое атомное оружие, чтобы уничтожить планетарную базу пятидесяти и более Семейств, действительно вызывает некоторую нервозность. Но все мы располагаем планами развернутых предохранительных мер против опустошения. Союз и Ландсраад удерживают контроль над атомным оружием в своих руках. Нет, меня больше заботит развитие человека как особого типа оружия. Здесь буквально неограниченное поле для изучения, которым пока мало кто занимался».

«Муад Диб: лекция в военном колледже».

Из хроники Стилгара.

Старик стоял в дверях, глядя на пришельца своими синими без белков глазами. В его взгляде застыла подозрительность, которую все жители пустыни проявляют по отношению к чужакам. Глубокие морщины прорезали кожу его лица у рта, там, где начиналась белая борода. На нем не было стилсьюта, и он беспокоился о влаге, уходящей через дверь его жилища.

Скайтейл поклонился и сделал условный знак заговорщиков. Откуда-то изнутри, из-за старика, донеслись стонущие звуки семуты. В старике не чувствовалось пристрастия к наркотику, значит, семута — слабость кого-то другого. Скайтейл не ожидал встретить в таком месте столь утонченный порок.

— Привет издалека, — сказал Скайтейл, улыбаясь плоским лицом, которое он выбрал для этой встречи. Потом ему пришло в голову, что старик может узнать это лицо: некоторые Свободные на Дюне знали Данкана Айдахо. Скайтейл испугался, что выбор внешности, которая вначале показалась ему забавной, может в конце концов оказаться ошибкой. Он не рискнул тут же сменить лицо. Он нервно оглядел улицу. Неужели старик так никогда и не пригласит его внутрь.

— Вы знали моего сына? — спросил старик.

Вот, по крайней мере, одна из условленных фраз. Скайтейл назвал отзыв, все время озираясь вокруг. Ему не нравилась эта позиция. Улица оказалась тупиком, заканчивающимся на этом доме. Все дома вокруг были выстроены для ветеранов джихада. Они образовывали пригород Арракина, тянувшийся до имперского бассейна мимо Таймега. На улицу выходили сплошные стены серовато-коричневого цвета, кое-где прерывающиеся герметическими дверями. На стенах были нацарапаны непристойности. Рядом с дверью, у которой стоял Скайтейл, кто-то нацарапал, что некий Берис вернулся на Арракис с постыдной болезнью, лишившей его мужества.

— С вами пришел еще кто-то? — спросил старик.

— Нет, я один.

Старик откашлялся, все еще пребывая в нерешительности.

Скайтейл напомнил себе: необходимо быть осторожным и терпеливым. Контакты такого рода таили в себе особую опасность. Возможно, у старика были причины вести себя так. Впрочем, час соответствует. Бледное солнце стоит прямо над головой. В это время люди сидят в закрытых домах, самые жаркие часы они проводят в дремоте.

Может, старик опасается нового соседа? Скайтейл знал, что соседний дом предназначался для Отейна, некогда бывшего членом ужасного отряда федайкинов Муад Диба. А с Отейном жил карлик Биджаз.

Скайтейл снова взглянул на старика, отметив пустой левый рукав и отсутствие стильсюта. В старике чувствовалась властность. Он явно не был простым пехотинцем джихада.

— Могу я узнать имя гостя? — спросил он.

Скайтейл еле сдержал вздох облегчения: его в конце концов примут.

— Я — Заал, — ответил он, называя имя, принятое им для этого дела.

— Я — Фарок, — ответил старик. — Я был башаром девятого легиона в джихаде. Это вам о чем-нибудь говорит?

Скайтейл почувствовал вызов в этих словах и сказал:

— Вы родились в съетче Табр, которым руководил Стилгар.

Фарок сделал шаг в сторону.

— Добро пожаловать в мой дом.

Скайтейл прошел мимо него в затененную прихожую. Голубой кирпичный пол, сверкающие панно на стенах. За прихожей находился крытый двор. Через прозрачные фильтры проходил свет, сверкающий, как серебро белых ночей Первой луны. Сзади плотно притворилась уличная дверь.

— Мы были благородными людьми, — говорил Фарок, показывая путь во двор. — Не какие-нибудь оборванцы. Мы не жили тогда в таких домах, как вот этот! У нас был свой съетч в Защитной стене над хребтом Хаббания. Один червь мог отнести нас в Кедом, во внутреннюю пустыню.

— Я с вами согласен! — подхватил Скайтейл, сообразив, что именно привело Фарока к участию в заговоре. Свободный тосковал по прежней жизни и обычаям.

Они вошли во двор.

Скайтейл понял, что Фарок борется с неприязнью к посетителю. Свободные не доверяют тем, у кого нет синих глаз ибада. Недаром Свободные говорят, что глаза чужеземцев видят не то, что нужно.

При их приближении музыка семуты смолкла. Потом послышались звуки девятиструнного бализета — вначале аккорды, потом чистые ноты песни, популярной на мирах Нараджа.

Когда глаза Скайтейла привыкли к свету, он увидел юношу, сидевшего со скрещенными ногами на низком диване под аркой справа. У юноши были пустые глазницы. С необыкновенной проницательностью слепых он начал петь в тот самый момент, когда Скайтейл взглянул на него. Голос у него был высокий и приятный:

Ветер сдул землю,
И небо,
И всех людей!
Что это за ветер?
Деревья не склоняются;
Они пьют там,
Где пили люди.

Я знаю слишком много миров,
Слишком много людей,
Слишком много деревьев,
Слишком много ветров!

Это не были подлинные слова песни, как отметил Скайтейл. Фарок подвел его к арке на противоположной стороне, указал на подушки, разбросанные на черепичном полу, украшенном изображениями морских животных.

— Вот на этой подушке когда-то в съетче сидел Муад Диб, — старик указал на круглую черную подушку. — Теперь она ваша.

— Я у вас в долгу, — ответил Скайтейл, опускаясь на черную подушку. Он улыбнулся: Фарок проявляет мудрость. Он говорит, как верноподданный, даже слушая слова песни со скрытым значением. Кто не знает деспотизма Императора-тирана?

Перемежая свои слова с песней, так, чтобы не нарушить ее ритма, Фарок спросил:

— Музыка моего сына не мешает вам?

Скайтейл прижался спиной к прохладному столбу и указал старику на подушку рядом с собой.

— Я наслаждаюсь музыкой, — сказал он.

— Мой сын потерял глаза при завоевании Нараджа, — сказал Фарок. — Теперь ни одна из наших женщин не пожелает его. Но мне приятно думать, что где-то на Нарадже у меня есть внуки, которых я никогда не увижу. Вы знаете миры Нараджа, Заал?

— В юности я посетил их с труппой лицевых танцоров, — ответил Скайтейл.

— Значит, вы — лицевой танцор? Я удивился вашему лицу. Оно напомнило мне лицо человека, которого я когда-то знал.

— Данкана Айдахо?

— Да, его. Известного мастера меча из приближенных Императора.

— Говорят, он был убит.

— Да, говорят, — согласился старик. — А вы в самом деле мужчина? Я слышал рассказы о лицевых танцорах... — он вздрогнул.

— Мы гермафродиты Джадачи, — ответил Скайтейл. — Принимаем пол по желанию. И в настоящее время я мужчина.

Фарок поджал губы, храня молчание, потом сказал:

— Хотите освежиться? Воды? Охлажденных фруктов?

— С меня довольно беседы, — вежливо отказался Скайтейл.

— Желание гостя — закон, — ответил Фарок, садясь на подушку лицом к Скайтелу.

— Благословен будь Абу д'Дур, Отец бесконечных дорог времени, — сказал Скайтейл. И подумал: «Вот! Я сказал ему, что пришел от рулевого Союза».

— Трижды благословен! — отозвался старик, складывая руки в ритуальном жесте. Старые руки с набухшими венами, отметил гость.

— Предмет, рассматриваемый с удаления, открывает лишь главные принципы своего устройства, — сказал Скайтейл, показывая, что желает говорить об императорской крепости.

— Зло видно с любого расстояния, — сказал Фарок, советуя тем самым отложить обсуждение.

«Почему?» — не понял Скайтейл, но вслух сказал:

— Как ваш сын потерял глаза?

— Защитники Нараджа применили прожигатель камня. Мой сын оказался слишком близко... Проклятая атомная энергия! Даже прожигатель камня должен быть объявлен вне закона.

— Его применение на самой грани закона, — согласился Скайтейл. И подумал: «Нараджский прожигатель камня! Об этом ничего не сообщали. Почему старик заговорил о прожигателе камня?»

— Я предложил ему купить у ваших хозяев с Тлейлакса глаза, — сказал Фарок. — Но в летописях сказано, что глаза, купленные на Тлейлаксе, порабощают своих владельцев. Сын сказал, что эти глаза металлические, а он — из плоти и крови, и что такой союз будет греховен.

— Принципы использования предмета должны соответствовать первоначальным намерениям, — сказал Скайтейл, пытаясь вернуть разговор в нужное ему русло.

Фарок сжал губы.

— Говорите открыто, — сказал он. — Мы должны верить нашему рулевому.

— Вы бывали в императорской крепости? — спросил Скайтейл.

— Я там был в первую годовщину победы над Молитором. В этом каменном здании было холодно, несмотря на лучшие икшианские обогреватели. Предыдущую ночь мы спали на террасе храма Алии. Там растут необыкновенные деревья,

знаете, деревья, привезенные со множества миров. Мы, башары, были одеты в лучшие зеленые костюмы, и наши столы стояли отдельно. Мы слишком много ели и пили. Многое из того, что я видел, вызвало у меня отвращение. Пришли калеки на костылях. Не думаю, что наш Муад Диб знает, сколько людей он искалечил.

— Вы не любите пирушек? — спросил Скайтейл, знавший об оргиях Свободных, которые вызывались спайсовым пивом.

— Это совсем не то, что тау, слияние наших душ в съетчах, — возразил Фарок. — Для развлечения нам дали рабынь, а ветераны рассказывали о своих битвах и ранах.

— Значит, вы были в каменной башне?

— Муад Диб вышел к нам на террасу, — продолжал Фарок, — и провозгласил: «Удачи вам всем!» Разве это не кощунство — использовать приветствие пустыни в таком месте!

— Вы знаете, где размещены его личные апартаменты?

— Глубоко внутри. Где-то в глубине своей крепости. Я слышал, что он и Чани живут, как кочевники в пещере. В Большой зал он выходит лишь для публичных аудиенций. У него есть приемные залы и помещения для официальных встреч, целое крыло отведено для его личной охраны, есть помещения для торжественных церемоний и внутренняя секция связи. Говорят, глубоко под его крепостью держат песчаного червя, окруженного водой. Вода для червя — яд. Там он питает будущее.

«Мифы, перемешанные с фактами», — подумал Скайтейл.

— Правительственный аппарат всюду сопровождает его, — продолжал бормотать Фарок. — Чиновники, адъютанты, адъютанты адъютантов... Он верит только таким, как Стилгар, тем, кто был близок к нему в былые дни.

— Не вам, — констатировал Скайтейл.

— Я думаю, он забыл о моем существовании.

— Как он входит и выходит из крепости?

— Сразу же за внутренней стеной есть небольшая посадочная площадка для топтеров. Я слышал, что Муад Диб никому не позволяет прикасаться там к приборам. Говорят, там нужна предельная точность, любая, даже малейшая ошибка приведет к столкновению со стеной одного из его проклятых садов.

Скайтейл кивнул. Вероятно, это правда. Воздушный путь

в крепость должен хорошо охраняться. А все Атридесы — превосходные пилоты.

— Для передачи сообщений он использует дистранс, — продолжал Фарок. — Волновой транзистор вживляется в мозг человека. И вызывает его действие только голос определенного человека.

Скайтейл пожал плечами. В этом веке все правительства используют дистранс. Никогда нельзя знать, какие препятствия возникнут между посылающим сообщение и адресатом.

— Даже его налоговые чиновники пользуются этим методом, — жаловался Фарок. — А в мое время дистранс помещали только в низших животных.

Информация о годовом доходе должна содержаться в строжайшей тайне, подумал Скайтейл. — Не одно правительство пало из-за того, что народ обнаруживал подлинные источники его доходов.

— Что теперь думают когорты Свободных о джихаде Муад Диба? — спросил Скайтейл. — Возражают ли они против превращения их Императора в Бога?

— Большая их часть вообще не думает об этом, — ответил Фарок. — Другие же думают о джихаде так же, как и я сам. Это — источник приключений и необычайного богатства. Хижина, в которой я живу, — Фарок обвел рукой двор, — обошлась в шестьдесят лидасов спайса. Девяносто контаров! Были времена, когда я и представить себе не мог такого богатства, — он покачал головой.

В противоположном углу двора слепой юноша наигрывал на бализете сентиментальную балладу.

«Девяносто контаров, — подумал Скайтейл. — Действительно, большая сумма. Хижина Фарока на многих других мирах сошла бы за дворец. Но все относительно, даже контары. Знает ли, например, Фарок происхождение этой меры спайса? Знает ли он, что когда-то полтора контара означали груз одного верблюда? Вряд ли. Фарок, должно быть, никогда и не слышал о верблюдах или о Золотом веке на Земле».

В странном соответствии с мелодией бализета Фарок сказал:

— У меня был кришнож, водные кольца на десять литров, копье, которое раньше принадлежало моему отцу, кофейный сервиз, бутылка из красного стекла, такая старая, что никто в съетче и не помнил ее происхождения. У меня была

доля в нашем спайсе, но не было денег. Я был богат и не знал этого. Две жены было у меня: одна умная и любимая мной, другая глупая и упрямая, но с фигурой и лицом ангела. Я был свободным наибом, всадником на червях, хозяином левиафана и песков пустыни.

Юноша продолжал наигрывать мелодию.

— Я знал многое, не думая об этом, — продолжал старик. — Я знал, что глубоко под нашими песками есть вода, удерживаемая там маленькими Создателями. Я знал, что мои предки приносили в жертву Шаи-Хулуду девственницу, пока Льет-Кайнз не прекратил это. Мы неправильно сделали, что прекратили. Я видел жемчуга в пасти червя. У моей души было четверо ворот, и я знал их всех.

Он замолчал, думая о чем-то своем.

— Потом пришел Атридес со своей колдуньей-матерью, — напомнил Скайтейл.

— Потом пришел Атридес, — подхватил Фарок. — Тот, кого мы назвали Узулом в нашем съетче. И он остался среди нас. Наш Муад Диб, наш Махди! И когда он провозгласил джихад, я был среди тех, кто спрашивал: «Зачем мне идти туда сражаться? У меня там нет родичей». Но другие — молодежь, друзья, товарищи моего детства — пошли за ним. Они говорили о колдовской силе спасителя Атридеса. Он сразил нашего врага Харконнена, и Льет-Кайнз, обещавший нам рай на нашей планете, благословил его. Говорили, что Атридес пришел изменить нашу планету и нашу Вселенную, что он подобен цветку, золотому цветку в ночи.

Фарок поднял руки и посмотрел на свои ладони.

— Люди указывали на Первую луну и говорили: «Его душа там». И он был назван Муад Дибом. Я не понимал всего этого.

Темп музыки убыстрился.

— Знаете, почему я записался в Джихад? — старик пристально посмотрел на Скайтейла. — Я слышал, что существует нечто, называемое морем. Трудно поверить в море, проведя всю жизнь среди дюн. У нас нет морей. Народ Дюны никогда не знал моря. Мы собирали воду для Великого изменения, которое Муад Диб принес одним мановением руки. Я мог представить себе канал, воду, текущую среди песков, хоть и с трудом. Я мог вообразить даже реку. Но море?!

Фарок взглянул на прозрачный купол своего двора, как бы пытаясь проникнуть во Вселенную за ним.

— Море... — негромко повторил он. — Это было за пределами моего воображения. Однако люди, которых я знал, говорили, что видели это чудо. Я думал, что они лгут, но хотел проверить это сам. Вот почему я записался в Джихад.

Послышался громкий заключительный аккорд бализета, и юноша начал новую песню со странным, волнообразным ритмом.

— Вы нашли ваше море? — спросил Скайтейл.

Старик молчал, и Скайтейл подумал, что Фарок не расслышал вопроса. Музыка бализета поднималась и опускалась, как морской прибой. Фарок дышал в унисон.

— Был закат, — внезапно заговорил Фарок, — такой закат мог бы быть написан одним из древних художников: красный, цвета моей бутылки, палевый, как жидкое золото... Это было на планете Энфейл, где я вел свой легион к победе. Мы спустились с гор по узкой тропе. Воздух был напоен влагой, и я с трудом мог дышать. И вот подо мной оказалось то, о чем говорили мои друзья: вода без конца и без края. Мы спустились к ней. Я вошел в воду и начал ее пить. Вода была горько-соленая. Чувство удивления перед этим чудом не покидает меня с тех пор...

Скайтейл почувствовал, что разделяет благоговейный страх старого Свободного.

— Я погрузился в море, — продолжал Фарок, глядя на изображенных на полу морских зверей. — В воду погрузился один человек, а вышел из нее совсем другой. И я почувствовал, что могу вспомнить прошлое, которого никогда не было. Я смотрел вокруг себя глазами, которые могли вобрать в себя абсолютно все: плавающий в воде труп убитого нами защитника планеты, торчащий из воды обломок дерева с обгоревшим концом... И сейчас, закрыв глаза, я вижу это почерневшее бревно, обрывок веревки, плавающий в воде, желтую тряпку, рваную и грязную... Я смотрел на все это и понимал, зачем оно оказалось здесь: чтобы я мог это увидеть.

Фарок медленно повернулся и посмотрел в глаза Скайтейлу.

— Вселенная не кончается, — сказал он.

«Хоть болтлив, но глубокомыслен», — подумал Скайтейл и сказал:

— Я вижу, это произвело на вас большое впечатление.

— Вы — тлейлаксу, — отозвался Фарок. — Вы видели много морей. Я видел лишь одно, но я знаю о море то, чего вы не знаете.

Скайтейл почувствовал, что его охватывает странное беспокойство.

— Мать Хаоса родилась в море, — сказал Фарок. — Квизара Тафвид стоял поблизости, когда я вышел из воды. Он не входил в море. Он стоял на песке, на влажном песке, с несколькими моими людьми, которые разделяли его страх. Он смотрел на меня и видел, что я познал недоступное для него. Я стал морским созданием, пугающим его. Море излечило меня от джихада, и, я думаю, он понял это.

Внезапно Скайтейл отметил, что во время этого рассказа музыка прекратилась. Его беспокоило, что он не мог точно определить момент, когда это произошло.

Будто продолжая свою невысказанную мысль, Фарок вдруг проговорил:

— Каждый вход строго охраняется. В крепость Императора нет доступа.

— В этом ее слабость, — сказал Скайтейл.

Фарок вытянул шею, вглядываясь в него.

— Доступ есть, — пояснил Скайтейл. — Если большинство людей — я надеюсь, Император входит в их число, — думают иначе, в этом и заключается наше преимущество, — он потер лицо, ощущая несоответствие избранной им внешности. Молчание музыканта его тревожило. Означало ли это, что сын Фарока закончил передачу? Разумеется, это был естественный способ сообщения, сжатого и переданного с музыкой. Оно теперь запечатлено в нервной системе Скайтейла и в нужный момент будет выдано благодаря дистрансу, вживленному в кору его головного мозга. Если сообщение передано, он стал вместилищем новых сведений, сосудом, заполненным данными: все звенья заговора на Арракисе, имена, условные фразы — словом, вся жизненно важная информация.

— У нас здесь женщина, — сказал Фарок. — Хотите увидеть ее?

— Я ее видел, — ответил Скайтейл. — Я ее очень внимательно изучил. Где она?

Фарок щелкнул пальцами.

Юноша взял инструмент, наложил на него смычок. Зазвучала воющая музыка семуты. И как будто привлеченная этими звуками, из двери позади музыканта появилась молодая женщина в голубом платье. Наркотическая тупость заполняла ее абсолютно синие глаза. Свободная, привыкшая к спайсу, а теперь захваченная чужеземным пороком. Слу-

шая музыку семуты, она ни в чем не отдавала себе отчета.

— Дочь Отейна, — сказал Фарок. — Мой сын дает ей наркотик, надеясь, несмотря на свою слепоту, получить женщину своего племени. Как видите, это напрасная победа: семута захватила все, что он мог приобрести.

— Знает ли об этом ее отец? — спросил Скайтейл.

— Она и сама не знает. Мой сын снабжает ее ложными воспоминаниями, которыми она объясняет свои посещения. Она считает, что любит его. Так думает и ее семья. Ее родные сердятся, так как он калека, но не хотят вмешиваться.

Музыка снова прекратилась.

По сигналу музыканта девушка села рядом с ним, наклонилась и слушала, что он ей шепчет.

— Что вы с ней сделаете? — спросил Фарок.

Скайтейл еще раз осмотрелся.

— Кто еще есть в доме? — спросил он.

— Больше никого, — ответил Фарок. — Вы не ответили, что собираетесь сделать с этой женщиной. Мой сын хочет знать.

Как бы собираясь ответить, Скайтейл протянул правую руку. Из рукава высунулась сверкающая игла и погрузилась в шею Фарока. Не было ни вскрика, ни даже изменения позы. Через минуту старику предстояло умереть, а сейчас он сидел неподвижно, парализованный ядом.

Скайтейл неторопливо встал и подошел к слепому музыканту. Тот продолжал что-то нашептывать девушке, когда и его коснулась игла.

Скайтейл изменил свою внешность и взял девушку за руку.

— Что, Фарок? — спросила она.

— Мой сын устал и хочет отдохнуть, — ответил Скайтейл. — Идем. Ты должна вернуться домой.

— Мы так хорошо говорили, — сказала девушка. — Мне кажется, я убедила взять его глаза тлейлаксу. Тогда он снова станет мужчиной.

— Разве я не говорил это уже неоднократно? — спросил Скайтейл, подталкивая ее во внутреннее помещение.

Он с гордостью отметил, что голос точно соответствовал новым чертам лица: это был голос старого Свободного, который уже был мертв.

Скайтейл вздохнул. «Я сделал это не без сожаления, — подумал он, — и жертвы, бесспорно, знали об опасности».

Теперь ему предстояло заняться девушкой.

«Империя не испытывает отсутствия цели во время своего создания. Лишь когда она утверждается, цель утрачивается и заменяется ритуалом».

«Изречения Муад Диба» принцессы Ирулэн.

Алия понимала, что предстоящее собрание Имперского Совета будет напряженным. Она чувствовала растущее противостояние во всем: в том, что Ирулэн не смотрит на Чани, как нервно Стилгар перебирает бумаги, как хмурится идол, глядя на Корбу.

Она сидела в самом конце золотого стола Совета и видела в балконное окно пыльный свет полудня.

Корба, замолчавший, когда она вошла, продолжал разговор с Полом:

— Я хочу сказать, милорд, что сейчас не так много богов, как было раньше.

Алия рассмеялась, откинув назад голову. От резкого движения черный капюшон ее абы упал, открывая синие, без белков, «спайсовые» глаза, овальное, как у матери, лицо под шапкой бронзовых волос, маленький нос, широкий, благородного рисунка, рот.

Щеки Корбы приобрели цвет его оранжевого одеяния. Он посмотрел на Алию — разгневанный лысый гном, кипящий негодованием.

— Вы знаете, что говорят о вашем брате? — спросил он.

— Я знаю, что говорят о вашем Квизарате, — парировала Алия. — Вы не боги, вы шпионы богов.

Посрамленный Корба взглянул на Императора, ища поддержки. Так как тот промолчал, Корба обиженно произнес:

— Мы действуем по предписанию Муад Диба, чтобы он знал правду о своем народе, и чтобы народ знал правду о нем.

— Шпионы, — повторила Алия.

Корба оскорбленно поджал губы.

Пол взглянул на сестру, удивляясь, почему она провоцирует Корбу. И вдруг увидел, что Алия превратилась в женщину, прекрасную в своей юной невинности. Он удивился, что до сих пор не замечал этого. Ей скоро будет шестнадцать, этой Преподобной Матери — без материнства, девственной жрице, объекту безмолвного поклонения суеверных масс — Алии Нож.

— Сейчас не время для легкомысленных замечаний твоей сестры, — сказала Ирулэн.

Не обращая на нее внимания, Пол кивнул Корбе:

— Площадь полна пилигримов. Иди и возглавь их моления.

— Но они ожидают вас, милорд, — возразил Корба.

— Ну, в таком случае, надень свой тюрбан, — ответил Пол. — На таком расстоянии они не разглядят.

Ирулэн, раздраженная тем, что на нее не обращают внимания, следила, как Корба встает, чтобы выполнить приказ. У нее внезапно появилась тревожная мысль, что Адрик не сумел скрыть ее действия от Алии. «Что мы, в сущности, знаем об его сестре?» — подумала она.

Чани, плотно сцепив руки на коленях, взглянула через стол на Стилгара, своего дядю и государственного секретаря Пола. «Не тоскует ли старый Свободный наиб о простой жизни в пустынном съетче?» — подумала она. Чани отметила, что черные волосы Стилгара уже посеребрила седина, но глаза под густыми бровями оставались по-прежнему зоркими. У него был орлиный взгляд дикаря, а в бороде до сих пор еще виднелся след от трубки стилсьюта.

Нервничая под пристальным взглядом Чани, Стилгар осмотрел зал заседания Совета. Его взгляд упал на балконное окно и на Корбу, стоявшего на балконе. Тот поднял вытянутые для благословения руки, и лучи полуденного солнца образовали красное гало в окне за ним. На мгновение Стилгару показалось, что Квизара двора распят на огненном колесе. Корба опустил руки, уничтожая иллюзию, но Стилгар был потрясен ею. Мысли его в гневном раздражении обратились к льстивым просителям, ожидавшим в зале аудиенций, и к неистовой помпе, окружающей трон Муад Диба.

Гул отдаленной толпы ворвался в комнату с возвращением Корбы. Балконная дверь за ним плотно закрылась, отрезая внешний шум.

Взгляд Пола следовал за Квизарой. Корба с непроницаемым лицом и глазами, остекленевшими от фанатизма, занял свое место слева от него. Он наслаждался мгновением религиозной власти.

— Дух проснулся... — проговорил он.

— И слава Богу, — насмешливо вставила Алия.

Губы Корбы побелели от гнева.

И снова Пол с удивлением посмотрел на сестру, не понимая мотивов ее поведения. И сказал себе, что за внешне невинным видом скрывается какая-то хитрость. У нее та же

генетическая программа Бене Джессерит, что и у него. Что произвела в ней генетика Квизац Садераха? Всегда существовала нераскрытая разница между ними: она была еще зародышем в чреве матери, когда та приняла большую дозу сырого ядовитого меланжа. Мать и еще нерожденная дочь одновременно стали Преподобными Матерями. Но одновременность не означает идентичность.

Алия говорила, что в одно ужасное мгновение в ней проснулось осознание того, что ее память поглотила бесчисленные жизни других.

— Я стала своей матерью и всеми остальными, — говорила она. — Я была еще несформировавшейся, нерожденной, когда уже стала старухой.

Чувствуя, что Пол думает о ней, Алия улыбнулась ему. Выражение его лица смягчилось. «Как можно реагировать на все иначе, как не с циничным юмором? — спросил себя Пол. — Что может быть отвратительнее, чем беспощадный командос, преобразившийся в ханжеского жреца?»

Стилгар зашелестел бумагами.

— Если будет позволено, — начал он, — есть несколько срочных и неприятных дел.

— Тупайлский договор? — спросил Пол.

— Союз настаивает, чтобы мы подписали договор, не зная точного состава Тупайлской Антанты. Он пользуется поддержкой делегатов Ландсраада.

— Какие меры вы приняли? — спросила Ирулэн.

— Меры, предложенные Императором, — в сжатом, формальном ответе Стилгара звучало явно выраженное неодобрительное отношение к принцессе-супруге.

— Мой господин и супруг! — Ирулэн обратилась к Полу, привлекая к себе его внимание.

«Подчеркивать в присутствии Чани разницу в титулах — признак слабости», — подумал Пол. В такие мгновения он разделял открытую неприязнь Стилгара к Ирулэн, но осторожность сдерживала его чувства. Что такое Ирулэн? Всего лишь пешка Бене Джессерит.

— Да? — сказал Пол вслух.

Ирулэн посмотрела на него.

— Если ты задержишь их меланж...

Чани покачала головой, не соглашаясь заранее.

— Мы действуем осторожно, — сказал Пол. — Тупайл остается священным местом для побежденных Великих Домов. Он символизирует для них последний рубеж, послед-

нее прибежище для наших вассалов. Если они откроют эту святыню, она станет легко уязвимой.

— Если они прячут людей, то вполне могут прятать и кое-что другое, — проворчал Стилгар. — Армию, например, или начало собственного производства меланжа.

— Не следует загонять людей в угол, — сказала Алия, — если хотите, чтобы они оставались покорными и мирными, — она с грустью заметила, что позволила вовлечь себя в спор, как и предвидела.

— Значит, десять лет торговли ни к чему не привели, — сказала Ирулэн.

— Ни одно из действий моего брата не проходит зря, — возразила Алия.

Ирулэн сжала перо так, что у нее побелели пальцы. Пол видел, как она гасит свои эмоции по методу Бене Джессерит: устремленный внутрь взгляд, глубокое дыхание. Он почти слышал, как она повторяет молитву. Вскоре она заметила почти спокойно:

— Что же мы выиграли?

— Мы вывели Союз из равновесия, — ответила Чани.

— Мы хотим избежать открытой конфронтации с нашими врагами, — сказала Алия. — И у нас нет особого желания убивать их. И так уж достаточно крови льется под знаменами Атридесов.

«Она тоже чувствует это, — подумал Пол. — Не странно ли, что обе они испытывают одинаково непреодолимое чувство ответственности за эту раздираемую ссорами, поклоняющуюся идолам Вселенную с ее дикими порывами, сменяющимися стремлением к спокойствию. Должны ли мы защищать их от самих себя? — думал он. — Они играют с ничем — играют пустыми жизнями, пустыми словами». Горло у него пересохло. Сколько он за это время утратил? Каких сыновей? Какие сны? Стоят ли такой цены его видения? Кто спросит об этом будущие поколения, кто обратится к ним со словами: «Если бы не Муад Диб, вас бы здесь не было!»

— Задержка их меланжа ничего не решит, — сказала Чани. — Рулевые Союза потеряют способность видеть пространственно-временные линии. Твои Сестры из Бене Джессерит утратят свое чувство правды. Многие люди умрут преждевременной смертью. Разорвутся связи. Кто будет виноват во всем этом?

— Они не доведут до этого, — сказала Ирулэн.

— Отчего же? — спросила Чани. — Кто обвинит Союз? Он беспомощен и продемонстрирует это.

— Мы подпишем договор в его теперешнем виде, — сказал Пол.

— Милорд, — вмешался Стилгар, разглядывая свои руки, — все мы думаем об одном и том же.

— О чем же?

— Вы обладаете определенными... способностями. Не могли бы вы определить местонахождение Антанты вопреки Союзу?

«Способности! — подумал Пол. — Стилгар не может просто сказать: «Вы обладаете даром предвидения. Так уловите линию будущего, которая ведет к Тупайлу».

Пол посмотрел на золотую поверхность стола. Всегда одна и та же проблема: как объяснить пределы необъяснимого? Должен ли он говорить о дроблении, о делении на осколки — естественной судьбе любого государства? Как объяснить тем, кто никогда этого не испытывал, что видение не показывает единственно возможного будущего?

Он взглянул на Алию и увидел, что та смотрит на Ирулэн. Алия уловила его взгляд, посмотрела на него и многозначительно кивнула в сторону невестки. Конечно, любое принятое сегодня решение будет отражено в одном из сообщений Ирулэн для Бене Джессерит. Орден никогда не прекратит поиски своего Квизац Садераха.

Впрочем, Стилгар ждет ответа. Да и Ирулэн тоже.

— Предвидение повинуется естественным законам, — сказал Пол. — Одинаково справедливо будет утверждать, что небо говорит с нами, и что человек действует в соответствии, может быть, со своей природой. Другими словами, предвидения включаются в естественную последовательность событий настоящего. Они выступают в обличии естественных законов. Знает ли щепка, брошенная в поток, куда ее несет течение? В оракуле нет ни причины, ни следствия. Причины становятся случаями, они переплетаются друг с другом в местах, где встречаются течения. Принимая предвидение, вы вступаете в противоречие с разумом. Поэтому ваше интеллектуальное сознание отрицает предвидение. Тем самым, в своем отрицании интеллект становится частью процесса и подчиняется ему.

— Вы не можете этого сделать? — спросил Стилгар.

— Когда я ищу Тупайл с помощью предвидения, — Пол обращался непосредственно к Ирулэн, — я тем самым прячу его.

— Хаос! — возразила Ирулэн. — В этом нет... последовательности.

— Я сказал, что предвидение подчиняется законам природы.

— Значит, существует предел твоего предвидения и твоей власти? — не унималась Ирулэн.

Прежде чем Пол успел ответить, вмешалась Алия:

— Дорогая Ирулэн, предвидение не имеет пределов. Ты говоришь, нет последовательности? Последовательность — обязательное условие существования Вселенной.

— Но он сказал...

— Как может мой брат дать исчерпывающую информацию о пределах того, что не имеет пределов? Разум просто не в состоянии это постичь.

«Зря Алия так сказала, — подумал Пол. — Теперь Ирулэн встревожится». Взгляд Пола перешел на Корбу, который сидел в позе религиозного поклонения, — слушал душой. Какие выводы сделает Квизара из этого разговора? Больше религиозных чудес? Что-нибудь, стимулирующее благоговейный страх? Несомненно.

— Значит, вы подпишите договор в его теперешнем виде? — переспросил Стилгар.

Пол улыбнулся. Вопрос о предвидении, по мнению Стилгара, исчерпан.

Стилгар нацелен только на победу, а не на постижение истины. Мир, справедливость и разумный подход — вот на чем основана вселенная Стилгара. Ему нужно нечто осязаемое и реальное, в данном случае — подпись на договоре.

— Я подпишу его, — сказал Пол.

Стилгар взял новую папку.

— Последние донесения наших полевых командиров из Икшианского сектора говорят об агитации за конституцию, — старый Свободный взглянул на Чани, которая пожала плечами.

Ирулэн, сидевшая с закрытыми глазами, прижав руки ко лбу, сосредоточившаяся на запоминания, открыла глаза и внимательно посмотрела на Пола.

— Икшианская конференция начинает кампанию неповиновения, — говорил Стилгар. — Их торговцы протестуют против ставок имперского налога, который они...

— Они хотят ограничить мою власть, власть Императора, — сказал Пол. — Кто будет править мною: Ландсраад или КХОАМ?

Стилгар достал из папки лист самоуничтожающейся бумаги.

— Один из наших агентов прислал этот меморандум о встречах меньшинства КХОАМ, — он ровным голосом начал читать расшифрованный текст: «Попытка трона захватить монопольную власть должна быть пресечена. Мы должны рассказать правду об Атридесе. О его манипуляциях, прикрытых тройным обманом: законотворчество Ландсраада, религиозная война и деятельность бюрократических учреждений». Он положил лист обратно в папку.

— Конституция... — пробормотала про себя Чани.

Пол посмотрел на нее, потом снова на Стилгара. «Итак, джихад агонизирует, — подумал он, — но недостаточно быстро, чтобы спасти меня». Эта мысль вызвала в нем эмоциональное напряжение. Пол вспомнил свои ранние видения будущего джихада, ужас и отвращение, вызванные им. Теперь, конечно, он видел гораздо более страшные ужасы. Он постоянно жил в обстановке ужасов. Он видел, как Свободные, наделенные мистической силой, сметали перед собой все в религиозной войне. Джихад приобретал новую перспективу. Конечно, он ограничен в сравнении с вечностью, но в нем заключены ужасы, превосходящие все прежние.

— «И все это — моим именем», — подумал он.

— Возможно, им следует дать что-то вроде конституции, — предложила Чани. — Она совсем не обязательно должна быть действенной.

— Обман — орудие власти, — согласилась Ирулэн.

— У государственной власти есть пределы, и те, кто полагается на конституцию, рано или поздно это обнаруживают, — сказал Пол.

Корба вышел из своей почтительной позы.

— Милорд!

— Да? — Пол повернулся к нему, успев подумать: «Вот кто скрывает тайные симпатии к мифической власти закона».

— Можно начать с религиозной конституции, — заговорил Корба, — предназначенной для верующих, для тех, кто...

— Нет! — отрезал Пол. — Мы обязаны оформить это как приказы Совета. Ты записываешь, Ирулэн?

— Да, милорд, — ответила Ирулэн враждебным тоном: ей не нравилась отведенная ей второстепенная роль.

— Конституции превращаются в тиранию, — начал диктовать Пол. — Они организуют власть в таких масштабах,

которые должны быть превзойдены. В конституции нет предвидения. Она сокрушает и сильных, и слабых — она отрицает индивидуальность. У нее нет ограничений, и, значит, есть внутренняя нестабильность. У меня, однако, такие ограничения есть. И в своем стремлении защитить свой народ я запрещаю конституцию. Приказ Совета, сегодняшнее число, и так далее, и тому подобное.

— А как насчет беспокойства икшианцев о налогах, милорд? — спросил Стилгар.

Пол заставил себя оторваться от сердитого лица Корбы и спросил:

— Что ты предлагаешь, Стил?

— Мы должны контролировать налоги.

— Наша цена Союзу за мою подпись под Тупайлским договором, — сказал Пол, — принятие икшианской конфедерацией наших налоговых ставок. Конфедерация не может торговать без транспорта Союза. Она заплатит.

— Хорошо, милорд, — Стилгар взял еще одну папку и откашлялся. — Сообщение Квизарата с Салузы Второй. Отец Ирулэн начал маневры десанта своих легионеров.

— Ирулэн, — сказал Пол. — Ты продолжаешь утверждать, что легион твоего отца — всего лишь забава?

— Что он может сделать с одним легионом? — спросила она, глядя на него бегающими глазами.

— Он может добиться, что его убьют, — сказала Чани.

— А обвинят меня, — подхватил Пол.

— Я знаю немало командиров джихада, — сказала Алия, — которые, узнав о его маневрах, тут же нападут на него.

— Но это лишь полицейские силы, — возразила Ирулэн.

— В таком случае им совершенно не нужны посадочные учения, — заметил Пол. — Я хочу, чтобы в следующем письме отцу ты четко и откровенно изложила ему мои взгляды по этому деликатному вопросу.

Она опустила глаза.

— Да, милорд. Я надеюсь, этим все кончится. Мой отец не должен стать жертвой.

— А моя сестра, — сказал Пол, — не будет ничего сообщать упомянутым ею командирам, если только я не попрошу ее об этом.

— Нападение на моего отца возможно не только из соображений безопасности, — сказала Ирулэн. — Люди начинают оглядываться на его правление с явной ностальгией.

— Однажды ты зайдешь слишком далеко, — бесстрастным голосом, выдававшим холодное бешенство Свободной, сказала Чани.

— Хватит! — приказал Пол.

Он знал, что в словах Ирулэн содержится доля истины. Ирулэн еще раз доказала ему свою полезность.

— Орден Бене Джессерит прислал официальный запрос, — сказал Стилгар, доставая очередную бумагу. — Они хотят проконсультировать вас относительно сохранения вашей генетической линии.

Чани взглянула на папку так, будто в ней содержалось смертоносное оружие.

— Пошлите ордену обычные извинения, — сказал Пол.

— Правильно ли это будет? — вмешалась Ирулэн.

— Возможно... пришло время обсудить этот вопрос, — сказала Чани.

Пол резко тряхнул головой. Они не знают, что это часть цены, которую он еще не решился заплатить.

Но Чани было не так просто остановить.

— Я посетила Стену молитв в съетче Табр, где родилась, — проговорила она. — Меня осматривали доктора. Я сошла в пустыне и послала свои мольбы в ее глубину, где живет Шаи-Хулуд. И все же... — она пожала плечами. — Ничего не выходит.

«Наука и суеверие — все против нее, — подумал Пол. — Может, и я с ними заодно — ведь я сказал ей, что означает для нее рождение наследника Атридесов?» Он увидел выражение жалости в глазах Алии. Сама мысль о жалости со стороны сестры возмутила его. Неужели она тоже видела ужасное будущее?

— Милорд должен сознавать опасности, которым подвергается его трон, пока нет наследника, — сказала Ирулэн, используя убежденность тона, вкрадчивость интонации, усвоенную у Бене Джессерит. — Такие проблемы, естественно, трудно обсуждать, но тем не менее их необходимо вывести на открытое обсуждение. Император больше чем человек. Он возглавляет государство. Если он умрет без наследника, начнется гражданская война. Из любви к своему народу он не должен допустить этого.

Пол оттолкнулся от стола и прошел к балконному окну. Ветер разгонял дымы города. Небо темного серебристо-голубого цвета затуманилось вечерней пылью с Защитной стены. Пол смотрел на юг, на стену, прикрывающую его

город от кориолисовых ветров, и думал, где ему найти такую защиту для собственного мозга.

Совет молча ждал, все чувствовали, как близок он к вспышке гнева.

Пол ощутил, как на него обрушивается время. Он пытался успокоиться, найти равновесие, чтобы сформировать новое будущее.

«Освобождайся... Освобождайся... Освобождайся!» — подумал он. Что, если взять Чани и уйти, поискать убежища на Тупайле? Останется его имя. Джихад примет новые, еще более ужасные формы. И в этом тоже обвинят его. Он понял с внезапным испугом, что любой новый ход может уничтожить самое дорогое для него, что изданный им самый слабый звук вызовет крушение Вселенной.

Внизу, под ним, площадь превратилась в лагерь пилигримов в бело-зеленых одеждах хаджжа. Они двигались за проводником как огромная змея. Пол подумал, что уже сейчас его приемный зал забит просителями. Пилигримы! Их поклонение стало источником богатства Империи. Хаджж заполняет космические пути ордами пилигримов, а они все идут, идут и идут.

«Неужели это я привел их в движение?» — подумал он.

Конечно, все сдвинулось само собой. Столетиями складывался генный рисунок, который привел к такому результату.

Влекомые глубочайшими религиозными инстинктами, люди приходят в поисках воскресения. Паломничество заканчивается здесь... на Арракисе, в месте воскресения, в месте смерти.

Свободные говорили, что пилигримы ищут воду. А что на самом деле они ищут? Они говорят, что пришли в Святое место. Но они должны знать, что во Вселенной нет рая и нет Тупайла для души. Они говорят, что Арракис — место, где разгадываются все загадки. Здесь связь между этой Вселенной и следующей. И самое пугающее, что они уходят удовлетворенные.

«Что они находят здесь?» — подумал Пол.

Часто в своем религиозном экстазе они наполняют улицы криками, будто птицы в птичнике. Свободные так и зовут их — «перелетные птицы». А те немногие, которые умирают здесь, называются «крылатые души».

Пол со вздохом подумал, что каждая новая планета, завоеванная его легионами, поставляет новые массы пилиг-

римов. Они приходят в знак благодарности за «мир Муад Диба».

Он чувствовал, как некая его часть лежит неподвижно, погруженная в бесконечную морозную тьму. Его способность к предвидению изменила Вселенную человечества. Он потряс космос и заменил безопасность джихадом. Он одержал победу над Вселенной людей, но что-то ему подсказывало, что эта Вселенная по-прежнему избегает его.

Эта планета под ним, планета, превратившаяся по его воле из пустыни в богатый водой край, она живая. У нее пульс как у человека. Она борется с ним, сопротивляется, ускользает от него.

Кто-то взял его за руку. Обернувшись, он увидел Чани. В ее глазах была тревога. Она тихонько произнесла:

— Любимый, не надо бороться с собой.

Волна ее чувства поддержала его.

— Сихайя, — прошептал он.

— Нам нужно вернуться в пустыню, — негромко сказала она.

Он сжал ее руку и вернулся к столу, но не сел.

Чани заняла свое место.

Ирулэн, поджав губы, смотрела на бумаги, лежащие перед Стилгаром.

— Ирулэн предлагает себя в качестве матери наследника Императора, — сказал Пол. Он взглянул на Чани, потом снова на Ирулэн, которая избегала встречаться с ним взглядом. — Все мы знаем, что она не любит меня.

Ирулэн застыла будто изваяние.

— Мне известны политические аргументы, — продолжал Пол. — Но меня интересуют человеческие доводы. Если бы принцесса-супруга поступала так не по приказу Бене Джессерит, если бы она не искала личной власти, мой ответ мог бы быть иным. А в нынешних обстоятельствах я отвергаю это предложение.

Ирулэн вздохнула, глубоко потрясенная его словами.

Садясь на место, Пол подумал, что никогда не видел Ирулэн в таком состоянии, как сейчас. Наклонившись к ней, он сказал:

— Прости, Ирулэн.

Она вздернула подбородок, в глазах ее сверкнула ярость.

— Мне не нужна твоя жалость! — прошипела она. И, повернувшись к Стилгару, спросила:

— Есть еще срочные дела?

Глядя прямо на Пола, Стилгар ответил:

— Еще одно дело, милорд. Союз предлагает прислать сюда, на Арракис, своего посла.

— Одно из существ глубокого космоса? — спросил Корба тоном крайнего омерзения.

— Вероятно, — кивнул Стилгар.

— Это нуждается в тщательном обсуждении, — предостерег Корба. — Совету наибов это не понравится. Представитель Союза здесь, на Арракисе! Он осквернит землю, которой коснется его нога.

— Они живут в баках и не касаются земли, — возразил Пол чуть раздраженно.

— Наибы могут взять это дело в свои руки, милорд, — предложил Корба.

Пол взглянул на него.

— В конце концов, они — Свободные, милорд, — настаивал Корба. — Мы помним, как Союз привел сюда угнетателей. Мы помним, как Союз похищал наш меланж...

— Хватит! — вскричал Пол. — Ты думаешь, я забыл об этом?

Корба что-то пробормотал, неразборчиво, будто спросонья. Потом сказал:

— Простите, милорд. Я не хотел сказать, что вы не Свободный. Я не...

— Пусть присылают своего рулевого, — решил Пол. — Вряд ли он сунется сюда, если предвидит опасность.

С искаженным от ужаса лицом Ирулэн внезапно спросила:

— Ты видел... приезд сюда рулевого?

— Конечно, я не «видел приезд рулевого», — передразнил ее Пол. — Пусть едет, если ему это угодно. Возможно, он нам пригодится.

— Да будет так, — сказал Стилгар.

А Ирулэн, прикрывая рукой торжествующую улыбку, думала: «Император не видел рулевого. Наш заговор не раскрыт».

«Снова начинается драма».

Слова, произнесенные Императором Полом Муад Дибом при восхождении на Львиный трон.

Сквозь тайное окошко Алия всматривалась в большой приемный зал, ожидая появления посла Союза со свитой.

Яркий серебристый свет полудня врывался в окна, освещая голубой с зеленым пол, имитировавший заболоченный залив с водяными растениями. Тут и там вспышка экзотического цвета символизировала птицу или животное.

Свита посла двигалась по расписанным плитам пола, точно охотники, преследующие дичь в неких экзотических джунглях.

Сопровождающие образовали подвижную картину из серых, черных и оранжевых одеяний, расположенных в произвольном, на посторонний взгляд, порядке. Свита окружала прозрачный бак, внутри которого плавал в облаках оранжевого газа посол-рулевой. Бак скользил, поддерживаемый суспензерным полем; два помощника в сером вели его на буксире, точно корабль, заводимый в док.

Прямо под тем местом, где находилась Алия, на Львином троне, установленном на возвышении, сидел Пол. На нем была корона с изображением рыбы и кулака и унизанная драгоценными камнями мантия; мерцание защитного силового поля окружало его. На возвышении и на ведущих к нему ступенях расположились в два ряда охранники. Стилгар стоял в двух шагах от трона. Он был в белой одежде, перепоясанный желтым шнуром.

Чувство родственного единения говорило Алии, что Пол испытывает сейчас то же потрясение, что и она сама, хотя вряд ли это было заметно кому-нибудь другому. Взгляд Пола был устремлен на одетого в оранжевое члена свиты, чьи металлические глаза не мигая смотрели прямо. Этот помощник шел у правого угла бака посла, как верховой стражник, сопровождающий экипаж. Шапка черных курчавых волос, плоское лицо, сложение, которое позволяло разглядеть оранжевое одеяние, — все в нем, даже мельчайший жест, говорило и кричало о сходстве.

Это был Данкан Айдахо. Этого не могло быть, и все же это был он.

Алия мгновенно узнала его, узнала памятью матери. Она знала, что Пол смотрит на него из глубины своего личного опыта, благодарности и юношеского восхищения.

Это был Данкан.

Алия вздрогнула. Вывод мог быть только один — это гхола, существо, воссозданное на Тлейлаксе из мертвой плоти оригинала.

Оригинал погиб, спасая Пола. А этот его двойник вышел из аксолотлиевых баков Тлейлакса.

Гхола шел походкой искусного фехтовальщика. Он остановился, когда бак посла замер в десяти шагах от ступеней.

Благодаря методу Бене Джессерит, от которого не могла избавиться, Алия прочла беспокойство Пола. Он больше не смотрел на фигуру из своего прошлого. Но все его существо смотрело, не глядя. Преодолевая судорожный спазм, Пол обратился к послу Союза:

— Мне сообщили, что вас зовут Адрик. Мы приветствуем вас, Адрик, при нашем дворе и надеемся, что ваш приезд послужит взаимопониманию между нами.

Рулевой принял позу сибарита, изогнувшись в своем оранжевом газе, и, прежде чем встретиться взглядом с Полом, бросил себе в рот таблетку меланжа. Миниатюрный передатчик, встроенный в бак, воспроизвел его кашель, затем только послышался скрипучий голос:

— Нижайше склоняюсь перед очами Императора и прошу разрешения вручить верительные грамоты и преподнести скромный подарок.

Один из его помощников передал Стилгару сверток. Тот просмотрел его и кивнул Полу. Стилгар и Пол тут же повернулись к гхоле, который терпеливо стоял у помоста.

— Милорд разглядел подарок? — спросил посол.

— Мы принимаем ваши верительные грамоты, — сказал Пол. — Объясните подарок.

Адрик перевернулся в баке.

— Его зовут Хейт, — сказал он, объясняя. — Насколько позволяют судить произведенные нами расследования, у него очень любопытное прошлое. Он был убит здесь, на Арракисе, ужасная рана на голове потребовала многих месяцев восстановления. Тело было передано тлейлаксу, как тело опытнейшего фехтовальщика, последователя школы Гайнеза. Мы считаем, что это был Данкан Айдахо, ваш приверженец, друг вашей юности. Мы сочли, что такой подарок достоин Императора, — Адрик посмотрел на Пола в упор. — Разве это не Айдахо, сир?

У Пола перехватило дыхание.

— Он похож на Айдахо.

«Неужели Пол видит что-то такое, чего не вижу я? — подумала Алия. — Нет! Это Данкан!»

Человек, представленный как Хейт, стоял неподвижно, чуть расслабившись, устремив взгляд прямо перед собой. Ничто в нем не говорило о том, что он понимает, что является предметом обсуждения.

— В соответствии с нашими сведениями, это Айдахо, — повторил Адрик.

— Но теперь его зовут Хейт, — сказал Пол. — Любопытное имя.

— Сир, нельзя определить, по какому принципу тлейлаксу дают имена. Но его имя вполне можно изменить. То, как его назвали тлейлаксу, не имеет значения.

«Это существо создали на Тлейлаксе, — подумал Пол. — Добро и зло приобретают странное значение в философии жителей этой планеты. Что же вложили они в тело Айдахо по своему желанию или капризу?»

Пол взглянул на Стилгара и заметил суеверный страх в глазах Свободного. Все охранники испытывали такое же чувство. Стилгар, должно быть, думал об отвратительных обычаях членов Союза, о тлейлаксу и о гхоле.

Повернувшись к гхоле, Пол спросил:

— Хейт — это твое единственное имя?

Спокойная улыбка появилась на плоском лице. Металлические глаза остановились на Поле, их взгляд оставался механическим.

— Так меня назвали, милорд.

Алия вздрогнула в своем укрытии, когда прозвучал голос Айдахо — она помнила его каждой клеточкой своего тела.

— Пусть милорду будет приятно, — добавил гхола, — если я скажу, что ваш голос доставляет мне удовольствие. Тлейлаксу говорил, что это признак того, что я слышал этот голос раньше.

— Но ты не знаешь этого точно? — спросил Пол.

— Я вообще не знаю ничего о своем прошлом, милорд. Мне объяснили, что я не могу сохранить память о своей прошлой жизни, сохраняется только запись в генах. Но иногда прошлое и настоящее могут совпадать, и тогда... я помню голоса, места, лица, звуки и поступки, чувствую меч в моей руке, знаю, как управлять топтером...

Заметив, как внимательно посол Союза следит за этим разговором, Пол спросил:

— Ты понимаешь, что тебя подарили?

— Мне объяснили это, милорд.

Пол откинулся на спинку трона, сжав руками подлокотники.

«У меня долг перед памятью Данкана, — подумал он. — Человек погиб, спасая мне жизнь. Но ведь это не Айдахо, это — гхола. С другой стороны, это то самое тело и тот самый мозг, которые научили его, Пола, управлять топтером так,

как если бы у него за спиной были свои собственные крылья. Пол знал, что беря в руки меч, он опирается на знания, преподанные ему Данканом. Гхола — не что иное, как тело, вызывающее ложные впечатления и недоразумения. Но ведь старые ассоциации прочны, а этот гхола не просто носит маску Данкана Айдахо, он носит отпечаток его личности».

— Как ты можешь служить нам? — спросил Пол.

— Как пожелает милорд и позволят мои возможности.

Алию поразила робость, прозвучавшая в голосе гхолы. Она не чувствовала ничего фальшивого. Что-то необыкновенно наивное просвечивало в новом Данкане Айдахо. Оригинал был земным и беззаботным человеком. Но это тело от всего очищено. Чистая поверхность, на которой тлейлаксу написали... но что именно они написали?

Она ощутила скрытую опасность в этом даре. Это существо создали тлейлаксу, а они проявляли в своих творениях безудержную фантазию. Ими могло руководить безграничное любопытство. Они хвастались, что могут сотворить все, если получат соответствующий материал, — хоть дьяволов, хоть святых. Они продавали убийц-ментатов. Они произвели убийцу-врача, который преступил запрет Школы Сак на лишение человека жизни. Среди их изделий были вышколенные слуги, сексуальные игрушки на любой вкус, солдаты, генералы, философы и даже моралисты...

Пол очнулся от своих мыслей и взглянул на Адрика:

— Чему обучен этот гхола?

— Милорд будет доволен, — ответил Адрик. — Тлейлаксу позабавила возможность сделать из этого гхолы ментата и философа школы Дзэнсунни. Они также усилили его способности фехтовальщика.

— У них это получилось?

— Не знаю, милорд.

Пол взвесил ответ. Чувство правды говорило ему: Адрик искренне считает, что гхола — Айдахо. Но было еще кое-что. Воды времени, через которые двигался этот рулевой-оракул, говорили об опасности, но не открывали ее природы. Тлейлакское имя Хейт тоже говорило об опасности. Пол почувствовал искушение отказаться от дара. Но он знал, что не должен даже думать об этом. Эта плоть имела свои права на дом Атридесов, и враг слишком хорошо это знал.

— Философ! — пробормотал Пол, снова взглянув на гхолу. — Ты исследовал собственную роль и побудительные мотивы?

— Я отношусь к своей службе с покорностью, сир. Я — очищенный мозг, меня освободили от желаний моего человеческого прошлого.

— Ты предпочитаешь, чтобы тебя звали Хейт или Данкан Айдахо?

— Милорд может звать меня как пожелает, это несущественно.

— Но тебе нравится имя Данкан Айдахо?

— Я думаю, это мое прежнее имя. Оно вызывает во мне отклик, но и... различные реакции. В имени может скрываться и приятное, и неприятное.

— Что доставляет тебе наибольшее удовольствие? — спросил Пол.

Гхола неожиданно рассмеялся:

— Поиски в других следов моего прошлого.

— Ты видишь здесь такие следы?

— О, да, милорд. Ваш человек Стилгар колеблется между суевериями и восхищением. Он был мне другом в моем прошлом существовании, но тело гхолы внушает ему отвращение. Вы же, милорд, восхищаетесь человеком, которым я был... и которому вы верили.

— Очищенный мозг, — сказал Пол. — Как может очищенный мозг был зависимым от нас?

— Очищенный мозг принимает решения в присутствии неизвестного, без причины и эффекта. Разве это не зависимость?

Пол нахмурился. Высказывание Дзэнсунни, загадочное, двусмысленное, исходящее из веры, которая отрицает объективные функции умственной активности. Без причины и эффекта? Такая мысль шокирует разум. Неизвестное? Неизвестное есть в каждом решении и даже в видении оракула.

— Ну так как, ты хочешь, чтобы мы звали тебя Данкан Айдахо? — снова спросил Пол.

— Мне все равно, милорд. Выберите для меня имя сами.

— Что ж, тогда пусть у тебя остается имя Хейт, оно взывает к осторожности.

Хейт поклонился и сделал шаг назад.

А Алия удивилась: «Откуда он узнал, что разговор окончен? Это могла понять я, потому что знаю своего брата. Но чужак не мог уловить никакого знака. Неужели это откликнулась тень живущего в нем Данкана?!»

Пол повернулся к послу:

— Для вашего посольства подготовлено помещение. Мы желаем при первой же возможности иметь с вами частную

беседу. Мы пошлем за вами. Я хочу проинформировать вас, прежде чем вы узнаете это из других источников, что Преподобная Мать Гаиус Хэлен Моахим удалена из привезшего вас лайнера. Это сделано по нашему приказу. Ее присутствие на вашем корабле будет обсуждено во время наших переговоров.

И взмахом руки Пол отпустил посла.

— А ты, Хейт, останься, — сказал он.

Свита посла попятилась и потащила за собой бак. Адрик превратился в оранжевый вихрь в оранжевом газе — глаза, рот, беспорядочно двигающиеся конечности.

Пол смотрел вслед процессии, пока за нею не захлопнулась парадная дверь.

«Итак, дело сделано, — подумал Пол. — Я принял гхолу. Хейт — наживка, это несомненно. Вероятно, эта старая карга — Преподобная Мать — играет туже роль. Но близится время тарота, которое я уже предсказал в одном из своих ранних видений.

Проклятый тарот! Он затуманил виды времени, и предвидение не может уловить точного момента. Рыба часто клюет, но не всегда попадается, — напомнил он себе. — И тарот действует как против меня, так и за меня. То, чего не вижу я, не смогут определить и другие».

Гхола стоял, наклонив голову и наблюдая.

Стилгар поднялся по ступенькам помоста, на мгновение скрыв гхолу от взгляда Пола. На Чакобсе, охотничьем языке дней съетча, он сказал:

— Это отвратительное существо в баке вызывает во мне дрожь омерзения. А тут еще этот непонятный дар. Отошлите его назад, сир.

На том же языке Пол ответил:

— Не могу, Стил.

— Но Айдахо мертв, — настаивал Стилгар. — Это не Айдахо. Позвольте мне взять его воду для племени.

— Гхола — моя проблема, Стил. Твоя проблема — наша пленница. Я хочу, чтобы Преподобную Мать тщательно охраняли люди, специально обученные сопротивлению Голосу.

— Мне все это не нравится, сир.

— Я буду осторожен, Стил, но и ты будь.

— Хорошо, сир, — Стилгар спустился с помоста и направился к выходу. Проходя мимо Хейта, он с шумом втянул в себя воздух.

«Зло нельзя определить по запаху, — подумал Пол. — Стилгар водрузил зелено-черные знамена Атридесов на десятках миров, но в душе так и остался суеверным Свободным».

Пол изучал дар.

— Данкан, Данкан, — прошептал он. — Что они с тобой сделали?

— Они дали мне жизнь, милорд, — ответил Хейт.

— Но с какой целью они тебя обучили и отдали мне?

Хейт поджал губы и произнес:

— Я предназначен для вашего уничтожения, сир.

Фантастическая искренность этого ответа потрясла Пола. Но как иначе мог бы ответить ментат-Дзэнсунни? Даже будучи гхолой, ментат мог говорить только правду, особенно ментат, обладающий внутренним спокойствием Дзэнсунни. Это человеческий компьютер, тело и мозг, которым переданы функции ненавистных машин. Обучить его системе Дзэнсунни значило удвоить его честность... если, конечно, тлейлаксу не встроили чего-нибудь еще более необычного в эту плоть.

Почему, например, у него механические глаза? Тлейлаксу хвастают, что их металлические глаза улучшают оригинал. Странно, однако, что сами тлейлаксу ими не пользуются.

Пол взглянул в сторону смотровой щели Алии — ему не хватало ее присутствия и совета.

Потом снова перевел взгляд на гхолу: этот отнюдь не простой подарок дает честные ответы на опасные вопросы.

«То, что я знаю, что это орудие предназначено для моего уничтожения, неважно», — подумал Пол.

— Что я должен сделать, чтобы защититься от тебя? — спросил Пол. Это была прямая речь, без императорского «мы» — просто вопрос, который мог быть задан прежнему Данкану Айдахо.

— Отошлите меня обратно, милорд.

Пол покачал головой.

— Как ты собираешься уничтожить меня?

Хейт взглянул на охранников, которые после ухода Стилгара придвинулись ближе к трону. Хейт обвел взглядом громадный помпезный зал и снова остановил немигающие металлические глаза на Императоре:

— В таком месте вы изолированы от народа. Здесь все говорит о том, что все кончено, милорд. Только памятуя об этом, можно выносить такую власть. Обязан ли милорд

своим теперешним положением своей способности предвидения?

Пол забарабанил пальцами по подлокотнику трона. Вопрос встревожил его.

— Я занял это положение... не только в силу своих способностей оракула. Иногда были нужны решительные действия.

— Решительные действия... — повторил Хейт в раздумье. — Они регулируют жизнь человека. Характер человека может быть получен из металла путем нагревания и охлаждения.

— Ты хочешь отвлечь меня фразами Дзэнсунни?

— У Дзэнсунни есть что исследовать, сир, и их не нужно отвлекать.

Пол провел языком по губам и сделал глубокий вдох. Неразрешенные вопросы накапливались в его голове. Не следует заниматься гхолой в ущерб основным обязанностям. Почему этого гхолу сделали ментатом-Дзэнсунни? Философия... слова... рассуждения... внутренний поиск. Пол чувствовал, что ему не хватает исходных данных.

— Нужно больше данных, — пробормотал он.

— Факты, необходимые ментату, собрать не просто. Это не пыльца, остающаяся на одежде, когда проходишь цветущим лугом. Пыльцу нужно заботливо собирать и внимательно изучать, под большим увеличением.

— Ты собираешься обучать меня риторике Дзэнсунни?

Металлические глаза сверкнули пониманием:

— Возможно, так и было задумано, милорд.

«Притупить мою волю словами, внушить свои идеи...» — подумал Пол. Он сказал:

— Больше всего следует опасаться идей, которые переходят в дела.

— Отошлите меня назад, сир! — повторил Хейт голосом Айдахо, тревожащегося о своем «молодом хозяине».

И Пол понял, что этот голос заманивает его в ловушку: он не сможет отослать голос Айдахо, даже если тот принадлежит гхоле.

— Ты останешься, — решил Пол, — и мы оба будем соблюдать осторожность.

Хейт склонил голову в знак покорности.

Пол поднял глаза и посмотрел на смотровую щель. Он мысленно просил Алию взять у него этот подарок и выпытать его тайны. Гхолами пугали детей. Раньше ему не приходилось с ними сталкиваться, а с этим к тому же требовалось

преодолеть столько разных чувств. Сможет ли он? Данкан, Данкан... Где в этой плоти Айдахо? Это не тело, это обман в теле Айдахо! Данкан давно лежит в Пещере мертвых.

Закрыв глаза, Пол позволил предвидению овладеть собой. Духи любви и ненависти летали над хаосом волнующегося моря. И ни одного надежного места, на котором можно утвердиться и рассмотреть будущее.

«Почему ни одно видение не показало мне этого нового Данкана Айдахо? — спросил он сам себя. — Кто скрывает от меня Время? Вероятно, другие оракулы».

Открыв глаза, Пол спросил:

— Хейт, ты обладаешь способностью к предвидению?

— Нет, милорд.

Искренность звучала в его голосе. Конечно, гхола может и сам не подозревать об этой своей способности. Но это помешало бы его работе в качестве ментата. В чем же дело?

Старые видения окружали Пола. Должен ли он избрать страшный путь? Разорванное Время намекало на присутствие гхолы в ужасном будущем. И это будущее все приближалось, как он ни старался отдалить его.

«Освобождайся... Освобождайся... Освобождайся...»

Мысль эта колоколом билась в его мозгу.

Наверху сидела Алия, обхватив подбородок левой рукой, и смотрела на гхолу. Этот Хейт магически притягивал ее. Тлейлаксу вернули ему юность, влекущую ее. Она поняла невысказанную просьбу Пола. Когда оракул беспомощен, приходится обращаться к реальным шпионам и физической силе. Алия сама удивилась собственной готовности выполнить его просьбу. Алия чувствовала острое желание быть ближе к тому существу, возможно, касаться его.

«Он представляет опасность для нас обоих», — подумала она.

«Правда страдает от слишком пристального рассмотрения».

Старинная поговорка Свободных.

— Меня бросает в дрожь при виде вашего бедственного положения, Преподобная Мать, — сказала Ирулэн.

Она стояла у входа в камеру, изучая ее способом Бене

Джессерит. Камера представляла собой трехметровый куб, высеченный в скале под плитами пола крепости. Там был лишь шаткий плетеный стул, на котором сидела Гаиус Хэлен Моахим, матрац с коричневым одеялом, на котором была разбросана колода карт, тарот Дюны, стоял сосуд с водой, туалет Свободных со всеми приспособлениями для сохранения влаги. Все бедное, примитивное. Забранные решетками шары давали скудный желтый свет.

— Ты сообщила леди Джессике? — спросила Преподобная Мать.

— Да, но не думаю, чтобы она сказала против своего сына хоть слово, — ответила Ирулэн и взглянула на карты. Карта Большого Червя лежит над Пустынным Песком. Преподобная Мать советует сохранять терпение.

Охранник снаружи следил за ними через металлическое окошко в двери. Ирулэн знала, что их разговор прослушивается. Она много передумала, прежде чем решилась прийти сюда. Впрочем, не приходить тоже было опасно.

Преподобная Мать погрузилась в размышления праджна, время от времени осматривая карты. Несмотря на предчувствие, что ей не выбраться с Арракиса живой, она сохраняла спокойствие. Способность к предвидению может быть малой, но взбаламученная вода — взбаламученная вода. К тому же молитва против страха всегда под рукой.

Она обдумывала события, приведшие ее в эту камеру. Темные подозрения роились в ее мозгу, и тарот подтверждал их. Неужели ее арест входил в планы Союза?

На мостике лайнера ее поджидал Квизара в желтом костюме, с бритой головой, с глазами-бусинками, абсолютно синими на круглом лице, с кожей, потемневшей от солнца и ветров Арракиса. Он поднял голову от чашки спайсового кофе, поданного ему подобострастным стюардом, пристально посмотрел на нее и отставил чашку.

— Вы Преподобная Мать Гаиус Хэлен Моахим? — спросил Квизара. Теперь, вспоминая эти мгновения, она пережила все заново. Горло у нее сжало спазмой страха. Как чиновник Императора узнал о ее присутствии на лайнере? — Нам стало известно, что вы находитесь на борту. Вы забыли, что вам запрещено посещать нашу святую планету?

— Я нахожусь не на Арракисе, а в свободном космосе, — возразила она. — Я пассажирка лайнера Союза.

— Свободного космоса больше нет, мадам! — в его тоне она прочла смесь ненависти и подозрительности. — Муад Диб правит повсюду.

— Моя цель — не Арракис, — возразила она.

— Арракис — цель всех! — возразил он, и она испугалась, что сейчас он начнет цитировать путеводитель для пилигримов — на этом корабле их прилетели тысячи.

Но Квизара извлек из-под одежды амулет, поцеловал его и коснулся им лба, потом прижал к правому уху и стал слушать.

— Вам приказано собрать багаж и следовать за мной, — сказал он, пряча амулет-передатчик.

— Но у меня дела в другом месте!

В этот момент она и заподозрила вероломство Союза. Возможно, рулевой не смог скрыть их заговор. Эта мерзавка Алия, несомненно, обладает способностью Преподобной Матери Бене Джессерит. Кто может сказать, что происходит, когда ее способности объединяются с пророческим даром ее брата?

— Не возражать! — прикрикнул на нее Квизара. Все в ней восставало против того, чтобы снова ступить на проклятую планету пустынь. Здесь они потеряли Пола Атридеса, Квизац Садераха, которого готовили долгие столетия. Но у нее не было выхода.

— У нас мало времени, — уже спокойно сказал Квизара. — Когда Император приказывает, его подданные повинуются.

«Значит, это приказ Пола». Она было подумала заявить протест командиру лайнера, но ее остановила мысль о бессмысленности этого поступка. Что может сделать Союз?

— Император сказал, что я умру, если ступлю на Дюну, — сказала она, делая последнюю отчаянную попытку. — Вы знаете об этом. Если вы выведете меня отсюда, то тем самым приговорите к смерти.

— Не разговаривать! — вспылил Квизара. — Это предопределено.

Она знала, что они всегда говорят так о приказах Императора. Предопределено! Священный правитель, чьи взгляды проникают в будущее, сказал! Чему быть, того не миновать. Ведь он уже видел это!

С мучительной мыслью, что попалась в собственные сети, она повиновалась.

В камере ее навестила Ирулэн. Она заметно постарела с момента их последней встречи на Валлахе IX. Беспокойные морщинки появились у уголков глаз. Что ж... пришла пора проверить, будет ли эта Сестра верна своей клятве.

— Я жила и в худших условиях, — сказала Преподобная Мать, в то время как пальцы ее энергично задвигались. — Тебя прислал Император?

Ирулэн прочла движения пальцев, и ее пальцы задвигались в ответ. А вслух она проговорила:

— Нет... я пришла, как только услышала, что вы здесь.

— Император не рассердится? — спросила Преподобная Мать, а пальцы ее двигались, требовали, настаивали.

— Ну и пусть! Вы были моим учителем в ордене так же, как когда-то учили и его мать. Неужели он думает, что я отвернусь от вас, как это сделала леди Джессика? — разговор пальцев продолжался.

Преподобная Мать тяжело вздохнула. Это был вздох пленницы, покорившейся своей участи. На самом же деле она в это время отвечала Ирулэн. Тщетно надеяться, что драгоценные гены Императора Атридеса будут сохранены при помощи этого инструмента. Принцесса, несмотря на свою красоту, бесполезна. Под покровом сексуальности и привлекательности скрывается сварливая женщина, более заинтересованная в словах, нежели в делах. Впрочем, Ирулэн как-никак Бене Джессерит, а орден располагает возможностью использовать и слабые свои орудия. Они вели разговор о более мягком матрасе, о лучшей пище, а между тем Преподобная Мать пустила в ход свой арсенал убеждения, торопливо отдавая приказы: следует проверить возможность скрещивания брата с сестрой (Ирулэн чуть не вышла из себя, получив этот приказ).

— У меня тоже должна быть возможность! — упрашивали ее пальцы.

— У тебя она была! — возразила Преподобная Мать. Она продолжала давать инструкции. Сердится ли когда-нибудь Император на свою наложницу? Уникальные способности оракула должны вызывать в нем чувство одиночества. С кем он может разговаривать, надеясь на понимание? Очевидно, с сестрой. Она разделяет его чувство одиночества. Необходимо узнать содержание их бесед. Создавать условия для встреч наедине. Организовывать интимные встречи. Проверить возможность устранения наложницы: горе снимает привычные барьеры.

Ирулэн протестовала. Если Чани погибнет, подозрение падет на принцессу-супругу. К тому же существуют другие проблемы. Чани перешла на древнюю диету Свободных, которая, якобы, повышает способность к деторождению.

Теперь исключена всякая возможность подмешивать ей в пищу противозачаточные средства, и, следовательно, наложница станет еще более плодовитой.

Преподобная Мать с трудом скрыла свой гнев. Пальцы ее продолжали требовать. Почему информация об этом не была передана ей в самом начале разговора? И как Ирулэн могла быть так глупа, что допустила это? Если Чани родит сына, Император объявит его своим наследником!

Ирулэн возразила, что она понимает опасность, но надеется, что гены не будут окончательно утрачены.

«Будь проклята твоя глупость!» — рассердилась Преподобная Мать. Кто знает, какие генетические осложнения привнесет Чани от своей дикой линии Свободных? Орден заинтересован только в чистой линии! А наследник оживит честолюбие Пола, подтолкнет к новым усилиям по укреплению Империи. Заговорщики не должны допустить этого.

Ирулэн оскорбленно спросила, как же она могла помешать Чани перейти на диету?

Но Преподобная Мать была не расположена объясняться. Ирулэн получила точные инструкции, следует подмешать ей в пищу или в питье средство, прерывающее беременность. Либо придется ее просто убрать. Любой ценой нужно помешать появлению наследника из этого источника.

Ирулэн возразила, что такой способ не менее опасен, чем открытое нападение на наложницу. Она дрожит от одной мысли о покушении на Чани.

Ирулэн испугалась опасности? Пальцы Матери выразили презрение.

Рассерженная Ирулэн просигналила, что она знает себе цену как агента в императорском доме. Заговорщики хотят исключить ее из игры? Как же тогда они будут следить за Императором? Или они уже ввели другого агента в его окружение и теперь пользуются ее услугами в последний раз?

Преподобная Мать возразила, что на войне взаимоотношения все время меняются. И теперь наибольшая опасность заключается в том, чтобы обезопасить Дом Атридесов со стороны наследования. Орден не может пойти на риск. Это очень опасно и для генетического рисунка Атридеса. Если Пол утвердит свою династию на троне, генетическая программа ордена на многие столетия будет сорвана.

Ирулэн поняла эти доводы, но не могла отделаться от мысли о том, что принцессой-супругой жертвуют ради чего-то более ценного. Имеет ли это какое-то отношение к гхоле?

Неужели Ирулэн считает, что орден состоит из дураков, ответила Преподобная Мать. Ирулэн всегда знала все, что ей было положено знать.

Ирулэн увидела в этом ответе доказательство того, что от нее что-то скрывают. Ей прямо сказали, что она будет знать ровно столько, сколько нужно, но не больше.

Она спросила, уверены ли они, что гхола сумеет уничтожить Императора.

С таким же успехом она может спросить, уничтожит ли его меланж, возразила Преподобная Мать.

Ирулэн поняла, что эта резкая отповедь содержит скрытый смысл. Бене Джессеритский «хлыст, который дает знания» сообщил ей, что существует связь между меланжем и гхолой. Меланж ценен, но требует платы — пагубной привычки. Он добавляет годы жизни, некоторым десятилетия, но все же это лишь иной способ умереть.

Гхола так же смертоносен, как и меланж.

Возвращаясь к прежней теме, Преподобная Мать просигналила, что лучший способ предотвратить рождение нежелательного наследника — это убить возможную мать.

«Конечно, — подумала Ирулэн. — Решив истратить определенную сумму, вы хотите получить взамен как можно больше».

Проницательные глаза Преподобной Матери, темно-синие от потребления меланжа, смотрели на Ирулэн выжидательно и изучающие.

«Она ясно читает во мне, — с отчаянием подумала Ирулэн. — Она учила меня и наблюдала за моим обучением. Она знает, что я понимаю, какое решение надо принять. Что ж, я приму его и как Бене Джессерит, и как принцесса».

Ирулэн вымученно улыбнулась, выпрямилась и произнесла про себя начальные фразы молитвы против страха:

«Я не должна бояться. Страх убивает разум. Страх — малая смерть, которая приносит полное уничтожение. Я смотрю в лицо моему страху...»

Когда спокойствие вернулось к ней, она подумала: «Пусть они используют меня. Я покажу им, чего стоит принцесса. Возможно, я дам им даже больше, чем они ожидают».

После нескольких прощальных фраз Ирулэн ушла.

Преподобная Мать вернулась к картам. И немедленно Квизац Садерах выпал рядом с Восемью Кораблями. Дурной признак: у врага имеются скрытые резервы.

Она отвернулась, размышляя, поможет ли им Ирулэн в борьбе с врагом.

«Свободные видят в ней земную женщину, обладающую особой властью защищать племена. Она Преподобная Мать их Преподобных Матерей. Для пилигримов, которые упрашивают ее вернуть им способность к деторождению или сделать бесплодное плодородным, она — антиментат. Она порождена стремлением человека к мистическому. Она — живое доказательство того, что «аналитика» имеет свои пределы. Она — девственница-проститутка, умная, вульгарная, грубая, столь же разрушительная в своих капризах, как кориолисова буря».

«Святая Алия Нож».
Из сообщения принцессы Ирулэн.

Точно часовой, одетый в черное, Алия стояла на южной платформе своего храма, храма Оракула, который Свободные Пола выстроили для нее рядом с его крепостью.

Она ненавидела эту часть своей жизни, но не знала, как отказаться от нее, не навлекая на них всех уничтожение. Пилигримы — будь они прокляты! — с каждым днем становятся все многочисленнее. Нижний придел храма плотно забит ими всегда. Среди пилигримов расхаживают торговцы, колдуны, предсказатели — жалкие подражатели Муад Диба и его сестры.

Алия видела среди товаров красивые и зеленые пакеты с новым «наркотиком» — тарот Дюны. Кто поставляет это изобретение на рынок Арракиса? Почему тарот стал популярным именно сейчас, в данное время и в данном месте? Не для того ли, чтобы замутить Время? Пристрастие к спайсу всегда обостряет способности предсказания. Случайно ли Свободные так верят в предзнаменования? Она решила проверить это при первой же возможности.

С юго-востока дул слабый ветер — остатки ветра, разбитого Защитной стеной, высоко вздымавшейся над горизонтом. Ее край, освещенный солнцем, ярко сверкал сквозь полуденную пыль, горячий ветер коснулся щек Алии, и она затосковала по безопасности открытых просторов. Был конец дня, последние толпы пилигримов спускались по широким каменным ступеням, в одиночку и группами; некоторые из них задерживались у лотков уличных торговцев, разглядывая сувениры и священные амулеты, советуясь с предсказателями. Пилигримы, нищие горожане, Свободные, торговцы — вся эта пестрая толпа сплошной лавиной двигалась по улице, ведущей к центру города.

Алия различила Свободных, отмечала застывшее выраже-

ние суеверного страха на их лицах, видела, как они двигались, стараясь держаться подальше от остальных. В них ее сила — и ее опасность. Они по-прежнему ловили гигантских червей для передвижения, для спорта и жертвоприношений. Они презирали чужеземцев-пилигримов, едва выносили горожан, ненавидели цинизм уличных торговцев. Не стоило задевать дикого Свободного даже в такой толпе, что кишела в храме Алии. В самом храме ножи не обнажались, но мертвые тела, случалось, обнаруживали... позже.

Уходящая толпа подняла целое облако пыли. До Алии донеслись ее запахи и пробудили новый приступ тоски по открытым песчаным просторам. Она понимала, что тоска по прошлому обострилась в ней с появлением гхолы. Сколько было радости в те дни, до того, как ее брат сел на трон. Время для шуток и время для наслаждения прохладным утром или с заходом солнца, время... время... время... Даже опасность была другая в те дни — ясная опасность из известного источника. Не нужно было преодолевать границы предвидения, напрягаясь, всматриваясь в туманные черты будущего.

Хорошо говорят дикие Свободные: «Четыре вещи нельзя спрятать: любовь, дым, огненный столб и человека, идущего по открытому пространству».

С внезапным отвращением Алия отступила от края платформы в глубину храма, прошла вдоль балкона, что смотрел в сверкающую прозрачность ее зала предсказаний. Песок на плитах скрипел под ее ногами. Просители всегда приносят песок в священные помещения! Не обращая внимания на служителей, охранников, учеников, вездесущих жрецов-чиновников Квизарата, она поднялась по спиральной лестнице, ведущей в ее личные покои. Здесь, среди диванов, толстых ковров, занавесей и пустынных сувениров она отпустила амазонок-Свободных, приставленных к ней Стилгаром. Сторожевые псы! Когда они ушли, выражая неудовольствие, но опасаясь ее больше, чем самого Стилгара, она разделась, оставив только криснож в ножнах, свисающий на шнурке с шеи на обнаженную грудь, и пошла нагая в ванную.

Она знала, что он близко — теневая фигура мужчины, которого она предчувствовала в своем будущем, но не могла разглядеть. Ее сердило, что предвидение не может одеть эту тень в плоть. Он предчувствовался только как неожиданное изменение, когда она вглядывалась в чужие жизни, либо когда она сталкивалась с туманными очертаниями в полной тьме, где невинность сочеталась с желанием. Он стоял сразу

за горизонтом видимости, и она напрягла свои способности, чтобы разглядеть его. Он был здесь — постоянный укор ее предвидению — яростный, опасный, безнравственный.

В ванной ее окутал влажный теплый воздух. Об этом обычае она узнала от бесчисленного количества Преподобных Матерей, нанизанных на ее сознание, как жемчужные бусы на нить. Теплая вода ласково прильнула к ней, когда она скользнула в ванну.

Зеленый кафель, разрисованный красными морскими рыбами, окружал воду. Какой-нибудь Свободный из старых времен страшно рассердился бы, узнав, что такое количество воды используют только для умывания.

Он близко!

Она подумала, что это кричит ее девственность. Ее плоть жаждет пары. Секс не составляет тайны для Преподобной Матери, возглавляющей ритуальные оргии в съетче. Сознание тау — память о населявших ее других существах — могло бы снабдить ее любопытство любыми подробностями. Желание близости — это не что иное, как стремление плоти к плоти.

Жажда действия боролась в ней с летаргическим состоянием, вызываемым теплой водой.

Неожиданно Алия выбралась из воды. Мокрая и нагая, она прошла в тренировочную комнату, примыкавшую к ванной. В этой продолговатой и светлой комнате были собраны многочисленные приспособления, при помощи которых агенты Бене Джессерит поддерживают себя в постоянной физической и духовной форме. Тут были мнемонические усилители, пальцевые мельницы с планеты Икс, повышающие чувствительность пальцев рук и ног, синтезаторы запахов, температурные поля, устройства для выработки нужных альфа-ритмов, синхронизаторы, настраивающиеся на анализ света и тьмы... санти.

Вдоль одной из стен громадными буквами мнемонической краской она сама написала ключевую формулу Бене Джессерит:

«До нас все методы обучения искажались инстинктом. Мы научились учиться. До нас исследователи, побуждаемые инстинктом, обладали ограниченным полем деятельности — не дольше одной жизни. Проект, охватывающий пятьдесят и более поколений, им даже и в голову не приходил. Концепция полной мышечной и нервной подготовки в то время не могла быть выработана».

Войдя в это помещение, Алия увидела свое отражение в кристаллических призмах фехтовального зеркала в глубине тренировочного комплекса. Увидев длинную шпагу, она подумала: «Да! Я наработалась до изнеможения. Утомлю же окончательно тело и очищу мозг».

Эфес шпаги привычно лег в ее правую руку. Концом клинка Алия коснулась кнопки, включающей манекен. Манекен ожил и медленно отвел острие шпаги в сторону.

Зеркальные призмы сверкнули, манекен шагнул влево от нападавшей.

Алия следовала за ним концом своей длинной шпаги, как всегда думая о своем противнике почти как о живом существе. Но это было лишь собрание сервомоторных и сложных отражательных цепей, предназначенных для выработки реакции и обучения. Этот инструмент реагировал так же, как реагировала она, анти-я, двигавшийся, как и она сама; балансирующий свет призм предлагал ей цель.

Ей казалось, что на нее нацелено множество шпаг, но лишь одна из них была реальной. Она отвела эту реальную шпагу, скользнула своей шпагой вглубь сопротивляющегося поля и коснулась цели. Среди призм вспыхнул сверкающий красный огонек... еще одно отвлечение.

Манекен снова атаковал, двигаясь со скоростью в один сигнал, чуть-чуть быстрее, чем вначале. Она отразила нападение, двинулась в зеленую зону и нанесла второй удар.

Теперь уже две лампы горели среди призм.

Манекен увеличил скорость, двигаясь на своих роликах, привлекаемый, как магнитом, движениями ее тела и концом ее шпаги.

Атака — отражение — контратака...

Атака — отражение — контратака...

Теперь ожили уже четыре огня, и манекен стал более агрессивным, двигаясь все быстрее, нападая все резче и разнообразнее.

Пять огней...

Пот блестел на ее обнаженной коже. Она жила теперь во вселенной, ограниченной угрожающей шпагой, целью, голыми ступнями на шероховатом полу, чувствами, нервами, мышцами — движением против движения.

Атака — отражение — контратака...

Шесть огней... семь...

Восемь!

Раньше она никогда не рисковала на восьми.

Каким-то уголком сознания она сопротивлялась своему

дикому намерению: ведь фехтовальное оборудование, состоящее из призм и манекена, не умеет думать и не испытывает чувства жалости. И у него самое настоящее оружие. Оно может искалечить и даже убить. Лучшие фехтовальщики Империи никогда не тренировались больше, чем с семью огнями...

Девять!

Алия испытывала ощущение крайней экзальтации. Нападающая шпага превратилась в размытое пятно среди других пятен. Шпага в ее руке ожила: не она уже управляла шпагой, а наоборот, шпага управляла ее рукой.

Десять!

Одиннадцать!

Что-то промелькнуло мимо нее и проникло в защитную зону манекена. Блеснувший нож ударил в выключатель. Огни погасли, и манекен замер в неподвижности.

Алия резко повернулась, разгневанная этим вмешательством. Но в то же время ее поразило необыкновенное искусство того, кто это проделал. Нужно было точно рассчитать мгновение и проникнуть в защитную зону так, чтобы не быть отраженным, и коснуться кнопки размером в несколько миллиметров. И все это при одиннадцати огнях!

Алия почувствовала, как напряжение покидает ее, будто ее тоже выключили, как манекен. И она не удивилась, увидев, кто бросил нож.

На пороге ее тренировочной комнаты стоял Пол, а в трех шагах за ним — Стилгар. Ее глаза встретились с гневным взглядом брата.

Только сейчас, осознав свою наготу, она хотела прикрыться, но нашла эту мысль забавной: то, что уже видели глаза, стереть невозможно. Она не спеша вложила свой кринож в ножны.

— Я должна была бы догадаться, — сказала она.

— Ты, разумеется, знаешь, как это опасно, — сказал Пол, отмечая выражение ее лица, покрасневшего от напряжения, влажную полноту губ. Была в ней какая-то мятущаяся женственность, которую он не замечал раньше.

— Безумие, — тяжело выдохнул Стилгар, становясь рядом с Полом. В голосе его Алия слышала не только гнев, но и благоговейный страх.

— Одиннадцать огней, — сказал Пол, качая головой.

— Если бы ты не вмешался, было бы двенадцать, — сказала она. И добавила: — Если у этого проклятого манекена столько огней, почему бы их все не испробовать?

— Бене Джессерит должна руководствоваться разумными побуждениями, — сурово возразил Пол.

— Ты, наверное, никогда не испытывал больше семи? — гневно воскликнула она. Его пристальный взгляд начинал раздражать ее.

— Только один раз, — сказал Пол. — Гурни Хэллек поймал меня на десяти. Наказание привело меня в такое замешательство, что я не буду рассказывать тебе о нем. Кстати, о замешательстве...

— В следующий раз надо предупреждать о своем приходе! — она проскользнула мимо Пола в спальню, отыскала свободное серое платье, надела его и причесалась перед зеркалом. Уставшая до предела, она испытывала только одно желание: снова искупаться и уснуть.

— Как вы здесь оказались? — спросила она.

— Милорд! — сказал Стилгар. В голосе его прозвучала странная, предостерегающая интонация, и Алия посмотрела на него с удивлением.

— Как ни странно может показаться, но мы здесь по предложению Ирулэн, — ответил Пол. — Она считает, и сведения Стилгара подтверждают это, что наши враги попытаются...

— Милорд! — уже настойчиво повторил Стилгар.

Ее брат повернулся к Стилгару, а Алия продолжала всматриваться в старого наиба. Что-то в нем заставило ее вспомнить, что Стилгар во многом первобытен. Он верил, что сверхъестественный мир расположен совсем рядом. Этот мир говорил с ним безыскусным языческим языком, снимая все сомнения. Естественная вселенная, в которой он жил, была простой и вечной, ее нельзя было остановить, в ней не было общепринятой морали Империи.

— Да, Стил? — отозвался Пол. — Ты не хочешь сказать ей, почему мы пришли?

— Сейчас не время говорить ей это, — ответил Стилгар.

— А что изменилось, Стил?

Тот продолжал смотреть на Алию.

— Сир, вы, наверное, ослепли.

Пол повернулся к сестре, чувствуя, как им завладевает беспокойство. Из всех приближенных только Стилгар осмеливался говорить с ним таким тоном, но даже Стилгар крайне редко прибегал к нему.

— Ей нужна пара! — воскликнул Стилгар. — Будут большие неприятности, если она не выйдет замуж, и притом скоро!

Алия отвернулась, чувствуя, как кровь бросилась ей в лицо. «Почему это задело меня? — удивилась она. — Контроль Бене Джессерит оказался бессилен предотвратить мою реакцию. Как Стилгар сделал это? Он ведь не обладает властью Голоса». Она чувствовала раздражение и гнев.

— Послушайте великого Стилгара! — съязвила Алия, осознавая сварливую нотку в своем голосе, но не в силах справиться с ним. — Свободный наиб Стилгар дает советы девушкам.

— Я люблю вас обоих и потому должен говорить, — сказал Стилгар с присущим ему достоинством. — Я не мог бы стать вождем Свободных в пустыне, есть бы не знал мотивов, сближающих мужчину и женщину. Для этого не нужно быть оракулом.

Пол взвешивал слова Стилгара, вдумывался в то, что они видели, вспомнил свою мужскую реакцию на наготу собственной сестры. Да, что-то призывно распутное было в Алии. Почему она тренировалась обнаженной? И так безрассудно рисковала жизнью? Одиннадцать огней! Безмозглый автомат был наделен, в его представлении, ужасными свойствами древних машин, в нем заключалась вся их безнравственность. Когда-то ими руководили компьютеры, искусственный разум. Бутлерианский Джихад покончил с этим, но не покончил с аристократическим покровом порочности, покрывавшим подобные предметы.

Стилгар, конечно, прав. Для Алии нужно подыскивать пару.

— Я позабочусь об этом, — сказал Пол. — Мы с Алией обсудим это позже... и наедине.

Алия обернулась и посмотрела на Пола. Зная, как оперирует его мозг, она поняла, что стала субъектом решения ментата — в этом человеческом компьютере совместились бесчисленные данные. В его решении была неумолимость, как в движении планет. В нем было нечто неизбежное и ужасающее, как в непреложном порядке всей Вселенной.

— Сир, — сказал Стилгар, — может быть, мы...

— Не сейчас! — оборвал его Пол. — В данный момент у нас другие проблемы.

Сознавая, что она не может соперничать в логике с братом, Алия отбросила все второстепенное и спросила в манере Бене Джессерит:

— Вас прислала Ирулэн?

В самой этой мысли содержалась угроза.

— Не прямо, — ответил Пол. — Информация, которую она передала нам, подтверждает, что Союз пытается заполучить песчаного червя.

— Они постараются поймать небольшого червя и начать спайсовый цикл на другой планете, — сказал Стилгар. — Это означает, что они нашли планету, которую считают пригодной для этого.

— Значит, у них есть пособники среди Свободных, — подумала вслух Алия. — Ни один чужеземец не сможет поймать песчаного червя.

— Это ясно без слов, — согласился Стилгар.

— Вовсе нет! — возразила Алия. Ее рассердила такая тупость. — Пол, ты, конечно...

— Что-то прогнило в Империи, — сказал Пол. — С некоторых пор я знаю это, но ту, другую, планету я никогда не видел, вот что меня беспокоит. Если они...

— Почему это должно тебя беспокоить? Просто они закрыли ее местоположение при помощи рулевого. Точно так же они прячут свои святыни.

Стилгар открыл было рот, но снова закрыл его. У него было такое чувство, будто его идолы допустили святотатственную слабость. Ощутив его тревогу, Пол сказал:

— Проблема требует немедленного решения. Я хочу знать твое мнение, Алия. Стилгар предлагает расширить зону действия патрулей и охранять все песчаное пространство. Возможно, мы засечем высадку десанта и сможем предотвратить...

— А если ими будет руководить рулевой? — спросила Алия.

— С их стороны это был бы отчаянный ход. Вот почему я здесь.

— Может, они видели то, чего мы не видели мы? — предположила Алия.

— Может быть...

Алия кивнула, вспомнив свои мысли о новом таротс Дюны. Она быстро сопоставила все факты.

— На нас набрасывают одеяло, — заключил за нее Пол.

— С достаточным количеством патрулей, — вмешался Стилгар, — мы сможем помешать...

— Мы ничему не помешаем, — возразила ему Алия. Ей не нравилось, как действует мозг Стилгара. Он сузил свой кругозор, ограничившись самым очевидным. Это был уже не тот Стилгар, каким она его помнила.

— Мы должны считаться с той возможностью, что они раздобудут червя, — сказал Пол, — но еще вопрос, смогут ли они начать меланжевый цикл на другой планете. Для этого мало иметь червя.

Стилгар переводил взгляд с брата на сестру. Жизнь в съетче обучила его экологии, и он понял, о чем они говорят. Плененный червь сможет жить только в арракисских условиях — песчаный планктон, маленькие Создатели и так далее. Затруднения перед Союзом огромные, но разрешимые. Стилгара больше беспокоило другое. Он спросил:

— Значит, ваша способность к предвидению не помогла обнаружить Союз за работой?

— Проклятье! — взорвался Пол.

Алия изучала Стилгара, понимая, какие мысли возникают в его мозгу. Мысли о магии. Подсмотреть будущее — значит украсть мистический огонь от священного костра. В этом была притягательная опасность, опасность найденных и потерянных душ. Но Стилгар начал ощущать присутствие и других, может быть, более могущественных сил за невидимым горизонтом. Его королева-колдунья и его друг-волшебник проявили опасную слабость.

— Стилгар, — сказала Алия, пытаясь ему помочь, — ты стоишь в овраге, между двумя берегами. Я стою на вершине. Я вижу то, чего не видишь ты. И среди прочего я вижу горы, скрывающие дали.

— Есть вещи, скрытые и для вас, — сказал Стилгар. — Вы это сами не раз говорили.

— Любая способность имеет свои границы.

— Но опасность может прийти из-за гор? — спросил Стилгар.

— Что-то в этом роде, — подтвердила Алия.

Стилгар кивнул, задержав взгляд на лице Пола.

— То, что приходит из-за гор, должно пересечь дюны...

«Самая опасная игра во Вселенной — править на основе предсказаний оракула. Мы не считаем себя достаточно мудрыми, чтобы играть в эту игру. Меры, которые мы применяем, только приближаются к правлению. Для наших целей мы заимствуем определение Бене Джессерит, согласно которому различные планеты есть генные бассейны, источники обучающихся и обучаемых, источники возможного... Наша цель — не

править, но закрыть эти генные бассейны, учиться освобождаться от всех ограничений, наложенных на нас дисциплиной и правительством».

«Оргия как орудие правления».
Руководство для рулевых, глава третья.

— Здесь погиб ваш отец? — спросил Адрик, указывая на жемчужный замок на рельефной карте, украшающей стену приемной Пола.

— Здесь его рака, — ответил Пол. — Мой отец умер в плену, на фрегате Харконнена.

— О, да, теперь я припоминаю, — сказал Адрик. — Я слышал об убийстве старого Барона Харконнена, его смертельного врага, — Адрик перевернулся в оранжевом газе, взглянул на Пола, одиноко сидевшего на длинном диване. Он надеялся, что сумел скрыть тот ужас, который вызывают у него такие маленькие помещения.

— Моя сестра убила Барона, — сухо отозвался Пол, — как раз перед битвой на Арракисе.

«Зачем, — подумал он, — рыба-человек тревожит старые раны в такое время и в таком месте?»

Рулевой, казалось, с трудом сдерживает беспокойство; взгляд его крошечных глазок метался по комнате, спрашивая, измеряя. Единственный помощник, который сопровождал его, сидел в стороне, вблизи от линии стражников, слева от Пола. Помощник беспокоил Пола — массивный, с толстой шеей и тупым невыразительным лицом. Он только что вошел в комнату, подтащил бак с Адриком и теперь сидел, опустив руки и расслабившись.

«Скайтейл», — звал его Адрик. Скайтейл, помощник.

Внешность помощника кричала о глупости, но глаза выдавали его. Они смеялись над всем, что видели.

— Вашей возлюбленной как будто понравилось представление лицевых танцоров, — говорил Адрик. — Я рад, что смог доставить ей это маленькое удовольствие. Особенно я радовался ее реакции, когда ее внешность повторили одновременно все члены труппы.

— Разве это не предостережение представителей Союза, приносящих дары? — спросил Пол.

Ему припомнилось представление, которое они давали здесь, в большом зале. Танцоры появились в костюмах и гриме тарота Дюны. Последовал парад правителей — Короли и Императоры, будто лица на монетах, официальные и

резко очерченные, но забавно подвижные... А чего стоили такие шутки, как имитация собственного лица и тела Пола: Чани вздрогнула, Стилгар что-то проворчал, в то время как остальные смеялись.

— Но у наших даров самые добрые намерения, — возразил Адрик.

— Как можете вы быть добры? — спросил Пол. — Гхола, которого вы дали нам, считает, что он предназначен для нашего уничтожения.

— Вашего уничтожения, сир? — недоверчиво переспросил Адрик. — Разве можно уничтожить Бога?

Стилгар, вошедший одновременно с его последними словами, остановился и посмотрел на охранников. Они находились гораздо дальше от Пола, чем это можно было допустить. Он гневно приказал им приблизиться.

— Все в порядке, Стил, — сказал Пол, подняв руку. — Просто дружеское обсуждение. Передвинь бак с послом к краю дивана.

Стилгар, взвесив приказ, решил, что в этом случае бак с послом Союза окажется между Полом и помощником Адрика. Пожалуй, слишком близко к Полу, но...

— Все в порядке, Стил, — повторил Пол и сделал знак рукой, обязывающий немедленно исполнить приказ.

Стилгар с очевидной неохотой подтолкнул бак ближе к Полу. Ему не нравился ни сам бак, ни исходящий от него густой запах меланжа. Он занял позицию у угла бака, под приспособлением, с помощью которого рулевой говорил.

— Нельзя убить Бога? — повторил Пол. — Это чрезвычайно интересно... Но кто говорит, что я Бог?

— Те, кто поклоняются вам, — ответил Адрик, указывая глазами на Стилгара.

— А вы в это верите? — спросил Пол.

— То, во что я верю, не имеет значения, сир. Большинство наблюдателей согласны в том, что вы позволяете делать из себя Бога. А может ли смертный проделать это... безнаказанно для себя?

Пол изучал Посла. Отвратительное создание, но умное. Этот же вопрос сам Пол задавал себе неоднократно. Но он видел достаточно временных линий, чтобы знать о существовании гораздо более худших возможностей, чем собственное обожествление. Для рулевого же такое направление размышлений неведомо. Интересно, почему Адрик задал этот вопрос? Чего он рассчитывал добиться такой

дерзостью? Мысли Пола неслись все быстрее... щелк (за этим ходом должен стоять союз с Тлейлаксом) ...щелк (последняя победа джихада на Сембу должна была ускорить действия Адрика) ...щелк (здесь чувствуется и рука Бене Джессерит) ...щелк. Процесс, включающий обработку тысяч обрывков информации, прервался в его компьютерном мозгу. На все потребовалось не больше трех секунд.

— Рулевой сомневается в руководящей роли предвидения? — спросил Пол, переводя Адрика на уязвимую почву.

Это встревожило рулевого, но он умело скрыл беспокойство, произнеся нечто похожее на длинное извинение:

— Ни один разумный человек не станет оспаривать возможности предвидения, сир. С самых древних времен люди знали о видениях оракулов. Эти видения запутывают нас, когда мы меньше всего об этом подозреваем. К счастью, в нашей Вселенной есть иные силы.

— Более могущественные, чем предвидение? — продолжал наступление Пол.

— Если бы существовало только предвидение, сир, оно бы самоуничтожилось. Ничего, кроме предвидения? К чему оно тогда прилагалось бы, кроме собственных движений?

— Всегда существует еще конкретная ситуация и человеческая интуиция, — примирительно сказал Пол.

— В лучшем случае предвидение слишком ненадежно, — сказал Адрик, — даже если оно не смешивается с галлюцинациями.

— Неужели мое предвидение только галлюцинация? — спросил Пол с притворной грустью в голосе. — Или вы считаете, что галлюцинируют мои приверженцы?

Стилгар, чувствуя нарастающее напряжение, подошел ближе к Полу, внимательно вглядываясь в извивающегося в баке посла Союза.

— Вы искажаете мои слова, сир, — возразил Адрик. Странная, приглушенная ярость звучала в его голосе.

«Они не посмеют, — сказал себе Пол и оглянулся на охрану. — Если только они не подкупили моих стражей».

— Но вы обвинили меня в том, что я сознательно организовал заговор, чтобы превратить себя в Бога, — сказал Пол так тихо, что его могли слышать только Стилгар и Адрик.

— Я неудачно выразился, милорд, — сказал Адрик извиняющимся тоном.

— Это было не случайно, — возразил Пол. — Ваши слова означают, что вы ожидаете от меня худшего.

Адрик изогнул шею и покосился с опаской на Стилгара.

— Люди всегда ожидают худшего от сильных мира сего, сир. Давно уже сказано, что они открывают лишь те свои пороки, которые способствуют увеличению их популярности.

По лицу Стилгара пробежала тень. Пол, не оборачиваясь, ощутил его гнев: как смеет этот рулевой разговаривать с Муад Дибом в таком непочтительном тоне!

— Вы, конечно, шутите? — сказал Пол.

— Это не шутки, сир.

У Пола пересохло во рту. Ему вдруг показалось, что в комнате слишком много людей, что воздух, которым он дышит, прошел уже через множество легких. Запах меланжа, исходивший от бака Адрика, сделался невыносимым, в нем появилось что-то угрожающее.

— И кто же, по-вашему, участвует со мной в этом заговоре? — внезапно спросил Пол. — Вы имеете в виду Квизарат?

Адрик вздрогнул, всколыхнув облако оранжевого газа. Казалось, он больше не замечает Стилгара, хотя тот продолжал пристально наблюдать за ним.

— Вы полагаете, что миссионеры Святых орденов, все без исключения, во время молитв лицемерят? — допытывался Пол.

— Это определяется мерой их личной откровенности и зависит от их искренности, — ответил Адрик.

Стилгар потянулся рукой к крисножу.

Пол покачал головой и сказал:

— Значит, вы обвиняете меня в неискренности?

— «Обвинять» — неподходящее слово, сир.

«Какое, однако, храброе существо!» — подумал Пол. И сказал:

— Во всяком случае, вы утверждаете, что я и мои епископы — разбойники, жаждущие власти.

— Власти, сир? — Адрик снова взглянул на Стилгара. — Но власть стремится изолировать тех, у кого ее слишком много. Постепенно они утрачивают связи с реальностью... и гибнут.

— Милорд, — проворчал Стилгар, — бывало, что вы раньше приказывали казнить и за меньшую вину!

— Да, — согласился Пол. — Но ведь он — посол Союза.

— Он обвинил вас в обмане!

— Ход его мыслей интересует меня, Стил, — сказал Пол. — Сдержи свой гнев, но будь наготове.

— Как прикажет Муад Диб.

— Скажите мне, рулевой, — продолжал Пол, — как можем мы поддерживать этот гипотетический обман в таких гигантских пределах пространства и времени, не имея возможности следить за каждым миссионером, проверять каждый оттенок проповедей Квизарата в храмах?

— Что значит для вас время? — возразил Адрик.

Стилгар нахмурился в очевидном замешательстве. «Муад Диб часто говорил, что видит сквозь вуаль времени. Что имеет в виду этот рулевой», — подумал старый Свободный.

— Разве в структуре такого обмана не обнаружились бы дыры? — спросил Пол. — Разногласия, споры, сомнения, признания вины — обман не смог бы удержать все это.

— То, чего не может скрыть религия, скроет правительство, — ответил Адрик.

— Вы проверяете границы моего терпения?

— Неужели в споре я перешел границы?

«Он хочет, чтобы мы его убили? — недоумевал Пол. — Неужели Адрик предлагает себя в качестве жертвы?»

— Мне импонирует ваш циничный подход, — сказал Пол, чтобы испытать его. — Вы, очевидно, обучены всем лицевым трюкам, вы владеете двойными значениями слов. Язык для вас — оружие, и вы теперь проверяете мое вооружение.

— Циничный подход? — улыбнулся Адрик. — Известно, что правители циничны всегда, когда дело касается религии. Религия — тоже оружие. И какое! Особенно если религия становится во главе государства.

Пол почувствовал, как внутри у него все замерло. Осторожнее! Помнит ли Адрик, с кем он говорит? Глубокомысленный, понимающий тон, слова, полные скрытых значений, саркастические намеки на общие тайны... Он всячески дает понять, что они с Императором два мудреца, существа с широким кругозором, которые понимают то, чего не дано понять другим. Шокированный его манерой, Пол вдруг понял, что не он сам является главным его адресатом. Чудовище, посетившее его дворец, обращалось главным образом к остальным — к Стилгару, к охранникам. Может быть, даже к помощнику Скайтейлу.

— Божья благодать сама снизошла на меня, — заметил Пол. — Я не искал ее, — и он подумал: «Ну и пусть этот человек-рыба считает себя победителем в нашем словесном поединке».

— Почему же вы не отреклись от нее, сир? — спросил Адрик.

— Из-за моей сестры Алии, — ответил Пол, внимательно наблюдая за Адриком. — Она богиня. Позвольте посоветовать вам быть осторожным во всем, что касается Алии, иначе она убьет вас своим взглядом.

Насмешливое выражение, начавшее вырисовываться на лице Адрика, сменилось выражением шока.

— Я говорю абсолютно серьезно, — добавил Пол, видя, что замешательство посла усиливается. Стилгар кивнул.

Упавшим голосом Адрик сказал:

— Вы ставите под сомнение мою уверенность в вас, сир. Несомненно, таково и было ваше намерение.

— Оставьте в покое мои намерения, — отрезал Пол и дал знак Стилгару, что аудиенция закончена.

В ответ на вопросительный взгляд Стилгара, нужно ли убить Адрика, Пол рукой просигналил: «Не нужно», и повторил повелительный жест, чтобы Стилгар беспрекословно подчинился.

Скайтейл, помощник Адрика, взялся за задний край бака и потащил его к двери. Оказавшись напротив Пола, он остановился, обратил к Полу смеющийся взгляд и спросил:

— Если позволите, милорд...

— В чем дело? — спросил Пол, видя, что Стилгар придвинулся ближе, готовясь отразить новую угрозу.

— Некоторые считают, — сказал Скайтейл, — что люди жаждут императорской власти потому, что пространство бесконечно. Для них, разобщенных, одиноких людей, Император — символ определенности. Они могут повернуться к нему и сказать: «Смотри, вот Он! Он связывает нас воедино». Возможно, религия служит той же цели, милорд?

Скайтейл не без приятности кивнул Полу и подтянул бак. Они выбрались из зала, причем Адрик безвольно висел в своем газе, закрыв глаза. Казалось, вся нервная энергия рулевого истощилась в споре.

Пол смотрел вслед волочившему ноги Скайтейлу, раздумывая над его словами. Странный тип, этот Скайтейл, подумал он. Говорят, он излучал флюиды многих людей, как будто вся его генная наследственность лежала на поверхности кожи.

— Странно, — проговорил Стилгар, не обращаясь ни к кому в отдельности.

Как только стражник закрыл дверь за Адриком и его экспертом, Пол встал с дивана.

— Странно, — повторил Стилгар. На его левом виске билась жилка.

Пол потушил свет в зале и подошел к окну, выходившему в угол крепостного двора. Далеко внизу сияли огни; там двигались группы рабочих, подтаскивая гигантские блоки из пластали для обновления фасада храма Алии. Недавно фасад был поврежден порывом пустынного ветра.

— Глупо было приглашать сюда это существо, Узул, — сказал Стилгар.

«Узул... — подумал Пол. — Мое имя из съетча. Стилгар напоминает, что когда-то он руководил мной и спас меня от пустыни».

— Зачем ты это сделал? — спросил Стилгар, стоя рядом с Полом.

— Данные, — ответил Пол. — Мне необходимо больше данных.

— Ты встретил эту угрозу только как ментат. Разве это благоразумно с твоей стороны?

«Очень проницательно», — подумал Пол.

Расчеты ментата всегда конечны — ни на одном языке нельзя выразить нечто бесконечное. Но способности ментата тоже можно использовать.

— Всегда что-то остается снаружи, — продолжал Стилгар. — Некоторые вещи лучше держать снаружи.

— Или внутри, — возразил Пол. И на мгновение задумался над единственным собственным методом ментата. Снаружи, да. Но и внутри — вот где подлинный ужас. Кто может защитить себя от самого себя? Они, несомненно, хотят, чтобы он уничтожил себя, но в его положении есть гораздо более ужасные пути.

Его размышления были прерваны звуком быстрых шагов. В дверях показался Квизара Корба. Его как будто гнала невидимая сила. Оказавшись в полумраке зала, он почти мгновенно остановился. В руках у него было множество катушек с записями. В пробивавшемся из двери свете они блестели, будто сделанные из драгоценного камня. Но вот рука охранника прикрыла дверь, и драгоценности померкли.

— Это вы, милорд? — спросил Корба, всматриваясь в тени людей.

— В чем дело? — спросил Стилгар.

— Стилгар?

— Мы оба здесь. Что случилось?

— Я обеспокоен приемом представителя Союза.

— Обеспокоен? — переспросил Пол.

— Люди говорят, милорд, что вы чувствуете наших врагов.

— Это все? — спросил Пол. — Я просил тебя принести именно эти катушки?

— Катушки... ох! Да, милорд. Это же те самые. Хотите просмотреть их здесь?

— Я их видел. Хочу, чтобы их просмотрел Стилгар.

— Я?! — удивился Стилгар. Он чувствовал, как в нем растет негодование, вызванное этим нелепым распоряжением Пола. Катушки! Они обсуждали с Полом завоевание Забулона. Посол Союза своим визитом прервал их. А теперь вот Корба со своими катушками!

— Хорошо ли ты знаешь историю? — спросил Пол у смуглолицей фигуры рядом с собой.

— Милорд, я могу назвать каждую планету, захваченную нашими людьми. Я знаю пределы Империи...

— А золотой век Земли? Ты когда-нибудь читал о нем?

— Земля? Золотой век? — Стилгар чувствовал раздражение и изумление. Зачем Полу понадобилось обсуждать с ним древние миры? Голова Стилгара была полна данными о Забулоне — расчетами государственных ментатов: двести пять нападающих фрегатов с тридцатью легионами, батальонами поддержки, миссионеры Квизарата... потребности в пище и в меланже... оружие, обмундирование, медикаменты... урны для праха погибших... количество специалистов для пропагандистского аппарата, чиновники, шпионы... и шпионы за шпионами. Все это Стилгар держал в голове.

— Я захватил с собой пульсовой синхронизатор, милорд, — вмешался Корба. Он, очевидно, почувствовал нарастающее напряжение между Полом и Стилгаром и был обеспокоен этим.

Стилгар с сомнением покачал головой: зачем нужен пульсовой синхронизатор? Зачем Пол хочет, чтобы он использовал мнемонический усилитель к проектору? Зачем вообще рассматривать события далекой истории? Это работа ментата! Как всегда, Стилгар не мог преодолеть настороженное отношение к проектору и другим техническим приспособлениям — они вызывали у него ощущение беспокойства. Но позднее мозг отсортировал данные, поставляя ему необходимую информацию, о существовании которой он и не подозревал.

— Сир, нужно обсудить расчеты по Забулону, — сказал Стилгар.

— Засушить расчеты по Забулону! — вскипел Пол, используя самое неприличное для Свободных выражение.

— Милорд!

— Стилгар, — сказал Пол, — тебе необходима внутренняя уравновешенность, а она приходит только при понимании необходимости долговременных усилий. Корба принес с собой ту немногую информацию, которая дошла до нас, те немногие факты, которые сохранились после Бутлерианского Джихада. Начнем с Чингис-хана.

— Чингис... хан? Он что, из сардукаров, милорд?

— Он жил намного раньше и убил что-то около четырех миллионов.

— У него, должно быть, было очень хорошее оружие для этого. Ласган или...

— Он не сам убивал, Стил. Он убивал так же, как убиваю я, посылая свои легионы. Был и другой правитель — Гитлер, я хочу, чтобы ты знал и о нем. Он убил свыше шестидесяти миллионов. Совсем неплохо для тех времен.

— Убил... своими легионами? — переспросил Стилгар.

— Да.

— Не очень впечатляющая статистика, милорд.

— Ну, хорошо, Стил, — Пол взглянул на катушки в руках Корбы. Тот держал их так, как будто они жгли ему руки. — А вот другая статистика: по предварительным подсчетам, я убил шестьдесят один миллиард людей, опустошил девяносто планет, полностью деморализовал еще пятьсот. Я уничтожил представителей сорока религий, которые существовали с...

— Неверные! — вскричал Корба. — Все они неверные, сир!

— Нет, — возразил Пол. — Верующие!

— Милорд шутит, — дрожащим голосом проговорил Корба. — Джихад принес свет на десять тысяч миров...

— Тьму! — оборвал его Пол. — Сотни поколений будут оправляться от джихада Муад Диба. Мне трудно представить, что кто-либо сумеет превзойти это, — лающий смех вырвался из его горла.

— Что забавляет Муад Диба? — спросил Стилгар.

— Я не забавляюсь. Просто меня посетило видение Императора Гитлера, говорящего примерно то же самое. Несомненно, он так говорил.

— Ни у одного правителя не было вашей власти, — возразил Корба. — Кто осмелится бросить вам вызов? Ваши легионы контролируют всю известную Вселенную и все...

— Легионы контролируют? — возразил Пол. — Я сомневаюсь, знают ли они об этом.

— Вы контролируете ваши легионы, сир, — прервал его Стилгар. По его тону было ясно, что он подумал о собственной позиции в цепи подчинения и о своей руке, обладающей властью.

Направив мысли Стилгара в нужное русло. Пол перенес все внимание на Корбу.

— Положи катушки на диван!

Когда Корба повиновался, Пол спросил:

— Как идет прием посла у сестры?

— Все в порядке, милорд, — ответил Корба довольно сухо. — Чани следит из смотрового отверстия. Она подозревает, что в свите посла есть сардукары.

— Она, несомненно, права, — сказал Пол. — Шакалы собираются.

— Баннерджи, — Стилгар назвал имя руководителя службы безопасности, — беспокоился, что некоторые из них сумеют проникнуть в частные покои крепости.

— Сумели?

— Пока нет.

— Но в саду заметно некоторое смятение, — сказал Корба.

— Что именно? — спросил Стилгар.

Пол кивнул.

— Незнакомцы приходят и уходят, топчут цветы, шепчутся, — сказал Корба. — Мне докладывали об опасных высказываниях.

— Каких именно? — спросил Стилгар.

Пол кивнул.

— «Так вот на что идут наши деньги». И мне говорили, что так высказывался и сам посол!

— Не нахожу в этом ничего удивительного, — заметил Пол. — Много было неизвестных в саду?

— Десятки, милорд.

— Баннерджи поставил патрули у всех выходов, милорд, — сказал Стилгар. Он повернулся, и единственный горевший в зале шар осветил половину его лица. Это освещенное наполовину лицо вызывало у Пола какое-то давнее воспоминание, связанное с пустыней. Но он не старался припомнить яснее, больше интересуясь Стилгаром. На лице Свободного отражались почти все его мысли. Теперь вот на нем было написано недоверие, вызванное странным поведением Императора.

— Мне не нравится вторжение в сад, — сказал Пол. — Вежливость по отношению к гостям — одно дело, нужно было принять посла в соответствии с правилами, но это...

— Я прослежу, чтобы их удалили, — сказал Корба. — Немедленно.

— Подожди, — остановил его Пол, когда тот уже собирался выйти.

В наступившем молчании Стилгар занял такую позицию, чтобы можно было изучать лицо Пола. Это было искусно сделано, и Пол восхитился этим ходом. Рассчитанное движение Свободного, необходимое, но в то же время полное уважения к другим.

— Который час? — спросил Пол.

— Скоро полночь, сир, — ответил Корба.

— Корба, я думаю, что ты — мое лучшее создание, — сказал Пол.

— Сир! — в голосе Корбы звучала обида.

— Ты благоговеешь передо мной?

— Вы Муад Диб и были Узулом в нашем съетче, — сказал Корба. — Вы знаете мою преданность...

— Ты ощущаешь себя апостолом?

Корба, очевидно, не понял этого слова, но правильно истолковал интонацию.

— Император знает, что совесть моя чиста!

— Шаи-Хулуд, спаси нас! — пробормотал Пол.

Наступившая тишина была нарушена свистом. Кто-то шел по внешнему залу. Свист прекратился после лающего окрика охранника.

— Корба, я думаю, ты переживешь нас всех, — сказал Пол. И увидел свет понимания, озаривший лицо Стилгара.

— Незнакомцы в саду, сир? — спросил Стилгар.

— А, да. Пусть ими займется Баннерджи, Стил. А Корба ему поможет.

— Я, сир? — в голосе Корбы послышалось глубокое беспокойство.

— Некоторые из моих людей забыли, что некогда были Свободными, — сказал Пол, обращаясь к Корбе, но адресуя свои слова Стилгару. — Ты проследишь, чтобы те, кого Чани признала сардукарами, были убиты. И сделай это сам. Я хочу, чтобы это было сделано тихо, без лишнего шума. Мы должны постоянно помнить, что религия и государство — это не только молитвы и подписание договоров.

— Повинуюсь приказам Муад Диба, — прошептал Корба.

— Расчеты по Забулону? — напомнил Стилгар.

— Завтра, — ответил Пол. — А когда незнакомцев уберут из сада, объявите, что прием окончен.

— Понятно, милорд.
— Я уверен, что ты понял, Стил, — сказал Пол.

«Вот лежит поверженный Бог,
Падение его было грандиозно.
А мы лишь создали его пьедестал,
Узкий и высокий».

Эпиграмма Тлейлакса.

Согнувшись в три погибели, Алия смотрела на обезображенный труп, лежащий на песке, — несколько костей и остатки плоти на них. Когда-то это была молодая женщина. Руки, голова, большая часть верхней половины тела были съедены кориолисовыми ветрами. На песке всюду виднелись следы медиков и полицейских. Сейчас ушли все, кроме гробовщиков, которые стояли в стороне вместе с Хейтом, гхолой, ожидая, пока Алия кончит разгадывать эту страшную загадку.

Небо цвета спелой пшеницы накрывало ландшафт, окрашенный в серовато-зеленый цвет, обычный для полудня в этих широтах.

Тело обнаружил несколько часов назад низко летящий курьер, чьи приборы засекли слабые следы воды там, где ее не могло быть. Он вызвал экспертов, и те установили, что это была женщина примерно двадцати лет, Свободная, пристрастившаяся к семуте, и что она умерла здесь, в пустыне, от яда тлейлакского происхождения.

Смерть в пустыне — достаточно обычное дело. Но Свободная, пристрастившаяся к семуте, — это такая редкость, что Пол послал сестру осмотреть место с помощью приемов, которым научила ее мать.

Алия чувствовала, что ничего не узнала. Ее присутствие лишь набросило дополнительный ореол загадочности на это и без того загадочное происшествие. Она услышала шаги гхолы по песку и взглянула на него. Его внимание немедленно переместилось на парящие над их головами топтеры.

«Бойся Союза, приносящего дары», — подумала она.

Погребальный топтер и ее собственная машина стояли на песке у скалистого уступа за гхолой. Алии захотелось побыстрее улететь отсюда.

Но Пол считал, что она заметит нечто такое, что пропус-

тили остальные. Она изнемогала в своем стилсьюте, который казался удивительно непривычным после многих месяцев городской жизни. Она рассматривала гхолу в надежде, что тот знает что-нибудь важное об этой смерти. Из-под капюшона его стилсьюта выбился клок черных волос. Ей захотелось поправить эти волосы.

И как будто привлеченные этим ее побуждением, его серые металлические глаза обратились на нее. Она вздрогнула и с трудом отвела свой взгляд.

Женщина-Свободная умерла здесь от яда, называемого «врата ада».

Свободная, употреблявшая семуту.

Теперь и Алия разделяла беспокойство Пола.

Погребальные служители терпеливо ждали. В теле оставалось совсем мало воды, и им не было нужды торопиться. Всем казалось, что Алия таинственным способом читает правду, заключенную в этих останках.

Но никакой правды она не видела.

Лишь слабый гнев шевельнулся в ней при этих очевидных мыслях служителей. Эти мысли — продукт проклятой религиозной мистики. Она и ее брат не имели права быть просто людьми. Они должны были быть чем-то большим. Бене Джессерит позаботились об этом, манипулируя наследственностью Атридесов. Ее мать тоже внесла свой вклад, направив их на путь колдовства.

А Пол увековечил это различие.

Преподобные Матери, заключенные в памяти Алии, беспокойно шевелились, внушая ей: «Спокойно, малышка! Ты то, что ты есть. У тебя есть компенсация».

«Компенсация!»

Жестом она подозвала гхолу.

Тот подошел и остановился около нее, внимательный и терпеливый.

— Что ты видишь в этом? — спросила она.

— Мы, возможно, никогда не узнаем, кем была умершая, — сказал он. — Голова, зубы исчезли. Руки... Маловероятно, чтобы сохранилась ее генетическая запись, с которой можно было бы сравнить клетки.

— Яд тлейлаксу, — сказала она. — Что ты об этом думаешь?

— Многие пользуются таким ядом.

— Верно. И это тело слишком разложилось, чтобы его можно было восстановить, как твое.

— Даже если доверить это дело тлейлаксу, — добавил он.

Она кивнула и встала.

— Отвезешь меня в город.

Когда они были в воздухе и направились на север, она сказала:

— Ты управляешь точно так же, как это делал Данкан Айдахо.

Он задумчиво посмотрел на нее.

— Мне уже говорили об этом.

— О чем ты думаешь сейчас?

— О многом.

— Не уклоняйся от вопроса, черт возьми!

— От какого вопроса?

Она посмотрела на него в удивлении.

Он встретил ее взгляд и пожал плечами. «Жест Данкана Айдахо», — подумала она. Хрипло и напористо Алия сказала:

— Я только хотела проверить твою реакцию на свой голос. Меня беспокоит смерть этой молодой женщины.

— Я думал не об этом.

— О чем же?

— О странном чувстве, которое я испытываю, когда люди говорят о том, кем я мог быть.

— Мог быть?

— Тлейлаксу чертовски умны.

— Не слишком. Ты был Данканом Айдахо.

— Вероятно. Таков их прямой расчет.

— Значит, у тебя есть эмоции?

— В известной мере. Я чувствую нетерпение, беспокойство. Иногда мне приходится сдерживать себя, чтобы не задрожать. У меня бывают... вспышки воображения.

— Что именно?

— Слишком быстро, чтобы распознать. Вспышки... спазмы... почти воспоминания.

— Тебе интересны такие воспоминания?

— Конечно. Любопытство подталкивает меня вперед, к людям, но я движусь с большой неохотой. Я думаю: «А что, если я не тот, кем они меня считают?» Эта мысль мне не нравится.

— И это все, о чем ты думаешь?

— Вам лучше известно, Алия.

Как он смеет звать ее по имени! Она чувствовала, как в ней вспыхивает гнев и тут же угасает от звуков его голоса: негромкие полутона, мужская уверенность. Уголок ее рта дернулся. Она стиснула зубы.

— Это не Эль Куде — там, внизу? — спросил он, наклоняя крылья, чем вызвал легкую панику в их эскорте.

Она взглянула вниз, на тень их топтера, передвигающуюся по мысу над тропой Харг. Здесь, под утесом и скальной пирамидой, покоится череп ее отца.

— Эль Куде — это святое место, — сказала она.

— Мне нужно как-нибудь посетить его, — сказал он. — Поклонение останкам вашего отца может вызвать во мне воспоминания, которые я смогу удержать.

Она неожиданно поняла, как сильна в нем потребность узнать, кто он такой. Это было его главным стремлением. Она оглянулась на скалы, на утес, уходящий своим наклонным основанием в море песка. Гвоздичного цвета скалы поднимались из дюн, как корабли, борящиеся с волнами.

— Поверни назад, — сказала она.

— Но эскорт...

— Они последуют за нами, когда мы пролетим под ними.

Он повиновался.

— Ты верно служишь моему брату? — спросила она, когда они легли на новый курс, а эскорт повернул за ними.

— Я служу Атридесам, — ответил он официальным тоном.

Она увидела, как поднялась и опустилась его правая рука — почти как в давнишнем салюте, принятом на Келадане. Лицо его стало задумчивым. Она следила, как он вглядывается вниз, в скальную пирамиду.

— Что тебя беспокоит? — спросила она.

Губы его шевельнулись, голос был хриплый, резкий:

— Он был... он был... — по его щекам катились слезы.

Алию охватил благоговейный страх, страх Свободных. Он отдает воду мертвым! Ритуальным жестом она коснулась пальцем его щеки, ощутила слезы...

— Данкан... — прошептала она.

Он не отрывал взгляда от могилы внизу.

Она повторила громче:

— Данкан!

Он покачал головой и посмотрел на нее. Его металлические глаза засверкали.

— Я... почувствовал... руку на своем плече, — прошептал он. — Я чувствовал ее, — в горле у него хрипело. — Это был друг... мой друг...

— Кто?

— Не знаю. Я думаю... Я думаю, это был... Нет, не знаю.

Сигнал вызова вспыхнул перед Алией. Капитан эскорта

хотел знать причину возвращения в пустыню. Она взяла микрофон и объяснила, что они вспомнили место захоронения ее отца. Капитан напомнил, что час уже поздний.

— Мы возвращаемся в Арракин, — ответила она и повесила микрофон.

Хейт перевел дыхание и повернул топтер.

— Ты чувствовал руку моего отца на своем плече? — спросила она.

— Может быть...

Теперь это был голос ментата, подсчитывающего процент вероятности. Она видела, что к нему вернулось самообладание.

— Ты знаешь, откуда у меня воспоминания об отце?

— Представляю.

— Попробую объяснить, — она вкратце рассказала, как проснулась в сознании еще во чреве матери — ужаснувшийся зародыш, наделенный знаниями бесчисленных жизней, впечатанных в его нервные клетки, — и все это уже после смерти отца.

— Я знаю отца, как знала его моя мать. Все, до мельчайших подробностей. В некотором смысле я и есть моя мать. У меня все ее воспоминания до того, как она выпила Воду Жизни и впала в транс переселения.

— Ваш брат объяснил мне это.

— Почему?

— Я спросил.

— Но зачем?

— Ментату необходимы данные.

— Ага... — она посмотрела вниз, на плоскогорье у Защитной стены — изломанные скалы, пропасти, ущелья.

Он заметил направление ее взгляда и сказал:

— Очень открытое место там, внизу.

— Нет, там легко спрятаться, — она посмотрела на него. — Оно напоминает мне человеческий мозг с его извилинами.

— Ах-х! — воскликнул он.

— Ах-х? Что значит ах-х? — она неожиданно рассердилась на него, хотя причина этого не была ясна и ей самой.

— Вы бы хотели знать, что скрывает мой мозг, — сказал он с интонацией не вопроса, а утверждения.

— Откуда ты знаешь, что я не видела тебя силой своего предвидения?

— А вы видели? — он казался искренне заинтересованным.

— Нет!

— Сибиллы тоже имеют свои пределы, — сказал он.

Казалось, что он забавляется гневом Али, и это уменьшило ее гнев.

— Забавляешься? Ты не уважаешь мой дар? — спросила она. Но даже ей самой вопрос показался неубедительным.

— Я уважаю ваши предзнаменования и знаки, возможно, больше, чем вы думаете, — сказал он. — Я был на приеме во время вашего утреннего ритуала.

— И что же?

— У вас большие способности к символике, — ответил он, сосредоточив все внимание на приборах топтера. — Это область Бене Джессерит. Но, подобно многим другим колдуньям, вы относитесь к своей власти беспечно.

Она почувствовала приступ страха.

— Как ты смеешь!

— Я смею гораздо больше, чем думают мои создатели, — сказал он. — Из-за этого редкого факта я и остаюсь с вашим братом.

Алия изучала стальные шары, которые служили ему глазами. В них не было человеческого выражения. Капюшон стилсьюта скрывал линии его челюстей. Рот оставался крепко сжатым. Большая сила была в нем... и определенность. В словах его звучала уверенность: «...смею гораздо больше...» Так мог сказать Данкан Айдахо. Неужели тлейлаксу создали своего гхолу лучше, чем сами рассчитывали? Или же это просто притворство?

— Объяснись, гхола, — приказала она.

— Познай себя — таков приказ? — спросил он.

И снова она почувствовала, что он забавляется.

— Не играй со мной словами, ты... ты... существо! — она поднесла руку к рукоятке кринжа. — Зачем тебя подарили моему брату?

— Ваш брат сказал мне, что вы следили за представлением посла. Вы уже слышали мой ответ на этот вопрос.

— Отвечай снова — теперь мне.

— Я создан, чтобы уничтожить его.

— Это говорит ментат?

— Вы знали ответ заранее, — поддел ее гхола. — И вы знали также, что такой дар не был необходим. Ваш брат и так уничтожает себя.

Она взвешивала его слова, продолжая держаться за рукоять кринжа. Хитрый ответ, но в голосе звучит искренность.

— Зачем же тогда дар?

— Возможно, это позабавило тлейлаксу. Но правда и то, что Союз предназначил меня в качестве подарка.

— Зачем?

— Ответ тот же.

— По-твоему, я беззаботно отношусь к своей власти?

— А как вы ее проявляете?

Его вопрос совпал с ее собственными мыслями. Она убрала руку с ножа и спросила:

— Почему ты сказал, что мой брат уничтожает себя?

— О, полно, дитя! Где же ваша хваленая власть? Где ваша способность рассуждать?

Сдерживая свой гнев, она сказала:

— Рассуждай за меня, ментат.

— Хорошо, — он оглянулся на эскорт, потом снова занялся приборами. За северным краем Защитной стены показалась равнина Арракина. Пригородные деревни не были видны за завесой пыли, однако отдаленное сияние Арракина можно было рассмотреть.

— Симптомы, — сказал он. — Ваш брат содержит официального панегириста, который...

— Который был даром Свободных наибов.

— Странный подарок от друзей, — сказал он. — Зачем им окружать его лестью и подхалимством? Вы когда-нибудь вслушивались в слова этого панегириста? «Мир освещен Муад Дибом. Наш Император явился из тьмы, чтобы сиять всем людям. Он наш отец. Он драгоценная влага вечного фонтана. Он источает веселье, которое пьет вся Вселенная!» Тьфу!

Алия негромко заметила:

— Стоит мне передать твои слова эскорту, и тебя рассекут на мелкие кусочки.

— Так скажите им!

— Мой брат правит по естественному закону Неба!

— Вы сами в это не верите.

— Откуда ты знаешь, во что я верю?

Никакие приемы не могли сдержать ее дрожь. Такое воздействие гхолы она не предвидела.

— Вы приказали мне рассуждать как ментату, — напомнил он.

— Ни один ментат не знает, во что я верю! — она сделала два глубоких, прерывистых вдоха. — Как ты смеешь судить нас?

— Судить вас? Даже и не думал.

— Ты не представляешь себе, как нас учили!

— Вас обоих учили управлять, — сказал он. — В вас вырабатывали всепоглощающую жажду власти. Вы постигли науку политических интриг и ведения войн. Вас научили соблюдать ритуалы. Естественный закон? Что такое естественный закон? Этот миф населяет всю человеческую историю. Это призрак. Он не является субстанцией. Разве ваш джихад — естественный закон?

— Ментатская болтовня, — усмехнулась она.

— Я слуга Атридесов и говорю искренне.

— У нас нет слуг, только приверженцы.

— Я приверженец сознания, — сказал он. — Поймите, дитя, и вы...

— Не смейте называть меня ребенком! — выпалила она и наполовину вытащила клинок из ножен.

— Поправка принята, — он взглянул на нее, улыбнулся и снова занялся приборами топтера. Теперь важно было различить крепость Атридесов, возвышавшуюся, подобно утесу, в северной части Арракина. — Вы — нечто древнее в теле ребенка, — сказал он. — И тело это превращается в тело женщины.

— Сама не знаю, почему я тебя слушаю, — проворчала она, но выпустила рукоятку кинжала и вытерла ладонь о платье. Влажная, потная ладонь возмутила ее чувство Свободной — чувство бережливости. Какая потеря влаги тела!

— Вы слушаете, потому что знаете: я предан вашему брату, — сказал он. — Мои действия ясны, их легко понять.

— Ничто в тебе не ясно и не понятно. Ты самое загадочное создание из всех виденных мною. Откуда мне знать, что вложили в тебя тлейлаксу?

— По ошибке, а может, и намеренно, — ответил он, — они наделили меня способностью формировать себя.

— Ты возвращаешься на параболы Дзэнсунни, — обвинила она. — Мудрый человек формирует себя, глупый живет лишь для смерти, — сказала она, подражая его интонации. — Поклонник сознания!

— Люди не могут отделить средства обучения от его результата.

— Ты говоришь загадками!

— Я говорю с открытым разумом.

— Я передам все это Полу.

— Большую часть этого он уже слышал.

Она почувствовала, как ее переполняет любопытство.

— Почему же тогда ты до сих пор жив и... даже на свободе? Что он тебе сказал?

— Он рассмеялся и сказал: «Людям не нужен Император-бухгалтер, им нужен хозяин, кто-нибудь, кто мог бы защитить их от перемен». Но он согласился с тем, что разрушение его Империи исходит от него самого.

— Почему он так сказал?

— Потому что убедился, что я понимаю его проблемы и хочу ему помочь.

— А что ты сказал, чтобы он это понял?

Он молчал, разворачивая топтер для посадки на хорошо охраняемую площадку башни.

— Я требую ответа на мой вопрос!

— Я не уверен, что вы примете это.

— Об этом буду судить я! Приказываю тебе говорить!

— Позвольте мне сначала приземлиться, — сказал он. И не дожидаясь ее разрешения, мягко посадил топтер на оранжевую полосу на крыше башни.

— Теперь говори! — потребовала Алия.

— Я сказал ему, что выносить самого себя, возможно, самая трудная задача во Вселенной.

Она покачала головой:

— Это... это...

— Горькая пилюля, — подсказал он нужное слово, наблюдая, как бегут к ним по крыше охранники, принимая на себя задачи эскорта.

— Горькая чепуха!

— Самый знатный и самый ничтожный мучаются одними и теми же проблемами. И нельзя нанять ментата, чтобы он решил эти проблемы за тебя. Тут нельзя получить предписание, нельзя позвать свидетелей, чтобы получить ответ. Ни слуги, ни приверженцы не перевяжут эту рану. Пока ты не перевяжешь ее сам, она будет кровоточить.

Алия отвернулась от него и тут же поняла, что выдала этим свои чувства. Без власти Голоса, без колдовства он еще раз добрался до самых глубин ее души. Как ему это удалось?

— И что же ты посоветовал ему? — прошептала она.

— Рассуждать и устанавливать порядок.

Алия посмотрела на ожидающих в стороне охранников.

— И насаждать справедливость, — присовокупила она.

— Вовсе нет! — возразил он. — Я предложил, чтобы он рассуждал, руководствуясь одним-единственным принципом.

— И этот принцип?

— Беречь друзей и уничтожать врагов.

— Значит, судить не по справедливости?

— Что такое правосудие? Сталкиваются две силы. У каждой есть право в своей собственной сфере. Он не может предотвратить эти столкновения, он может лишь разрешить их.

— Как?

— Очень просто.

— Сохраняя друзей и уничтожая врагов?

— Разве это не служит стабильности? Людям нужен порядок, какой угодно. Они голодают и видят, что война стала спортом богатых. Это опасная форма рассуждений. Она нарушает порядок.

— Что ж, я скажу брату, что ты рассуждаешь слишком опасно и что тебя надо уничтожить, — сказала она, оборачиваясь к нему.

— Я уже предлагал ему это.

— Потому ты и опасен, что овладел своими страстями, — сказала она, справившись с собой.

— Я опасен вовсе не потому, — и прежде, чем она смогла пошевелиться, он наклонился, взял рукой ее подбородок и припал губами к ее губам.

Это был короткий и нежный поцелуй. Он отодвинулся, а она продолжала сидеть будто в шоке, замечая сдержанные улыбки на лицах охранников, которые неподвижно стояли снаружи.

Алия поднесла палец к губам. Какое знакомое ощущение в этом поцелуе! Его губы — плоть будущего, которое она видела кратчайшим путем предвидения. Грудь ее вздымалась. Она сказала:

— Мне следовало бы приказать, чтобы с тебя содрали кожу.

— Потому что я опасен?

— Потому что ты слишком много себе позволяешь!

— Я не беру ничего, что ранее не было бы мне предложено. Радуйтесь, что я не взял все предложенное, — он открыл дверцу и выбрался наружу. — Выходите, мы и так слишком долго занимались пустяками, — он пошел к выходу.

Алия выпрыгнула следом и побежала рядом с ним.

— Я расскажу ему все, что ты говорил и делал, — сказала она.

— Хорошо, — гхола открыл перед ней дверь купола.

— Он прикажет тебя казнить, — сказала она, проскальзывая в дверь.

— Почему? Из-за поцелуя? — он вошел за ней. Дверь закрылась. — Поцелуя, которого я хотел?

— Поцелуя, которого ты хотел? — ее переполнял гнев.

— Ладно, Алия. Поцелуя, которого мы хотели, — и он пошел впереди.

Его движение будто пробудило в ней предельно ясное сознание, и она поняла его искренность, его предельную правдивость. «Поцелуй, которого я хотела, — сказала она себе. — Это правда».

— Твоя правдивость, вот что опасно, — сказала она, идя следом за ним.

— Вы возвращаетесь на путь мудрости, — заметил он, не замедляя шага. — Ментат не мог бы дать более прямого ответа. А теперь: что вы видели в пустыне?

Она схватила его за руку и заставила остановиться. Он снова сделал это — привел ее мозг в состояние обостренного сознания.

— Я не могу этого объяснить, — ответила она, — но почему-то я все время думаю о лицевых танцорах. Почему?

— Именно за этим ваш брат и послал вас в пустыню, — сказал он. — Расскажите ему об этом.

— Но почему? — она посмотрела на него в упор. — Почему лицевые танцоры?

— Там мертвая женщина, — ответил он. — Но у Свободных не пропадала ни одна молодая женщина.

«Я думаю о том, какое счастье быть живым. Смогу ли я когда-нибудь ощутить себя таким, каким я некогда был? Основа та же. Но вот смогу ли я отыскать собственное «Я»? Это скрыто во мраке будущего. Но мне принадлежит все, доступное человеку, и любое мое действие может достичь цели»

«Высказывания гхолы». Комментарии Алии.

Пол принял большую дозу спайса и полностью погрузился в его кричащий запах, глядя внутрь себя в оракульном трансе. Он видел, как луна превратилась в продолговатую сферу и начала раскачиваться с ужасным воем и свистом. Внезапно она покатилась вниз, точно мяч, брошенный рукой ребенка... Вниз... Вниз... С яростным шипением, с каким раскаленная звезда погружается в бескрайнее море.

Луна исчезла.

Не зашла, а именно исчезла, ее больше не было. Земля тряслась, как змея, сбрасывающая с себя старую кожу. Ужас прокатился по ней.

Он рывком сел, глядя перед собой широко раскрытыми глазами. Часть его сознания была обращена внутрь, часть — наружу. Снаружи он видел пластальную решетку вентилятора своей спальни и знал, что находится в своей крепости. Внутренним зрением он продолжал видеть, как падает луна.

Наружу! Скорее наружу!

Решетка выходила в сверкающий свет полудня над Аррakином. Внутри же была черная ночь. Сладкие запахи, поднимающиеся из сада, доносились до его ноздрей, но ни один запах не мог вернуть ему эту падающую луну.

Пол опустил ноги на холодную поверхность пола и посмотрел наружу через решетку. Прямо перед собой он видел арку пешеходного мостика, сделанного из кристаллически стабилизированного золота и платины. Огненные жемчужины с далекого Седона украшали мостик. Он вел к галереям внутреннего города через бассейн и фонтаны, полные водяных цветов. С мостика, Пол это знал, можно заглянуть в их лепестки, чистые и алые, как свежая кровь.

Глаза его приспособились к этой картине, не выходя из спайсового рабства.

Ужасная картина падающей луны.

Эта картина предвещала чудовищную боль в его личной безопасности. Возможно, он видел падение цивилизации, рухнувшей под напором его собственных амбиций.

Луна... луна... падающая луна.

Пришлось принять большую дозу спайса, чтобы преодолеть туман, напущенный таротом. А увидел он лишь падающую луну и ненавистный путь, который знал заранее. Чтобы положить конец джихаду, покончить с этим вулканом крови, он должен признать свою несостоятельность.

Освобождайся... освобождайся... освобождайся ...

Запах цветов из сада напомнил ему о Чани. Он тосковал по ее объятиям, объятиям любви, забытья. Но даже Чани не может прогнать это видение. Что скажет Чани, если он заявит ей, что видит смерть? Зная, что это неизбежно, почему бы не избрать аристократическую смерть? Закончить жизнь пышной церемонией, растратить впустую оставшееся время? Умереть прежде, чем иссякнет воля к власти, разве это не аристократический выбор?

Он встал, подошел к отверстию в решетке и вышел на

балкон, окутанный цветами и лианами сада. Но во рту у него была сухость пустыни.

Луна ... луна... что это за луна?

Он вспомнил о словах Алии, о теле молодой женщины, найденном в пустыне. Свободная, пристрастившаяся к семуте. Все укладывалось в ненавистный рисунок.

«Никто ничего не может взять от этой Вселенной, — подумал он. — Она сама дает, что захочет».

На низком столике у балконных перил лежала морская раковина с матери-Земли. Он взял ее в руки и постарался перенестись назад во времени. Перламутровая поверхность отражала сверкающие лучи солнечного света. Он оторвал взгляд от раковины и посмотрел на небо, где полыхал гигантский пожар. На серебре небесной полусферы повисла неяркая радуга.

«Мои Свободные называют себя детями луны», — подумал он.

Положив раковину на место, Пол принялся расхаживать по балкону. Есть ли в этой леденящей кровь картине падающей луны надежда на спасение? Ответ он искал в мистическом общении. Спайс, однако, изнурил его, отняв последние силы.

Взглянув вниз, он увидел приземистые правительственные здания, пешеходные дорожки на крышах. По ним двигались люди, похожие на фигурки настенного фриза, повторявшие рисунок, выложенный керамической плиткой. Сами люди были плиткой! Поморгав, он смог удержать их застывшими в своем разуме. Фриз не упал!

Луна упала и исчезла ...

У него появилось такое чувство, что город, лежащий там, внизу, переведен в некий странный символ для его Вселенной. Здания, которые он видел, воздвигнуты на равнине, где его Свободные одержали победу над легионами сардукаров. Земля, на которой некогда гремела битва, теперь была отдана бизнесу.

Держась наружного края балкона, Пол завернул за угол. Теперь перед ним находился пригород, дома которого терялись в скалах и подвижных песках пустыни. На заднем плане доминировал храм Алии: на зеленых и черных полотнищах, покрывавших его двухтысячеметровые стены, виднелся символ луны — символ Муад Диба.

Падающая луна ...

Пол провел рукой по лбу и глазам. Это символ угнетал его.

Он презирал себя за свои мысли. Такие колебания в любом другом вызвали бы его гнев.

Он ненавидел свой город!

Ненависть, проистекающая из скуки, гнездилась глубоко внутри него, питаемая решением, которого нельзя было избежать. Он знал, какой тропой идти. Он много раз видел ее. Видел ее! Когда-то давно он возомнил себя создателем нового государства. Но все осталось по-старому, точно огромное сооружение с эластичной памятью: можно придать ему любую форму, но стоит лишь на мгновение ослабить давление, и оно принимает первоначальную форму. Силы, которые были вне пределов его досягаемости, силы, действовавшие в людях, нанесли ему поражение.

Пол смотрел на крыши домов. Какие сокровища новой жизни таятся под ними? Среди красных и золотых крыш виднелись участки зеленой растительности. Зелень — дар Муад Диба и его воды. Он видел сады и рощи — открытые участки растительности, соперничающие с легендарным Ливаном.

«Муад Диб тратит воду как безумный», — говорили Свободные.

Пол закрыл лицо руками.

Луна упала ...

Он опустил руки, прояснившимся зрением посмотрел на свою столицу. Она носила отпечаток чудовищного имперского варварства. Здания стояли под солнцем невероятно большие и яркие. Колоссы! Самые экстравагантные стили, какие только могла произвести необузданная фантазия, лежали перед ним: террасы в пропорциях горного плато, площади размером с город, шпили, вздымающиеся точно скалистые пики, окультуренные под парки участки дикой пустыни, необозримые в своей бесконечности.

Образцы искусства соседствовали с невообразимой безвкусицей. Отдельные детали вновь поразили его: столб из древнего Багдада, купола, придуманные в мифологическом Дамаске, арка из Атара, мира с низкой гравитацией, гармонические подъемы и хаотические спуски. И все это должно было создавать впечатление необыкновенного величия.

Луна! Луна! Луна!

Его охватило раздражение. Он чувствовал давление массового сознания, огромной человеческой вселенной. Человечество устремилось на него с силой гигантской приливной волны. Он видел человеческие потоки и течения, вихри,

движения тел. Никакие дамбы воздержания, никакие захваты власти, никакие проклятия не могли удержать эти течения.

В этом гигантском движении джихада Муад Диб был не больше, чем миг. Орден Бене Джессерит с его поиском генных образцов так же терялся в этом потоке, как и он сам. Видение падающей луны нужно сравнивать с другими легендами, другими видениями Вселенной, в которой кажущиеся вечными звезды слабеют, мигают, умирают.

Что значит одна-единственная луна для такой Вселенной?

Глубоко внутри крепости, так глубоко, что звук временами терялся в потоке городских звуков и шумов, послышалась песня джихада, сохранившаяся на Арракисе:

Ее бедра — дюны, нанесенные ветром,
Глаза ее сияют, как летний полдень.
Две пряди волос ниспадают на грудь,
Две пряди с вплетенными водными кольцами.
Мои руки помнят ее кожу,
Ароматную, как амбра, пахнувшую цветами.
Глаза дрожат от воспоминаний
Я охвачен белым пламенем любви!

Песня неприятно поразила его. Мелодия для глупцов, погрязших в сентиментальности! Песня-наркотик для трупа, который видела Алия.

В тени у решетки показалась фигура. Пол повернулся.

На солнечный свет вышел гхола. Его металлические глаза сверкали.

— Это Данкан Айдахо или существо по имени Хейт? — спросил Пол.

Гхола остановился в двух шагах от него.

— Что предпочитает милорд? — голос негромко предупреждал об осторожности.

— Игры Дзэнсунни! — с горечью произнес Пол. — Значение внутри значения. Что может сказать философ Дзэнсунни? Может ли он хоть на йоту изменить предстоящую реальность?

— Милорд обеспокоен?

Пол отвернулся, посмотрел на отдаленную Защитную стену, увидел вырезанные ветром арки и бастионы — то ли это причудливая имитация города, то ли город мимикрирует

под окружающую местность. Но скорее природа забавляется над человеком: смотри, что я могу соорудить! Он узнал щель в отдаленном массиве, место, где песок сочился из расселины, и подумал: «Здесь! Именно тут мы разбили сардукаров!»

— Что беспокоит милорда? — снова спросил гхола.

— Видение, — прошептал Пол.

— А-а! Когда тлейлаксу впервые разбудили меня, у меня тоже были видения. Я был беспокоен, одинок... не зная, что я одинок... Мои видения ничего не открыли мне. Тлейлаксу объяснили, что это — влияние плоти, которым страдают и люди, и гхолы; болезнь, не больше.

Пол повернулся и всмотрелся в глаза гхолы — стальные шары, лишенные всякого выражения. Какие видения могли видеть эти глаза?

— Данкан ... Данкан ... — прошептал Пол.

— Меня зовут Хейт.

— Я видел, как упала луна, — сказал Пол. — Она исчезла, пропала. Я слышал громкий свист... Земля дрожала ...

— Вы слишком много выпили времени, — ответил гхола.

— Я спрашивал Дзэнсунни, а получил ответ ментата, — сказал Пол. — Хорошо, пропусти мое видение через твою логику, ментат. Проанализируй его и облеки в простые слова, пригодные для погребения.

— Действительно, для погребения, — согласился гхола. — Вы убегаете от смерти. Вы торопите следующее мгновение, отказываясь жить в настоящем. Предсказания! Что за костыль для Императора!

Пол, как зачарованный, смотрел на хорошо ему знакомую ямочку на подбородке гхолы.

— Пытаясь жить в будущем, — продолжал гхола, — даете ли вы материю этому будущему? Делаете ли вы его реальным?

— Если я пойду путем моего видения, я буду жив, — пробормотал Пол. — Почему вы думаете, что я хочу жить здесь?

Гхола пожал плечами:

— Вы просили ответ.

— Каков же окончательный ответ? Ведь каждый неокончательный влечет за собой новый вопрос?

— Вы проглотили слишком много времени, у вас появилась иллюзия бессмертия, — сказал гхола. — Даже ваша Империя, милорд, живет во времени и во времени умрет.

— Не возжигай передо мной дымящиеся курильницы, —

проворчал Пол. — Я слышал достаточно рассказов о богах и мессиях. Зачем мне какие-то особые способности, чтобы предвидеть разрушение собственной Империи, подобно всем остальным? Это может сделать самый ничтожный слуга у меня на кухне, — он покачал головой. — Луна упала!

— Ваш мозг все еще нуждается в отдыхе, — сказал гхола.

— Так ты уничтожишь меня? — спросил Пол. — Помешаешь мне собрать мысли?

— Кто может собрать хаос? Мы, Дзэнсунни, говорим: «Не нужно собирать то, что собрано». Что вы можете собрать, не собрав первоначально самого себя?

— Меня разрывает на части мое видение, а ты несешь чепуху! — рассердился Пол. — Что ты знаешь о предвидении?

— Я видел оракулов, — просто ответил гхола. — Видел тех, кто ищет знаки и предзнаменования собственной судьбы. Они боятся того, что ищут.

— Моя падающая луна реальна, — прошептал Пол. Он сделал прерывистый вдох. — И она движется, движется ...

— Люди часто боятся того, что движется само по себе, — сказал гхола. — Вы боитесь собственной силы. Картины приходят вам в голову ниоткуда. Вы хоть раз задумывались над тем, откуда они приходят?

— Ты утешаешь меня шипами, — проворчал Пол.

Лицо гхолы осветилось изнутри. На мгновение он стал прежним Данканом Айдахо.

— Я дал вам то утешение, какое мог дать, — сказал он.

Пол задумался над этим мгновенным превращением. Неужели гхола испытал чувство грусти, которое его, Пола, мозг отверг? Неужели он отбросил собственное видение?

— У моей луны есть имя, — прошептал Пол.

И снова перед ним потекли видения. Все его существо кричало, но сам он не издал ни звука. Он боялся говорить, боялся, что голос выдаст его. Ужасное будущее без Чани! Тело, кричавшее в экстазе, глаза, обжигавшие его желанием, голос, никогда не говоривший ему лжи, — все исчезло, ушло в воду и песок.

Пол медленно повернулся и взглянул на площадь перед храмом Алии. Три бритых пилигрима входили в него. На них были угрюмые желтые одежды, они шли торопливо, наклонив головы. Один хромал на левую ногу. Завернув за угол, они исчезли из виду.

Исчезло, как исчезает луна. Видение по-прежнему лежало

перед ним. Его ужасная цель не позволяла ему сделать выбор.

«Плоть сдается, — подумал он. — Вечность берет свое. Наши тела робко колеблят воды вечности, дрожат от любви, мыслят, затем подчиняются вечности. Что можно сказать об этом? Я пойман, да, я пойман... »

«Солнце не просит о милосердии».

«Тяжкий труд Муад Диба».
Комментарии Стилгара.

«Одно неверно принятое решение может повлечь за собой смерть», — напомнила себе Преподобная Мать Гаиус Хэлен Моахим.

Она ковыляла, внешне беспечно, в кольце охранников-Свободных. Она знала, что один из них глухонемой, не поддающийся Голосу. Несомненно, ему велено убить ее при малейшей провокации.

Зачем Пол вызвал ее? Чтобы вынести приговор? Она вспомнила, как когда-то, давным-давно, испытывала его... ребенка, Квизац Садераха.

Будь проклята его мать во веки веков! Ее вина, что Бене Джессерит утратили эту генную линию.

Молчание окружало Преподобную Мать и ее стражу. Она чувствовала, как бегут перед нею слова-приказы. Пол услышит молчание еще до ее прихода. Он узнает о ее приближении до того, как о ней объявят. Она не обманывалась насчет сил, окружающих ее.

Будь он проклят!

Она сожалела о годах, тяжестью лежащих на плечах, — больные суставы, замедленная реакция, мускулы не такие эластичные, как в молодости. Долгий путь лежит за ее спиною и долгая жизнь. Она провела этот день с таротом Дюны в бесплодных поисках ключа к собственной судьбе. Но карты давали уклончивый ответ.

Охранники провели ее еще в один из казавшихся бесконечными коридоров. Треугольные окна из метастекла снова давали возможность взглянуть на шпалеры лоз и цветы в тени полуденного солнца. Под ногами на керамических плитах — изображения водных животных с экзотических планет. Напоминание о воде повсюду. Богатство роскошь...

Фигуры в капюшонах проходили мимо, искоса бросая

взгляды на Преподобную Мать. И их напряжение свидетельствовало, что они узнавали ее.

Она внимательно приглядывалась к идущему впереди охраннику — юное тело, розовые складки над воротником мундира.

Гигантские размеры цитадели начинали угнетать ее. Коридоры... коридоры... Они миновали открытую дверь, откуда доносились негромкие звуки тамбурина и флейты, наигрывавших старинную мелодию. Мелькнули синие-в-синем глаза Свободного. В них ей почудилось движение легендарных древних генов.

Она сразу почувствовала груз, который взвалила на себя. Ни на минуту Бене Джессерит не может забыть о генах и их возможностях. Она ощутила чувство утраты — этот упрямый глупец Атридес! Потерять такую драгоценность, как Квизац Садерах! Рожденный преждевременно, правда, но все равно реальный — реальный, как и эта его отвратительная сестра... в ней кроется неизвестная опасность. Дикая Преподобная Мать, родившаяся без вмешательства Бене Джессерит, не заботящаяся о нужной ордену генной линии. Она, несомненно, обладает способностями брата, а может, и большими.

Размеры крепости действовали на нее все более угнетающе. Неужели эти переходы никогда не кончатся? Все дышало ужасающей физической мощью. Ни одна планета, ни одна цивилизация во всей человеческой Вселенной не видела такого созданного человеком могущества. Дюжина древних городов могла укрыться в этих стенах.

Они миновали овальную дверь с мигающими огнями. Она узнала икшианскую работу — вход в транспортную пневматическую систему. Почему же тогда ей пришлось пройти пешком такое расстояние? В голове у нее уже созрел ответ: чтобы поразить ее воображение перед аудиенцией у Императора.

Ничтожная ниточка, но она увязывалась в ее сознании с другими, еще более ничтожными: выбор слов ее стражниками, намек на почтительность в их глазах, когда они называли ее Преподобной Матерью, холодные, пустынные, лишенные запахов залы на пути их следования — все сливалось в нечто единое, что могла истолковать Бене Джессерит совершенно однозначно.

Полу что-то нужно от нее!

Она подавила вздох облегчения. Все же существует воз-

можность поторговаться! Нужно только определить природу этой силы, испытать ее. Иногда при этом получаются результаты более грандиозные, чем эта цитадель. Бывало, что одно лишь прикосновение пальца опрокидывало целые цивилизации.

Преподобная Мать вспомнила, как оценил ее Скайтейл: «Когда такое существо развивается до определенной стадии, оно скорее умрет, чем разовьется в свою противоположность».

Коридоры, по которым она шла в сопровождении охраны, становились все шире. Использование арок, постепенное утолщение опор, поддерживающих своды, глубокие выемки вокруг треугольных окон — все должно было создать впечатление грандиозности. И вот перед ней двойные двери, возвышающиеся в конце высокой приемной. Она поняла, что двери действительно огромны, и усилием воли сдержала удивленный возглас, оценив их истинную величину. Высота их достигала восьмидесяти метров, ширина — вдвое меньше, чем высота.

Когда она в сопровождении охраны приблизилась, двери распахнулись внутрь будто бы сами собой, молчаливое грандиозное действие скрытого механизма. Она вновь узнала икшианскую работу. Сквозь гигантскую дверь Преподобная Мать прошла в большой приемный зал Императора Пола Атридеса — Муад Диба, «перед которым все люди карлики». Теперь она воочию видела воплощение этого популярного изречения.

Приближаясь к сидевшему на троне Полу, Преподобная Мать чувствовала, как подавляет ее грандиозность помещения, его архитектурные детали. Зал был огромен: в нем могла бы поместиться целая крепость какого-нибудь правителя древности. Было видно, что это помещение построено с тщательным расчетом. Формы и поддерживающие балки за этими стенами, далекий, уходящий ввысь купол превосходили любые постройки, возведенные когда-либо ранее. Все говорило об инженерном гении.

К концу зал незаметно уменьшался, с тем чтобы Император не выглядел на своем троне карликом. Скорее, эффект был противоположным. Нетренированное сознание новичка, пораженное пропорциями окружающего, воспринимает Императора намного большим, чем он был на самом деле. Цвета обрушивались на незащищенную душу: зеленый трон Пола был высечен из единого куска хагартского изумруда,

который символизировал развитие жизни. В то же время в мифах Свободных зеленый — цвет траура. Тот, кто сидит на этом троне, может заставить вас плакать, он сочетает жизнь и смерть в едином смысле. Такое искусное соединение противоположностей оказывало сильное психологическое воздействие на посетителей. За троном висели занавеси, горящие золотом и оранжевым — цветами, олицетворяющими пески Дюны, с коричневыми вкраплениями — цвет спайса. Для тренированного глаза символизм был очевиден, но на непосвященных он обрушивался как удар молнии.

Время играло здесь свою роль.

Преподобная Мать рассчитала, сколько времени ей понадобится, чтобы доковылять до трона. Чтобы подавить личность, нужно время. А попытка сопротивления будет подавлена необузданными силами и большими расстояниями. Начиная долгий путь к трону человеком, полным достоинства, вы заканчивали его мошкой.

Помощники и адъютанты располагались вокруг Императора в определенном порядке — внимательные телохранители у обтянутых черных стен. Эта мерзость, Алия, стояла на две ступени ниже Пола и слева от него. Стилгар, императорский лакей, находился на ступень ниже Алии, прямо под ней, а справа, на нижней ступени от пола, виднелась могучая фигура гхолы — плотские остатки Данкана Айдахо. Среди охранников Преподобная Мать заметила ветеранов-Свободных, бородатых наибов с рубцами от стильсютов на носу, с крисножами в ножнах, прикрепленных к поясам, некоторые даже с ласганами. Должно быть, это доверенные люди, подумала она, раз им позволили держать ласганы в присутствии Пола, конечно же, окруженного персональным силовым полем. Она издали видела его мерцание. Но достаточно одного луча ласгана, и вместо крепости появится гигантский кратер.

Ее стражники остановились в десяти шагах от помоста и расступились, открывая вид на императора. Преподобную Мать удивило отсутствие Чани и Ирулэн. Говорят, без них не обходится ни одна важная аудиенция.

Пол, выжидающий, молчаливый, кивнул ей.

Она решила обороняться и сказала:

— Итак, великий Пол Атридес решил взглянуть на того, кого он изгнал?

Пол сухо улыбнулся, думая: «Она знает, что я от нее что-то хочу. Это неизбежно, поскольку она та, кто она есть». Он

знал, что она сильна. Бене Джессерит не может стать Преподобной Матерью по воле случая.

— Может, не будем обмениваться колкостями? — спросил Пол.

«Неужели все так просто?» — подумала она, но вслух сказала:

— Назовите, что вам от меня нужно.

Стиглар шевельнулся и бросил быстрый взгляд на Пола. Императорскому лакею не понравился ее тон.

— Стиглар хочет, чтобы я отослал вас, — сказал Пол.

— А может, он просто хочет убить меня? — спросила она. — Я ожидала более прямого высказывания от Свободного-наиба.

Стиглар нахмурился и сказал:

— Мне часто приходится говорить не то, что я думаю. Это называется дипломатией.

— Тогда давайте откажемся от дипломатии, — предложила она. — Разве так уж необходимо мне было идти пешком? Я старая женщина.

— Нужно было показать вам, каким бессердечным я могу быть, — сказал Пол. — Так вы лучше оцените великодушие.

— Вы смеете использовать такие приемы с Бене Джессерит?

— В великих деяниях заключен особый смысл, — ответил Пол.

Она колебалась, взвешивая его слова.

— Говорите, что вам нужно от меня, — пробормотала она.

Алия взглянула на брата и кивнула в сторону занавесей за троном. Она знала, чего добивается Пол, но ей это не нравилось. Можно назвать это диким пророчеством: она не желала принимать участие в этих торгах.

— Поосторожнее со мной, Императором, старуха, — сказал Пол.

«Он назвал меня старухой тогда, будучи ребенком, — вспомнила Преподобная Мать. — Он напоминает мне о моей роли в прошлом? Я тогда приняла решение. Должна ли я отступить от него сегодня?» Она чувствовала ответственность момента, ноги ее дрожали. Мышцы кричали об усталости.

— Путь был долог, — сказал Пол, — и я вижу, вы устали. Перейдем в мою комнату за троном. Там вы сможете сесть, — Он сделал знак Стиглару и встал.

Стиглар и гхола подошли к ней и помогли подняться по ступеням. Вслед за Полом все прошли в проход между

занавесями. Она поняла, почему ее принимали в Большом зале — зрелище было рассчитано на стражей и наибов. Значит, он их опасается. А сейчас — сейчас он проявляет благорасположение к Бене Джессерит. Она почувствовала чье-то присутствие сзади и, оглянувшись, увидела Алию. Глаза молодой женщины блестели так зловеще, что Преподобная Мать содрогнулась.

Комната за троном в конце коридора оказалась двадцатиметровым кубом из пластали, с желтыми глоуглобами и оранжевыми занавесями пустынных тентов по стенам. В ней находился диван с маленькими подушками. На низком столике стояли хрустальные сосуды с водой. Чувствовался слабый запах меланжа. После огромного зала комната казалась крохотной.

Пол усадил ее на диван и встал перед ней, изучая древнее лицо — стальные зубы, глаза, прячущие больше, чем открывающие, кожа с глубокими морщинами. Он знаком указал на сосуд с водой. Она отрицательно покачала головой, причем у нее выбился клок седых волос.

Пол негромко сказал:

— Я буду торговаться с вами за жизнь моей любимой.

Стилгар прокашлялся.

Алия нащупала рукоять кринсжа, висевшего у нее на поясе.

Гхола с непроницаемым лицом, с металлическими глазами, устремленными в пространство над головой Преподобной Матери, остался у двери.

— У вас было видение о моем участии в покушении на ее жизнь? — спросила Преподобная Мать. Она по-прежнему следила за гхолой, странно встревоженная им. Почему она чувствует угрозу с его стороны? Ведь он — орудие заговора.

— Я знаю, чего вы хотите от меня, — сказал Пол, оставив без ответа ее вопрос.

«Значит, он только подозревает», — подумала Преподобная Мать. Она взглянула вниз, на концы своих туфель, высовывающихся из-под края черного платья. Туфли и платье несли на себе следы заключения: грязные, мятые. Она оживилась, но скрыла свою заинтересованность за сжатыми губами и полузакрытыми глазами.

— Какую цену вы предлагаете? — спросила она.

— Вы можете получить мое семя, но не меня самого, — сказал Пол. — Ирулэн будет изгнана и оплодотворена искусственным путем.

Оцепенев, Преподобная Мать затем взорвалась:

— Вы не посмеете!

Стиглар сделал шаг вперед.

Гхола беззаботно улыбнулся.

Алия внимательно посмотрела на него.

— Не будем обсуждать запреты вашего ордена, — сказал Пол. — Я не желаю слушать разглагольствования о грехе, мерзости или верованиях, оставшихся со времени прошлого джихада. Для своих планов вы можете получить мое семя, но ребенок Ирулэн не будет сидеть на моем троне.

— Ваш трон, — усмехнулась она.

— Мой трон!

— Кто же даст Императору наследника?

— Чани.

— Она бесплодна.

— Она ждет ребенка.

Невольный прерывистый вздох показал, как она потрясена.

— Вы лжете! — выпалила она.

Пол предостерегающе поднял руку, когда Стиглар шагнул вперед.

— Мы уже два дня знаем, что она носит моего ребенка...

— Но Ирулэн ...

— Только искусственным способом. Таково мое предложение.

Преподобная Мать закрыла глаза, чтобы не видеть его лица. Проклятие! Бросить ордену генетическую кость таким постыдным образом! Ее переполняло отвращение. Учение Бене Джессерит, уроки Бутлерианского Джихада — все запрещало такое действие. Никто не смеет унижать высочайшее деяние человека. Ни одна машина не может функционировать как человеческий мозг. Ни словом, ни делом нельзя допустить, чтобы человек рождался на уровне животного.

— Ваше решение? — спросил Пол.

Она покачала головой. Гены, драгоценные гены Атридесов, только они важны. Потребность сильнее, чем запрет. Для ордена сей брак означает нечто большее, чем сперма и яйцеклетки. Он нацелен на душу.

До Преподобной Матери теперь дошел смысл предложения Пола. Он заставит Бене Джессерит действовать так, чтобы вызвать гнев населения... если это откроется. И если Император откажется от отцовства, они не смогут его доказать. Такой ценой будут спасены гены Атридесов, но никогда не будет приобретен его трон.

Она обвела комнату пытливым взглядом, изучая лица: Стилгар, теперь пассивный и выжидающий, гхола, застывший в каком-то внутреннем оцепенении, Алия, следящая за гхолой , и Пол — сгусток гнева под легким покровом сдержанности.

— Это ваше единственное предложение? — спросила она.

— Да.

Она взглянула на гхолу, уловив мгновенное движение мышц его тела. Гхола может чувствовать?

— Ты, гхола, — сказала она. — Должно ли быть сделано такое предложение? И, будучи сделанным, должно ли оно быть принято? Выполни для нас функции ментата.

Металлические глаза повернулись к Полу.

— Отвечай, если хочешь, — разрешил тот.

Гхола повернул к Преподобной Матери лицо, светящееся вниманием, снова поразив ее осмысленной улыбкой.

— Любое предложение хорошо настолько, насколько реально то, что от него получают, — сказал он. — Здесь предлагают жизнь за жизнь. Высокий уровень сделки.

Алия отбросила со лба прядь медных волос и спросила:

— А что еще скрывается в этом договоре?

Преподобная Мать избегала смотреть на Алию, но ее слова горели у нее в мозгу. Да, в этом скрыто нечто более глубокое. Конечно, сестра Пола — мерзость, но нельзя не признать, что звание Преподобной Матери она носит заслуженно. Гаиус Хэлен Моахим в это мгновение чувствовала себя не отдельной личностью, но всеми остальными, которые таились в ее памяти. Все они были настороже, все Преподобные Матери, которых она восприняла, становясь жрицей ордена. Алия сейчас находилась в той же позиции.

— Что еще? — спросил гхола. — Приходится удивляться, почему колдуньи Бене Джессерит не использовали методы тлейлаксу.

Гаиус Хэлен Моахим и Преподобные Матери внутри нее содрогнулись. Да, тлейлаксу делают отвратительные вещи. Если опустить барьер перед искусственным осеменением, то следующий шаг, шаг тлейлаксу — контролируемая мутация.

Пол, наблюдая за игрой чувств вокруг себя, неожиданно почувствовал, что никого не узнает. Он видел только незнакомцев. И даже Алия была незнакомой.

Алия сказала:

— Если мы пустим гены Атридесов в реку Бене Джессерит, кто знает, каков будет результат?

Гаиус Хэлен Моахим резко повернула голову и встретилась взглядом с Алией. На мгновение они как бы слились в одно целое и подумали об одном и том же: «Что лежит за любыми действиями тлейлаксу? Гхола изготовлен тлейлаксу. Не он ли предложил Полу этот план? Будет ли Пол договариваться непосредственно с Бене Джессерит?»

Она оторвала взгляд от Алии, чувствуя себя уязвимой и слабой. Ловушка для Бене Джессерит, напомнила она себе, заключена в заранее данной власти: такая власть предрасполагает к тщеславию и гордости. Но власть обманывает тех, кто ею пользуется. Начинаешь верить, что власть способна преодолеть любую преграду ... включая собственное невежество.

Только один пункт здесь важен непосредственно для Бене Джессерит, сказала она себе. Целая пирамида поколений достигла своей вершины в Поле Атридесе и в этой его мерзкой сестре. Неверный выбор с ее стороны, — и всю пирамиду придется строить заново... начинать за много поколений с параллельных линий, скрещивая образцы с нужными характеристиками.

«Контролируемая мутация, — подумала она. — Практикуют ли ее тлейлаксу на самом деле? Какое искушение!» Она покачала головой. Лучше избавиться от таких мыслей.

— Вы отказываетесь от моего предложения? — спросил Пол.

— Я думаю.

И снова она посмотрела на его сестру. Оптимальное скрещение с женской линией Атридесов утрачено: Фейд-Раус убит Полом. Впрочем, остается другая возможность — она позволяет сохранить нужные характеристики в потомстве. Пол осмелился предложить Бене Джессерит искусственное оплодотворение. Готов ли он на самом деле заплатить за жизнь Чани? Примет ли он скрещение с собственной сестрой?

Желая выиграть время, Преподобная Мать спросила:

— Скажите мне, о беспорочный образец святого, а что скажет Ирулэн на такое ваше предложение?

— Ирулэн сделает то, что я ей прикажу, — отрезал Пол.

«Да, это так», — подумала Моахим. Она сжала губы и начала новый гамбит.

— Но ведь существует двое потомков Атридесов

Пол смутно догадался, к чему она клонит, и кровь бросилась ему в лицо:

— Осторожнее, старуха!

— Вы хотите использовать Ирулэн в своих интересах? — спросила она.

— А разве Ирулэн не готовили к этому? — в свою очередь спросил Пол.

«Он говорит, что обучили ее мы, — подумала Моахим. — Что Ирулэн — всего лишь разменная монета. Можно ли истратить ее по другому?»

— Посадите ли вы ребенка Чани на трон? — спросила она.

— На мой трон, — ответил Пол. Он взглянул на Алию, спрашивая себя, понимает ли она все возможности этого обмена. Алия сидела неподвижно, закрыв глаза. С какой внутренней силой она общается? Увидев сестру такой, Пол почувствовал, что его несет по течению, а она стоит на берегу и удаляется от него.

Преподобная Мать приняла, наконец, решение и сказала:

— Этот вопрос не может решать один человек. Я должна связаться со своим Советом на Валлахе. Вы позволите послать туда сообщение?

«Как будто она нуждается в моем позволении!» — подумал Пол.

Вслух он сказал:

— Согласен. Но не откладывайте надолго. Я не буду сидеть сложа руки и ждать, когда вы закончите свое обсуждение.

— Вы будете договариваться с Бене планеты Тлейлакс? — спросил гхола.

Алия открыла глаза и посмотрела на гхолу, как будто разбуженная опасным вторжением.

— Я еще не принял решения, — сказал Пол. — При первой возможности я отправлюсь в пустыню. Наш ребенок родится в съетче.

— Мудрое решение, — заметил Стилгар.

Алия избегала смотреть на Стилгара. Она знала, что это неверное решение. Чувствовала каждой своей клеточкой. И Пол наверняка это знал. Почему же он пошел по этой тропе?

— Предлагал ли Бене Тлейлакс свои услуги? — спросила она, отметив, с каким нетерпением ждет ответа Моахим.

Пол покачал головой.

— Нет, — он взглянул на Стилгара. — Стил, организуй отправку сообщения на Валлах IX.

— Слушаюсь, милорд.

Пол подождал, пока Стилгар вызовет охрану, и вышел вместе со старухой. Перед уходом она повернулась к гхоле.

— Ментат, — сказала она, — принесут ли тлейлаксу пользу?

Гхола пожал плечами.

Пол почувствовал, что его внимание рассеивается.

«Тлейлаксу? Нет ... не это имела в виду Алия. Но ее вопрос показывает, что она не видит альтернативы... что ж... видения бывают разные... Почему они не могут быть разными у брата и сестры?»

Он очнулся, уловив обрывки разговоров:

— ...должен знать, что тлейлаксу...

— ...полнота данных всегда...

— ...иногда необходимо усомниться...

Пол обернулся, взглянул на сестру и уловил ее взгляд. Он знал, что она увидит на его лице слезы и задумается. Пусть думает, думать — это единственное удовольствие, которое им осталось. Он посмотрел на гхолу и увидел только Данкана Айдахо, несмотря на его металлические глаза. Печаль и сострадание боролись в Поле. Что видят эти металлические глаза?

«Есть много степеней зрения и много степеней слепоты», — подумал Пол. Его мозг перефразировал строку из Оранжевой Католической Библии: «Каких чувств нам не хватает, чтобы увидеть окружающий нас другой мир?»

Видят ли эти металлические глаза другой мир?

Алия подошла к брату, чувствуя его печаль. Благоговейным жестом Свободных она коснулась его щек, катящихся слез, и сказала:

— Не нужно печалиться о мертвых раньше, чем они умерли.

— Раньше, чем они умерли, — повторил он шепотом вслед за ней. — Скажи мне тогда, сестренка, а что такое это «раньше»?

«Хватит с меня богов и жрецов! Вы думаете, я не вижу, как создается мой собственный миф, миф обо мне? Проверьте еще раз свои данные, Хейт. Я ввел свои ритуальные обряды в самые элементарные человеческие действия. Люди едят во имя Муад Диба! Любят во имя Муад Диба, пересекают улицы с моим именем на устах! Балка крыши на далеком Ганджишри не может быть поставлена без благословения Муад Диба!»

«Книга обличительных речей Муад Диба».
Из хроники Хейта.

— Вы рискуете, оставив свой пост и придя ко мне в такое время, — сказал Адрик, глядя сквозь стенку своего бака на лицевого танцора.

— Как слаба и ограниченна ваша мысль, — ответил Скайтейл.

Адрик колебался, рассматривая громоздкую фигуру, тяжелые веки, тупое лицо. Было еще рано, и обмен веществ Адрика пока не перешел от ночного отдыха к активному дневному потреблению меланжа.

— В этом обличии вы шли по улицам? — спросил Адрик.

— Никто не захочет взглянуть во второй раз на мою сегодняшнюю внешность, — усмехнулся Скайтейл.

«Хамелеон думает, что смена формы спрячет его от всех», — в редком прозрении подумал Адрик. И задумался, действительно ли его участие в заговоре скрывает их от предвидения. Сестра императора ...

Он покачал головой, всколыхнув оранжевый газ в баке, и спросил:

— Зачем вы здесь?

— Необходимо подтолкнуть гхолу — наш дар — к более быстрым действиям.

— Это невозможно.

— Нужно! — настаивал Скайтейл.

— Почему?

— Мне не нравится обстановка. Император пытается расколоть нас. Он уже начал переговоры с Бене Джессерит.

— А, вот оно что!

— Да, и поэтому нужно подтолкнуть гхолу

— Вы его создали, — сказал Адрик. — Вы, тлейлаксу. Должны знать лучше остальных, — он помолчал и приблизился поближе к прозрачной стенке бака. — Или вы лгали нам о замечательных свойствах этого дара?

— Лгали?

— Вы говорили, что оружие нужно лишь нацелить и отпустить, больше ничего. После этого гхолу не нужно трогать.

— Любого гхолу можно сбить с пути, — заметил Скайтейл. — Вам нужно лишь напомнить ему о его происхождении.

— Что это даст?

— Это подтолкнет его к активным действиям в наших интересах.

— Он — ментат, с могучими логикой и разумом, — возразил Адрик. — Он может догадаться о моих целях, или

же о них догадается сестра Императора. Если ее внимание сосредоточится на ...

— Так вы спрятали нас от пророчицы или нет?

— Я боюсь оракулов, — ответил Адрик. — Я занимаюсь логикой, реальными шпионами, физическими силами, действующими в империи, контролем за спайсом ...

— Можно относиться к власти Императора спокойно, если помнить, что все рано или поздно кончается, — прервал его Скайтейл.

Рулевой в возбуждении отскочил, члены его затряслись. Скайтейл с трудом подавил отвращение при виде этого зрелища. На навигаторе Союза было обычное трико с утолщением на поясе, где он держал различные контейнеры. Однако он производил впечатление обнаженного, когда двигался. Движения у него плавные, тягучие... Скайтейл еще раз подивился странному сочетанию заговорщиков. Что их объединяло? Несовместимая группа. В этом их слабость.

Возбуждение Адрика спало. Он смотрел на Скайтейла сквозь окружавший его оранжевый газ. Какой заговор держал в резерве лицевой танцор, чтобы спастись самому? Действия тлейлаксу невозможно предсказать. Дурной знак.

Что-то в голосе и действиях посла Союза подсказало Скайтейлу, что навигатор боится Алии больше, чем самого императора. Эта неожиданная мысль вспыхнула на окраине сознания. Беспокойная мысль. Неужели они проглядели что-то важное, связанное с сестрой Пола? Будет ли гхола достаточно надежным оружием, чтобы погубить их обоих?

— Вы знаете, что говорят об Алии? — спросил, испытывая Адрика, Скайтейл.

— Что вы имеете в виду? — человек-рыба снова пришел в возбужденное состояние.

— Никогда еще у философии и культуры не было такой покровительницы, — сказал Скайтейл. — В ней соединяются обаяние молодости и красота ...

— Что за болтовня насчет обаяния и красоты? — возразил Адрик. — Мы уничтожим обоих Атридесов. Культура! Они уничтожают культуру, чтобы править. Красота! Красота способствует порабощению. Они создают образованное невежество — это легче всего. Они ничего не оставляют на волю случая. Они знают только одно — ковать цепи, порабощать. Но рабы рано или поздно восстают.

— Сестра может выйти замуж и произвести потомство, — сказал Скайтейл.

— Почему вы говорите о сестре? — спросил Адрик.

— Император может выбрать для нее мужа, — ответил Скайтейл.

— Пусть выбирает. Уже пора.

— Даже вы не можете предвидеть следующий ход, — предупредил Скайтейл. — Вы не создатель ... так же, как и Атридесы. Не нужно преоценивать свои возможности.

— Мы не болтаем языком о созидании, — возразил Адрик. — Мы не чернь, пытающаяся сделать из Муад Диба мессию. Что за вздор? Почему вы поднимаете такие вопросы?

— Эта планета... — ответил Скайтейл. — Это она рождает вопросы.

— Планеты не разговаривают!

— Эта говорит.

— А?

— Она говорит о созидании. Ветер дует по ночам и наносит песок — это и есть созидание.

— Ветер наносит песок ...

— Когда просыпаешься поутру, первые солнечные лучи показывают тебе новый мир — чистый, ждущий твоих следов.

«Песок без следов? — задумался Адрик. — Созидание?» Он чувствовал, как его охватывает беспокойство: стенки бака, окружающая комната — все сжималось вокруг, душило его.

Следы на песке ...

— Вы говорите как Свободный, — сказал Адрик.

— Это мысль Свободных, и она поучительна, — согласился Скайтейл. — Они говорят, что джихад Муад Диба оставляет следы во Вселенной точно так же, как Свободный оставляет следы на гладком песке. Они прокладывают след будущим человеческим жизням.

— Так ли это?

— Приходит очередная ночь, — продолжал Скайтейл. — Ветер дует ...

— Да, — согласился Адрик, — джихад подходит к концу. Муад Диб использовал свой джихад и ...

— Он не использовал джихад, — возразил Скайтейл. — Это джихад использовал его. Я думаю, Пол остановил бы его, если бы мог.

— Если бы мог? — удивился навигатор. — Все, что ему нужно было ...

— Замолчите! — заорал Скайтейл. — Нельзя остановить

умственную эпидемию. Она переходит от человека к человеку через много парсеков. Она на редкость заразна и поражает самое незащищенное место — человеческий разум. Можно ли ее остановить? У Муад Диба нет противоядия. Корни эпидемии в хаосе. Можно ли там установить порядок?

— Значит, и вы заразились? — спросил Адрик. Он медленно повернулся в оранжевом газе, раздумывая, почему Скайтейл говорит с таким ужасом. Неужели лицевой танцор предал заговор? Невозможно сейчас заглянуть в будущее. Будущее превратилось в мутный поток, засоренный пророчествами.

— Мы все смешались, — сказал Скайтейл и напомнил себе, что разум Адрика имеет четко обозначенные границы. Как сделать это понятным для него?

— Но когда мы уничтожим его... — начал было Адрик.

— Мне следовало бы оставить вас в неведении, — прервал его Скайтейл. — Но мой долг не позволяет этого. К тому же это опасно для всех нас.

Адрик резко оттолкнулся перепончатой ступней, отчего оранжевый газ завихрился вокруг его ног.

— Вы говорите довольно необычно, — сказал он.

— Обстановка взрывоопасна, — уже спокойнее сказал Скайтейл. — Когда произойдет взрыв, обломки полетят через столетия. Разве вы не видите?

— Мы и раньше имели дело с религиями, — возразил Адрик. — Это не ново ...

— Это не просто религия! — воскликнул Скайтейл, думая, что сказала бы Преподобная Мать по поводу их коллеги по заговору. — Религиозное правительство — это нечто иное. Муад Диб повсюду утвердил свой Квизарат, заменив им все прежние правительственные структуры. У него нет постоянной гражданской службы, нет посольства. Зато есть епископства — острова власти. В центре каждого острова — человек. Люди учатся приобретать и удерживать личную власть. Люди реальны.

— Когда они разделятся, мы поглотим их одного за другим, — с благодушной улыбкой заявил Адрик. — Срубим голову, а тело упадет само ...

— У этого тела две головы.

— Сестра, которая может выйти замуж?

— Которая обязательно выйдет замуж!

— Мне не нравится ваш тон, Скайтейл.

— А мне не нравится ваше невежество.

— Ну и что, если она выйдет замуж? Разве это помешает нашим планам?

— Это потрясет Вселенную.

— Но они не уникальны. Я сам обладаю способностью, которая ...

— Вы дитя, Адрик. Вы ковыляете там, где они идут большими шагами.

— Они не уникальны!

— Вы забыли, рулевой, что однажды мы произвели Квизац Садераха. Это существо видит Время. Это форма существования, которой нельзя угрожать, не породив такую же угрозу против себя. Муад Диб знает, что мы собираемся напасть на Чани. Мы должны действовать быстрее, чем они. Нужно добраться до гхолы и подтолкнуть его, как я уже сказал.

— А если я этого не сделаю?

— Тогда вас поразит молния.

«О червь со множеством зубов! Отрицаешь ли ты то, что обречено на смерть? Тело и душу, искушающие тебя. На земле всех начал кормишь ты чудовищ в дверях огня! У тебя нет никаких одежд, чтобы прикрыть отравленное божество. Или спрятать огонь желания!»

«Песня червя». Из «Книги Дюны».

Пол вспотел, тренируясь с крисножом и короткой шпагой под руководством гхолы. Теперь он стоял у окна, глядя вниз на храмовую площадь и стараясь представить себе Чани в больнице. Все утро она чувствовала себя плохо. Шла шестая неделя ее беременности. Были собраны лучшие врачи. Они сообщат, когда у них будут новости.

Темные полуденные песчаные облака закрыли небо над площадью. Свободные называли такую погоду «грязный воздух».

Неужели врачи никогда не сообщат? Каждая секунда медлила, не желая входить в его вселенную.

Ожидание... ожидание... Вот и Бене Джессерит молчат на своем Валлахе IX. Сознательно затягивают, конечно.

Предвидение предсказывало, разумеется, все эти моменты, но он закрыл от него свое сознание, предпочитая роль рыбы, которая плывет по времени не туда, куда хочет, а куда несет ее течение.

Было слышно, как гхола чистит оружие и осматривает снаряжение. Пол вздохнул, протянул руку к поясу и выключил личное защитное поле. Оно со щекоткой сбежало с его тела.

Пол сказал себе, что займется делами, когда вернется Чани. Тогда будет достаточно времени, чтобы принять тот факт, что скрытое им от нее обстоятельство продлило ее жизнь. Разве это такая уж вина — предпочесть Чани наследнику? По какому все-таки праву он сделал выбор за нее? Глупые мысли! Кто бы стал колебаться, зная альтернативу — рабские подземелья, пытки, мучительная тоска или еще худшее?

Он услышал скрип двери, шаги Чани и обернулся.

На лице Чани ясно читалась зловещая решимость. Широкий пояс Свободной, собиравший на талии ее золотое платье, водные кольца в ожерелье на шее и рука на бедре, острый взгляд, которым она, как всегда, окинула комнату, — все теперь отступило на второй план. На первом плане была ярость.

Когда она подошла ближе, он раскрыл объятия и привлек ее к себе.

— Кто-то, — выдохнула она, пряча лицо у него на груди, — кто-то уже давно давал мне противозачаточные средства до того, как я перешла на новую диету. Из-за этого роды предстоят трудные.

— Но ведь есть лекарства? — спросил он.

— Опасные лекарства. Но я знаю виновницу, и я пущу ей кровь!

— Моя Сихайя, — прошептал он, сильнее прижимая ее к себе, чтобы унять дрожь. — Ты носишь наследника, которого мы оба хотим. Разве этого не довольно?

— Моя жизнь сгорает очень быстро, — сказала она, в свою очередь прижимаясь к нему. — Будущее рождение контролирует мою жизнь. Врачи говорят, что плод развивается с ужасающей скоростью. Я должна много есть... и принимать больше спайса... есть его и пить его. Я убью ее!

Пол поцеловал ее в щеку.

— Нет, моя Сихайя, ты никого не убьешь!

И подумал: «Ирулэн продлила твою жизнь, любимая. Для тебя время рождения — это время смерти».

Он почувствовал, как горе убивает его и погружает в черную пустоту.

Чани оттолкнула его:

— Ей нет прощения!
— Кто говорит о прощении?
— Тогда почему я не могу убить ее?
Это было настолько в духе Свободных, такой характерный для них вопрос, что Пол почувствовал истерическое желание расслабиться и все забыть. Но он сдержал себя, ответив:
— Это не поможет.
— Ты видел это?
Пол весь напрягся при воспоминании о видении.
— Что я видел... что я видел... — пробормотал он. Все детали настоящего совпадали с увиденным, и это его словно парализовало. Он чувствовал себя прикованным к будущему. В горле у него пересохло. Следовал ли он своему предвидению, пока не попал в безжалостное настоящее, спрашивал он себя.
— Скажи мне, что ты видел?
— Не могу.
— Почему я не должна убивать ее?
— Потому что так говорю я.
Он видел, что она приняла это. Приняла, как песок принимает воду: поглощая и пряча. Таится ли настоящее повиновение под этой горячей, гневной поверхностью? И Пол понял, что жизнь в императорской крепости не изменила Чани: она просто задержалась здесь на время, будто остановилась на отдых в пути вместе с мужем. Все пустынное осталось с ней.
Чани отошла от него и взглянула на гхолу, который стоял в ожидании вблизи тренировочной площадки.
— Ты скрестил с ним свой клинок? — спросила она.
— И неплохо сразился.
Она взглянула на круг на полу, потом снова на металлические глаза гхолы.
— Мне это не нравится.
— Он не причинит мне вреда, — возразил Пол.
— Ты видел это?
— Нет.
— Тогда откуда ты это знаешь?
— Потому что он больше, чем гхола. Он — Данкан Айдахо.
— Его сделали тлейлаксу.
— Они сделали больше, чем сами намеревались.
Она покачала головой. Угол шарфа коснулся воротника ее платья.
— Как можно изменить тот факт, что он — гхола?

— Хейт, — спросил Пол, — ты — оружие моего уничтожения?

— Если настоящее изменяется, изменяется и прошлое, — сказал гхола.

— Это не ответ! — возразила Чани.

Пол повысил голос:

— От чего я умру, Хейт?

В искусственных глазах гхолы блеснул свет:

— Говорят, милорд, что вы умрете от денег и власти.

Чани застыла.

— Как он смеет так разговаривать с тобой?

— Ментат правдив, — ответил Пол.

— Был ли Данкан Айдахо твоим истинным другом? — спросила она.

— Он отдал за меня жизнь.

— Печально, — прошептала Чани, — что гхола не может вернуться к своему первоначальному бытию.

— Вы хотите переделать меня? — спросил гхола, глядя на Чани.

— Что он имеет в виду? — не поняла Чани.

— Переделать — значит, вывернуть наизнанку, — ответил Пол. — Но возврата назад нет.

— Каждый человек носит с собой свое прошлое, — сказал Хейт.

— И каждый гхола? — уточнил Пол.

— В известной степени — да, сир.

— Тогда каково твое прошлое?

Чани видела, что вопрос обеспокоил гхолу. Движения его убыстрились, руки сжались в кулаки. Она взглянула на Пола, не понимая, чего он добивается. Можно ли вернуть это существо в прошлое, сделать его таким, каким он некогда был?

— Гхола может помнить свое истинное прошлое? — спросила она.

— Делалось много попыток, — ответил гхола, глядя себе под ноги. — Но ни один гхола не был восстановлен до уровня своего прежнего бытия.

— Но ты хочешь, чтобы это произошло? — спросил Пол.

Черные глаза гхолы с напряженной интенсивностью сосредоточились на лице Пола.

— Да!

Пол негромко сказал:

— Если существует способ...

— Это тело, — прервал его Хейт, жестом салюта коснувшись лба, — не из прежнего бытия. Оно родилось заново. Только форма старая. Такое может проделать и лицевой танцор.

— Не совсем, — сказал Пол. — И ты не лицевой танцор.

— Верно, милорд.

— Откуда они взяли твою внешность?

— Из генетического образца, запечатленного в клетках.

— Говорят, древние ученые исследовали эту область еще до Бутлерианского Джихада. Каковы границы твоей памяти, Хейт? Что ты помнишь о своей прежней жизни?

Гхола пожал плечами.

— А что, если он не был Айдахо? — усомнилась Чани.

— Он был им!

— Ты уверен?

— Он — Данкан Айдахо во всех отношениях. Не могу представить себе силу, которая бы удерживала эту форму без всяких расслаблений и отклонений.

— Милорд! — возразил гхола. — То, что мы не можем себе вообразить те или иные явления, вовсе не исключает возможности их существования. Есть вещи, которые я должен делать как гхола и которые не стал бы делать как человек.

Глядя на Чани, Пол спросил:

— Видишь?

Она кивнула.

Пол отвернулся, борясь с охватившим его чувством глубокой печали. Он подошел к балконному окну, задернул занавес. В полутьме вспыхнул свет. Пол крепко затянул пояс, вслушиваясь во внутренние голоса.

Ничего...

Он обернулся. Чани стояла как зачарованная, не отрывая взгляда от гхолы.

Пол увидел, что Хейт полностью, казалось, ушел в себя.

Услышав звук шагов Пола, Чани повернулась к нему. На какое-то время гхола стал для нее человеком. И в это мгновение она его не боялась. Наоборот, он ей нравился и вызывал восхищение. Теперь она поняла, с какой целью Пол его испытывал. Он хотел, чтобы она увидела в теле гхолы человека.

Она посмотрела на Пола.

— Этот человек, он был Данканом Айдахо?

— Да. И он по-прежнему здесь.

— Он бы позволил Ирулэн жить?

«Вода ушла не слишком глубоко», — подумал Пол и сказал:

— Если бы я ему приказал.

— Не понимаю, — сказала она. — Разве ты не рассердился?

— Я не рассердился.

— Не похоже. Ты как будто опечален.

Он закрыл глаза.

— Да. И это тоже.

— Ты — мой муж, — сказала она. — Я это знаю. Но сейчас я не понимаю тебя.

Неожиданно Пол почувствовал, что он будто углубился в большую пещеру. Тело его двигалось — одна нога за другой, — но мысли были где-то в другом месте.

— Я и сам себя не понимаю, — прошептал он. Когда он открыл глаза, то обнаружил, что стоит в стороне от Чани.

Она заговорила откуда-то издалека:

— Любимый, я не буду спрашивать, что ты видел. Я знаю только, что дам тебе наследника, которого мы с тобой хотим.

Он кивнул.

— Я знал это с самого начала.

Он повернулся и посмотрел на нее. Чани казалась очень далекой.

Она встала и положила руку на живот.

— Я голодна. Врачи сказали, что я должна есть в три-четыре раза больше, чем ела раньше. Я боюсь, любимый. Слишком уж быстро он развивается.

— Слишком быстро, — согласился он. — Зародыш знает, что надо спешить.

«Дерзкая природа действий Муад Диба видна хотя бы по тому факту, что он с самого начала знал, к чему принуждаем, но не однажды делал шаги в сторону от этой тропы. Он ясно выразил это, сказав: «Говорю вам, что пришло время моего испытания, когда будет показано, что я совершенный Слуга». Так он свивал все в одно, чтобы и друг, и враг могли обожествлять его. По этой и только по этой причине его апостолы молятся: «Боже, спаси нас от других троп, которые Муад Диб покрыл водами своей жизни». И эти «другие тропы» можно представить себе только с крайним отвращением».

Из «Джам-аль-Дин» («Книги Правосудия»)

Посланец оказался молодой женщиной — Чани знала ее лицо, имя и семью. Поэтому она смогла пройти через рогатки имперской службы безопасности.

Чани опознала ее в присутствии начальника службы безопасности Баннерджи, который организовал ей встречу с Муад Дибом. Баннерджи действовал инстинктивно, зная, что отец молодой женщины еще до джихада был членом императорских отрядов смерти, ужасных федайкинов. Иначе он оставил бы без внимания ее просьбу, хотя она и говорила, что ее сообщение предназначено только для ушей Муад Диба.

Разумеется, ее тщательно обыскали и проверили, прежде чем допустить к Полу. Даже сейчас Баннерджи сопровождал ее, одной рукой держа ее за руку, а другой сжимая нож.

Когда ее привели в покои Императора, был полдень. Комната представляла собой странное смешение жилища Свободного в пустыне и аристократической приемной. Три ее стены закрывали занавеси из дорогих тканей с вышитыми на них фигурами из мифологии Свободных. Четвертую стену занимал видеоэкран — серебристо-серая поверхность в овальной раме. Песочные часы Свободных были встроены в планетарий — сложный механизм с планеты Икс, — показывающий движение солнца и обеих лун Арракиса.

Пол стоял у стола и смотрел на Баннерджи. Начальник службы безопасности стал теперь главой полицейской службы, несмотря на свое прошлое контрабандиста. У Баннерджи была мощная фигура. Клочья черных волос спадали на темный, влажный от пота лоб, будто хохолок некой экзотической птицы. Синие-в-синем глаза одинаково бесстрастно взирали и на счастье, и на горе. Чани и Стилгар доверяли ему. Пол знал, что если бы он приказал Баннерджи перерезать девушке горло, тот сделал бы это, не задумываясь ни на минуту.

— Сир, вот девушка-вестница, — сказал Баннерджи. — Миледи Чани передала, что у нее есть к вам дело.

— Да, — коротко кивнул Пол.

Странно, но девушка не глядела на него. Ее внимание привлек планетарий. Она была среднего роста, с темной кожей. Платье из тонкой материи и простого покроя говорило о богатстве. Иссиня-черные волосы перехвачены лентой из того же материала, что и платье, руки спрятаны в рукава. Пол подозревал, что руки ее крепко сжаты — это соответствовало бы ее характеру. Все соответствовало харак-

теру, включая платье — последний остаток роскоши, сбереженный для такого случая.

Пол знаком велел Баннерджи отойти. Тот поколебался, прежде чем повиноваться. Девушка сделала шаг вперед. Двигалась она грациозно, по-прежнему избегая встречаться с ним взглядом.

Пол прочистил горло.

Но вот девушка подняла взгляд — глаза без белков, расширенные в благоговейном страхе. Странно маленькое лицо с тонким подбородком. Глаза казались слишком большими над раскосыми скулами, что-то невеселое в них говорило, что она улыбается редко. В уголках глаз притаилась легкая желтая дымка — след пылевого раздражения, а, возможно, и пристрастия к семуте.

Все соответствовало характерному облику.

— Ты хотела говорить со мной, — напомнил Пол.

Наступил момент решающего испытания способностей Скайтейла. Он изучил внешность, манеры, воспроизвел пол, голос — все, что смог. Но эту женщину Муад Диб знал во времена съетча. Конечно, тогда она была ребенком, но у них с Муад Дибом общий жизненный опыт. Некоторые области памяти можно сознательно отключить. Более волнующего момента Скайтейлу не приходилось испытывать никогда.

— Я Лачма, дочь Отейна Берк-ад-Диба, — голос девушки звучал негромко, но уверенно, сообщая свое имя, имя отца и всю родословную.

Пол кивнул. Он видел теперь, почему ошиблась Чани. Тембр голоса, все, абсолютно все воспроизведено с идеальной точностью. Если бы не его собственное обучение методам Бене Джессерит и не оракульское видение, маскировка лицевого танцора могла бы обмануть и его.

Но некоторые несоответствия он все же разглядел: слишком старательно контролировался голос, какой-то мельчайшей детали не хватало, чтобы точно воспроизвести форму плеч и посадку головы Свободной. Но тем не менее приходилось признать прекрасную работу. Даже роскошное платье слегка выпачкано, чтобы передать истинное состояние... Черты лица воспроизведены с удивительной точностью. Лицевому танцору удалось вжиться в эту роль.

— Отдыхай в моем доме, дочь Отейна, — произнес Пол ритуальное приветствие Свободных. — Ты желанна, как вода после долгого пути по пустыне.

Она слегка расслабилась — в ней появилась уверенность, что ее приняли за чистую монету.

— Я принесла сообщение, — сказала она.

— Человек сам по себе сообщение, — отозвался Пол.

Скайтейл негромко вздохнул. Все идет хорошо, но наступает решающий момент: Атридес должен вступить на нужную тропу. Он должен потерять свою возлюбленную из Свободных при таких обстоятельствах, когда никого нельзя будет обвинить. Неудача должна исходить только от самого могущественного Муад Диба. Он должен полностью осознать собственную неудачу и принять предложенную тлейлаксу альтернативу.

— Я — дым, исчезающий в ночи, — сказал Скайтейл, что в соответствии с кодом Свободных означало: «У меня дурные новости».

Пол старался сохранять спокойствие. Он почувствовал себя обнаженным. Мощный оракул скрывал этого лицевого танцора. Лишь отдельные детали этого мгновения были известны Полу. Он знал только, чего он не должен делать: он не должен убивать этого лицевого танцора. Это приведет к будущему, которого нужно избегать любой ценой. Он, возможно, как-нибудь сумеет проникнуть во тьму и изменить ужасающий рисунок будущего.

— Сообщи мне твою весть, — сказал Пол.

Баннерджи передвинулся так, чтобы иметь возможность следить за лицом девушки. Она, казалось, впервые заметила его; взгляд ее задержался на ноже, который держал в руке глава службы безопасности.

— Невинную не следует подозревать во зле, — сказала она, глядя прямо в глаза Баннерджи.

«Хорошо сказано, — подумал Пол, — так сказала бы подлинная Лачма». На мгновение он с болью вспомнил о настоящей дочери Отейна — труп в пустыне. Но времени на такие переживания не было. Он нахмурился.

Баннерджи продолжал следить за девушкой.

— Мне велено передать сообщение наедине, — сказала она.

— Почему? — резко спросил Баннерджи.

— Таково желание отца.

— Это мой друг, — сказал Пол. — Разве я не Свободный? Мой друг может слышать все, что слышу я.

Скайтейл задумался. Действительно ли существует такой обычай у Свободных, или это проверка?

— Император может устанавливать свои законы, — сказал Скайтейл. — Вот сообщение: мой отец хочет, чтобы вы пришли к нему, взяв с собой Чани.

— Зачем мне брать с собой Чани?

— Она ваша женщина и сайадина. Она должна подтвердить, что мой отец говорит в соответствии с обычаями Свободных. Это водное дело, а по правилам нашего племени нет ничего важнее.

«В заговоре участвуют Свободные, — подумал Пол. — События продолжают совпадать. Да, у меня нет иного выхода, кроме как участвовать в них».

— О чем будет говорить твой отец?

— О заговоре против вас. О заговоре среди Свободных.

— Почему он не пришел сам? — спросил Баннерджи.

— Мой отец не может прийти сюда. Заговорщики подозревают его. Он не пережил бы пути.

— Почему он не мог сообщить подробности через вас, раз уж он доверил такое сообщение дочери? — спросил Баннерджи.

— Подробности заключены в дистрансе, который может открыть только Муад Диб, — сказала она. — Больше я ничего не знаю.

— Почему бы не прислать дистранс сюда? — поинтересовался Пол.

— Это человек-дистранс.

— Тогда я пойду, — сказал Пол. — Но пойду один.

— Чани должна идти вместе с вами.

— Чани ждет ребенка.

— Когда это женщина-Свободная отказывалась?

— Мои враги давали ей яд, — сказал Пол. — Роды будут трудными. Здоровье не позволяет ей сопровождать меня.

Прежде чем Скайтейл успел справиться с собой, странные чувства отразились на лице девушки: раздражение, гнев. Скайтейл напомнил себе, что у каждой жертвы должен быть путь к спасению, даже у Муад Диба. Но заговор еще не провалился, Атридес остается в сети. Он застыл в определенном образе и скорее убьет себя, чем примет другой. Так было некогда с Квизац Садерахом тлейлаксу. Так будет с этим. И тогда наступит черед гхолы.

— Позвольте мне попросить саму Чани решить это, — сказала девушка.

— Я уже решил, — возразил Пол. — Вместо Чани меня будешь сопровождать ты.

— Нужна сайадина!

— Но разве ты не друг Чани?

«Попался! — подумал Скайтейл. — Может, он что-нибудь

заподозрил? Нет! Это просто осторожность Свободного. И ведь противозачаточное средство — факт. Что ж, существуют и другие пути».

— Отец велел мне не возвращаться, — сказал Скайтейл. — Он сказал, что вы не будете рисковать мной и предоставите мне надежное убежище.

Пол кивнул. Все соответствовало. Он не мог отказать в убежище, а она должна подчиниться приказу отца.

— Я возьму с собой жену Стилгара, Хару, — сказал Пол. — А ты расскажешь, как пройти к твоему отцу.

— Откуда вы знаете, что можно доверять жене Стилгара?

— Я знаю это.

— Но я не знаю.

Пол покусал губы и спросил:

— Жива ли твоя мать?

— Моя настоящая мать ушла к Шаи-Хулуду. Ее сестра, моя вторая мать, жива и заботится об отце.

— Она сейчас в съетче Табр?

— Да.

— Я помню ее, — сказал Пол. — Она заменит Чани, — он подозвал Баннерджи. — Пусть адъютанты отведут дочь Отейна Лачму в ее помещение.

Баннерджи кивнул. Адъютанты... Это ключевое слово означало, что вестницу надо держать под особой охраной. Он взял ее за руку. Она сопротивлялась.

— Как же вы пойдете к моему отцу?

— Ты опишешь путь Баннерджи, — пояснил Пол. — Он мой друг.

— Нет! Отец приказал! Я не могу!

— Баннерджи? — спросил Пол.

Баннерджи помолчал. Пол видел, что он роется в своей энциклопедической памяти.

— Я знаю проводника, который отведет вас к Отейну, — сказал он.

— Я пойду один.

— Сир, вы...

— Отейн хочет, чтобы было именно так, — сказал Пол, почти не скрывая иронии.

— Сир, это слишком опасно, — запротестовал Баннерджи.

— Даже Император должен иногда идти на риск, — ответил Пол. — Решение принято. Выполняйте.

Баннерджи неохотно вывел лицевого танцора из комнаты.

Пол повернулся к черному экрану за своим столом. Он поймал себя на том, что ждет падения камня с высоты.

Должен ли он сказать Баннерджи о подлинной природе вестницы? Нет! Такой инцидент не записан на экране его видения. А каждое отклонение грозит целым водопадом насилия. Нужно найти точку приложения сил, то место, где он мог вырваться из ведения.

Если только такое место вообще существует!

«Какой бы экзотичной ни была человеческая цивилизация, какими бы путями ни развивались жизнь и общество, какой бы сложности ни достигло соотношение человека и машины, всегда случаются промежутки единоличной власти, когда развитие человечества, само его будущее зависит от относительно простых действий одного индивидуума».

Из Книги тлейлаксу.

Пересекая высоченный пешеходный мост, ведущий от башни к официальной резиденции Квизарата, Пол добавил в свою походку хромоту. Солнце садилось, и он шел сквозь длинные тени, которые помогали ему маскироваться, однако острый глаз все же мог бы разоблачить его. С ним было защитное поле, но он не активизировал его, решив, что мерцание поля может быть замечено и вызвать подозрение.

Пол взглянул налево. Будто развинутые ставни, солнце закрывали полоски песчаных облаков.

Он, в сущности, был не один, но с тех пор, как он прекратил одинокие ночные прогулки, меры по его безопасности слегка ослабли. Над его головой пролетали орнитоптеры, на самом деле кружа в строго определенном порядке. В одежде у него был скрыт передатчик, благодаря которому орнитоптеры держали с ним связь. Ниже по улицам двигались люди в надвинутых на лицо островерхих капюшонах. Другие рассыпались по всему городу, предварительно изучив маскировку императора — костюм Свободного, вплоть до стилсъюта и пустынных сапог. Щеки его были изменены с помощью пластиковых добавок. Вдоль левой части лица шла трубка стилсьюта.

Дойдя до противоположного конца моста, Пол оглянулся и заметил движение у пластальной решетки, скрывающей балкон его частных покоев. Несомненно, это Чани. «Охота

за песком в пустыне», — так называла она его прогулки.

Как мало понимает она его горький выбор. Необходимость выбора из множества страданий может даже незначительную боль сделать невыносимой.

Он вспомнил их расставание. В последнее мгновение Чани проникла в его чувства, но не поняла их. Она решила, что он испытывает чувства, которые вызываются расставанием с любимой перед опасной дорогой.

«Если бы это было так», — подумал он.

Теперь он пересек мост и вышел в верхний переход через правительственное здание. Повсюду были закреплены световые шары, глоуглобы, освещавшие людей, спешивших по своим делам. Квизарат никогда не спал. Пол читал надписи на дверях, как будто видел их впервые: «Скоростная торговля», «Пророчества», «Испытание веры», «Религиозное снабжение», «Оружие», «Пропаганда веры».

«Честнее было бы написать «Наступление бюрократии», — подумал он.

Тип чиновника религиозной службы заполонил всю Вселенную. Этот новый человек Квизарата обычно бывал новообращенным. Он редко сменял Свободных на ключевых постах, но зато заполнял все промежуточные. Он принимал меланж как для того, чтобы показать, что он может его вынести, так и ради продления жизни. Он стоял особо от своих правителей — Императора. Его богами были Рутина и Документ. К его услугам были ментаты и огромные библиотеки справочного материала. Целесообразность — первое слово в его катехизисе, хотя он отдавал дань и бутлерианским заповедям. Машина не должна заменять человека, твердил он, но каждым своим действием доказывал, что предпочитает машину человеку, статистику — индивидууму, далекую общую картину — близкому соприкосновению, требующему воображения и инициативы.

Поднимаясь по лестнице в дальнем конце здания, Пол услышал звон колоколов перед вечерним богослужением в храме Алии.

Странное чувство незыблемости звучало в этих колоколах.

Храм на забитой людьми площади был новый, ритуалы его — недавнего происхождения, но было что-то древнее в этом здании, стоявшем на окраине Арракина. Все было сделано для того, чтобы создавать впечатление древности, полной традиций и тайн.

Теперь он был в толпе, внизу. Единственный проводник, которого сумела найти его служба безопасности, настоял, чтобы это было именно так. Агентам службы безопасности не понравилось, что Пол согласился. Еще меньше это понравилось Стилгару. А больше всех возражала Чани.

Несмотря на некоторую давку в толпе, люди как бы не замечали его и старались избежать соприкосновения, что давало ему некоторую свободу передвижения. Он знал, что все ведут так себя при приближении Свободных, так как они очень вспыльчивы и скоры на расправу. Поэтому Пол действовал как человек из пустыни.

По мере того как он приближался ко входу в храм, людской напор становился сильнее. Окружающие были вынуждены прижиматься к нему, но отовсюду он слышал ритуальные извинения: «Простите, сэр. Я не мог предотвратить этого нарушения вежливости», «Простите, благородный сэр, такого напора толпы я еще не видывал», «Прошу прощения, святой гражданин. Какой-то бездельник толкнул меня».

Пол не обращал внимания на эти слова. В них не было искренности, только страх перед ветераном-Свободным. Он думал о том, какой долгий путь отделяет его от дней детства, проведенных в замке Келадана. Где ступил он на тропу, приведшую его на эту заполненную народом площадь на планете, такой далекой от Келадана? И действительно ли он шел по этой тропе? Он не мог сказать, что когда-нибудь в жизни действовал, повинуясь только одной причине: мотивы его поступков всегда были сложны, может быть, более сложны, чем когда-либо в человеческой истории. У него была надежда, что он все же может избежать судьбы, которую видит так ясно в конце тропы. Но толпа толкала его вперед, и он испытывал головокружительное ощущение, как будто он заблудился и утратил направление, которого держался всю жизнь.

Вместе с толпой вплыл он в портик храма. Голоса здесь звучали приглушенно. Запах страха становился сильнее — резкий, потный...

Ученики уже начали службу в храме. Их чистое пение перекрывало остальные звуки — шепот, шелест одежды, шарканье ног, кашель, — рассказывая о Далеких Местах, которые посетила жрица в своем святом трансе.

Она ездит на черве пространства,
Она ведет сквозь все бури

К земле мягких ветров.
И хотя мы спим у логова змей,
Она охраняет наши спящие души.
Закрывая пустынный глоуглоб,
Она прячет нас в прохладной тени.
Сверкание ее белых зубов
Ведет нас в ночи.
По прядям ее волос
Мы поднимаемся в небо!
Сладкий аромат, запах цветов
Окружает нас, когда она с нами.

«Балак! — подумал Пол, как Свободный. — Она может быть и гневной!»

Портик храма освещали высокие мерцающие трубки, имитирующие пламя свеч. Мерцание вызвало в Поле древнее воспоминание, хотя он и понимал, что это сделано намеренно. Это чувство было атавизмом. Он его ненавидел.

Толпа проплыла вместе с ним через высокие металлические двери в огромный зал — мрачное, угрюмое помещение с мерцающими высоко над головой огнями. В дальнем конце находился ярко освещенный алтарь. За алтарем был виден обманчиво простой экран из черного дерева, украшенный рисунками из мифологии Свободных. Скрытые огни создавали эффект радуги. Ученики в семь рядов стояли ниже этого спектрального занавеса: черные рясы, белые лица, открывающиеся в унисон рты...

Пол смотрел на окружающих его пилигримов. Неожиданно он почувствовал к ним зависть. Они верили в правду, которую получат здесь, а он — нет. Ему показалось, что они получат здесь нечто такое, в чем ему самому отказано, что-то чудесное и исцеляющее.

Он старался протиснуться поближе к алтарю, но кто-то остановил его, взяв за руку. Пол оглянулся и увидел лицо старика Свободного — синие-в-синем глаза под нависшими бровями, а в них узнавание. В мозгу Пола вспыхнуло имя — Радир, его товарищ по дням съетча.

Пол знал, что окруженный толпой, он абсолютно беззащитен, если Радир действует вместе с заговорщиками и планирует насилие.

Старик протиснулся ближе, держа одну руку под платьем — несомненно, сжимая рукоять крисножа. Пол приготовился отразить нападение, но старик прошептал:

— Мы пойдем с остальными.

Это была условная фраза проводника. Пол кивнул.

Радир повернулся и посмотрел на алтарь.

— Она идет с востока, — пели ученики, — и солнце стоит у нее за спиной. Ей все открыто. В блеске света ее взгляд ничего не пропустит: ни тьму, ни свет.

Стонущий звук музыкального инструмента заглушил пение и сам растворился в тишине. Толпа продвинулась вперед еще на несколько метров. Все сплотились в одну монолитную массу, окутанную удушливым воздухом, тяжелым от дыхания множества людей и запаха спайса.

— Шаи-Хулуд пишет на чистом песке! — вскричали ученики.

Пол почувствовал, что у него, как и у всех окружающих, перехватывает дыхание. Из-за сверкающей двери негромко вступил женский хор: «Алия... Алия... Алия...» Пение становилось все громче и громче и вдруг неожиданно оборвалось.

Снова послышались негромкие голоса:

Она снимает все бури,
Ее взгляд убивает наших врагов
И карает неверующих.
От вершин Туско
Где начинается рассвет
И откуда бежит чистая вода,
Видна ее тень.
В сверкающем летнем зное
Она служит нам хлебом и молоком —
Холодным, ароматным от спайса.
Глаза ее расплавляют наших врагов,
Карают наших угнетателей
И проникают во все тайны.
Она — Алия... Алия... Алия...

Голоса смолкли, постепенно замирая.

Пол почувствовал отвращение. «Что мы делаем? — спросил он себя. — Алия — ребенок-колдунья, но она становится старше. Становится старше, значит, становится злее».

Атмосфера храма терзала его душу. Он стоял, объединенный с толпой своей личной виной, которую никогда не сможет искупить. Огромность Вселенной за пределами храма заполнила его сознание. Как может один человек, один ритуал связать эту огромность в единый узел?

Пол вздрогнул.

Вселенная противостояла ему на каждом шагу. Она избегала его хватки, принимала бесчисленные формы, чтобы обмануть его. И эта Вселенная никогда не согласится с формой, которую он придает ей.

Шелест пробежал по залу.

Из тьмы за сверкающей радугой появилась Алия. На ней было желтое платье с зеленой оторочкой — цвета Атридесов. Желтый — солнечный свет, зеленый — смерть, производящая жизнь. Пол неожиданно почувствовал, что Алия появилась только ради него. Она была его сестрой. Он знал ее ритуал и его происхождение, но он никогда раньше не стоял в толпе пилигримов, глядя на нее их глазами. И теперь, в этом загадочном месте, он понял, что она — часть противостоящей ему Вселенной.

Ученики принесли ей золотую чашку. Алия приняла ее.

Частью своего сознания Пол знал, что в чаше неизменный меланж, слабый яд, усилитель пророческих способностей.

Глядя на чашу, Алия заговорила. Голос ее ласкал слух, от него распускалась душа.

— Вначале мы были пусты, — произнесла она.

— В нас не было знания, — подхватил хор.

— Мы не знали о Власти, живущей в любом месте, — говорила Алия.

— И в любом Времени, — пел хор.

— Это — Власть, — возвестила Алия, слегка приподняв чашу.

— Она приносит нам Радость, — ликовал хор.

«И уничтожение», — подумал Пол.

— Она пробуждает душу, — говорила Алия.

— И рассеивает все сомнения, — пел хор.

— В миру мы гибнем, — жаловалась Алия.

— Во Власти мы живем вечно, — утешал хор.

Алия поднесла чашу к губам и отпила.

К своему удивлению, Пол почувствовал, что затаил дыхание, как самый последний пилигрим в толпе. Хотя он по собственному опыту знал, что испытывает Алия, тау захватило его в свои сети. Он снова пережил пробуждение в мире, где нет Времени, где возможно все. Он знал, что испытывает Алия, но понял, что это совсем не то; он не понимал ее чувств сейчас и не знал, как это происходит с ней. Загадка слепила ему глаза.

Алия задрожала и опустилась на колени.

Пол перевел дух вместе с освободившимися пилигримами. Завеса частично начала подниматься. Поглощенный видением, он забыл, что видение принадлежит тем, кто в пути, кто еще придет. В видении проходишь от несуществующей случайности. Томишься по абсолютам, которых нет.

Но при этом теряешь настоящее.

Алия качалась под действием измененного спайса.

Пол чувствовал, как с ним говорит нечто трансцендентальное: «Смотри! Видишь, на что ты не обращал внимания?» В это мгновение ему показалось, что через глаза других он видит ритм этого места, который не смог бы воспроизвести ни один художник или поэт. Жизнь и красота, сверкающий свет поглощал стремление к власти.

Алия заговорила. Ее усиленный голос гремел в храме.

— Сверкающая ночь! — воскликнула она.

Стон пронесся по толпе пилигримов.

— Ничто не может скрыться в такой ночи! Что за свет во тьме? На нем невозможно остановить взгляд. Никакие слова не опишут его, — голос ее стихал. — Остается пропасть. Она чревата всем будущим. Ах, какая нежная ярость!

Пол почувствовал, что ждет от сестры какого-то особого сигнала, тайного знака. Это могло быть действие или слово, какое-нибудь колдовство, мистический процесс, что-то стремящееся наружу изнутри, что придется ему впору, подойдет, как стрела к космическому луку. Ожидание этого дрожало в его сознании как шарик ртути.

— Будет печаль, — продолжала Алия. — Напоминаю вам, что все сущее есть лишь начало, великое начало. Ждут миры, которые предстоит завоевать. Вы смеетесь над прошлым, а я говорю вам сейчас: внутри всех различий лежит единство.

Алия опустила голову. Пол еле сдержал крик разочарования: она не сказала того, чего он ждал. Тело его превратилось в сухую оболочку, пустую шелуху, сброшенную пустынными насекомыми.

«Остальные испытывают то же самое», — подумал он. Неожиданно где-то в толпе, слева от Пола, закричала женщина.

Алия подняла голову, и Пол испытал странное ощущение, будто между ними исчезло расстояние, будто он смотрит прямо в остекленевшие глаза в нескольких дюймах от него.

— Кто призывает меня? — спросила Алия.

— Я! — воскликнула женщина. — О, Алия, помоги мне. Говорят, мой сын убит на Муритане. Он умер? И я больше никогда не увижу своего сына?

— Ты пытаешься идти назад по песку, — заговорила нараспев Алия. — Ничто не уходит. Всему свое время, все возвращается, но ты можешь не узнать вернувшегося.

— Алия, я не понимаю! — завывала женщина.

— Ты живешь в воздухе, но не видишь его, — резко сказала Алия. — Ты что, ящерица? В твоем голосе акцент Свободной. Разве Свободные стараются вернуть мертвых? Что нам нужно от наших мертвых, кроме их воды?

В центре храма мужчина в богатом красивом плаще поднял обе руки; рукава плаща спали, обнажая руки.

— Алия! — закричал он. — Мне сделали деловое предложение. Должен ли я его принять?

— Начало и конец едины! — отрезала Алия. — Разве я этого не говорила? Ты пришел сюда не для того, чтобы задать этот вопрос.

— Она сегодня чем-то разгневана, — пробормотала женщина неподалеку от Пола. — Видели ли вы ее когда-нибудь такой сердитой?

«Она знает, что я здесь, — подумал Пол. — Увидела ли она видение, которое рассердило ее? Или она сердится на меня?»

— Алия, — обратился мужчина, стоявший непосредственно перед Полом. — Скажи этим бизнесменам и слабым сердцам, сколько будет править твой брат?

— Предоставляю тебе самому заглянуть за сей угол! — сказала Алия. — Твои предрассудки в твоем рту! Именно потому, что мой брат постоянно укрощает песчаного червя хаоса, у вас есть крыша над головой и вода!

Яростным жестом Алия запахнула платье, прошла через сверкающие полосы света и исчезла во тьме за экраном.

Ученики немедленно затянули очередное песнопение, но получалось у них вразнобой — они с трудом сохраняли ритм. Очевидно, их застигло врасплох неожиданное окончание обряда. Толпа зароптала. Пол чувствовал движение вокруг себя, беспокойное и неудовлетворенное.

— А все этот дурак со своим глупым вопросом, — пробормотала женщина рядом с Полом. — Лицемер!

Что увидела Алия? Какой след в будущем?

Что-то случилось здесь этой ночью, и это что-то нарушило обычное течение обряда. Ведь всегда толпа осаждала Алию своими жалкими вопросами. Люди приходили сюда, как просители приходят к оракулу. И Пол много раз слышал это, когда следил за обрядом, скрывшись во тьме за алтарем. Что же изменилось этой ночью, что произошло?

Старик Свободный потянул Пола за рукав, указывая на выход. Толпа уже начала продвигаться в том же направлении. Пол позволил толпе увлечь себя, чувствуя руку проводника у себя на рукаве. У него было такое ощущение, будто его тело стало вместилищем силы, которую он больше не контролирует. Он превратился в несущество, в неподвижность, которая движется. И это несущество вело его по тем же самым дорогам и улицам, таким знакомым ему по видениям, что сердце его замирало от боли.

«Я знаю, что видела Алия, — подумал он. — Я сам видел это много раз. Но она не заплакала... она тоже видела альтернативу».

«Рост производства и доходов не должен выходить из-под контроля в моей империи. Такова суть моего приказа. Тогда не будет недоразумений между различными сферами влияния. И не будет потому, что я так приказываю. Я подчеркиваю свою власть в этой области. Я верховный поглотитель энергии и останусь таковым, живой или мертвый. Отсюда моя власть, и мое правление — это экономия».

Приказ Императора Пола Муад Диба в Совете.

— Я оставлю тебя здесь, — сказал старик, снимая руку с рукава Пола. — Направо, вторая дверь с дальнего края. Иди с Шаи-Хулудом, Муад Диб... и помни, что некогда ты был Узулом.

Проводник Пола скользнул во тьму.

Пол знал, что поблизости ожидают люди из службы безопасности. Они обязательно схватят старика и отведут на допрос. Но Пол надеялся, что старик сумеет ускользнуть.

Над головой светили звезды, где-то за Защитной стеной вставала Первая луна. Но это место — не открытая пустыня, где по звездам можно определить путь. Старик привел его в новый пригород, уж это Пол распознал.

Улица была покрыта толстым слоем песка, нанесенного от ближних дюн. Ниже по улице горел единственный глоуглоб. Он давал достаточно света, чтобы разглядеть, что улица вела в тупик.

В воздухе стоял сильный запах от работающего дистиллятора. «Механизм плохо отлажен, и в воздух уходит слишком много влаги. Как беззаботны стали мои люди, — подумал

Пол. — Они теперь водные миллионеры. Они уже забыли про те дни, когда на Арракисе человека могли убить из-за воды, содержавшейся в его теле.

Почему я колеблюсь? — удивился Пол. — Вторая дверь с дальнего конца. Я знал это и без его слов. Но я должен действовать так, как будто мне ничего неизвестно... Да, но все же я колеблюсь...»

Неожиданно из дома слева послышался шум ссоры. Женщина бранила кого-то: она жаловалась, что новое крыло их дома пропускает пыль. Неужели он думает, что вода падает с неба? Если пыль входит, то влага выходит.

«Некоторые еще помнят», — подумал Пол.

Он двинулся вниз по улице, и голоса ссорящихся постепенно затихли.

«Вода с неба!» — подумал он.

Некоторые Свободные видели это чудо на других мирах. Он сам видел это, но сейчас это воспоминание как будто принадлежало другому. Дождь — так это называется. Неожиданно он вспомнил самые настоящие ливни на своей родной планете: густые серые облака в небе Келадана, специфический предгрозовой запах озона во влажном воздухе, крупные капли дождя, падающие с неба. Вода потоками сбегает с крыш, потоки ее устремляются к реке, которая разбухает разбухает... и течет, мутная, мимо их сада... влажные ветви деревьев тускло блестят.

Нога Пола увязла в небольшом наносе песка. На мгновение он вспомнил о противной грязи, которая прилипла к его подошвам в детстве. И снова похожее отвращение, снова он уже в песке, во тьме, полной пыли и ветра, с нависшим над ним угрожающим будущим. Он воспринимал сухость окружающей жизни как обвинение. Ты это сделал! Они стали цивилизацией рассказчиков и наблюдателей с сухими глазами, людей, которые все проблемы решают силой... еще большей силой... и еще большей... и при этом ненавидят каждую ее частицу.

Под ногами крупные камни. Его видение их помнит. Справа возник темный треугольник двери — черное на черном, дом судьбы, дом Отейна, место, отличающееся от окружающего только тем, что его время... для какой-то нужной роли. Странное место, попадающее теперь в историю.

На его стук дверь приоткрылась. В щель проник тускло-зеленый свет из дворика. Выглянул карлик, похожий на

гнома, — древнее лицо на детском теле, привидение, которое никогда раньше видения Пола не показывали.

— Значит, вы пришли, — сказало привидение. Гном отступил в сторону. В его манерах и тоне не было благоговения, только насмешка. — Входите! Входите!

Пол колебался. В видении карлика не было, но все остальное совпадало. Видения могут содержать какие-то несоответствия последующей действительности и все же в целом ей соответствовать. Но это отличие не сулило ему надежды. Он оглянулся на улицу, на жемчужину луны. Как, интересно, она упадет?

— Входите! — повторил гном.

Пол вошел и услышал, как за ним плотно закрылась дверь. Гном прошел вперед, указывая путь. Его большие ступни шлепали по полу. Он открыл решетчатую дверь, ведущую в крытый дворик, и сделал приглашающий жест.

— Они ждут вас, сир.

«Сир, — подумал Пол. — Он знает, кто я».

Прежде чем Пол сумел обдумать это открытие, карлик ускользнул в боковой коридор. Надежда, как легкий ветерок, веяла внутри Пола. Он вышел во двор. Это было темное и угрюмое место, с запахом болезни и поражения. Эта атмосфера тяготила его. А избрать меньшее зло — это было бы поражением или нет? Как далеко зашел он по этому пути?

Через узкую дверь в противоположной стене хлынул свет. Не обращая внимания на недобрые, злые запахи и на то, что за ним наблюдают, Пол вошел через эту дверь в маленькую комнату. Даже по стандартам Свободных она была бедной. Занавеси закрывали лишь две стены. Напротив двери, под более богатой занавесью, сидел на подушке человек; в тени слева виднелась женская фигура.

Пол чувствовал, что видение поймало его. Все совпадало. А как же карлик? Что делать с этим различием?

Он осмотрел всю комнату. Несмотря на бедную обстановку, видно было, что комнату прибрали. Крюки на голых стенах говорили о том, что и здесь когда-то были занавеси. Пол напомнил себе, что пилигримы платят большие деньги за подлинные вещи Свободных. У богатых пилигримов особенным сокровищем считаются занавеси — знак того, что ими был совершен хаджж.

Пол чувствовал, что эти голые стены как бы осуждают его своей пустотой. Жалкое состояние двух оставшихся занавесей усиливало чувство вины. Всю стену справа занимала

узкая ниша. В ее глубине виднелся ряд портретов — большей частью бородатые Свободные, некоторые в стилсьютах со свисающими трубками, некоторые в официальных мундирах империи, армейских мундирах, на фоне экзотического окружения. Чаще всего на заднем фоне было море.

Свободный на подушке кашлянул, привлекая внимание Пола. Это был Отейн, точно такой же, как и в видении: большой нос, деливший его лицо надвое, тонкая шея, казавшаяся слишком слабой для такой большой головы. Правая щека под заплывшим, слезящимся глазом покрыта сетью шрамов, взгляд синих-в-синем глаз цепкий, пристальный. Взгляд Свободного.

Подушка Отейна лежала на старом, коричневом, с еще сохранившимися золотистыми нитями, ковре. По такой вытертой подушке можно было судить о многом, но каждый металлический предмет вокруг сидящей фигуры был отполирован до блеска. Рамы портретов, крюки, поручни полок, расположенных в нише, подножие какого-то низкого столика справа.

Пол кивнул здоровой половине лица Отейна и сказал:

— Доброй удачи тебе и твоему жилищу.

Так приветствовали друг друга старые друзья по съетчу.

— Итак, я снова вижу тебя, Узул.

Голос, произнесший его племенное имя, по-стариковски дрожал. Заплывший глаз на изуродованной половине лица чуть шевельнулся среди шрамов и пергаментной кожи. Подбородок зарос густой седой щетиной. Рот Отейна, когда он говорил, подергивался, обнажая металлические зубы.

— Муад Диб всегда отвечает на призыв федайкина, — сказал Пол.

Женщина, сидевшая в углу, шевельнулась и сказала:

— Так хвастает Стилгар.

Она вышла на свет — постаревшая копия Лачмы, которую изображал лицевой танцор. Пол вспомнил, что у Отейна были замужние сестры. Волосы у женщины были седые, нос острый, на пальцах мозоли от прядения. В дни съетча женщина-Свободная с гордостью показала бы эти мозоли, а эта, увидев, что он смотрит на ее руки, спрятала их в складках своего выцветшего синего платья.

Пол вспомнил ее имя — Дхури. Его поразило, что он помнил ее ребенком, а не такой, как в видении этих моментов. Даже ребенком она говорила умным голосом.

— Вы видите меня здесь, — возразил Пол. — А разве я пришел бы сюда без согласия Стилгара? — он повернулся к Отейну. — Я несу твою ношу воды, Отейн. Приказывай.

Так обращались Свободные к братьям по съетчу.

Отейн кивнул трясущейся головой, поднял левую руку и указал на свое обезображенное лицо.

— Эту заразу я подцепил на Тарахолле, Узул. Сразу после победы, когда мы... — он захлебнулся в судорожном кашле.

— Племя скоро заберет его воду, — сказала Джури. Она подошла к Отейну, поправила подушку и придержала его за плечо, пока кашель не успокоился. Пол видел, что она еще не стара, но несбывшиеся надежды состарили ее лицо, а в глазах была горечь.

— Я вызову докторов, — сказал Пол.

Дхури обернулась.

— У нас были лучшие доктора, — и она бросила невольный взгляд на голые стены.

«И стоили они немало», — подумал Пол.

Он почувствовал раздражение, видение сковывало его, но все же были мелкие отличия. Как их использовать? Пряди Времени вышли из своего мотка пряжи со слабыми изменениями, но его ткань была удручающе одинакова. Он с ужасающей ясностью понял, что если бы попытался нарушить складывающийся узор, то открыл бы дорогу страшному насилию. Власть обманчиво мягкого потока времени угнетала его.

— Что я могу для тебя сделать? — спросил Пол.

— Разве не может быть, чтобы Отейн нуждался в такое время в друге? — спросила Дхури. — Неужели федайкин должен доверить воду своего тела чужим?

«Мы вместе жили в съетче Табр, — напомнил себе Пол. — Она имеет право так говорить».

— Я сделаю все, что смогу, — пообещал Пол.

Новый приступ кашля сотряс старика. Когда приступ кончился, Отейн, задыхаясь, проговорил:

— Предательство, Узул. Свободные организовали против тебя заговор.

Губы его некоторое время двигались беззвучно, с уголка рта капнула слюна. Дхури вытерла ему губы краем платья, и Пол заметил, что она сердится из-за такой бесполезной траты жидкости.

Гнев и скорбь охватили Пола. «Федайкин заслуживает лучшего!» Но выбора не было — ни у Императора, ни у его смертника. Они оба шли по лезвию клинка. Малейший неверный шаг многократно усиливал ужасы — не только для них, но и для всего человечества.

Пол заставил себя успокоиться и посмотрел на Дхури. Выражение страдания и сочувствия, с каким она смотрела на Отейна, придало Полу сил. «Чани никогда не должна смотреть на меня вот так», — сказал он себе.

— Лачма говорила о сообщении, — напомнил Пол.

— Мой карлик! — спохватился Отейн. — Я купил его на... на планете... забыл. Он человеческий дистранс, игрушка, созданная тлейлаксу. Он записал имена всех предателей.

Отейн замолчал, весь дрожа.

— Ты говоришь о Лачме, — сказала Дхури. — Когда ты пришел, мы поняли, что она благополучно добралась до тебя. Если ты не забудешь об ответственности, которую возложил на тебя Отейн, то Лачма — главное. Равный обмен, Узул: возьми гнома и жди.

Пол закрыл глаза, сдерживая дрожь. Лачма! Настоящая их дочь погибла в пустыне — тело, отданное песку и ветру.

Открыв глаза, Пол сказал:

— Вы могли бы в любое время обратиться ко мне за...

Дхури не дала Полу договорить:

— Отейн держался в стороне, чтобы те, кто ненавидит тебя, Узул, считали его своим. Дом к югу от нас, в конце улицы, — место встречи твоих врагов. Поэтому мы и живем здесь.

— Тогда позови карлика, и мы пойдем. — сказал Пол.

— Ты плохо слушал, — огорчилась Дхури.

— Карлика ты должен увести в безопасное место, — со странной силой в голосе сказал Отейн. — Только он знает заговорщиков. Никто не подозревает о его способности. Думают, что я держу его для забавы.

— Мы не можем уйти, — сказала Дхури. — Ты и карлик ... только вы. Все знают, как мы бедны. Мы сказали, что продадим карлика. Тебя примут за покупателя. Это твой единственный шанс.

Пол справился со своим видением: в нем он уходил, зная имена предателей, но не зная, кто их сообщил. По-видимому, гном находится под защитой другого оракула. И Полу пришло в голову, что все несут свою судьбу в самих себе. С того момента, как джихад избрал его, он ощущал себя запутавшимся в огромной сети. Цели и судьбы миллионов удерживали его и вели. Представление о свободной воле — иллюзия. Каждый человек — пленник в клетке. Беда Пола была в том, что он видел эту клетку.

Он вслушался в пустоту дома. В нем лишь они четверо: Отейн, Дхури, карлик и он сам. Он ощутил страх и напря-

жение хозяев, почувствовал наблюдателей, свои собственные силы безопасности в топтерах вверху... и тех, других... за следующей дверью.

«Я напрасно надеялся», — подумал Пол. Но эта мысль почему-то снова вернула ему надежду, и он почувствовал, что еще может ухватить момент.

— Позови карлика, — сказал он.

— Биджаз! — позвала Дхури.

— Вы меня звали? — карлик вошел в комнату с обеспокоенным выражением на лице.

— У тебя теперь новый хозяин, Биджаз, — сказала Дхури и посмотрел на Пола. — Ты можешь называть его Узул.

— Узул — основание столба, — перевел Биджаз. — Как может Узул быть основанием, когда самое основательное живое существо — это я?

— Он всегда говорит в такой манере, — извинился Отейн.

— Я не говерю, — возразил Биджаз. — Я оперирую машиной, называемой языком. Она стонет и хрипит, но у меня другой нет.

«Игрушка тлейлаксу, — подумал Пол. — Бене планеты Тлейлакс ничего не делает зря». Он обернулся, изучая карлика. Круглые меланжевые глаза встретили его взгляд.

— Какие у тебя еще таланты, Биджаз? — спросил Пол.

— Я знаю, когда нужно уходить, — ответил Биджаз. — Мало кто из людей обладает таким талантом. Есть время для конца, а есть для начала. Сейчас хорошее начало. Пойдем же, Узул.

Пол еще раз вспомнил видение: никакого гнома, но слова маленького человечка соответствовали всему остальному.

— У двери ты назвал меня «сир». Значит, ты меня знаешь?

— Да, сир, — сказал Биджаз. — Вы гораздо больше, чем Узул. Вы — император Атридес, Пол Муад Диб. И вы мой палец, — он поднял указательный палец правой руки.

— Биджаз, — воскликнула Дхури. — Ты испытываешь судьбу!

— Я искушаю мой палец, — возразил Биджаз писклявым голосом. Он указал на Пола. — Я указываю на Узула. Разве мой палец — не Узул? Или он отражение чего-то более основательного? — он поднес палец к глазам и осмотрел его с насмешливой улыбкой, сначала с одной стороны, потом с другой. — Просто палец!

— Он часто так болтает, — обеспокоенно сказала Дхури. — Я думаю, поэтому-то тлейлаксу его и бросили.

— Вот у меня и новый хозяин, — проговорил Биджаз. — Как странно действует мой палец. — Необычно яркими глазами он посмотрел на Отейна и Дхури. — Нас мало что связывает, Отейн. Несколько слезинок, и мы расстанемся, — большие ступни гнома зашлепали по полу, он повернулся кругом и стал лицом к Полу. — Ах, хозяин! Как долго я шел, чтобы отыскать вас!

Пол кивнул.

— Вы будете добры ко мне, Узул? — спросил Биджаз. — Вы знаете, я ведь личность. Личности бывают разных форм и размеров. Я слаб мышцами, но силен ртом. Меня дешево накормить, но дорого наполнить. Опустоши меня, но во мне все равно останется больше, чем в меня вложили люди.

— Сейчас не время для твоих глупых загадок, — проворчала Дхури. — Вам нужно идти.

— Я доверху набит догадками, — сказал Биджаз, — и не все они глупые. Идти — значит, становиться прошлым, так, Узул? Пусть прошлое будет прошлым. Дхури говорит правду, а у меня есть талант слушать.

— У тебя есть чувство правды? — спросил Пол, решив ждать полного совпадения с видением. Все, что угодно, только бы не разбить этот момент и не вызвать новые последствия. Отейн должен был еще кое-что сказать, иначе Время устремится по гораздо более ужасной тропе.

— У меня есть чувство «сейчас», — ответил Биджаз.

Пол заметил, что гном начал нервничать. Знает ли маленький человечек о том, что должно произойти? Возможно, он сам оракул.

— Ты спрашивала о Лачме? — спохватился Отейн и уставился на Дхури единственным здоровым глазом.

— Лачма в безопасности, — ответила Дхури.

Пол опустил голову, чтобы выражение лица не выдало его. «В безопасности! Лачма — прах в тайной могиле».

— Это хорошо, — сказал Отейн, приняв опущенную голову Пола за кивок согласия. — Одно хорошее дело среди сотен злых, Узул. Знаешь, мне не нравится мир, который мы создали. Когда мы были одни в пустыне и у нас был только один враг — Харконнены, то было лучше.

— Лишь тонкая линия отделяет многих врагов от многих друзей, — сказал Биджаз. — И там, где кончается эта линия, нет ни начала, ни конца. Закончим ее, друзья мои! — он приблизился к Полу, подскакивая то на одной, то на другой ноге.

— Что такое чувство «сейчас»? — спросил Пол, затягивая мгновения, пугая этим гнома.

— Сейчас! — сказал Биджаз, дрожа. — Сейчас — это сейчас! — и он потянул Пола за собой. — Идем сейчас!

— Рот его полон загадок, но в них нет вреда, — сказал Отейн, глядя на гнома.

— Даже загадка может означать уход, — ответил гном. — И слезы тоже. Идем, пока еще есть время начать.

— Биджаз, чего ты боишься? — спросил Пол гнома.

— Я боюсь духа, который ищет меня сейчас, — пробормотал Биджаз. На лбу у него выступил пот, лицо задергалось. Я боюсь того, кто не думает и не имеет другого тела, кроме моего. Я боюсь того, что вижу, и того, что не вижу!

«Гном обладает способностью к предвидению, — подумал Пол. — Биджаз разделяет ужасающие видения, разделяет ли он и судьбу оракула? Как велика сила гнома? Может, у него небольшие возможности, как у тех, кто возится с таротом Дюны? Или значительно большие? Что он видел?»

— Вам лучше идти, — сказала Дхури. — Биджаз прав.

— Каждая минута нашей задержки, — сказал Биджаз, — продлевает... продлевает настоящее.

«Каждая минута задержки откладывает возмездие», — подумал Пол. Ядовитое дыхание червя, его зубы, покрытые песком, пронеслись над ним. Это произошло давно, но теперь он вдруг это вспомнил. Он чувствовал, как ищет его червь — «урна пустыни».

— Беспокойные сейчас времена, — сказал он, обращаясь к Отейну.

— Свободные знают, как поступать во время беспокойств, — произнесла Дхури.

Отейн кивнул трясущейся головой в знак согласия.

Пол взглянул на Дхури. Он не ожидал благодарности, она тяготила бы его еще больше, но горечь Отейна и страстное негодование в глазах Дхури пошатнули его решимость. Есть ли на свете что-нибудь, достойное такой цены?

— Задержка не принесет пользы, — сказала Дхури.

— Делай то, что должно, Узул, — взвизгнул Отейн.

Пол вздохнул, слова видения произнесены.

— Расчет будет, — сказал он, чтобы завершить видение. Повернувшись, он вышел из комнаты. За ним плелся гном.

«Запутанные формулировки законов предназначены для того, чтобы скрыть от нас насилие, которое мы применяем по

отношению друг к другу. Между отнятием у человека одного часа жизни и отнятием всей жизни разница лишь в степени. Вы совершили над кем-то насилие, поглотили его энергию. Сложные эвфемизмы способны скрыть ваше намерение убить, но за всяким применением власти всегда стоит следующее положение: «Я питаюсь твоей энергией».

Приложение к приказу в Совете Императора
Пола Муад Диба.

Первая луна стояла высоко над городом, когда Пол, активировав защитное поле, вышел из тупика. Ветер мел песок и пыль на узкой улице, заставив Биджаза заморгать и закрыть глаза рукой.

— Мы должны торопиться, — бормотал гном. — Торопиться! Торопиться!

— Ты чувствуешь опасность?

— Я знаю опасность!

Неожиданное ощущение очень близкой опасности почти немедленно сопроводилось появлением фигуры из ближайшей двери.

Биджаз скорчился и захныкал.

Но это был всего лишь Стилгар, двигавшийся как боевой таран — головой вперед, ноги его прочно ступали по земле.

Пол быстро объяснил ценность гнома и передал Биджаза Стилгару. Видение разворачивалось с ужасающей быстротой. Стилгар заторопился прочь, уводя с собой Биджаза. Пола окружили любимые охранники. Раздались слова команды, группа направилась к соседнему от Отейна дому. Люди повиновались торопливо, бесшумные тени среди ночных теней.

«Новые жертвы», — подумал Пол.

— Они нужны нам живыми, — прошипел один из офицеров.

Звуки из видения эхом отразились в ушах Пола. Кругом были солдаты армии Императора, в небе летали орнитоптеры. Видение полностью совпадало с реальностью — один к одному

Мягкий свист перекрыл другие звуки, постепенно перейдя в рев. Занялось сияние, которое скрыло звезды, поглотило луну.

Пол, зная этот звук и сияние по своим ранним видениям, испытал странное чувство свершения. Все шло, как и должно было идти.

— Прожигатель камня! — закричал кто-то.

— Прожигатель камня! — крики слышались теперь отовсюду. — Прожигатель камня прожигатель камня...

Как и следовало, Пол закрыл лицо руками и упал в канаву, но было уже слишком поздно.

На месте дома Отейна стоял огненный столб, ослепительный фонтан пламени вздымался к небу. Он ярко высветил силуэты борющихся и бегущих людей, уходящие с сильным креном орнитоптеры.

Для всех нападающих было уже поздно.

Земля под Полом стала горячей. Он слышал, как звуки бега затихают. Люди вокруг него попадали на землю. Все они понимали, что бежать нет смысла. Первый вред уже причинен, а теперь они должны ждать, пока не кончится энергия камня. Радиация уже пронизала их тела, и ее действие начинало сказываться. Теперь оставалось только ждать, и тогда выяснятся намерения людей, использовавших прожигатель камня и тем самым нарушивших Великий Запрет.

— Боги прожигатель камня — простонал кто-то. — Я... не хочу...ослепнуть.

— А кто хочет?! — послышался резкий голос другого солдата чуть дальше по улице.

— Тлейлаксу пришлют нам глаза, — проворчал кто-то вблизи Пола. — А теперь замолчите и ждите!

Они ждали.

Пол молчал, думая о последствиях применения такого оружия. Если топлива много, оно прожжет всю планету. Расплавленное ядро Дюны расположено глубоко, но в этом кроется и особая опасность. Прожигатель камня может высвободить такие силы, которые уничтожат всю планету, разбросав в пространстве ее безжизненные осколки.

— Мне кажется, он затихает, — проговорил кто-то.

— Просто ушел глубже, — предупредил Пол. — Оставайтесь на месте. Стилгар пришлет помощь.

— Стилгар уцелел?

— Да.

— Земля очень горячая, — пожаловался кто-то из солдат.

— Как они посмели использовать атомное оружие! — протестовал другой.

— Звук стихает, — сказал кто-то дальше по улице.

Пол, не обращая внимания на эти слова, кончиками пальцев трогал землю.Глубоко внизу он чувствовал дрожь.

— Мои глаза! — закричал кто-то. — Я ничего не вижу!

«Он был ближе, чем я», — подумал Пол. Он еще слабо видел конец тупика, с трудом поднимая голову, хотя все затягивал туман. Красно-желтое сияние виднелось на месте дома Отейна и соседних домов. Обломки других зданий казались черными на фоне багрового свечения.

Пол поднялся на ноги. Он чувствовал, как умирает прожигатель камня. Наступила тишина. Тело было влажным от пота; даже стилсьют не смог поглотить обильное выделение влаги. В воздухе, попадавшем в легкие, чувствовался жар и запах серы.

Пол всматривался в начинающих вставать солдат, и туман в его глазах неожиданно сменился чернотой. Он призвал на помощь оракульное видение этого момента, повернулся и пошел по тропе, проложенной для него Временем, вживаясь в видение, чтобы оно не ушло. Он чувствовал, как совпадает реальность с предвидением.

Вокруг слышались стоны: люди начали осознавать свою слепоту.

— Держитесь! — крикнул Пол. — Помощь близка! — и так как жалобы продолжались, он добавил: — С вами Муад Диб! Я приказываю вам держаться! Помощь приближается!

Молчание...

Затем, как и в видении, ближайший к Полу солдат сказал:

— Это действительно наш Император? Кто из вас видит? Скажите мне.

— Никто из них не видит, — сказал Пол. — Они забрали мои глаза, но не мое видение. Я вижу вас вокруг себя, вижу обгорелую стену дома. Не бойтесь ничего и ждите. Стилгар с друзьями уже спешит к нам на помощь.

Все громче и громче слышались звуки топтеров, топот быстрых шагов. Пол видел, как приближаются друзья, видел в видении и слышал в реальности.

— Стилгар! — закричал Пол, размахивая рукой. — Сюда!

— Слава Шаи-Хулуду! — воскликнул Стилгар, подбегая к Полу. — Вы не... — в наступившей тишине видение показало Полу, как Стилгар с выражением боли глядит на мертвые глаза своего друга и Императора. — О, милорд, — простонал Стилгар. — Узул... Узул... Узул...

— Что с прожигателем камня? — закричал кто-то из вновь прибывших.

— Он выдохся, — ответил Пол, возвышая голос. — Сейчас займитесь теми, кто был ближе всех. Поставьте оцепление. Живее! — он повернулся к Стилгару.

— Вы видите, милорд? — удивленно спросил Стилгар. — Как вы можете видеть?

Пол коснулся щеки Стилгара и почувствовал слезу.

— Не нужно отдавать мне влагу, старый друг. Я не мертв.

— Но ваши глаза!

— Они ослепили мое тело, но не мое видение. Ах, Стил, я живу в апокалиптическом сне. Мои шаги совпадают с ним по-прежнему точно, и больше всего я боюсь, как бы мне не наскучило это совпадение реальности с видением.

— Узул, я не...

— И не пытайся понять, Стилгар, просто прими все как есть. Я в мире за этим миром. Для меня все миры одинаковы. Меня не нужно вести. Я вижу вокруг себя каждое движение. Вижу смену выражений на твоем лице. У меня нет глаз, но я вижу.

Стилгар покачал головой.

— Сир, мы должны скрыть ваше несчастье, пока...

— Мы ничего не скроем, — возразил Пол.

— Но закон...

— Мы сейчас живем по закону Атридесов, Стил. Закон Свободных о том, что слепых следует оставлять в пустыне, применим только к слепым. Я не слеп. Я вижу в цикле бытия, которое есть арена борьбы добра со злом. Мы сейчас на изломе веков, и у каждого из нас своя роль.

В наступившей тишине Пол слышал, как мимо него провели одного из раненых.

— Ужасно! — стонал раненый. — Какой адский огонь!

— Никого из этих людей не должны отправить в пустыню, — сказал Пол. — Ты слышал меня, Стил?

— Я слышал, милорд.

— Всем им предоставь новые глаза за мой счет.

— Будет сделано, милорд.

Уловив в голосе Стилгара благоговейный страх, Пол сказал:

— Я буду в командном топтере. Прими командование здесь.

— Да, милорд.

Обойдя Стилгара, Пол пошел вниз по улице. Видение подсказывало ему каждое движение, каждую неровность под ногами, каждое встречное лицо. Он на ходу отдавал распоряжения, указывая на людей из своей свиты, называя их по именам, подзывал к себе тех, кто составлял костяк управления. Он чувствовал, как окружающих охватывает ужас, слышал испуганный шепот:

— Его глаза!

— Но он посмотрел на тебя и назвал по имени!

У командного топтера он деактивировал свое защитное поле, забрался в машину и взял микрофон из рук изумленного офицера связи, после чего отдал ряд коротких команд и вернул микрофон офицеру. Обернувшись, Пол подозвал специалиста по вооружению, одного из представителей нового поколения специалистов по энергетике, которое лишь смутно помнило жизнь в съетче.

— Они использовали прожигатель камня, — сказал Пол.

После короткой паузы человек ответил:

— Мне так и говорили, сир.

— Вы, конечно, знаете, что это означает?

— Топливо могло быть только ядерным, сир.

Пол кивнул, думая о том, как быстро работает человеческий мозг. Великая Конвенция запретила применение такого оружия. На нарушителей обрушится объединенный удар Великий Домов. Старая вражда будет забыта перед лицом этой угрозы, и вновь оживут древние страхи.

— Должны остаться какие-то следы, — сказал Пол. — Соберите нужное оборудование и найдите место, где был изготовлен прожигатель камня.

— Слушаюсь, сир, — бросив на него последний испуганный взгляд, человек отошел.

— Милорд, — вмешался связист, сидевший сзади. — Ваши глаза...

Пол молча снова отобрал у него микрофон и набрал личный код.

— Вызовите Чани, — приказал он. — Скажите ей... скажите, что я жив и скоро буду.

«Силы собираются», — подумал он. И почувствовал, как силен запах страха вокруг него.

«Он ушел от Алии, Небесного чрева! Святой, Святой, Святой... Охваченный огнем песок противостоит нашему господину. Он видит без глаз! В нем живет демон! Святое, святое, святое Уравнение! Он решил его самопожертвованием».

«Луна падает». Песнопение о Муад Дибе.

После нескольких дней сумасшедшей деятельности крепость постепенно замерла в противоестественном спокойствии. Этим утром она вся была заполнена людьми, но

они разговаривали шепотом, придвинув друг к другу головы, и ходили неслышно. Некоторые явно торопились, но выглядело это неестественно и уклончиво. Отовсюду собирались стражники, вызывая хмурые недоуменные взгляды новообращенных. Видя, что стражники вооружены до зубов, вновь прибывающие быстро улавливали общее настроение и тоже начинали двигаться незаметно, будто украдкой.

Повсюду слышались разговоры о прожигателе камня:

— Он говорил, что пламя было сине-зеленым и пахло адом.

— Эльпа глупец. Говорит, что скорее покончит с собой, чем примет глаза от тлейлаксу.

— Мне не нравятся разговоры об этих глазах!

— Муад Диб проходил мимо и окликнул меня по имени.

— Как Он видит без глаз?

— Ты слышал, многие уходят? Все в страхе. Наибы говорят, что соберутся в съетче Макаб на большой Совет.

— А что они сделали с панегиристом?

— Я видел, как его провели в комнату, где совещаются наибы. Ты только представь себе: Корба — пленник!

Чани проснулась рано, разбуженная тишиной в крепости. Проснувшись, она увидела, что рядом сидит Пол. Его глазницы были обращены куда-то вдаль, за пределы их спальни. Ожоги вокруг пустых глазниц были залечены. Инъекции и мази заживили плоть, но Чани чувствовала, что радиация проникла глубже.

Она ощутила сильный голод. Рядом с постелью стояла еда — спайсовый хлеб, сыр.

Пол жестом указал на пищу.

— Любимая, ты должна много есть! Поверь мне!

Чани едва сдержала дрожь, когда он обратил на нее свои пустые глазницы. Она уже перестала спрашивать у него объяснения. Он отвечал так странно: «Я крещен в песке, и это стоило мне гибкости и веры. Кто теперь будет торговать верой? А кто — покупать?»

Что он хотел сказать этими словами? Он отказался даже обсуждать глаза тлейлаксу, хотя, не считаясь с расходами, купил их для всех, кто разделил его несчастье.

Удовлетворив голод, Чани выскользнула из постели, оглянулась на Пола и заметила, как он устал. Угрюмые морщины окружают его рот. Темные волосы взлохматились после сна, который не принес облегчения. Он казался таким опустошенным и далеким. Она заставила себя отвернуться, прошептав:

— Любимый... любимый...

Он наклонился к ней, уложил на кровать и поцеловал в щеку.

— Скоро мы вернемся в нашу пустыню, — прошептал он. — Осталось сделать немногое.

Она вздрогнула от чувства бесповоротности в его голосе.

Он обнял ее еще крепче и пробормотал:

— Не бойся меня, моя Сихайя. Забудь загадку и прими любовь. В любви нет загадки. Любовь приходит от жизни. Ты чувствуешь это?

— Да.

Она прижала ладонь к его груди, считая удары сердца. Его любовь взывала к ее душе, душе Свободной. Его магнетическая власть окутала ее.

— Обещаю тебе, любимая, — сказал он, — наш сын будет править такой Империей, в сравнении с которой моя теперешняя — ничто. Такое величие, такие достижения искусства...

— Мы сейчас здесь! — возразила она, сдерживая сухие рыдания. — И... я чувствую, что у нас осталось так мало... времени.

— Перед нами вечность, любимая.

— У тебя, может быть, и вечность. У меня же только «сейчас».

— Но «сейчас» это и есть вечность, — он провел рукой по ее волосам.

Она прижалась к нему, коснулась губами шеи. От легкого давления в ее чреве зашевелился ребенок, и она ощутила его движения.

Пол тоже почувствовал это. Он положил руку ей на живот и сказал:

— Маленький правитель Вселенной, подожди своего часа. Это мгновение принадлежит мне.

Она удивилась, почему он всегда говорит о жизни в ней в единственной числе. Сказали ли ему врачи? Она порылась в памяти, удивляясь тому, что это обстоятельство никогда не обсуждалось ими. Он, конечно, знает, что она носит двоих. Она поколебалась, надо ли говорить об этом. Он должен знать. Он знает все. Его руки, его рот — все в нем знает ее.

Она сказала:

— Да, любимый. Это вечность... она реальна.

И плотно закрыла глаза, чтобы при виде его пустых глазниц ее душа не переселилась из рая в ад.

Когда они начали одеваться, она сказала:

— Если бы только люди знали силу твоей любви...

Но его настроение уже изменилось.

— Нельзя строить политику на любви, — сказал он. — Людей не устраивает любовь, она слишком беспорядочна, они предпочитают деспотизм. Слишком большая свобода порождает хаос. Мы не можем допустить этого. А как сделать, чтобы деспотизм внушал любовь?

— Ты не деспот, — возразила она, завязывая шарф. — Твои законы справедливы.

— Ах, законы, — повторил он. Потом подошел к окну, отдернул занавеси, будто бы собираясь выглянуть наружу. — Что такое законы? Контроль? Закон процеживает хаос, и что же после этого остается? Ясность? Закон — наш высший идеал и основа нашей природы. Не нужно слишком пристально вглядываться в закон. Сделай это, и увидишь рационализированные интерпретации, узаконенную софистику. Убеждения, основанные на прецеденте. Найдешь ясность, которая по сути всего лишь другое наименование смерти.

Чани плотно сжала рот. Она не могла отрицать его мудрость и проницательность, но такие настроения пугали ее. Он погрузился в себя, и она чувствовала его внутреннюю борьбу. Как будто он взял изречение Свободных «Никогда не прощать, ничего не забывать» и погрузился в него целиком.

Она подошла к нему вплотную. Вечерний закат причудливо разукрасил небо золотом и багрянцем. Холодный верховой ветер, несущий с собой фонтаны пыли, разбивался о Защитную стену.

Пол почувствовал рядом с собой тепло Чани. Мгновенно он набросил покрывало забытья на свое видение. Просто стоял, ни о чем не думая, но время отказывалось остановиться. Он вдохнул тьму, беззвездную, бесследную. Слепота поглотила его, осталось лишь удивление перед звуками, составляющими Вселенную. Все вокруг него опиралось на единственное чувство — слух, и оживало лишь тогда, когда он касался осязаемых предметов — занавеси, руки Чани... Он поймал себя на том, что вслушивается в дыхание Чани.

«В чем же вина того, что только вероятно?» — спросил он себя. Его мозг нес в себе огромное количество воспоминаний о несбывшемся. Ведь каждое мгновение реальности имеет бесчисленные проекции, мгновения, которым не суждено осуществиться. Он помнил это несбывшееся прошлое, и тяжесть воспоминания угрожала поглотить его настоящее.

Чани опиралась на его руку.

Он чувствовал ее тело — мертвое тело, уносимое водоворотом Времени. Воспоминание о вечности захватило его целиком. Видеть Вечность — значит быть открытым для ее капризов, быть угнетенным ее бесконечными измерениями. Личное бессмертие оракула требовало расплаты: прошлое и будущее совмещались во времени.

Снова из темной ямы поднималось видение. Оно было его глазами. Оно двигало его мышцами. Оно вело его в следующий момент, в следующий час, в следующий день... пока он не почувствует, что он здесь!

— Пора идти, — сказала Чани. — Скоро Совет...

— Алия займет мое место.

— Она знает, что надо делать?

— Знает.

День Алии начинался со смены караула во дворце, под ее окнами. Сегодня она увидела там смятение, услышала многоголосый неразборчивый гул. Картина прояснилась, когда она разглядела узника, которого привела охрана. Это был панегирист Корба.

Она проделала утренний туалет, изредка подходя к окну и разглядывая Корбу. Она пыталась вспомнить его как грубого бородатого командира третьей волны в битве под Арракином. Это ей не удавалось. Корба стал теперь круглым толстяком, одетым в дорогой костюм из паратского шелка. Видны были тщательно отглаженные бриджи и нижнее платье, все в золоте и драгоценностях. Пурпурный пояс опоясывал талию. Рукава, просовывающиеся в специальные прорези верхнего платья, ниспадали вниз пышными складками темно-зеленого и черного бархата.

Несколько наибов вышли взглянуть на обращение со Свободным. Их появление вызвало шум, так как Корба начал кричать, что он невиновен. Алия всматривалась в лица Свободных, пытаясь вспомнить, какими они были раньше. Настоящее заслоняло прошлое. Все они стали гедонистами, позволявшими себе удовольствия, какие обычный человек даже не мог бы себе представить.

Она видела, что их беспокойные взгляды часто останавливаются на дверях зала, где должен был происходить Совет. Они думали о слепом, но видящем Муад Дибе, о новом проявлении его чудесной силы. По их закону слепой должен быть оставлен в пустыне, где свою воду он отдаст Шаи-Хулуду. Но безглазый Муад Диб видел. Им не нравилось здание, они чувствовали себя в нем, как в ловушке. Дай им

пещеру в скале, там они вздохнут свободно, но не здесь, где их ждет новый Муад Диб.

Собираясь идти на Совет, Алия заметила на столе письмо — последнее письмо от матери. Несмотря на особое уважение, которым пользовался Келадан как место рождения Пола, леди Джессика подчеркивала свое нежелание превращать планету в место паломничества.

«Несомненно, мой сын — эпохальная фигура в истории, — писала она, — но это не повод для вторжения толпы...»

Алия коснулась письма, испытывая странное чувство взаимного контакта. Эту бумагу держала в руках ее мать. Такое архаическое изобретение, как переписка, содержит в себе нечто глубоко личное. Письмо не может заменить ни один другой текст. Написанное на боевом языке Атридесов, письмо Джессики представляло собой почти непроницаемое средство сохранения тайны переписки.

Мысль о матери как всегда вызвала у Алии внутреннюю расплывчатость. Спайсовое изменение, смешавшее души матери и дочери, заставляло ее иногда думать о Поле, как о сыне, которому она дала жизнь. Это же единство представляло ей собственного отца, как возлюбленного. Призрачные тени, люди, вероятности беспорядочно метались в ее сознании.

По пути в комнату, где ее ждала охрана из амазонок, Алия перечитала письмо.

«Вы породили гибельный парадокс, — писала леди Джессика. — Правительство не может быть религиозным и в то же время деспотичным. Религиозный опыт требует самопроизвольности, закон же исключает ее. Вы не умеете управлять, не опираясь на закон, и ваши законы постепенно вытесняют мораль, совесть и даже религию. Я предвижу день, когда место веры займут ее символы и на смену молитве придет ритуал. А между тем правительство есть интеллектуальный механизм, подверженный сомнениям, ищущий ответа на вечные вопросы бытия».

Аромат спайсового кофе встретил Алию в приемной. Четыре амазонки в зеленых мундирах вскочили при ее появлении и пошли за ней, чеканя шаг. У них были лица посвященных, не знающих страха. Они излучали особую, присущую только Свободным ярость, они могли бы убить, не испытывая жалости или чувства вины.

«В этом я не похожа на них, — подумала Алия. — На имени Атридесов достаточно грязи и без этого».

Ее появлению предшествовали выкрики. Когда она вошла в нижний зал, ожидавший там паж бросился вызывать полную охрану. Угрюмый зал без окон тянулся вдаль, освещаемый лишь несколькими глоуглобами. В дальнем конце зала неожиданно распахнулись парадные двери, пропустив столб дневного света. Оттуда показались охранники, окружавшие Корбу.

— Где Стилгар? — спросила Алия.

— Он уже на месте, — ответила одна из амазонок.

Алия направилась в зал заседаний Совета. Это было одно из самых помпезных помещений в крепости. Высокий балкон с рядами высоких мягких кресел занимал одну сторону. Под балконом находились высокие окна, с которых отодвинули оранжевые занавеси. Яркий солнечный свет лился из сада с фонтаном. В ближнем конце помещения, справа от Алии, возвышался помост с единственным массивным стулом.

Идя к помосту, Алия оглянулась и увидела, что галерея заполнилась наибами.

Открытое пространство под балконом заполняла охрана. Среди стражников ходил Стилгар, отдавая распоряжения. Он ничем не показал, что заметил появление Алии.

Привели Корбу и усадили на подушку перед помостом. Несмотря на яркую одежду, панегирист производил теперь впечатление сонного, будто бы спасающегося от холода человека. Два стражника встали за его спиной.

Когда Алия села, к помосту подошел Стилгар.

— Где Муад Диб? — спросил он.

— Мой брат поручил председательствовать в Совете мне как Преподобной Матери.

Услышав это, наибы на балконе запротестовали.

— Молчать! — прикрикнула на них Алия. В наступившей тишине она сказала: — Разве это не закон Свободных, что в вопросах, связанных в жизнью и смертью, должна председательствовать Преподобная Мать?

Наибы притихли, но Алия заметила гневные взгляды. Она запомнила имена, чтобы потом обсудить их на Совете Императора: Хобарс, Раджифири, Тастин, Сааджин, Умбу, Легг... В именах отражались названия мест: съетч Умбу, долина Тастин, пропасть Хобарс.

Алия перенесла свое внимание на Корбу.

Заметив это, тот поднял голову и сказал:

— Я заявляю о своей невиновности.

— Стилгар, читайте обвинение! — приказала Алия.

Стилгар выступил вперед, достал свиток и начал торжественно читать. Слова, произносимые им, ясные и неподкупные, звучали резко:

— ...и вошел в сговор с предателями с целью убить нашего господина и Императора; что тайно встречался с заклятыми врагами Империи; что...

Корба с видом оскорбленной невинности отрицательно качал головой.

Алия задумчиво слушала, склонив голову влево и опираясь подбородком на руку. Глубокое внутреннее беспокойство постепенно закрывало от нее содержание формального процесса.

— ...славные традиции поддержка легионов и всех Свободных повсеместно... в соответствии с законом, на насилие отвечать насилием... величие персоны Императора... конфискация всех прав...

«Ерунда! — подумала она. — Ерунда! Все это — ерунда! Ерунда, ерунда!»

Стилгар закончил:

— И вот этот случай представляется на рассмотрение правосудия.

В наступившей тишине Корба наклонился вперед, упираясь руками в колени и напрягая шею, как будто собирался прыгнуть.

— Ни словом, ни делом не нарушил я присягу! Я требую очной ставки с обвинителем! — язык Корбы мелькнул меж зубов, брызжа слюной.

Алия видела, что слова Корбы произвели впечатление на наибов. Они знают Корбу, подумала она. Он был одним из них. Прежде чем стать наибом, он доказал свою храбрость и осторожность Свободных. Не бойкий Корба, но надежный. Возглавить джихад не сможет, но как исполнитель вполне хорош. Не крестоносец, но один из тех, кто чтит старое правило Свободных: «Племя превыше всего!»

Алии вспомнились горькие слова Отейна, которые пересказал ей Пол. Она осмотрела галерею. Любой из этих людей мог представить себя на месте Корбы — и некоторые имели на то причины. Но и невиновный наиб так же опасен, как и этот виновный.

Корба тоже чувствовал это.

— Кто обвиняет меня? — спросил он. — У меня есть право Свободного вызвать обвинителя на поединок.

— Возможно, ты сам выдвигаешь против себя тяжкие обвинения, — сказала Алия.

Прежде чем он смог совладать с собой, мистический ужас отразился на его лице. На лице Корбы можно было ясно прочесть: «С ее-то силой Алия обвинит его сама, просто скажет, что достанет свидетельства из мира теней, алам алмитал».

— У наших врагов есть союзники среди Свободных,— продолжала Алия. — Водные ловушки разрушены, каналы взорваны, растения отравлены, склады разграблены

— А теперь похищен и увезен на другую планету червь из пустыни!

Этот новый голос узнали все — голос Муад Диба. Пол прошел меж стражников и подошел к Алии. Его сопровождала Чани, держась несколько сзади и сбоку.

— Милорд, — сказал Стилгар, не решаясь взглянуть Полу в лицо.

Пол направил пустые глазницы на галерею, потом перевел их на Корбу.

— Что, Корба, у тебя больше не осталось слов для дифирамбов?

На галерее послышался ропот. Он становился все громче, теперь различались отдельные слова и фразы:

— Закон о слепых... обычай Свободных... в пустыню... тот, кто нарушит...

— Кто говорит, что я слеп? — возвысил голос Пол. Он повернулся к галерее.— Ты, Раджифири? Я вижу, ты сегодня разряжен, а на голубой рубашке под золотым камзолом осела уличная пыль. Ты всегда был неаккуратен.

Раджифири сложил три пальца в жесте, отгоняющем зло.

— Направь эти пальцы на себя! — крикнул Пол. — Мы знаем, где находится зло! — он снова обернулся к Корбе. — На твоем лице чувство вины, Корба

— Нет моей вины! Меня оклеветали... — он замолчал и беспомощно оглянулся на галерею, ища поддержки.

Алия встала, спустилась вниз с помоста и подошла к Корбе. С расстояния меньше метра она смотрела на него сверху вниз, молча и угрожающе.

Корба заерзал под ее обвиняющим взглядом, бросая беспокойные взгляды на галерею.

— Чьи глаза ты ищешь там, наверху? — спросил Пол.

— Вы не можете видеть! — закричал Корба.

Пол испытал мгновенное чувство жалости к Корбе.

Видение захватило этого человека в свои сети, как и всех остальных присутствующих. Он лишь играл свою роль, не более.

— Мне не нужны глаза, чтобы видеть тебя, — сказал Пол. И начал описывать Корбу, каждое движение, каждый жест, каждый испуганный и тревожный взгляд.

Отчаяние росло в Корбе.

Алия следила за ним и видела, что он может сломаться в любую секунду. Она подумала, что кто-то на галерее тоже понимает это. Кто? Она изучала лица наибов, замечая, как выдают их гнев, страх, неуверенность, вина...

Пол умолк.

Корба, слегка овладев собой, напыщенно спросил:

— Кто обвиняет меня?

— Отейн, — сказала Алия.

— Но Отейн мертв! — воскликнул Корба.

— Откуда же ты это знаешь? — спросил Пол. — Через своих шпионов? О, да! Нам известно о твоих шпионах и курьерах. Мы знаем, кто привез прожигатель камня с Тарахолла.

— Он предназначался для защиты Квизарата! — выкрикнул Корба.

— А как он попал в руки предателей? — в упор спросил его Пол.

— Его украли, и мы... — Корба замолчал, судорожно хватая ртом воздух. Взгляд его метался вправо и влево. — Все знают, что я был гласом любви к Муад Дибу, — он посмотрел на галерею. — Как может мертвец обвинить Свободного?

— Голос Отейна не умер, — сказала Алия. И замолчала, так как Пол предостерегающе дотронулся до ее руки.

— Отейн послал нам свой голос, — сказал Пол. — Он собирается сообщить имена, подробности предательства, места и время тайных встреч. Ты видишь, Корба, что кое-кого из наибов в Совете не хватает. Где Меркур и Фаш? Не с нами сегодня Каке и Лейма. А где Таким?

Корба покачал головой.

— Они бежали с Арракиса с украденным червем, — сказал Пол. — Даже если бы я освободил тебя сейчас, Корба, Шаи-Хулуд забрал бы твою воду за участие в этом преступлении. Почему я не освобождаю тебя, Корба? Подумай о тех, кто потерял глаза, кто не может видет, как я. У них есть семьи и друзья, Корба. Куда ты скроешься от них?

— Это случайность, — взмолился Корба. — И ведь они получат с Тлейлакса... — он замолчал.

— А кто знает, что приобретаешь вместе с металлическими глазами? — спросил Пол.

На галерее начали шепотом переговариваться наибы, прикрывая рты руками. Теперь они уже смотрели на Корбу достаточно холодно.

— Защита Квизарата, — повторил слова Корбы Пол. — Устройство, способное уничтожить всю планету и испускающее лучи, которые ослепляют всех, оказавшихся поблизости. Какой из этих эффектов, Корба, ты предназначал для защиты Квизарата? По-твоему, Квизарат может лишать всех зрения?

— Из простого любопытства, милорд, — молил Корба. — Мы знали, что старый закон гласит: «Только Семьи могут обладать атомной энергией», и Квизарат повиновался... повиновался...

— Ты, что ли, повиновался... — усмехнулся Пол. — Хорошенькое любопытство!

— Если есть голос, даже только голос моего обвинителя, я должен его выслушать, — сказал Корба. — У Свободного есть права.

— Он прав, сир, — сказал Стилгар.

Алия бросила в его сторону уничтожающий взгляд.

— Закон есть закон, — сказал Стилгар, чувствуя неудовольствие Алии. Он начал цитировать закон Свободных, сопровождая его своими комментариями.

Алия испытывала странное ощущение, будто она слышит слова Стилгара еще до того, как он их произносит. Как он может быть так легковерен? Никогда раньше Стилгар не был столь консервативен, не придерживался так неукоснительно кодекса Дюны. Его подбородок гордо выпятился, он говорил явно агрессивным тоном, произнося слова так, словно отрубал их. Неужели в нем нет ничего, кроме этой отвратительной помпезности?

— Корба — Свободный, и его следует судить по законам Свободных, — заключил Стилгар.

Алия отвернулась и взглянула на тени, падающие из сада на стену. Расследование затянулось почти до полудня. А что теперь? Корба несколько успокоился. На лице панегириста было написано, как он страдает от несправедливости, ведь все, что он делал, совершалось только из любви к Муад Дибу. Она взглянула на Корбу и увидела, как по его лицу скользнуло довольное выражение.

Должно быть, он получил сообщение, подумала она.

Сейчас он выглядел так, будто услышал крик друга: «Держись! Помощь близка!»

Какое-то мгновение в их руках были все нити заговора: информация карлика, пароли, имена заговорщиков. Но критический момент миновал. Стилгар? Да нет, конечно же, нет! Она обернулась и посмотрела на старого Свободного.

Стилгар, не мигая, встретил ее взгляд.

— Спасибо, Стил, что ты напомнил нам о законе, — сказал Пол.

Стилгар склонил голову. Он придвинулся ближе и почти беззвучно, так, чтобы слышали только Пол и Алия, произнес:

— Я выжму его досуха и позабочусь о деле.

Пол кивнул и сделал знак охраняющему Корбу.

— Отведите Корбу в наиболее охраняемое и полностью изолированное помещение. Никаких посетителей, кроме защитника. Защитником я назначаю Стилгара.

— Я сам выберу себе защитника! — закричал Корба.

Пол повернулся к нему.

— Ты сомневаешься в честности и справедливости Стилгара?

— О, нет, милорд, но...

— Уведите его! — приказал Пол.

Охранники подняли Корбу с подушки и увели его.

Наибы на галерее снова начали перешептываться. Оконные занавеси были задернуты. Оранжевая полутьма заполнила помещение. Наибы удалились.

— Пол, — произнесла Алия.

— Лишь повергнув насилие, — сказал Пол, — мы сможем полностью контролировать его. Спасибо, Стил, ты хорошо сыграл свою роль. Я уверен, что Алия опознала тех наибов, кто действует заодно с Корбой. Они не могли не выдать себя.

— Вы договорились об этом заранее? — спросила Алия.

— Если бы я приказал казнить Корбу, наибы поняли бы меня, — сказал Пол. — Но формальная процедура... без обращения к закону Свободных... они почувствовали бы угрозу своим правам. Кто из наибов на его стороне, Алия?

— Раджифири, несомненно, — негромко сказала она. — И Сааджин, но...

— Дай Стилгару полный перечень, — распорядился Пол.

Алия глубоко вздохнула, разделяя в этот момент всеобщий страх перед Полом. Она знала, как он движется без глаз, но ее поражала точность его движений. Видеть стольких людей сквозь призму своего видения!

— Время вашей утренней аудиенции, сир, — сказал Стилгар. — Много любопытных... боящихся...

— Ты тоже боишься, Стил?

Едва различимый шепот:

— Да.

— Ты мой друг, тебе нечего меня бояться.

— Да, милорд.

— Алия, проведи утреннюю аудиенцию. Стилгар, давай сигнал!

Стилгар повиновался.

Дверь отворилась, и ожидавшая толпа подалась назад, чтобы дать проход чиновникам. Охранники сдерживали просителей, а пестрая, кричащая толпа пыталась прорваться с криками и проклятиями. Все происходило одновременно, крутилось, как в водовороте. В руках просители держали свои жалобы. Через проход, расчищенный стражами, прошел чиновник. Он держал список тех, кому дозволено было предстать перед троном. Чиновник, сухощавый Свободный по имени Текруб, имел холодный и неприступный вид, выставляя напоказ бритую голову и пушистые усы.

Алия двинулась ему навстречу, давая возможность Полу и Чани уйти в коридор за помостом. Она явно испытывала недоверие к Текрубу, замечая любопытные взгляды, которые тот бросал вслед уходящему Полу.

— Сегодня я говорю от имени брата, — сообщила она. — Пусть просители подходят по одному.

— Да, миледи, — он повернулся, чтобы навести порядок в толпе.

— Я помню времена, когда вы не ошибались относительно намерений брата, — сказал Стилгар.

— Меня отвлекли наибы, — оправдывалась Алия. — Но вы тоже изменились, Стил? Что это за спектакль вы разыграли?

Стилгар был шокирован. Все на свете меняется, но чтобы как в спектакле? Драма — сомнительное мероприятие. В Империи появились сомнительные развлечения, и самое непристойное из них — театр. Враги империи лицедействуют, чтобы завоевать дешевую популярность. Корба пытался всю Империю превратить в подмостки. За это он поплатится жизнью.

— Вы упрямы, — сказал Стилгар. — Вы мне не верите?

Уловив напряжение и горечь в его словах, Алия смягчила выражение лица, но не интонацию голоса.

— Я верю вам, Стил. Я всегда соглашалась с братом, когда он говорил, что если дело в руках Стилгара, то мы можем позволить себе забыть о нем.

— Тогда почему же вы говорите, что я изменился?

— Вы были готовы оказать неповиновение моему брату, — сказала она. — Это написано у вас на лбу. Надеюсь только, что это не уничтожит вас обоих.

Приближался первый посетитель. Алия отвернулась, прежде чем Стилгар успел что-то сказать. Но на лице его ясно читалось то, о чем предупреждала в своем письме леди Джессика — подмена морали и совести законом.

«Вы породили гибельный парадокс...»

«Тибана, апологет сократического христианства, вероятно, уроженец Амбуса IV, жил за восемь или девять столетий до Коррино, скорее всего, при втором правлении Даламака. Из его произведений сохранились лишь фрагменты. Вот один из них: «Сердца всех людей пребывают в одинаковой дикости».

Из «Книги Дюны» принцессы Ирулэн.

— Ты Биджаз? — спросил гхола, входя в маленькую комнату, где содержался под охраной карлик. — Меня зовут Хейт.

С гхолой пришел отряд стражников, чтобы заступить на вечернюю вахту. Пока они пересекали внешний двор, песок, приносимый ветром, сек их щеки, заставляя моргать и ускорять шаги. Теперь же, в коридоре, слышались их добродушные шутки вперемежку со звуками, сопровождающими ритуал смены караула.

— Ты не Хейт, — возразил карлик, — ты Данкан Айдахо. Я видел, как твое мертвое тело положили в бак, и я был там, когда его извлекли, живое и готовое для обучения.

Гхола проглотил комок в неожиданно пересохшем горле. Свет золотистых глоуглобов слегка приглушался зелеными занавесями. В их свете были видны капли пота на лбу карлика. Под маской трусливости и фривольности в карлике чувствовалась внутренняя сила.

— Муад Диб поручил мне допросить тебя, с какой целью тебя изготовили тлейлаксу, — сказал Хейт.

— Тлейлаксу, тлейлаксу, — дурашливо пропел карлик. — Знаешь ли ты, кукла, что я сам тлейлаксу? Кстати, и ты тоже!

Хейт смотрел на карлика. Биджаз излучал уверенность, которая заставляла вспомнить о древних идолах.

— Слышишь стражников снаружи? — спросил Хейт. — Стоит мне только приказать, и они задушат тебя.

— Ай! Ай! — укоризненно воскликнул карлик. — Каким ты стал жестоким! А ведь говорил, что пришел сюда искать правду.

Хейту не понравилось спокойствие на лице карлика.

— Возможно, я ищу лишь будущее, — сказал он.

— Хорошо сказано, — заметил Биджаз. — Теперь мы знаем друг друга. Когда встречаются два вора, им не нужно представляться друг другу.

— Мы не воры, — сказал Хейт. — Что, по-твоему, мы украли?

— Не воры, но игральные карты, — возразил Биджаз. — И ты пришел сюда, чтобы подсчитать мои очки. А я, в свою очередь, посчитаю твои. Так вот: у тебя две рубашки!

— Ты действительно видел меня в баке тлейлаксу? — с видимой неохотой спросил Хейт.

— Разве я уже не сказал? — удивился Биджаз. Карлик вскочил на ноги. — С тобой пришлось немало повозиться. Твое тело никак не хотело возвращаться к жизни.

Хейт неожиданно почувствовал, что живет как бы во сне, контролируемый чужим мозгом, и что он может мгновенно затеряться в этом чужом мозгу.

Биджаз склонил голову набок и обошел гхолу, глядя на него снизу вверх.

— Возбуждение пробуждает в тебе старое, — сказал он. — Ты преследователь, который никогда не сможет догнать то, за чем гонится.

— Ты — оружие, нацеленное на Муад Диба, — сказал Хейт, поворачиваясь вслед за карликом. — Что ты должен сделать?

— Ничего! — отрезал Биджаз, останавливаясь. — Я даю тебе обычный ответ на обычный вопрос.

— Значит, ты нацелен на Алию. Она твоя цель?

— Во внешних мирах ее называют Хавт — Первое Чудовище, — сказал Биджаз. — Я слышу, как кипит твоя кровь, когда ты говоришь о ней.

— Итак, ее называют Хавт, — сказал гхола, изучая Биджаза, пытаясь найти ключ к своей цели. Этот карлик отвечает так странно.

— Она — девственница-шлюха, — сказал Биджаз. — Она вульгарна, умна, груба и добра; когда думает, получается

наоборот; когда хочет созидать, то разрушает все вокруг, как кориолисова буря.

— Значит, ты здесь для того, чтобы говорить против Алии?

— Против нее? — Биджаз опустился на подушку у стены. — Я пришел сюда, чтобы меня захватил магнетизм ее физической красоты, — он улыбнулся, и на лице у него появилось выражение ящерицы.

— Нападать на Алию — значит, нападать на ее брата, — сказал Хейт.

— Это настолько ясно, что трудно разглядеть, — ответил Биджаз. — По правде говоря, Император и его сестра — одна личность, спина к спине, одно существо, наполовину мужчина, наполовину женщина.

— Так говорили Свободные в глубокой пустыне, — сказал Хейт. — Они восстановили кровавые приношения Шаи-Хулуду. Почему ты повторяешь их вздор?

— Ты смеешь называть это вздором? — спросил Биджаз. — Ты, который одновременно и человек, и маска? Да, но игральная кость не может сама считать свои очки. Я совсем забыл об этом. И тебе трудно вдвойне, потому что ты служишь Атридесам как двойное существо. Твои чувства не так ясны, как мысли в твоем мозгу.

— Ты проповедуешь этот ложный миф о Муад Дибе твоим стражам? — негромко спросил Хейт. Он чувствовал, как слова карлика опутывают его мозг.

— Это они проповедуют мне! — возразил Биджаз. — И они молятся. Мы все должны молиться. Разве мы не живем в тени самого опасного существа во всей Вселенной?

— Опасное существо...

— Их собственная мать отказалась жить с ними на одной планете!

— Почему ты не отвечаешь мне прямо? Ты знаешь, мы можем расспросить тебя по-другому! И получим ответ... так или иначе...

— Но я ответил тебе! Разве я не сказал, что миф реален? Разве я ветер пустыни, несущий смерть в своем животе? Нет. Я — слова! Такие слова, которые молниями ударяют в песок с темного неба. Я сказал: «Задуй лампу! Наступил день!» А ты продолжаешь говорить: «Дай мне лампу, чтобы я мог отыскать день.»

— Ты играешь со мной в опасную игру! — сказал Хейт. — Думаешь, я не понимаю эти идеи Дзэнсунни? Ты оставляешь следы такие же ясные, как птица на грязи.

Биджаз захихикал.

— Почему ты смеешься?

— Потому что у меня есть зубы и я не хотел бы, чтобы их не было, — умудрился выговорить Биджаз, не переставая хихикать. — Не имея зубов, я бы не мог их скалить.

— Теперь я знаю твою мишень, — сказал Хейт. — Ты был нацелен на меня.

— И попал! Ты такая большая цель, как бы я мог промахнуться? — он кивнул, будто бы самому себе. — Теперь я спою для тебя, — он замычал монотонную мелодию, повторяя ее снова и снова.

Хейт напрягся, чувствуя странную боль в позвоночнике. Он смотрел на лицо карлика, видел молодые глаза на старом лице. От глаз к виску тянулась паутина тонких белых линий. Какая большая голова! Все черты замыкались на большом рте, из которого доносился монотонный напев. Этот звук навел Хейта на мысль о древних ритуалах, народных преданиях, старых словах и обычаях, полузабытых значениях. Что-то жизненно важное происходило здесь... смертельная игра мыслями наперекор Времени. Древние мысли звучали в песне карлика, как ослепительный свет на расстоянии, который все приближается и приближается, освещая жизнь через пропасть столетий.

— Что ты делаешь со мной? — выдохнул Хейт.

— Ты — инструмент, на котором меня учили играть, — сказал Биджаз. — Я играю на тебе. Позволь мне назвать другие имена предателей среди наибов. Викурес и Кахиет Джеддида, секретарь Корбы; Абомоджандис, помощник Баннерджи. Даже сейчас, в этот момент, кто-нибудь из них может вонзить нож в спину вашего Муад Диба.

Хейт лишь покачал головой, будучи не в состоянии говорить.

— Мы с тобой как братья, — сказал Биджаз, снова прерывая свое монотонное гудение. — Мы росли в одном и том же баке: сначала я, потом — ты.

Металлические глаза Хейта внезапно обожгло непереносимой болью. Красный туман окутал все вокруг. Он чувствовал, как его отсекают от всего, кроме боли. Все стало случайным, случай пронизывал материю. Воля его ослабла, съежилась. Она жила без дыхания и была различима лишь как слабое внутреннее освещение.

С энергией отчаяния прорывался он сквозь завесу боли. Внимание его сосредоточилось на Биджазе. Хейт чувствовал,

как его взгляд прорывается сквозь слои карлика — слой за слоем, пока не осталась лишь сущность, выраженная символом.

— Мы на поле боя, — сказал Биджаз. — Теперь ты можешь говорить.

Освобожденный этими словами, Хейт сказал:

— Ты не сможешь заставить меня убить Муад Диба.

— Я слышал, как Бене Джессерит говорят, — сказал Биджаз, — что нет ничего прочного, ничего уравновешенного во всей Вселенной, ничто не остается постоянным, каждый день и каждый час приносят изменения.

Хейт тупо покачал головой.

— Ты считал, что наша цель — этот глупый Император, — сказал Биджаз. — Плохо же ты знаешь наших хозяев, тлейлаксу. Союз и Бене Джессерит считают, что мы производим орудия и услуги. Все может быть орудием — нищета, война. Война полезна, так как она эффективна во многих сферах. Она стимулирует обмен веществ. Она вынуждает правительства к действиям. Она разделяет генетические линии. Она обладает жизненностью, как ничто другое во Вселенной. Только тот, кто понимает необходимость войны, достигает самоопределения.

Необычно спокойным голосом Хейт сказал:

— Странные мысли исходят от тебя. Я почти готов поверить в мистическое провидение. Сколько прибыли принесло создание тебя? Из этого могла бы получиться восхитительная история с захватывающим эпилогом.

— Великолепно! — воскликнул Биджаз. — Ты нападаешь, следовательно, ты достигаешь самоопределения.

— Ты пытаешься пробудить во мне насилие, — безжизненным голосом сказал Хейт.

Биджаз отрицательно мотнул головой.

— Пробуждаю — да, насилие — нет. Ты носитель сознания, полученного при обучении. Я должен пробудить в тебе это сознание, Данкан Айдахо.

— Я Хейт!

— Ты — Данкан Айдахо! Уникальный убийца. Любовник многих женщин. Искусный фехтовальщик. Правая рука Атридесов на поле битвы. Ты — Данкан Айдахо!

— Прошлое нельзя разбудить.

— Нельзя.

— Это еще никому не удавалось.

— Верно, но наши хозяева отрицают саму мысль, что чего-

то сделать нельзя. Они всегда ищут подходящее орудие, правильную точку приложения силы, пользуются услугами подходящего...

— Ты скрываешь свою истинную цель! Ты создаешь экран из слов, а они ничего не значат!

— В тебе есть Данкан Айдахо, — сказал Биджаз. — Твое сознание подчинится эмоциям или бесстрастному рассмотрению, но оно подчинится. Твое сознание прорвет экран подавления и вырвется из темного прошлого. Оно и сейчас преследует тебя. Существо, живущее внутри тебя, проснется и будет повиноваться.

— Тлейлаксу считают, что я их раб, но я...

— Молчать, раб! — произнес Биджаз воющим голосом.

Хейт замолк.

— Вот мы и дошли до сути, — сказал Биджаз. — Я знаю, что ты и сам чувствуешь это. И вот условные слова, чтобы управлять тобой... Они сработают, как надо.

Хейт почувствовал, как пот выступает у него на лбу, как дрожат руки, но он был не в силах пошевелиться.

— Однажды, — продолжал Биджаз, — Император придет к тебе. Он скажет: «Она умерла». И лицо его превратится в маску горя. Он будет отдавать воду мертвым, как здесь называют слезы. И ты скажешь моим голосом: «Господи! Господи!»

Челюсти и горло Хейта сводило от напряжения мышц. Он смог лишь слегка повернуть голову.

— Ты скажешь: «У меня сообщение от Биджаза», — карлик скорчил гримасу. — Бедный Биджаз, у которого не было мозгов... бедный Биджаз, барабан, набитый информацией... орудие для других... надави на Биджаза, и он издаст звук... — он снова улыбнулся. — А я не лицемер, хоть ты и считаешь меня таковым, Данкан Айдахо. Я тоже могу печалиться. Но пришло время заменить мечи словами.

Хейта сотрясала икота.

Биджаз хихикнул.

— Спасибо тебе, Данкан Айдахо, спасибо. Потребности тела выручают нас. Так как у Императора в жилах течет кровь Харконненов, он будет делать то, что мы потребуем. Он превратится в говорящую машину, в произносителя слов, в колокольчик со звоном, приятным для ушей наших хозяев.

Хейт мигнул и подумал, что Биджаз похож на маленького умного зверька. Как это понимать: «Кровь Харконненов в жилах Императора?»

— Ты думаешь о звере Харконнене, — сказал Биджаз. — В этом ты похож на Свободного. Когда слова не помогают, в руке появляется меч, да? Ты думаешь о том зле, которое причинили твоей семье Харконнены? Да, по материнской линии твой драгоценный Пол — Харконнен! Тебе ведь не трудно будет убить Харконнена, не так ли?

Судорога прошла по телу гхолы. Был ли это гнев? Откуда?

— Ох! — сказал Биджаз. — Ах! Ха-ха! Но есть еще кое-что. Тлейлаксу предложат сделку твоему драгоценному Полу Атридесу. Наши хозяева оживят его возлюбленную. У тебя может появиться сестра-гхола.

Хейт неожиданно почувствовал, что во Вселенной осталось только его дыхание.

— Гхола, — повторил Биджаз. — Тело его возлюбленной. Она сможет рожать ему детей. И будет любить только его. Мы даже можем усовершенствовать оргинал, если он захочет. Была ли когда-нибудь у человека лучшая возможность вернуть утраченное? Он за это ухватится.

Будто утомившись, Биджаз опустил глаза, а потом сказал:

— Он испытает искушение он задумается, и в этот момент ты приблизишься к нему. И ударишь! И будет еще один гхола... Вот чего требуют наши хозяева! — карлик прокашлялся и, кивнув, потребовал: — Говори!

— Я этого не сделаю! — сказал Хейт.

— Это сделает Данкан Айдахо. И сделает в момент наибольшей уязвимости этого отпрыска Харконненов. Не забудь! Ты предложишь усовершенствование его возлюбленной — возможно, бессмертное сердце, более нежные чувства. Ты предложишь ему убежище — планету, которую он выберет сам за пределами империи. Подумай только! Его любимая оживет. Нет больше слез, а есть возможность прожить оставшиеся годы в идиллии.

— Дорогое предложение, — сказал Хейт. — Он спросит о цене.

— Скажи, что он должен отказаться от своей божественной сущности и упразднить Квизарат. И не только от своего имени, но и от имени своей сестры.

— И больше ничего? — насмешливо спросил Хейт.

— Разумеется, он должен будет отдать свой пай в КХОАМ.

— Разумеется.

— А если ты не будешь стоять достаточно близко, чтобы нанести удар, тогда начни говорить о том, как восхищены тлейлаксу тем, что он научил их использовать возможности

религии. Скажи ему, что у тлейлаксу есть теперь отдел религиозной инженерии, который ставит своей целью использование религий для практических нужд.

— Очень разумно, — сказал Хейт.

— Ты волен иронизировать и не повиноваться мне, — сказал Биджаз, склонив голову набок. — Не отрицай...

— Они хорошо тебя сделали, маленькое животное.

— Тебя тоже, — отозвался карлик. — Ты ему скажешь, чтобы он поторопился. Плоть разлагается, и ее тело дожно быть сохранено в криогенном танке.

Хейт чувствовал, как барахтается в сети, которую не может распознать. Карлик так уверен всебе, но все же должен быть некий просвет в логике тлейлаксу. Создавая гхолу, они настроили его на голос Биджаза, но... но что?.. Как легко ошибиться!

Биджаз улыбнулся, как бы прислушиваясь к голосу внутри себя.

— Теперь ты все забудешь, — сказал он. — Когда настанет момент, ты вспомнишь. Он скажет: «Она умерла». И тогда проснётся Данкан Айдахо.

Карлик хлопнул в ладоши.

Хейт вздрогнул, чувствуя, что его прервали в середине мысли или в середине фразы. Что это? Что-то насчет цели?

— Ты надеешься смутить меня и управлять мной, — сказал он.

— Как это? — спросил Биджаз.

— Я твоя цель, и ты не можешь отрицать этого.

— Я и не думаю отрицать.

— Тогда что же ты пытаешься со мной сделать?

— Пытаюсь оказать любезность, — пояснил Биджаз. — Простую любезность.

«Последовательная природа реальных событий не раскрывается с абсолютной точностью силами предвидения, за исключением самых необычных обстоятельств. Оракул схватывает эпизоды, вырванные из исторической цепи. Вечность движется. Она влияет сама на себя как через посредство оракула, так и через вопрошающих. Подданные Муад Диба могут сомневаться в его величии и оракульном видении. Они могут отрицать его дар. Но пусть они никогда не усомнятся в Вечности».

«Евангелие Дюны».

Хейт смотрел, как Алия вышла из храма и пересекла площадь. Ее охрана держалась близко к ней, свирепое выражение диких лиц охранников должно было маскировать следы хорошей жизни и самодовольства.

Над храмом сверкнули на солнце крылья топтера. Это был топтер императорской охраны с изображенным на фюзеляже кулаком — символом Муад Диба.

Хейт снова взглянул на Алию. Она кажется не на месте здесь, в городе, подумал он. Настоящее ее место — пустыня, открытое, бескрайнее пространство. Другая странная мысль пришла ему в голову, когда он следил за ее приближением: Алия казалась задумчивой, только когда улыбалась. Все дело в глазах, решил он, вспоминая, как она появилась в зале на приеме посла Союза: надменно и гордо, под звуки музыки, среди экстравагантных мундиров и костюмов. Алия была в ослепительно белом, ярком платье целомудрия. Он смотрел на нее из окна, пока она не прошла во внутренний двор, с его прудом, фонтанами, лужайками степных трав и белым бельведером.

Все не так... совершенно не так Она принадлежит пустыне.

Хейт перевел дыхание. Алия вышла из поля его зрения. Он ждал, сжимая и разжимая кулаки. Встреча с Биджазом вызвала у него беспокойство.

Он слышал, как свита Алии прошла по коридору, может быть, чуть-чуть быстрее, чем следовало бы по ритуалу. Мимо комнаты, где он ждал, Алия прошла в свои покои.

Хейт попытался сосредоточиться и понять, что же в ней встревожило его. То, как она шла по площади? Да. Она двигалась, как животное, за которым охотится хищник. Он вышел на соединительный балкон, прошел по нему, скрываясь за солнцезащитными экранами, и остановился, оставаясь скрытым в тени. Алия стояла у балюстрады, глядя на свой храм.

Он посмотрел в том же направлении, что и она, — на город за храмом. И увидел прямоугольники, разноцветные кварталы, копошащуюся жизнь, звуки. Строения блестели, сверкали на солнце, воздух над крышами дрожал от жары. В тупике, образованном стеной и углом храма, мальчик играл в мяч. Мяч поднимался и опускался, ударяясь о землю.

Алия тоже смотрела на мяч. Она чувствовала странное единство с ним — вверх и вниз, вверх и вниз. Она точно также прыгала по коридорам Времени.

Порция меланжа, выпитая перед уходом из храма, была самой большой, какую ей приходилось пить, — огромная сверхдоза. Еще до того, как яд начал действовать, Алия пришла в ужас.

«Зачем я это сделала?» — спросила она себя.

Иногда приходится выбирать между опасностями. Тот ли это случай? Это дало бы возможность проникнуть через проклятый туман, которыми окутал будущее коварный тарот Дюны. Существовала преграда, и ее следовало преодолеть. Алия действовала по необходимости. Ей нужно было видеть, куда идет походкой слепого ее безглазый брат.

Действие меланжа начало сказываться на ее сознании. Она глубоко вздохнула, испытывая особое удовольствие и спокойствие, ядовитое и самодовольное.

«Обладание вторым зрением опасно, оно ведет к фатализму», — подумала Алия. К несчастью, не существует абсолютно верного расчета, нельзя просчитать предвидение. Видения будущего нельзя представить в виде формул. Приходится входить в них, рискуя жизнью и рассудком.

Из густой тени соединительного балкона появилась фигура. Гхола! В своем обостренном восприятии Алия видела его с предельной четкостью — смуглое лицо, сверкающие глаза. Единство ужасающих противоположностей, что-то связанное воедино шокирующим образом, тень и яркий свет, продукт процесса, оживившего его мертвую плоть... что-то необыкновенно чистое... невинное.

Невинность в осаде!

— Давно ты здесь, Данкан? — спросила она.

— Я не Данкан, — ответил он. — А что?

— Не спрашивай меня.

И она подумала, глядя на него, что тлейлаксу ничего не оставили в нем незавершенным.

— Только боги могут безнаказанно рисковать совершенством, — сказала Алия. — Для человека это опасно.

— Данкан умер, — он не хотел, чтобы она его так звала. — Я Хейт.

Она изучала его искусственные глаза, гадая, что они видят. Приглядевшись, она увидела маленькие черные точки, крошечные колодцы черноты на сверкающем металле. Фасетки! Вселенная вокруг нее мерцала и искажалась. Алия ухватилась за нагретые солнцем перила балкона. Меланж действует быстро!

— Вы больны? — спросил Хейт. Он придвинулся, внимательно глядя на нее стальными глазами.

«Кто это говорит? — подумала она. — Данкан Айдахо? Гхола-ментат? Или философ Дзэнсунни? А может, пешка с Тлейлакса, более опасная, чем любой рулевой Союза? Мой брат знает».

Она снова посмотрела на гхолу. Что-то скрытое было сейчас в нем. Он начинен ожиданием.

— Благодаря своей матери я — Бене Джессерит, — сказала она. — Ты знаешь это?

— Знаю.

— Я использую силу Бене Джессерит, думаю, как думают они. Часть меня сознает священную необходимость генетической программы и ее продуктов.

Она замигала, чувствуя, как ее сознание начинает свободно двигаться во Времени.

— Говорят, Бене Джессерит никого не отпускают, — заметил он. И, приглядевшись внимательнее, заметил, как побелели пальцы, сжимавшие балконные перила.

— Я споткнулась? — спросила она.

Он видел, как глубоко она дышит, как напряжено каждое ее движение, как блестят ее глаза.

— Споткнувшись, вы можете восстановить равновесие, перепрыгнув через то, обо что споткнулись.

— Бене Джессерит споткнулась, — сказала она. — Они хотят восстановить равновесие, перепрыгнув через моего брата. Они хотят ребенка Чани... или моего.

— Вы ждете ребенка?

Она с трудом удержала равновесие во Времени и Пространстве. Какого ребенка? И где? Когда?

— Я вижу... — прошептала она, — ...моего ребенка.

Она отодвинулась от края балкона, повернула голову, чтобы взглянуть на гхолу. У него лицо из соли, горькие глаза — два круга блестящего свинца.

— Что ты видишь такими глазами?

— То же, что и другие.

Его слова звенели у нее в ушах, обостряя сознание. Она чувствовала, что перешагнула через Вселенную... дальше, еще дальше... Ее окутывало Время.

— Вы приняли спайс, большую дозу, — сказал он.

— Почему я его не вижу? — пробормотала она. Чрево всего сущего держало ее в плену. — Скажи мне, Данкан, почему я его не вижу?

— Кого?

— Отца моего ребенка. Я заблудилась в тумане тарота. Поскорее помоги мне.

Логика ментата дала точный расчет, и он сказал:

— Бене Джессерит хотят скрестить вас с вашим братом. С генетической точки зрения...

Она закричала.

— Яйцо во плоти... — с трудом прохрипела она. Ее охватил холод, потом нестерпимый жар. Невидимый муж ее темных снов! Плоть от плоти ее, то, чего не показывал ей оракул. Неужели дойдет до этого?

— Вы, наверно, решились на очень большую дозу спайса? — спросил Хейт. В нем нарастал ужас, что эта женщина из рода Атридесов умрет, что ему придется смотреть в лицо Полу и сообщать ему об этом.

— Ты не знаешь, каково охотиться за будущим, — сказала она. — Иногда я мельком вижу себя... но иду своим путем. Я не могу смотреть сквозь себя, — она опустила голову и покачала ею из стороны в сторону.

— Сколько спайса вы приняли?

— Природа ненавидит предвидение, — сказала она, поднимая голову. — Ты это знаешь, Данкан?

Он заговорил мягко и рассудительно, как с ребенком.

— Скажите мне, сколько спайса вы приняли? — левой рукой он придерживал ее за плечо.

— Слова так примитивны и двусмысленны, — она отодвинулась от него.

— Скажите мне.

— Посмотри на Защитную стену, — приказала она, указывая пальцем. Она смотрела вдоль своей вытянутой руки и вся дрожала — местность разрушалась в ее всепоглощающем видении: песочный замок размывался невидимыми волнами. Она отвела взгляд, ее внимание привлекло лицо гхолы. Его черты менялись, смешивались, становились старыми... и молодыми... старыми... молодыми... Он был самой жизнью — напористой, бесконечной Она хотела бежать, но он схватил ее за руку.

— Я позову врача, — сказал он.

— Нет! Я должна иметь видение! Мне нужно знать!

— Идемте внутрь.

Она смотрела на его руку. Там, где его рука касалась ее тела, она чувствовала электрическое напряжение, которое и искушало, и пугало ее. Она рывком освободилась и проговорила:

— Нельзя удерживать водоворот!

— Вам нужна медицинская помощь!

— Разве ты не понимаешь? Мое видение неполно, только фрагменты. Оно мигает и дергается. Я должна запомнить будущее. Разве это не ясно?

— Что толку в будущем, если вы сейчас умрете? — спросил он, осторожно ведя ее в помещение семьи.

— Слова... слова... — бормотала она. — Я не могу объяснить их. Одно должно вызывать другое, а здесь нет причин... и нет следствий. Нельзя оставлять Вселенную в таком виде!

— Ложитесь! — приказал он.

«Какой он прочный!» — подумала она.

Холодные тени окутали ее. Она чувствовала, как ее собственные мышцы ползут, словно черви. Только пространство постоянно, все остальное неустойчиво. Кровать покрылась множеством тел, и все это были ее тела. Время стало множеством перегруженных ощущений. Не было единой реакции Времени, не за что было ухватиться. Это Время. Оно движется. Вся скользит мимо, назад, вперед, в сторону.

— Оно лишено предметности, — пыталась объяснить она. — Его нельзя обойти или пройти под ним.

Вокруг нее копошились люди. Кто-то держал ее за руку. Она проследила за этой рукой и увидело лицо — Данкан Айдахо! Его глаза неправильные, но это Данкан — мужчина-ребенок-старик... мужчина-ребенок-старик... Каждая черточка лица выдает его тревогу за нее.

— Данкан, не бойся, — прошептала она.

Он кивнул, продолжая держать ее за руку:

— Лежите спокойно.

И подумал: «Она не должна умереть! Не должна!!!» Он покачал головой. Такие мысли противоречат логике момента. Смерть необходима, чтобы жизнь могла продолжаться.

«Гхола любит меня», — подумала Алия.

Эта мысль стала прочной скалой, за которую она смогла ухватиться. Знакомое лицо, знакомая комната за ним. Она узнала одну из спален в крыле Пола.

Какой-то человек что-то делал с трубкой в ее горле. Она боролась с тошнотой.

— Мы успели вовремя. — Алия узнала голос семейного врача. — Надо было позвать меня раньше, — в его голосе звучало подозрение. Она чувствовала, как трубка выскальзывает из ее рта — змея, блестящая нить.

— После укола она заснет, — сказал врач. — Я пришлю ее адъютантов.

— Я побуду с ней, — сказал Гхола.

— Не нужно!

— Останься... Данкан, — прошептала Алия.

Он погладил ее руку, чтобы показать, что слышит ее просьбу.

— Миледи, — сказал врач, — будет лучше, если вы...

— Не говорите мне, что лучше, — выдохнула она. Горло ее болело от каждого произнесенного ею звука.

— Миледи, — в голосе врача звучал упрек, — вы ведь знаете, как опасно принимать слишком много меланжа. Могу только предположить, что кто-то дал вам его без...

— Вы дурак! — прохрипела она. — Хотите лишить меня видения? Я знала, на что шла, — она приложила руку к горлу. — Уходите отсюда! Немедленно!

Врач выплыл из поля ее зрения со словами:

— Я сообщу вашему брату.

Она позволила ему уйти, перенеся все свое видение на гхолу. Теперь оно лежало ясно в ее сознании. Она чувствовала, как движется гхола во Времени. Он больше не был загадочной фигурой.

«Он — суровое испытание, посланное мне, — подумала Алия. — В нем опасность и спасение».

И она вздрогнула, зная, что имела видение, которое было и у ее брата. Нежелательные слезы жгли ей глаза. Она резко повернула голову. Никаких слез! На них тратится драгоценная влага, и, что гораздо хуже, они искажают поток видения. Пола нужно остановить! Один раз, только один раз она пересекла Время там, где проходил он. Напряжение и изменчивость больше не позволят этого. Нить Времени проходит сквозь ее брата, как луч света через миг времени. Он стоит в фокусе и знает это. Он собрал все линии и не позволит им ускользнуть или измениться.

— Почему? — пробормотала она. — Из ненависти? Он ударил Время, потому что оно причинило ему боль? Или что?..

Хейту показалось, что он слышит свое имя.

— Миледи?

— Если бы я могла выжечь это в себе! — воскликнула Алия. — Я не хочу отличаться от других.

— Пожалуйста, Алия, — бормотал он. — Вам нужно уснуть.

— Я хочу уметь смеяться, — прошептала она. Слезы катились по ее щекам. — Но я сестра Императора, которому поклоняются, как Богу. Люди боятся меня. Я не хочу, чтобы меня боялись.

Он вытер слезы с ее лица.

— Я не хочу быть частью истории, — шептала она. — Я хочу быть любимой... и любить.

— Вы любимы.

— Ах, верный, верный Данкан.

— Пожалуйста, не зовите меня так.

— Но это так. А верность — ценный товар. Ее можно продать, но купить нельзя.

— Мне не нравится ваш цинизм.

— Будь проклята твоя логика! Это правда!

— Спите!

— Ты любишь меня, Данкан?

— Да.

— Может, это ложь, в которую легче поверить, чем в правду? — спросила она. — Почему я боюсь поверить тебе?

— Вы боитесь моих отличий, как и своих.

— Будь мужчиной, а не ментатом!

— Я ментат, и мужчина.

— Ты сделаешь меня своей женщиной?

— Я сделаю то, чего потребует любовь.

— И верность?

— И верность.

— Вот этим ты и опасен, — сказала она.

Ее слова обеспокоили его. Ни следа этого беспокойства не отразилось на его лице, ни одна мышца не дрогнула, но она знала: ведь это беспокойство было в видении. Она чувствовала, что утратила часть видения, но кое-что из будущего помнила.

— Данкан, не давай мне уходить, — прошептала она.

— Спите. Не боритесь со сном, миледи.

— Я должна... должна. Он — наживка в собственной ловушке. Он слуга силы и ужаса. Насилие... обожествление — это тюрьма, в которую он заключен. Он потеряет все. Его разорвут на части.

— Вы говорите о Поле?

— Его влечет к самоуничтожению, — хрипела она, изгибая шею. — Слишком велика тяжесть, слишком много горя. Его уводят от его любви, — она опустилась на кровать. — Создают вселенную, где он не позволит себе жить.

— Кто это делает?

— Он сам! О, в нем так много всего, хотя он всего лишь часть рисунка. И слишком поздно слишком поздно...

Говоря это, она чувствовала, как сознание опускается слой за слоем. Тело и мозг разделились и слились в вихре

прошлых видений... движущихся... сменяющихся... Она чувствовала биение сердца зародыша, ребенка будущего. Меланж все еще владел ею, заставляя плыть во Времени. Она знала, что видит жизнь еще не зачатого ребенка. Но одно было ей известно точно — этому ребенку уготовано такое же ужасное пробуждение, как и ей самой. Он будет сознательным и мыслящим существом еще до рождения.

«Существуют пределы силам, которые можно применить без риска самоуничтожения. Знание этих пределов — истинное искусство правления. Неправильное использование силы — смертный грех. Закон не может быть орудием мести, не может быть обращен против мучеников, которых он сам же создает. Нельзя угрожать индивидууму и избежать последствий».

«Закон Муад Диба». Комментарии Стилгара.

Чани смотрела на утреннюю пустыню с утеса, расположенного невдалеке от съетча Табр. На ней не было стилсъюта, и от этого она чувствовала себя беззащитной перед пустыней. Вход в съетч находился чуть сзади и выше нее.

Пустыня... пустыня... Она чувствовала, что пустыня всюду следует за ней. Возвращение к пустыне — это не возвращение домой. Просто она повернула, чтобы увидеть то, что всегда было с ней.

Болезненная судорога прошла по ее животу. Скоро роды. Она боролась с болью, ожидая родов наедине с пустыней.

Дремотная неподвижность рассвета охватила землю. Тени лежали на дюнах и на террасах Защитной стены. Солнечный свет бил ей в глаза. Бледный ландшафт протянулся под голубым небом. Сцена соответствовала ее скептическому мрачному настроению, которое мучило ее с тех пор, как она узнала о слепоте Пола.

«Почему мы здесь? — удивлялась она. Это на хаджра, путешествие поиска. Пол ничего не искал здесь, разве что место для ее родов. Он собрал странную компанию для путешествия: гхола Хейт, некогда Данкан Айдахо; Биджаз, тлейлакский карлик; Адрик, рулевой Союза; Гаиус Хэлен Моахим, Преподобная Мать Бене Джессерит; Лачма, странная дочь Отейна, которая всюду передвигается под неусыпной охраной; Стилгар, наиб, ее дядя; любимая жена Стилгара, Хара; Ирулэн и Алия.

Звуки ветра в крутых скалах сопровождали ее мысли. Пустынный день начал желтеть.

— Почему такой странный выбор сопровождающих? — спросила она.

— Мы забыли, — ответил на ее вопрос Пол, — что слово «компания» означает путешественников. Мы и есть такая компания.

— Но какова их ценность?

— Вот! — сказал он, обратив к ней пугающе пустые глазницы. — Мы утратили простой смысл жизни. Если ее нельзя запечатлеть, побить, прогнать, мы ее не ценим.

Задетая, она сказала:

— Я не это имела в виду.

— Ну, дорогая, — сказал он шутливо, — мы не так богаты деньгами и бедны жизнью. Я злой, упрямый, глупый...

— Нет!

— Это правда. Но руки мои посинели от времени. Я дума... Я думаю, что пытался изобрести жизнь, не сознавая, что она уже изобретена.

И он коснулся ее живота, чтобы ощутить таящуюся там новую жизнь.

Вспомнив это, она положила обе руки на живот и вздрогнула, пожалев, что попросила Пола привезти ее сюда.

Пустынный ветер принес тяжелый запах с зеленой полосы растительности у основания утеса. Суеверие Свободных вспомнилось Чани: злые запахи — злые времена. Она посмотрела туда и увидела появившегося за этой полосой червя. Он выполз из дюны, как из гигантского корабля, разбрасывая песок, но вдруг ощутил смертоносный для него запах воды и бежал, оставив за собой глубокий длинный след.

Червь заразил ее своим страхом. Она возненавидела воду. Вода, некогда душа Арракиса, превратилась в яд. Вода приносит мор. Только пустыня чиста.

Ниже ее возвращался отряд Свободных. Они поднялись ко входу в съетч, и она увидела их грязные ноги.

Свободные с грязными ногами!

Дети съетча начали петь, их голоса доносились изнутри от входа. Эти голоса заставили ее почувствовать, как улетает время, словно ястреб от ветра. Она задрожала.

Какие бури видит Пол своим безглазым видением? Она ощущала в нем яростное безумие и страшную усталость — усталость от песен и споров.

Она заметила, что небо стало серым и наполнилось алебастровыми лучами и странными рисунками, вытканны-

ми принесенным ветром песком. Ее внимание привлекла белая полоска на юге. Неожиданно насторожившись, она истолковала знак: белое небо на юге — рот Шаи Хулуда. Приближается буря, большой ветер. Она чувствовала предупреждающий ветерок, трение песчинок о ее щеки. Ветер приносил с собой ярость смерти: запахи воды с каналов, горячего песка, кремня. Вода! Вот из-за чего Шаи-Хулуд насылает кориолисовые ветры.

На утесе, где она стояла, появились ястребы. Они искали убежища от ветра. Коричневые, как скалы, с алыми перьями в крыльях. Ее дух устремился к ним: у них было укрытие, у нее — нет.

— Миледи, поднимается ветер...

Она обернулась и увидела гхолу у входа в съетч. Страх охватил ее. Очищающая смерть, вода, отданная телом назад племени, — это она понимала. Но вернуться назад после смерти, как этот гхола...

Принесенный ветром песок хлестал ее лицо, от него покраснели щеки. Она через плечо оглянулась на пугающую песчаную полоску в небе. Пустыня стала коричнево-багровой, и дюны, точно волны, катились на берег. Чани вспомнила, как однажды Пол описывал ей море. Она заколебалась, охваченная чувством мимолетности. По сравнению с вечностью это лишь песчинка. Прибой дюн прошел у основания утеса.

Буря снаружи стала для нее чем-то всеобщим... Все звери прячутся от нее, ничего не остается в пустыне, кроме ее собственных звуков: песок скрипит, хлеща по скалам, ветер воет, гремят камни, сброшенные с вершины.

Это было лишь одно мгновение в ее жизни, но в это мгновение она почувствовала, как космическим ветром уносит всю планету — песчинку в пространстве.

— Нужно торопиться, — сказал рядом с ней гхола.

Она ощущала его страх за нее, заботу о ее безопасности.

— Она срывает мясо с костей, — сказал гхола, как будто ей нужно было объяснять, что это такое.

Ее страх перед ним ушел, ведь он так переживал за нее. Чани позволила гхоле помочь ей добраться до входа в съетч. Они добрались до извилистой перегородки, ограждавшей вход. Стражники открыли герметическую дверь и закрыли ее за ними.

Запахи съетча ударили ей в ноздри. Она помнила эти запахи — испарения многих тел, эфирный запах перегонных

кубов, знакомые ароматы пищи и поверх всего этого вездесущий спайс, повсюду меланж.

Она глубоко вздохнула: «Дома».

Гхола высвободил свою руку и стал в стороне в терпеливом ожидании, будто выключенный робот.

Чани задержалась у входа в комнату, удивленная тем, чему она не могла подобрать названия. Это ее настоящий дом. Ребенком она охотилась здесь за скорпионами при свете переносных глоуглобов. Но что-то здесь изменилось

— Не пройдете ли вы к себе, миледи? — спросил гхола.

И тут же сильная схватка пробежала по ее животу. Она попыталась скрыть это.

— Миледи? — сказал гхола.

— Почему Пол боится рождения нашего ребенка?

— Естественно, потому, что он опасается за ваше здоровье, — ответил гхола.

— А он не боится за ребенка?

— Миледи, он не может подумать о ребенке, не вспомнив вашего убитого сардукарами первенца.

Она изучала гхолу — плоское лицо, непроницаемые металлические глаза.

Она поднесла руку к покрасневшей щеке. Действительно ли это существо является Данканом Айдахо? Друг ли он? Говорит ли он сейчас правду?

— С вами должен быть врач, — сказал гхола.

И снова она услышала в его голосе страх за нее. Неожиданно она почувствовала, что мозг ее не защищен, что он готов подвергнуться потрясающему вторжению.

— Хейт, я боюсь, — прошептала она. — Где мой Узул?

— Его удерживают государственные дела.

Она кивнула, вспомнив сопровождающий их правительственный аппарат — целую стаю орнитоптеров. И вдруг она поняла, что поразило ее в съетче — чужие запахи. Чиновники и адъютанты принесли с собой свои запахи, запахи своей пищи и одежды, запахи экзотической косметики.

Чани содрогнулась, едва сдерживая приступ истерического смеха. Даже запахи меняются в присутствии Муад Диба.

— Были срочные дела, которые он не мог отложить, — сказал гхола, неправильно истолковывая ее реакцию.

— Да, да, я понимаю. Они летели с нами.

Вспомнив перелет из Арракина, она призналась себе, что не надеялась пережить его. Пол настоял на том, чтобы самому управлять своим топтером. Безглазый, он привел

топтер сюда. После этого она поняла, что ее уже ничего не удивит в нем.

Новый приступ боли прошел по ее животу.

Гхола видел ее сдерживаемое дыхание, напряжение мышц.

— Ваше время... подошло?

— Я... да.

— Больше нельзя задерживаться, — он схватил ее за руку и повел.

Она уловила его панический страх и сказала:

— Еще есть время.

Он, казалось, не слышал.

— Дзэнсунни так советует относиться к рождению, — сказал он, вынуждая ее идти еще быстрее. — Просто ждать в состоянии высшего напряжения. Не сопротивляйтесь тому, что должно случиться. Противиться — значит потерпеть неудачу.

Пока он говорил, они добрались до входа в ее покои. Он отбросил занавеси и крикнул:

— Хара! Хара! Время Чани пришло! Нужно позвать врачей!

Началась беготня. Среди всеобщей суматохи Чани чувствовала себя изолированным островом спокойствия... пока не началась следующая схватка.

Вытесненный в коридор, Хейт проконтролировал свои действия. В их основе лежал страх. Страх вызывался не тем, что Чани могла умереть, а тем, что потом к нему придет Пол, обезумевший от горя... и скажет: «Она умерла...»

«Ничто не может появиться из ничего, — сказал себе гхола. — Откуда же во мне этот страх?»

Он чувствовал, что его способности ментата притупились, чья-то материальная тень прошла над ним. В своей эмоциональной тьме он ждал какого-то особенного звука, треска сломанной ветви...

Собственный вздох ошеломил его. Опасность прошла, не ударив.

Постепенно овладев собой, он вернулся к сознанию ментата. Вместо людей перед ним двигались призраки. Он — передаточная станция для всех данных, когда-либо полученных им. Его существо населено созданиями возможности. Они проходят перед ним, чтобы он мог сравнивать их и рассуждать.

На лбу его выступил пот. Он вдруг вспомнил, как сидел перед ним Биджаз у огня.

Биджаз!

Карлик что-то сделал с ним.

Хейт почувствовал, что качается на краю пропасти. Он продлил рассуждения ментата вперед, стараясь определить, что может произойти из его собственных действий.

— Принуждение! — выдохнул он. — Меня к чему-то принуждают!

Одетый в синюю форму курьер, проходивший в этот момент мимо него, спросил:

— Вы что-то сказали, сэр?

Не глядя на него, гхола ответил:

— Я сказал все.

«Жил человек, такой мудрый. Он прыгнул в песчаную пустыню И выжег оба своих глаза! И когда он понял, Что его глаза погибли, Он не стал жаловаться. Он призвал свое видение И превратился в святого».

Детское стихотворение.
Из «Истории Муад Диба».

Пол стоял по тьме снаружи съетча. Видение говорило ему, что сейчас ночь, что слева от него на фоне луны силуэтом возвышается скала Чин. Памятное место, его первый съетч, где он и Чани...

«Я не должен думать о Чани», — сказал он себе.

Видение говорило ему о переменах вокруг — группа пальм неподалеку слева, черно-серебристая линия канала, несущего выводы через дюны.

Вода, текущая через пустыню! Он вспомнил реки Келадана — планеты своего детства. Тогда он не сознавал, какое это сокровище — водный поток. Даже мутное течение канала — сокровище.

С деликатным покашливанием сзади подошел помощник.

Пол протянул руку к магнитной доске с единственным листком металлобумаги на ней. Он двигался медленно, как вода в канале. Видение упорно плыло вперед, но он все с большей неохотой плыл вместе с ним.

— Простите, сир, — сказал помощник. — Сембульский договор. Ваша подпись...

— Я сам могу прочесть! — оборвал Пол. Он нацарапал «Император Атридес» в нужном месте и вернул доску, сунув ее прямо в протянутые руки помощника и чувствуя внушаемый им страх.

Помощник поспешно удалился.

Пол отвернулся. Отвратительная, голая земля. Он представлял ее себе залитой солнцем и жарой, местом песчаных склонов и темных ям, заполненных пылью, длинных дюн, протянувшихся через скалы и полных охранных кристаллов. Но это была и богатая земля.

Она требовала только воды и любви.

Он подумал о том, как жизнь изменила эти грозные просторы, придала им грацию и движение. В этом было послание пустыни. Контраст ошеломил его. Он хотел повернуться к свите, расположившейся в съетче, крикнуть ей: «Если вам нужно кому-то поклоняться, поклоняйтесь жизни — всей жизни, а не только каждой мелкой ползающей частице. Мы все в этой красоте жизни объединены вместе».

Они не поймут. В пустыне жизни они как затерявшиеся путники, не знающие обычной, песчаной пустыни: будут брести бесконечно.

Он сжал кулаки, стараясь остановить видение. Он хотел бы убежать от собственного мозга. Это зверь, который пожирает его.

Отчаянным усилием Пол направил мысли в пространство вовне.

Звезды!

Сознание переворачивалось при мысли обо всех этих звездах над ним — поистине несчетное количество и звезд, и обитаемых миров. Человек безумен, если думает, что может управиться хотя бы лишь с ничтожной частью этого количества. Даже он, Пол, представить себе не может всего, что входит в его Империю, всех ее подданных.

Подданные? Скорее, поклоняющиеся и враги. Смотрит кто-нибудь из них за пределы своей жестокой веры? Существует ли хоть один человек, избежавший предрассудков? Даже Император их не избежал. Он старался создать некую вселенную в соответствии с собственными представлениями. Но настоящая Вселенная разбивает его планы своими молчаливыми волнами.

«Я плюю на Дюну! — подумал он. — Я отдаю ей свою влагу!»

Миф, который он создал из сложных движений и воображения, из лунного света и любви, из молитв, более древних, чем Адам, из серых утесов и алых теней, из жалоб и рек мучеников. К чему он приведет, этот миф? Когда волны отступят, берега Времени предстанут чистыми, пустынны-

ми, сияющими бесконечными зернами воспоминаний. Для того ли создан человек?

Скрип песка подсказал Полу, что к нему подходит гхола.

— Ты избегал меня сегодня, Данкан, — сказал Пол.

— Для вас опасно называть меня так.

— Я знаю.

— Я... я пришел предупредить вас, милорд.

— Знаю.

Гхола рассказал о принуждении, наложенном на него Биджазом, а может быть, тлейлаксу.

— Ты знаешь, к чему приведет это принуждение? — спросил Пол.

— К насилию.

Пол чувствовал, что приближается к месту, которое с самого начала было ему уготовано. Он оцепенел. Джихад схватил его и повел по тропе, где его никогда не отпускала ужасающая власть будущего.

— Никакого насилия от Данкана не будет, — прошептал Пол.

— Но, сир...

— Расскажи мне, что ты видишь вокруг?

— Милорд?

— Пустыня, какая она сегодня?

— Вы не видите ее?

— У меня нет глаз, Данкан.

— Но...

— У меня только предвидение, — сказал Пол. — Как бы я хотел, чтобы у меня его не было. Я умираю от предвидения, разве ты не знаешь этого, Данкан?

— Может то, чего вы боитесь, не случится? — предположил гхола.

— Что? Отрицать предвидение? Как можно, ведь оно сбывалось тысячи раз! Люди зовут его властью, даром, а это — бедствие! Оно не отпускает меня!

— Милорд, — пробормотал гхола. — Я... это не... молодой хозяин, вы не... я — он замолчал.

Пол почувствовал смятение гхолы и спросил:

— Как ты назвал меня, Данкан?

— Что? Я...

— Ты назвал меня «молодой хозяин»?

— Да.

— Так всегда называл меня Данкан, — Пол протянул руку и коснулся лица гхолы. — Это часть твоего обучения у тлейлаксу?

— Нет.

Пол опустил руку.

— Что же тогда?

— Это пришло от меня...

— Ты служишь двум хозяевам?

— Может быть.

— Освободи себя от гхолы, Данкан.

— Как?

— Ты — человек. Поступай по-человечески.

— Я гхола!

— Но у тебя тело человека. И в нем Данкан.

— Что-то в нем есть.

— Не знаю, как, — сказал Пол, — но ты это сделаешь.

— Вы это предвидете?

— Будь проклято предвидение! — Пол отвернулся. Видение толкало его вперед, его нельзя было остановить.

— Милород, если вы...

— Тише! — Пол предостерегающе поднял руку. — Ты слышишь?

— Что, милорд?

Пол покачал головой. Он чувствовал себя выслеженным. Что-то в ночи знает о нем. Что-то? Нет, кто-то.

— Жизнь была хороша, — прошептал он, — и ты была в ней самым хорошим.

— Что вы сказали, милорд?

— Это сказало будущее.

Аморфная Вселенная претерпевала изменения, танцуя в такт его видению.

— Я не понимаю, милорд.

— Свободный умирает, если он надолго оторван от пустыни, — сказал Пол. — Это называется «водяной болезнью». Разве это не странно?

— Очень странно.

Пол напряг память, пытаясь вспомнить движение Чани рядом с ним ночью. Где же утешение? Он смог только вспомнить Чани за завтраком — в то утро, когда они улетели в пустыню. Она была беспокойна и раздражена.

— Почему на тебе старая куртка? — спросила она, оглядывая его черный костюм с красным ястребом на груди. — Ты — Император!

— Даже у Императора может быть любимая одежда, — ответил он. Он не мог объяснить, почему его ответ вызвал у Чани слезы — второй раз в жизни она нарушила запрет Свободных.

Теперь, во тьме, коснувшись своих щек, Пол почувство-

вал, что они у него мокрые. «Кто дает воду мертвым?» — подумал он. Это его собственное лицо и в то же время не его. Ветер холодил влажную кожу. Что разбухает в груди? Наверное, он что-нибудь съел. Как горько отдавать воду мертвым. Ветер шелестел песком. Кожа, сухая теперь, была его собственная. Но что же тогда дрожит?

Они услышали воющий крик далеко, в глубинах съетча. Он становился все громче и громче...

Гхола повернулся, когда кто-то зажег свет у входа в съетч. При этом свете он увидел человека с лицом, искаженным гримасой боли и горя. Это был лейтенант федайкинов по имени Тандис. За ним бежало много людей. Все они замолчали, увидев Муад Диба.

— Чани... — начал Тандис.

— Умерла, — прошептал Пол. — Я слышал ее зов.

Он повернулся к съетчу. Он знал это место. Здесь ему не спрятаться. Обрушившееся на него видение показало всю толпу Свободных. Он видел Тандиса, чувствовал горе федайкина, его страх и гнев.

— Она умерла, — сказал Пол.

Гхола услышал эти слова как бы в сверкающей короне. Они жгли ему грудь, позвоночник, глазницы его металлических глаз. Он чувствовал, как его правая рука дернулась к рукоятке ножа. Собственное его мышление стало странным, разъединенным. Он был куклой из сверкающей короны, которую дергали за нити. ОН двигался по чужой команде, по чужому желанию. Нити дергали его руки, ноги, челюсти. Ужасный скрежещущий звук вырвался из его горла:

— Хррак! Хррак! Хррак!

Нож поднялся для удара. И в этот момент он обрел собственный голос и прокричал:

— Беги! Молодой хозяин, беги!

— Мы не побежим, — ответил Пол. — Мы двинемся с достоинством. И сделаем то, что должны сделать.

Мышцы гхолы напряглись. Он весь задрожал, раскачиваясь.

«...что должны сделать!» Слова перекатывались в его сознании. «...что должны сделать!» Так сказал бы старый Герцог, дед Пола. В молодом хозяине есть что-то от старика. «...что должны сделать!»

Слова в сознании гхолы начали выстраиваться в определенном порядке. Ощущение двух жизней одновременно прошло через него: Хейт-Айдахо, Хейт-Айдахо... Старые воспоминания наполнили мозг. Он отмечал их, приспосаб-

ливал к новому пониманию, создавая новое сознание. Молодой хозяин нуждался в нем.

Свершилось! Он осознал себя Данканом Айдахо, который всегда скрывался в Хейте и неожиданно вышел наружу под действием какого-то огненного катализатора. Он отбросил принуждение тлейлаксу.

— Держись ближе ко мне, Данкан, — сказал Пол. — Ты мне понадобишься, — и, так как Данкан стоял, оцепенев, Пол позвал: — Данкан!

— Да, я Данкан.

— Конечно! Это момент твоего возвращения. Сейчас мы пойдем внутрь.

Айдахо пошел за Полом. Как в старые времена, и все же не совсем так. Теперь, освободившись от тлейлаксу, он мог оценить, что ему дали. Навыки Дзэнсунни помогли ему преодолеть шок от событий. А сознание ментата составило противовес эмоциям. Он отбросил все страхи, поднялся над ними. Все его существо изумленно повторяло: я был мертв, а теперь я жив.

— Сир, — сказал федайкин Тандис, когда они подошли к нему, — женщина по имени Лачма говорит, что должна увидеться с вами. Я велел ей ждать.

— Спасибо, — ответил Пол. — Что роды?

— Я разговаривал с врачом, — сказал Тандис, идя в ногу с Полом. — Он сказал, что у вас двойня, оба ребенка живые и здоровые.

— Два ребенка? — Пол споткнулся и ухватился за рукав Айдахо.

— Девочка и мальчик. Я их видел. Нормальные дети Свободных.

— Как она умерла? — прошептал Пол.

— Милорд? — Тандис наклонился ближе.

— Чани...

— Роды, милорд. Говорят, ее тело было истощено скоростью роста детей. Я не понимаю, но так сказали.

— Отведите меня к ней, — прошептал Пол.

— Мы туда и идем, милорд, — Тандис снова наклонился к Полу.

— Почему ваш гхола держит нож обнаженным?

— Данкан, убери нож, — сказал Пол. — Время насилия миновало.

Два ребенка! Видение показывало лишь одного. Однако же все идет как в видении. Кто-то рядом с ним испытывает гнев и горе.

Два ребенка!

Он опять споткнулся. «Чани, Чани... — думал он. — Другого пути не было. Чани, любимая, поверь, что эта смерть быстрее и легче. Твоих детей взяли бы заложниками, а тебя бросили бы в клетку, в подземелье, возложили бы на тебя вину за мою смерть. А так... так мы уничтожим их и спасем наших детей».

Детей?

И снова споткнулся.

«Я допустил это, — подумал он. — Я должен чувствовать вину».

Звуки смятения заполнили пещеру перед ним. Они становились громче. Он помнил, как они становятся громче. Да, таков рисунок, неизменный рисунок, хотя детей двое.

«Чани мертва», — сказал он себе.

В какое-то мгновение прошлого, которое он разделял с остальными, на него обрушилось будущее. Оно гналось за ним, толкало его в пропасть, стены которой сдвигались все быстрее и теснее. Он чувствовал, как они смыкаются вокруг него. Все как в видении.

«Чани мертва. Я должен предаться горю».

Но в видении было не так.

— Вызвали Алию? — спросил он.

— Она с друзьями Чани, — ответил Тандис.

Пол чувствовал, как расступается толпа, давая ему дорогу. Молчание двигалось перед ним, как волна. Шумное смятение начало стихать. Чувство переполненных эмоций захлестнуло съетч. Он хотел убрать этих людей из своего видения и обнаружил, что это невозможно. Каждое лицо, оборачивающееся ему вслед, несло на себе особый отпечаток. Они были безжалостны в своем любопытстве, эти люди. Они испытывали горе, да, но он понимал их грубость. Они следили, как говорящий становится немым, как мудрец превращается в глупца. Разве клоун не апеллирует всегда к жестокости людей?

Это больше, чем люди при умирающей, и меньше, чем на поминках.

Пол чувствовал, как его душа молит о передышке, но видение по-прежнему руководило им. «Еще немного», — сказал он себе. Черный, лишенный видений мрак ждет его впереди. Там, впереди, место без видений, место горя и вины, место, где упадет луна.

Он вошел в этот мрак и упал бы, если бы Айдахо не поддержал его.

— Мы пришли,— сказал Тандис.

— Осторожно, сир, — сказал Айдахо, помогая ему переступить порог. Занавеси коснулись лица Пола. Айдахо остановил его. Пол чувствовал вокруг себя комнату, ее каменные стены были занавешены тканями.

— Где Чани? — прошептал Пол.

Голос Хары ответил:

— Она здесь, Узул.

Пол с дрожью перевел дух. Он боялся, что ее тело уже убрали туда, где Свободные возьмут ее воду для племени. Как было дальше в видении? Он чувствовал себя покинутым в своей слепоте.

— Дети? — спросил Пол.

— Они тоже здесь, милорд, — отметил Айдахо.

— У тебя чудесные близнецы, Узул, — сказала Хара, — мальчик и девочка. Видишь? Вот они, в колыбели.

«Двое детей», — с удивлением подумал Пол. В видении была только дочь. Он освободился от руки Айдахо, добрался до места, откуда слышался голос Хары, споткнулся обо что-то твердое. Руки его ощупали преграду — колыбель из метастекла.

Кто-то взял его за руку.

— Узул?

Это Хара. Она направила его руку в колыбель. Он почувствовал мягкую нежную плоть. Такая теплая! Ощупал ребра, ощутил дыхание.

— Это твой сын, — прошептала Хара. Она передвинула его руку. — А это дочь, — его рука нащупала ее. — Узул, ты теперь на самом деле слепой?

Он знал, о чем она думает. «Слепой должен быть покинут в пустыне». Племена Свободных не могли нести мертвый вес.

— Отведите меня к Чани, — сказал Пол, не отвечая на ее вопрос.

Хара повернула его и направила налево.

Теперь Пол принял смерть Чани. Он занял свое место во Вселенной, нежеланное место. Каждый вздох усиливал его горе. «Двое детей»? Неужели он ступил на тропу, где видение никогда не вернется к нему? Теперь это казалось совершенно незначительным.

— Где мой брат? — раздался за его спиной голос Алии. Он услышал ее шаги. — Я должна поговорить с тобой, Пол.

— Чуть погодя, — сказал Пол.

— Немедленно! Относительно Лачмы.

— Я знаю, — сказал Пол. — Подожди.

— У нас нет времени.

— У нас его сколько угодно.

— Но у Чани его нет!

— Помолчи! — приказал он. — Чани мертва, — он закрыл ей рот рукой, когда она попыталась возразить. — Приказываю тебе замолчать! — он понял, что она подчиняется, и убрал руку. — Опиши мне, что ты видишь.

— Пол! — раздражение и слезы слышались в ее голосе.

— Ладно, все неважно, — сказал он, заставляя себя успокоиться. Да, она еще здесь. Тело Чани лежало на матраце в круге света. Кто-то расправил ее белое платье, постарался убрать кровь. Пол не мог уйти от видения ее лица, оно было перед ним — зеркало вечности в неподвижных чертах.

Он отвернулся, но видение двинулось вместе с ним. Она ушла... и больше не вернется. Воздух, Вселенная — все опустело. Так неужели в этом его епитимья? Он хотел заплакать, но не мог. Неужели он слишком долго прожил со Свободными? Мертвые требуют своей влаги!

Поблизости заплакал ребенок. Этот звук задернул занавес его видения. Пол был благодарен темноте. «Это другий мир, — подумал он. — Два ребенка...»

Это была его последняя мысль, пришедшая из оракульного транса. Он пытался вспомнить, как расширяется вневременное сознание после приема меланжа, и не смог. Своим новым сознанием он не видел будущего. Он отвергал будущее — любое будущее.

— Прощай, моя Сихайя, — прошептал он.

Голос Алии, резкий и требовательный, донесся откуда-то сзади него:

— Я привела Лачму!

Пол обернулся.

— Это не Лачма, — сказал он. — Это лицевой танцор. Лачма мертва.

— Но послушай, что она говорит, — сказала Алия.

Пол медленно двинулся на голос сестры.

— Я не удивлен, застав тебя живым, Атридес, — голос Лачмы, но чуть-чуть другой, как будто говорящий использовал голосовые связки Лачмы, но больше не старался их тщательно контролировать. Пол чувствовал, что его тронула странная искренняя нотка в этом голосе.

— Не удивлен? — переспросил он.

— Я — Скайтейл, лицевой танцор с Тлейлакса. Прежде чем мы будем договариваться, я бы хотел спросить кое о чем. Я вижу за тобой гхолу или Данкана Айдахо?

— Это Данкан Айдахо, — сказал Пол. — И я не буду договариваться с тобой.

— Думаю, будешь, — сказал Скайтейл.

— Данкан, — спросил через плечо Пол, — убьешь ли ты этого тлейлаксу, если я попрошу?

— Да, милорд, — в голосе Айдахо звучал еле сдерживаемый гнев.

— Подожди! — остановила его Алия. — Ты не знаешь, от чего отказываешься.

— Знаю, — возразил Пол.

— Значит, ты действительно Данкан Айдахо, слуга Атридесов, — сказал Скайтейл. — Или нашли рычаг! Гхола может вернуть себе свое прошлое, — Пол услышал шаги. Кто-то прошел мимо него. Голос Скайтейла теперь доносился сзади. — Что ты помнишь из своего прошлого, Данкан?

— Все. С самого детства. Я даже помню тебя возле бака, когда меня извлекали из него, — сказал Айдахо.

— Замечательно! — воскликнул Скайтейл. — Замечательно!

Пол слышал, как передвигается этот голос. «Мне нужно видение», — подумал он. Тьма его раздражала. Тренировка Бене Джессерит предупреждала его об ужасной угрозе, таящейся в Скайтейле, но тот оставался лишь голосом, тенью движения.

— Это дети Атридеса? — спросил Скайтейл.

— Хара! — крикнул Пол. — Унеси их отсюда!

— Оставайтесь на месте! — загремел Скайтейл. — Все вы! Предупреждаю, лицевой танцор движется гораздо быстрее, чем вы подозреваете. Мой нож прервет обе эти жизни прежде, чем вы прикоснетесь ко мне.

Пол чувствовал, как кто-то коснулся его правой руки и отвел его в сторону.

— Достаточно, Алия! — сказал Скайтейл.

— Алия, — сказал Пол. — Не нужно.

— Это моя вина, — простонала Алия. — Моя вина!

— Атридес, — снова спросил Скайтейл, — будешь договариваться?

Пол услышал за собой хриплое проклятие. Горло его судорожно сжалось, когда он услышал сдерживаемую

ярость в голосе Айдахо. Айдахо не должен сломаться, иначе Скайтейл убьет детей!

— Чтобы заключить сделку, — нужно иметь товар на продажу. — сказал Скайтейл. — Не так ли, Атридес? Хочешь вернуть себе свою Чани? Мы восстановим ее для тебя. Это будет гхола, Атридес, но гхола с полной памятью! Не нужно торопиться с ответом. Вели своим друзьям принести криогенный танк с раствором, чтобы сохранить тело.

«Снова слышать голос Чани, — подумал Пол, — чувствовать ее присутствие рядом. Так вот почему они дали мне Айдахо — гхолу. Чтобы я знал, на сколько полно можно восстановить оригинал. Полное восстановление... на условиях тлейлаксу. Я навсегда стану их орудием. И Чани, прикованная к той же судьбе страхом за детей, новый заговор со стороны Квизарата...»

— Что вы используете, чтобы возвратить Чани память? — спросил Пол, стараясь говорить спокойно. — Заставите ее убить одного из своих детей?

— Мы используем то, что сочтем нужным. Ну, так как же, Атридес?

— Алия, — сказал Пол, — договаривайся с этим. Я не могу договориться с тем, кого не вижу.

— Мудрое решение, — усмехнулся Скайтейл. — Ну, Алия, что вы предложите мне как агент своего брата?

Пол опустил голову, заставил себя застыть. Он что-то увидел... видение, и в то же время не видение. Он увидел около себя нож! Вот оно!

— Дайте мне подумать, — сказала Алия.

— Мой нож может подождать, — сказал Скайтейл, — а тело Чани — нет. Думайте, только не долго.

Пол почувствовал, что он мигает. Не может быть... и все же... Он почувствовал глаза! Они расположены в необычном месте и двигаются как-то странно. Вот! Нож появился в поле зрения. И тут Пол понял, откуда он видит. Это глаза одного из его детей! Он видел нож Скайтейла из колыбели. Нож сверкал в нескольких дюймах от него. Да... вот он видит самого себя в комнате... голова опущена, поза неподвижная, не таящая в себе угрозы. Никто в комнате на него не смотрит.

— Для начала вы должны отдать нам все свои вклады в КХОАМ, — заявил Скайтейл.

— Все? — переспросила Алия.

— Все.

Глядя на себя глазами из колыбели, Пол извлек из ножен

криснож. Это движение породило в нем странное ощущение раздвоенности. Он прикинул расстояние, угол броска. Другой возможности не будет. Подготовив свое тело методами Бене Джессерит, Пол превратил себя в сжатую пружину, привел все мышцы в готовность.

Криснож, брошенный его рукой, вонзился в правый глаз Скайтейла, отбросив голову лицевого танцора назад. Скайтейл вскинул руки и пошатнулся. Нож его ударился о потолок и с лязгом упал на пол. Скайтейл ударился о стену, отскочил от нее и упал лицом вниз, умерев раньше, чем коснулся пола.

Все еще через глаза в колыбели Пол видел, как все в комнате повернулись к безглазой фигуре, видел их общее изумление. Затем Алия бросилась к колыбели и наклонилась над ней, закрыв ему поле зрения.

— Живы, — сказала она, — живы!

— Милорд, — прошептал Айдахо, — это часть вашего видения?

— Нет, — Пол махнул рукой в направлении Айдахо.

— Прости меня, Пол, — сказала Алия, — но это существо сказало, что они могут оживить...

— Есть цена, которую Атридес не может заплатить. Ты знаешь это?

— Знаю, — вздохнула она. — Но какое искушение...

— А кто его не испытал? — спросил Пол.

Он отвернулся от них, ощупью добрался до стены, прислонился к ней и постарался понять, что и как он сделал. Как? Как? Глаза в колыбели! Он чувствовал, что стоит на краю ужасающего открытия.

«Мои глаза, отец...»

Слова-формы мерцали перед его безглазым видением.

— Мой сын! — прошептал Пол так тихо, чтобы его не услышали другие. — Ты... сознаешь?..

— Да, отец! Смотри!

Пол прижался к стене в приступе головокружения. Он почувствовал себя выжатым. Жизнь выходила из него. Он видел своего отца. Он был своим отцом. И дедом. И прадедом. Его сознание пробивалось сквозь коридор всей мужской линии.

— Как? — безмолвно спросил он.

Появились слабые слова-формы и исчезли, как будто напряжение было слишком велико. Пол вытер слюну с угла рта. Он припомнил пробуждении Алии во чреве леди Джессики. Но здесь не было Воды Жизни... или была? Не ради ли

этого голодала Чани? Или это продукт генетической линии, предвиденной Преподобной Матерью Гаиус Хэлен Моахим?

Теперь Пол ощутил себя в колыбели. Над ним воркует Алия. Его успокаивают ее руки. Лицо ее наклоняется над ним, гигантское лицо прямо над ним. Она повернула его, и он увидел соседку по колыбели — девочку с рыжевато-коричневыми волосами. Когда он посмотрел на нее, она открыла глаза. Эти глаза!.. Чани смотрела из ее глаз, и леди Джессика, и еще великое множество людей.

— Взгляните, — сказала Алия. — Они смотрят друг на друга.

— Дети в этом возрасте еще не могут сфокусировать взгляд, — возразила Хара.

— Я могла, — заметила Алия.

Пол почувствовал, как он освобождается от бесконечного потока сознания. Он снова у своей стены, опирается на нее... Айдахо осторожно потряс его за плечо.

— Милорд?

— Пусть моего сына назовут Лито, в честь его деда, — сказал Пол, выпрямляясь.

— Во время обряда называния — сказала Хара, — я буду стоять рядом с тобой, как подруга матери, и дам это имя.

— А дочь пусть назовут Ганимой.

— Узул! — возразила Хара. — Имя с дурным предзнаменованием.

— Я спас твою жизнь, моя дочь Ганима, «пролитая вода», — сказал Пол и услышал шум — это выносили тело Чани. Началось пение Водного обряда.

— Сейчас я должна уйти, чтобы в последний раз постоять рядом с подругой, — сказала Хара, — ее вода принадлежит племени.

— Ее вода принадлежит племени, — пробормотал Пол. Он слышал, как вышла Хара. Ощупью найдя руку Айдахо, Пол произнес: — Отведи меня в мою комнату, Данкан.

В своей комнате он мягко высвободился. Время побыть одному. Но прежде, чем Айдахо ушел, послышался шум у двери.

— Хозяин! — позвал от двери Биджаз.

— Данкан, — сказал Пол, — пусть он сделает два шага вперед. Убей его, если он подойдет ближе.

— Это Данкан? — спросил Биджаз. — Это действительно Данкан Айдахо?

— Да, — сказал Айдахо. — Я все помню.

— Значит план Скайтейла удался!

— Скайтейл мертв, — сказал Пол.

— Но я нет, и план тоже нет. Клянусь баком, в котором я вырос! Значит, это возможно! Нужен только правильный спусковой крючок.

— Спусковой крючок? — переспросил Пол.

— Принуждение убить вас, — с гневом в голосе сказал Айдахо. — Вот мое заключение ментата: они обнаружили, что я думаю о вас, как о сыне, которого у меня никогда не было. Гхола не может убить вас, подлинный дух Данкана Айдахо возьмет в нем верх. Но... план мог не удаться. Скажи мне, карлик, если бы я убил его, что тогда?

— О... тогда бы мы заключили сделку с сестрой, чтобы спасти брата. Но теперь договориться проще.

Пол с горечью вздохнул. Он слышал, как траурная процессия движется по коридору к последней комнате, где стоит перегонный куб.

— Еще не поздно, Милорд, — сказал Биджаз. — Хотите вернуть свою любовь? Мы восстановим ее для вас. Пусть гхола, да. Но теперь мы можем провести полное восстановление. Нужно только позвать слуг и приготовить криогенный бак, чтобы сохранить тело вашей возлюбленной...

«На этот раз еще труднее, — подумал Пол. — Я уже истратил силы в борьбе с искушением тлейлаксу. И вот все сначала. Снова ощутить присутствие Чани...»

— Пусть он замолчит! — Пол обратился к Айдахо на боевом языке Атридесов и сразу же услышал, как тот двинулся к карлику.

— Хозяин! — пискнул Биджаз.

— Если любишь меня, — сказал Пол на том же боевом языке, — помоги мне. Убей его прежде, чем я сдамся!

— Но... — закричал Биджаз.

Его вопль внезапно оборвался хрипом.

— Я оказал ему любезность, — проговорил Айдахо.

Пол наклонил голову, прислушиваясь. Плакальщиц больше не было слышно. Он подумал о древнем обряде Свободных, который сейчас совершается в глубине съетча, там, где племя получает воду.

— Выбора не было, — сказал Пол. — Ты понимаешь это, Данкан?

— Понимаю.

— Есть вещи, перенести которые нельзя. Я вмешался во

все возможные будущие, которые мог создать. Но в конце концов будущее создало меня.

— Милорд...

— Существуют во Вселенной вопросы, на которые нет ответов. Ничего... Ничего нельзя было сделать.

И, говоря это, Пол чувствовал, как разрывается его связь с видением. Мозг его закрылся, ошеломленный бесконечными возможностями. Последнее его видение было как ветер, который дует везде.

«Мы говорим о Муад Дибе, что он ушел в страну, где не оставляют следов».

Вступление к «Символу веры Квизарата».

Плотина, удерживающая песок, — внешняя граница растительности, окружающей съетч. От нее ведет к пустыне каменный мост, начинающийся у ног Айдахо. Выдающийся уступ съетча Табр вырисовывался за ним в ночном небе. Свет обеих лун заливал край этой скалы. Справа, ниже, у воды, виднелся сад.

Айдахо остановился у края пустыни и взглянул назад, на усыпанные цветами ветви, склонившиеся над тихой водой, на четыре луны — две настоящие, и отраженные. Стилсьют вызывал ощущение грязи на коже. Влажные резкие запахи, минуя фильтры, наполняли его ноздри. Зловеще смеялся ветер, пролетая через сад. Айдахо вслушивался в ночные звуки. В траве, у самого края воды, пробежала кенгуровая мышь, ястребиная сова протяжно вскрикнула в тени скалы, донесся свист ветра, заблудившегося в дюнах.

Айдахо обернулся на звук. Никакого движения на залитых лунным светом дюнах.

Пола привел сюда Тандис. Потом он вернулся и сообщил о сделанном. А Пол ушел в пустыню — как Свободный.

— Он был слеп, действительно слеп, — говорил Тандис, будто оправдываясь. — У него были до этого видения, но...

Пожатие плечами. Слепой Свободный должен быть оставлен в пустыне. Муад Диб может быть Императором, но он также и Свободный. Разве он не распорядился, чтобы Свободные берегли и растили его детей? Он же Свободный!

Пустыня напомнила Айдахо скелет. Посеребренные луной ребра скал торчат в песке, а дальше начинались дюны.

«Я не должен был оставлять его одного ни на минуту, — думал Данкан. — Я знал, что было у него на уме».

— Он сказал мне, что будущее не нуждается в его физическом присутствии, — сказал Тандис. — Уходя, он обернулся и сказал: «Теперь я свободен». Это были его последние слова.

«Проклятье!» — подумал Айдахо.

Свободные отказались послать топтеры на поиски. Спасение было против их древних обычаев.

— О, там Муад Диба ждет червь, — сказали они и начали петь о тех, кто отдан пустыне, чья вода идет Шаи-Хулуду: «Мать песка, Отец времени, начало Жизни, позволь же ему пройти». Айдахо сел на плоскую скалу и посмотрел в пустыню. Ночь покрывала ее маскировочными пятнами. Невозможно было сказать, куда ушел Пол.

— Теперь я свободен.

Айдахо произнес эти слова вслух и удивился звуку собственного голоса. Он вспомнил день, когда взял маленького Пола на морской рынок на Келадане, вспомнил ослепительные блики солнца на воде, дары моря, выставленные на продажу. Он припомнил Гурни Хэллека, играющего на бализете, вспомнил радость, удовольствие, веселье, смех...

Гурни Хэллек... Гурни обвинил бы его в этой трагедии.

Воспоминание о музыке поблекло.

Айдахо вспомнил слова Пола: «Существуют во Вселенной вопросы, на которые нет ответа».

Он подумал о том, как умрет Пол в пустыне. Быстро, убитый червем? Медленно, под лучами палящего солнца? Многие Свободные в съетче говорят, что Муад Диб никогда не умрет, что он ушел в мир, где возможны все будущие, что он будет жить всегда, бродя по пустыне даже после того, как перестанет существовать его тело.

«Он умирает, а я бессилен помешать ему умереть», — подумал Айдахо.

Он начал осознавать, что есть какая-то изысканная деликатность в такой смерти — без следа, без останков, а могилой служит вся планета.

«Ментат, реши себя», — подумал он.

Слова заполнили его память — ритуальные слова лейтенанта федайкинов, вставшего на стражу возле детей Муад Диба: «Это будет единственной обязанностью дежурного офицера...»

Медленный, тяжелый, самодовольный правительствен-

ный язык рассердил его. Он заворожил и соблазнил Свободных. Он заворожил и соблазнил всех. Человек, великий человек умирает, а слова этого языка продолжают литься все дальше, и дальше, и дальше...

Айдахо встал, чувствуя себя очищенным пустыней. Песок начал тихо шептать на ветру, шелестеть на поверхности листьев в саду, что лежал за ним. В ночном воздухе стоял сухой, режущий запах пыли.

Где-то в пустыне зарождалась буря, в свистящей ярости поднимая вверх песчинки.

«Он теперь один на один с пустыней, — подумал Айдахо. — Пустыня завершит его».

Мысль Дзэнсунни прошла через сознание, как чистая вода. Айдахо знал, что Атридес не отдастся полностью на волю судьбы, даже сознавая неизбежное.

Предвидение коснулось Айдахо, и он увидел людей будущего, которые говорили о Поле: «Пусть жизнь его ушла в песок, а за нею последовала вода... Тело его погибло, но он выплыл».

За спиной Айдахо кто-то кашлянул.

Данкан резко обернулся и увидел Стилгара.

— Его не найдут, — сказал Стилгар, — но все человечество найдет его.

— Пустыня приняла его, — ответил Айдахо. — Пусть он был здесь всего лишь временный жилец. Он принес нужный продукт на эту планету — воду.

— Пустыня накладывает свои собственные ритмы, — сказал Стилгар. — Мы приветствовали его, звали «Наш Махди», «наш Муад Диб», и дали ему тайное имя — Узул, «основание столба».

— Но он не родился Свободным.

— И все же это не меняет того факта, что он принадлежит нам... и навсегда, — Стилгар положил руку на плечо Айдахо. — Все люди — лишь временные жильцы, старый друг.

— Ты глубоко смотришь, Стил?

— Глубоко. Я вижу, как мы загромождаем Вселенную нашими миграциями. Муад Диб дал нам нечто незагроможденное. Хотя бы за это люди будут помнить его джихад.

— Он не сдастся пустыне, — сказал Айдахо, — он слеп, но не сдастся. Он человек чести и принципов. Он — Атридес.

— И вода его прольется в песок. Идем, — он осторожно потянул Айдахо за рукав. — Алия вернулась и спрашивала о тебе.

— Она была с тобой в съетче Макаб?

— Да, оно помогала приводить в себя наибов. Они теперь слушаются ее приказов, да, собственно, как и я.

— Что за приказы?

— Она приказала казнить изменников.

— Ох! — Айдахо сдержал головокружение. — Каких именно?

— Рулевого, Преподобную Мать Моахим и еще нескольких.

— Вы убили Преподобную Мать?

— Я сам сделал это. Муад Диб оставил наказ, чтобы этого не делали, — Стилгар пожал плечами. — Но я его ослушался, как и была уверена Алия.

Айдахо снова посмотрел в пустыню, чувствуя, что только теперь он может охватить все сделанное Полом. Люди подчиняются правительству, но управляемые влияют на правителей.

— Алия, — сказал Стилгар, откашливаясь. Он казался смущенным. — Она нуждается в твоем присутствии.

— Она правит, — пробормотал Айдахо.

— Как регент, не больше.

— Судьба ждет повсюду, как говаривал ее отец.

— Мы заключаем сделку с будущим, — сказал Стилгар. — Видишь? Ты нам нужен, — и снова в его голосе послышалось замешательство. — Алия расстроена. То плачет о брате, то причитает...

— Ладно, я сейчас, — сказал Айдахо. Он слушал шаги уходящего Стилгара, стоя лицом к поднимающемуся ветру, песчинки барабанили о его стилсьют.

Сознание ментата проникло в будущее. Пол привел все в движение, теперь этот процесс уже не остановить.

Бене Джессерит и Союз проиграли. Квизарат потрясен предательством Корбы и других. Но последний поступок Пола, его добровольное подчинение обычаям Свободных окончательно укрепит верность Свободных ему и его династии. Теперь он навсегда один из них...

— Пол умер! — Алия задыхалась. Она бесшумно подошла сзади к Айдахо. — Он поступил глупо, Данкан!

— Не говори так! — резко ответил тот.

— Вся Вселенная услышала это, прежде чем я подумала.

— Но почему, во имя любви неба!?

— Во имя любви моего брата, а не неба.

Прозрение Дзэнсунни расширило его сознание. Он чув-

ствовал, что у нее не было видений — не было с момента смерти Чани.

— У тебя странная любовь, — сказал он.

— Любовь? Данкан, ему стоило лишь сойти с тропы. Какое ему дело до остальной Вселенной? Он был бы в безопасности... и Чани с ним.

— Тогда почему он этого не сделал?

— Ради любви неба, — прошептала она. Потом чуть громче добавила: — Вся жизнь Пола была направлена на то, чтобы избежать джихада и своего обожествления. И вот он свободен. Он сам выбрал это.

— Ах, да — оракул! — Айдахо удивленно посмотрел на Алию и покачал головой. — Даже смерть Чани — луна упала.

— Он был глупец, разве не так, Данкан?

Горло Айдахо сжалось от горя.

— Такой глупец! — выдохнула Алия, уже не владея собой. — Он будет жить вечно, а мы умрем...

— Алия...

— Это всего лишь горе, — тихо сказала она. — Всего лишь горе. Знаешь, что я должна сделать для него? Спасти жизнь принцессы Ирулэн. Этой! Если бы ты видел и слышал ее сейчас! Рыдает! Вот! Отдает воду мертвым, клянется, что любила его и ничего не знала о заговоре. Предает свой орден, обещает всю жизнь посвятить воспитанию детей Пола.

— Ты ей веришь?

— Похоже на искренность...

— Ах! — пробормотал Айдахо. Последние детали укладывались в рисунок, который разворачивался перед ним, как узор на ткани. Дезертирство принцессы Ирулэн — последний шаг. После этого у Бене Джессерит не осталось ни единого шанса против Атридесов.

Алия заплакала, прижавшись лицом к его груди.

— О, Данкан, Данкан! Он погиб!

Айдахо поцеловал ее волосы.

— Не нужно, — прошептал он, чувствуя, что ее горе смешивается с его горем как два ручья, вливающиеся в один бассейн.

— Ты мне нужен, Данкан, — всхлипнула она. — Люби меня.

— Люблю, — прошептал он.

Она подняла голову и всмотрелась в его освещенное луной лицо.

— Я знаю, Данкан. Любовь знает любовь.

Ее слова вызвали у него дрожь, чувство отчужденности от его старого бытия. Он пришел сюда в поисках одного, а нашел другое. Как будто вбежал в комнату, полную знакомых, а в самый последний момент понял, что никого из них не знает.

Она отстранилась от него и взяла его за руку.

— Ты пойдешь со мной, Данкан?

— Куда угодно, — ответил он.

Она повела его назад, к каналу, во тьму, к основанию массива, в Место Безопасности.

Эпилог

Нет погребального запаха для Муад Диба,
Нет коленопреклонения и обрядов,
Освобождающих мозг
От жадных теней.
От глупых... Святой,
Золотой чужеземец, живущий вечно
На краю разума.
Ослабьте свою охрану, и он придет!
Его алый мир, его бедность.
Ударили по пророческой паутине Вселенной,
До самого края!
Из сверкающих звездных джунглей
Смотрит загадочный, смертный, безглазый оракул,
Орудие пророчества, чей голос никогда
Не умрет!
Шаи-Хулуд, он ждет тебя на берегу,
Чтобы встретить лоб в лоб, как хозяин,
Где расцветает скука любви.
Он шагает через Время,
Разбрасывая свои сны.

«Гимн гхолы»

Дети Дюны

«Учение Муад Диба стало площадкой для появления схоластических измышлений, предрассудков и извращений. Он же учил умеренному образу жизни, философии, которая могла бы помочь человечеству решить многие проблемы, возникающие в результате постоянных изменений во Вселенной. Он говорил, что человечество все еще развивается, оно все время пребывает в этом процессе развития, который никогда не кончится. Он говорил, что это развитие влияет на изменение принципов, которые известны только вечности. Как может извращенное толкование его учения развиваться рядом с истинной сущностью?»

Слова Данкана Айдахо, ментата.

На красном ковре с длинным ворсом, покрывающем пол сырой пещеры, появилось пятно света. Самого источника света не было видно, только это единственное пятно на красной ворсистой поверхности. Кружок диаметром два сантиметра как будто искал что-то: он хаотично двигался, то вытягиваясь, то приобретая овальную форму. Достигнув темно-зеленого покрывала, спадающего с кровати, он подскочил вверх, скользя по складкам.

Под зеленым покрывалом лежал ребенок с рыжеватыми волосами. Лицо его было все еще по-детски округлым, пухленьким и полногубым. Он не был худым — характерная черта Свободных, — но и не был рыхлым, как представители Внешнего мира. Когда свет коснулся закрытых век, маленькая фигурка под одеялом зашевелилась.

Теперь слышно было только ритмичное дыхание и едва уловимое «кап-кап-кап» воды, которая капала в тазик из огромного ветряного мешка, расположенного высоко над пещерой.

Снова в помещении возник свет. Его было немного

больше, и он был ярче. На этот раз можно было определить его источник: фигура в капюшоне заполнила собой весь дверной проем в конце комнаты, сделанный в виде арки, и свет шел именно оттуда. Пятно света еще раз проследовало по всему помещению, как будто проверяя и выискивая что-то. Это вызывало ощущение угрозы, растущего недовольства. Оно миновало спящего ребенка, задержалось на закрытом решеткой отверстии для воздуха в верхнем углу, тщательно обследовало выпуклость на зеленовато-золотистых занавесях, развешанных по стенам, чтобы скрыть скалы и придать уют помещению.

Вскоре свет померк. Фигура в капюшоне сделала шаг вперед, выдавая свое присутствие шуршанием одежды, и заняла место на одной из сторон арки, которая служила дверным проемом. Тот, кто был знаком с заведенным здесь порядком, в съетче Табр, сразу бы догадался, что это был Стилгар, наиб съетча, хранитель осиротевших близнецов, которые однажды облачатся в мантию своего отца, Пола Муад Диба. Стилгар часто совершал ночной осмотр помещения, где почивали близнецы, и, как правило, сначала он заходил в спальню Ганимы, а затем в примыкающую комнату, где он мог бы убедиться, что Лито ничего не угрожает.

«Я — старый дурак», — думал Стилгар.

Он дотронулся до холодной поверхности фонаря и затем повесил его на крючок, прикрепленный к его поясу. Фонарь раздражал его, несмотря на то, что он был полностью зависим от него. Эта вещь представляла собой хитроумный инструмент, изобретенный в Империи, — приспособление, способное обнаружить присутствие больших живых тел. С его помощью он увидел лишь спящих детей в королевской спальне.

Стилгар знал, что его мысли и чувства были подобны свету. Он не в состоянии был погасить всегда светящий внутренний прожектор. Какая-то более великая сила контролировала это движение. В данный момент он направлял этот свет туда, где ощущал реальную опасность. Здесь находился магнит для мечтаний всего великолепия всей известной Вселенной. Здесь лежали богатства во времени — вечная власть и самый могущественный из всех мистических талисманов: божественная подлинность религиозного наследия Муад Диба. В этих близнецах — Лито и его сестре Ганиме — была сосредоточена власть — сила, внушающая страх и благоговение.

И пока они живут, в них будет жить Муад Диб: несмотря на то, что он умер.

Это были не просто девятилетние дети, они были силой самой природы, предметом почитания и старого страха. Они были детьми Пола Атридеса, Махди всех Свободных-фрименов. Он вызвал взрыв гуманности. Свободные с этой планеты распространили джихад, неся свою страсть через всю человеческую Вселенную от лица религиозного правительства, чей размах и вездесущая власть оставили свой след на каждой планете.

«Однако эти дети — кровь и плоть Муад Диба, — думал Стилгар. — Два пустяковых удара моего ножа остановили бы навсегда их сердца. Их род прекратил бы существование».

Его разум пришел в смятение от такой мысли.

«Убить детей Муад Диба!»

Но годы сделали его мудрым в отношении самоанализа. Стилгар знал о происхождении этой жуткой мысли. Она шла от левой руки проклятого, а не от правой руки благословенного. Айат и Бурхан Жизни были загадками для него. Когда-то он гордился, что осознавал себя Свободным, что думал о пустыне как о друге; что в мыслях называл свою планету Дюной, а не Арракисом, как это значилось на всех картах Империи.

«Насколько просто все было, когда наш Мессия просто мечтал, — думал он. — Но найдя своего Махди, мы освободились от вселенских бесконечных мессианских грез. Каждый народ, порабощенный джихадом, теперь мечтает о том, чтобы пришел вождь».

Стилгар посмотрел в спальню, окутанную мраком. «Если бы мой нож освободил всех этих людей, интересно, сделали бы меня мессией?»

Можно было услышать, как в своей кровати ворочается Лито.

Стилгар вздохнул. Он никогда не знал деда Атридесов, имя которого дали ребенку. Но многие говорили, что моральная сила Муад Диба исходила именно из этого источника. Перейдет ли это жуткое качество «правильности» через поколение? Стилгар не нашел ответа на свой вопрос.

Он подумал: «Съетч Табр — мой. Я правлю здесь. Я — наиб Свободных. Если бы не я, не было бы Муад Диба. Эти близнецы теперь здесь благодаря Чани, их матери и моей родственницы, моя кровь течет в их жилах. Я там, с Муад Дибом, Чани и со всеми остальными. Что мы сделали для нашей Вселенной?»

Стилгар не смог бы объяснить, почему такие мысли пришли ему в голову той ночью и почему из-за них он чувствовал себя виноватым. Он притих, укутанный в свою робу с капюшоном. Реальность и мечта были совершенно различными вещами. Пустыня — друг, которая когда-то простиралась от полюса до полюса, — была уменьшена вполовину своего прежнего размера. Мифический рай насаженной повсюду зелени привел его в уныние. Это было совсем не похоже на мечту. И когда его планета изменилась, он понял, что тоже изменился. Он стал гораздо более хитрым человеком по сравнению с тем, некогда бывшим вождем съетча. Теперь он знал о многом — об искусстве управлять государством и мудром подходе к решению самых незначительных вопросов. Однако он чувствовал, что эти знания и хитрости как тонкая фанера, покрывающая железное ядро более простого, более твердого знания. И это более старое ядро взывало к нему, умоляло вернуться его к истинным ценностям.

Утренние звуки съетча начали вторгаться в его мысли. Люди в пещере начинали пробуждаться. Он почувствовал, как летний ветерок коснулся его щек: люди выходили через дверные отверстия наружу в предрассветную тьму. Ветерок говорил о беспечности точно так же, как он говорил и о времени. Жители пустыни больше не сохраняли режима экономии воды прежних дней. Зачем они должны были это делать, если дождь был увековечен? Если на этой планете были видны облака, если восемь Свободных были затоплены и убиты стремительным потоком воды в вади? До этого происшествия слово «утонул» не существовало в языке Дюны. Но это больше не было Дюной, это был Арракис... и это было утро памятного дня.

Джессика, мать Муад Диба и бабушка этих королевских близнецов, возвращается на нашу планету сегодня. Почему она прекращает навязанную самой себе ссылку именно теперь?

Почему она оставляет безмятежность и безопасность Келадана ради опасностей Арракиса?

Были и другие тревожные мысли: догадается ли она о сомнениях Стилгара? Она была колдуньей — Бене Джессерит, прошедшей полный курс обучения Сестер, а теперь еще и Преподобной Матерью. Такие женщины были очень проницательными и в то же время очень опасными. Прикажет ли она ему упасть на свой собственный нож, как это

сделали со старым Ульетом, несостоявшимся убийцей Пардота Кайнза?

«Должен ли я ей подчиняться?» — недоумевал он.

И не мог ответить на этот вопрос, хотя теперь он думал о Льете Кайнзе, планетологе, которому первому после отца, Пардота, пришла идея превратить дикую пустыню Дюны в зеленый оазис, каким она и стала. Льет Кайнз был отцом Чани. Если бы не он, не было бы ни идеи, ни Чани, ни королевских близнецов. Звенья этой цепи очень беспокоили Стилгара.

«Как получилось, что мы встретились в этом месте? — спрашивал он самого себя. — Как мы соединились? Зачем? Обязан ли я покончить со всем этим, чтобы поколебать это огромное соединение?»

Стилгар все-таки допустил этот ужасный довод внутрь себя. Он мог бы сделать такой выбор, отрицая любовь и семью, чтобы сделать так, как должен сделать наиб в случае, когда принимают беспощадное решение ради благополучия своего племени. Но, с другой стороны, такое убийство представляло собой предательство и жестокость. Убить детей! Однако они были не просто дети. Они ели меланж, принимали участие в оргиях съетча, исследовали пустыню в поисках песчаного червя и играли в другие игры, в которые играют дети Свободных. И они заседали в Королевском Совете. Дети в таком юном возрасте, однако, были довольно мудры, чтобы заседать в Совете. Возможно, по своей плоти они дети, но у них был богатейший жизненный опыт: они полностью унаследовали генетическую память всех предков. Это было жуткое признание, которое противопоставляло их тетю Алию и их самих всем остальным живым существам.

Много раз по ночам Стилгар ловил себя на том, что в голове у него вертится это отличие. Много раз он пробуждался от кошмаров из-за этих дум, и сюда, в спальню, его привели эти же бесконечные думы. Теперь он всецело сосредоточился на своих сомнениях. Неспособность принять решение была уже сама по себе решением — он это знал. Эти близнецы и их тела пробудились в утробе, зная все воспоминания, которые перешли к ним от их прародителей. Склонность к употреблению меланжа сделала это. Матери — Джессика и Чани — тоже употребляли меланж. Леди Джессика родила сына — Муад Диба — до того, как у нее появилась эта привычка. Алия же родилась уже после. В прошлом все было ясно. Бесчисленные поколения лучших

селекций генофонда под надзором Бене Джессерит наконец, воплотилась в Муад Дибе, но это было вне плана. Сестрам ордена не разрешалось употреблять меланж. О, они знали о такой возможности, но боялись этого и называли это Мерзостью. Этот факт вызывал наибольший страх. Мерзость... Должно быть, для такого суждения у них были свои причины. И если они говорили, что Алия была мерзостью — это в равной степени относилось и к близнецам, потому что Чани тоже приобщилась к меланжу: ее тело было пропитано меланжем, и ее гены так или иначе дополняли гены Муад Диба.

Мысли Стилгара находились в беспорядочном движении. Не могло быть сомнений в том, что эти близнецы превзойдут своего отца. Но в чем? Мальчик говорил о способности «быть» его отцом — и доказал это. Даже будучи младенцем, Лито обнаружил воспоминания, о которых должен был знать только Муад Диб. Были ли другие предки, ожидающие своей очереди в широком спектре воспоминаний, предки, чьи цели и привычки создали бессловесную опасность для живых существ?

Мерзость, говорили священные ведьмы Бене Джессерит. Однако Сестры домогались генофазы этих детей. Ведьмам нужна была сперма и яйцо, но так, чтобы не повредить плоти, которая носила их. Неужели только из-за этого именно сейчас вернулась леди Джессика? Она порвала с Сестрами, чтобы поддерживать своего супруга Герцога, но согласно слухам, она вернулась на путь Бене Джессерит.

«Я мог бы покончить со всеми этими мыслями, — подумал Стилгар. — Как бы все просто тогда было».

И, однако, он снова поймал себя на мысли, что мог бы совершить свой выбор. Были ли близнецы Муад Диба ответственны за действительность, которая уничтожала мечты других? Нет. Они были лишь как оптические линзы, сквозь которые проходил свет, чтобы открыть новые формы во Вселенной.

Его измученный разум вернулся к изначальной вере Свободных, и он подумал:

«Приходит власть Бога: поэтому старайся не торопить это. Бог должен указать путь, и некоторые свернут с него».

Это была религия Муад Диба, которая больше всего выводила Стилгара из душевного равновесия. Почему из Муад Диба сделали Бога? Зачем обожествлять человека, который имеет плоть? «Золотой эликсир Жизни» Муад Диба создал бюрократического монстра, который сидел верхом на

человеческих деяниях. Правительство и религия объединились, и нарушение закона стало грехом. Запах богохульства распространялся как дым, если подвергались сомнению какие-либо правительственные указы. Виновные в бунте вызывали адский огонь и фарисейство суда.

Однако, это были люди, создающие эти правительственные указы.

Стилгар угрюмо покачал головой, не обращая внимания на прислугу, прошедшую в Королевскую приемную, чтобы выполнить утренние обязанности.

Он пальцами нащупал нож, висевший у него на поясе, думая о прошлом, которое этот нож символизировал, думая о нем больше, чем тогда, когда он симпатизировал бунтовщикам, чьи неудавшиеся восстания были сокрушены его собственными приказами. В голове у него была полная неразбериха, и он хотел бы знать, как все это вычеркнуть из памяти. Но Вселенную нельзя повернуть назад. Это был огромный инструмент, направленный на серую безжизненную пустоту. Его нож, если бы он принес смерть близнецам, только отразился бы от этой пустоты, сплетая новые сложности, чтобы повториться в человеческой истории, поднимая новые волны хаоса, приглашая человечество испытать новые формы порядка и беспорядка.

Стилгар вздохнул, все больше осознавая, что рядом кто-то есть. Да, эти слуги выполняли какой-то приказ, который был связан с близнецами Муад Диба. Они ходили взад и вперед. «Лучше превзойти их, — сказал самому себе Стилгар. — Лучше встретить то, что придет».

«Я все-таки слуга, — сказал он себе. — И Бог Милосердный, Сострадательный — мой господин».

И он процитировал: «Конечно, мы надели на их шеи оковы до самого подбородка, потому их головы всегда подняты; и мы поставили перед ними преграду, а потом еще одну преграду; и мы покрыли их покрывалом, поэтому они не видят».

Так было написано в старой священной книге Свободных.

Стилгар кивнул головой самому себе.

Видеть, чтобы предчувствовать следующий момент, как это делал Муад Диб со своими внушающими страх видениями будущего. Создавать новые места для решений. Чтоб не быть закованными в кандалы, что могло указать на прихоть Бога. Иная сложность за обычным пределом досягаемости человечества.

Стилгар убрал руку с ножа. Его пальцы еще сохраняли память о нем. Но лезвие, которое однажды сверкнуло в раскрытой пасти песчаного червя, оставалось в ножнах. Стилгар знал, что не убьет этим лезвием близнецов. Он пришел к решению. Лучше сохранить старую добродетель, лелеемую в его душе верность. Лучше принять действительность такой, как она есть, чем мечтать о несуществующем пока будущем. Горьковатый привкус во рту подсказал Стилгару, насколько пустыми и отвратительными могут быть некоторые мечты.

Нет! Больше никаких мечтаний!

Вопрос: «Ты видел Проповедника?»
Ответ: «Я видел песчаного червя».
Вопрос: «Что это за песчаный червь?»
Ответ: «Он дает нам воздух, которым мы дышим».
Вопрос: «Тогда почему мы разрушаем его землю?»
Ответ: «Потому что Шаи-Хулуд так велит».
Экраны (щиты) Арракис по Харку аль-Ада.

Как было заведено у Свободных, близнецы Атридесов вставали за час до рассвета. Они в упоении зевали и потягивались, каждый в своей спальне, чувствуя по шуму вокруг, что день в пещере уже начался. Они слышали, как в передней прислуга готовит завтрак, обыкновенную жидкую овсяную кашу с финиками и орехами, смешанную с жидкостью, снятой с чуть забродившего спайса.

В передней висели ярко светящиеся шары, глоуглобы, и мягкий желтый свет через открытый дверной проем проникал в спальные помещения. Близнецы, освещаемые мягким светом, быстро оделись, при этом каждый очень хорошо слышал другого. Они, будто договорившись, надели стилсьюты, чтобы уберечься от горячих ветров пустыни.

Вскоре королевская пара близнецов встретилась в передней, заметив необычное спокойствие прислуги. На Лито поверх блестящего серого стилсьюта был надет рыжевато-коричневый капюшон, отороченный по краям черной материей. На его сестре — зеленый капюшон. У обоих капюшон крепился к стилсьюту специальной застежкой в виде ястреба — герба Атридесов — золотого с красными драгоценными камнями вместо глаз.

Видя этот раскрашенный наряд, Хара, одна из жен Стилгара, сказала:

— Я вижу, вы оделись, чтобы поторжественнее встретить бабушку».

Лито сначала принял у Читы завтрак, а потом посмотрел на темное обветренное лицо Хары. Он покачал головой. Потом промолвил:

— Откуда ты знаешь, может, мы тебя приветствуем?

Хара встретила его насмешливый взгляд, который он даже и не подумал отвести, и сказала:

— У меня такие же голубые глаза, как у тебя!

Ганима громко рассмеялась.

Хара всегда была большим знатоком шутливо-вызывающей манеры разговора Свободных, и она немедленно оборвала его:

— Не насмехайся надо мной, мальчик. Возможно, ты и королевской крови, но оба мы несем клеймо, которое оставило на нас употребление меланжа. Глаза без белков. Что еще нужно Свободным более роскошного и более почетного, чем это?

Лито улыбнулся, уныло покачал головой.

— Хара, любовь моя, если бы ты была помоложе и еще не была женой Стилгара, я бы сделал тебя своей.

Хара без малейшей обиды приняла эту маленькую победу, давая знать прислуге, чтобы они готовили помещение в честь этого знаменательного события, которого все ждали в тот день.

— Завтракайте, — сказала она. — Вам сегодня потребуется много сил.

— Значит, ты считаешь, что мы недостаточно хорошо выглядим, чтобы предстать перед своей бабушкой? — спросила Ганима, с трудом произнося слова из-за битком набитого рта.

— Не бойся ее, Гани, — сказала Хара.

Лито проглотил овсяную кашу, проницательно поглядывая на Хару. Женщина от природы была дьявольски мудра, очень быстро улавливая смысл в этой игре слов.

— Неужели она действительно поверит, что мы боимся ее? — спросил Лито.

— Она была нашей Преподобной Матерью, ты это знаешь. А я знаю ее методы.

— Как оделась Алия? — спросила Ганима.

— Я не видела ее, — коротко ответила Хара, отворачиваясь.

Лито и Ганима быстро переглянулись, зная о каком-то

секрете, и быстро склонились к своим чашкам с завтраком. Вскоре они вышли в большой центральный зал.

Ганима заговорила на одном из древних языков, который сохранила их генетическая память:

— Итак, сегодня мы увидим нашу бабушку.

— Алию это очень беспокоит, — сказал Лито.

— Кто же захочет отказываться от такой власти? — спросила Ганима.

Лито тихо засмеялся, необычно взрослым смехом.

— Более того, глаза ее матери видят также, как и наши?

— Почему бы и нет? — спросил Лито.

— Да... Возможно, этого и боится Алия.

— Кто знает Мерзость лучше, чем сама Мерзость, — спросил Лито.

— Может быть, мы не правы, ты же понимаешь, — сказала Ганима.

— Но это не так, — и он процитировал из Книги Азхир Бене Джессерит: — Исходя из причины и жуткого опыта мы называем наперед рождение Мерзости. Потому что тот, кто знает о том, что утрачено и проклято, тот может воплотить в жизнь все самое ужасное из прошлого.

— Я знаю, как это было, — сказала Ганима. — Но если это правда, почему мы не страдаем от такого же внутреннего приступа.

— Наверно, наши родители охраняют нас от этого, — сказал Лито.

— Тогда почему никто не охраняет Алию?

— Я не знаю. Это, возможно, потому, что один из ее родителей остался среди смертных. Может быть, это все просто, потому что мы молодые и смелые. Возможно, когда мы станем старше и более циничными...

— Мы должны быть очень осторожны с нашей бабушкой, — сказала Ганима.

— И не обсуждать этого Проповедника, который бродит на нашей планете и говорит ересь?

— Ты не думаешь, что он на самом деле наш отец?

— Я не делаю по этому поводу никаких заключений, но Алия боится его.

Ганима покачала головой.

— Я не верю в то, что называют Мерзостью. Это — чушь!

— Ты хранишь в себе такое же огромное количество воспоминаний, как и я, — сказал Лито.

— Ты можешь верить во что тебе хочется.

— Ты думаешь, это из-за того, что мы не осмелились

впасть в состояние экстаза от этого меланжа, а Алия это сделала? — спросила Ганима.

— Я думаю точно так же, как и ты.

Они замолчали, вливаясь в толпу людей в центральном зале.

В Съетче Табр было прохладно, но стилсьюты были теплыми, и близнецы скинули со своих рыжих волос капюшоны. Их лица выдавали породу: большой рот, широко посаженные глаза, от меланжа они были синими-в-синем.

Лито первым заметил приближение их тети Алии.

— Вот, она идет, — сказал он, переходя на военный язык Атридесов, как бы предупреждая. Ганима кивнула своей тете, когда Алия остановилась перед ними, и сказала:

— Военный трофей приветствует свою знаменитую родственницу, — используя тот же самый язык Чакобса, Ганима подчеркнула значение ее собственного имени — «Военный трофей».

— Видишь ли, любимая тетя, — сказал Лито, — мы приготовились к сегодняшней встрече с твоей матерью.

Алия, единственный человек из всей королевской свиты, которую совершенно не удивляло взрослое поведение этих детей, перевела взгляд с одного на другого. Потом сказала:

— Попридержите ваши языки, оба!

Бронзовые волосы Алии были зачесаны назад и образовали два золотистых кольца. Ее овальное лицо было угрюмым, губы плотно сжаты. В уголках синих глаз появились морщинки.

— Я предупреждала вас обоих, как надо вести себя сегодня, — сказала тетя Алия. — И вы, также как и я, все знаете, но какие-то соображения...

— Мы-то знаем, а вот ты, возможно, не знаешь о наших соображениях, — перебила ее Ганима.

— Гани! — сердито произнесла тетя Алия.

Лито посмотрел на тетю и сказал:

— Сегодня — тот день, когда мы не будем притворяться глупыми младенцами!

— Никто не хочет, чтобы вы притворялись, — сказала Алия. — Но мы думаем, что неразумно с вашей стороны вызывать у моей матери опасные мысли. Ирулэн согласна со мной. Кто знает, какую роль должна сыграть леди Джессика.

Лито встряхнул головой и удивился. «Почему Алия не видит, что уже обо всем догадались? Или она слишком далеко зашла?» И он обратил внимание на особые родовые приметы на лице Алии, которые выдавали присутствие в ней

генов деда по материнской линии. Изучая ее лицо, он почувствовал в себе смутное волнение и подумал: «Он и мой предок тоже».

Потом Лито сказал:

— Леди Джессика была обучена управлять.

Ганима кивнула головой:

— Почему она выбирает именно это время, чтобы вернуться?

Алия сердито взглянула на нее. Потом сказала:

— Возможно, она просто хочет увидеть своих внуков.

Ганима подумала: «Вот на что ты надеешься, моя дорогая тетя. Но это далеко не так».

— Она не может править здесь, — сказала Алия, — у нее есть Келадан. Этого должно быть вполне достаточно.

И Ганима умиротворенно заговорила:

— Когда наш отец ушел в пустыню, чтобы умереть, он оставил тебя в качестве Регента. От...

— У тебя есть какие-нибудь жалобы? — спросила Алия.

— Это был мудрый выбор, — сказал Лито, стараясь быть единодушным с сестрой.

— Ты была единственным человеком, который знал, что такое — родиться так, как мы.

— Ходят слухи, что моя мать вернулась к Сестрам, — сказала Алия, — и вы оба знаете, что думает Бене Джессерит о...

— Мерзости, — сказал Лито.

— Да! — Алия не произнесла этого слова.

— Ведьма — она всегда ведьма, так ведь говорят? — сказала Ганима.

— «Сестра, ты играешь в опасную игру», — подумал Лито, но он поддержал ее и добавил:

— Наша бабушка была женщиной очень простодушной, в отличие от других ее типа. Ты разделяешь ее память, Алия; несомненно, ты должна знать, чего ожидать.

— Простодушие! — сказала Алия, покачав головой. Она оглядела весь зал, потом снова обратилась к близнецам: — Если бы моя мать была менее доступной, ни одного из вас здесь бы сейчас не было, и меня тоже. Я должна была родиться у нее первой, и никто из этих... — плечи ее слегка вздрогнули. — Я предупреждаю вас обоих, будьте очень осторожны во всем, что бы вы ни делали сегодня, — Алия посмотрела вперед: — Идет моя охрана.

— И ты все еще думаешь, что нам небезопасно сопровождать тебя в звездный космопорт? — спросил Лито.

— Ждите здесь, — сказала Алия, — я доставлю ее.

Лито и его сестра обменялись взглядами, и он сказал:

— Ты говорила нам много раз, что память, которой мы обладаем, унаследована от того, кто испытал до нас некую бесполезность, пока мы нашей собственной плотью не воплотили эту память в жизнь. Моя сестра и я верим в это. Мы не хотим огромных перемен, которые несет с собой приезд нашей бабушки.

— И продолжайте верить в это, — сказала Алия. Она повернулась, окруженная со всех сторон охраной, и вся свита быстро двинулась через весь зал к Правительственному Входу, где их ждали орнитоптеры.

Ганима смахнула слезу с правого глаза.

— Даешь воду мертвым? — прошептал Лито, взяв сестру за руку.

Ганима глубоко, тяжело вздохнула и задумалась над тем, как она изучала свою тетю.

— Экстаз от спайса это сделал? — спросила она, зная, что на это ответит Лито.

— У тебя есть другое предположение?

— Ради аргумента, почему наш отец... и даже наша бабушка не выдержали?

Минуту он изучал ее. Потом сказал:

— Ты знаешь ответ так же, как и я. У них были надежные люди к тому времени, когда они пришли на Арракис. Экстаз от спайса — ну... не знаю...

— К моменту своего рождения они уже обладали памятью своих предков. Алия, хотя...

— Почему она не верит предупреждениям Бене Джессерит?

Ганима покусала нижнюю губу.

— Алия имела ту же информацию, что и мы.

— Они уже взывают к ее Мерзости, — сказал Лито. — Не находишь ли ты это попыткой выявить то, что ты сильнее, чем все эти...

— Нет, нет! — Ганима отвернулась от испытывающего взгляда брата, вздрогнула. Она должна была только консультироваться со своей генетической памятью, и предупреждения Сестер приобрели сейчас ясную форму. Тот, кому предстояло родиться, должен был стать взрослым с мерзкими привычками. И подобная причина... Она снова вздрогнула.

— Жаль, что у нас нет кого-нибудь предрожденных среди наших предков, — сказал Лито.

— Может, и есть.

— Но мы... Ах, да, старый безответный вопрос. На самом

ли деле у нас есть доступ к каждой крупице жизненного опыта наших предков?

Судя по своим внутренним ощущениям, Лито знал, как эта беседа должна была разволновать сестру. Они много раз ломали головы над этим вопросом, и всегда он оставался без ответа. Он сказал:

— Мы должны препятствовать ей каждый раз, когда она хочет ввести нас в транс. Надо быть абсолютно осторожными с чрезмерной дозой спайса, это лучший выход для нас.

— Сверхдоза должна быть довольно большой, — сказала Ганима.

— Наше терпение, вероятно, достаточно сильное, — согласился он. — Посмотри, как всегда настаивает Алия.

— Мне жаль ее, — сказала Ганима, — соблазн этого должен быть неуловимым и незамеченным, медленно овладевающим ею, пока...

— Она — жертва, точно, — сказал Лито. — Мерзость.

— Возможно, мы не правы.

— Правы.

— Мне всегда было интересно, — размышляла Ганима вслух, — если следующая, унаследованная от прародителей память будет той, которая...

— Прошлое, как и твоя подушка, близко от тебя, — сказал Лито.

— Мы должны воспользоваться возможностью, чтобы обсудить это с нашей бабушкой.

— Хотя ее память внутри меня подгоняет меня, — сказал Лито.

Ганима встретила его взгляд. Потом добавила:

— Когда обладаешь огромными знаниями, трудно прийти к простому решению.

Съетч на краю пустыни принадлежал Ласту, принадлежал Кайнзу, принадлежал Стилгару, принадлежал Муад Дибу. И снова принадлежит Стилгару. Чтобы один за другим Свободные засыпали в песке. Но съетч продолжает существовать.

Из песни Свободных.

Алия чувствовала, как сильно билось ее сердце, когда она уходила от близнецов. В течение нескольких мгновений она чувствовала, что была на грани того, чтобы остаться с

близнецами и просить их о помощи. Что за дурацкая слабость! Память об этом посылало через Алию предупреждающее спокойствие. Вдруг эти близнецы осмелятся применить предвидение? Путь, который увлек их отца, соблазнит и их, — транс от спайса с его видениями будущего, будто бы раздуваемыми ветром. «Почему я не могу видеть будущее? — спрашивала себя Алия. — Почему, как бы я ни старалась, у меня ничего не получается?»

Надо заставить близнецов сделать это, сказала она самой себе. Они могли бы втянуться в это. Они обладают детским любопытством, и это было связано с памятью, которая включала в себя тысячелетие.

«Так же, как и я», — подумала Алия.

Ее охрана открыла отсыревшие затворы у Правительственного Входа в съетч, посторонилась, когда она вышла на посадочную площадку, где ее поджидали орнитоптеры. Со стороны пустыни дул ветер, поднимал к небу клубы пыли, но день был ясным. Когда она вышла на свет из пещеры со светящимися шарами, ее мысли приняли другое направление.

Почему леди Джессика возвращалась именно в этот момент? Неужели до Келадана доползли слухи, слухи о том, как Регентство...

— Нам надо торопиться, моя леди, — сказал один из охранников, повышая голос, чтобы перекричать ветер.

Алия позволила помочь ей забраться в орнитоптер и пристегнула ремни безопасности, хотя ее мысли продолжали нестись вперед.

— Почему сейчас?

Когда орнитоптер опустил крылья и воздушное судно начало снижать скорость, она почувствовала все великолепие и силу своего положения, как массу существующих вещей, но они были призрачными и мимолетными!

Почему именно теперь, когда ее планы еще не завершены?

Пыль уносило ветром, и она могла видеть яркий солнечный свет на меняющемся ландшафте планеты: широкие полосы зеленой растительности, где когда-то была выжженная солнцем земля.

Без видений будущего я могу потерпеть неудачу. О, какое волшебство я могла бы представить всем, если могла бы видеть, как Пол! Не для меня горечь, которая приносит видения.

Она содрогнулась от мучительного голода и пожалела, что

не может снять с себя власть. О, быть такой, как все — слепой в этой самой безопасной из всех слепоте, живя только этой гипотетической полужизнью, в которую рождение низвергает большую часть человечества. Но нет! Она была рождена Атридесами, стала жертвой этого глубокого вселенского знания, навязанного ей ее матерью, которая употребляла спайс.

«Почему моя мать возвращается сегодня?»

Гурни Хэллек скорее всего будет с ней, преданный навсегда слуга, наемный убийца всяческих мерзавцев, никогда не устающий и упрямый, музыкант, который мог сыграть любое убийство с помощью удавки или упражнялся с той же легкостью на своем девятиструнном бализете. Поговаривали, что он стал любовником ее матери. Об этом надо было бы разузнать получше; возможно, это способствует ее матери в достижении цели.

Желание быть такой, как все, покинуло ее.

«Лито нужно бы ввести в транс, вызываемый большой дозой спайса».

Она вспомнила, что однажды спросила мальчика, как он относится к Гурни Хэллеку. И Лито, чувствуя, что в ее вопросе присутствует скрытый смысл, сказал, что Хэллек прощал мелкие проступки Пола, добавив: «Он обожал... моего отца».

Она заметила некоторое замешательство. Лито чуть было не сказал «меня» вместо «моего отца». Да, иногда трудно было отличить генетическую память от той, которая принадлежала живому человеку. Гурни Хэллеку, как и Лито, тоже сложно было бы сделать такое различие.

Алия холодно улыбнулась.

После смерти Пола Гурни предпочел вернуться с леди Джессикой на Келадан. Его возвращение многое усложнит. Если он вернется на Арракис, он прибавит свои собственные трудности к уже существующим. Он служил отцу Пола. И, таким образом, наблюдалась четкая последовательность: Лито I — Пол — Лито II. А исходя из условий Бене Джессерит — селекционная программа: Джессика — Алия — Ганима — побочная ветвь. Гурни, присоединяясь к неразберихе идентичностей, мог бы оказаться очень ценным.

«Что он сделает, если узнает, что в нас течет кровь Харконненов, тех самых Харконненов, которых он так ненавидит?»

Улыбка на губах Алии стала загадочной; она шла из каких-то невероятных глубин ее психики.

В конце концов, близнецы были просто детьми. Они были

дети, но с бесконечным числом родителей, чьи памяти принадлежали одновременно всем их предкам и им самим. Они будут стоять на посадочной площадке у входа в съетч Табр и наблюдать прилет воздушного корабля бабушки, совершающего посадку в Имперскую впадину, близ Арракина.

Это ярко-светящееся пятно на небе, которое было кораблем, сделает ли оно прибытие Джессики более реальной помощью для ее внуков?

«Моя мать спросит меня об их обучении, — думала Алия. — Смешиваю ли я прана-бинду и рассудительность в обучении? И я скажу ей, что они занимаются самообучением, как и я сама. Я процитирую ей слова ее внука: «Среди обязательного выполнения команд есть необходимость наказывать... но только если жертва заслуживает наказания».

Алию осенило потом, что она могла бы обратить все внимание леди Джессики только на близнецов, тогда все остальное могло бы исчезнуть из ее поля зрения. Это вполне могло бы быть осуществимо. Лито был очень сильно похож на Пола. А почему и нет? Он вполне мог бы быть Полом, если бы сделал выбор. Даже Ганима обладала этой способностью.

«Точно так же, как и я могу быть моей матерью или кем-либо другой, от которой в нас сохранилась частичка жизни».

Она отвлеклась от этой мысли и посмотрела на ландшафты Защитной стены, которую они пролетали. Затем подумала: «Как можно было покинуть теплый, безопасный, богатый водой Келадан и вернуться на Арракис, на эту пустынную планету, где ее великий Герцог был убит, а ее сын умер мучительной смертью?»

Почему леди Джессика вернулась именно в это время?

Алия не нашла ответа — ничего определенного. Она могла бы разделить чье-нибудь еще, свойственное только ему знание, но когда жизненный опыт каждого взял свое направление, тогда и мотивы тоже разошлись. Источник решений лежал в действиях каждого, кто их совершал. Для предрожденных (рожденных до их физического рождения) множество поколений Атридесов оставили свою единственную реальность, то, чем они были, и это оказался другой вид рождения — абсолютное разделение живой, дышащей плоти: когда эта плоть покидала чрево матери, та наделяла ее многочисленными знаниями всех предков. Алия не видела ничего странного в том, что она одновременно любила и ненавидела свою мать. Это была необходимость, необходимое равновесие, где нет места упрекам и обвинениям, но

тогда где может быть граница любви и ненависти? Винил ли кто Бене Джессерит в том, что они направили леди Джессику по этому пути? Вина и упрек постоянно рассеивались, когда память преодолевала очередное тысячелетие. Сестры только искали методы, чтобы породить Квизац Садераха: мужчину-двойника — он и мужчина, и в то же время полностью повторяет вполне совершенную во всех отношениях Преподобную Мать... И более того — человеческое существо наивысшей чувствительности, обладающее знаниями высших порядков, Квизац Садераха, присутствующего одновременно во многих местах. А леди Джессика, которая была просто одним из звеньев этой селекционной программы, имела неосторожность влюбиться в селекционного партнера, которому она была назначена. Потакая желаниям своего возлюбленного Герцога, она произвела на свет сына вместо дочери, которая, как объявили Сестры ордена Бене Джессерит, должна была появиться первой.

«Родила меня, когда уже сама попробовала спайс. А теперь они не хотят меня. Теперь они боятся меня! С веской причиной...»

Они успешно довели до конца задуманное с Полом, их Квизац Садерахом. Теперь перед ними стояла другая проблема: Мерзость, которая заключала в себе лучшие ценные гены, отбираемые ими в течение многих поколений.

Алия почувствовала, как какая-то тень пронеслась над ней, и посмотрела вверх. Ее эскорт осуществляет подготовку к посадке. Она встряхнула головой, чтобы отключиться от мучивших ее мыслей. Какой смысл был в том, чтобы вызывать в памяти чужие жизни и стирать из них ошибки? Это была уже новая жизнь.

Данкан Айдахо приложил свои умственные способности к вопросу о том, почему Джессика возвращается в это время, оценивая эту проблему по принципу человека-компьютера, ментата, что было его природным даром. Она возвращается, сказал он, чтобы отвезти близнецов к Сестрам. Близнецы тоже имели эти бесценные гены. Данкан, скорее всего, вполне прав. Этого могло бы быть достаточно для того, чтобы вытянуть Джессику из ее уединенного гнездышка на Келадане. Если Сестры велели... А что еще могло бы вернуть ее в эти места, которые вызывали в ней болезненные воспоминания?

— Посмотрим, — проворчала Алия.

Она почувствовала, как орнитоптер коснулся крыши Крепости, издавая неприятный звук, который наполнил ее зловещими предчувствиями.

Melange (меланж) — происхождение слова неизвестно (возможно, произошло от древнего Теруан Франж), концентрированная смесь спайса, снадобье Арракиса; впервые упоминается Яншуфом Ашкоко, бывшем Королевским химиком в период правления Шаккада Мудрого. Арракисский меланж, найденный только в самом сердце пустыни Арракиса, был связан с пророческими видениями Пола Муад Диба, первого Свободного Махди; также применяется Космическим Союзом Навигаторов и орденом Сестер Бене Джессерит.

«Королевский словарь», издание пятое.

Две большие кошки вышли на рассвете из-за скал, легко перепрыгивая валуны. Они не собирались охотиться, просто осматривали территорию. Их называли Лазанскими тиграми, выведенными специально, и привезенными сюда, на планету Салуза Вторая, почти 8 тысяч лет назад. Генетические манипуляции, произведенные с древней Терранской породой, стерли некоторые природные черты, характерные для тигров, и усовершенствовали другие. Клыки остались длинными. Морды их были широкие, глаза настороженные и умные. Лапы были увеличены, чтобы они твердо стояли на неровной почве, и их спрятанные когти могли бы выпускаться не менее чем на 10 см, причем заостренные на концах не хуже стальных лезвий. Их шкура была рыжевато-коричневого цвета, что делало их почти невидимыми на фоне песка.

Они отличались от своих предков еще по одному признаку: в их мозг был имплантирован вспомогательный стимулятор, причем тогда, когда они были детенышами. Стимуляторы делали их зависимыми от того, кто владел передатчиком.

Было холодно, и пока кошки изучали территорию, из ноздрей их шел пар. Перед ними расстилалась земля Салузы Второй, которую оставили нетронутой, в первозданном виде — сухой и голой, ведь здесь жило несколько песчаных червей, завезенных с Арракиса и бережно сохраняемых живыми, потому что монополия по производству меланжа могла в любой момент рухнуть. Там, где стояли кошки, ландшафт представлял достаточно скучное зрелище: кругом одни рыжевато-коричневые скалы и разбросанные тут и там тощие кусты серебристо-зеленого цвета, которые отбрасывали длинные тени в лучах утреннего солнца.

Неожиданно кошек насторожило какое-то движение. Сначала медленно они скосили глаза влево, потом, не

торопясь, повернули головы в том же направлении. Далеко внизу, на потрескавшейся земле, шли двое детей, держась за руки и с трудом передвигаясь по сухому песку. Дети, по всей видимости, не достигли еще девяти-десятилетнего возраста. Они были рыжеватые и одеты в стилсьюты, частично отороченные богатыми белыми буквами, которые прикреплялись по краям, а на лбу сиял ястребиный герб Дома Атридесов, выполненный из плиток, украшенных яркими, светящимися драгоценными камнями. Они шли и весело болтали, и их голоса очень ясно доносились до охотничьих кошек. Тигры Лазана очень хорошо знали эту игру; они и раньше в нее играли, но сейчас продолжали стоять неподвижно, ожидая щелчка, который включит охотничий сигнал в их вспомогательных стимуляторах.

Теперь вслед за кошками появился человек. Его взору предстала сцена: кошки, дети. Человек был одет в рабочий мундир сардукара, выполненный в сером и черном цветах, со знаками отличия Левенбрега, помощника Башара. Под его рукой, огибая шею, проходил ремешок, который поддерживал на груди вспомогательный передатчик, упакованный в тонкий чехол. До кнопки управления он мог легко дотянуться любой рукой.

Кошки не обратили ни малейшего внимания на его приближение. Они узнали этого человека по звуку и запаху. Он остановился в двух шагах от кошек, вытирая лоб. Воздух был холодный, но от этой работы было жарко. Перед его блеклыми глазами предстало следующее зрелище: кошки и дети. Он убрал под свой рабочий шлем влажную прядь светлых волос, дотронулся до микрофона, имплантированного в горло.

— Кошки держат их в поле зрения.

Ответный голос послышался из приемников, помещенных за ушами.

— Мы видим их.

— Пора? — спросил Левенбрег.

Голос, который отвечал, снова донесся до него через приемники, расположенные за ушами.

— Они смогли бы сделать это без команды? — продолжал голос.

— Они готовы, — сказал Левенбрег.

— Очень хорошо. Давай посмотрим, может быть, достаточно четырех условных этапов?

— Передайте, когда вы будете готовы.

— В любое время.

— Ну, тогда, — сказал Левенбрег.

Он дотронулся до пульта, находящегося с правой стороны вспомогательного передатчика, причем сначала он отодвинул крышку, которая закрывала пульт. Теперь кошки были свободны от его управления, их ничто больше не удерживало. Он держал руку над черным переключателем, расположенным под красным, готовый остановить животных, если они вдруг повернут в его сторону. Но они не обращали на него внимания, они припали к земле и начали спускаться по сопкам вниз, к детям. Их огромные лапы скользили мягко и плавно.

Левенбрег присел на корточки, чтобы понаблюдать за ними, зная, что где-то поблизости спрятана камера, которая передавала всю эту сцену на секретный монитор, внутрь крепости, где жил Принц.

Вскоре кошки начали делать скачки, а потом побежали.

Дети, которые продолжали пробираться по скалистой местности, все еще не замечали опасности. Один из них смеялся, его высокий и чистый голос буквально рассыпался в чистом воздухе. Другой ребенок споткнулся и, найдя равновесие, обернулся и увидел кошек. Ребенок указал на них: «Смотри!»

Оба ребенка остановились и с любопытством стали смотреть на удивительное вторжение в их жизни. Они все еще продолжали стоять, когда Лазанские тигры набросились на них — одна кошка на каждого ребенка — и сбили с ног. Дети умерли с привычной для тигров внезапностью, им быстро сломали шеи. Кошки начали есть.

— Мне отозвать их? — спросил Левенбрег.

— Пусть закончат. Они хорошо с этим справились. Я знал, что они справятся, эта пара просто великолепна.

— Лучшая, которую я когда-либо видел, — согласился Левенбрег.

— Ладно, хорошо. Транспорт за тобой отправили. Теперь мы заканчиваем связь.

Левенбрег стоял, вытянувшись. Он старался не смотреть на выступ в скале слева от него, где был скрыт яркий блеск оптики передающей секретной камеры, которая передавала его прекрасную работу Башару, находившемуся далеко в зеленых землях столицы. Левенбрег улыбался. За эту работу его ожидало повышение. Он уже чувствовал знак Батора на своей шее — а когда-нибудь, и Бурсега... И даже, однажды, Башара. Люди, которые хорошо служили в войсках Фарадина, внука последнего Императора Шаддама IV, получали приличное повышение по службе. Однажды, когда Принца

усадят на законный трон, тогда будут одаривать еще большими поощрениями. Знак Башара, возможно, не завершает цепь этих званий. Во многих мирах этой Империи были еще Бароны и Графы... Но это возможно лишь тогда, когда, наконец, уберут близнецов Атридесов.

Свободный должен вернуться к своей изначальной вере и к своему гениальному предназначению по формированию человеческих общностей; он должен вернуться к прошлому, где этот урок на выживание был получен в борьбе с Арракисом. Единственным делом Свободного должно стать открытие его души внутренним древним учениям. Миры Империи, Ландсраада и КХОАМ не имеют ничего существенного, чтобы передать им. Они будут лишь отнимать у Свободных их души.

Проповедник из Арракина

Леди Джессика оказалась окруженной со всех сторон океаном людской массы, которая простиралась вглубь серо-коричневой плоскости посадочного поля, где совершил посадку ее корабль, который потрескивал и шипел после резкого перехода из одного пространства в другое. Она приблизительно прикинула, что там было полмиллиона людей, и примерно треть из них являлись паломниками. Они стояли в жутком молчании, их внимание было приковано к платформе выходного шлюза из транспортного корабля, где затемненный люк скрывал ее и ее свиту.

До полудня оставалось два часа, но воздух над толпой уже отражал едва заметное марево, обещающее очень жаркий день. Джессика дотронулась до посеребренных сединой волос цвета меди, которые обрамляли ее овальное лицо под капюшоном из козьей шерсти, потому что она была Преподобной Матерью. Она знала, что после такого длительного путешествия выглядит не лучшим образом, а черный цвет ее капюшона из козьей шерсти был не ее цветом. Но она облачалась здесь в это одеяние и раньше. Значимость этой грубой одежды еще не была утрачена Свободными. Она вздохнула. Путешествие через пространство не прошло незаметно для нее, и было еще кое-что, отягощающее ее воспоминания, — еще одна поездка с Келадана на Арракис, когда ее Герцог был принужден жить в этом поместье несмотря на его собственное мнение.

Медленно исследуя обстановку, используя способности, которые дало ей учение Бене Джессерит, чтобы не упустить важные детали, она внимательно смотрела на море людей. Всюду были видны колпаки стилсьютов скучно-серого цвета, исконная одежда Свободных из далекой пустыни; были паломники в белой одежде со знаками раскаяния на плечах, тут и там были видны толпы богатых купцов, облаченных в легкую одежду без капюшонов, демонстрирующих свое презрение к знойному, иссушающему воздуху Арракина... а также в стороне стояла отдельной группой делегация из Общества Верующих (Квизарата) в зеленых робах и просторных глубоких капюшонах.

Только когда она оторвала взгляд от толпы, она поняла, что вся эта сцена напоминает чем-то то время, когда ее точно так же встречали, но с ней тогда был ее возлюбленный Герцог. Как давно это было? Более двадцати лет тому назад. Ей не нравилось думать о тех сердечных переживаниях. Время своим тяжелым бременем давило на нее изнутри, и, казалось, что она никогда не покидала эту планету.

«Еще раз в пасть дракона», — подумала она.

Здесь, на этой равнине, ее сын отвоевал Империю у последнего Императора Шаддама IV. Историческое потрясение оставило след в умах и верованиях людей.

Она слышала сзади себя постоянную возню своей свиты, не удержалась и снова вздохнула. Они должны ждать Алию, которая запаздывала. Группа во главе с Алией появилась, наконец, у дальнего края толпы, вызвав бурю рукоплесканий, когда Королевская охрана влилась в толпу, чтобы расчистить путь.

Джессика еще раз окинула взглядом весь ландшафт. Много отличий представилось ее испытывающему взгляду. На контрольной башне посадочного поля был сооружен балкон для молящихся. А далеко с левой стороны равнины стояло огромное внушающее страх сооружение из пластали, которое Пол воздвиг в качестве своей крепости — личного «съетча, возвышающегося над песками». Это было самое большое сооружение, которое когда-либо возводил человек. Целые города могли бы поместиться внутри его стен, и еще осталось бы свободное место. Теперь в ней размещалась самая могущественная правящая сила в империи, Квизарат Алии, который она создала над телом своего брата. «Это место должно рухнуть», — подумала Джессика.

Делегация во главе с Алией подошла к подножию трапа и

остановилась там в ожидании. Джессика узнала грубые черты Стилгара. И, о Господи! Там стояла принцесса Ирулэн, пряча свою жестокость в прелестное тело с шапкой золотых волос, растрепанных лентами.

Оказалось, что годы Ирулэн не наложили отпечаток на ее внешность. Это был вызов. И там, впереди клина, была Алия, черты ее лица были вызывающе юными, ее глаза были обращены вверх на отверстие люка. Губы Джессики вытянулись в тонкую линию, глаза внимательно рассматривали лицо дочери. Гнетущее чувство переполняло Джессику, она слышала, как гулким прибоем отзывалась в ушах ее собственная жизнь! Слухи оправдались! Ужасно! Ужасно! Алия ступила на запретный путь. Доказательства этого посвященному было легко прочитать. Мерзость! Джессике понадобилось несколько мгновений, чтобы прийти в себя, она поняла, как ей хотелось, чтобы эти слухи были фальшивыми.

«А близнецы? — спросила она себя. — Они тоже потеряны?»

Медленно, как подобает Преподобной Матери, Джессика через люк вышла на трап. Ее свита осталась в салоне согласно инструкции. Следующие несколько мгновений были решающими. Джессика стояла одна, обозреваемая всей толпой. Позади она слышала нервное покашливание Гурни Хэллека. Гурни возражал.

«Даже без защитного экрана! Боги внизу, женщина! Ты сумасшедшая!»

Но среди наиболее замечательных особенностей Гурни было повиновение. Он высказывается напрямик, а потом повинуется. Сейчас он повиновался.

Людское море производило шум, похожий на шипение песчаного червя, когда появилась Джессика. Она вознесла руки в благословении, к которому духовенство приучило Империю. С некоторым запозданием, но как один гигантский организм, люди упали на колени. Даже официальная часть подчинилась общему настроению.

Джессика отметила место, где это было сделано с опозданием, и она знала, что другие глаза позади нее и среди ее агентов в толпе заполнили временную карту, с помощью которой она могла бы найти опоздавших.

Пока Джессика стояла с вознесенными кверху руками, появились Гурни и его люди. Они быстро прошли мимо нее, спустились по трапу, не обращая внимание на встревоженные взгляды официальной группы, присоединились к агентам, которых можно было опознать по знаку на руке.

Они быстро растворились в море людей, с трудом прокладывая путь сквозь группы стоящих на коленях фигур. Некоторые из их жертв почувствовали опасность и попытались скрыться. Но они оказались проворнее: брошенный им вслед нож, петля, и беглецы падали. Других выхватывали из толпы, связывали руки и ноги.

Несмотря ни на что, Джессика стояла с поднятыми кверху руками, благословляя своим присутствием, держа толпу в повиновении. Она читала знаки распространяющихся слухов, и знала доминирующий среди них, потому что он просто укоренился: «Преподобная Мать возвращается, чтобы убрать неверующих. Сохрани Мать нашего Господа!»

Когда все было закончено, на песке осталось лежать несколько распростертых тел, а пленных повели в помещение для арестованных, Джессика опустила руки. Возможно, прошло минуты три. Она знала, как мала вероятность того, что Гурни и его люди взяли хоть кого-нибудь из главарей, из тех, кто представлял реальную опасность. Они наверняка более бдительны и чутки. Но пленные могли представлять собой некоторый интерес, хотя бы как отбракованный скот и обычные тупицы.

Джессика опустила руки и, издавая одобрительные возгласы, люди поднялись на ноги.

Как ни в чем не бывало, Джессика спустилась вниз, минуя дочь и внимательно вглядываясь в Стилгара. Черная борода с проседью веером ложилась на шею поверх его комбинезона, но его глаза оставались все такими же, как и в первую их встречу в пустыне. Стилгар знал, что только что произошло, и одобрял это. Рядом с ней стоял истинный Свободный наиб, вождь людей, способный принимать кровавые решения. Его первые слова полностью соответствовали ситуации.

— Добро пожаловать домой, моя госпожа. Всегда истинное наслаждение видеть решительные и эффективные действия.

Краешком рта Джессика позволила себе улыбнуться.

— Закрой порт, Стил. Никто не уйдет, пока мы не допросим тех, кого взяли.

— Все уже сделано, моя госпожа, — сказал Стилгар. — Мы придумали это вдвоем — я и человек Гурни.

— Значит, это были ваши люди, те, которые помогали?

— Некоторые, да, моя госпожа.

Она прочла его потаенные мысли, кивнула.

— В те далекие дни вы хорошо меня изучили, Стил.

— Когда-то однажды вы постарались сказать мне, моя

госпожа, что оставшихся в живых находят и узнают от них многое.

Алия выступила вперед, а Стилгар отошел в сторону, пока Джессика встречалась с дочерью. Зная, что спрятаться не было возможности, Джессика и не пыталась это сделать. Алия могла прочитать все подробности, которые ей понадобятся, могла прочитать также и любые сведения, поступившие из ордена Сестер. Она уже должна была понять по поведению Джессики, что та увидела и интерпретировала. Они были врагами, для которых слово «смертный» имело какое-то поверхностное значение.

Алия избрала гнев, как самую доступную и верную реакцию.

— Как ты осмелилась предпринять такую акцию, не посоветовавшись со мной, — вопросила она, приблизив свое лицо к лицу Джессики.

Джессика тихо ответила:

— Как ты только что слышала, Гурни даже не посвятил меня в свой план. Было задумано так...

— А ты, Стилгар! — сказала Алия, поворачиваясь к нему. — Кому ты служишь?

— Я дал клятву детям Муад Диба, — сказал Стилгар холодно. — Мы устранили угрозу, нависшую над ними.

— А почему это не в радость тебе, дочь? — спросила Джессика.

Алия вспыхнула, посмотрела на мать, подавила в себе гнев и даже ухитрилась слегка улыбнуться.

— Я переполнена радостью... мама, — сказала она. И к своему собственному удивлению, Алия обнаружила, что она была счастлива, испытывая жуткий восторг, что все это происходило на открытом воздухе между ней и матерью. Момент, которого она до смерти боялась, прошел и равновесие сил на самом деле не изменилось. — Мы поговорим об этом более подробно в более удобное время, — сказала Алия, обращаясь одновременно к матери и Стилгару.

— Ну конечно, — сказала Джессика, поворачиваясь лицом к принцессе Ирулэн, давая этим движением понять другим, что они могут быть свободны.

Несколько мгновений Джессика и принцесса молча стояли, рассматривая друг друга — две женщины Бене Джессерит, которые порвали с орденом по одной и той же причине: любовь... они обе были влюблены в мужчин, которых уже не было в живых. Эта принцесса отчаянно любила Пола, став его женой, но не супругой. А теперь она

жила только ради детей, подаренных Полу наложницей Чани.

Джессика заговорила первой:

— Где мои внуки?

— В съетче Табр.

— Для них там очень опасно: я так понимаю.

Ирулэн слегка кивнула. Она заметила взаимопонимание между Джессикой и Алией, но объяснила это таким образом, как ее подготовила к этому Алия. «Джессика вернулась к Бене Джессерит, а мы обе знаем, что у них есть планы насчет детей Пола». Ирулэн никогда не отличалась особым совершенством в знаниях Бене Джессерит — главное было то, что она являлась дочерью Шаддама IV; часто она была слишком горда, чтобы демонстрировать свои способности. Теперь она выбрала позицию, которая не имела никакого отношения к ее обучению.

— Действительно, Джессика, — сказала Ирулэн, — надо было проконсультироваться с Королевским Советом. Ты неправильно поступила, действуя таким образом.

— Надо ли мне верить, что из вас никто не доверяет Стилгару? — спросила Джессика.

Ирулэн была достаточно смекалиста, чтобы догадаться, что на этот вопрос отвечать не нужно. Она была рада, что представители Квизарата не в состоянии были больше ждать и подались вперед... Она обменялась взглядами с Алией, думая: «Джессика, как всегда, слишком высокомерна и уверена в себе!»

Бене Джессеритская аксиома непременно отложилась в ее мозгу: «Надменность возводит непреодолимые стены, за которыми стараются спрятать свои собственные сомнения и опасения».

Неужели такое могло быть и с Джессикой? Наверняка, нет. Тогда, должно быть, это просто поза. Но с какой целью? Этот вопрос беспокоил Ирулэн.

Священнослужители шумной толпой окружили Джессику. Некоторые из них осмеливались дотрагиваться до ее рук, но большинство отвешивало низкие поклоны и произносило приветствия. Наконец главы делегаций обратились к Преподобной Матери, подчеркивая свой духовный сан:

— Первый должен быть последним, — с дежурными улыбками говоря ей, что официальная Церемония Очищения ждет ее в старой крепости Пола.

Джессика внимательно изучила эту пару, найдя ее вызывающей. Одного звали Джавид, молодой человек с угрюмым лицом и круглыми щеками, затененные глаза, которые не

могли скрыть подозрения. Другой был Зебаталеф, второй сын Наиба, которого она знала еще в прежние годы, о чем он поспешил напомнить ей. Его легко можно было классифицировать: веселость в сочетании с жестокостью, худое лицо со светлой бородой, овеянное ореолом затаенного возбуждения и могущественного знания. Джавид, как ей показалось, представлял меньше опасности из них двоих, человек, который мог хранить тайну, одновременно притягательный и — она не могла найти другого слова — отталкивающий. Она нашла странным акцент, он был похож на древний фрименский, как будто он происходит родом из какой-то изолированной ветви людей.

— Скажи мне, Джавид, — спросила она, — откуда ты родом?

— Я из простых Свободных пустыни, — сказал он, каждым слогом подчеркивая, что это ложное утверждение.

Тут бесцеремонно вмешался Зебаталеф, и почти с насмешкой сказал:

— У нас есть многое, что мы должны обсудить о прежних временах, моя госпожа. Я был одним из первых, ты это знаешь, кто признал миссию твоего сына.

— Но ты не был одним из его федайкинов, — сказала она.

— Нет, моя госпожа. Я занимал более философскую позицию: я учился у священника.

— И сохранил свою шкуру, — подшутила она.

Джавид сказал:

— Они ждут нас в Крепости, моя госпожа.

И снова она нашла его акцент очень странным, этот вопрос, волновавший ее, оставался без ответа.

— Кто нас ждет? — спросила она.

— Совет Веры, все те, кто свято хранит в душе имя и дела твоего святого сына, — сказал Джавид.

Джессика посмотрела вокруг себя, увидела, что Алия улыбалась Джавиду, и спросила:

— Этот человек один из твоих наместников, дочка?

Алия кивнула.

— Человек характера — гордится своими поступками.

Но Джессика увидела, что Джавид не имел ни малейшего удовольствия слышать замечания, это он прошел потом специальную школу Гурни. А тут подошел Гурни с пятью преданными ему людьми, давая знак, что они допрашивают подозрительных бездельников. Он шел походкой властного человека, глядя то налево, то направо, то вокруг, каждый мускул был в напряжении под кажущейся расслабленностью бдительности, которой она обучала всех, руководствуясь

прана-бинду Бене Джессерит. Он был неуклюжим человеком, у которого были развиты определенные рефлексы, он был убийцей и наводил на всех ужас, но Джессика любила его и хвалила его больше всех остальных. Шрам от бича пересекал его челюсть, придавая его лицу зловещее выражение. Он улыбнулся, когда увидел Стилгара.

— Все сделано, Стил, — сказал Гурни.

И они пожали друг другу руки, как это делалось у Свободных.

— Очищение, — сказал Джавид, дотрагиваясь до руки Джессики.

Джессика отшатнулась, осторожно подобрала слова и старалась говорить властным тоном, это произвело эмоциональный эффект на Джавида и Зебаталефа:

— Я вернулась на Дюну, чтобы увидеть моих внуков. Стоит им тратить время на эту ерунду?

Зебаталеф был в шоке, его тяжелая челюсть отвисла, глаза округлились от испуга. Он смотрел на тех, кто услышал это. По глазам можно было узнать каждого, кто услышал эти слова.

Святое обозвать чушью! Какой эффект могли возыметь такие слова, произнесенные матерью самого мессии?

Джавид, как ни странно, согласился с Джессикой. Уголки его рта сначала опустились, потом он улыбнулся. Но глаза его не улыбались, хотя и не пытались отыскать слышавших эти слова. Джавид уже знал каждого члена группы. Он и без этого знал, за кем нужна специальная слежка. Только через несколько секунд Джавид резко перестал улыбаться, что говорило о том, что он знал, как он себя выдал. Джавиду всегда удавалось хорошо выполнять свою работу: он знал о наблюдательных возможностях Джессики. Краткий, резкий кивок головы признал эту возможность.

В яркой вспышке ментации Джессика взвесила все «за» и «против»; едва заметным движением руки она могла бы подать сигнал Гурни и обречь этим Джавида на смерть. Это могло бы быть совершено прямо сейчас, для большего эффекта, или немного позже, или произойти как случайность.

Она подумала: «Когда мы пытаемся скрыть наши внутренние побуждения, все наше существо выдает себя».

Учение Бене Джессерит склонялось к этому откровению — возвышая над этим сведующих и обучая их читать живую память других. Она заметила, что Джавид очень умный, он мог быть связующим звеном с духовенством Арракиса. И он был человеком Алии.

Джессика сказала:

— Моя официальная сопровождающая группа должна уменьшиться. У нас есть место только для одного. Джавид, ты пойдешь с нами. Зебаталеф, мне очень жаль. И, Джавид... я посещу это — эту церемонию, если ты настаиваешь...

Джавид глубоко вздохнул и понизил голос:

— Как прикажет Мать Муад Диба.

Он посмотрел на Алию, на Зебаталефа, потом повернулся к Джессике.

— Мне жаль, что вам придется отложить встречу с вашими внуками, но для этого есть государственные причины...

Джессика подумала: «Хорошо. Прежде всего, он деловой человек. Когда мы определим новую систему ценностей, мы купим его». И она вдруг нашла, что радуется тому, что он настаивал на этой церемонии. Эта маленькая победа дала бы ему превосходство над его товарищами, и они бы знали об этом. Принятие Очищения могло бы стать платой за дальнейшие услуги.

— Я полагаю, с транспортом все в порядке, — сказала она.

Я даю тебе пустынного хамелеона, способность которого принимать окраску окружающей местности расскажет тебе все, что необходимо знать о корнях экологии и основах личной подлинности.

Книга Диатрибов.
Из Хроники Хайт.

Лито сидел и играл на маленьком бализете, подаренным ему в день его пятилетия самим изготовителем этого инструмента, Гурни Хэллеком. За прошедшие четыре года Лито достиг определенной плавности игры, хотя две толстые струны доставляли ему беспокойство. Он находил бализет успокаивающим, несмотря ни на что, особенно когда он был чем-то расстроен — это не ускользнуло от Ганимы. Теперь в сумрачном свете он сидел на выступе у стены пещеры на самом южном конце скалистого отрога, который прикрывал съетч Табр. Он тихо бренчал на бализете.

Ганима стояла позади него, вся ее мятежная фигурка излучала протест. Она не хотела выходить сюда, на открытый воздух, после того как узнала от Стилгара, что ее бабушка задержалась в Арракине. Она особенно возражала приходить

сюда с наступлением ночи. Пытаясь растормошить своего брата, она спросила:

— Ну, что это?

Вместо ответа он заиграл другую мелодию.

Впервые с тех пор, как он получил подарок, Лито почувствовал очень ясно, что этот бализет был создан искусным мастером на Келадане. Он обладал унаследованной памятью, которая могла вызывать в нем глубокую ностальгию по красивой планете, где правил Дом Атридесов. Лито слегка расслабил внутренние барьеры, слушая эту музыку, и он мог слышать голоса памяти из тех времен, когда Гурни приметил бализет, чтобы развлекать своего друга Пола Атридеса. С помощью бализета, звучащего в его руках, Лито все сильнее чувствовал физическое присутствие своего отца. Он еще играл, все больше поддаваясь воздействию инструмента. Он ощущал абсолютно идеализированную совокупность внутри себя, которая знала, как играть на этом бализете, хотя мускулы девятилетнего мальчика еще не привыкли к этому внутреннему сознанию.

Ганима нетерпеливо топала ногой, не осознавая того, что делает это в такт игры брата. Скривив рот оттого, что лицо его было сосредоточено, Лито прервал знакомую мелодию и попытался исполнить песню более древнюю, чем любую из тех, которые когда-то играл Гурни. Она относилась к тому времени, когда Свободные Дзэнсунни переселились на пятую по счету планету. Слова отражали тему, и он слышал их в своей памяти, в то время как его пальцы извлекали робкую мелодию.

Прекрасная форма природы содержит в себе удивительную особенность. Некоторые называют ее — разрушение. Благодаря ее существованию новая жизнь пробивает себе дорогу. Тихо проливаются слезы, но это вода души: они несут новую жизнь к неудовольствию существующей, а смерть соединяет то и другое в одно целое.

Ганима заговорила позади него, когда он выводил последнюю ноту.

— Это мерзкая старая песня. Почему именно ее ты играл?

— Потому что она совпадает с данной ситуацией.

— Ты сыграешь ее для Гурни?

— Может быть.

— Он назовет ее скучной ерундой.

— Я знаю.

Лито посмотрел через плечо на Ганиму. Он не выразил

удивления по поводу того, что она знала песню и мелодию, но он почувствовал внезапный трепет, потому что они, близнецы, были очень одиноки и одинаковы, как одно целое. Если бы один из них умер, то остался бы жить в сознании другого, каждый сохранял полностью память другого, это их сближало. Он вдруг почувствовал, что боится этого бесконечного смятения их близости, и отвел взгляд от нее. Но он знал, что в этом переплетении есть пробелы. Его страх усиливался от все новых пробелов. Он чувствовал, что их жизни начинали разделяться, и задумался. «Как я скажу ей о том, что произошло только со мной?»

Он посмотрел через пустыню на длинные тени от барханов за этими возвышенностями, все время растущими, кочующими дюнами, которые движутся, как волны, вокруг Арракиса. Это был Нодем, внутренняя пустыня, и ее дюны в последнее время редко тревожили гигантские черви. Предзакатное солнце отбрасывало через всю пустыню кровавые лучи, придавая огненный оттенок зеленеющим краям. Ястреб, падающий с малинового неба, уловил, что за ним наблюдают с такой же магической скоростью, с какой он ловил скальную куропатку в полете. Сразу внизу, у подножия скалы, находился участок, где были посажены отличавшиеся яркой зеленью растения, которые поливали водой из канала, местами тянущегося по открытому пространству, местами — по закрытым туннелям. Вода подавалась из огромных коллекторов ветровых ловушек, которые находились в самом начале канала на самой высокой точке скалы. Там развевался зеленый флаг Атридесов.

Вода и зелень.

Новые символы Арракиса: вода и зелень.

Оазис засаженных дюн в форме ромба расстилался под высоким выступом скалы, притягивая внимание Лито, который смотрел на него с чисто фрименской проницательностью. Из-за утеса, расположенного ниже выступа, раздался громкий шум ночной птицы, и это еще больше усилило ощущение того, что в этот момент он жил в далеком диком прошлом.

«Nous avons change tout cela», — подумал он, с легкостью переходя на один из древних языков, который они изучали с Ганимой наедине. «Мы почти все изменили». Он вздохнул. «Oublier je ne puis». «Я не могу забыть».

За оазисом он мог видеть в сгущающихся сумерках землю, которую Свободные называли «Пустота», землю, где ничего не растет, землю, которая никогда ничего не рождает. Вода

и грандиозные планы по экологии постоянно меняли все это. Теперь на Арракисе появились места, где можно было увидеть бархатистые зеленые холмы, засаженные лесом. Леса на Арракисе! Некоторые из нового поколения не могут себе представить дюны без этих нежно-зеленых холмов. Роскошь влажной от дождя листвы деревьев не была шокирующей для взора этих юных глаз. Но Лито обнаружил, что сейчас он думал как старый Свободный, с недоверием относившийся к переменам, боящийся всего нового.

Он сказал:

— Дети говорят мне, это теперь у поверхности они стали редко видеть песчаного червя.

— А что, на это указывали? — спросила Ганима. В ее тоне была раздражительность.

— Вещи начинают меняться очень быстро, — сказал он.

Сперва на утесе прокричала птица, и на пустыню опустилась ночь так же стремительно, как ястреб падает на куропатку. Ночь часто подвергала его натискам памяти — все эти жизни и голоса были внутри него, начинали громко о себе заявлять.

Ганима ничуть не возражала против этих явлений, точно также, как и он. Она знала о его переживаниях, и он чувствовал, как ее руки коснулись его плеча в знак солидарности.

Он извлек грозный аккорд из бализета.

Как бы ему рассказать ей все, что происходит с ним?

У него в голове шли непрерывные войны; бесчисленное множество дробило на части их древнюю память: несчастные случаи с неестественной смертью, любовное томление, краски и цвета многих мест и многих лиц... захороненные страдания и радости, бьющиеся через край многих народов.

На открытом воздухе почти невозможно было выдержать этот натиск.

— Может, нам лучше зайти внутрь? — спросила она.

Он отрицательно покачал головой, и она почувствовала движение, понимание, наконец, что его тревоги были намного глубже, совсем не такие, как она думала.

«Почему я так часто встречаю ночь здесь, на этом месте?» — спрашивал он себя. Он не заметил, как Ганима убрала руку.

— Ты знаешь, почему ты так мучаешься? — спросила она.

Он услышал едва уловимый упрек в ее голосе. Да, он знал. Ответ лежал в его осведомленности, очевидно: «Потому что нечто великое известно — неизвестное внутри меня накаты-

вается на меня как волна». Он чувствовал, как его прошлое вздымалось, как будущее его несло будто на волнах в час прибоя. Он обладал воспоминаниями отца, рассеянными во времени, воспоминаниями предвидения, которые распространялись почти на все, однако, его тянуло ко всему этому прошлому. Он хотел его. А оно было так опасно. Он знал теперь абсолютно все благодаря этому новому ощущению, о котором он должен был рассказать Ганиме.

Пустыня постепенно начинала приобретать красноватый отблеск от света восходящей Первой луны. Он пристально смотрел на обманчивую неподвижность песчаных барашков, переходящих в бесконечность. Слева от него, очень близко, был расположен Аттендант, так называлась выступающая из песка скала, которую песчаные ветры сократили настолько, что ее синусоидная форма стала похожа на темного червя, пробивающегося сквозь дюны. Когда-нибудь скала под ним до конца примет подобную форму из-за разрушающего ветра, и съетч Табр больше не будет существовать, кроме как в чьих-нибудь воспоминаниях, таких, как его. Он не сомневался, что где-то должен был быть человек, похожий на него.

— Почему ты уставился на Аттендант? — спросила Ганима.

Он пожал плечами. Вопреки запретам их охранников, они с Ганимой часто ходили к Аттенданту. Там они нашли укромное местечко, о котором кроме них никто не знал, и теперь Лито понял, почему это место так притягивало их.

Внизу, теперь в темноте это казалось ближе, в лунном свете сверкал канал, который в этом месте был открыт, его поверхность покрылась рябью из-за того, что в нем плавала хищная рыба, которую Свободные всегда разводили в собранной воде, чтобы не впускать песчаного червя!

— Я стою между рыбой и червем, — пробормотал он.

— Что?

Он повторил громче.

Она прижала руку ко рту, начиная понимать, в чем тут дело. Таким образом действовал ее отец; ей стоило лишь заглянуть внутрь и сравнить.

Лито содрогнулся. Воспоминания, которые возвращали его к местам, где он физически никогда не был, давали ему ответы на вопросы, которых он не задавал. Он видел взаимоотношения и развертывающиеся события на гигантском внутреннем экране. Песчаный червь Дюны не мог пересечь воду: вода отравит его. Однако вода здесь была

известна еще в доисторические времена. Белые от гипса котловины свидетельствовали, что в прошлом здесь были озера и моря. В глубоких колодцах находили воду, от которой скрывались песчаные черви. Он увидел все так ясно, как будто сам был очевидцем этих событий, что произошло на этой планете.

И это наполнило его предчувствием катастрофических перемен, которые несло вмешательство человека.

Его голос снизился почти до шепота, он сказал:

— Я знаю, что произошло, Ганима.

Она наклонилась ближе к нему.

— Да?

— Песчаная форель...

Он умолк, и она удивилась, почему его продолжала интересовать гаплоидная фаза гигантского песчаного червя с этой планеты, но не осмелилась уколоть его.

— Песчаная форель, — повторил он, — была доставлена сюда из какого-то другого места. На этой планете тогда было сыро и влажно. Она размножалась независимо от состояния экосистемы, чтобы бороться с ней. Песчаная форель забирала в пузырь всю имеющуюся в наличии воду, превратила эту планету в пустыню... и она делала это, чтобы выжить. На этой довольно обезвоженной планете она могла перейти в фазу песчаного червя.

— Песчаная форель? — она встряхнула головой, нисколько не сомневаясь в его словах, но у нее не было желания так углубляться в себя, чтобы узнать, где он получил эту информацию. И она подумала: «Песчаная форель?» Много раз, будучи и в этом теле, и в другом, она играла в детскую игру, — ловила песчаную форель, стараясь проткнуть ее водяной пузырь, и они умирали от недостатка воды. Трудно было подумать, что это безмозглое маленькое существо стало причиной ужасных событий.

Лито кивнул головой самому себе. Свободные всегда знали, что надо выращивать хищную рыбу в цистернах с водой. Гаплоидная песчаная форель интенсивно потребляла огромное количество воды с поверхности планеты; а хищные рыбы плавали по дну каналов под форелью. Песчаный червь, вид, развившийся от форели, обходился малым количеством воды — количеством, которое содержалось, например в клетках человеческого тела. Но столкнувшись с телами, содержащими большее количество воды, их химические реакции в организме замирают, вызывая разрушительное

действие, в процессе которого производится опасный концентрат, конечный продукт, который употребляли в разжиженном виде после химической обработки во время оргий в съетче.

Этот чистый концентрат Пол Муад Диб пронес сквозь стены времени, достигнутые глубины разрушения, на что не осмелился больше ни один представитель мужского пола.

Ганима почувствовала, что ее брат, который сидел перед ней, дрожит.

— Что же ты сделал? — спросила она требовательным тоном.

Но ему не хотелось терять цепь своих откровений.

— Несколько песчаных форелей — экологическая трансформация планеты... Они, конечно, противостоят этому, — сказала она, теперь начиная понимать, что в его голосе слышится страх, который против ее воли стал передаваться ей.

— Когда песчаная форель погибает, то же самое происходит с планетой, — сказал он. — В этом случае надо предупреждать.

— Это значит, что спайса больше нет, — сказала она.

Слова всего лишь касались верхних точек системы опасности, которую они оба видели: она нависла над вторжениями людей в древние взаимоотношения Дюны.

— Это то, о чем знает Алия, — сказал он. — Вот почему она злорадствует.

— Как ты можешь быть в этом уверен?

— Я уверен.

Теперь Ганима точно знала, что тревожило его, и она чувствовала, что это знание приводит ее в уныние.

— Племя не поверит нам, если она будет это отрицать, — сказал он.

Его утверждение затрагивало основную проблему их существования: неужели Свободные ждали какой-то мудрости от девятилетних детей? Алия играла на этом.

— Мы должны убедить Стилгара, — сказала Ганима.

Как по команде, они одновременно повернули головы и уставились на залитую лунным светом пустыню. Теперь это место было совершенно другим, оно изменилось за каких-то несколько мгновений их осведомленности, взаимодействие людей с окружающей средой никогда не представлялось им таким ясным. Они чувствовали себя неотъемлемой частью динамической системы, существующей в строго сбалансированном порядке. Новый взгляд на эти вещи постепенно

менял их сознание, которое формировалось у них в результате наблюдений. Как говорил Льет-Кайнз, Вселенная была местом постоянной беседы между живыми существами, населяющими ее. Гаплоидная песчаная форель говорила с ними, как с человеческими существами.

— Племя должно понять, какая угроза нависла над водой, — сказал Лито.

— Но эта угроза нависла не только над водой. Это... — она замолчала, понимая глубину смысла его слов. Вода была символом основной силы на Арракисе.

По своей сути Свободные оставались специально приспособленными животными, оставшимися в живых обитателями пустыни, главными исследователями в условиях стресса.

И когда воды стало в изобилии, в них произошли странные преобразования, хотя они понимали то, что необходимо в первую очередь.

— Ты имеешь в виду угрозу мощи, — поправила она его.

— Конечно.

— Но неужели они поверят нам?

— Когда они увидят, что происходит, когда они увидят, что нарушен баланс.

— Баланс, — сказала она, и повторила слова отца, которые он произнес очень давно. — Вот это отличает людей от толпы.

Ее слова пробудили в нем отца, и он сказал:

— Экономика против красоты — история, которая более древняя, чем Шеба, — он вздохнул и через плечо посмотрел на нее.

— Я чувствую, что у меня появляется дар предвидения, Гани.

Краткий стон вырвался из ее уст.

Он сказал:

— Когда Стилгар сказал нам, что наша бабушка прибудет позже, я уже знал об этом. Теперь другие видения вызывают подозрение.

— Лито... — она покачала головой, ее глаза увлажнились. — Это когда-то случилось и с нашим отцом. Не думаешь ли ты, что это может быть...

— Я видел себя облаченным в броню, пересекающим дюны, — сказал он. — Я был у Джакуруту.

— Джаку... — она прокашлялась.

— Это допотопная легенда!

— Это реальное место, Гани! Я должен найти человека,

которого называют Проповедником. Я должен найти и расспросить его.

— Ты думаешь, он... наш отец?

— Спроси об этом себя.

— Похоже, что это в самом деле он, — согласилась она, — но...

— Мне совсем не по душе то, что я знаю, что я сделаю, — сказал он. — Первый раз в жизни я понимаю своего отца.

Она почувствовала, что совершенно не занимает его мысли, и сказала:

— Проповедник, скорее всего, все-таки старый миф, мистика.

— Я молю, чтобы это так и было, — прошептал он. — О, как я хочу, чтобы это было так!

Он рванулся вперед, вскочил на ноги. Бализет загудел в его руке, когда он дернулся. «Было бы там, чтобы он был Габриэлем без рога!» Он молча уставился на залитую лунным светом пустыню.

Она повернулась, чтобы посмотреть в ту сторону, куда смотрел он, и увидела сначала фосфоресцирующий свет гниющих растений на краю насаждений съетча, затем незаметный переход этих красок в линии дюн. Там было оживленное место. Даже когда пустыня спала, что-то в ней оставалось бодрствующим. Она чувствовала это бодрствование, она слышала, как внизу животные пили воду из канала. Откровения, которые ступили на Лито, преобразовали ночь: это был момент жизни, время, когда раскрывается порядок внутри непрекращающегося изменения мгновений, когда ощущается это долгое движение из их земного прошлого, все это собралось в ее воспоминаниях.

— Почему Джакуруту? — спросила она, и спокойствие ее тона нарушило его задумчивость.

— Почему... Я не знаю. Когда Стилгар в первый раз рассказал нам, как они там убивали людей и ставили табу на это место, я подумал... о том, о чем ты подумала. Но опасность исходит теперь оттуда... Проповедник.

Она ничего не отвечала, ни требовала от него, чтобы он поделился с ней своими мыслями, и она знала, как много это говорило ему о ее страхе. Этот путь вел к Мерзости и они оба это знали. Невысказанные слова повисли в воздухе между ними, когда он повернулся и пошел через скалы ко входу в съетч.

Мерзость.

Вселенная принадлежит Богу. Это одна вещь, т.е. целостность, на фоне которой можно распознать все отдельные вещи. Скоротечная жизнь, даже та сознательная и рассудительная жизнь, которую мы называем чувствующей, содержит только приходящее попечительство на какую-либо часть этой целостности.

Комментарии из К. В. П.
(Комиссия Вселенских Переводчиков)

Хэллек пользовался сигналами рукой, чтобы передать актуальное послание в то время, когда он вслух говорил о других вещах. Ему не нравилась маленькая приемная, которую священники выбрали для этого доклада, зная, что она могла быть напичкана шпионскими устройствами. Пусть бы даже они потребовали прервать самый едва заметный сигнал, сделанный рукой. Атридесы пользовались этими способами на протяжении столетий, если поблизости не было более мудрых.

Снаружи наступила ночь, но в комнате не было окон, освещение ее зависело от светящихся шаров, развешанных вверху по углам.

— Многие из тех, кого мы взяли, были людьми Алии, — подал сигнал Хэллек, наблюдая за лицом Джессики, когда говорил вслух — сообщил ей, что допрос все еще продолжается.

— Все было так, как вы этого хотели, — ответила Джессика, сигнализируя пальцами. Она кивнула головой и дала открытый ответ:

— Я жду полного доклада, когда вы насладитесь, Гурни.

— Конечно, Моя Госпожа, — сказал он, и его пальцы продолжали:

«Есть еще и другое, что очень тревожит. После большой дозы наркотика, некоторые из наших пленных говорили о Джакуруту, и, когда они назвали это имя, они сразу умерли».

«Вынужденная остановка сердца? — спрашивали пальцы Джессики. — Ты освободил кого-нибудь из пленных?»

«Нескольких, моя госпожа, тех, которые как отбракованный скот». Его пальцы быстро задвигались: «Мы подозревали, что это вынужденная остановка сердца, но сейчас в этом уверены. Вскрытие трупов еще не завершено. Я думаю, что ты знаешь об этом предмете под названием Джакуруту, и поэтому немедленно пришел».

«Мой Герцог и я всегда думали, что Джакуруту — это интересная легенда, основанная, возможно, на факте», —

говорили пальцы Джессики, и она нисколько не выразила страдания, когда говорила о давно умершем возлюбленном.

— Будут ли какие-нибудь указания? — спросил Хэллек, говоря вслух.

Джессика точно также ответила, сказав ему вернуться на посадочное поле и доложить, когда у него будет точная информация, но ее пальцы говорили совершенно о другом: «Возобнови контроль со своими друзьями среди контрабандистов. Если существует Джакуруту, они проявят себя продажей спайса. Кроме как у контрабандистов они не могут достать его».

Хэллек слегка наклонил голову, в то время как его пальцы говорили: «По ходу дела я все это уже решил, моя госпожа». И исходя из своего жизненного опыта, он добавил: «Будь внимательна и осторожна здесь. Алия — твой враг, и большинство из духовенства на ее стороне».

«Но не Джавид, — ответили пальцы Джессики. — Он ненавидит Атридесов. Не каждый это распознает, но знаток сразу мог бы это раскрыть, я довольна им. Он замышляет заговор, а Алия не знает об этом».

— Я назначил дополнительную охрану к вашей персоне, — сказал Хэллек, говоря вслух, не обращая внимания на недовольство, которое выражали глаза Джессики. «Есть опасность, я уверен. Ты здесь проведешь ночь?»

«Мы позже отправимся с съетч Табр», — сказала она и подумала, стоило ли ему говорить, чтобы он не присылал дополнительной охраны, но она промолчала. Предчувствиям Гурни стоило доверять. Большинство Атридесов знало об этом, одинаково к его удовольствию и горечи. «У меня еще одна встреча — с Магистром Послушничества, на данный момент, — сказала она. — Это последнее, и я с удовольствием покидаю это место».

Я созерцал другого зверя, выходящего из песка; и у него было два рога, как у барана, но из его клыкастой пасти вырывалось пламя, как у дракона, и его тело содрогалось и было огненным от великой жары, и он шипел как змея.

Исправленная Оранжевая Католическая Библия

Он называл себя Проповедником, и многих на Арракисе охватывал жуткий страх, что он, может быть, и есть Муад Диб, вернувшийся из пустыни, и что он вовсе не

умирал. Муад Диб, возможно, жив; разве кто-нибудь видел его тело? Во всяком случае, вообще кто-нибудь видел, что пустыня поглотила какое-либо тело? Но все же — Муад Диб? Даже могло быть какое-то сходство, но никто, кто жил в то время, не пришел и не сказал: «Да, я видел, это был Муад Диб. Я знаю его».

Однако... Как и Муад Диб, Проповедник был слепой, его глазные впадины были черными, и по шрамам можно было определить, что он когда-то получил сильный ожог. Его голос был настолько сильным, что, казалось, проходил внутрь и требовал ответа из глубины души. Многие замечали это. Он был худой, этот Проповедник, его обтянутое кожей лицо было покрыто шрамами, волосы были седыми. Но пустыня делала такое со многими людьми. Вам стоит только посмотреть вокруг и увидеть доказательства этому. Был еще другой факт для споров: Проповедника всегда водил молодой Свободный, который, когда его спрашивали, отвечал, что он работает по найму. Спорным был вопрос, что Муад Диб, зная будущее, не нуждался до конца своих дней в сопровождающих, когда горе полностью овладело им. А потом ему понадобился поводырь, все это знали.

Проповедник появился на улицах Арракиса однажды зимним утром, держа смуглую, в набухших венах руку на плече молодого поводыря. Парень, который представился как Ассам Тарик, двигался сквозь пахнущую камнем пыль утренней толчеи, ведя своего подопечного с отработанной ловкостью рожденного кроликом, ни на миг не теряя контакта с ним.

Все обратили внимание, что слепой носил традиционную бурку, надетую поверх стилсьюта, на котором была метка, означающая, что этот костюм был сделан в пещерах съетча в самой глуши пустыни. Его одежда вовсе не имела неопрятный вид. Трубка для носа, которая собирала влагу во время выдоха, чтобы потом переправить ее под нижние слои бурки, была замотана шнуром, и это был совершенно черный шнурок, который редко встречался. Защитная маска стилсьюта, закрывавшая нижнюю половину лица, имела зеленые пятна, вытравленные песчаным ветром. Одним словом, этот Проповедник был фигурой из прошлого Дюны.

Многие люди, толпившиеся тем зимним утром на улицах, видели, как он шел. В конце концов, этот слепой Свободный оставался просто реликвией. По Закону Свободных слепого отправляли к Шаи-Хулуду. Слово Закона, хотя оно в это

современное, смягченное водой время мало почиталось, оставалось неизменным с первых дней его существования. Слепые были подарком Шаи-Хулуду.

Их оставляли в открытой пустыне для того, чтобы их сожрали огромные черви. Когда все было закончено, появлялись рассказы, которые распространялись по городам, — это всегда делали в тех местах, где все еще правили самые большие черви, их называли Стариками Пустыни. Вот почему слепой Свободный вызывал любопытство, и люди останавливались, чтобы поглазеть на эту страшную пару.

Мальчик выглядел лет на 14, один из новеньких, который носил современный костюм; его лицо было открыто иссушающему воздуху. У него были утонченные черты лица, голубые, включая белки, от спайса глаза, небольшой нос, и тот безобидный взгляд невинности, который так часто скрывает циничные знания в молодости. Как противоположность, слепой был напоминанием времен, почти позабытых, — он делал большие шаги, и его выносливость говорила о том, что многие годы он провел в песках, сквозь которые шел на своих ногах или верхом на плененном черве. Он гордо и неподвижно держал голову, что было характерно для многих слепых. Он слегка поворачивал голову только в тех случаях, когда настораживал ухо, услышав какой-нибудь необычный звук.

Эта страшная пара шла целый день, минуя толпы любопытных, и, наконец, добралась до ступеней, которые вели к эскарпу, где находился Дворец Алии, что-то типа пристройки к Крепости Пола.

Проповедник и его юный проводник поднялись по ступеням до третьей террасы, где пилигримы Хаджжа ждали, когда утро откроет над ними гигантские двери. Это были двери довольно большие, в них спокойно мог поместиться целый собор, принадлежащий какой-либо древней религии. Надо сказать, что когда пилигримы проходили через пик, их душа значительно уменьшалась, до такой степени, что свободно могла бы пройти сквозь игольное ушко и взойти на небеса.

На краю пятой террасы Проповедник повернулся, и, казалось, что он огляделся вокруг, видя своими пустыми глазами щегольских жителей города, некоторые из них были крестьянами, одетыми в нечто, напоминающее стилсьюты, но это было только декоративной бутафорией; видя жаждущих пилигримов, которые только что покинули воздушный транспорт и ждали этого первого шага к посвящению, что будто бы гарантировало им место в раю.

Терраса была шумным местом: там были вероисповедующие Духа Махди в зеленых одеяниях, они носили живых ястребов, которых научили выкрикивать «взывание к небесам». Пищу продавали горластые продавцы. Для продажи предлагали много всяких вещей; голоса как будто хотели перекричать друг друга: там был Тарот Дюны со своими буклетами комментариев, отпечатанных на шигавире. У одного продавца были экзотические кусочки одежды «с гарантией того, что до них дотрагивался сам Муад Диб!» У другого были бутылочки с водой, «заверенные, что они из съетча Табр, где жил Муад Диб». Отовсюду слышались разговоры более чем на ста диалектах Галаха, чередующиеся родные гортанные звуки и писклявые звуки языков с дальних планет, которые были собраны под крышей священной Империи. Шуты и карлики в ярких одеждах с ремесленных планет Тлейлаксу сновали туда-сюда в толпе. Можно было увидеть худые и толстые лица; лица, одутловатые от воды. Неровный шум шагов исходил от покрытия из пластали, которым были накрыты широкие ступеньки. И время от времени из этой какофонии звуков слышался причитающий голос, произносивший молитву:

— Муа-а-а-ад Диб! Муа-а-а-ад Диб! Прими мольбу моей души! Ты, помазанник Божий, прими мою душу! Муа-а-а-ад Диб!

Неподалеку от паломников два шута играли несколькими монетами, цитируя строки известных «Дебатов Армистида и Лиандраха».

Проповедник насторожился, пытался расслышать.

Игроки были среднего возраста, горожане, со скучными голосами. Молодой провожатый немедленно описал их Проповеднику. Они были одеты в просторную одежду, нисколько не напоминающую стилсьюты. Ассану Тарику показалось это смешным, но Проповедник сделал ему замечание.

«Актер», который играл роль Лиандраха, уже заканчивал свою речь.

— Да! Вселенную можно охватить только чувствующей рукой. Рука — это то, что приводит в движение твои бесценные мозги, а они, в свою очередь, приводят в движение все, что зависит от мозгов. Вот видишь, что ты создал, ты стал чувствующим, итак, рука сделала свое дело!

Разрозненные аплодисменты приветствовали его выступление.

Проповедник вдохнул воздух, и его ноздри почуяли

богатые запахи этого места: эфирные запахи, которые исходили от стилсьютов; разнообразные мускусные запахи; обычная каменная пыль; запахи экзотической пищи и ароматы редкого фимиама, который уже был зажжен в Храме Алии и теперь стелился вниз по ступенькам какими-то сознательно направленными потоками. Мысли Проповедника можно было прочитать на его лице, когда он поглощал все, что происходило вокруг.

Вдруг внизу через толпу прошло волнение. Танцоры на песке появились у основания лестницы, примерно полсотни из них были привязаны друг к другу веревками из лиан элаккового дерева. Таким образом, они, видимо, танцевали целыми днями, пытаясь найти состояние экстаза. Когда они дергались и топали ногами под свою музыку, у них на губах появлялась пена. Треть из них бессознательно повисла на веревках, другие потянули их назад, то толкали вперед, как марионеток на проволоке. Одна из таких кукол пришла в себя, и толпа уже знала, чего ожидать.

— Я ви-и-и-дел! — завизжал только что пришедший в себя. — Я ви-и-и-дел! — он сопротивлялся толчкам других танцующих, направляя свой взгляд то вправо, то влево. — Здесь, где находится этот город, будет только песок! Я ви-и-дел!

Раскатистый смех поднимался со стороны зрителей. Даже новые паломники присоединились к ним.

Этого уже было слишком много для Проповедника. Он поднял вверх обе руки и взревел таким голосом, каким, несомненно, давал команды червям при верховой езде:

— Тишина!

Вся толпа, которая была здесь, на этом месте, мгновенно замерла, заслышав его воинственный крик.

Проповедник тощей рукой указал на танцоров, и иллюзия того, что он в самом деле видел их, была просто жуткой.

— Вы разве не слышали этого человека? Богохульники и идолопоклонники! Все, вы! Религия Муад Диба — это не Муад Диб. Он отвергает это, отвергает так же, как и вас! Песок покроет это место! Песок покроет вас.

Говоря это, он уронил руки, положил одну из них на плечо молодого провожатого и скомандовал:

— Уведи меня из этого места.

Возможно, эти слова были выбраны Проповедником не случайно: «Он отвергает это, отвергает так же, как и вас!»

Возможно, это был голос Муад Диба, ведь в нем было нечто большее, чем просто человеческое, его голос был

натренирован, вероятно, Бене Джессерит, когда малейшие нюансы интонации уже могли означать команду.

Возможно, сказался мистицизм самой местности, где Муад Диб жил, ходил и правил. Кто-то с террасы закричал вслед уходящему Проповеднику голосом, который дрожал от рефлекторного страха:

— Неужели сам Муад Диб вернулся к нам?

Проповедник остановился, запустил руку в мешок, который висел у него под плащом и достал оттуда предмет, который узнали те, кто стоял поближе. Это была засушенная мумифицированная рука, одна из общепринятых шуток над смертным человечеством, эти руки иногда торчали из песка и считались знаками, которые подавал Шаи-Хулуд. Рука так иссохла, что теперь представляла собой крепко сжатый кулак с белыми костяшками, которые хорошо отшлифовал пустынный ветер.

— Я принес руку Бога, и это все, что я принес! — крикнул Проповедник. — Я говорю от руки Бога. Я — Проповедник.

Некоторые подумали, будто он имеет в виду, что это рука Муад Диба, но другие остолбенели от его внушительного вида и ужасного голоса — вот таким образом Арракис узнал его имя. Но они не в последний раз слышали его голос.

Обычно говорят, дорогой Георад, что в меланже присутствует великая природная сила. Возможно, это правда. Хотя у меня в глубине души имеются сомнения, что каждый раз употребление меланжа имеет воздействие. Мне кажется, что некоторые люди неправильно используют меланж, вопреки наставлениям Бога. Говоря словами экуменистов, они испортили свою душу. Они снимают сливки с поверхности меланжа и верят, что таким образом добиваются божьей милости. Они осмеивают своих товарищей, наносят великий вред благочестию, и они умышленно искажают значение этого богатого дара. Несомненно это искажение выше их сил, они не могут себя реабилитировать. Чтобы искренне быть в согласии с силой спайса, неподкупный во всех отношениях, честный и благородный человек должен позволить согласиться с его делами и словами. Если твои действия выявляют систему ужасных результатов, то о тебе будут судить по этим результатам, а не по твоим объяснениям. Вот таким образом мы и должны судить о Муад Дибе.

Ересь Гоеданта.

Это была маленькая комната, наполненная запахом озона и погруженная в полумрак от тускло светящихся шаров и металлически-голубого света, исходящего от единственного экрана монитора. Экран был примерно метр в ширину и где-то 2/3 метра в высоту. На нем просматривалась голая, покрытая скалами долина с двумя Лазанскими тиграми, которые доедали окровавленные останки только что убитых. На склоне холма над тиграми можно было увидеть худого мужчину в Сардукарской рабочей форме со знаком Левенбрега на вороте. На груди у него висела контрольная клавиатура управления.

Один стул был повернут к экрану, на нем сидела белокурая женщина неопределенного возраста. Лицо ее имело форму сердца, а тонкие руки крепко обхватили подлокотники, пока она смотрела на экран. Просторная белая одежда, отделанная золотом, скрывала ее фигуру. На расстоянии примерно одного шага справа от нее сидел крупный мужчина, одетый в бронзово-золотую форму старого Имперского сардукара Башара Аиде. Его седеющие волосы, аккуратно подстриженные и причесанные, еще больше подчеркивали его грубые, неподвижные черты лица.

Женщина кашлянула и сказала:

— Все прошло, как ты предсказывал, Тайканик?

— Конечно, принцесса, — сказал Башар Аиде грубым голосом.

Она улыбнулась, потому что в его голосе было напряжение, и спросила:

— Скажи мне, Тайканик, как мой сын отнесется к созвучию Император Фарад'н I?

— Титул подходит ему, принцесса.

— Я совсем не об этом хотела спросить.

— Он может не одобрить некоторые вещи, которые делаются для того, чтобы он завоевал этот, как его, титул.

— Тогда снова... — она повернулась и сквозь мрак всмотрелась в него. — Ты хорошо служил моему отцу. Ты не виноват в том, что Атридесы отобрали у него трон. Но наверняка ты должен остро чувствовать боль этой потери, как и любой сардукар.

— У принцессы Вэнсики есть для меня какое-то специальное задание? — спросил Тайканик. Голос его оставался грубым, но теперь в нем еще появилась резкость.

— У тебя плохая привычка перебивать меня, — сказала она.

Теперь он улыбнулся, обнажая крепкие зубы, которые сверкали от света, падающего с экрана.

— Временами вы напоминаете мне вашего отца, — сказал он. — Всегда эти иносказания перед тем, как дать какое-нибудь деликатное задание.

Она отвела от него взгляд, чтобы скрыть свой гнев, и спросила:

— Ты действительно думаешь, что Лазанские тигры помогут моему сыну взойти на трон?

— Это вполне возможно, принцесса. Вы должны допустить, что незаконно рожденные от Пола Атридеса — не более чем лакомые кусочки для тех двоих. А эти близнецы... — он пожал плечами.

— Внук Шаддама IV становится логически законным наследником, — сказала она. — Это так, если мы сможем устранить возражения Свободных, Ландсраада и КХОАМ, а не указания некоторых Атридесов, которые могли...

— Джавид уверяет меня, что его люди очень легко смогут наблюдать за Алией. Я считаю леди Джессику представительницей Атридесов. Кто еще остается?

— Ландсраад и КХОАМ последуют туда, где их ждет выгода, — сказала она. — А как быть со Свободными?

— Мы погрузим их в религию их же Муад Диба!

— Легче сказать, чем сделать, мой дорогой Тайканик.

— Да, — сказал он. — Мы снова возвращаемся к этому старому аргументу.

— Дом Коррино делал более худшие вещи, чтобы захватить власть, — произнесла она.

— Но чтобы объять эту... эту религию Муад Диба!

— Мой сын уважает тебя, — сказала она.

— Принцесса, я с нетерпением жду, когда Дом Коррино вернется на свое законное место власти. Этого хочет каждый оставшийся сардукар. Но если вы...

— Тайканик! Эта планета называется Салуза Вторая. Не надо идти по пути ленивых, что очень распространено в Империи. Полное имя, полный титул — внимание к каждой детали. Эти атрибуты пошлют кровь Атридесов в пески Арракиса. Любая мелочь, Тайканик!

Он знал, что она делала с помощью этого нападения. Это было частью хитрого обмана, которому она научилась у своей сестры, Ирулэн. Но он почувствовал, как постепенно теряет свои позиции.

— Ты слышишь меня, Тайканик?

— Я слышу, принцесса.

— Я хочу, чтобы ты постиг эту религию Муад Диба, — сказала она.

— Принцесса, ради вас я бы пошел в огонь, но это...

— Это приказ, Тайканик!

Он принял это и уставился на экран. Лазанские тигры закончили есть и теперь лежали на песке, заканчивая свой туалет, их длинные языки двигались вдоль их передних лап.

— Приказ, Тайканик — ты понимаешь меня?

— Слушаю и повинуюсь, принцесса.

Тон его голоса нисколько не изменился.

Она вздохнула. «О-ох, если бы только был жив мой отец...»

— Да, принцесса.

— Не смейся надо мной, Тайканик. Я знаю, как это недостойно тебя. Но если ты подашь пример...

— Он не сможет последовать ему, принцесса.

— Он последует, — она указала на экран. — Сдается мне, что Левенбрег там может представить собой проблему.

— Проблему? Как это?

— Сколько людей знает об этих тиграх?

— Левенбрег, он дрессирует их, один транспортный пилот, вы, и, конечно... — он стукнул себя в грудь.

— А что покупатели?

— Они ничего не знают. Чего вы боитесь, принцесса?

— Мой сын, ну, он очень чувствительный!

— Сардукары не раскрывают своих секретов, — сказал он.

— А также и мертвые, — она подалась вперед и нажала на красную кнопку под освещенным экраном.

В тот же миг Лазанские тигры подняли головы. Они вскочили на ноги и посмотрели на вершину холма, на Левенбрега. Одновременно они повернулись и начали быстро карабкаться вверх по склону холма.

Поначалу выглядя совершенно спокойно, Левенбрег нажал кнопку на своем пульте управления. Его движения были уверенны, но по мере того, как кошки продолжали подбираться к нему, он все сильнее и яростнее нажимал на кнопку. И вдруг осознание происходящего сковало черты его лица, и он рукой потянулся к ножу, который висел у него на поясе. Но он спохватился слишком поздно. Сильная лапа с растопыренными когтями ударила его в грудь и сбила с ног. Когда он упал, другой тигр зубами схватил его за шею и встряхнул. Его позвонки хрустнули.

— Не упускай малейших деталей, — сказала принцесса. Она повернулась, резко выпрямилась, когда Тайканик достал свой нож. Но он показал ей лезвие ножа, держа его в руке перед собой.

— Наверное, ты предпочла бы воспользоваться моим ножом, чтобы обратить внимание на другую деталь, — сказал он.

— Верни его назад, в ножны, и хватит дурачиться! — воскликнула она в гневе. — Когда-нибудь ты, Тайканик, ухитришься меня...

— Это был хороший человек, принцесса. Один из моих лучших людей.

— Один из моих лучших людей, — поправила она его.

Он глубоко, взволнованно вздохнул и убрал в ножны нож.

— А как быть с транспортным пилотом?

— Это можно представить как несчастный случай, — сказала она. — Ты предупредишь его, чтобы он был очень осторожен, когда этих тигров повезет к ним. И конечно, когда он доставит на транспорте наших любимцев людям Джавида — она взглянула на нож.

— Это приказ, принцесса?

— Да.

— Тогда, может быть, мне упасть на мой нож, или ты позаботишься об этой... э-э-э, подробности?

Она заговорила притворно спокойным, твердым голосом:

— Тайканик, если бы я не была абсолютно уверена, что ты не упадешь на свой нож по моей команде, ты не стоял бы сейчас здесь, рядом со мной, вооруженный.

Он молча выслушал ее и уставился на экран. Тигры все еще ели.

Она отказалась смотреть на экран, она не отвела глаз от Тайканика и сказала:

— Ты также скажешь нашим покупателям, чтобы они больше не привозили нам подобранные пары детей, такие, которые подходят необходимым требованиям.

— Как прикажешь, принцесса.

— Не говори со мной таким тоном, Тайканик.

— Да, принцесса.

Ее губы вытянулись в тонкую линию. Потом она добавила:

— Сколько пар костюмов у нас еще осталось?

— Шесть пар, а также стилсьюты и обувь для песка, все это помечено знаками Атридесов, которые вытканы на ткани.

— Ткань такая же богатая, как и на той паре? — она кивнула в сторону экрана.

— Вполне соответствующая королевской, принцесса.

— Внимание к детям, — сказала она. — Одежду следует отправить на Арракис в качестве подарков для королевских

близнецов. Это будет подарком от моего сына, ты понимаешь меня, Тайканик?

— Вполне, принцесса.

— Пусть напишет что-то вроде сопроводительного письма. В нем должно говориться, что он посылает эту пустяковую одежду в знак своей преданности Дому Атридесов. Что-то в этом духе.

— А по какому случаю?

— Ну, хотя бы по поводу дня рождения, праздника или еще чего-нибудь, Тайканик. Это я предоставляю тебе. Я доверяю тебе, мой друг.

Он молча посмотрел на нее.

Ее лицо ожесточилось.

— Ты наверняка должен знать это? Кому еще я могу довериться с тех пор, как умер мой муж?

Он пожал плечами и подумал, что с ней очень опасно быть в тесных отношениях, особенно после того, как он только что убедился на примере Левенбрега, что может произойти.

— И еще, Тайканик, — сказала она, — еще одна деталь.

— Да, принцесса.

— Моего сына учат управлять. Наступит время, когда он будет готов взять власть в свои руки. Ты узнаешь, когда наступит этот момент. Я хочу, чтобы меня немедленно об этом поставили в известность.

— Как прикажешь, принцесса.

Она откинулась назад и понимающе посмотрела на Тайканика.

— Ты не одобряешь меня, я знаю это. Но для меня не имеет значения, сколько времени ты будешь помнить этот урок с Левенбрегом.

— Он хорошо обращался с животными, но вполне заменимый слуга, да, принцесса.

— Я совсем не это имела в виду!

— Разве? Тогда... я не понимаю.

— Армия, — сказала она, — формируется, по возможности, из полностью заменимых частей. Вот это и есть урок Левенбрега.

— Заменимые части, — сказал он. — Включая высшее командование?

— Без высшего командования. В армии для этого редко возникает причина, Тайканик. Вот почему ты немедленно овладеешь религией Махди, и в то же время начнешь обращать в нее моего сына.

— Я готов, принцесса. Я полагаю вы не хотите, чтобы я

ограничил его образование по другим военным искусствам ради этой, э-э-э... религии?

Она вскочила со стула, обошла его кругом, остановилась у двери, сказала, не оборачиваясь:

— Когда-нибудь, Тайканик, ты выведешь меня из терпения, — с этими словами она вышла.

Или мы отказываемся от почитаемой долгое время теории относительности, или мы перестаем верить, что можем вовлечь себя в непрерывное точное предсказание будущего. В самом деле, зная, что будущее поднимает множество вопросов, на которые невозможно ответить, придерживаясь традиционного подхода, если, во-первых, не отделять Наблюдателя от Времени и, во-вторых, не сводить к нулю развитие. Если вы принимаете теорию относительности, то может быть видно, что Время и Наблюдатель должны находиться в тесной связи, иначе вкрадутся ошибки. Казалось бы, можно сказать, что невозможно вовлечься в точное предсказание будущего. Тогда как мы объясним продолжающиеся поиски этой призрачной цели уважаемыми учеными? Тогда как объясним Муад Диба?

«Лекция по Предвидению» из Харк ал-Ада.

— Я должна тебе кое-что рассказать, — сказала Джессика, — хотя даже я знаю, что этот мой рассказ напомнит тебе о многих случаях из нашего общего прошлого, и что это подвергнет тебя опасности.

Она замолчала, чтобы посмотреть, как Ганима воспринимает это.

Они сидели одни, вдвоем, расположившись на низких диванных подушках в палате съетча Табр. Понадобилось значительное умение для проведения этой встречи, и Джессика была совсем не уверена, что не она одна прикладывала усилия для подобной встречи. Казалось, Ганима предвидела и продумывала каждый шаг.

Было почти два часа пополудни, и волнения, связанные с узнаваниями, были уже позади. Джессика заставила себя сконцентрировать внимание на этой комнате со стенами из скал, с ее темными занавесями и желтыми подушками. Чтобы преодолеть накопившееся напряжение, она мысленно перенеслась, в первый раз за многие годы, во времена, напоминавшие ей о Литании против Страха из ритуала Бене Джессерит.

«Я не должна бояться. Страх убивает разум. Страх — это маленькая смерть, которая несет полное забвение. Я буду смотреть в лицо моему страху. Я позволю ему овладеть мною и пронзить меня насквозь. И когда он уйдет, я внутренним зрением прослежу его путь. Там, куда уйдет страх, не будет ничего. Только я останусь».

Она проделала это молча и глубоко, спокойно вздохнула.

— Иногда это помогает, — сказала Ганима. — Я имею в виду Литанию.

Джессика закрыла глаза, чтобы скрыть потрясение от этой способности проникновения в чужие мысли. Прошло много времени с тех пор, как кто-нибудь был способен прочитать ее сокровенные мысли. Осознание этого всегда приводило в замешательство, особенно, когда эта способность подкреплялась интеллектом, который скрывался под маской детства.

Посмотрев в лицо своему страху, Джессика открыла глаза и уже знала источник беспорядка: «Я боюсь моих внуков». Ни один из этих детей не показал позор Мерзости, который Алия выставляла напоказ, хотя Лито выдавал каждый признак какого-то ужасающего переживания. Вот по какой причине он очень искусно отстранен от этой встречи.

В порыве гнева Джессика отбросила в сторону свои привычные застарелые эмоциональные маски, зная, что здесь от них не будет никакой пользы, они всего лишь препятствие в общении. С тех пор, когда у нее была любовь с Герцогом, она не убирала препятствия, и она обнаружила, что это ей принесло одновременно облегчение и боль. Остались факты, которые ни проклятья, ни молитвы, ни Литания не могли бы убрать из этой жизни. От этих фактов нельзя было убежать. Их нельзя было проигнорировать. Элементы видений Пола были восстановлены и были подхвачены его детьми. Они были магнитом в пустоте: жестокость и все самые серьезные злоупотребления властью притягивались к ним.

Ганима, наблюдавшая за сменой эмоций на лице своей бабушки, была очень удивлена, что Джессика потеряла над собой контроль.

Абсолютно синхронно, как бы улавливая движения друг друга, обе повернулись, глаза их встретились, и они уставились друг на друга, проникая глубоко друг в друга. Они обменялись между собой мыслями, не произнося слов.

Джессика: «Я хочу, чтобы ты видела мой страх».

Ганима: «Теперь я знаю, что ты любишь меня».

Это был скоропроходящий момент их внутреннего доверия.

Джессика сказала:

— Когда твой отец был еще мальчиком, я доставила на Келадан Преподобную Мать, чтобы протестировать его.

Ганима кивнула. Память об этом была слишком яркой: «Мы, последователи Бене Джессерит, были очень осторожны, чтобы увериться в том, что дети, которых мы воспитывали, были людьми, а не животными. Никто никогда не мог определить это по внешнему виду».

— Это тот метод, с помощью которого вас обучали, — сказала Ганима, и память устремилась в ее разум: это старая Бене Джессерит, Гаиус Хэлен Моахим. Она прибыла в замок Келадана со своим ядовитым Гом Джаббаром. И ящичком жгучей боли. Рука Пола (собственная рука Ганимы в разделенной памяти) была в агонии от этого ящичка, в то время как старуха спокойно говорила о мгновенной смерти, если он вытащит руку из ящика с болью. И не было сомнений в том, что смерть подкрадывалась к горлу ребенка, а старческий голос монотонно бубнил свое разумное объяснение:

— Ты слышал о животных, которые перегрызают себе ногу, чтобы выбраться из капкана. Это свойственно животным. Человек же останется в капкане, будет терпеть боль, ощущая смерть, потому что он может убить того, кто ставил капкан, и подвергнуть его наказанию.

Ганима затрясла головой при воспоминании о боли. Жжение! Жжение! Полу казалось, что от его кожи, из подверженной боли руки идет черный дым внутри ящика, мясо скручивается и отваливается, и остаются только одни обгоревшие кости. Но это был обман — рука была невредима. Хотя на лбу Ганимы выступил пот при этом воспоминании.

— Разумеется, ты помнишь это так, как я не могу, — сказала Джессика.

На мгновение воспоминания отступили, и Ганима увидела свою бабушку в другом свете: что могла бы сделать эта женщина при выполнении всех необходимых условностей, навязанных орденом Бене Джессерит. От этого у нее возникали новые вопросы относительно возвращения Джессики на Арракис.

— Было бы глупо проводить этот тест с тобой или с твоим братом, — сказала Джессика. — Ты уже знаешь, как все это происходило. Я должна признать, что вы люди, что вы не будете злоупотреблять наследованной вами властью.

— Но ты не делай такого заключения, — сказала Ганима.

Джессика закрыла глаза, осознав, что препятствия снова возвращаются на свои места. Она еще раз решила их убрать, спросив:

— Ты веришь, что я люблю тебя?

— Да! — Ганима подняла руку, когда Джессика пыталась договорить. — Но эта любовь не остановит тебя от уничтожения нас. О, я знаю причину. Лучше пусть полуживотное-получеловек умрет, чем переделает себя.

И это правда, когда это полуживотное носит имя Атридесов.

— Но вы — люди! — выпалила Джессика.— Я доверяю моей интуиции.

Ганима поняла, что это правда, она сказала:

— Но ты не уверена в Лито!

— Нет.

— Мерзость?

Джессика могла только кивнуть. Ганима сказала:

— Нет, пока. Мы оба знаем, какую опасность это представляет. Мы можем видеть, что произошло с Алией от этого.

Джессика прикрыла глаза руками, подумала: «Даже любовь не может защитить нас от нежелаемых фактов». И она знала, что еще любит свою дочь, молча крича от безвыходности: «Алия! О, Алия. Я виновата со своей стороны в твоей гибели».

Ганима молча проглотила горе.

Джессика опустила руки, подумала: «Я не могу бесконечно оплакивать свою бедную дочь, но есть сейчас и другие вещи, с которыми необходимо разобраться в первую очередь». Она сказала:

— Итак, вы поняли, что случилось с Алией.

— Лито и я наблюдали, как все происходило. Но мы были не в состоянии предотвратить это, хотя мы обсуждали много возможных способов.

— Ты уверена, что твой брат свободен от этого проклятия?

— Да, уверена.

Спокойную самоуверенность этого утверждения нельзя было отрицать. Джессика поверила этому. Затем:

— Как вам этого удалось избежать?

Ганима объяснила ей теорию, с помощью которой они с Лито определили, как можно избежать транса от употребления спайса, в то время как Алия всегда входила в транс. Она продолжала угадывать его видения и планы, которые они обсуждали — и даже Джакуруту.

Джессика кивнула. Алия — из рода Атридесов, однако и это создает большие проблемы.

Ганима умолкла, так как вдруг поняла, что Джессика все еще горюет по своему Герцогу, как будто он умер только вчера, и память хранит в душе его имя и память о нем вопреки всем угрозам. Воспоминания о жизни Герцога пронеслись в сознании Ганимы, чтобы дать этому свою оценку, чтобы понять это.

— А теперь, — сказала Джессика, ее голос оживился, — что ты скажешь об этом Проповеднике? Я выслушала несколько тревожных сообщений вчера после этого ужасного Очищения.

Ганима пожала плечами:

— Может быть, он...

— Пол?

— Да, но мы еще не видели его, чтобы хорошенько изучить.

— Джавид смеется над этими слухами, — сказала Джессика.

Ганима задумалась. Потом спросила:

— Ты доверяешь этому Джавиду?

Угрюмая улыбка коснулась губ Джессики.

— Не больше, чем ты.

— Лито говорит, что Джавид смеется над дурными вещами, — сказала Ганима.

— Так много всего для смеха Джавида, — сказала Джессика. — Но ты на самом деле допускаешь возможность, что мой сын все еще жив, что он вернулся в этом обличье?

— Мы думаем, что это возможно. И Лито... — Ганима вдруг почувствовала сухость во рту, вспомнила, как страх сковал ее грудь. Она заставила себя преодолеть его, пересчитав другие открытия Лито в его пророческих видениях.

Джессика поворачивала голову из стороны в сторону, как будто она болела.

Ганима сказала:

— Лито говорит, что он должен найти этого Проповедника, чтобы убедиться.

— Да... Конечно. Я никогда не должна была покидать это место. Я поступила ужасно.

— Почему ты обвиняешь себя? Ты достигла предела. Я знаю это. Лито знает это. Даже Алия может это знать.

Джессика прижала руку к горлу, слегка потерла его. Затем произнесла:

— Да, проблема Алии.

— Она имеет на Лито какое-то странное воздействие, — сказала Ганима. — Вот почему я сделала все, чтобы ты встретилась только со мной. Он согласен, что она совершенно безнадежна, но однако он находит способы, чтобы быть с ней и... изучает ее. И... это очень меня тревожит. Когда я пытаюсь говорить что-то против этого, он засыпает. Он...

— Она дает ему наркотики?

— Не-е-ет, — Ганима отрицательно покачала головой. — Но у него есть какое-то странное проникновение к ней. И... во сне он часто произносит: «Джакуруту».

— Опять это! — и Джессика воспроизвела в памяти сообщения Гурни о заговорщиках, обнаруженных на посадочном поле.

— Иногда я боюсь, что Алия хочет, чтобы Лито нашел Джакуруту, — сказала Ганима. — И я всегда думала, что это лишь легенда. Ты, конечно, знаешь ее.

Джессика вздрогнула. «Жуткая история. Жуткая».

— Что нам надо делать? — спросила Ганима. — Я боюсь искать это в моих воспоминаниях, во всех моих жизнях...

— Гани! Я не позволяю тебе этого делать. Ты не должна рисковать...

— Это может случиться когда угодно, даже если я не буду рисковать. Как мы узнаем, что на самом деле случилось с Алией?

— Нет! — выкрикнула она. — Итак... Джакуруту, не так ли? Я послала Гурни найти это место, если оно существует.

— Но как он сможет... О! Конечно, контрабандисты.

Исходя из этого разговора, Джессика поняла, что мозг Ганимы работал в соответствии с тем, что творилось в сознании других. «В моем! Как все это было действительно странно», — думала Джессика, что эта юная плоть могла содержать в себе воспоминания Пола, по крайней мере до момента спермального отделения Пола от его собственного прошлого. Это было проникновение в глубину души, в самые сокровенные уголки сознания, против чего в Джессике протестовали какие-то первобытные инстинкты.

Мгновенно они начали погружаться в абсолютное и безоговорочное суждение Бене Джессерит: «Мерзость!» Но в этом ребенке было что-то милое, желание жертвовать ради своего брата, чего нельзя отрицать.

«Мы — это одна жизнь, стремящаяся в неизведанное

будущее, — подумала Джессика. — Мы — одной крови». И приготовилась принять события, которые она и Гурни Хэллек оценили на ходу. Лито надо было отделить от сестры, надо было обучить, как того требовал орден Сестер.

Я слышу, как в пустыне воет ветер, и я вижу, что зимняя луна поднимается, как большие корабли в пустоте. Им я даю свою клятву: «Я буду решительным и форму правления сделаю искусством; я приведу в равновесие мое унаследованное прошлое и стану современным сокровищницей своих воспоминаний, представляющих реликвию. И я буду известен своей добротой более, чем знанием. Мое лицо будет излучать свет, который заполнит лабиринт времени, пока будет существовать человечество».

Клятва Лито, *(по Харк ал-Ада)*

Будучи совсем юной, Алия-Атридес часами занималась прана-бинду, пытаясь защитить свою собственную личность от внезапных попаданий других. Она знала, в чем суть: меланж не мог затеряться где-то на пустыре съетча. Он проник во все: в пищу, в воду, в воздух, даже строения, и из-за этого она иногда кричала по ночам. Очень рано она поняла смысл оргий, устраиваемых в съетче, когда племя выливало омерзительную воду червям. Во время оргии Свободные высвобождали из-под накопившегося гнета свою генетическую память и избавлялись от нее. Она часто видела, как ее друзья становились временно одержимыми на оргии.

Что касается ее, не было ни такого высвобождения, ни избавления. Она владела полностью своим сознанием еще задолго до ее появления на свет. С этим сознанием пришло роковое видение событий: желая того или нет она вступала в неизбежный контакт с думами ее предков и тех личностей, которые благодаря спайсу жили в Леди Джессике. До рождения Алия уже содержала в себе знания, которыми необходимо было обладать Преподобной Матери из Бене Джессерит — плюс еще больше знаний от других.

Это знание таило в себе признание жуткой действительности — это была Мерзость. Все эти знания лишали ее сил. То, что она была рождена до своего рождения, постоянно напоминало ей об этом. До сих пор она боролась против самых ужасающих ее предков, на время одерживая пиррову победу, которая продолжалась все ее детство. Она знала, кому принадлежит какое «я», но невозможно было избавить-

ся от того, чтобы чья-нибудь жизнь не вторгалась в нее. «Когда-нибудь я тоже буду внедряться в чью-нибудь жизнь», — говорила она. Эта мысль приводила ее в уныние. Идти и вторгаться в жизнь ребенка, порожденного ею самой, воздействуя на сознание, чтобы добавить какую-то часть жизненного опыта.

Страх крался за ней по пятам, преследовал все ее детство. Он перешел вместе с ней в отрочество. Она боролась с ним, никогда не прося о помощи. Кто бы смог оказать ей помощь, в которой она нуждалась? Ни ее мать, которая никогда не могла избавиться от этого призрака суда Бене Джессерит: рожденные до рождения были Мерзостью.

И вот наступила та ночь, когда ее брат ушел один в пустыню, чтобы найти смерть, отдав самого себя Шаи-Хулуду, как думали Свободные. Через месяц Алия вышла замуж за мастера фехтования Пола Данкана Айдахо, ментата, возвращенного к жизни из мертвых с помощью искусства планеты Тлейлакс. Ее мать сбежала на Келадан. Близнецы Пола были по закону отданы Алии на попечение.

Также она управляла Регентством.

Ответственность за возложенные на нее обязанности отгоняла прочь прежний страх, и она настежь раскрывала душу всем внутренним жизням, требуя их совета, погружаясь в транс от спайса в поисках нужных решений.

Кризис наступил в самый обычный, как и многие думают, день весенним месяцем Лааб, ясным утром в Крепости Муад Диба, где из отверстия сверху проникал холодный ветер. Алия все еще носила траур желтого цвета, цвета стерильного солнца. Все больше и больше в последние несколько недель она отрицала внутренний голос своей матери, который насмехался над приготовлением к предстоящему празднику Святых Дней, который должен был состояться в Храме.

Голос Джессики становился все тише и под конец прозвучало какое-то безликое требование о том, что Алия лучше бы занялась работой над усовершенствованием Закона Атридесов. Вместо этого новые голоса начали громко заявлять о себе, о том, что наступила их очередь. Алии казалось, что в ней открылся бездонный колодец, из глубин которого поднимались все новые лица, как нашествие саранчи, пока наконец она не сосредоточила внимание на одной из них, которая походила на зверя: это был старый Барон Харконнен. В охватившем ее ужасе она пронзительно закричала, чтобы как-то противостоять всему этому внутреннему настойчивому многоголосию, удерживая временную победу над ними.

В это утро Алия совершала свою обычную прогулку перед завтраком по саду, расположенному на крыше Крепости. В новой попытке одержать победу в борьбе с внутренними голосами, она все свое сознание направила на предостережение Чода Дзэнсунни: «Спускаясь с лестницы, можно упасть вверх!» Но утренний свет, отражавшийся на вершинах утесов Защитной стены отвлекал ее. Все дорожки сюда заросли мягкой густой травой. Когда она перевела взгляд на траву, то увидела капли росы, трава за ночь собирала всю влагу. Она видела множество своих отражений в этих бесчисленных капельках воды. Это множество отражений вызывало у нее головокружение. Каждое отражение имело отпечаток лица, принадлежавшего одному из многочисленных голосов внутри нее. Она пыталась сосредоточить все свое внимание на том, что заключала в себе трава. Выпавшие капли росы говорили ей, как далеко продвинулись вперед экологические преобразования на Арракисе. Именно в этих северных широтах становится теплее; содержание двуокиси углерода в атмосфере возрастало. Она вспомнила, что в текущем году удалось озеленить многие гектары пустыни, а чтобы полить один гектар, необходимо 37.000 кубических футов воды. Несмотря на мирские мысли, она не могла подавить в себе постоянные голоса.

Она прижала ладони ко лбу. Ее охранники из Храма на закате прошедшего дня привели к ней на суд заключенного: Эссас Пэймон, маленький, смуглый человек, который занимался художественным ремеслом и делал предметы украшения. В действительности же Пэймон был известен как шпион КХОАМ, задачей которого было облагать налогом ежегодный сбор спайса. Алия готова была уже отправить его в подземную темницу, как вдруг он изо всех сил запротестовал: «несправедливость Атридесов». За это его можно было приговорить к немедленной смерти через повешение, но Алию задели его дерзость и самоуверенность. Она сурово заговорила со своего трона Справедливости, стараясь сильнее запугать его, надеясь на то, что он раскроет им еще больше, чем то, о чем он уже сказал ее следователям. «Почему наши сборы спайса представляют такой интерес для Комбайн Хоннет? — требовала она. — Скажи нам, и мы освободим тебя».

— Я только собираю столько, сколько требует рынок», — сказал Пэймон. — Я ничего не знаю, что потом делается с моим урожаем.

— Из-за этой незначительной прибыли ты вмешиваешься в наши королевские планы? — настаивала Алия.

— Королевство почему-то всегда считает, что у нас не может быть таких же планов, — возразил он.

Алия, покоренная его отчаянной смелостью, сказала: «Эссас Пэймон, будешь работать на меня?»

При этом его смуглое лицо побледнело, и он сказал: «Вы почти парализовали меня, даже не затянув на шее петли. Неужели во мне появилось нечто ценное, из-за чего вдруг начали торг?»

— У тебя есть обыкновенная и практическая ценная вещь, — сказала она. — Ты смелый, и ты сдаешься в наем лицу, предложившему наивысшую цену. Я могу заплатить больше, чем кто-либо другой в Империи.

На что он назвал приличную сумму за свои услуги, но Алия засмеялась и назвала цифру, которую она считала более разумной и несомненно более высокой, чем он получал до этого. Она добавила: «И, конечно, я бросаю в подарок твою жизнь, которую, как я полагаю, ты ценишь гораздо выше».

— Выгодная сделка! — закричал Пэймон, и, по сигналу Алии, его увел ее Святейший Мастер, Джавид. Меньше чем через час, когда Алия приготовилась покинуть Зал Суда, вошел Джавид, спеша доложить ей, что слышали, как Пэймон бормотал роковые строки из Оранжевой Католической Библии: «Maleficos non patieris vivre».

«Ты не должен позволить жить ведьме», — перевела Алия. Вот какой была его благодарность! Он был одним из тех, кто составлял заговор против ее собственной жизни! В приступе гнева, которого до сих пор никогда не испытывала, она приказала немедленно казнить Пэймона и отправить его тело в Храм, в помещение для умерших, где вода из его тела, по крайней мере, будет применена с пользой для дела.

И всю ночь напролет ее преследовало смуглое лицо Пэймона.

Она испробовала все свои уловки и хитрости, чтобы избавиться от этого настойчивого, оскорбляющего образа, цитируя Бу Джи из Книги Кредоса Свободных: «Ничего не происходит! Ничего не происходит!» Но наступил новый день, а образ Пэймона все преследовал ее, и его лицо присоединилось к тем лицам, которые отражались в капельках росы.

Женщина из охраны позвала ее к завтраку. Алия вздохнула. Ей предстоял выбор меньшего из двух зол: громкий крик внутри ее сознания или громкий крик ее помощников — все это были бессмысленные крики, но настойчивые в своих требованиях, шум, который она предпочла бы прекратить с помощью лезвия ножа.

Не обращая внимания на стражу, Алия взглянула через сад на крыше в сторону Защитной стены. Дельта песка открылась ее взору, резко очерченная лучами утреннего солнца. Ей вдруг пришло на ум, что с непривычки глаз мог бы увидеть, что этот широкий веер пополняет течение реки, но это было не более чем место, где ее брат разрушил Защитную стену, открыв дорогу песчаным червям из пустыни, которые привели его Свободных-воинов к потрясающей победе над Императором-предшественником, Шаддамом IV. Теперь широкий канал был заполнен водой на дальней стороне Защитной стены, чтобы блокировать вход песчаному червю. Песчаные черви не решаются бросаться в открытую воду, это убьет их. «А если бы такой барьер был в моем сознании!» — подумала она. Эти мысли заставили ее ощущение головокружения еще дальше уйти от действительности.

Песчаные черви! Песчаные черви!

В ее памяти возникла целая цепь образов песчаного червя: могущественный Шаи-Хулуд, Создатель Свободных, страшный зверь пустынь, чьи излияния включали бесценный спайс. Как все странно — песчаный червь, выросший из той плоской, как подошва, песчаной форели, подумала она. Они казались ей многочисленной толпой в ее сознании. Песчаная форель, распластавшаяся на каменистой почве почве памяти, создавала жизненные резервуары; они удерживали воду, чтобы могли жить их песчаные черви. Алия почувствовала аналогию: некоторые из «тех» в ее сознании накопили опасную силу, которая могла уничтожить ее.

Снова охрана позвала ее к завтраку, голос уже звучал с нетерпением.

Алия сердито повернулась, делая им знак рукой.

Охрана повиновалась, и дверь в крыше хлопнула.

От звука захлопнувшейся двери Алия почувствовала, что поймана всем тем, от чего она пыталась избавиться. Другие жизни поднимались в ней как сильный прилив. Каждая претендующая жизнь прижимала свое лицо к центрам ее сознания, управляющим внутренним зрением, — облако лиц. Некоторые представлялись покрытыми пятнами от чесотки, другие были огрубелыми и закопченными, появлялись рты, похожие на мокрые лепешки. Толпа обрушилась на нее потоком, который стремился подхватить ее и закружить.

«Нет, — произнесла она. — Нет... нет... нет...»

Она бы упала прямо на тропу, если бы не скамья, стоявшая рядом, на которую опустилось ее ослабевшее тело.

Она попыталась сесть, но из этого ничего не получилось, она распростерлась на холодной пластали, продолжая шептать «нет».

Волна продолжала подниматься в ней.

Она чувствовала, как настроилась, чтобы выказать едва заметное внимание, сознавая весь риск, она была готова к каждому восклицанию, исходящему из этих назойливых ртов, которые кричали внутри ее. Они представляли собой сущую какофонию, требующую ее внимания: «Меня! Меня! Нет, меня!» И она знала, что если хоть раз она обратит внимание, полностью отдастся во власть какого-либо голоса, то потеряется как личность.

Чтобы заметить хоть одно из множества лиц и внять голосу этого лица, ей пришлось бы подчиниться его эгоцентризму, который полностью разделил бы ее существование.

«Предвидение сделает это тебе», — прошептал голос.

Она руками закрыла уши, думая: «Я не предвидящая! Транс не действует на меня!»

Но голос настаивал: «Он мог бы оказывать действие, если бы ты помогла».

«Нет... нет», — шептала она.

Другие голоса тут же вмешались в ее сознание: «Я, Агаменнок, твой предок, требую аудиенции!»

«Нет... нет». Она прижимала руки к ушам, пока не почувствовала боль.

Безумная говорильня внутри ее головы вопрошала: «Что стало с Овидом. Просто это ибад Джона Бартлетта!»

Имена в этом критическом состоянии не имели для нее смысла. Ей хотелось перекричать их, перекричать сразу все голоса, но она не могла найти своего голоса.

Ее охранник, отосланный назад на крышу старшими слугами, еще раз выглянул из дверного проема, находившегося за мимозами, увидел Алию на скамейке и сказал своему напарнику: «Ааа, она отдыхает. Ты заметил, что прошлой ночью она плохо спала! Для нее было бы хорошо принять заху, утреннюю сиесту».

Алия не слышала своего охранника. Ее сознание было захвачено визгливым пением: «Мы — веселые старые птички, ура!». Голоса отдавались при этом внутри ее черепа, и она подумала: «Я схожу с ума. Я теряю рассудок».

Она пошевелила ногой, как будто хотела оттолкнуться от скамейки и побеждать. Она почувствовала, что если сможет дать команду своему голосу бежать, то вырвется и освободится. Она должна убежать, иначе волна внутри ее погрузит ее в молчание, навсегда осквернив ее душу. Но ее тело не

подчинится. Самые могущественные силы в Имперской вселенной подчинились бы ее малейшему капризу, но только не ее тело.

Внутренний голос посмеивался: «С одной точки зрения, дитя, каждый случай созидания представляет катастрофу». Это было сказано басом, который своим грохотом отдавал ей в глаза, и снова это хихиканье, как будто говорящий высмеивал свою собственную профанацию. «Мое милое дитя, я помогу тебе, но взамен ты должна помочь мне».

На фоне этого жужжащего шума, который слышался в виде бала, Алия заговорила, стуча зубами: «Кто... кто...»

В сознании она увидела сформировавшееся лицо. Это было улыбающееся лицо, но такое пухлое, что его можно было бы сравнить с лицом ребенка, если бы не этот страстный блеск глаз. Она попыталась стереть его из сознания, но вместо этого ее воображению предстало тело, которое принадлежало этому лицу. Тело было ужасно жирным, оно было укутано в одежду, которая внизу имела выпуклости, потому что это жирное тело требовало дополнительных суспензоров, скрытых под одеждой.

«Видишь ли, — прогремел бас, — это всего-навсего твой дедушка по матери. Ты знаешь меня. Я Барон Владимир Харконнен».

«Ты... ты умер!» — выдавила она.

«Ну, конечно, моя милая. Многие из нас, что внутри тебя, мертвы. Но никто из них в действительности не хочет помочь тебе. Они не понимают тебя».

«Уходи прочь, — умоляла она. — Пожалуйста, уходи».

«Но тебе нужна помощь, внучка», — настаивал голос Барона.

«Как чудесно он выглядит», — подумала она, разглядывая, закрыв глаза, воспроизведенного в ее сознании Барона.

«Я хочу помочь тебе, — подлизывался Барон. — Все остальные здесь только хотят полностью овладеть твоим сознанием. Любой из них хочет вытеснить тебя. А я хочу только иметь свой маленький укромный уголочек».

И снова другие жуткие образы всколыхнулись в ней, подняли крик. Волна снова стала угрожать, что вот-вот поглотит ее, и она услышала пронзительно кричащий голос своей матери. И Алия подумала: «Она ведь не умерла».

«Замолчи!» — скомандовал Барон.

Алия почувствовала, что ее собственные желания тоже поддерживают эту команду, это чувство проходило через ее сознание.

Мгновенно наступило внутреннее молчание, как будто ее окунули в ванну с холодной водой, и она почувствовала, что ее сердце, которое стучало как молоток, начало восстанавливать свой прежний нормальный ритм.

Тихо вмешался голос Барона: «Вот видишь? Вместе мы непобедимы. Ты поможешь мне, а я — тебе».

«Чего... чего ты хочешь?» — прошептала она.

Его лицо, которое она видела сквозь плотно закрытые веки, приняло задумчивое выражение. «Алия, моя любимая внучка, — сказал он. — Я только хочу совсем немного самых простых удовольствий. Предоставляй мне иногда мгновения контакта с твоими чувствами. Дай мне почувствовать хотя бы маленькую часть твоей жизни, ту, например, когда ты будешь заключена в объятия своего возлюбленного. Разве это не маленькая просьба, за которую тебе придется заплатить совсем немного?»

«Д-да».

«Хорошо, хорошо, — ликовал Барон. — Взамен, моя милая внучка, я могу служить тебе во многом. Я могу давать тебе советы, помогать тебе. Ты будешь непобедима во всех отношениях: внутри и вне. Ты будешь уничтожать любую оппозицию. История забудет твоего брата и вознесет тебя. Будущее будет принадлежать тебе».

«Ты... не позволишь... кому-то другому превзойти меня?»

«Они не смогут противостоять тебе! Поодиночке нас могут победить, но если мы будем вместе, то будем господствовать. Я продемонстрирую. Слушай!».

И Барон замолчал, унося свой образ, свое внутреннее присутствие. Больше не вторгалось ни одной памяти, ни одного лица или голоса других жизней.

Алия позволила себе сделать слабый вздох.

Одновременно со вздохом пришла мысль. Она внедрилась в ее сознание, как будто она была ее собственной, но она ощущала присутствие таких голосов, которые стояли за ней.

«Старый Барон был дьяволом. Он убил твоего отца. Он убил бы и тебя с Полом. Он пытался это сделать, но безуспешно».

Она услышала голос Барона, но лицо на этот раз не предстало в ее сознании: «Конечно, я убил бы тебя. Ты разве не стояла на моем пути? Но теперь этот аргумент потерял силу. Ты победила, дитя! Ты — это новая правда».

Она почувствовала, что кивает ему, и ее щека скользнула по жесткой, шершавой поверхности скамейки.

Его слова были разумны, подумала она. Наставление Бене

Джессерит подкрепляло разумный характер этих слов: Цель аргумента — изменить природу правды».

Да... вот так бы это было представлено Бене Джессерит.

«Точно! — произнес Барон. И продолжил: — И я мертв, в то время как ты жива. Я не имею бренного существования. Я — просто сама память внутри тебя. И я в твоем распоряжении, ты можешь мной командовать. И как мало я прошу взамен за мудрый совет, который могу дать».

«Что ты советуешь делать мне сейчас?» — спросила она, решив проверить его.

«Тебя беспокоит судебное разбирательство, которым ты занималась прошлой ночью, — сказал он. — Ты сейчас думаешь, были ли слова Пэймона искренни. Может быть, Джавид увидел в этом Пэймоне угрозу его привилегированному положению. Не эти ли сомнения появились у тебя?»

«Д-да».

«И твое сомнение основано на проницательном наблюдении, не так ли? Джавид ведет себя с возрастающим любовным интересом по отношению к твоей персоне. Даже Данкан это заметил, не так ли?»

«Да, это так».

«Тогда, очень хорошо. Возьми Джавида к себе в любовники и...»

«Нет!»

«Ты беспокоишься за Данкана? Но твой муж — ментат-мистик. Его не могут затронуть или причинить вред ощущения тела. Неужели ты никогда не чувствовала, как далек он от тебя?»

«Н-но он...»

«Данкан, как ментат, должен бы понимать, что ему следует знать прием, который ты применяла для подчинения Джавида».

«Подчин..?»

«Конечно! Можно было бы использовать окисные инструменты, но их нужно отбросить, если они становятся слишком опасными».

«Тогда... почему нужно... Я имею в виду...»

«А-а-ах, ты маленькая тупица! Не понимаешь ценности, содержащейся в уроке».

«Я не понимаю».

«Ценности, моя дорогая внучка, зависят от их успеха, который они приносят. Покорность Джавида должна быть безусловной, его принятие твоей власти — абсолютно, и его...»

«Мораль этого урока ускользает...»

«Не будь глупой, внучка! Мораль всегда должна быть основана практически. Возьми, например, Цезаря и всю эту чушь. Победа — бесполезна, если она не отражает твоих глубочайших желаний. Разве это не правда, что ты восхищалась мужественностью Джавида?»

Алия стерпела это, не желая признаваться, но ее незащищенность перед этим внутренним наблюдателем вынуждала ее сделать это. «Да-а».

«Хорошо!» Как звонко отдалось это слово в ее голове.

«Теперь мы начинаем понимать друг друга. Когда он будет в твоих руках совершенно беспомощным, т.е. в твоей постели, убежденный, что ты ЕГО раба, ты спроси его о Пэймоне. Сделай это шутя, при этом смейся от души. А когда он раскроет обман, воткни ему между ребер кризнож.

А-ах, кровь может добавить так много к твоему удов...»

«Нет, — прошептала она, во рту у нее было сухо от ужаса. — Нет... нет... нет».

«Тогда я это сделаю для тебя, — настаивал Барон. — Это должно быть сделано; ты допустишь это. Если ты только создашь условия, я возьму временно все на себя».

«Нет!»

«Твой страх слишком откровенен, внучка. Моя власть над твоим рассудком может быть только временной. Есть и другие, которые могли бы подражать тебе в совершенстве, что... Но это ты знаешь. Со мной, так, люди сразу же обнаружили бы мое присутствие. Ты же знаешь Закон Свободных об этих одержимых. Тебя сразу бы убили без суда и следствия. Да — даже тебя. А ты знаешь, я не хочу, чтобы это случилось. Ради тебя я буду наблюдать за Джавидом, и как только все будет сделано, я тут же уйду. Тебе надо только...»

«Насколько этот совет хорош?»

«Это избавляет тебя от опасного инструмента. И, дитя, это устанавливает между нами рабочий контакт, который может только научить тебя правильно судить о будущем, которое...»

«Научить меня?»

«Естественно!»

Алия прикрыла глаза ладонями, пытаясь думать, хотя знала, что любая мысль могла быть известна тому, кто присутствовал в ней в данный момент, и что эта мысль могла исходить от этого присутствующего лица и быть воспринята ею как ее собственная.

«Напрасно беспокоишься, — льстиво говорил Барон. — Это Пэймон, он был...»

«Все, что я сделала, было неправильно! Я тогда устала и действовала поспешно. Мне бы следовало поискать подтверждение того, что...»

«Ты все сделала правильно! Твои решения не могут быть основаны на любом глупом резюме точно так же, как это понятие равенства у Атридесов. Вот что не давало тебе покоя, а вовсе не смерть Пэймона. Ты нашла правильное решение! Он представлял собой еще один опасный инструмент. Ты действовала так, чтобы поддержать порядок в своем обществе. Теперь есть повод для принятия решений, не то, что вся эта чушь о справедливости! Не существует такого понятия в мире, как справедливость, одинаковая для всех. Это вносит дисгармонию в общество, когда ты пытаешься достичь этого фальшивого равновесия».

Алия почувствовала удовольствие, потому что поддержали ее решение в отношении Пэймона, но она была шокирована аморальной идеей, которая скрывалась за этим аргументом.

«Справедливость, равная для всех, была создана Атридесами... была...» Она убрала руки от глаза, но ее глаза были все еще закрыты.

«Все твои духовные судьи должны быть убеждены в этой ошибке, — убеждал Барон. — Решения должны быть взвешены только в соответствии с укреплением упорядоченного общества. Прошлые цивилизации, которым нет числа, были основаны на вершинах справедливости, равной для всех. Эта глупость разрушает естественные иерархии, которые намного важнее. Любой индивидуум оценивается лишь по его отношению к вашему обществу в целом. Хотя это общество должно быть приведено в порядок с первых логических шагов, ни один не сможет найти в нем места — ни самый низший, ни самый высший. Да, да внучка! Ты должна быть строгой матерью твоего народа. Поддерживать порядок — это твоя обязанность».

«Все, что делал Пол, было...»

«Твой брат-неудачник умер!»

«Так же, как и ты!»

«Да... но со мной это была просто случайность, которая не входила в мои планы. Ладно, давай займемся этим Джавидом, как я тебе все это обрисовал».

При этой мысли тепло разлилось по ее телу, она быстро сказала: «Я должна подумать». И тут же подумала: «Если это будет сделано, то это только поставит Джавида на свое место. Нет необходимости убивать его за это. И только глупец может расправиться с ним... в моей постели».

— Ты с кем говоришь, моя Госпожа? — спросил голос.

Какое-то мгновение Алия думала, что вторгся другой голос из того множества голосов, что внутри нее, но узнав голос, она открыла глаза. Знареник Валефор, глава амазонок из охраны Алии, стояла рядом со скамейкой, ее обветренное лицо Свободной было хмурым.

— Я разговаривала с моими внутренними голосами, — сказала Алия, садясь на скамейку. Она чувствовала себя бодрой, затишье этого сумасшедшего внутреннего многоголосья подбадривало ее.

— С вашими внутренними голосами, моя госпожа. Да, — глаза Знареник заблестели при этой информации. Все знали, что Святая Алия черпала сведения из внутренних источников, доступных не каждому.

— Приведи Джавида в мое помещение, — сказала Алия. — Мне надо обсудить с ним один серьезный вопрос.

— В ваше помещение, моя госпожа?

— Да! В мои собственные покои.

— Как прикажет моя госпожа.

Охранница повернулась, чтобы исполнить приказание.

— Один момент, — сказала Алия. — Мастер Айдахо уже вернулся из съетча Табр?

— Да, моя госпожа. Он вернулся еще до рассвета, как вы приказывали. Вы хотите, чтобы я послала за ним...

— Нет. Я сама это сделаю. И никто не должен знать, что Джавид доставлен ко мне. Сделай это сама. Это очень серьезное дело.

Охранница дотронулась до крисножа, который был прикреплен к поясу. «Моя госпожа, разве существует угроза...»

— Да, угроза, и Джавид, может быть, находится в самом ее центре.

— Ох, моя госпожа, может быть я не должна приводить...

— Зря! Неужели ты думаешь, что я не умею обращаться с такими?

Хищная улыбка коснулась губ охранницы.

— Простите меня, моя госпожа. Я немедленно приведу его в ваши покои, но... с разрешения моей госпожи, я перед вашей дверью выставлю стражу.

— Только ты, — сказала Алия.

— Да, моя госпожа. Я сейчас же уйду.

Алия кивнула самой себе, глядя вслед удаляющейся амазонке.

Джавид не пользовался любовью среди ее охраны. Еще один признак против него. Но он представлял ценность —

очень большую ценность. Он был ключом к Джакуруту, а с этим местом связано...

— Может быть, ты прав, Барон, — прошептала она.

«Вот видишь! — раздался у нее внутри голос. — Ах, это будет приятная служба, которую я сослужу тебе, и это только начало...»

Это иллюзии популярной истории, которая должна способствовать успешной религии. Злые люди никогда не преуспевают, только храбрые и мужественные заслуживают благотворительности; честность — лучший вид политики; действия говорят о человеке лучше, чем слова: добродетель всегда торжествует; хороший поступок является одновременно вознаграждением; любой плохой человек может быть переделан; религиозные талисманы защищают от власти дьявола; только женщины понимают древние таинства; богатые обречены на несчастье...

Из «Руководства для начинающих».
Защитная Миссионерия.

— Меня зовут Муриз, — сказал Свободный с необветренным лицом.

Он сидел на краю скалистого обрыва в тусклом свечении лампы, чей мерцающий свет открывал взору сырые стены и темные дыры, которые являлись коридорами, выходящими из этого места. В одном из коридоров можно было услышать звуки капающей воды, и несмотря на то, что звуки воды символизировали Рай Свободных, шесть собравшихся мужчин, которые смотрели на Муриза, не выказывали особого удовольствия от этого ритмичного капанья.

В помещении висел затхлый запах смерти. Из одного коридора вышел молодой человек лет, может быть, четырнадцати и встал по левую руку Муриза. От гладкой поверхности обнаженного крисножа отражался бледно-желтый свет лампы, когда он взял этот нож и указал им в сторону молодого человека, Муриз сказал:

— Это мой сын, Ассан Тарик, который готов пройти испытание на мужественность.

Муриз прочистил горло, посмотрел на каждого из шести пленников. Они сидели полукругом напротив него, крепко связанные веревками, их ноги тоже были связаны, а руки они держали связанными за спиной. Веревки заканчивались туго

затянутой петлей на шее каждого мужчины. Их стилсьюты на шее были разрезаны.

Связанные мужчины снова в упор посмотрели на Муриза. На двух из них была надета свободная одежда, которая указывала, что они были богатыми жителями города Арракина. У этих двоих кожа была более гладкая и светлая, чем у их компаньонов, чьи увядшие и костлявые лица говорили о том, что они родились в пустыне.

Муриз напоминал пустынных жителей, но его глаза были посажены еще глубже, так что в эти глазные впадины, в которых не было видно белков, не проникал даже свет лампы. Его сын представлял собой несформировавшуюся личность мужчины с решительным лицом, которое совсем не скрывало, что внутри него кипели страсти.

— Среди Отверженных у нас есть специальный тест на мужественность, — сказал Муриз. — Однажды мой сын станет судьей в Шулохе. Мы должны знать, что он может действовать так как он должен действовать. Наши судьи не могут забыть Джакуруту и наш день отчаяния. Кризис, Борьба с Тайфуном, живет в наших сердцах, — все это было сказано ровным тоном, характерным для ритуальных обрядов.

Один из жителей города, с мягкими чертами лица, сидевший напротив Муриза, зашевелился и сказал:

— Ты поступаешь неправильно, угрожая нам и держа нас в качестве пленников. Мы пришли к тебе с миром от уммы.

Муриз кивнул.

— Вы пришли в поисках личного религиозного пробуждения? Хорошо. Вы будете иметь это пробуждение.

Человек с мягкими чертами лица сказал:

— Если мы...

Рядом с ним смуглый Свободный из пустыни огрызнулся:

— Замолчи, глупец! Это похитители воды. Это те, которых, как мы думали, уничтожили.

— Это старая история, — сказал пленник с мягкими чертами лица.

— Джакуруту — это больше, чем история, — сказал Муриз. Он еще раз жестом подал знак своему сыну.

— Я представил Ассана Тарика. Я — Арифа в этом месте, твой единственный судья. Моего сына тоже научат обнаруживать демонов. Старые пути — самые лучшие.

— Вот почему нас привели в самую глубь пустыни, — запротестовал человек с мягкими чертами. — Мы выбрали старый путь, блуждая в...

— С оплаченным руководством по выживанию, — сказал Муриз, указывая в сторону более смуглых пленников. — Вы бы купили себе путь на небеса? — Муриз взглянул снизу вверх на своего сына.

— Ассан, ты готов?

— Я очень долго думал в ту ночь, когда пришли враги и убили наших людей, — сказал Ассан. Голос выдавал его внутреннее напряжение. — Они должны нам воду.

— Твой отец даст тебе шестерых из них, — сказал Муриз. — Их вода — наша. Их тени — наши, твои телохранители навечно. Их тени будут предупреждать тебя о демонах. Они будут твоими рабами, когда ты перейдешь в мир алам ал-митал. Что ты на это скажешь, мой сын?

— Я благодарю своего отца, — сказал Ассан. Он шагнул к нему. — Я принимаю мужественность испытания среди Отверженных. Эта вода — наша вода.

Когда он закончил речь, то направился к пленникам. Начав слева, он схватил мужчину за волосы и вонзил кривнож под подбородок прямо в мозги. Это было так искусно проделано, что пролилось минимум крови. Только человек из города Свободных с мягкими чертами лица отчаянно запротестовал, пронзительно крича, когда молодой человек схватил его за волосы. Остальные плюнули на Ассана Тарика, придерживаясь старых традиций, говоря при этом: «Видишь, как мало я ценю свою воду, когда ее отнимают звери!»

Когда с этим было покончено, Муриз тут же хлопнул в ладоши. Пришли помощники и начали убирать тела, вытаскивая в помещение для умерших, где из них должны были взять воду.

Муриз поднялся, посмотрел на сына, который стоял, тяжело дыша, наблюдая, как помощники вытаскивают тела.

— Теперь ты — мужчина, — сказал Муриз. — Вода наших врагов накормит рабов. И, мой сын...

Ассан Тарик быстро повернулся и взглянул на отца. Губы молодого человека были плотно сжаты, уголки рта оттянуты назад, потому что он пытался улыбнуться.

— Проповедник об этом ничего не должен знать, — сказал Муриз.

— Я понял, отец.

— Ты все хорошо сделал, — сказал Муриз. — Те, кто натыкается на Шулох, не должны жить.

— Как скажешь, отец.

— Теперь тебе можно доверять важные дела, — сказал Муриз. — Я горжусь тобой.

Искушенное в жизни человечество может стать примитивным. Что это обозначает на самом деле — то, что образ жизни человечества меняется. Меняются старые ценности, они все больше связываются с новыми, заполненными растительностью и животными. Это новое существование требует знаний, которые постоянно совершенствуются, тех сложных и взаимосвязанных между собой событий, которые, как правило, имеют отношение к природе. Это требует меры по отношению к силе инерции внутри таких природных систем. Когда человечество добьется таких знаний и такого отношения, это будет называться «примитивным». Обратное положение, разумеется, равноценно: примитивные могут стать искушенными, но при этом не причиняя странного психологического вреда.

Комментарий Лито по Харк ал-Аду.

— Но как мы можем быть уверены? — спросила Ганима. — Это очень опасно.

— Мы это раньше проверяли, — сказал Лито.

— Это не может быть тем же самым теперь. Что если...

— Это единственный путь, открытый нам, — сказал Лито. — Ты согласна со мной в том, что мы не можем воспользоваться спайсом?

Ганима вздохнула. Ей не нравилась резкость и настойчивость этих слов, но она знала о необходимости, которая давила на ее брата. Она также знала об опасной причине своего нежелания. Они вынуждены были обратиться к Алии, чтобы узнать опасность того внутреннего мира.

— Ну? — спросил Лито.

Она снова вздохнула.

Они сидели, скрестив ноги, в одном из уединенных мест, в пещере, где часто их отец и мать наблюдали, как солнце садилось в пустыню. Это было спустя два часа после вечерней трапезы, время, когда близнецы должны были упражнять свое тело и ум.

— Я попробую один, если ты отказываешься мне помочь, — сказал Лито. Ганима отвернулась и посмотрела на мокрые стены пещеры. Лито продолжал обозревать пустыню.

Они некоторое время говорили на языке таком древнем, что даже его название было неизвестно. Это язык дал их мыслям уединение, в связи с чем никто из разумных существ не мог проникнуть в них. Даже Алия, которая избегала сложностей своего внутреннего мира, испытывала недоста-

ток умственных связующих звеньев, которые позволили бы ей извлечь больший смысл из обычного слова.

Лито глубоко вздохнул, вбирая в себя специфический запах съетчей Свободных, который накопился в этой нише, куда не доходил ветер. Шелестящий шум съетча и его влажный жаркий воздух не попадал сюда, и они оба от этого ощущали облегчение.

— Я согласна, что мы нуждаемся в руководстве, — сказала Ганима. — Но если мы...

— Гани! Нам нужно нечто большее, чем руководство. Нам нужна защита.

— Возможно, защиты никакой нет, — она посмотрела брату прямо в глаза, и сама же увидела в его глазах свой собственный взгляд, похожий на настороженную бдительность хищника. Его глаза противоречили безмятежности его лица.

— Мы должны избежать одержимости, — сказал Лито. Он использовал специальный речевой оборот из древнего языка.

Ганима более подробно пояснила его утверждение.

— Мохв'овиум д'ми хиш паш мох'мка, — проинтонировала она. — Захват моей души — это захват тысячи душ.

— Даже гораздо больше, — добавил он.

— Зная угрозы, как ты настаиваешь, — она произнесла это как подтверждение, а не как вопрос.

— Вабум'к вабунат! — сказал он. — Поднимаясь, ты поднимаешься!

Он почувствовал, что его выбор — очевидная необходимость. Это должно быть сделано лучшим образом. Они должны ввергнуть прошлое в настоящее и способствовать его раскручиванию в их будущем.

— Мурият, — продолжала она, ее голос был глухим. — Это должно быть сделано с душой.

— Конечно, — он взмахнул рукой, показывая этим жестом, что он полностью согласен. — Тогда мы посоветуемся, как это делали наши родители.

Ганима промолчала. Инстинктивно она посмотрела на юг, на огромный открытый эрг, в котором показался грязно-зеленый островок дюн в последних лучах уходящего солнца. В этом направлении ушел ее отец в пустыню, когда последний раз его видели.

Лито посмотрел вниз со скалы на зеленый оазис съетча. Все погрузилось в сумерки, но он знал все эти формы и краски: цветы медного, золотистого, красного, желто-рыжего и красно-коричневого оттенков были распространены до

самых скал. За скалами тянулись мерзкая полоса умершей аракисской жизни, убитой чужими растениями и огромным количеством воды, теперь служащей препятствием для пустыни.

Немного времени спустя Ганима сказала:

— Я — готова. Давай начнем.

— Да, будь все проклято! — он протянул руку и дотронулся до ее руки, чтобы смягчить свое восклицание, сказав: — Пожалуйста, Гани... Спой ту песню. Она помогает мне более легко достигнуть этого.

Ганима приблизилась к нему, левой рукой обвила его вокруг талии. Два раза глубоко вздохнула, прокашлялась и начала петь песню, которую ее мать так часто пела их отцу:

Вот я возвращаю дары, которые ты даешь,
Я лью сладкую воду на тебя.
В этом безветренном месте должна преобладать жизнь.
Моя любовь, ты должен жить во дворце,
Твои враги провалятся в пустоту.
Мы идем вместе по дороге,
Которую моя любовь проложила для тебя.
Я укажу дорогу,
Потому что моя любовь — это твой дворец...

Ее голос растворился в молчании пустыни, и Лито чувствовал, как он постепенно погружается, куда-то падает, становясь отцом, чьи воспоминания распространились как покров в генах его немедленного прошлого.

— На это короткое время я должен стать Полом, — сказал он сам себе. — Рядом со мной не Гани, а моя возлюбленная Чани, чей мудрый совет спасал нас обоих много раз.

В свою очередь, Ганима на некоторое время поддалась воспоминаниям своей матери. Как совершенно легко это можно было сделать женщине, и в то же время для нее это представляло большую опасность. Голосом, который сразу стал сильным, Ганима сказала:

— Посмотри туда, милый!

Поднялась Первая Луна, и на фоне ее холодного света они увидели дугу оранжевого огня, поднимающуюся в пространство. Транспорт, который доставил леди Джессику, возвращался к основному кораблю на орбите.

Воспоминания нахлынули на Лито, внутри него как будто ударили в колокола. Теперь он был другим Лито — Герцогом Джессики. Необходимость отодвинула эти воспоминания в

сторону, но перед этим он почувствовал пронизывающую любовь и боль.

— Я должен быть Полом, — напомнил он себе.

Трансформация в нем произошла мгновенно, как будто Лито был экран, на котором отражался его отец. Он чувствовал одновременно свою собственную плоть и плоть своего отца, и эти различия угрожали истощить его силы.

— Помоги мне, отец, — прошептал он. Короткое волнение прошло, и теперь в его сознании появился другой отпечаток, заставивший его собственное «я» стать посторонним наблюдателем.

— Мое последнее видение еще не пришло, чтобы уйти, — сказал он, и это был голос Пола. Он повернулся к Ганиме. — Ты знаешь, что я видел.

Она дотронулась до его щеки правой рукой.

— Ты шел в пустыню, чтобы умереть, любимый? Это то, что ты сделал?

— Так могло бы быть, но это видение... Неужели оно не может стать весомой причиной, чтобы остаться в живых?

— Но слепым? — спросила она.

— Даже так.

— Куда же ты мог пойти?

Он тяжело, нервозно вздохнул.

— Джакуруту.

— Любимый! — слезы хлынули из ее глаз.

— Муад Диб, герой, должен быть полностью уничтожен, — сказал он. — Иначе этот ребенок не сможет вытащить нас из этого хаоса.

— Золотая Тропа, — сказала она. — Это дурное видение.

— Это единственное возможное видение.

— Алия потерпела провал, тогда...

— Совершенно верно. Ты видишь повторение этого.

— Твоя мать вернулась слишком поздно, — она кивнула, и на детском лице Ганимы появилось мудрое выражение Чани. — Может ли быть, что другого видения не будет? Возможно, если...

— Нет, любимая. Нет. Все-таки этот ребенок не может смотреть в будущее и возвращаться невредимым.

Снова его тело вздрогнуло от прерывистого дыхания, и Лито-наблюдатель почувствовал глубокое желание своего отца прожить еще раз во плоти, принимать жизненные решения и... Какой отчаянной была необходимость исправить ошибки прошлого!

— Отец! — крикнул Лито, и это было так, как будто эхо отдалось в его собственном черепе.

Это было глубочайшее желание, которое Лито потом почувствовал: медленное удаление внутреннего присутствия его отца, высвобождение его собственного сознания и разума.

— Любимый, — шептал рядом с ним голос Чани, и удаление было замедлено. — Что случилось?

— Не уходи, пока, — сказал Лито, и это был его собственный голос, неуверенный, но все-таки его. Затем: — Чани, ты должна сказать нам, как мы избежим... что случилось с Алией?

Это был Пол внутри, который отвечал ему, хотя слова его он слышал внутренним слухом. Голос говорил медленно с длинными паузами:

— Нет никакой уверенности. Ты... видела. Что почти всегда... случалось... со... мной.

— Но Алия...

— Проклятый Барон владеет ею! — Лито почувствовал жгучую сухость в горле. «Есть ли он... имею ли я...»

— Он — в тебе... но... я... мы не можем... иногда мы чувствуем... друг друга, но ты...

— Ты не можешь читать мои мысли? — спросил Лито. — Знала бы ты, если бы... он...

— Иногда я могу чувствовать твои мысли... но я... мы... живем только через... через... отражение... в... в твоем сознании. Твоя память создает нас. Опасность... это определенная память. И... те из нас... те из нас, которые любят власть... и собираются ее... любой ценой... те могут быть более точными.

— Более сильными? — прошептал Лито.

— Более сильными.

— Я знаю твое видение, — сказал Лито.

— Прежде чем позволить ему овладеть мной, я стану тобой.

— Только не это!

Лито кивнул, чувствуя огромное желание своего отца уйти, признавая последовательность неудач. Одержимость в любой степени сводила одержимого к Мерзости. Признание же давало ему обновленное чувство силы и наполняла его собственное тело огромным, острым и глубоким осознанием прошлых ошибок, как собственных, так и своих предшественников. И только лишь неуверенность ослабляла — это он сейчас чувствовал. Например, искушение бороться со страхом внутри него. Плоть обладала способностью трансформировать меланж в видение будущего. С помощью спайса он мог вдыхать будущее, разрушать завесы времени. Он чувствовал, что перед соблазном трудно устоять, он в

отчаянии сжимал руки и погружался в знание прана-бинду. Его плоть отрицала соблазн. Его плоть впитала в себя глубокие знания, приобретенные кровью Пола. Те, кто искал будущее, надеялись получить крупный выигрыш в завтрашних состязаниях. Вместо этого они попадали в ловушку отведенного для жизни времени, где был известен каждый стук сердца и каждый вопль физической и душевной боли. Последнее время Пола показало опасный выход из ловушки, и Лито знал теперь, что у него не было другого выбора, как последовать этим путем.

— Радость жизни, ее красота — все тесно связано фактически с тем, что жизнь может удивить тебя, — сказал он.

Нежный голос прошептал ему на ухо: «Я всегда знала эту красоту». Лито повернул голову, посмотрел в глаза Ганимы, которые сияли в ярком лунном свете. Он увидел, что Чани смотрит на него.

— Мама, — сказал он, — ты должна уйти.

— Ах, искушение! — сказала она и поцеловала его.

Лито оттолкнул ее.

— Ты бы взяла жизнь своей дочери? — вопрошающе потребовал он.

— Это так легко... так до глупости легко, — сказала она.

Лито, чувствуя, что паника начинает охватывать его, вспомнил, какие усилия воли потребовались духу его отца, чтобы победить его плоть. Неужели Ганима потерялась в этом мире наблюдателя, где он наблюдал и слушал, изучая то, что требовалось знать от его отца?

— Я буду презирать тебя, мать, — сказал он.

— Другие не будут презирать меня, — сказала она. — Будь моим возлюбленным.

— Если я это сделаю... ты знаешь, чем вы оба станете, — сказал он. — Мой отец будет презирать тебя.

— Никогда!

— Я буду!

Звук вырвался из его горла против его желания, и он содержал все прежние повышенные тона Голоса, которым Пол научился у своей матери-колдуньи.

— Не говори так, — простонала она.

— Я буду презирать тебя!

— Пожалуйста... пожалуйста, не говори этого.

Лито потер горло, чувствуя, что мышцы стали снова его собственными.

— Он будет презирать тебя. Он отвернется от тебя. Он снова уйдет в пустыню.

— Нет... нет...

Она покачала головой из стороны в сторону.

— Ты должна уйти, мама, — сказал он.

— Нет... нет... — но голос утратил свою первоначальную силу.

Лито наблюдал за лицом сестры. Дергались ее мышцы! Ее лицо менялось от эмоций, которые отражали беспорядок и суету внутри ее самой.

— Уйди, — прошептал он. — Уйди.

— Не-е-е-ет...

Он схватил ее за руку, ощутил дрожь, которая пульсировала сквозь ее мышцы. Она извивалась, старалась высвободиться, но он крепко держал ее руку и шептал:

— Уходи... уходи...

И все это время Лито ругал себя за то, что втянул Гани в эту игру в родителей, в которую когда-то они очень часто играли, но раньше она успешнее сопротивлялась вселяющимся. Это правда, что женщина была намного слабее, чтобы противостоять этому внутреннему натиску, осознал он. В основе этого лежал страх Бене Джессерита. Шли часы, а тело Ганимы все еще дрожало и извивалось от внутренней борьбы, но теперь голос его сестры присоединился к его убеждениям. Он слышал, как она разговаривала с этим образом внутри ее, дополняла его.

— Мама... пожалуйста. А вдруг...

— Ты видела Алию! Ты хочешь стать такой же Алией?

Наконец Ганима вытянулась, прижавшись к нему, и прошептала: — Она повиновалась. Она ушла.

Он погладил ее по голове:

— Гани, я виноват. Я виноват. Я никогда больше не попрошу тебя об этом. Я был эгоистом. Прости меня.

— Нечего прощать, — сказала она, и ее голос был трепетным, она говорила с трудом, как после огромной физической нагрузки. — Мы узнали очень много о том, что нам нужно было знать.

— Она говорила тебе о многом, — сказал он. — Мы позже с этим разберемся, когда...

— Нет! Мы сделаем это сейчас же. Ты был прав.

— Моя Золотая Тропа?

— Твоя проклятая Золотая Тропа!

— Логика бессмысленна, если она не сопровождается существенными данными, — сказал он.

— Но я...

— Бабушка прибыла сюда, чтобы контролировать наше обучение и увидеть, не попали ли мы под влияние...

— Это то, что говорил Данкан. В этом нет ничего нового... Главный расчет, — согласилась она, ее голос становился увереннее. Она отодвинулась от него, посмотрела в сторону пустыни, которая лежала в предрассветной тишине. Эта борьба... эти знания стоили им целой ночи. Королевский Суд должен был много объяснить. Лито убедил, что ничего не потревожит их.

— Люди часто постигают тонкости мира по мере взросления, — сказал Лито. — Что если с нами тоже это происходит?

— Вселенная, как мы ее видим, никогда не бывает такой же физической величиной, — сказала она. — Мы не можем воспринимать эту бабушку как бабушку.

— Это было бы опасно, — согласился он. — Но я хочу задать вопрос.

— Это нечто сверх точного мира, — сказала она. — Мы должны иметь место в нашем сознании, чтобы воспринимать то, что мы не можем представить себе. Вот почему... моя мать часто говорила мне о Джессике. Наконец, когда мы оба намучились с внутренним изменением, она рассказала очень много, — Ганима вздохнула.

— Мы знали, что она наша бабушка, — сказал он. — Вчера ты провела с ней несколько часов. Так почему же...

— Если мы позволили себе это, наше «знание» будет определять, как мы реагируем на нее, — сказала Ганима. — Вот о чем все время предупреждала меня моя мама. Один раз она процитировала нашу бабушку, — Ганима дотронулась до его руки. — Я слышала эхо этого внутри себя, произнесенное голосом бабушки.

— Постоянно предупреждала тебя, — сказал Лито. Он нашел эту мысль причиняющей беспокойство. Было ли что-нибудь в этом мире надежным?

— Много ужасных ошибок происходит от устарелых предположений, — сказала Ганима. — Вот то, что моя мать процитировала.

— Это чистейший вывод Бене Джессерит.

— Если... если Джессика вернулась полностью к Сестрам...

— Это было бы очень опасно для нас, — сказал он, завершая мысль.

— Мы несем кровь из Квизац Садераха — их мужчины из Бене Джессерита.

— Они не откажутся от поисков, — сказала она. — Но они могут отказаться от нас. Наша бабушка могла бы быть инструментом для этого.

— Есть другой способ, — сказал он.

— Да — двое из нас... связаны. Но они знают, что постороннее может усложнить это спаривание.

— Это рискованное дело они должны были бы обсудить.

— И с нашей бабушкой в придачу.

— Мне не нравится этот способ.

— Мне тоже.

— Все-таки, не впервые королевская линия пыталась...

— Это вызывает у меня отвращение, — сказал он, передергиваясь.

Она услышала шорох, замолчала.

— Сила, — сказал он.

И в этой странной алхимии их совпадений она знала, где были его мысли.

— Сила Квизац Садераха должна ослабнуть, — согласилась она.

— Использоваться по их усмотрению, — сказал он.

В это время на пустыню опустился день. Они почувствовали, что начинается жара. Тотчас растения, начиная от утеса, обрели окраску. Мягкий, утонченный свет серебряного солнца Дюны разлился по девственному оазису планеты, наполненному золотыми и пурпурными оттенками в колодце из возвышающихся крутом скал.

Лито стоял, вытянувшись во весь рост.

— Итак, Золотая Тропа, — сказал Ганима, и она заговорила больше сама с собой, нежели с ними, зная, как последнее видение их отца объявилось и растворилось в снах Лито.

Сзади них послышались голоса.

Лито перешел на древний язык, который они использовали между собой, чтобы все держать в тайне:

– Л им ани хоур самие ем иви оур самит сут.

Это было то, где находилось решение в их сознании.

Дословно: «Мы будем сопровождать друг друга вплоть до смерти, хотя только один из нас может вернуться, чтобы доложить обо всем». Ганима затем встала, и они вместе вернулись в съетч, где тотчас же поднялась охрана и отступила назад, когда близнецы направились в свои покои. Толпа людей расступилась перед ними как-то особенно в то утро, обмениваясь взглядами с охранниками. Провести в одиночестве ночь над пустыней было старой традицией Свободных для святых Мудрецов. Все Уммы практиковали эту форму бодрствования. Пол Муад Диб делал это... и Алия. Теперь продолжили королевские близнецы.

Лито заметив ту особенность, сказал об этом Ганиме.

— Они не знают, что мы решили для них, — ответила она.

— Они действительно не знают.

Все еще объясняясь на своем языке, он сказал:

— Это требует самого сильного начала.

Ганима некоторое время размышляла, чтобы оформить свои мысли. Потом произнесла:

— Сейчас это должно быть абсолютно реально — даже если копать могилу. Сердце должно следовать сну, иначе не будет пробуждения.

Она имела в виду, что они, согласно плану Лито, — рисковали жизнью. Окончательный результат изменения был бы похож на смерть, буквально: «похоронное убийство». И это было дополнительное значение к тому, что указывало на того, кто выживет, чтобы обо всем рассказать, то есть «действуя как тот, кто останется в живых». Любой неправильный шаг полностью отрицал этот план, и тогда Золотая Тропа Лито приведет к смерти.

— Чересчур утонченно, — согласился Лито. Он раздвинул занавеси, когда они входили в свое помещение.

Оживленность среди прислуги исчезла только на миг, когда близнецы вошли в сводчатый коридор, ведущий в покои Леди Джессики.

— Ты — Острие, — напомнила ему Ганима.

— Я и не пытаюсь им быть.

Ганима взяла его за руку, чтобы он остановился.

— Алия, дарсатай хаунус м'смоу, — предупредила она.

Лито посмотрел ей в глаза. Действительно, действия Алии подтверждали то, что должна была заметить их бабушка. Он улыбнулся Гаиме, оценивая ее проницательность. Она смешала древний язык с суевериями Свободных, чтобы назвать наиболее сильную примету племени. М'Смоу, хакон летних ночей, был предвестником смерти в руках демонов. Исис была богиней демонов, смерти для людей на чьем языке они сейчас говорили.

— Мы, Атридесы, имеем репутацию смелых, — сказал он.

— Поэтому мы получили то, что хотели, — ответила она.

— Так мы станем истцами Регентства, — сказал он. — Алия не завершила фразу.

«Наш план, — думал он. — Она полностью теперь разделила его со мной». Потом сказал:

— Я думаю о нашем плане, это тяжелый труд шадуфа.

Ганима оглянулась, чувствуя теплый запах этого утра, осознавая вечное начало, тяжелый труд шадуфа. Это был зарок.

Она назвала их план сельскохозяйственной работой:

удобрение, ирригация, прополка, пересаживание, подрезание — при этом вкладывая смысл Свободных в то, что этот труд одновременно происходил в Другом Мире, где он символизировал культивацию богатства души.

Ганима изучала своего брата, пока они размышляли в этом скалистом коридоре. Здесь она увидела намного очевиднее, что он осваивал два уровня: во-первых, Золотая Тропа и их обед, и, во-вторых, это то, что она сама разрешила ему свободную власть, чтобы воплотить в жизнь чрезвычайно опасный миф, который порождал план. Это пугало ее. Неужели в своем видении он увидел что-то еще, чем он не поделился с ней? Мог ли он видеть себя, как потенциально обожествленную фигуру, способную вести человечество к возрождению — как отец, как сын? Культ Муад Диба изменил неумелое управление Алии и лишил прав на власть воинствующее духовенство, которое правило Свободными.

Лито хотел духовного возрождения. «Он что-то скрывает от меня», — сказала она.

Она снова воспроизвела в памяти и то, что он рассказывал ей о своем видении. Оно было настолько радужным и реалистическим, что он мог после этого в задумчивости бродить часами. Это видение, по его словам, оставалось неизменным.

— Я вижу себя на песке в ярко-желтом свете дня, хотя солнца нет, затем я осознаю, что солнце — это я. От меня исходит свет, как от Золотой Тропы. Когда я начинаю понимать это, я выхожу из своего тела. Я поворачиваюсь, ожидая увидеть себя в качестве солнца. Но я — не солнце, я — неподвижная фигура, напоминающая рисунок ребенка, выполненный зигзагами, неподвижные ноги, и руки, как палки. В моей левой руке — скипетр, и это настоящий скипетр — более близкий к реальности, чем застывшая фигура, которая держит его. Скипетр увеличивается, и это ужасает меня. По мере того, как он увеличивается, я постепенно пробуждаюсь, хотя я знаю, что я еще сплю. Я понимаю, что мое тело во что-то облачено, кожа закована в латы, которые тоже увеличиваются в размерах по мере того, как растет мое тело. Я не могу видеть латы, но я чувствую их. Тогда ужас покидает меня, потому что эти латы дают мне силу десяти тысяч мужчин.

Так как Ганима пристально смотрела на него, Лито старался отойти подальше, чтобы продолжить свой путь по направлению к покоям Джессики. Ганима стояла на своем.

— Эта Золотая Тропа может быть любой другой тропой, — сказала Ганима.

Лито посмотрел на скальный пол, чувствуя, что Ганиму снова одолевают сомнения. «Я должен это сделать», — сказал он себе.

— Алия — одержима, — сказала она. — Это могло бы и с нами случиться. Может быть, это уже случилось, а мы возможно, этого не знаем.

— Нет, — он покачал головой, встретил ее взгляд. — Алия сопротивлялась. Это придало ей силу. Поэтому благодаря своим собственным силам она победила. Мы осмелились копаться в тайниках своей памяти, найти древние языки и древние знания. Мы — это смесь нас самих и тех жизней, которые внутри нас. Мы не сопротивляемся, мы безрассудно идем у них на поводу. Вот что я узнал от своего отца прошлой ночью. Это то, что я должен знать.

— Но он ничего не сказал о том же, что во мне.

— Ты слушала нашу мать. Вот что мы — ...

— Но я почти запуталась.

— Она все еще сильно проявляется в тебе?

Страх сковал лицо. «Да... но теперь я чувствую, что она оберегает меня своей любовью. Ты правильно поступил, когда убеждал ее, — и Ганима подумала об отраженном в ней образе матери и сказала: — Наша мать существует теперь для меня, не проявляя себя в алам ал-матил больше других, но она испробовала вкус ада. Теперь я могу слушать ее без страха. Что касается других...»

— Да, — сказал он. — И я слушал моего отца, но я думаю, что последую совету моего дедушки, в честь которого меня назвали. Возможно, с этим именем будет значительно проще.

— Ты советовался о том, чтобы поговорить с нашей бабушкой о Золотой Тропе?

Лито подождал, пока мимо них не прошел слуга с подносом, на котором был завтрак для Леди Джессики. Резкий запах приправы остался в воздухе, когда он ушел.

— Она живет в нас и в своей собственной плоти, — сказал Лито. — Ее совет может быть обсужден вторично.

— Не мной, — протестовала Ганима. — Больше я не рискну.

— Тогда мной.

— Я думала мы согласились, что она вернулась к Сестрам.

— Действительно, Бене Джессерит в ее начале, ее собственное создание в середине, и Бене Джессерит в конечном итоге. Но помни, что она тоже несет в себе кровь Харконнена

и находится гораздо ближе к ней, чем мы, что она испытала форму этого внутреннего разделения, которое имели мы.

— Очень поверхностная форма, — сказала Ганима. — Но ты не ответил на вопрос.

— Мне кажется, я ничего не упоминал о Золотой Тропе.

— Но мне кажется...

— Гани!

— Нам не нужны больше Атридесские боги! Нам нужно пространство для небольшой части человечества!

— Разве я отрицал это?

— Нет, — она глубоко вздохнула и посмотрела в сторону. Прислуга глядела на них из передней, слыша их речь, но не понимая древних слов.

— Мы должны сделать это, — сказал он. — Если бы мы действовали достаточно, то могли бы сами упасть на свои же ножи, — он использовал идиому Свободных, которая несла смысл наподобие «сливая нашу воду в цистерну племени».

Ганима еще раз посмотрела на него. Она вынуждена была согласиться. Но она чувствовала, что попала в ловушку, в конструкцию, состоящую из множества стен. Они оба знали день расплаты, которая лежала тенью поперек их пути, независимо от того, что они делали. Ганима знала это с уверенностью, которую ей придавали знания, полученные от других жизней, существующих в памяти, но теперь она опасалась силы, которую дала тем другим психическим образам, используя данные их опыта. Они прятались внутри ее как хищники, демон-тени, поджидающие в засаде.

За исключением ее матери, которая имела власть над плотью и отреклась от нее. Ганима все еще чувствовала потрясение от внутренней борьбы, она знала, что обязательно потеряла бы свое собственное «я», если бы не настойчивость Лито.

Лито сказал, что его Золотая Тропа уводила с этого пути. Кроме изводящего сознания того, что он скрывал что-то из своего видения, она могла лишь принимать его искренность.

Ему нужна была ее изобилующая созидательность, чтобы обогатить его план.

— Нам необходимо пройти Испытание, — сказал он, зная в чем она сомневается.

— Не со спайсом.

— Возможно, даже так. Наверняка, в пустыне и в Испытании Одержимостью.

— Ты никогда не упоминал Испытания Одержимостью! — обвинила она. — Это часть твоего видения?

Он пытался проглотить слюну, чтобы смочить пересохшее горло.

— Да.

— Значит, мы будем... одержимы?

— Нет.

Она подумала об Испытании — этом древнем экзамене Свободных, который в конечном итоге мог привести к ужасной смерти. Кроме того, этот план имел другие сложности. Он привел бы их на острие лезвия, падение с которого на одну из сторон могло бы быть не поддержанным морально человеческим разумом и этот разум мог бы остаться здравым.

Зная, где блуждали его мысли, Лито сказал:

— Власть привлекает медиумов. Всегда. Вот чего нам надо избежать внутри себя.

— Ты уверен, что мы не поддадимся одержимости?

— Нет, если мы создали Золотую Тропу.

Все еще сомневаясь, она сказала:

— Я не буду носить твоих детей, Лито.

Он покачал головой, подавляя в себе внутреннюю измену, и перешел снова на древний язык, известный только им: «Сестра моя, я люблю тебя больше, чем себя, но это вовсе не проявление нежности моих желаний.

— Очень хорошо, тогда давай вернемся к другому аргументу до того, как встретимся с нашей бабушкой. Нож, вонзенный в Алию, мог бы решить большинство наших проблем».

— Если ты веришь этому, то поверишь, что мы сможем идти по грязи, не оставляя после себя никаких следов, — сказал он. — Кроме того, когда было такое, чтобы Алия давала кому-нибудь возможность?

— Речь идет о Джавиде.

— Неужели у Джавида пробиваются рога?

Ганима пожала плечами.

— Один яд, два яда.

Это был общий язык, относящийся к королевской привычке каталогизировать компаньонов по их угрозе вашей персоне; знак правителей повсюду.

— Мы должны делать все по-моему, — сказал он.

— Если бы мы поступили иначе, было бы чище.

По ее ответу он знал, что она подавила в себе свои сомнения и, наконец, согласилась с его планом. Достигнув этого, он не почувствовал себя счастливым. Он вдруг обнаружил, что смотрит на свои собственные руки, размышляя, прилипнет ли к ним грязь.

То было достижение Муад Диба. Он видел подсознательный резервуар каждого индивидуума, как несознанный банк памятей, ведущих к начальной клетке нашего общего генезиса. Каждый из нас, говорил он, может отмерять свой путь от этого общего происхождения. Видя это и говоря об этом, он совершил дерзкий прыжок в сторону принятия решения. Муад Диб поставил себе задачу об интегрировании генетической памяти в оценке поведения. Таким образом, он прорвался сквозь завесы Времени, сделав будущее Муад Диба, воплощенное в его сыне и его дочери.

Завет Арракиса по Харк ал-Аду

Фарадин шел большими шагами через сад, который являлся частью королевского дворца его деда, наблюдая, как его тень становится все короче по мере того, как Солнце Салузы Второй катилось к полудню. Он должен был увеличить шаг, чтобы не отставать от высокого Башара, который сопровождал его.

— У меня есть сомнения, Тайканик, — сказал он. — О, я вовсе не отказываюсь от трона, но... — он глубоко вздохнул. — У меня есть много других интересов.

Тайканик, после ожесточенной дискуссии с матерью Фарадина, посмотрел косо на Принца, отметив, как окрепла его плоть, когда он достиг своего восемнадцатилетия. В нем все меньше и меньше с каждым прошедшим днем оставалось от Вэнсики, и проявлялось все больше и больше от Шаддама, который предпочел свои личные занятия королевским обязанностям. В конце концов, разумеется, это стоило ему трона. Он не был жесток.

— Ты должен сделать выбор, — сказал Тайканик. — О, несомненно, будет время для удовлетворения каких-то твоих интересов, но...

Фарадин покусывал нижнюю губу. Обязанность удерживала его здесь, но он чувствовал себя разбитым. Лучше бы он отправился на площадку среди скал, где уже проходили испытания с песчаной форелью. Теперь имелся проект с огромным потенциалом: отвоевать у Атридесов монополию по производству спайса и что-то должно было произойти.

— Ты уверен, что эти близнецы будут... устранены?

— Нет ничего абсолютно точного, Мой Принц, но шансы хорошие.

Фарадин пожал плечами. Убийство оставалось фактом королевской жизни. Язык был полон едва заметных переста-

новок в способах, чтобы устранить важные персоны. С помощью одного слова можно было отличить отравленное питье от отравленной пищи. Он полагал, что Атридесские близнецы будут ликвидированы с помощью яда. Это была не совсем приятная мысль. По общим отзывам близнецы были довольно интересной парой.

— Нам обязательно надо отправиться на Арракис? — спросил Фарадин.

— Это лучший выбор, это значительно ускорит осуществление наших планов.

У Фарадина оставался еще один вопрос, и Тайканик поинтересовался, для чего эти расспросы.

— Я встревожен, Тайканик, — сказал Фарадин, когда они поворачивали за угол ограды и направлялись к фонтану, окруженному огромными черными розами. Из-за ограды было слышно, как садовники щелкали ножницами.

— Да? — подгонял его Тайканик.

— Ну, это, религия, которую мы изучаем...

— В этом нет ничего страшного, Мой Принц, — сказал Тайканик, он надеялся, что его голос был твердым и уверенным. — Эта религия обращается к воину, который предстает в моем лице. Это очень подходящая религия для Сардукара, — по крайней мере, это была правда.

— Да-а-а... Но моей маме, видимо, это очень нравится.

«Пропади она пропадом, эта Вэнсика! — подумал Башар. — Она вызывает у своего сына подозрения».

— Меня не волнует, о чем думает твоя мама, — сказал Тайканик. — Религия — это личное дело каждого человека. Возможно, она видит в этом нечто, что, может быть, поможет возвести тебя на трон.

— Именно об этом я и думал, — сказал Фарадин.

«Какой наблюдательный парень!» — подумал Тайканик. Потом сказал: «Присмотрись к этой религии сам: ты сразу же поймешь, почему я выбрал ее».

— И, тем не менее... проповеди Муад Диба? В конце концов, он был Атридесом.

— Я могу лишь сказать, что пути Господни неисповедимы, — сказал Тайканик.

— Да. Скажите мне, Тайк, почему ты именно теперь попросил меня прогуляться с тобой? Сейчас почти полдень, и обычно в это время моя мать отправляет тебя куда-нибудь с разными поручениями.

Тайканик остановился у каменной скамьи, которая стояла напротив фонтана; позади нее росли гигантские розы.

Плещущая вода действовала на него успокаивающе, и, не отрывая от нее глаз, он заговорил.

— Мой Принц, я делал кое-что, что не понравилось твоей маме, — и подумал: «Если он поверит этому, то ее дьявольская схема заработает». Тайканик почти надеялся, что схема Вэнсики потерпит крах. «Привезти сюда этого проклятого Проповедника. Она была ненормальной. И какой ценой!»

Когда Тайканик в ожидании замолчал, Фарадин спросил: «Ладно, Тайк, что же ты натворил?»

— Я доставил сюда практикующего толкователя снов, — сказал Тайканик.

Фарадин метнул проницательный взгляд в сторону своего компаньона. Некоторые из более старших сардукаров играли в игру с толкованием снов, они так в этом преуспели после их поражения в «игре» с «главным толкователем снов» Муад Дибом. Где-то в их снах, как они полагали, может быть указано, как достичь власти и славы. Но Тайканик всегда воздерживался от этой игры.

— Это не похоже на тебя, Тайк, — сказал Фарадин.

— Тогда я могу только говорить о том, что подразумевает эта новая религия, — сказал он, обращаясь к фонтану. Упоминая о религии, подразумевалось, конечно, говорить о том, зачем они рискнули доставить сюда Проповедника.

— Тогда говори то, что подразумевает эта религия, — сказал Фарадин.

— Как велит Мой Принц, — он повернулся, посмотрел на этого юного обладателя всех снов, которые теперь извлекались для того, чтобы направить Дом Коррино по правильному пути. — Церковь и Государство, Мой Принц, даже научное обоснование и вера, и даже больше: прогресс и традиция — все это согласовано в учении Муад Диба. Он учил, что не существует непримиримых противоположностей, за исключением вероисповеданий и снов. Будущее открывают в прошлом, и оба эти понятия являются частью одного целого.

Несмотря на сомнения, которые он не мог рассеять, Фарадин был потрясен этими словами. Он услышал ноту вынужденной откровенности в голосе Тайканика, как будто человек говорил против своей воли. — И поэтому ты приведешь ко мне этого... этого толкователя снов?

— Да, Мой Принц. Потому что твой сон пронизывает Время. Ты сможешь понять свою внутреннюю сущность, когда осознаешь, что вселенная — это единое целое. Твои сны... ну, как это сказать...

— Но я не придавал значения своим снам, — запротестовал Фарадин. — Они как диковинка, не больше. Я никогда не подозревал, что ты...

— Мой принц, имеет значение все, что бы ты ни сделал.

— Ты сильно преувеличиваешь, Тайк. Ты в самом деле веришь, что этот Проповедник может разгадывать самые великие тайны?

— Да, Мой Принц.

— Тогда придется огорчить мою мать.

— Ты хочешь увидеть его?

— Конечно, если ты доставил его сюда, чтобы вызвать неудовольствие у моей матери.

«Он насмехается надо мной?» — подумал Тайканик. И сказал: «Я должен предупредить вас, что старик носит маску. Это изобретение с планеты Икс, которое позволяет слепому видеть своей собственной кожей».

— Он слепой?

— Да, Мой Принц.

— Он знает, кто я?

— Я сказал ему, Мой Принц.

— Очень хорошо. Пойдем к нему.

— Если Мой Принц соизволит подождать один момент здесь, я приведу старика к нему.

Фарадин оглядел окружавший фонтан, улыбнулся. Это место, как и любое другое, как нельзя лучше подходит для этой глупой затеи. — Ты говорил ему, что мне снилось?

— Только в общих чертах, Мой Принц. Он спросит вас о ваших личных суждениях по этому поводу.

— Очень хорошо. Я буду ждать здесь. Веди его.

Фарадин повернулся к нему спиной, он слышал, как Тайканик поспешно ушел. Можно было видеть, как садовник работал за оградой, была видна макушка его головы в коричневой кепке, сверкающие ножницы, которыми он срезал зеленые верхушки кустов. Зрелище было завораживающим.

«Толкование снов — это чушь, — думал Фарадин. — Со стороны Тайка было неправильно делать это, не посоветовавшись со мной. Странно, что Тайк в его возрасте ударился в религию. А теперь еще эти сны».

Немного погодя, он услышал позади себя шаги. Хорошо знакомые шаги Тайканика и более медленная походка. Фарадин повернулся, он посмотрел на приближающуюся фигуру толкователя снов. Икшианская маска была черного цвета, просвечивающая, тонкая, закрывающая лицо ото лба

до подбородка. Разрезов для глаз на маске не было. Если верить икшианским россказням, то вся маска, целиком, представляла собой глаз.

Тайканик остановился в двух шагах от Фарадина, но человек в маске приблизился к нему на расстояние меньше одного шага.

— Толкователь снов, — сказал Тайканик. Фарадин кивнул.

Старик в маске кашлянул так, как будто хотел вытолкнуть что-то наверх из своего желудка.

Фарадин почувствовал резкий запах спайса, исходивший от старика. Он исходил от длинной серой одежды, которая закрывала его тело.

— Эта маска действительно часть вашей плоти? — спросил Фарадин, желая оттянуть разговор о снах.

— Пока я ношу, — произнес старик, и его голос имел гнусавый оттенок и характерный акцент Свободных. — Твой сон, — сказал он. — Расскажи мне его.

Фарадин пожал плечами.

— Почему бы и нет? — «Вот зачем Тайк привел сюда старика. А так ли это?» Сомнения охватили Фарадина и он спросил: — Вы действительно толкователь снов?

— Я пришел, чтобы истолковать твой сон, Могущественный Господин.

Снова Фарадин пожал плечами. Эта фигура в маске заставляла его нервничать, и он посмотрел на Тайканика, который оставался на том месте, где и остановился, сложив руки на груди и уставившись на фонтан.

— Итак, ваш сон, — настаивал старик.

Фарадин глубоко вздохнул и начал излагать свой сон. Когда он совершенно увлекся рассказом, стало легче. Он рассказал про воду, которая текла вверх по стенам колодца, о мирах, которые в виде атомов кружились в его голове, о змее, которая превращалась в песчаного червя и взрывалась облаком пыли. Рассказывая о змее, он очень удивился, что здесь потребовалось приложить больше усилий. Ужасное нежелание, сидевшее в нем, мешало ему, и это сердило его, когда он рассказывал.

Старик оставался безучастным, когда Фарадин, наконец, умолк. Черная тонкая маска едва заметно двигалась в такт дыханию. Фарадин ждал. Молчание продолжалось.

Вскоре Фарадин спросил:

— Вы не собираетесь истолковать мой сон?

— Я уже истолковал его, — казалось, что его голос слышался издалека.

— Ну и? — свой собственный голос Фарадину показался каким-то писклявым, это говорило о том, какое напряжение возымел на него рассказ про сон.

Но старик по-прежнему оставался безразлично молчаливым.

— Скажите мне, наконец! — в его голосе очень ясно слышалось раздражение.

— Я сказал, что уже истолковал, — повторил старик. — У меня нет желания рассказывать о моем истолковании тебе.

Даже Тайканика это задело, и он сжал руки в кулаки.

— Я сказал, что представил свое истолкование, — сказал старик.

— Ты хочешь, чтобы тебе больше заплатили? — спросил Фарадин.

— Я вообще не просил никакой платы, когда меня сюда привели.

Что-то наподобие холодной гордости в этом ответе смягчило гнев Фарадина. Это был очень храбрый старик. Он должен был знать, что непослушание каралось смертью.

— Позвольте мне, Мой Принц, — сказал Тайканик, когда Фарадин начал говорить.

Тогда он спросил: «Почему ты не хочешь раскрыть твое истолкование?»

— Ладно, мой господин. Сон говорит мне о том, что нет смысла объяснять эти вещи.

Фарадин не мог сдержать себя.

— Ты хочешь сказать, что я уже знаю смысл своего сна?

— Может быть, да, Мой Господин, но это не главное.

Тайканик придвинулся ближе к Фарадину. Оба пристально смотрели на старика.

— Объясни, что ты хочешь сказать? — спросил Тайканик.

— В самом деле, — сказал Фарадин.

— Если бы мне пришлось говорить про этот сон, чтобы исследовать вопросы воды и пыли, змей и червей, чтобы проанализировать атомы, которые роятся в твоей голове, так же как и в моей, — ах, Могущественный Господин, — то мои слова озадачили бы тебя и ты бы ничего не понял.

— Ты боишься, что твои слова могли бы разгневать меня, — требовал Фарадин.

— Мой Господин! Ты уже разгневан.

— Это потому, что ты не доверяешь нам? — спросил Тайканик.

— Очень близко к цели, Мой Господин. Я также не

доверяю тебе, и по простой причине — потому что ты сам себе не доверяешь.

— Ты очень рискуешь, — сказал Тайканик. — Здесь людей казнят за менее безобидное и оскорбительное поведение, чем твое.

Фарадин кивнул в знак согласия и сказал:

— Не испытывай наше терпение.

— Фатальные последствия гнева Коррино хорошо известны, Мой Господин Салузы Второй, — сказал старик.

Тайканик положил свою руку на руку Фарадина, чтобы сдержать его гнев, и спросил:

— Ты пытаешься довести нас до того, чтобы мы убили тебя?

Фарадин не думал об этом, он чувствовал теперь холод внутри себя, как только представил, что могло означать такое поведение. Представлял ли этот старик, которого называли Проповедником... представлял ли он нечто большее, чем казался? Что могло бы повлечь за собой его смерть? Мученики могли бы оказаться очень опасными существами.

— Я сомневаюсь, что ты убил бы меня, независимо от того, что бы я сказал, — проговорил Проповедник. — Я думаю, ты знаешь мне цену, Башар, и твой Принц об этом догадывается.

— Ты совсем отказываешься объяснять его сон? — спросил Тайканик.

— Я уже объяснил его.

— Но ты не сказал, что нашел в нем?

— Ты порицаешь меня, Мой Господин?

— Какую ценность ты можешь представлять для меня? — спросил Фарадин.

Проповедник вытянул вперед правую руку.

— Если я поманю этой рукой, то придет Данкан Айдахо и будет исполнять мои приказания.

— Что это за пустое хвастовство? — спросил Фарадин.

Но Тайканик покачал головой, припоминая свой спор с Вэнсикой. Он сказал:

— Мой Принц, это может быть правдой. У этого Проповедника много последователей на Дюне.

— Почему ты не сказал мне, что он оттуда? — спросил Фарадин.

До того, как Тайканик смог ответить, Проповедник обратился к Фарадину:

— Мой Господин, ты не должен чувствовать своей вины за Арракис. Ты всего лишь продукт своего времени. Это

особого рода мольба любого человека, который погряз в своей виновности.

— Виновности! — гневно выпалил Фарадин.

Проповедник только пожал плечами.

Странно, но неистовство Фарадина сменилось изумлением. Он засмеялся, откидывая назад голову, отводя от Тайканика настороженный взгляд. Потом сказал:

— Ты нравишься мне, Проповедник.

— Это как вознаграждение для меня, Принц, — ответил старик.

Подавляя смех, Фарадин сказал:

— Мы найдем для тебя апартаменты здесь, при дворе. Ты будешь моим официальным толкователем снов — даже если ты никогда не скажешь мне и слова о своем толковании. И ты можешь рассказывать мне о Дюне. Я испытываю огромное любопытство к этому месту.

— Этого я не могу сделать, Принц.

Гнев, достигший критической точки, снова вернулся к нему. Фарадин бросил молниеносный взгляд на черную маску.

— А почему бы и нет, умоляю, скажи?

— Мой Принц, — прервал Тайканик, снова дотрагиваясь до руки Фарадина.

— В чем дело, Тайк?

— Мы доставили его сюда, заключив соглашение с Космическим Союзом. Он должен быть возвращен на Дюну.

— Мне велели вернуться на Арракис, — сказал Проповедник.

— Кто велит тебе? — требовательно спросил Фарадин.

— Власть более великая, чем твоя, Принц.

Фарадин вопросительно посмотрел на Тайканика.

— Он шпион Атридесов?

— Не совсем так, мой Принц. Алия установила цену за его голову.

— Если это не Атридесы, тогда кто приказывает тебе? — спросил Фарадин, переключая свое внимание на Проповедника.

— Возможность более великая, чем Атридесы.

У Фарадина вырвался смешок. Это была какая-то мистическая чепуха. Как могли одурачить Проповедника? Проповеднику приказывали, и скорей всего это были сны. Какое важное значение имели эти сны?

— Это пустая трата времени, Тайк, — сказал Фарадин. — Почему ты подверг меня этой... этой Шутке?

— Это имеет двойную ценность, Мой Принц, — ответил Тайканик.

— Этот толкователь снов обещал мне доставить Данкана Айдахо как агента Дома Коррино. Все, о чем он просил, это встретиться с тобой и истолковать твой сон, — про себя Тайканик добавил: «И так он сказал Вэнсике». Новые сомнения напали на Башара.

— Почему мой сон так важен для тебя, старик? — спросил Фарадин.

— Твой сон говорит мне, что великие события ведут к логическому заключению, — сказал Проповедник. — Я должен поспешить с возвращением.

Усмехаясь, Фарадин сказал:

— Ты хочешь остаться загадочным, так и не дав мне совета.

— Совет, Принц, очень опасное дело. Но я рискну сказать несколько слов, которые ты можешь воспринимать как совет или как-то иначе, вообще, как ты этого захочешь.

— Конечно, — сказал Фарадин.

Закрытое маской лицо Проповедника было прямо против лица Фарадина.

— Правительства могут приходить к власти или распадаться по причинам абсолютно незначительным, Принц. Какие пустяковые события! Спор между двумя женщинами... куда дует ветер в какой-то определенный день... насморк, кашель, длина одежды или как соринка попала в глаз придворного. Это не всегда важные интересы министров Империи, которые диктуют ход истории, а также вовсе не обязательные понтификации священников, которые движут руками Господа!

Эти слова глубоко взволновали Фарадина, и он не мог найти объяснения этим чувствам.

Тайканика, однако, заинтересовала одна фраза. Почему Проповедник говорил про одежду? Мысли Тайканика сосредоточились на Имперских костюмах, которые отправили Атридесам-близнецам, на тиграх, которые выдрессировали нападать. Неужели этот старик делал неуловимое предупреждение? Много ли он знал?

— Как можно воспользоваться этими словами, в качестве совета? — спросил Фарадин.

— Если у тебя это получится, — сказал Проповедник. — Ты должен свести свою стратегию к точке ее применения. Где применяют стратегию? В особом месте и с особыми людьми. Но даже если учесть все мельчайшие детали, все равно одна ничего не значащая деталь останется не замечен-

ной тобой. Может быть, Принц, твоя стратегия доведена до амбиций жен местного правителя?

Холодным голосом Тайканик прервал его:

— Почему ты заладил про эту стратегию, Проповедник? Как ты думаешь, что ожидает Принца?

— Все идет к тому, что он пожелает занять трон, — сказал Проповедник. — Я желаю удачи, но ему, возможно, понадобится нечто гораздо большее, чем удача.

— Это опасные слова, — сказал Фарадин.

— Как ты осмеливаешься произносить такие слова?

— Амбиции ведут к тому, что действительность перестает тебя волновать, — сказал Проповедник. — Я осмеливаюсь произносить такие слова, потому что ты стоишь на распутье. Ты мог бы стать замечательным. Но сейчас ты окружен теми, кто не ищет моральных оправданий, советниками, которые стратегически ориентированы. Ты молод, силен и вынослив, но тебе не достает определенного, хорошо продуманного обучения, с помощью которого мог бы формироваться твой характер. Это грустно, потому что у тебя есть слабости, о которых я уже рассказывал.

— Что ты имеешь в виду? — потребовал Тайканик.

— Будь осторожен, когда говоришь, — сказал Фарадин. — Про какую слабость ты говоришь?

— Ты не дал ни малейшего намека на то, каким может быть общество, которое ты мог бы предпочесть, — сказал Проповедник. — Ты не принимаешь во внимание надежды своих подданных. Ты не имеешь даже малого представления о форме Империи, которой ты добиваешься, — он повернул лицо, закрытое маской, к Тайканику.

— Тебя больше притягивает власть, а не то, как ею пользоваться и как избежать опасности, которые она уготовила. Таким образом, твое будущее заполнено явными таинствами: спорящими женщинами, кашлем и ветреными днями. Как ты можешь создать эпоху, если не можешь видеть каждой мелочи? Твой здравый ум не будет служить тебе. Вот в этом-то и есть твои слабости.

Фарадин долго изучал старика, удивляясь глубоким выводам, которые были результатом его мысленной деятельности, постоянству таких подвергнутых сомнениям понятий. Мораль! Цели общества! Это были мифы, которые должны были существовать параллельно с верой в восходящее движение эволюции.

Тайканик сказал:

— Достаточно произнесено слов. На какой цене вы остановились, Проповедник?

— Данкан Айдахо — вал, — сказал Проповедник. — Подумайте, как лучше использовать его. Ему цены нет.

— О, у нас для него есть подходящая миссия, — ответил Тайканик. Он взглянул на Фарадина. — С вашего разрешения, Мой Принц?

— Отошлите его до того, как я изменю свое решение, — сказал Фарадин. Потом, глядя на Тайканика: — Мне не нравится, как ты обошелся со мной, Тайк!

— Прости меня, Принц, — сказал Проповедник. — Твой верный Башар выполняет волю Бога, даже не подозревая об этом.

Откланявшись, проповедник удалился, и Тайканик поспешил проводить его. Фарадин смотрел им вслед и думал: «Я должен узнать, что это за религия, которой отдается Тайк». И он грустно улыбнулся.

«И он в своем видении увидел доспехи. Доспехи не были его собственной кожей: они были сильнее, чем пласталь. Ничто не могло проникнуть сквозь его доспехи: ни нож, ни яд, ни песок, ни пыль пустыни или ее изнуряющая жара. В своей правой руке он содержал силу, чтобы вызвать кориолисову бурю, чтобы вызвать землетрясение и превратить все в ничто. Его глаза были прикованы к Золотой Тропе, а в левой руке он держал скипетр абсолютной власти. А там, где обрывалась Золотая Тропа, его глаза устремлялись в вечность, которая, как он знал, должна быть пищей для его души и вечносуществующей плоти».

«Хейхия: Сон моего брата» из «Книги Ганимы».

— Лучше будет, если я никогда не стану Императором, — сказал Лито. — Я не намекаю на то, что совершил ошибку своего отца и заглянул в будущее, приняв стакан спайса. Я говорю, что это все из-за эгоизма. Моя сестра и я отчаянно нуждаемся в том времени, когда мы сможем узнать, как жить таким, как мы?

Он умолк, вопросительно посмотрев на Леди Джессику. Интересно, каков будет ответ их бабушки?

Джессика изучала своего внука в тусклом свете светильников, которые освещали ее апартаменты в съетче Табр. Все еще было раннее утро, это был ее второй день пребывания здесь, и ей уже успели доложить, что близнецы провели целую ночь вне съетча. Что они там делали? Она плохо спала в эту ночь. Это был съетч ее ночных кошмаров — но за его

стенами не было пустыни, насколько она помнила. Откуда взялись все эти цветы? И воздух, окружавший ее, казался слишком сырым.

— Объясни, дитя, что это значит: вам нужно время, чтобы познать себя? — спросила она.

Он слегка покачал головой, зная, что это был жест взрослого человека в детском теле, напоминая себе, что он должен вывести эту женщину из равновесия.

— Во-первых, я не ребенок. О... — он дотронулся до груди. — Это тело ребенка, и это не подлежит сомнению. Но я не ребенок.

Джессика покусывала верхнюю губу. Ее Герцог, который так давно умер на этой проклятой планете, смеялся над этой ее привычкой. «Это твой необузданный ответ. Так он называл это покусывание губы. Это говорит мне о том, что ты встревожена, и я должен поцеловать эти губы, чтобы снять с них это волнение».

Теперь ее внук, который носил имя ее герцога, успокоил ее лишь одной улыбкой и фразой:

— Ты встревожена: я вижу это по твоим дрожащим губам.

Необходимо было глубокое знание одной из дисциплин Бене Джессерит, чтобы создать хотя бы видимость душевного равновесия. Она овладела собой и спросила:

— Ты насмехаешься надо мной?

— Насмехаться над тобой? Никогда. Но я должен объяснить тебе, что мы сильно отличаемся друг от друга. Позволь напомнить тебе о тех оргиях, происходивших много лет тому назад, когда старая Преподобная Мать передала тебе ее собственные жизни и воспоминания. Она передала тебе длинную цепь, каждое звено которой подразумевает отдельную личность.Ты до сих пор имеешь всех в своем распоряжении. Поэтому ты знаешь кое-что из того, что мы с Ганимой испытываем.

— А Алия? — спросила Джессика, дразня его.

— А разве ты не говорила об этом с Гани.

— Я хочу обсудить это с тобой.

— Очень хорошо. Алия отрицала то, что было с ней, и, наконец, стала тем, чего они больше всего боялись. Это опасно для любого человека, но для нас, предрожденных, это хуже, чем смерть. И это все, что я хочу сказать про Алию.

— Итак, ты не ребенок,— сказала Джессика.

— Мне миллионы лет.

Джессика кивнула, на этот раз спокойнее, но с ним была более осторожной, чем с Ганимой. А где была Ганима? Почему Лито пришел один?

— Послушай, бабушка,— сказал он.— Мы— это последствие! Мерзость и мы — разве это надежда Атридесов?

Джессика не обратила внимания на вопрос.

— Где твоя сестра?

— Она отвлекает Алию, чтобы оградить нас от беспокойства. Это необходимо. Но Ганима рассказала бы тебе больше, чем я. Разве ты не заметила этого вчера?

— То, что я заметила, это мое дело. Почему ты лепечешь про Мерзость?

— Лепечу? Не обращайся ко мне на своем Бене Джессеритском жаргоне, бабушка. Тем же самым я тебе отвечу, слово за словом. Я хочу большего, чем дрожание твоих губ...

Джессика встряхнула головой, чувствуя холодность этого... лица, в жилах которого текла ее кровь. Она пыталась противостоять его тону и спросила:

— Что ты знаешь о моих намерениях?

Он усмехнулся.

— Ты не должна спрашивать, совершил ли я ошибку, как мой отец. Я не выглядывал за пределы нашего сада времени, по крайней мере, не пытался. Оставь абсолютные знания будущего для моментов дежа вю, которые может испытать любой человек.

Я знаю, какую западню готовит предвидение. Жизнь моего отца говорит мне, что я должен знать об этом. Навсегда пойманным, как в ловушку, этим будущим. Это разрушает время. Настоящее становится будущим. Мне нужно гораздо больше свободы, чем эта.

Джессика не знала, что ответить. Это чудовищно! «Мой любимый Лито!» Эта мысль потрясла ее. На мгновение ей показалось, что детская маска сейчас упадет и обнаружатся те дорогие черты... Нет! Лито опустил голову и смотрел исподлобья, изучая ее. Да, ею можно управлять. Он сказал:

— Когда ты думаешь о предвидении, ты ничем не отличаешься от других. Большинство людей представляет, как было бы хорошо, если бы можно было знать завтрашний курс цен на китовый мех. Или будет ли Харконнен когда-нибудь еще управлять своим Домом Гайди Прайм. Но, конечно, мы знаем о Харконненах без предвидения, не так ли, бабушка?

Она не захотела снизойти до его насмешек над кровью Харконненов, которая передалась ему от далеких предков.

— Кто такой Харконнен? — спросил он. — Кто такой Зверь Раббан? Это один из нас, а? Но я отклоняюсь от темы. Я говорю об общепринятом мифе предвидения: знать будущее абсолютно! Полностью! Какие судьбы могли бы быть

созданы, а какие потеряны благодаря таким абсолютным знаниям, а? Толпа верит в это. Они верят, что если откусить маленький кусочек, то будет хорошо, а если большой, то будет намного лучше. Как замечательно! И если ты дашь любому из них полный сценарий его жизни, то какой это будет жуткий подарок. Что за скука! Он будет иметь абсолютное знание о любом моменте его жизни, который он проживает. Никакого отклонения! Он мог бы предвосхищать каждый ответ, каждое высказывание — еще и еще, и еще, и еще, и еще и...

Лито покачал головой.

— Незнание имеет свои преимущества. Вселенная, которая таит в себе неожиданности, вот чего я хочу!

Это была длинная речь, и когда она слушала его, то была очень удивлена, что его манера говорить, его интонации напоминали ей его отца — ее потерянного сына, даже сами идеи: это были вещи, о которых мог бы говорить Пол.

— Ты напоминаешь мне своего отца, — сказала она.

— Тебе это причиняет боль?

— Некоторым образом, но и в то же время убеждает, что он продолжает жить в тебе.

— Как мало ты помнишь из того, как он продолжает жить во мне.

Джессика заметила, что он говорил ровным голосом, но в голосе этом слышалась горечь. Она приподняла подбородок, чтобы смотреть ему прямо в лицо.

— Или как твой Герцог живет во мне — это ты! Алия настолько повторяет тебя, что твоя жизнь не может утаить никаких секретов от нее. И я! Я — как Каталог записей памяти. Бывают моменты, когда становится просто невыносимо. Ты пришла сюда, чтобы судить Алию? Это лучше, чем если бы мы судили тебя!

Джессика не знала, что на это ответить. Что он делает? Неужели он достиг состояния Алии — Мерзости?

— Это беспокоит тебя, — сказал он.

— Это беспокоит меня, — она пожала плечами. «Да, это беспокоит меня — и причины ты прекрасно знаешь. Я уверена, что ты пересмотрел мое обучение в Бене Джессерит. Ганима делает это. Я знаю, что Алия... делала. Ты знаешь, откуда вытекает твое отличие».

Он напряженно смотрел на нее.

— Мы знаем дрожание твоих губ, как это знал твой возлюбленный. В каждой спальне, если мы захотим, мы можем услышать шепот Герцога. Ты восприняла это интел-

лектуально, я в этом не сомневаюсь. Но я предупреждаю тебя, что интеллектуального восприятия недостаточно. Если кто-то из нас станет Мерзостью... возможно, ей окажешься ты, создающая это. Или мой отец... или мать! Твой Герцог. Любой из вас мог овладеть нами — и условие будет тем же.

Джессика почувствовала жжение в груди, в глазах потемнело.

— Лито... — едва выговорила она, позволив себе, наконец, произнести его имя. Оказалось, это причиняло меньше боли, чем она думала. Собрав силы, она продолжала. — Чего ты хочешь от меня?

— Я хотел бы поучить свою бабушку.

— Учить меня? Чему?

— Прошлой ночью мы с Ганимой играли роли наших родителей, это почти довело нас до самоуничтожения, но зато мы многое узнали. Есть вещи, которые надо знать. Теперь Алия, это совершенно верно, замышляет похитить тебя.

Джессика метнула взгляд в его сторону, она была потрясена услышанным. Она знала хорошо этот прием, и сама несколько раз пользовалась им, когда человека убеждают, и затем шокируют. Она пришла в себя, сделав резкий вдох.

— Я знаю, что Алия делала... что она, но...

— Бабушка, пожалей ее. Положись на свое сердце, а равно и на свой интеллект. Раньше ты это делала. Ты несешь угрозу, и Алия хочет прибрать к рукам всю Империю, по крайней мере, это единственное, чего она хочет.

— Как мне распознать, кто это говорил: она сама, или это результат проявления Мерзости?

Он пожал плечами.

— Вот где тебе должно помочь сердце. Гани и я знаем, как она чувствует. Не очень-то легко противостоять требованиям этого множества лиц, которые внутри, подавить их собственное «я», а потом они снова будут атаковать всей толпой — каждый раз, когда вызываешь чью-нибудь память. Однажды... — он сглотнул слюну, чтобы смочить пересохшее горло — ... один из этих решит, что пора делить плоть.

— И ты ничего не можешь сделать? — она задала этот вопрос, хотя боялась ответа.

— Мы верим, что есть что-то... да. Мы не можем быть подвержены спайсу. И мы не должны полностью подавлять прошлое. Мы должны воспользоваться им. В конечном итого мы смешаемся с ними в нас самих. Мы перестанем быть самими собой — но также мы не будем одержимы.

— Ты говоришь о плане похищения меня.

— Это очевидно, Вэнсика очень честолюбива по отношению к сыну. Алия тоже честолюбива по отношению к себе...

— Алия и Фарадин?

— Это не точно, — сказал он. — Но Алия и Вэнсика идут параллельными курсами сейчас. Сестра Вэнсики находится в доме Алии. Что может быть проще послания к...

— Ты знаешь об этом послании?

— Я будто бы видел его и читал каждое слово.

— Но ведь ты не видел этого послания?

— В этом нет необходимости. Мне достаточно знать, что все Атридесы здесь, на Арракисе. Вся вода в одной цистерне, — он жестом охватил всю планету.

— Дом Коррино не осмелился бы напасть на нас здесь!

— Алия немедленно воспользуется этим, если только попытаются...

Усмешка в его голосе рассердила ее.

— Я не хочу, чтобы мне покровительствовал мой внук, — сказала она.

— Тогда, женщина, перестань думать обо мне, как о своем внуке! Думай обо мне, как о герцоге Лито! — тон его голоса и выражение лица, даже жест руки, были настолько точны, что она в смущении замолчала. Лито сухо добавил: — Я пытался подготовить тебя. Предоставь мне хотя бы эту возможность.

— Почему Алия хочет похитить меня?

— Для того, чтобы взвалить вину на Дом Коррино.

— Я не верю этому. Даже для нее это было бы чудовищно. Слишком опасно! Как она могла бы сделать это без... Я не могу поверить этому!

— Когда это случится, ты поверишь. Бабушка, ведь Гани и я погружались в самих себя, и мы знаем. Это своего рода самозащита. Как еще мы можем реагировать на ошибки, которые совершают вокруг нас?

— Я ни на минуту не приму это похищение как часть плана Алии...

— Всю Империю мучают сомнения, зачем ты здесь. Люди Вэнсики готовы дискредитировать тебя. Алия не может ждать, когда это случится. Если бы мы опустились, Дом Атридесов мог бы пострадать от смертельного удара.

— Какие же сомнения мучают Империю?

Она холодно, насколько это было возможно, отчеканила каждое слово, зная, что на этого не-ребенка не сможет воздействовать никакая интонация.

— «Леди Джессика планирует сочетать браком этих

близнецов», — сказал он. — Вот чего хотят сестры ордена Бене Джессерит. Кровосмешения!

Она сверкнула глазами,

— Глупые слухи, — она сделала паузу. — Бене Джессерит не допустит, чтобы такие слухи распространялись по всей Империи. Мы еще имеем некоторое влияние. Помни это.

— Слухи, что за слухи? У тебя же были планы относительно того, чтобы скрестить нас? Не отрицай этого. Позволь нам провести годы нашей половой зрелости в том же доме, в котором и ты живешь, и твое влияние будет не более чем размахивание тряпкой перед мордой песчаного червя.

— Ты думаешь, что мы так глупы? — спросила Джессика.

— Да. Твой Орден Сестер — это всего лишь букет проклятых глупых старых женщин, которые ни в коем случае не перешагнут рамки их бесценной своднической программы! Гани и я знаем их способы. Ты думаешь, мы дураки?

— Способы?

— Они знают, что ты из Харконненов. У них есть запись: Джессика — дочь Танидии Нерус, наследница Барона Владимира Харконнена. Случайно эта запись может быть обнародована.

— Ты думаешь, Сестры способны на шантаж?

— Да, я знаю, они могут. Они делают это очень тонко. Они приказали тебе разобраться со слухами, которые ходят о твоей дочери. Они дали пищу твоему любопытству и твоим страхам. Они пробудили твое чувство ответственности, заставили тебя почувствовать себя виноватой, потому что ты вернулась на Келадан. И они предложили тебе план спасения твоих внуков.

Джессика могла лишь молча смотреть на него. Было такое ощущение, будто он говорил правду о том, что Алия планирует похищение. Она была полностью подавлена его словами, и теперь допустила возможность, что он говорил правду, когда сказал, что Алия планировала.

— Вот видишь, бабушка, я должен решить очень трудный вопрос, — сказал он. — Следую ли я мистике Атридесов? Живу ли я ради моих идеалов и... умру ли за них? Или я выбираю другой путь — тот, который позволил бы мне прожить тысячи лет?

Джессика невольно отшатнулась.

Эти слова, сказанные так легко, затронули один из предметов, который в Бене Джессерит преподносят как аксиому. Много Преподобных Матерей могли бы выбрать этот путь... или попытаться это сделать. Но если бы одна из

них сделала это, то потом попытались бы сделать это все остальные. Они знали наверняка, что этот путь приведет их к самоуничтожению. Тогда все смертное человечество отвернулось бы от них. Нет — этого нельзя было допускать.

— Мне не нравится ход твоих мыслей, — сказала она.

— Ты не понимаешь моих мыслей, — сказал он. — Гани и я... — он покачал головой. — Алия завладела всем — и отбросила это прочь.

— Ты уверен в этом? Я уже отправила весточку в орден о том, что Алия практикует неподлежащий обдумыванию второй путь. Посмотри на нее! Она нисколько не постарела с тех пор, как я в последний раз...

— О! Я говорю несколько о другом — совершенство существования никогда не было достигнуто человечеством.

Джессика молчала, ошеломленная тем, как легко он сбросил с нее пелену таинственности. Он должен был знать, наверняка, что это послание было смертным приговором Алие. Разве он не знал опасности, которую представляли эти слова?

— Ты должен объяснить, — наконец сказала она.

— Как? — спросил он. — Если ты понимаешь, что Время совсем не то, как оно предстает перед нами, то я не могу объяснить. Мой отец догадывался об этом. Он стоял на пороге реализации, но отступил. Теперь на очереди мы с Гани.

— Я настаиваю, чтобы ты объяснил, — сказала Джессика и потрогала отравленную иголку, запрятанную в складках ее платья. Это был Гом Джаббар, игла с настолько быстродействующим ядом, что малейшее прикосновение ее убивало свою жертву в течение нескольких мгновений. Она подумала: «Они предупреждали меня, что, возможно, мне придется воспользоваться ею». От этой мысли рука ее задрожала, и она была благодарна за то, что могла спрятать руки под складками одежды.

— Очень хорошо, — вздохнул он. — Во-первых, что касается Времени: нет различия между десятью тысячами лет и одним годом; нет разницы между сотней тысяч лет и ударом сердца. Никакой разницы. Это первое, что касается Времени. И второе: вся Вселенная со всем ее Временем находится внутри меня».

— Что за чепуха! — сказала она.

— Ты так думаешь? Ты не понимаешь. Я попытаюсь объяснить иначе. «Мы идем вперед, мы возвращаемся назад».

— Эти слова ничего не объясняют.

— Это верно, — сказал он. — Есть вещи, которые невозможно объяснить словами. Ты должна почувствовать их без слов. Но ты для этого не готова, это все равно, что ты смотришь на меня и не видишь меня.

— Но... я смотрю на тебя в упор. Разумеется, я вижу тебя! — она посмотрела на него. Его слова отражали знание Кодекса Дзэнсунни, как ее учили в школе Бене Джессерит: играй словами, чтобы ввести в заблуждение собеседника.

— Некоторые вещи происходят вне твоего контроля, — сказал он.

— Так это объясняет, что... что совершенство недосягаемо для других людей?

Он кивнул.

— Если отложить срок старости или смерти с помощью применения меланжа и изучения регулирования баланса организма, чего так боится Бене Джессерит, то эта отсрочка только вызовет иллюзию контроля. Идешь ты через съетч быстро или медленно, все равно ты пересекаешь его. И это прохождение времени ощущается внутренне.

— Почему ты так играешь словами? От этой чепухи я отказалась задолго до рождения твоего отца.

— Слова!

Слова!

— Ах, ты очень близка!

— Ха!

— Бабушка!

— Да!

Он долго молчал. Потом сказал:

— Ты понимаешь? Ты можешь ответить как самой себе, — он улыбнулся ей. — Но ты не можешь видеть за тенями. Я здесь, — он снова улыбнулся. — Мой отец подошел к этому очень близко. Когда он жил, то жил, но когда он умер, то имел неосторожность умереть.

— Что ты говоришь?

— Покажи мне его тело!

— Ты думаешь, это Проповедник...

— Может быть, но даже если это так, то это не его тело.

— Ты ничего не объяснил, — обвинила она.

— Как я и предупреждал тебя.

— Тогда почему...

— Ты спрашивала. Тебе надо было показать. Теперь давай вернемся к Алии и ее плану похищения...

— Ты планируешь что-то невообразимое? — требовательно спросила она, держа наготове отравленную иглу под одеждой.

— Ты хочешь быть исполнителем ее приговора? — в ответ спросил он, и на этот раз его голос был необычно мягок. Он указал на руку, спрятанную под одеждой. — Ты думаешь, она допустит это? Или ты думаешь, я это допущу?

У Джессики перехватило горло от волнения.

— Отвечаю на твой вопрос, — сказал он. — Я не настолько глуп. Но я потрясен тобой. Ты осмелилась осуждать Алию. Конечно, она нарушила запреты Бене Джессерит! А чего ты ожидала? Ты бросила ее здесь, в качестве королевы! Все, что ей досталось от этой власти! Поэтому ты вернулась на Келадан, чтобы залечить свои раны в руках Гурни. Достаточно хорошо. Но кто ты есть, чтобы судить Алию?

— Я говорю тебе, я не хочу...

— Ах, замолчи! — он отвернулся от нее в негодовании. Но его слова были восприняты так, как это делалось Бене Джессерит, — контролирующий Голос.

Она молчала, как-будто чья-то рука сжала ей горло. Потому подумала: «Кто бы знал, что меня можно сразить Голосом лучшим, чем этот?» Это было смягчающим аргументом, который облегчил ее раненые чувства. В то время, как она много раз использовала Голос против других, она никогда не думала, даже в школьные дни, что сама поддастся ему...

Он повернулся к ней.

— Я сожалею. Я лишь узнал, как слепо ты можешь реагировать, когда...

— Слепо?! Я?! — это вывело ее больше из себя, чем Голос, который он использовал против нее.

— Ты, — сказал он. — Слепо. Если в тебе осталась хоть капля честности, ты признаешь свои собственные реакции. Я называю твое имя, и ты говоришь: «Да». Я заставляю тебя молчать. Я пробуждаю в тебе мифы Бене Джессерит. Посмотри, каким образом тебя учили. Это, по крайней мере, что-то, что ты можешь сделать для своей...

— Как ты осмеливаешься? Что ты знаешь о... — ее голос сорвался. Конечно, он знал.

— Посмотри внутрь, я говорю! — его голос повелевал.

И снова этот Голос подчинил ее. Она почувствовала учащенное дыхание, страсти ее улеглись. Широко раскрыв глаза, в каком-то шокированном состоянии она поняла, что ее тело подчиняется командам. Медленно она восстановила в себе равновесие. Этот не-ребенок играл ею, как будто в его руках был прекрасный инструмент.

— Теперь ты знаешь, как глубоко погрязла во всех условностях Бене Джессерит, — сказал он.

Она смогла только кивнуть. Лито вынудил ощутить ее физическую вселенную прямо на ее лице. «Покажи мне — тело!» Он показал ей ее собственное тело, как будто оно было новорожденным. Никогда в жизни она не ощущала такой неуверенности в себе.

— Ты позволишь себя похитить, — сказал Лито.

— Но...

— Я не собираюсь спорить по этому поводу, — сказал он. — Ты позволишь это. Думай, что эта команда идет от твоего Герцога. Ты увидишь цель тогда, когда все будет сделано. Ты встретишься с очень интересным учеником.

Лито стоял, покачивая головой. Потом сказал:

— Некоторые действия имеют конец, но не имеют начала; некоторые начинаются, но не кончаются. Все зависит от того, где стоит наблюдатель, — он повернулся и вышел из ее апартаментов.

Во второй комнате Лито встретил Ганиму, спешащую в их собственные комнаты. Она остановилась, когда увидела его, и сказала:

— Алия занята Собранием Верующих, — она вопросительно посмотрела в коридор, который вел в покои Джессики.

— Сработало, — ответил Лито на ее немой вопрос.

Злодейство равно распознается как таковое и жертвой, и преступником, всеми, кто его познает, неважно, с какой стороны. Злодейство не имеет ни извинений, ни смягчающих доводов. Злодейство никогда не уравновешивает и не выправляет прошлое. Злодейство лишь вооружает будущее на еще большее злодейство. Оно навечно замыкается на самое себя — чудовищная форма кровосмешения. Кто ни содеет злодейство — тот также вскармливает и злодейство будущего.

Апокрифы Муад Диба.

Вскоре после полудня, когда большинство пилигримов разбрелось освежиться в елико доступной прохладной тени и елико доступными источниками утоления жажды, Проповедник вошел на огромную площадь под храмом Алии. Ведом он был заменителем его глаз, юным Ассаном Тариком. В кармане под развевающейся плащаницей Проповедника была маска из черного газа, которую он надевал

на Салузе Второй. Его забавляла мысль, что и маска, и мальчик служили одной и той же цели — маскировке. Пока он нуждался в замещении собственного зрения, сомнения продолжали жить.

«Пусть миф растет, но вживе поддерживает сомнения», — думал он.

Никто не должен обнаружить, что маска — простая тряпка, вовсе не изделие Икса. Рука его не должна соскальзывать с костлявого плеча Ассан Тарика. Хоть раз пройдись Проповедник как зрячий, невзирая на безглазые впадины своих глазниц, — и все сомнения развеются. Малая надежда, пестуемая им, умрет. Каждый день он молился о перемене, о чем нибудь непохожем, где он мог бы споткнуться, но даже на Салузе Второй все обернулось простым и гладким, от и до известным. Ничто не меняется, ничто не может измениться... пока еще.

Многие обратили внимание на его проход мимо лавок и аркады, особенно отметив, как он из стороны в сторону поворачивал голову, устремляя невидящий взгляд точно на человека или на дверной проем. Движения его головы всегда были естественными для слепца, и это способствовало разрастанию мифа.

Алия наблюдала за ним из потайного смотрового отверстия в возвышающихся зубчатых стенах своего храма. Она тщательно приматривалась к изрубцованному шрамами лицу далеко внизу в поисках какой-нибудь приметы. Каждый звук до нее доходил. И в каждый новый — вкладывалась своя доля трепетного страха.

Алия полагала, что ее приказ схватить Проповедника оставался в тайне — но приказ вернулся к ней в виде слуха. Даже среди ее стражей некоторые не умели хранить молчание. Теперь она надеялась, что стражи не последуют ее новым приказам и не вздумают схватить эту ходячую загадку в плащанице на людном месте, у всех на виду; это разнеслось бы по белу свету.

На площади стояла пыльная жара. Юный проводник Проповедника обмотал покрывало своего балахона вокруг носа, оставив обнаженными лишь темные глаза и тонкое пятнышко лба. Под покрывалом выпячивалась фильтротрубка стилсьюта. Отсюда Алия поняла, что они пришли из пустыни. Зачем они там прячутся?

Проповедник не защищался покрывалом от иссушающего воздуха. Он даже откинул клапан фильтра на своем стилсьюте. Его лицо распахнуто было солнечному свету и

горячей дрожи, видимыми волнами поднимавшейся от плит, которыми была вымощена площадь. Там, на ступеньках храма, группка из девяти пилигримов творила прощальный намаз. На укрытом тенью краю площади находились еще человек пятьдесят, в основном — пилигримы, выполнявшие наложенные из них жрецами епитимьи. Среди глазевших на них можно было различить несколько рассыльных и немного купцов, еще не наторговавших, чтобы закрыть свои лавки на самый пик дневной жары.

Алия, наблюдавшая из отверстия бойницы, ощутила иссушающую жару.

Тело и мысль тащили ее в разные стороны, она попала в такую же западню раздвоенности, в которой частенько видела прежде всего брата. Соблазн посоветоваться с самой собой зловещим гуденьем звенел у нее в голове. Барон был здесь: как должно покорный, но готовый поиграть на ее ужасе, когда суждения рассудка переставали иметь силу, а в происходящем вокруг нее терялось ощущение прошлого, настоящего и будущего.

«Что, если Пол там, внизу? — спросила она себя. — Чушь! — проговорил голос внутри нее».

Но в донесениях о том, что говорит Проповедник, сомневаться не приходилось. ЕРЕСЬ! Ее ужасала мысль, что сам Пол может разрушать построение, возведенное на его имени.

А почему бы и нет?

Она подумала о том, что сказала сегодня утром на Совете, желчно выступив против Ирулэн, настаивающей на том, чтобы принять дары одежд от Дома Коррино.

— Все дары для близнецов будут тщательно обследованы, как и всегда, — доказывала Ирулэн.

— А если мы обнаружим, что дары безвредны? — вскричала Алия.

Каким-то образом для всех эта мысль оказалась самой пугающей, какую можно вообразить — обнаружить, что дары не таят никакой угрозы.

Под конец они приняли чудесные одежды и перешли к другому вопросу: следует ли предоставить леди Джессике место в Совете?

Алии удалось добиться отсрочки голосования.

Она думала об этом, неотрывно вглядываясь в Проповедника.

То, что происходило сейчас с ее Регентством, являлось изнанкой трансформации, которой они подвергали планету.

Дюна некогда символизировала власть окончательной и бесповоротной пустыни. Сама власть уменьшилась материально, но миф о ее могуществе рос не по дням, а по часам. Только пустыня-океан остается, великая Мать Пустыня внутренней планеты, окаймленная колючим кустарником, до сих пор называемая Свободными Царицей Ночи. После колючек — плавные очертания зеленых холмов, пологими склонами низбегающих к песку. Все холмы рукотворны. Все они созданы людьми, трудившимся наподобие ползучих насекомых. Зелень этих холмов представляется наделенной почти всесокрушающей мощью тех, кто, подобно Алии, развился и вырос на прежних устоях, среди подернутого серыми тенями песка. Ей мнилось, как и всем Свободным, что пустыня-океан держит Дюну мертвой хваткой, которая никогда не ослабнет. Стоит ей только закрыть глаза — и она видела пустыню. Открытыми, глаза видели теперь зеленеющие холмы на краю пустыни, болотистую жижу, устремляющую к песку зеленые псевдоподы — но во всем остальном пустыня оставалась такой же могучей, как всегда. Алия тряхнула головой и пристально посмотрела на Проповедника.

Тот одолел первый пролет идущих террасами лестниц под храмом и повернулся лицом к почти пустой площади. Алия коснулась кнопки возле своего окошка — кнопки усилителя голосов внизу. В ней поднялась волна жалости к самой себе, такой одинокой предстала она в собственных глазах. Кому она могла доверять? Она-то считала, что до сих пор может положиться на Стилгара, но и Стилгар подпал под влияние слепца.

— Знаешь, как он считает? — спросил ее Стилгар — Я слышал, как он отсчитывает монеты в уплату своему проводнику. Странным это было для моих ушей Свободного, и жутким. Он считает: «шак, ишкай, кимса, чакеу, пича, сукта» и так далее. Я не слышал подобного счета с давних дней в пустыне.

Отсюда Алия поняла, что Стилгара нельзя посылать с поручением, которому следует быть исполненным. И ей следует быть поосмотрительней со своими стражами, склонными любое чуть подчеркнутое словцо от Регентства воспринимать как беспрекословный приказ.

Что он там делает внизу, этот Проповедник?

Окружающая рыночная площадь под защитными балконами и изгибами аркад и так представляла яркое и пестрое

зрелище: торговцы не убрали разложенные образцы товаров, оставив их под присмотром нескольких мальчиков. Кое-кто из торговцев остался — зарясь на пропахшие спайсовыми хлебцами монеты из глубинки и на то, что позвякивало в кошельках паломников.

Алия разглядывала спину Проповедника. Поза у него была такая, словно он собирался заговорить, но что-то сковывало его речь.

«Почему я стою здесь, наблюдая за этой развалиной, за этой обветшалой плотью? — спросила она себя. — Не могут эти смертные обломки быть «сосудом великолепия», как некогда называли моего брата.

Ее наполнило разочарование, граничащее с гневом. Как может она выяснить что-либо о Проповеднике, вызнать наверняка, НЕ ЗАНИМАЯСЬ ВЫЯСНЕНИЕМ? Она в ловушке. Она не осмеливалась показывать, что проявляет к этому еретику хоть нечто большее переходящего любопытства.

Ирулэн это чувствовала. Лишась своей знаменитой выдержки Бене Джессерит, она истошно вскрикнула в Совете;

— Мы не в силах больше хорошо относиться к самим себе!

Даже Стилгар был шокирован.

В чувство их привел Джавид:

— У нас нет времени на такую чепуху!

Джавид прав. Что за дело, как они относятся к самим себе? Все, что их касается, зиждется на имперской власти.

Но Ирулэн, обретя самообладание, заговорила еще более уничтожающе:

— Говорю вам, мы утратили что-то жизненно важное. А утратив это, утратили с тех пор и способность принимать правильные решения. Сегодня мы их принимаем с налету, словно кидаемся на врага, — или ждем-пождем, а это форма капитуляции; и позволяем, чтобы нами двигали решения других. Разве забыли мы , что мы — те самые, кто сотворил истоки нынешних течений?

И — надо всем — вопрос о том, принимать ли дар от Дома Коррино.

От Ирулэн надо будет избавиться, решила Алия.

Чего ждет этот старик там, внизу? Он называет себя проповедником. Почему он не проповедует?

Ирулэн неправа насчет того, что мы разучились принимать решения, сказала себе Алия. Я ДО СИХ ПОР СПОСОБНА ПРИНИМАТЬ НАДЛЕЖАЩИЕ РЕШЕНИЯ! Тот, кто обязан принимать решения о жизни и смерти,

должен или воистину их принимать или вечно попадать под маятник. Пол всегда говорил, что застой — наиопаснейшее среди всего неестественного. Единственно, что постоянно — изменчивость.

Значима только перемена.

«Будет им от меня перемена!» — подумала Алия.

Проповедник благословляюще воздел руки.

Немногие оставшиеся на площади потянулись поближе к нему, и Алия отметила медлительность этого движения. Да, разошедшиеся слухи, что Проповедник вызывает неприязнь Алии. Алия наклонилась поближе к икшианскому громкоговорителю возле своего шпионского отверстия. Громкоговоритель донес до нее бормотание голосов на площади, шум ветра, шарканье ног по песку.

— Четыре послания я вам несу! — проговорил Проповедник.

Его Голос чуть не оглушил Алию, и она убавила мощность звука.

— Каждое послание — определенному человеку, — сказал Проповедник. — Первое послание — Алии, владычице этого места, — он указал себе за спину, точно в направлении отверстия, за которым она находилась. — Я принес ей предостережение. Ты, хранящая в своем лоне секрет долголетия, обменяла свое будущее на пустой кошелек!

«Как он смеет?» — подумала Алия. Холод пробежал по коже от этих слов.

— Второе послание, — произнес Проповедник, — Стилгару, наибу Свободных, верящему, будто он сможет преобразовать власть племен во власть Империи. Мое предостережение тебе, Стилгар: самое опасное из всего сотворенного — это жесткий этический кодекс. Он обратится против тебя и отправит тебя в изгнание!

«Он заходит слишком далеко! — подумала Алия. — Я должна послать за ним стражу, не взирая на последствия!» — но руки ее остались неподвижны.

Проповедник обратился лицом к храму, поднялся на вторую ступень и опять повернулся к площади, все это время он не отрывал левой руки от плеча проводника. Затем он провозгласил:

— Третье мое послание — принцессе Ирулэн. Принцесса! Унижение — это то, чего ни один человек не может забыть. Я предостерегаю тебя — беги!

«Что он говорит? — вопросила Алия саму себя. — Мы

унизили Ирулэн, но... Почему он подталкивает ее к бегству? Ведь мое решение только что принято!»

Трепет испуга пробежал по Алии. Откуда Проповедник знает?

— Четвертое мое послание — Данкану Айдахо — вскричал тот. — Данкан! Ты приучен верить, что за верность платят верностью. Данкан, не верь в историю, потому что историю движет лишь уступаемое за деньги. Данкан! Прими свои рога и делай то, что ты лучше всего знаешь, как делать!

Алия закусила тыльную сторону правой руки. РОГА! Она хотела протянуть руку к кнопке и послать стражу, но рука отказалась ей повиноваться.

— Теперь я буду проповедовать для вас, — сказал Проповедник. — Это — проповедь пустыни. Обращаю ее к жрецам Муад Диба, исповедующим экуменизм меча. О, вы, верующие в очевидность предначертанного! Разве не знаете вы, что очевидность предначертанного имеет демоническую сторону? Вы провозглашаете себя благородными просто потому, что обитаете в благословенных поколениях Муад Диба. Я говорю вам, что отвергли вы Муад Диба. Святость подменила в вашей религии любовь! Вы сами накликиваете на себя месть пустыни!

Проповедник опустил голову, словно молясь.

Алия узнала — и ее пробрало дрожью. Великие боги! Этот голос! Он подсел за годы, проведенные в жгучих песках, но он вполне мог быть голосом Пола.

Опять Проповедник поднял голову. Голос его громоподобно прокатился по площади, где собиралось все больше людей, привлеченных этой диковинкой из прошлого.

— Истинно говорю вам! — вскричал Проповедник. — Молящиеся о росе на краю пустыни призовут потоп! Не избегнут они своей судьбы через силу разума! Разум — дитя гордости, которую может и не постичь в себе сотворивший зло! — он понизил голос. — Говорили, будто Муад Диб умер от предвидения, что знание будущего убило его, и он ушел из мироздания в алам ал-митал. Говорю вам — это заблуждение Майи. Такие мысли независимой реальности не имеют. Они не могут изойти из вас и сделать что-нибудь реальное. Говорил о себе Муад Диб, что не обладает он никакой магией Рихани для расшифровки мироздания. Не сомневайтесь в нем.

Проповедник опять воздел руки, а голос вновь возвысил до громоподобного рева:

— Я предостерегаю жречество Муад Диба! Огонь над пропастью вас спалит! Слишком хорошо усвоившие урок самообмана от этого обмана и погибнут. Кровь брата счистить нельзя!

Он опустил руки, нашел своего юного проводника и покинул площадь прежде, чем Алия сумела справиться с одолевшей ее трепещущей неподвижностью. Какая бесстрашная ересь! Это наверняка Пол. Она должна была предостеречь стражей. Они не осмеливаются открыто схватить Проповедника. Происходившее на площади внизу служило этому лишним подтверждением.

Ведь несмотря на ересь никто не шевельнулся, чтобы остановить уходившего Проповедника. Ни один храмовый страж не кинулся его преследовать. Ни один пилигрим не попытался его задержать. Завораживающий слепец! Всякий, слышавший или видевший его, чувствовал его силу, отражение божественного дарования.

Несмотря на дневную жару Алии внезапно стало холодно. Она физически ощутила, как тонка та кромка, за которую она держит Империю в своей хватке. Она вцепилась в край своего смотрового окошка, словно пытаясь удержать свою власть, думая о ее хрупкости. Сила власти была заключена в Ландсрааде, КХОАМ и вооруженных формированиях Свободных, в то время как Космический Союз и Бене Джессерит вершили свои дела втихую, оставаясь в тени. Запрещенное просачивание развитых технологий, проистекавшее от самых дальних рубежей расселения человечества, подтачивало центральную власть. Разрешенное к производству на фабриках Икса и Тлейлакса отнюдь не снижало давления. И вечно за кулисами стоял Фарадин из Дома Коррино, наследник титулов и притязаний Шаддама IV.

Без Свободных, без монополии Дома Атридесов на гериатрический спайс Алии власть не удержать. Вся власть развеется. Она ощущала, как власть выскальзывает у нее прямо сейчас. Народ проявлял внимание к Проповеднику. Опасным будет заставить его замолчать — не менее опасным, чем позволить ему и дальше произносить такие же проповеди, как сегодня на площади. Ей были видны первые знамения ее поражения, и ум ее со всей определенностью различил очертания стоящей перед ней проблемы. Проблема эта была систематизирована Бене Джессерит:

«Большое население, сдерживаемое небольшой, но могущественной силой — самое заурядное явление в наше мире.

И мы знаем главные условия, при которых это большое население может обратиться против своих сдерживателей:

Первое — когда они находят вождя. Это самая неуловимая угроза для властвующих; и они должны не ослаблять контроля над вождями.

Второе — когда население осознает свои цели. Держите население в слепоте и в незнании сомнений.

Третье — когда население обретает надежду избавиться от уз.

Оно никогда даже и поверить не должно, будто избавление возможно!»

Алия тряхнула головой, почувствовав, как от этого движения вздрогнули ее щеки. В ее населении все признаки были на лицо. Каждый доклад, получаемый ей от шпионов со всей Империи, укреплял ее и без того достоверное знание. Непрекращающиеся боевые действия джихада Свободных повсюду оставляли свои отметины. Куда ни дотронься «экуменизмом меча», народ не преминет занять позу покоренного населения: оборонительную, скрытную, уклончивую. Всякая демонстрация авторитета — что означало прежде всего и по сути РЕЛИГИОЗНЫЙ авторитет — стала провоцировать негодование. О да, пилигримы до сих пор стекались миллионными толпами, и были среди них, вероятно, истинно набожные. Но по большей части ими руководила не набожность, а другие мотивы. Чаще всего, это была хитренькая забота об обеспечении будущего. И покорность подчеркивалась, и приобреталась та форма власти, которая легко обращалась в богатство. По возвращении из Арракиса, хаджжи обретали дома новый авторитет, новый социальный статус. Они могли выносить выгодные им экономические приговоры, которым их родной мир, привязанный к своей планете, не осмеливался перечить.

Алия знала народную загадку: «Что ты видишь внутри пустого кошелька, принесенного домой из Дюны?» И ответ: «Глаза Муад Диба (огненные алмазы)».

В сознании Алии прошествовали традиционные пути подавления возрастающего брожения: народ должен усвоить, что оппозиция всегда карается, а помощь правителю — награждается. Силы Империи должны быть перетасованы наугад. Главные придатки Имперской власти должны быть скрыты. Всякое движение, при помощи которого Регентство нанесет встречный удар на возможное нападение, должно быть тщательно выверено во времени, чтобы выбить противостоящих из равновесия.

«Не потеряла ли я свое хронометрическое чутье?» — задалась она вопросом.

«Что за бесцельные размышления?» — осведомился голос внутри нее. Она почувствовала себя поспокойней. Да, план Барона был хорош. Мы уничтожим угрозу со стороны леди Джессики, и заодно опозорим Дом Коррино. Да.

С Проповедником можно будет разобраться попозже. Она понимала, что он из себя строит. Символика была ясной. Он был древним духом неутаиваемых мыслей, живым и действующим духом ереси в ее пустыне ортодоксии. В этом была его сила. И неважно, Пол ли это... до тех пор, пока в ней есть место сомнениям. Но знание Бене Джессерит говорило, что в его силе содержится и его слабость.

«У Проповедника есть изъян, который мы найдем. За ним будут следить по моему приказу,каждый миг он будет под наблюдением. И, если представится возможность, он будет дискредитирован».

Я не буду оспаривать утверждений Свободных, что они по божественному вдохновению передают религиозное откровение. Нет, это их сопутствующая претензия на идеологическое откровение побуждает меня облить их презрением. Конечно, они предъявляют эту двойную претензию в надежде, что она укрепит их владычество и поможет их долгосрочному утверждению в мире, находящим их гнет все возрастающим. И предостерегаю я фрименов от имени всех этих притесняемых народов: краткосрочная выгода всегда оборачивается убытком по прошествии времени.

Проповедник в Арракине.

Ночью Лито взошел вместе со Стилгаром на узкий уступ гребня низкой скалы, в съетче Табр называвшейся Спутником. В ущербном свете Второй луны со скалы им открывалась вся панорама — к северу защитная стена и Гора Айдахо, Великая Равнина к югу и — к востоку, по направлению к скалам Хаббания — перекатывающиеся дюны. С юга горизонт прятался в клубящейся пыли, отголосках шторма. Абрис Защитной стены морозно серебрился в лунном свете.

Стилгар пошел против своей воли, присоединяясь к секретной вылазке лишь потому, что Лито растревожил в

конце концов его любопытство. Что за нужда пересекать пески посреди ночи? Парнишка грозился ускользнуть и отправиться в этот поход в одиночку, если Стилгар откажется. И Стилгара безмерно беспокоило проделанное ими. Две такие важные мишени — одни, в ночи!

Лито присел на корточки на уступе, лицом к югу, к равнине. Время от времени он, словно бы разочарованно, хлопал себя по колену.

Стилгар ждал. Искушенный в умении молчаливо ждать, он стоял в двух шагах от своего подопечного, скрестив руки на груди, его роба мягко колыхалась под ночным ветерком.

Для Лито переход через пески представлялся откликом на его внутреннее смятение, необходимостью отыскать новую направляющую поддержку в жизни, объятой тем внутренним противоборством, на которое Ганима уже не смела отваживаться. Он выманил Стилгара в эту совместную вылазку, потому что есть вещи, которые Стилгару должно знать, ради того, что бы быть готовым к дням грядущим.

Лито опять стукнул себя по колену. Как же обременительно знать начало! Он порой ощущал себя продолжением бессчетных других жизней, таких же непосредственно реальных, как и его собственная. В потоке этих жизней не было конца, не было завершенности — только вечное начало. Представали они и шумно осаждающей его толпой, словно он был единственным окошком, в которое каждый жаждал заглянуть. И здесь таилась опасность, погубившая Алию.

Лито поглядел вперед, на лунный свет, серебривший перенесшие бурю равнины. По равнинам растекались набегавшие друг на друга складки дюн; волнистыми насыпями громоздилась кварцевая крупка, словно по мерке рассыпанная ветрами — тускложелтый песок, кварцевый песок, гравий. Он почувствовал, что обрел один из приходящих перед самой зарей моментов уравновешенности. Время поджимало. Уже стоял месяц аккад, и позади — все, что осталось от этого бесконечного времени ожидания: длинные горячие дни и горячие суховеи, ночи, подобно этой терзаемые шквалами ветра, нескончаемые порывы от раскаленных, как топки, стран Хаукбледа. Он глянул через плечо на Защитную стену, изломанную линию в свете звезд. Там, за стеной в Северной впадине, и обитала его главная проблема.

Опять он посмотрел на пустыню. Пока он вглядывался в горячую тьму забрезжил день, из-за пыльных склонов всхо-

дило солнце, лимонными оттенками трогая красные столпы бури. Он закрыл глаза, желая представить, как день взойдет над Арракином, увидеть в своем сознании город, разбросанными коробочками лежащий между светом и новыми тенями. Пустыня... коробочки... пустыня... коробочки.

Когда он открыл глаза, пустыня оставалась — разлегшееся шафранно-коричневое пространство взбитого ветром песка. Маслянистые тени вдоль основания каждой дюны вытягивались словно лучи только что минувшей ночи. Они связывали одно время с другим.

Лито подумал о ночи, сидя на корточках, недремлющий Стилгар рядом с ним, старший по возрасту, тревожимый молчанием и необъясненными причинами их прихода в это место. Наверняка у Стилгара много воспоминаний о том, как он проходил этой дорогой со своим обожаемым Муад Дибом. Даже сейчас Стилгар двигался, обшаривал взглядом все вокруг, будучи начеку против любой опасности. Стилгар не любил оказываться на открытом месте при дневном свете.

В этом он был чистой воды Свободным прежних времен.

Ум Лито неохотно расставался с ночью и ясностью всего того, чем была она напряжена и чревата на песчаном распутье. Здесь, в скалах, ночь сразу обретала черную неподвижность. Лито сочувствовал страхам Стилгара, связанным с дневным светом. Темь, даже переполненная ужасами, была бесхитростна. Свет мог быть очень даже всяким. Ночные страхи имели запах, то, что приходило из ночи — приходило с катящимся звуком. В ночи измерения оказывались разделенными, все усугублялось — шипы острее, лезвие более режуще. Но ужасы дня могли быть намного хуже.

Стилгар кашлянул. Лито заговорил, не оборачиваясь:

— У меня очень серьезная проблема, Стил.

— Так я и предполагал, — голос сбоку от Лито прозвучал тихо и настороженно. Сын говорил уж очень похоже на отца. Было в этом запретное колдовство, задевшее в Стилгаре струнку неприязни. Свободные знали ужасы одержимости. Тот, в ком ее обнаруживали — убивался законным порядком, и воду его выплескивали в песок, чтобы она не оскверняла водохранилище племени. Мертвым следует оставаться мертвыми. Нет ничего предосудительного в том, чтобы чье-то бессмертие обнаруживалось в его детях, но дети не имеют права слишком точно воспроизводить один из обликов своего прошлого.

— Моя проблема в том, что мой отец слишком многое оставил не сделанным, — сказал Лито. — Особенно, куда устремлены наши жизни. Империя не может и дальше следовать тем же путем, Стил, не предлагая надлежащей цели для человеческой жизни. Я говорю о жизни, понимаешь? О жизни, а не о смерти.

— Однажды, растревоженный видением, твой отец говорил со мной в том же духе, — сказал Стилгар.

Лито захотелось легкомысленной репликой разделаться с вопрошающим страхом Стилгара — может быть, предложением пойти позавтракать и покончить с постом. Он вдруг ощутил сильный голод. Последний раз они ели вчера в полдень, и Лито настоял на том, чтобы поститься целую ночь. Но иной голод влек его сейчас.

«Беда моей жизни — это беда данного места, — думал Лито. — Нет изначального сотворения. Я просто иду назад и назад, пока не начинают исчезать расстояния. Мне не виден горизонт — мне не видны скалы Хаббания. Я не могу найти исходного места для проверки».

— Предвидению нет никакой замены, — сказал Лито. — Может, мне стоило бы попробовать спайс.

— И загубить себя, как твой отец?

— Дилемма, — сказал Лито.

— Однажды твой отец признался мне, что слишком хорошо знать будущее — это быть так запертым в этом будущем, что исключается всякая возможность из него сбежать.

— Парадокс, который и есть наша проблема, — сказал Лито. — Такая это тонкая и могущественная штука, предвидение. Будущее наступает сейчас. Возможность быть зрячим в стране слепых приносит свои собственные опасности. Стараясь растолковать слепому, что видишь, ты склонен забывать, что слепцы движутся по накатанным путям, обусловленным их слепотой. Они — как чудовищная машина, следующая собственной дорогой. У них собственная инерция движения, собственное тяготение. Я боюсь слепцов, Стил, я боюсь их. Они так легко могут сокрушить все на своем пути.

Стилгар воззрился на пустыню. Лимонная заря превратилась в стальной день.

— Почему мы сюда пришли? — спросил он.

— Потому что я хотел, чтобы ты увидел место, где я могу умереть.

Стилгар напрягся. Затем:

— Так у тебя БЫЛО видение!

— Возможно, это был только сон.

— Зачем мы пришли в такое опасное место? — Стилгар сверкнул глазами на своего подопечного. — Мы немедля вернемся.

— Я умру не сегодня, Стил.

— Нет? Что у тебя было за видение?

— Я видел три тропы, — голос Лито звучал в грезящей интонации вспоминающего. — Одно из будущих требовало от меня убийства нашей бабушки.

Стилгар метнул короткий взгляд на съетч Табр, словно боясь, что леди Джессика может их услышать через пространство песка.

— Зачем?

— Чтобы не утратить монополию на спайс.

— Не понимаю.

— И я тоже. Но именно об этом я думал в том сне, где воспользовался ножом.

— Ага, — Стилгар понял об использовании ножа. — Каков второй путь?

— Гани и я поженимся, чтобы закрыть род Атридесов для посторонних.

— Фу-у! — Стилгар резко выдохнул, яростно выражая свое отвращение.

— В древние времена такое было обычным для царственных особ, — сказал Лито. — Гани и я решили, что брачной близости между нами не будет.

— Предупреждаю вас — будьте тверды в этом решении! — в голосе Стилгара прозвучала смертельная опасность. По закону Свободных, кровосмешение каралось смертью на висельной треноге. Откашлявшись, Стилгар спросил: — А третья тропа?

— Я призван низвести моего отца до человеческого уровня.

— Он был моим другом, Муад Диб, — пробормотал Стилгар.

— Он был твоим богом! Я должен разбожествить его.

Стилгар повернулся спиной к пустыне и посмотрел на оазис своего возлюбленного съетча Табр. Такие разговоры всегда его коробили.

Лито уловил потный запах при движении Стилгара. Какое искушение — уклониться от разговора о всех тех наполненных важностью и значением вещах, которые должны быть

здесь сказаны. Они могут проговорить полдня, переходя от частного к общему, как бы уводя себя от тех настоящих решений, от тех непосредственных нужд, которые им предстоят. И нет сомнения, что Дом Коррино представляет реальную угрозу для реальных жизней — его и Гани. Но все, что он делает теперь, должно быть взвешено и проверено на оселке тайных необходимостей. Стилгар проголосовал однажды за убийство Фарадина, предложив изощренное применение чаумурки — яда в питье. Фарадин был известен своим пристрастием к некоторым сладким ликерам. Такое нельзя дозволить.

— Если я умру здесь, Стил, — сказал Лито, — ты должен остерегаться Алии. Она больше не твой друг.

— К чему этот разговор о смерти и о твоей тете? — Стилгар неподдельно разъярился. УБИТЬ ЛЕДИ ДЖЕССИКУ! ОСТЕРЕГАТЬСЯ АЛИИ! УМЕРЕТЬ В ЭТОМ МЕСТЕ!

— Маленькие люди изменяют свои лица по ее велению, — сказал Лито. — Правителю нет нужды быть пророком. И даже богоподобным. Я привел тебя сюда, чтобы ясно определить, чего требует наша Империя. Она требует хорошего управления. И зависит это не от законов и прецедентов, а от личных качеств правящего, кто бы он ни был.

— Ренгентство очень хорошо справляется с обязанностями по управлению Империей, — сказал Стилгар. — Когда ты достигнешь нужного возраста...

— Я уже в возрасте! Я здесь самый старый из всех! Рядом со мной ты — хнычущий младенец. Я могу припомнить времена пятидесятивековой давности. Ха! Я даже помню то время, когда Свободные были на Тергроде.

— Зачем ты играешь с такими фантазиями? — властно вопросил Стилгар.

Лито кивнул. И в самом деле, зачем? Зачем повествовать о воспоминаниях других столетий? Сегодня его непосредственная проблема — это Свободные, большинство из них — до сих пор полуприрученные дикари, склонные потешаться над несчастливой невинностью.

— Криснож испаряется со смертью его владельца, — сказал Лито. — Муад Диб испарился. Почему Свободные живы?

Это была одна из тех резких перемен мысли, что так ошарашивали Стилгара. На время он лишился дара речи. Такие слова полны смысла, но смысл их ускользал от него.

— Ожидается, что я стану Императором, но я должен быть слугой, — Лито оглянулся на Стилгара через плечо. — Мой

дед, в честь которого я назван, добавил новые слова к девизу семейного герба, придя сюда, на Дюну: «Я здесь, и здесь я буду пребывать».

— У него не было выбора, — сказал Стилгар.

— Очень хорошо, Стил. Выбора нет и у меня. Мне следует стать Императором по рождению, по складу моего сознания, по всему, что в меня вложено. Я даже знаю, чего требует Империя: хорошего управления.

— Наиб имеет древнее значение — слуга съетча, — сказал Стилгар.

— Я помню твои уроки, Стил, — сказал Лито. — Для того, чтобы иметь надлежащее управление, племя должно иметь способ выбирать таких людей, сами жизни которых отражают то, как следует вести себя правительству.

От всей души Свободного Стилгар ответил:

— Ты облачишься в императорскую мантию, если она тебе подойдет. Сперва ты должен доказать, что сможешь вести себя как правитель!

Лито неожиданно рассмеялся. Затем:

— Ты сомневаешься в моей искренности, Стил?

— Конечно, нет.

— В моем праве рождения?

— Ты тот, кто ты есть.

— И если я сделаю то, что от меня ожидается, то это станет меркой моей искренности, верно?

— Таков обычай Свободных.

— Значит, у меня не может быть внутренних чувств, определяющих мое поведение?

— Не понимаю, что...

— Если я буду все время вести себя как должно, неважно, сколько мне будет стоить подавление моих страстей, то и это будет моей меркой.

— Такова сущность самоконтроля, юноша.

— Юноша! — Лито покачал головой. — Ах, Стил, ты даешь мне ключ к рациональной этике управления. Я должен быть постоянен, каждое действие должно основываться на традициях прошлого.

— Так полагается.

— Но мое прошлое уходит глубже твоего!

— Какая разница...

— У меня нет особой и первозначащей личности, Стил. Я — составная личность, с памятью о традициях, более древних, чем ты можешь вообразить. Таково мое бремя, Стил. Я устремлен в прошлое. Я переполнен врожденным

знанием, сопротивляющимся новизне и переменам. Хотя Муад Диб изменил все это, — он указал на пустыню и широко повел рукой в направлении Защитной стены позади него.

Стилгар оглянулся на Защитную стену. Со времени Муад Диба под стеной возникло поселение, дома, дававшие приют экологическому отряду, помогавшему распространять по пустыне растительную жизнь. Перемена! Да. Поселение было построено как по линейке, эта правильность его коробила. Он стоял неподвижно, не обращая внимания на зуд от кварцевой крупки под своим стилсьютом. Это поселение явилось оскорблением тому, чем прежде была эта планета. Внезапно Стилгару захотелось услышать завывание вихря, который накинулся бы из-за дюн и стер это место с лица земли. От этого чувства он затрепетал.

Лито заговорил:

— Ты обратил внимание, Стил, что наши новые стилсьюты делаются не из гигроскопической материи? Наши потери воды слишком высоки.

Стилгар осекся, едва уже не спросив вслух: «Разве я об этом не говорил?». Вместо этого он сказал:

— Наш народ становиться все больше зависимым от таблеток.

Лито кивнул. Таблетки регулировали температуру тела, сокращали потери воды. Они были дешевле и удобнее стилсьютов. Но они навлекали на пользователей новые тяготы, среди них замедленность реакции и, временами, затуманенность зрения.

— Для этого мы сюда и пришли? — спросил Стилгар. — Обсуждать материалы для стилсьюитов?

— Почему бы и нет? — вопросил Лито. — До тех пор, пока ты не повернешься лицом к тому, о чем я должен поговорить.

— Почему я должен остерегаться твоей тети? — в голосе Стилгара прорезался гнев.

— Потому что она играет на старом желании Свободных сопротивляться переменам, и при всем том ведет к более жестокой перемене, чем ты можешь представить.

— Ты раздуваешь малое до великого! Она настоящая дочь Свободных.

— А, тогда настоящий Свободный придерживается обычаев прошлого, а у меня древнее прошлое. Стил, доведись мне отпустить поводья у собственных склонностей — и я потребую закрытого общества, полностью подвластного

священным обычаям прошлого. Я буду контролировать миграцию, объясняя, что она пестует новые идеи, а новые идеи — угроза всей структуре жизни. Каждый маленький планетополис пойдет своим путем, видоизменяясь в ту сторону, куда его тянет естественным образом. В итоге Империя расколется на кусочки под натиском возникших различий.

Стилгар сглотнул — сухим горлом. Это были слова, которые мог бы произнести Муад Диб. Они были ему вполне созвучны. Они были парадоксальны и пугающи. Но если дозволить перемены... Стилгар покачал головой.

— Прошлое может подсказать, как правильно вести себя, если ты живешь в прошлом, Стил, но обстоятельства меняются.

Стилгар мог только согласиться, что обстоятельства действительно меняются. Но как же тогда нужно себя вести? Он взглянул поверх Лито — посмотрев на пустыню и не видя ее. Здесь проходил Муад Диб. По мере того, как солнце поднималось, равнина представала полнящейся золотыми тенями, лиловыми тенями, в пыльном мареве бежали гребешки песчаных ручейков. Пыльный туман, висевший обычно над скалами Хаббания, виднелся теперь совсем вдалеке, и вплоть до самых скал представали перед глазами Стилгара уменьшающиеся дюны пустыни, один изгиб перетекает в другой. Сквозь дымное трепетание жары он видел растения, стелившиеся по краю пустыни. Муад Диб заставил жизнь дать свои всходы в этом необитаемом месте. Медь, золото, красные цветы, желтые цветы, ржавчина и желтовато- коричневые тона, серо-зеленые листья, колючки и резкие тени под кустами. Движение дневной жары заставляло тени трепетать, вибрировать в воздухе.

Вскоре Стилгар заговорил:

— Я только вождь Свободных, а ты — сын Герцога.

— Ты сказал это — не зная, что сказал, — ответил Лито.

Стилгар нахмурился. Когда-то, давным-давно, Муад Диб упрекнул его точно такими же словами.

— Ты помнишь это, верно, Стил? — спросил Лито. — Мы были у скал Хаббания, и этот сардукарский капитан, помнишь его — Арамшам? Он убил своего друга, чтобы спасти себя. Ты в тот день несколько раз предупреждал, что не стоит оставлять в живых сардукаров, видевших наши тайные пути. Наконец ты заявил, что они наверняка выдадут то, что видели — они должны быть убиты. И мой отец сказал: «Ты

сказал это — не зная, что сказал». И ты был уязвлен. Ты возразил ему, что ты только ПРОСТОЙ вождь Свободных. Герцоги должны ведать более важными вещами.

Стилгар уставился на Лито. «Мы были у скал Хаббания!» «МЫ!» Это... это дитя, еще и не зачатое в тот день, знает в точных подробностях все, что произошло, в таких подробностях, которые могут быть известны лишь тому, кто сам там был. Что ж, это было всего лишь еще одно доказательство, что этих отпрысков Атридесов нельзя судить по обычным меркам.

— Теперь, послушай меня, — сказал Лито. — Если я умру или исчезну в пустыне, ты обязан будешь бежать из съетча Табр. Это мой приказ. Ты обязан будешь взять Гани и...

— Ты еще не мой Герцог! Ты... Ты ребенок!

— Я взрослый в обличии ребенка, — ответил Лито. Он указал на узкую расселину в скалах под ними. — Если я умру здесь, это произойдет вон в том месте. Ты увидишь кровь. И поймешь тогда. Возьми мою сестру и...

— Я удвою твою охрану, — сказал Стилгар. — Ты не пройдешь сюда еще раз. Сейчас мы уйдем отсюда, и ты...

— Стил! Ты не сможешь меня удержать. Обратись мысленно еще раз к тому времени у скал Хаббания. Помнишь? Заводской краулер был во внешних песках, при приближении большого Создателя. Не было способа спасти и краулер, и людей от червя. И отец мой приказал взять на борт сколько можно людей, пожертвовав добытым спайсом и оборудованием корабля. Стил, я возлагаю на тебя обязанность спасти людей. Люди важнее вещей. А Гани — самая драгоценная из всех, потому что без меня она — единственная надежда Атридесов.

— Не желаю больше слушать, — сказал Стилгар. Он повернулся и двинулся вниз по скалам, через песок, к оазису. Он услышал, как Лито последовал за ним. Вскоре Лито обогнал его и, оглянувшись, спросил:

— Ты заметил, Стил, как красивы молодые женщины в этом году?

Жизнь единственного человека, как и жизнь семьи и целого народа, зиждется на памяти. Мой народ должен прийти к пониманию этого, что станет частью их процесса созревания. Как народ, они являются ОРГАНИЗМОМ, и через сохраняемую

память они откладывают все больший и больший опыт в подсознательное хранилище. Человечество надеется обратиться к этому материалу, если он потребуется для изменения мироздания. Но большинство отложенного может затеряться в шальной игре случайного, которую мы называем «судьбой». Многое может быть интегрировано в эволюционные взаимосвязи и, таким образом, не стать оцененным и задействованным в те безостановочные изменения окружающей среды, которые воздействуют на плоть. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РОД может забывать! В этом особая ценность Квизац Садераха, о которой никогда не подозревали Бене Джессерит: Квизац Садерах не может забывать.

Книга Лито, по Харк-ал-Аде.

Стилгар сам не мог объяснить почему, но небрежное замечание Лито до глубины разбередило его душу. Оно больше всего занимало его мысли на обратном пути через пески, оттеснив все остальное, сказанное Лито на Спутнике, на второй план.

Да, разумеется, молодые женщины Арракиса были очень красивы в этом году. И молодые люди тоже. Их глаза были устремлены вперед, вдаль. Их лица безмятежно светились от избытка воды. Они часто красовались безо всякого намека на маски и фильтротрубки стилсьютов. Зачастую они вообще не носили стилсьютов в обществе, предпочитая им новые одеяния, под которыми при каждом движении быстрым промельком угадывались их гибкие молодые тела.

И эта человеческая красота выгодно оттенялась на фоне новой красоты ландшафта. Сочетание этой красоты с крохотным пучком зеленых веточек среди красно-коричневых скал завораживало взгляд — полная противоположность прежнему Арракису. Прежняя культура пещеро-города, лабиринтов съетча, дополнявшихся хитроумными перемычками и влагоуловителями на каждом входе, уступала дорогу поселениям под открытым небом, часто построенным из глинобитных кирпичей. Глинобитных кирпичей!

«Почему мне захотелось, чтобы поселение погибло?» — подивился Стилгар, споткнувшись на ходу.

Стилгар знал, что он — из отмирающей породы. Старые Свободные с разинутыми от изумления ртами смотрели на расточительство планеты — вода разбазаривалась только ради того, что на ней можно было замесить глинобитные кирпичи. Вода, изводимая на сооружение жилья для

одной семьи, могла бы год поддерживать жизнь целого съетча.

В таких домах даже делались прозрачные окна, чтобы пропускать внутрь солнечный жар и иссушивать тела. Подобные окна открывались наружу.

Новые Свободные могли смотреть на пейзаж из своих глинобитных домов. Они не теснились больше в закрытом со всех сторон съетче.

А где приходит новое видение мира, там и воображение меняется. Для Стилгара это было ощутимо. Новое видение объединило Свободных с остальным миром Империи, вывело их в неограниченное пространство. Некогда они были привязаны к бедному водой Арракису, рабы суровых необходимостей. Не для них был тот распахнутый кругозор, который является условием жизни для обитателей большинства планет Империи.

Перемены виделись Стилгару на фоне его собственных сомнений и страхов. В прежние дни редкий Свободный задумывался над возможностью покинуть Арракис и начать новую жизнь в одном из богатых водой миров. Даже МЕЧТА о бегстве им не дозволялась.

Лито шел впереди, и Стилгар смотрел в движущуюся спину юноши. Лито говорил о запретах на внепланетные перемещения. Что ж, такое во время оно постоянно оказывалось реальностью для большинства обитателей других миров, даже там, где мечта дозволялась — в качестве предохранительного клапана. Но вершины своей планетарное рабство достигло здесь, на Арракисе. Свободные обратились вовнутрь, забаррикадировав свои умы точно так же, как забаррикадировались они в своих пещерных лабиринтах.

Лито говорит правду: Муад Диб все это изменил.

Стилгар чувствовал себя потерянным. Новое видение мира — направленное вовне — произвело жизнь, которая жаждала выйти из заключения.

«Как красивы молодые женщины в этом году».

Прежний уклад жизни («Мой уклад!» — признался он себе) заставлял его народ игнорировать всю историю, кроме той, что была обращена вовнутрь, на их собственный тяжкий труд. Прежние Свободные учили историю по урокам ужасов своих собственных миграций, по бегствам от кары в кару. Прежнее планетарное правительство следовало установившейся политике прежней Империи. Оно подавляло творческую активность и всякие помыслы о прогрессе, об

эволюции. Для прежней Империи и устоев ее власти процветание являлось опасностью.

Стилгар вдруг потрясенно осознал, что все это являлось опасным и для того курса, который прокладывала Алия.

Стилгар опять споткнулся — и упал, еще больше отстав от Лито.

В прежнем укладе и в прежних религиях не было будущего — было только бесконечное СЕЙЧАС. До Муад Диба — и Стилгар видел это — вера Свободных была ограничена верой в то, что ничего нельзя окончательно достичь, возможно лишь потерпеть крах... Да, они верили в Льета-Кайнза, но тот заложил отсчет времени по сорока поколениям. Завершения не было — была мечта, которая, как Стилгар видел теперь, тоже оказалась обращенной вовнутрь.

МУАД ДИБ ЭТО ИЗМЕНИЛ!

За время джихада Свободные многое уяснили о прежнем Императоре-Падишахе, Шаддаме IV. Восемьдесят первый падишах Дома Коррино, занявший Трон Золотых Львов и правивший Империей из бессчетных миров, использовал Арракис как испытательный полигон для той политики, которую он надеялся провести и в остальных частях Империи. Его наместники на планете Арракис неуклонно холили и лелеяли пессимизм, чтобы упрочить основу своей власти. Они неустанно пеклись, чтобы всем на Арракисе, даже вольным скитальцам Свободным, сделались наверняка и хорошо известны многочисленные случаи несправедливости и неразрешимых проблем; они приучали население воспринимать себя беспомощным, не имеющим поддержки и опоры.

«Как красивы молодые женщины в этом году!»

Разглядывая возвращающегося в съетч Лито, Стилгар подивился, как же этот юноша сумел отворить в нем поток подобных мыслей — всего лишь простеньким на вид замечаньицем. Благодаря этой оброненной фразе Стилгар совершенно по-другому увидел Алию и свою собственную роль в Совете.

Алия обожала повторять, что старый уклад медленно уступает новому, и Стилгар признался себе, что всегда находил это заявление смутно успокаивающим. Перемены опасны. Изобретательность должна пресекаться. Личная сила воли должна быть отрицаема. Чему еще служит жречество, как не отрицанию личной воли?

Алия частенько повторяла, что возможности для откры-

того соревнования должны быть ограничены до управляемых пределов. Но это означало, что нынешнее пугало технологии могло использоваться лишь для того, чтобы держать в узде население. Всякая разрешенная технология должна корнями быть привязана к ритуалу. Иначе... Иначе...

Стилгар опять споткнулся. Теперь он был у канала, а Лито поджидал его у абрикосового сада, росшего вдоль проточной воды. Стилгар услышал, как его ноги зашелестели по нескошенной траве.

НЕСКОШЕННАЯ ТРАВА!

«Во что я могу верить?» — спросил себя Стилгар.

Для Свободного его поколения надлежащей была вера в то, что личности нужно полностью осознать свои пределы. Традиции являлись, несомненно, элементом наибольшего контроля в незыблемом обществе. Люди должны знать границу своего времени, своего общества, своей территории. Что плохого в съетче как в модели мышления? Всякому личному выбору следует быть замешенным на чувстве отгороженности — именно это чувство должно ограждать семью, сообщество, всякий предпринимаемый должным правительством шаг.

Стилгар остановился и пристально посмотрел через сад на Лито. Юноша с улыбкой глядел на Стилгара.

«Знает ли он о сумятице в моей голове?» — подумал Стилгар.

И старый наиб попробовал обратиться к традиционному катехизису своего народа. Всякий аспект жизни требует единичности формы, присущая ей закругленность основывается на тайном внутреннем знании, что будет действовать и что действовать не будет. Моделью жизни, сообщества, всякой составляющей более крупного объединения должен быть съетч и его двойник песков, Шаи-Хулуд. Гигантский червь был, несомненно, самым внушительным творением, но, когда возникала угроза, уходил на недосягаемую глубину.

«Перемены опасны!» — повторил себе Стилгар. Однообразие и стабильность — вот надлежащие цели правительства.

Но молодые люди и женщины красивы.

И они помнят слова Муада Диба, произнесенные при низвержении Шаддама IV: «Не долгой жизни для Императора я ищу, но долгой жизни для Империи».

«Разве не то же самое я все время твержу себе?» — недоуменно вопросил себя Стилгар.

И он опять пошел — ко входу в съетч, находившийся чуть правее от Лито. Юноша двинулся ему наперерез.

Муад Диб сказал и другое, напомнил себе Стилгар: «Цивилизация и правительства рождаются, зреют, размножаются и умирают точно так же, как обычные люди».

Опасная или нет, но перемена будет. Красивые молодые Свободные это знают. Им дано смотреть вперед и видеть ее, готовясь и будучи готовыми к ней.

Стилгар вынужден был остановиться, чтобы не наткнуться на Лито.

Юноша взглянул на него совиным взглядом и сказал:

— Вот видишь, Стил? Традиция — совсем не такой абсолютный проводник, как ты думал.

Свободный умирает, когда он слишком долго отлучен от пустыни; мы называем это «водяной тоской».

Стилгар. Комментарии.

— Да, мне трудно просить тебя сделать это, — сказала Алия. — Но... Я должна быть уверена в том, что есть Империя в наследство детям Пола. В этом ведь — единственная причина Регентства.

Алия повернулась от зеркала, сидя перед которым она завершала свой утренний туалет. Поглядев на мужа, она прикинула, на сколько он проникся ее словами. В такие моменты Данкан Айдахо заслуживал тщательного изучения — он, несомненно, был сейчас намного хитрее и опаснее того мечевластителя Дома Атридесов, которым некогда являлся. Внешне он оставался тем же — козлиные черные волосы над смуглым лицом — но за долгие годы после своего пробуждения из состояния гхолы он пережил внутреннюю метаморфозу.

И теперь она гадала, как гадала уже много раз: что возродившийся после смерти гхола может скрывать в потайных глубинах своего одиночества. До того, как Тлейлакс обработал его по своей хитроумной науке, Данкан был для Атридесов весь как на ладони — верность, фанатичная приверженность моральному кодексу своих предков-наемников, мгновенные вспыльчивость и отходчивость. Он был непримирим в своей решимости отомстить Дому Харконнен. И умер, спасая Пола. Но Тлейлакс забрал его тело у сардукаров и, в своих регенераторных чанах вырастил зомби-катрундо: плоть Данкана Айдахо, но ничего от его

сознания и памяти. Из него сделали выученного ментата и — живой компьютер послали в дар Полу. Тонкий инструмент, под гипнотическим внушением он должен был зарезать своего владельца. Плоть Данкана Айдахо воспротивилась этому внушению и, через невыносимое потрясение, его клеточное прошлое ожило в нем.

Алия давно уже решила, что даже в сокровенных мыслях опасно называть его человеческим именем Данкан, думая о нем. Лучше называть его тем именем, которое он получил как гхола — Хейт. Намного лучше. И было жизненно важно, чтобы он не уловил ни малейшего проблеска старого Барона Харконнена, живущего в ее мозгу.

Данкан, увидев, что Алия изучающе на него смотрит, отвернулся. Любовь не могла скрыть от него перемен в ней, не скрывала она и прозрачности ее мотивов. Сложносоставные металлические глаза, которые он получил на Тлейлаксе, были беспощадны в своей способности распознавать обман. В них она представилась теперь злорадно торжествующей, почти мужской, фигурой, и он не мог видеть ее такой.

— Почему ты отворачиваешься? — спросила Алия.

— Я должен подумать об этом, — ответил он. — Леди Джессика... она из Атридесов.

— И верность твоя Дому Атридесов, а не мне, — Алия недовольно надула губы.

— Не надо приписывать мне такие ненадежные толкования, — ответил он.

Алия поджала губы. Не действовала ли она слишком стремительно?

Данкан подошел к вырубленному в стене окну, смотревшему на Храмовую площадь. Там, внизу, видны были начинавшие собираться пилигримы, устраивались по ее краям арракинские торговцы, готовясь поживиться за счет пилигримов — как стая хищников за счет травоядного стада. Они уверенно и властно двигались сквозь собирающуюся толпу.

— Они торгуют точеным мрамором, — указал Данкан. — Раскладывают кусочки мрамора в пустыне, чтобы песчаные штормы их источили. Порой выходят очень интересные узоры. Они называют это видом искусства. Пользуется он большим спросом — подлинный мрамор с Дюны, обточенный штормами. Я купил камешек на прошлой неделе. Золотое дерево с пятью колосками. Очаровательно, но очень хрупко.

— Не уходи от темы, — сказала Алия.

— Я не ухожу от темы, — ответил он. — Это прекрасно, но это не искусство. Люди творят искусство через собственные волеизъявления и насилие над материалом, — он положил руку на подоконник. — Близнецам отвратителен город — и, боюсь, я их понимаю.

— Не улавливаю связи, — сказала Алия. — Похищение моей матери — не настоящее похищение. Она будет в полной безопасности, будучи твоей пленницей.

— Этот город построен слепыми, — проговорил он. — Ты знаешь, что на прошлой неделе Лито и Стилгар одни уходили в пустыню? Они провели там всю ночь.

— Мне об этом докладывали, — сказала она. — Насчет этих выточенных песком безделушек — ты хочешь, чтобы я запретила их продажу?

— Это пойдет во вред торговле, — он обернулся. — Знаешь, что ответил мне Стилгар, когда я спросил его, зачем им понадобилось уходить в пески? Он ответил, что Лито хотел связаться с духом Муад Диба.

Алию внезапно пронизал холод паники, и она мгновение смотрела в зеркало, приходя в себя. Лито не осмелился бы покинуть ночью съетч ради такой чепухи. Не заговор ли это?

Айдахо поднес руку к глазам, чтобы не видеть Алию, и сказал:

— Стилгар сказал мне, что пошел вместе с Лито, потому что до сих пор верит в Муад Диба.

— Разумеется, верит!

Айдахо глухо прихмыкнул.

— Он говорит, что до сих пор верит в Муад Диба, потому что тот был за маленьких людей.

— Что ты на это ответил? — голос Алии выдал ее страх.

Айдахо опустил руку с глаз.

— Я сказал: «Тогда и ты, выходит, маленький человек?»

— Данкан! Это опасная игра! Дразня ТАКОГО наиба Свободных, вполне можно разбудить зверя, который погубит нас всех.

— Он до сих пор верит в Муад Диба, — сказал Айдахо. — В этом наша защита.

— И что он тебе ответил?

— Сказал, что это его личное дело.

— Понимаю.

— Нет... По-моему, ты не понимаешь. У тех, кто кусается, зубы подлиннее, чем у Стилгара.

— Я не понимаю тебя сегодня, Данкан. Я прошу тебя выполнить очень важную вещь, вещь жизненно важную для... К чему все эти бессвязные отвлечения?

Какая же раздражительность прозвучала в ее голосе. Данкан отвернулся к окну.

— Когда я проходил свою ментатскую выучку... Алия, было очень трудно вникнуть в работу своего собственного мозга. Сперва усваиваешь, что мозгу должно быть дозволено работать самому по себе. Это очень странно. Можешь работать своими мускулами, упражнять их, укреплять их, но мозг действует сам по себе. Порой, когда ты уже научился этому, мозг показывает тебе такое, чего ты не желаешь видеть.

— Потому ты и пытался оскорбить Стилгара?

— Стилгар не знает своего собственного мозга — он не предоставляет ему свободы действий.

— Кроме как на оргиях спайса.

— И даже там. Благодаря этому он и стал наибом. Чтобы быть вождем, он контролирует и ограничивает свои реакции. Делает то, что от него ожидают. Как только понимаешь это — постигаешь Стилгара и можешь измерить длину его зубов.

— Таковы вообще Свободные, — сказала она. — Ну, Данкан, ты сделаешь то, о чем я тебя прошу, или нет? Надо ее похитить, а выглядеть это должно делом рук Дома Коррино.

Он промолчал, пропуская ее тон и доводы через свой ум ментата. План похищения показал такую степень черствости и жестокости, что это до глубины души потрясло Данкана. Рисковать жизнью собственной матери ради приведенных ему причин? Алия лжет. Может быть, перешептывания об Алии и Джавиде — правдивы. При этой мысли у него свело от ледяного холода живот.

— Ты единственный, кому могу я в этом довериться, — сказала Алия.

— Знаю, — ответил он.

Восприняв это как согласие, она улыбнулась в зеркало самой себе.

— Видишь ли, — проговорил Айдахо, — ментат выучен рассматривать каждого человека как последовательность взаимосвязей.

Алия не ответила. Она сидела, погрузившись в личные воспоминания, лицо ее стало при этом пустым и отрешенным. Айдахо поглядел на нее через плечо и содрогнулся. Вид у нее был такой, словно она общалась с голосами, слышными только ей.

— Взаимосвязи, — прошептал он.

И подумал: «Нужно отбросить прежние страдания, как змея отбрасывает прежнюю кожу — только для того, чтобы

обрасти новыми и принять все их ограничения. То же самое с правительствами — даже с Регентством. К сошедшим правительствам вполне можно относиться как к выкинутой при линьке ненужной коже. Я должен осуществить этот план, но иначе, чем требует Алия».

Вскоре Алия, пожав плечами, сказала:

— Лито не следует подобным образом выходить наружу в нынешние времена. Я сделаю ему выговор.

— Даже со Стилгаром?

— Даже с ним.

Встав от зеркала, она подошла к стоявшему возле окна Айдахо и положила руку ему на руку.

Он подавил дрожь, заставив себя заниматься лишь вычислениями в своем мозге-компьютере. Что-то в ней вызывало в нем бурное отвращение.

Что-то в ней.

Он не мог заставить себя посмотреть на нее. Он чувствовал запах меланжа от ее косметики. Он откашлялся.

— Сегодня вечером я займусь изучением даров Фарадина, — сказала она.

— Одежд?

— Да. Ничто деласмое им не является тем, чем кажется. И мы должны помнить, что его башар, Тайканик, сторонник чаумурки, чаумас и всех других тонких способов убийства царственных лиц.

— Цена власти, — сказал он, отстраняясь от нее. — Но мы до сих пор мобильны, а Фарадин нет.

Она изучающе посмотрела на его точеный профиль. Порой трудно постичь ход его мыслей. Имел ли он в виду лишь то, что свобода действий развязывает руки для создания воинской мощи? Да, жизнь на Арракисе слишком долго была безопасной. Чувства, некогда заостренные вездесущими опасностями, вырождаются, оказавшись вне употребления.

— Да, — сказала она. — У нас до сих пор есть Свободные.

— Мобильность. — повторил он. — Нам нельзя низводить себя до пехоты. Такое было бы глупо.

Тон Данкана вызвал раздражение Алии, и она сказала:

— Фарадин применит любые средства, чтобы нас уничтожить.

— В том-то и дело, — ответил он. — Вот и форма инициативы, мобильности, которую мы не имели в прежние дни. У нас был кодекс, кодекс Дома Атридесов. Мы всегда жили по средствам, а мародерствовать предоставляли нашим врагам. Это ограничение теперь, конечно, больше не соблю-

дается. Мы равно мобильны, Дом Атридесов и Дом Коррино.

— Мы похитим мою мать, чтобы устеречь ее от зла, точно так же, как и по другим причинам, — сказала Алия. — Мы так и живем по кодексу!

Он поглядел на нее. Ей известно, как опасно провоцировать ментата на уход в его выкладки. Разве она не понимает, что он вычислил? И все же... он до сих пор ее любит. Он провел рукой по глазам. Как же молодо она выглядит. Леди Джессика права: Алия как будто ни на один день не состарилась за годы их совместной жизни. У нее так и сохранились мягкие черты ее матери — Бене Джессерит, но глаза ее были глазами Атидесов: примеряющими, требовательными, ястребиными. А сейчас некая одержимость и жестокий расчет таились в этих глазах.

Айдахо слишком долго прослужил Дому Атридесов, чтобы не знать все сильные и слабые стороны этой семьи. Но то, с чем он столкнулся сейчас в Алии, было для него внове. Атридесы могли затевать коварные игры против врагов, но никогда против друзей и союзников, а тем более против членов семьи. Такова была третья основа позиции Атридесов: поддерживай свое собственное население как только способен, показывай ему, насколько лучше ему живется под властью Атридесов; демонстрируй любовь к друзьям через свою искренность с ними. Хотя, не от Атридесов это исходит, то, о чем просит сейчас Алия. Он ощущал это всем своим телом и всеми своими нервами. Все его чувства и восприятия сливались в неразделимое ощущение присутствия чужеродного в занятой Алией позицией.

И — словно с резким щелчком включились датчики его ментатного сознания — ум его погрузился в тот оцепенелый транс, в котором не существует времени, а существуют лишь вычисления. Алия догадается, что с ним произошло, но ничего не поделаешь. Он отдался своим выкладкам.

Расклад: ОТРАЖАЯСЬ, леди Джессика живет псевдожизнью в сознании Алии. Он видит это так же, как видит отражение того Данкана Айдахо, который еще не был гхолой, постоянно пребывающее в его собственном сознании. Алия обладает этим видением, будучи одной из предрожденных. Он обрел подобный дар в регенерационных чанах Тлейлакса. При том, Алия, ставя под угрозу жизнь матери, отказывается от ее отражения в своем сознании. Следовательно, у Алии отсутствует контакт с псевдоДжессикой внутри нее. Следовательно, Алия НАСТОЛЬКО ПОЛНО

во владении некой другой псевдожизни, что всем остальным в ее сознании места нет.

ОДЕРЖИМОСТЬ!

ЧУЖДОСТЬ!

БОГОМЕРЗОСТЬ!

Сделав некий вывод, ментат принимает его и обращается к другим граням проблемы. Так поступил и Данкан. Все Атридесы здесь, на этой одной планете. Рискнет ли Дом Коррино напасть из космоса? Его ум быстрее молнии пробежался по тем изобретениям, что покончили с примитивными формами войн:

Первое — все планеты уязвимы для нападения из космоса; отсюда, всеми Великими Домами средства возмездия вынесены во внепланетное пространство. Как Фарадину не знать, что Атридесы не пренебрегли этой элементарной предосторожностью.

Второе — силовые щиты являются полнейшей защитой от неядерных снарядов и взрывных устройств, основная причина, почему в военных схватках вновь вышла на первое место живая сила. Но пехота ограничена в своих возможностях. Дом Коррино может вернуть своих сардукаров хоть на прежние позиции у самых арракинских пределов, но те не ровня Свободным с их отчаянной свирепостью.

Третье — сохраняется постоянная опасность планетарному феодализму со стороны большого технократического класса, но воздействие Бутлерианского Джихада продолжает предотвращать перегибы технологизма. Только Икс, Тлейлакс и несколько разрозненных внешних планет способны угрожать в этом отношении, но все они не устоят перед совместной яростью остальных частей Империи. С Бутлерианским Джихадом покончено не будет. Механизированная война требует большого технократического класса. Империя Атридесов направила эту силу по другому руслу. Ни один большой технический класс не выходит из-под надзора. И Империя благополучно остается феодальной — естественно, ведь это лучший общественный строй для того, чтобы расширяться за широко разбросанные дикие рубежи — на новые планеты.

Данкан ощутил, как озарилось его сознание ментата, на огромной скорости промчавшись по заложенным в память данным, САМИМ ПО СЕБЕ, полностью непроницаемое для течения времени. С быстротой молнии его вычисления проделали главный и решающий путь, приведя его к убеж-

дению, что Дом Коррино не осмелится на НЕЗАКОННОЕ ядерное нападение — но он отдавал себе полный отчет, из каких составляющих сложилось это убеждение: у Империи столько же ядерных и союзных сил, сколько у всех других Домов вместе взятых; по меньшей мере половина Великих Домов отреагирует без раздумий, если Дом Коррино нарушит Конвенцию — к внепланетной системе возмездия самих Атридесов присоединится всесокрушающая мощь, и не будет даже надобности к предварительному призыву. Этим призывом станет страх. Салуза Вторая и ее союзники исчезнут горячими облачками. Дом Коррино не рискнет на такую катастрофу. Он, несомненно, был искренен, письменно присоединившись к мнению, что ядерное оружие — это резерв, существующий для одной единственной цели: защиты человечества в том случае, если оно когда-нибудь столкнется с враждебным «другим разумом».

У компьютерных мыслей ясные грани и четкие очертания. Они — не затуманенные межеумки. Алия выбрала похищение и ужас, потому что стала чуждой, не Атридесом. Дом Коррино представлял угрозу, но отнюдь не с тех направлений, наличие которых Алия отстаивала на Совете. Алия хотела удалить леди Джессику, потому что Бене Джессерит своим старческим разумом разглядела то, что лишь теперь стало ясно Данкану.

Айдахо стряхнул с себя транс ментата и увидел холодное оценивающее выражение на лице стоящей перед ним Алии.

— Не предпочла бы ты, чтоб леди Джессика была убита? — спросил он.

Вспышка чужеродной радости неприкрыто полыхнула на краткий миг перед его взором, прежде чем скрыться под притворным негодованием:

— Данкан!

Да, эта отчужденная Алия предпочитает матереубийство.

— Ты боишься своей матери, а не за нее, — сказал он.

Ее оценивающий взгляд не изменился, когда она ответила:

— Конечно, боюсь. Она докладывает обо мне Сестрам.

— Что ты имеешь в виду?

— Разве ты не знаешь величайшего искушения для Бене Джессерит? — она пододвинулась к нему поближе, соблазнительная, глядя на него из под ресниц. — Лишь ради близнецов я заботилась о том, чтобы поддерживать в себе силу и бодрость.

— Ты говоришь об искушении, — бесстрастным голосом ментата сказал он.

— Это то, что Сестры прячут глубже всего, то, чего они больше всего бояться. Вот почему они называют меня БОГОМЕРЗОСТЬЮ. Они знают, что их запреты меня не волнуют. Искушение... они всегда говорят о нем с сильным ударением: ВЕЛИКОЕ ИСКУШЕНИЕ. Видишь ли, мы, опирающиеся на учение Бене Джессерит, способны воздействовать на такие веши, как регулирование внутреннего баланса энзимы в наших телах. Это продлевает молодость намного дольше, чем меланж. Понимаешь, к каким приведет последствиям, начни этим пользоваться многие посвященные? Это будет замечено. Уверена, ты просчитываешь истинность того, о чем я говорю. Меланж — вот что делает нас мишенью столь многих заговоров. Мы владеем веществом, продлевающим жизнь. А если станет известно, что Бене Джессерит владеет даже еще более могущественным секретом? Понимаешь! Ни одна Преподобная Мать не будет в безопасности. Похищения и пытки Бене Джессерит станут самым обычным делом.

— Ты достигла совершенства в отладке баланса энзимы, — это было утверждение, а не вопрос.

— Я бросила открытый вызов Сестрам! Доклады моей матери сделают Бене Джесссрит неколебимым союзником Дома Коррино.

Насколько правдоподобно, подумал он.

И пустил пробный камешек.

— Но ведь наверняка твоя мать не пойдет против тебя!

— Она была Бене Джесссрит задолго до того, как стала моей матерью. Данкан, она позволила, чтобы ее собственный сын, мой брат, подвергся испытанию Гом Джаббаром! Она это устроила! Зная, что он может и не выжить! У Бене Джессерит прагматизма всегда было намного больше, чем веры. Она выступит против меня, если решит, что это в лучших интересах Сестер.

Он кивнул. До чего ж она убедительна. Печально об этом думать.

— Мы должны владеть инициативой, — сказала она. — В этом — наше острейшее оружие.

— Остается проблема Гурни Хэллека, — заметил он. — Должен ли я убить своего старого друга?

— Гурни в пустыне, с каким-то шпионским поручением, — ответила она, зная, что Айдахо уже об этом осведомлен. — Он благополучно устранен с дороги.

— Очень странно, — сказал Данкан. — Губернатор-Регент Келадана работает на побегушках здесь, на Арракисе.

— Почему бы и нет? — вопросила Алия. — Он ее любовник — в своих мечтах, если не на самом деле.

— Да, конечно, — и он засомневался, расслышала ли она неискренность в его голосе.

— Когда ты ее похитишь? — спросила Алия.

— Лучше, чтобы ты об этом не знала.

— Да... Да, понимаю. Куда ты ее увезешь?

— Туда, где ее не смогут найти. Там посмотрим. Она не останется здесь угрозой тебе.

Нельзя было не разглядеть ликования в глазах Алии.

— Но когда...

— Если ты не будешь знать, то сможешь при необходимости держать ответ перед Узнавателем Лжи, что ты не знаешь, где она.

— Да, умно, Данкан.

«Теперь она верит, что я убью леди Джессику», — подумал он. А вслух сказал:

— Спокойной ночи, любимая.

Она не расслышала бесповоротности в его голосе, и даже беспечно поцеловала его, когда он уходил.

И на всем своем пути через съетчеобразный лабиринт коридоров храма Айдахо обмахивал глаза. Глаза производства Тлейлакса тоже подвержены слезам.

Ты любил Келадан — Плач по сгинувшей рати его, Даже снова любя, Не забудешь, скорбя, Невозвратные тени его.

Рефрен из Хаббаньянского Плача.

Стилгар учетверил охрану в съетче вокруг близнецов, но понимал, что это бесполезно. Мальчуган был совсем как свой тезка, дедушка Лито. Все, знавшие прежнего Герцога, это подмечали. Вид у Лито был расчетливый, и осторожность при нем была, но все это следовало брать с поправкой на скрытую неистовость, на падкость к опасным решениям.

Ганима больше похожа на мать. У нее рыжие волосы Чани, материнский разрез глаз и взвешенность при разрешении трудностей. Она часто повторяла, что делает лишь то, что должна делать, но, куда ни поведет Лито, она последует за ним.

А Лито собрался повести их к опасности.

Ни разу Стилгару не пришло на ум поверить свою проблему Алии.

А значит, исключалась и Ирулэн, бежавшая к Алии со всем и вся. Приходя к такому решению, Стилгар осознал, что признает вероятность того факта, что Лито судит об Алии верно.

«Она использует людей походя и черство, — думал он. — Даже Данкана она так использует. Дело даже не в том, что она изменит ко мне свое отношение и убьет меня. Главное — что она меня УВОЛИТ».

Тем временем охрана была усилена, и Стилгар блуждал по съетчу как призрак в просторных одеяниях, ничего не оставляя без пригляда. И все это время его обуревали сомнения, посеянные в нем Лито. Если нельзя положиться на традицию, то где же та скала, за которую можно заякорить свою жизнь?

В день Приветственного Собрания в честь прибытия леди Джессики Стилгар следил за Ганимой, стоявшей вместе с бабушкой на пороге у входа в главную палату собраний съетча. Было рано, и Алия еще не прибыла, но люди уже густой толпой скапливались в палату, исподтишка бросая взгляды на ребенка и взрослую, когда проходили мимо них.

Стилгар остановился в затененной нише, вне людского потока, и наблюдал за этой парой, не в состоянии расслышать их слов сквозь пульсирующий ропот скапливающихся толп. Люди многих племен были здесь сегодня, чтобы приветствовать возвращение своей старой Преподобной Матери. Но Стилгар глядел на Ганиму. Ее глаза, и как она пританцовывает, когда говорит! Ее движения его восхищали. А эти синие-в-синем, твердые, пытливые, оценивающие глаза. А как она, мотнув головой, отбрасывает с плеча золотисто-рыжие волосы. Все это — Чани. Воскресший призрак, сверхъестественное сходство.

Стилгар медленно переместился поближе и занял пост в другой нише.

Он не мог припомнить на своем веку ни одного другого ребенка, взиравшего бы так же, как Ганима — кроме ее брата. Где же Лито? Стилгар оглянулся в переполненный проход. Его стража подняла бы тревогу, будь что-то не так. Стилгар покачал головой. Эти близнецы с ума его сведут. Постоянно они испытывали на износ его душевное спокойствие. Он мог бы почти возненавидеть их. Царственные особы не защищены от ненависти, но кровь (и ее драгоценная вода)

предъявляют такие требования к самообладанию, перед которыми меркнут все прочие заботы. Эти близнецы существовали, как его величайшая ответственность.

Пронизанный пылью коричневый свет возник в пещерообразной палате собраний за Ганимой и Джессикой, коснулся плеч девочки и ее нового белого одеяния, озарив сзади ее волосы, когда она обернулась и поглядела в проход, на густо идущих людей.

«Почему Лито заразил меня этими сомнениями? — задумался Стилгар. Без сомнения, он сделал это умышленно. — Может быть, Лито хотел, чтобы я хоть в малой степени разделил опыт его сознания». Стилгар ЗНАЛ, что близнецы отличаются от других, но его рассудок никогда не был в состоянии вместить это знание. Он никогда не ощущал чрево матери как темницу пробуждающегося сознания... сознания, живого со второго месяца беременности, как утверждалось.

Лито сказал однажды, что его память подобна «внутренней голографии, расширяющейся в размерах и подробностях с первоначального шока пробуждения, но никогда не меняющаяся ни в форме, ни в очертаниях».

Впервые, наблюдая за Ганимой и леди Джессикой, Стилгар начал понимать, что это, должно быть, такое — жить в цепляющейся паутине воспоминаний, не в силах ни покинуть ее, ни найти изолированное прибежище для собственного ума. Столкнувшись с такой обусловленностью, человек должен интегрировать сумасшествие, отбирать и отвергать среди множества предложений, по системе, где ответы меняются так же быстро, как и вопросы.

Не могло быть закрепленной традиции. Не могло быть абсолютных ответов на вопросы о двух сторонах. Что подходит? То, что не подходит. Что не подходит? То, что подходит. Ему пришел на ум образец этому, старая игра Свободных в загадки. Вопрос: «Что несет смерть и жизнь?» Ответ: «Ветер Кориолиса».

«Почему Лито хочет, чтобы я это понял?» — спросил себя Стилгар. Осторожно зондируя, Стилгар понял, что близнецы разделяют общий взгляд на свою несхожесть с другими: думают об этом, как о несчастье. «Для таких проход по каналу рождения должен быть изматывающий», — подумал он. Неведение ослабляет потрясение от некоторых переживаний, но они-то ведь не будут пребывать в неведении насчет момента рождения. Столкнешься с непрестанной войной с

сомнениями. Будешь обижаться на свое несходство с остальными. Приятно дать почувствовать другим хотя бы вкус этого отличия. «Почему я?» — вот что будет твоим первым вопросом без ответа.

«А я о чем себя спрашиваю? — подумал Стилгар. Кислая улыбка тронула его губы. — Почему я?»

По-новому видя теперь близнецов, он уяснил себе, почему они так бесшабашно рискуют своими незрелыми телами. Ганима однажды сказала ему — как отрезала — когда он бранил ее за то, что она полезла по западной круче к вершине над съетчем Табр: «Почему я должна бояться смерти? Я уже побывала в ней — много раз».

«Да как я осмеливаюсь учить таких детей? — подивился Стилгар. — Как кто-либо посмеет?»

Как ни странно, мысли Джессики развивались в схожем русле, когда она беседовала со своей внучкой. Она думала о том, как должно быть трудно жить со зрелым умом в незрелом теле. Тело должно еще научиться тому, что ум уже познал и умеет — идет подгонка реакций и рефлексов. Пусть доступен им древний комплекс Бене Джессерит пранабинду, но даже и тут их ум обгонит тело. Гурни будет чрезвычайно трудно выполнить ее распоряжения.

— Вон, Стилгар, наблюдает за нами из той ниши, — сказала Ганима.

Джессика не обернулась. Но ее поразило то, что расслышала она в голосе Ганимы. Ганима любит старого Свободного любовью детей к родителям. Даже когда она говорит о нем небрежно или поддразнивает его, она его любит. Осознание этого заставило Джессику увидеть старого наиба в новом свете — внезапно оформившееся в ясную форму понимание открыло ей, что общего у Стилгара и близнецов. Новый Арракис не очень-то устраивает Стилгара, поняла Джессика. И не больше этот новый мир устраивает ее внуков.

Незваная и непрошеная, всплыла в мозгу Джессики старая присказка Бене Джессерит: «Заподозрить, что ты смертен, есть начало ужаса; неопровержимо уяснить, что ты смертен — познать окончание ужаса.»

Да, смерть не станет тяжелым ярмом для Стилгара и близнецов, но жизнь их — это медленное пламя. Все они находят свой мир плохо подходящим и жаждут иных путей, где познание изменений не сулит угрозы. Они — дети Абрахама, большему научившиеся от парящего над пустыней ястреба, чем из любой писаной книги.

Лито поразил Джессику не далее, как сегодня утром, когда они стояли у струящегося над съетчем канала.

— Вода — как капкан для нас, бабушка, — сказал он. — Лучше бы нам жить далекой отсюда пылью, потому что тогда ветер мог бы вознести нас выше высочайших круч Защитной стены.

Хоть Джессике и не впервой было встречаться со зрелостью, находившей себе окольный путь через уста этих детей, при этом замечании она смешалась, хоть и сумела проговорить:

— Такое мог бы сказать твой отец.

А Лито, подбросив в воздух горсть песка и наблюдая за падением песчинок, ответил:

— Да, мог бы. Но мой отец не учитывал в то время, как быстро вода заставляет все возвращаться в ту землю, из которой она выходит.

И сейчас, стоя в съетче рядом с Ганимой, Джессика заново пережила шок, испытанный ею при этих словах. Она обернулась, взглянула на плавно текущую толпу, скользнула острым взглядом по затененным очертаниям Стилгара в нише. Стилгар — не из ручных Свободных, обученных лишь таскать веточки для гнезда. Он до сих пор ястреб. Думая о красном цвете, он думает не о цветах, а о крови.

— Ты внезапно так притихла, — сказала Ганима. — Что-нибудь не так?

Джессика покачала головой.

— Всего лишь то, что Лито сказал мне нынче утром.

— Когда вы ходили на посадки? Что он сказал?

Джессика подумала о занятном выражении взрослой мудрости, появившейся утром на лице Лито. Точно такое же выражение приобрело сейчас лицо Ганимы.

— Он припоминал то время, когда Гурни от контрабандистов вернулся под знамена Арракиса, — ответила Джессика.

— Значит, вы говорили о Стилгаре, — сказала Ганима.

Джессика не спросила, откуда такое прозрение. Близнецы, казалось, способны были по собственному желанию воспроизводить ход мыслей друг друга.

— Да, говорили, — ответила Джессика. — Стилгару не нравиться, как Гурни величает Лито, но присутствие Гурни принуждает и всех Свободных к уважению, Гурни постоянно говорит: «Мой Герцог...»

— Понимаю, — заметила Ганима. — И, конечно, Лито указал, что ОН еще не Герцог Стилгара.

— Верно.

— Ты, конечно, знаешь, что Лито с тобой делал, — сказала Ганима.

— Не уверена, что знаю, — призналась Джессика, и это признание показалось ей особенно неловким, потому что ей и в голову не приходило, будто в появлении Лито с ней было что-то умышленное.

— Он старался вызвать тебя на воспоминания о нашем отце, — сказала Ганима. — Лито всегда жаждет узнать нашего отца с точек зрения других людей, его знавших.

— Но... Разве у Лито нет...

— О да, он может вслушиваться во ВНУТРЕННЮЮ ЖИЗНЬ. Разумеется. Но это не то же самое. Вы, конечно, говорили о нем. О нашем отце, я имею в виду. Вы говорили о нем, как о своем сыне.

— Да, — Джессика как обрубила. Ей не нравилось ощущение, что эти близнецы вертят ею, как хотят, открывают ее память для наблюдения, дотрагиваются до любого переживания, вызывающего их интерес. Может, Ганима занимается этим прямо сейчас!

— Лито сказал что-то, задевшее тебя, — сказала Ганима.

Необходимость подавить гнев словно сокрушила Джессику:

— Да... Сказал.

— Тебе не нравится то, что он знает нашего отца так, как знала его наша мать, а нашу мать — так, как знал ее наш отец, — сказала Ганима. — Тебе не нравится, что это означает то, что мы можем знать о тебе.

— Я прежде никогда на деле не задумывалась над этим с такой стороны, — натянутым голосом ответила Джессика.

— Да, обычно знание чувственных вещей как раз и смущает, — сказала Ганима. — Тебе трудно думать о нас иначе, как о детях. Но нет ничего, чем бы занимались вместе наши родители,на людях или в уединении, что не было бы нам ведомо.

На краткий миг Джессика пережила то же чувство, что и утром у канала, но теперь это чувство относилось к Ганиме.

— Он, вероятно, говорил о «мужской чувственности» твоего Герцога, — сказала Ганима. — Порой не мешало бы надевать узду на язык Лито!

«Разве нет ничего святого для этих близнецов?» — Джессика испытала сначала потрясение, затем ярость, затем отвращение. Как они осмеливаются говорить о чувственности ЕЕ Лито? Разумеется, любящие друг друга мужчина и женщина разделяют и свои телесные наслаждения! Это прекрасно и интимно, и не для того, чтобы выставлять

напоказ в нечаянном разговоре между взрослым и ребенком.

ВЗРОСЛЫЙ И РЕБЕНОК!

Джессика вдруг осознала, что ни у Лито, ни у Ганимы это не было нечаянным.

Поскольку Джессика сохраняла молчание, Ганима сказала:

— Мы оскорбили тебя. Извиняюсь за нас обоих. Зная Лито, я знаю, что он не подумает об извинениях. Порой, следуя по следу особенного запаха, он забывает, как мы отличаемся... От тебя, например.

Джессика подумала: «И вот почему, конечно, вы оба это проделываете. Вы учите МЕНЯ!» А затем подивилась: «Кого еще они учат? Стилгара? Данкана?»

— Лито старается увидеть вещи такими, как видишь их ты, — сказала Ганима. — Воспоминаний недостаточно. Именно тогда чаще всего и терпишь неудачу, когда пытаешь самое неподатливое.

Джессика вздохнула.

Ганима коснулась руки своей бабушки:

— Твой сын оставил несказанным многое, что все же должно быть сказанным, даже для тебя. Прости нас, но он любил тебя. Разве ты этого не знаешь?

Джессика отвернулась, чтобы скрыть блеснувшие на глазах слезы.

— Он знал о твоих слезах, — сказала Ганима. — Точно так же, как знал о страхах Стилгара. Дорогой Стил. Наш отец был его «Звериным Врачом», а сам Стил — не более, чем зеленой улиткой, прячущейся в своей скорлупе, — и она стала напевать песенку, из которой взяла эти слова. Напевная речь бескомпромиссно вонзалась в сознание Джессики.

«О, Врач наш Звериный,
К зеленой улитке,
К ее робкому чуду,
В тайне ждущему смерти,
Божеством ты подходишь!
И улиткам известно,
Что им смерть Бог приносит,
Что есть боль в исцеленьи,
Что из пламени двери
У высокого рая.
О, Врач наш звериный,
Человеку-улитке

Виден глаз твой, смотрящий
Внутрь моей скорлупы!
Почему, Муад Диб? Почему?

— К несчастью, отец оставил многих людей-улиток в нашем мироздании, — сказала Ганима.

Предположение, что люди существуют внутри по сути своей непостоянного мироздания, принимаемое как операционное исходное, требует от разума стать полностью осознающим себя инструментом равновесия. Но разум не может влиять подобным образом без задействования всего организма. Такой организм может быть распознан по его жгущему, направляющему поведению. Так и с обществом, рассматриваемым как организм. Но здесь мы сталкиваемся с инерцией прежнего. Общества склонны быть подстрекаемы древними, непроизвольными импульсами. Они требуют постоянства. Всякая попытка воочию показать им непостоянство мироздания пробуждает структуры отрицания, страха, гнева и отчаяния. Тогда как же мы объясним приемлемость предвидения? Очень просто: обнародующий свои пророческие видения будет радостно приветствоваться человечеством, даже предсказывая кошмарнейшие события, постольку, поскольку он говорит об их абсолютном (постоянном) осуществлении.

Книга Лито, по Харк-ал-Аде.

— Это как схватка в темноте, — сказала Алия.

Она широкими сердитыми шагами мерила Палату Собраний, переходя от высоких серебряных занавесей, смягчавших свет утреннего солнца в восточных окнах, к диванам, расставленным под изукрашенными стенными панелями в другом конце помещения. Ее сандалии пересекали циновки из волокон спайса, паркетные полы, плитки из гигантских кусков гранита — и опять по циновкам. Наконец она остановилась перед Ирулэн и Айдахо, сидевшими напротив друг друга на диванах, обитых серым китовым мехом.

Айдахо сопротивлялся возвращению из Табра, но приказания Алии были вне прекословия. Похищение Джессики было сейчас даже еще важнее, чем когда-либо, но оно должно подождать. Требуется ментатное восприятие Айдахо.

— Эти вещи скроены по тому же образцу, — сказала Алия. — Попахивает далеко идущим заговором.

— Может, и нет, — рискнула заметить Ирулэн, но вопросительно посмотрела на Айдахо.

На лице Алии проступила неприкрытая язвительная насмешка. Как может Ирулэн быть такой наивной? Если только не... Алия устремила на принцессу острый и вопрошающий взор. На Ирулэн была простая черная мантия из абы, хорошо подчеркивающая тени в ее глазах пряного и густо голубого цвета. Ее светлые волосы были заплетены в спадавшую по шее тугую косу, оттеняя обретенные за годы на Арракисе худобу и жесткость черт лица. До сих пор в ней сохранялось высокомерие, усвоенное ею при дворе ее отца, Шаддама IV, и Алии часто чудилось, что эта горделивость вполне может быть маской для заговорщицких мыслей.

Айдахо, в зелено-серой форме стража Дома Атридесов без знаков отличия, сидел развалясь. Многими настоящими стражами Алии его неношение знаков отличия воспринималось как выкрутасы и втайне презиралось особенно амазонками, которые прямо упивались служебными знаками отличия. Они не любили непритязательного присутствия гхолы-мечевластителя-ментата еще и потому и тем более, что он был мужем их госпожи.

— Итак, племена хотят, чтобы леди Джессика была восстановлена в Совете Регентства, — сказал Айдахо. — Как мы можем...

— Они предъявили единодушное требование, — Алия указала на тисненый листок спайсовой бумаги на диване рядом с Ирулэн. — Фарадин — это одно, но это... Здесь уже другой расклад сил!

— Что думает Стилгар? — спросила Ирулэн.

— Его подпись на этой бумаге! — ответила Алия.

— Но если он...

— Как может он отказаться от матери своего бога? — презрительно хмыкнула Алия.

Айдахо поглядел на нее, подумав: «Прямо на грани ссоры с Ирулэн!» Опять он подивился, зачем Алия вытащила его сюда, зная, что он нужен в съетче Табр, если уж действительно осуществлять план похищения. Возможно ли, чтобы она прослышала о послании, переданном ему Проповедником? При мысли о послании грудь его наполнилась смятением. Откуда этому нищенствующему мистику знать тот тайный сигнал, которым Пол Атридес всегда призывал своего мече-

властителя? Айдахо жаждал покинуть их бесцельное собрание и вернуться к поискам ответа на этот вопрос.

— Нет сомнений, что Проповедник — из внепланетных, — сказала Алия. — Насчет этого, Союз не решился бы нас обманывать. Мы схватим его...

— Осторожно! — сказала Ирулэн.

— Разумеется, проявим осторожность, — сказал Айдахо. — Половина планеты верит, что он... — и Айдахо пожал плечами, — твой брат, — Айдахо понадеялся, что его слова прозвучали с должной небрежностью. — Откуда этому человеку известен тайный сигнал?

— Но если он посыльный или шпион...

— Он не входит в контакт ни с кем из КХОАМ или Дома Коррино, — сказала Ирулэн. — Мы можем быть уверены в...

— Мы ни в чем не можем быть уверены! — Алия и не старалась скрывать язвительность. Она повернулась спиной к Ирулэн, лицом к Айдахо. Он знает, зачем он здесь! Почему он не выполняет того, что от него ожидается? Он в Совете, потому что Ирулэн здесь. Историю, приведшую принцессу Дома Коррино в лоно Атридесов, никогда нельзя забывать. Раз изменив, можно изменить вновь. Ментатные способности Данкана следует использовать для выслеживания изъянов, слабых отклонений в поведении Ирулэн.

Айдахо пошевельнулся и поглядел на Ирулэн. Бывали случаи, когда он чурался прямолинейной необходимости, возлагаемой на ментата. Он знал, о чем думает Алия. Ирулэн поймет не хуже. Но эта принцесса — жена Пола Муад Диба — превозмогла душой решение, поставившие ее ниже королевской наложницы, Чани. Не могло быть сомнений в преданности Ирулэн близнецам. Ради Атридесов она отвергла семью и Бене Джессерит.

— Моя мать — часть этого заговора! — настаивала Алия. — По какой бы другой причине Сестрам присылать ее сюда как раз в такое время?

— Истерика нам не поможет, — сказал Айдахо.

Алия резко отвернулась от него — как он и предполагал. Ему помогало, что он не должен глядеть на некогда любимое лицо, искаженное теперь чужеродной одержимостью.

— Что ж, — сказала Ирулэн, — Союзу нельзя полностью доверять в...

— Союзу! — усмехнулась Алия.

— Мы не можем исключать враждебности Союза или Бене Джессерит, — сказал Айдахо. — Но мы должны отнести их к категории пассивных, по существу, противоборцев.

Союз не изменит своему основному правилу: «Никогда не правь». Они — паразитический нарост, и они это знают. Они не сделают ничего, чтобы убить организм, за счет которого живут.

— Их понятие о том, за счет какого организма они живут, может отличаться от нашего, — протяжно проговорила Ирулэн. Такая ленца в голосе всегда была ее наибольшим приближением к насмешке. — Тут у тебя промашка, ментат.

Алия, похоже, была озадачена. Она не ожидала, что Ирулэн изберет такой курс. Заговорщик бы не захотел выставлять на обсуждение подобную точку зрения.

— Несомненно, — сказал Айдахо. — Но Союз не пойдет в открытую против Дома Атридесов. Сестры, с другой стороны, могли бы отважится на тот или иной политический прорыв, который...

— Если и отважатся, то через подставную силу — через группировку, от которой они смогут отмежеваться, — сказала Ирулэн. — Бене Джессерит не просуществовала бы все эти века, не усвоив ценности самоустранения в тень. Они предпочитают быть за троном, а не на нем.

«Самоустранение в тень!» Не это ли выбор Ирулэн, подумалось Алии?

— Именно то, что я вывожу по отношению к Союзу, — сказал Айдахо. До чего же полезна необходимость спорить и объяснять! Она удерживает его ум от других мыслей.

Алия опять отошла к залитым солнцем окнам. Она знала слепое пятно Айдахо — у каждого ментата оно было. Они должны были выносить четкие суждения. Отсюда, они становились зависимы от абсолютов, от конечных пределов. Они знали это о себе. Это было частью их обучения. И все же, они продолжали действовать вне самоограничительных параметров.

«Мне следовало оставить его в съетче Табр, — подумала Алия. — Лучше было бы просто передать Ирулэн на допрос Джавиду».

И Алия услышала громкий голос внутри своего черепа: «Именно!..»

«Заткнись! Заткнись! Заткнись!» — подумала она. В такие моменты появлялась приманка совершить нечто, являющееся опасной ошибкой — и она не могла распознать, в чем же эта ошибка будет заложена и как проявится. Она лишь чувствовала опасность. Айдахо должен помочь ей выбраться из этого затруднения. Он ментат. Ментаты необходимы. Люди-компьютеры заместили механические устройства,

уничтоженные во время Бутлерианского Джихада. «Да не сотворишь ты машину с подобием человеческого ума!» Но Алия томилась по сподручной машине. Они бы тогда не страдали от ограниченности Айдахо. Машине всегда можно доверять.

Алия услышала, как Ирулэн говорит с растяжечкой:

— Планы внутри планов внутри планов внутри планов. Мы все знаем сложившиеся трафареты нападения на власть. Я не осуждаю Алию за ее подозрения. Конечно, она подозревает всех — даже нас. Хотя, откинем это на момент. Что остается как место всей подоплеки, как наиболее плодовитый источник опасности Регентству?

— КХОАМ, — бесстрастным голосом ментата ответил Данкан.

Алия позволила себе мрачную улыбку. Комбайн Хоннет Обер Адвансер Меркантилес! Но Дом Атридесов доминирует в КХОАМЕ, владея пятьюдесятью одним процентом акций. Жречеству Муад Диба, так называемому Квизарату принадлежит еще пять процентов, прагматическая уступка Великих Домов, благодаря тому, что Дюна владеет бесценным меланжем. Не без причины спайс часто называют «тайной монетной системой». Без меланжа не взлетят корабли Космического Союза. Меланж повергает в «навигационный транс», благодаря которому еще до старта можно «разглядеть» траекторию полета. Без усиливающего воздействия меланжа на иммунную систему человека продолжительность жизни очень богатых сократится по меньшей мере вчетверо. Даже огромный средний класс Империи ест разбавленный меланж, добавляемый понемножку в пищу по крайней мере один раз в день.

Но Алия услышала искренность ментата в тональности Айдахо — он, наконец, заговорил в той тональности, которую она так отчаянно хотела услышать.

КХОАМ. Комбайн Хоннет — это намного больше, чем Дом Атридесов, чем Дюна, чем жречество или меланж. Это инквайны, китовый мех, икшианские поделки и забавники, перевозки с места на место, хаджж, продукты производства стоящей на грани закона тлейлаксанской технологии, наркотики, медикаменты, медицинское оборудование, транспортировки (Космический Союз) — словом, весь суперкомплекс коммерции Империи, охватывающий тысячи известных планет плюс некоторые втайне холимые за рамками известного, эксплуатация которых дозволена благодаря

производимым там услугам. Говоря о КХОАМ, Айдахо говорил о неизбывном брожении, об интриге внутри интриги, об игре сил, при которой изменение процентных ставок на одну двенадцатую пункта могло передать новым владельцам целую планету.

Алия вернулась к сидящим на диванах и встала над ними.

— Тебя занозит что-нибудь определенное, связанное с КХОАМ? — спросила она.

— Определенные Дома постоянно занимаются накоплением спайса в крупных размерах — в спекулятивных целях, — сказала Ирулэн.

Алия хлопнула руками по бедрам, затем указала на листок тисненой бумаги рядом с Ирулэн.

— А это ТРЕБОВАНИЕ тебя не занимает, предъявляемое этаким...

— Ладно, ладно! — пробурчал Айдахо. — Оставим это. Что там у тебя за пазухой? Если ты придерживаешь информацию и все же рассчитываешь на мою нормальную работу...

— Недавно произошло значительное увеличение спроса на людей четырех определенных специальностей, — интересно, а вправду ли эта информация нова для этих двоих, подумала Алия, произнося это.

— Каких специальностей? — спросила Ирулэн.

— Мечевластителей, ментатов-извращенцев с Тлейлакса, полных медиков Школы Сак и бухгалтеров-утайщиков, особенно последних. С чего бы этим сомнительным счетоводам именно сейчас быть в спросе? — этот вопрос адресовался Айдахо.

«Функционируй, как ментат», — подумал он. Что ж, это лучше, чем лицезреть ту Алию, которой она стала. Он сосредоточился на ее словах, уже ментатом снова и снова пропуская их через мозг. МЕЧЕВЛАСТИТЕЛИ? Некогда это было его собственным призванием. Мечевластители, конечно, это больше, чем просто опытные бойцы. Они могут приводить в порядок защитные поля, планировать военные компании, создавать средства военного обеспечения, на скорую руку мастерить оружие. МЕНТАТЫ-ИЗВРАЩЕНЦЫ? Тлейлакс явно упорствует в своем самообмане. Сам будучи ментатом, Айдахо знал, до чего хрупко и ненадежно то, что тлейлаксу закладывают в ментатов, когда стараются произвести насмных убийц. Великие Дома, приобретающие таких ментатов, надеются, что те будут под абсолютным их контролем. Невозможно! Даже Питер де Вриз, слуга Харкон-

ненов при их покушении на Дом Атридесов, сохранил свое глубинное достоинство, предпочтя в итоге смерть тому внутреннему рабству, которое было в него заложено. ВРАЧИ ШКОЛЫ САК? Сама их подготовка, якобы, предотвращает их неверность своим владельцам-пациентам. И врачи Школы Сак очень дороги. Увеличение спроса на них вызывает существенное перемещение денежных сумм.

Айдахо взвесил эти факты на одной чаше весов против возрастания бухгалтеров-утайщиков на другой.

— Исходное вычисление, — в голосе его были взвешенность и глубокая уверенность, что его умозаключение твердо основывается на фактах. — Недавно начался рост благосостояния среди Малых Домов. Некоторые из них наверняка движутся втихую к статусу Великих Домов. Такое благосостояние может проистекать только из некоторых особых перемещений в политическом обустройстве.

— Мы подходим наконец к Ландсрааду, — Алия высказала свое собственное убеждение.

— Следующая сессия Ландсраада состоится почти через два стандартных года, — напомнила ей Ирулэн.

— Но политический торг никогда не прерывается. И, берусь поручиться, некоторые из этих подписантов от племен, — она указала на бумагу рядом с Ирулэн, — из Малых Домов, что перешли на другой уровень.

— Может быть, — сказала Ирулэн.

— Ландсраад, — проговорила Алия. — Что лучше для Бене Джессерит? И кто будет лучшим агентом Сестер, чем моя собственная мать? — Алия остановилась прямо напротив Айдахо. — Ну, Данкан?

«Почему я не функционирую как ментат?» — спросил себя Айдахо. Он видел теперь, куда направлены подозрения Алии. В конце концов, Данкан Айдахо много лет был личным домашним охранником леди Джессики.

— Данкан? — с нажимом проговорила Алия.

— Тебе следует досконально разузнать о всех законопроектах, которые могут готовится к вынесению на следующую сессию Ландсраада, — сказал Айдахо. — Они могут попробовать лишить Регентство права вето на определенные виды постановлений — особенно, не связанные с политикой сбора налогов и регулирования картелей. Есть и другие, но...

— Не очень-то прагматично будет с их стороны делать ставку на такую позицию, — сказала Ирулэн.

— Согласна, — сказала Алия. — Сардукары беззубы, а у нас до сих пор наши легионы Свободных.

— Осторожней, Алия, — сказал Данкан. — Наши враги ничего так не хотят, как чтобы мы предстали чудовищами. Неважно, сколькими легионами ты владеешь — в такой разбросанной Империи, как наша, власть неизбежно держится в седле прежде всего на народном мнении.

— Народное мнение? — переспросила Ирулэн.

— Ты имеешь в виду поддержку Великих Домов, — сказала Алия.

— И со сколькими Великими Домами, объединенными в этот новый союз, мы столкнемся? — вопросил Айдахо. — Деньги накапливаются в странных местах.

— Запредельные планеты? — спросила Ирулэн.

Айдахо пожал плечами. Вопрос этот не имел ответа. Все они боялись, что однажды Тлейлакс или технологические кустари на окраинах Империи найдут способ свести на нет эффект Холцмана. В тот день защитные поля станут бесполезны. Все выверенное равновесие, поддерживающее вассальную систему планет, рухнет.

Алия отказалась рассматривать эту вероятность.

— Мы держимся в седле благодаря тому, что имеем, — сказала она. — А имеем мы осознание всем директоратом КХОАМ, что МЫ способны уничтожить весь спайс, если они нас к этому принудят. Они не пойдут на такой риск.

— Опять вернулись к КХОАМ, — заметила Ирулэн.

— Если только кто-нибудь не умудриться воспроизвести цикл песчаный червь-песчаная форель на другой планете, — и Айдахо, возбужденный этим предположением, кинул на Ирулэн вопрошающий взгляд. — Салуза Вторая?

— Мои тамошние связи остаются надежными, — сказала Ирулэн. — Не Салуза.

— Тогда мой ответ остается в силе, — Алия пристально поглядела на Айдахо. — Мы держимся в седле благодаря тому, что имеем.

«Мой ход», — подумал Айдахо. И спросил:

— Почему ты оторвала меня от ВАЖНОЙ РАБОТЫ? Ты вполне могла бы разобраться со всем этим сама.

— Не говори со мной таким тоном! — огрызнулась Алия.

Глаза Айдахо расширились. На секунду он увидел чужака за чертами лица Алии, и ему стало не по себе. Он перевел внимательный взгляд на Ирулэн; нет, Ирулэн этого чужака не увидела — или сделала вид, что не видит.

Айдахо горестно улыбнулся, но в груди у него ныло.

— Имея дело с властью, мы неизбежно имеем дело и с богатством и всеми его личинами, — протянула Ирулэн. —

Пол произвел социальную мутацию и, в итоге таковой, сместил старый баланс богатства — о чем мы должны помнить.

— Такие мутации не необратимы, — произнося это, Алия отвернулась от них, словно желая скрыть жуткого чужака, изменившего ее лицо. — Все держатели богатств в Империи знают это.

— А еще они знают, что есть трое людей, способных увековечить эту мутацию — близнецы и... — и Ирулэн указала на Алию.

«Они что, ненормальны, эта парочка?» — подивился Данкан.

— Они постараются убить меня! — проскрежетала Алия.

И потрясенный Айдахо погрузился в молчание, его ментатный разум заработал вовсю. Убить Алию? Зачем? Ее так легко дискредитировать. Но близнецы, вот... Да, он недостаточно спокоен, чтобы быть сейчас истинным ментатом, и вывести надлежащую оценку, но он постарается. Он должен быть сколь возможно точен. В то же время, он знает, что точность мышления неотделима от плохо согласующихся абсолютов. Природа не точна. Мироздание, укладываемое на шкалу Данкана, лишено точности: оно расплывчато и неопределенно, полно неожиданных движений и случайностей. Человечество в целом должно быть введено в его вычисления как природный феномен. И весь процесс точного анализа представляет иссечение кусочка за кусочком, отстранение от сиюминутной текучести мироздания. Он должен вобрать эту текучесть, увидеть мир в движении.

— Мы были правы, сосредоточившись на КХОАМ и Ландсрааде, — протянула Ирулэн. — И предположение Данкана дает первый пункт расследования, для...

— Деньги, как носители энергии, неотделимы от той энергии, выражением которой они являются, — сказала Алия. — Мы все это знаем. Но мы должны ответить на три основных вопроса: Когда? С использованием какого оружия? Где?

«Близнецы... Близнецы, — думал Айдахо. — Близнецы, вот кто в опасности, а не Алия».

— Тебя не интересует, кто и как? — спросила Ирулэн.

— Если Дом Коррино, КХОАМ или любая другая группировка опираются на нашей планете на людской фактор своих агентств, — сказала Алия, — то более шестидесяти процентов за то, что мы выявим их прежде, чем они начнут действовать. Знание, когда они придут в действие и где,

снабдит нас еще большим преимуществом. Как? То есть, попросту, КАКИМ ОРУЖИЕМ?

«Почему они не могут увидеть это так, как вижу я?» — удивился Айдахо.

— Ладно, — сказала Ирулэн. — Когда?

— Когда внимание сосредоточено на ком-то еще, — сказала Алия.

— Во время Собрания внимание было сосредоточено на твоей матери, — проговорила Ирулэн. — И никто не пытался...

— Неподходящее место, — сказала Алия.

«Куда она клонит?» — подивился Айдахо.

— Где же тогда? — спросила Ирулэн.

— Прямо здесь, в Башне, — ответила Алия. — Это место, где я чувствую себя в наибольшей безопасности и меньше всего настороже.

— Каким оружием? — спросила Ирулэн.

— Общепринятым — тем, которое Свободный может всегда иметь при себе: криснож, пистолет маула или...

— Самонаводящимся снарядом давно уже не пользовались, — сказала Ирулэн.

— В толпе не сработает, — ответила Алия. — А им придется действовать в толпе.

— Биологическое оружие? — спросила Ирулэн.

— Носитель заразы? — не скрывая недоверия, вопросила Алия. Как только Ирулэн может думать, что носитель заразы совладает с охраняющими Атридесов иммуннологическими барьерами?

— Я больше имела в виду какое-нибудь животное, — сказала Ирулэн. — Небольшое домашнее животное, выдрессированное на укус определенной жертвы, вносящее яд со своим укусом.

— Хорьки Дома этого не допустят, — сказала Алия.

— А если один из них самих?

— Неосуществимо. Хорьки Дома не признают посторонних, убивают их. Ты это знаешь.

— Я просто перебираю все возможности, в надежде, что...

— Я велю моей охране быть начеку, — сказала Алия.

Как только Алия произнесла «охрана», Айдахо поднес руку к своим тлейлакским глазам, в попытке воспротивиться тому, что властно на него нахлынуло — Ра-дух, движение Бесконечности, выражаемое Жизнью, тот удел полного погружения в ментатность, что всегда дремал в каждом ментате — наготове и выжидая свой час. Сознание его сетью накрыло все мироздание, сделало ясно различимыми формы

внутри него. Он увидел близнецов крадущимися сквозь тьму, в то время как гигантские когти загребают воздух возле них.

— Нет, — прошептал он.

— Что? — Алия взглянула на него словно в удивлении, что он все еще здесь.

Он убрал руку от глаз.

— Одежды, присланные Домом Коррино? — вопросил он. — Они присланы для близнецов?

— Конечно, — ответила Ирулэн. — Они совершенно безопасны.

— Никто не покусится на близнецов в съетче Табр, — сказала Алия. — Он полон вымуштрованных Стилгаром стражей.

Айдахо воззрился на нее. У него не было конкретных данных, чтобы подтвердить свой вывод, но он знал. ОН ЗНАЛ. То, что он пережил в своем воображении, было очень сходно с провидческими видениями, переживавшимися Полом. Но ни Ирулэн, ни Алия не поверят в такое предвидение, исходящее от него.

— Я бы основательно предостерег портовые власти против разрешения ввоза любых посторонних животных, — сказал он.

— Ты же не принимаешь предположение Ирулэн всерьез, — запротестовала Алия.

— Зачем давать шанс? — осведомился он.

— Расскажи это контрабандистам, — ответила Алия. — Нет, я буду полагаться на хорьков Дома.

Айдахо покачал головой. Что смогут хорьки против привидевшихся ему гигантских когтей? Но Алия права. Взятки там, где надо, один знакомый навигатор Космического Союза — и любое место Пустой Четверти становится посадочной площадкой. Союз не пожелает занять передовые позиции в любом нападении на Дом Атридесов... Что ж, Союз может быть рассматриваем лишь как геологический барьер, делающий нападение труднодоступным, но не невозможным. И потом, они всегда могут возразить, что они всего лишь «транспортное агентство». Откуда им, мол, знать, для чего предназначался тот или иной перевезенный ими конкретный груз?

Алия нарушила молчание, сделав жест Свободных, подняв руку и горизонтально изогнув кулак. Жест она сопроводила традиционным бранным выражением, означавшим «Иди ты в тайфун». Она явно рассматривала себя как единственно логичную цель для убийц, и этим

жестом высказывала возмущение полному хаотичных угроз миру. Она давала понять, что сметет ветром смерти любого, кто нападет на нее.

Айдахо почувствовал, что любые протесты беспомощны. Он видел, что она его больше не подозревает. Он должен вернуться в Табр — и она рассчитывает, что похищение леди Джессики будет осуществлено идеально. Он поднялся с дивана, обуянный адреналиновым приливом гнева. «Если б только целью и вправду была Алия! Если б убийцы могли добраться до нее!» На мгновение он положил руку на собственный нож, но не по нему было совершить такое. Намного ей лучше, думал он, умереть мученицей, чем жить опозоренной и затравленной в песчаную могилу.

— Да, — Алия неправильно истолковала проявление его чувств как беспокойство за нее. — Лучше тебе поспешить в Табр, — и подумала: «Как глупо с моей стороны подозревать Данкана! Он принадлежит мне, а не Джессике». Это требование племен выбило ее из колеи, подумалось Алии. Она беспечно помахала на прощание уходящему Данкану.

С чувством безнадежности Данкан вышел из Палаты Собраний. Алия не только ослеплена чужеродной одержимостью, но при каждом кризисе становится все более невменяемой. Она уже пересекла опасную точку — и обречена. Но что он может сделать для близнецов? Кому он может довериться? Стилгару? Но что Стилгар сумеет сделать кроме того, что и так им делается?

НЕ ЛЕДИ ЛИ ДЖЕССИКЕ?

Да, он рассмотрит такую возможность — но Джессика может быть слишком глубоко вовлечена в заговор Бене Джессерит. Он не питал особых иллюзий насчет этой жены из рода Атридесов. По велению Бене Джессерит она может оказаться способной на что угодно — даже на то, чтобы обратиться против собственных вкусов.

Хорошее управление никогда не зависит от законов, но от личных качеств правящих. Механизм управления всегда в подчинении воли тех, кто управляет этим механизмом. Следовательно, самый важный элемент управления — это метод отбора лидеров.

Закон и Управление.
Руководство Космического Союза.

«Почему Алия хочет, чтобы я провела вместе с ней утреннюю аудиенцию? — гадала Джессика. — Они не проголосовали за мое возвращение в Совет».

Джессика стояла в приемной перед Большой Башенной Залой. Где-нибудь не на Арракисе сама огромная приемная уже считалась бы быть достойной. Под руководством Атридесов здания Арракина стали еще даже более гигантскими после концентрации богатства и власти, и это помещение казалось сгущенным воплощением дурных предчувствий Джессики. Не любила она эту комнату, с ее изразцовым полом, изображавшим победу ее сына над Шаддамом IV.

Она поймала отражение своего лица в отполированной пластальной двери, ведущей в Большую Залу. Возвращение на Дюну заставило ее проводить сравнения — и в своем лице Джессика видела лишь признаки старения: появились крохотные морщинки на овальном лице, взор густо-голубых глаз сделался слабее. Она еще помнила, как у ее синих глаз были белки. Только благодаря осторожным манипуляциям специалистов ее волосы продолжали оставаться блестящими, а тело стройным, но даже тренированные Бене Джессерит мускулы не могли не уступать потихоньку течению времени. Кто-то мог не заметить этого и сказать: «Ты нисколько не изменилась!» Но закалка Бене Джессерит была обоюдоострым мечом — маленькие изменения редко ускользали от тех, кто ее прошел.

И отсутствие маленьких изменений в Алии не осталось незамеченным Джессикой.

Джавид, распорядитель Алии, стоял в огромной двери, выглядя нынче утром очень официально. Джинн в широких одеждах, циничная улыбка на круглом лице. Джавид был для Джессики парадоксом: хорошо откормленный Свободный. Заметив, что ее внимание обращено на него, Джавид понимающе улыбнулся и пожал плечами. Не сказать, что с подобающим почтением к Джессике — и намеренно непочтительно. Он ненавидел Атридесов, но, если верить слухам, Алии он служил не одним единственным образом.

«Вот поколение пожимающих плечами, — подумала Джессика, увидев его жест. — Он знает, что я слышала рассказы о нем, и показывает, что ему на это наплевать. Наша цивилизация вполне может умереть от безразличия, прежде чем падет жертвой внешнего нападения».

Стражам, которых Гурни приставил к ней перед отправкой к контрабандистам в пустыню, не по душе было, что она

отправляется сюда без их сопровождения. Но, как ни странно, Джессика чувствовала себя в безопасности. Пусть кто-нибудь превратит ее здесь в мученицу — Алии после этого тоже не выжить. И Алия не может не понимать этого.

Когда Джессика не откликнулась на его ухмылку и пожатие плеч, Джавид кашлянул — только практикой достигаемая гортанная отрыжка. Это прозвучало как тайный язык. Он говорил: «Мы-то понимаем чушь всей этой помпы, миледи. Разве не удивительно, во что можно заставить верить людей?»

«Удивительно!» — согласилась Джессика, но на лице ее никак не отразилась эта мысль.

Приемная была уже полным полна, люди Джавида впустили всех, кому дозволено было обратится со своим ходатайством на аудиенции сегодняшнего утра. Внешние двери уже закрылись. Просители и служители держались на вежливом расстоянии от Джессики, но отметили, что она в простой черной абе Преподобной Матери Свободных. Много это возбудило вопросов. Ни одного знака отличия жречества Муад Диба на ней нет. Слышались приглушенные разговоры. Народ делил свое внимание между Джессикой и небольшой боковой дверцей, из которой должна появиться Алия, чтобы провести всех в Большую Залу. Джессике было очевидно, что старые предписания, точно определявшие этикет Регентства, заколебались.

«Мое прибытие сюда само по себе способствовало этому, — подумала Джессика. — Но я прибыла, потому что Алия меня пригласила».

Подмечая признаки беспокойства, она поняла, что Алия умышленно тянет время, чтобы определилось направление всех неуловимых течений среди собравшихся здесь. Алия, конечно, смотрит в потайной глазок. Немногие тонкости поведения Алии ускользали от Джессики, и с каждой минутой она все больше убеждалась, как же была права, приняв на себя миссию, которую навязывала ей Бене Джессерит.

— Нельзя позволить, чтобы дела и дальше шли по такому пути, — доказывала ей глава делегации Бене Джессерит. — Наверняка признаки порчи от тебя не ускользнут — от тебя прежде всего! Мы знаем, почему ты нас покинула, но знаем так же твою выучку. Тебе ни в чем не отказывали, давая тебе образование. Ты исповедуешь Паноплиа Профетикус, и ты обязана знать, когда озлобленность могучей религии угрожает нам всем.

Джессика, смотревшая в окно замка Келадан на нежное начало весны, задумчиво поджала губы. Ей не хотелось пускать свои мысли по подобному логическому пути. Один из первых уроков Бене Джессерит — соблюдать вопрошающее недоверие ко всему, что является под личиной логики. Но ведь и члены делегации это знали.

Как же влажен был воздух тем утром, подумала Джессика, оглядывая приемную Алии. Как свеж и влажен. А здесь влага в воздухе была потной, пробуждающей в Джессике неуютное чувство, и она подумала: «Я вернулась на путь Свободных». Воздух был слишком влажен в этом надземном съетче. Что стряслось со Смотрителем Влаги? Пол никогда бы не допустил подобной расхлябанности.

Она заметила, что Джавид, с его бодрым и спокойным лоснящимся лицом, как будто и не замечает неполадки с влажностью в воздухе приемной. Плохая выучка для рожденного на Арракисе.

Члены делегации Бене Джессерит пожелали знать, требует ли она доказательств их обвинений. Она сердито процитировала им в ответ одно из собственных руководств: «Все доказательства неизбежно приводят к теоремам, у которых нет доказательств. Все, что мы знаем, известно нам потому, что мы хотим в это верить».

— Но мы препоручали эти вопросы ментатам, — возразила глава делегации.

Джессика изумленно на нее уставилась.

— Просто восхитительно, как это вы достигли своего нынешнего положения, так и не уяснив ограниченность ментатов, — вот что ответила Джессика.

И тут делегация расслабилась. Все это явно было лишь проверкой, и Джессика ее выдержала. Они боялись, конечно, что Джессика полностью утратила контакт с теми сбалансированными способностями, которые составляли суть выучки Бене Джессерит.

И тут Джессика слегка насторожилась, поскольку Джавид покинул свой пост у двери и направился к ней.

Он поклонился:

— Миледи. Мне пришло в голову, что вы, может быть, не слышали о последнем подвиге Проповедника.

— Я получаю ежедневные отчеты обо всем, что здесь происходит, — ответила Джессика. «Вот тебе, передай это Алии!»

Джавид улыбнулся.

— Тогда вы знаете, что он поносит вашу семью. Не далее

как вчера вечером он проповедовал в южном пригороде, и никто не осмелился его пальцем тронуть. Вы, конечно, знаете, почему.

— Потому что они считают, что это мой вернувшийся сын, — с оскоминой в голосе ответила Джессика.

— Этот вопрос еще не ставился перед ментатом Айдахо, — сказал Джавид. — Может быть, он сумеет с ним справиться и утрясти все сомнения.

Вот еще один, воистину не знающий ограниченности ментатов, подумала Джессика, хотя и отваживается наставлять рога одному из них — в мечтах, если не наяву.

— Ментаты разделяют приверженность своих использователей к ошибкам, — сказала она. — Человеческий мозг, как и мозг любого животного, это резонатор. Он резонирует на окружающую среду. Ментат выучен распространять свое сознание сразу на многие петляющие параллели казуальности и проходить по этим петлям, выявляя длинные цепочки последовательностей. «Пусть попробует это переварить!»

— Значит, этот Проповедник не вызывает ваших опасений? — голос Джавида внезапно стал казенным и напыщенным.

— Я считаю его здоровым симптомом, — ответила Джессика, — и не хочу, чтобы ему докучали.

Джавид явно не ожидал столь резкого ответа. Он попробовал улыбнуться — не получилось. Затем:

— Правящий Церковный Совет, боготворящий волю вашего сына, преклонится, конечно, пред вашими желаниями, если вы будете настаивать. Но, разумеется, какое-то объяснение...

— Может, это вам лучше объяснить, как Я вписываюсь в ваши планы, — сказала Джессика.

Джавид с прищуром на нее поглядел.

— Мадам, я не вижу логических причин вашему отказу осудить этого Проповедника. Он не может быть вашим сыном. Я обращаюсь к вам с разумной просьбой: осудите его.

«Все это подстроено, — подумала Джессика. — Он действует по поручению Алии».

— Нет, — ответила она.

— Но он оскверняет имя вашего сына! Он проповедует отвратительные вещи, во весь голос выступает против вашей божественной дочери. Он подстрекает против нас население. Когда его спросили, он ответил, что даже вы по природе порочны, и вот почему...

— Хватит этой чепухи! — сказала Джессика. — Сообщи

Алии, что я отказываюсь. Со времени прибытия я не слышу ничего, кроме разговоров о Проповеднике. Мне это наскучило.

— Скучно ли вам будет узнать, мадам, что в своем последнем злословии он заявил, что вы не выступите против него? И вот теперь вы здесь, ясно...

— Как я ни порочна, а все равно его не осужу, — прервала она.

— Это нешуточное дело, мадам!

Джессика сердито и отстраняюще взмахнула рукой.

— Убирайся! — это было сказано с такой победительной властностью, что услышали остальные, и он вынужден был подчиниться.

Глаза его полыхнули яростью, но он заставил себя сухо поклониться — и вернулся к своему посту у двери.

Этот спор аккуратненько лег на уже сделанные Джессикой наблюдения. В голосе Джавида, когда он говорил об Алии, звучали сильные интонации любовника — не ошибешься. Слухи, несомненно, были правдивы. Алия позволила своей жизни покатиться по унизительной и жуткой дорожке. Наблюдая это, Джессика начала питать подозрения, что Алия по собственной охоте впала в Богомерзость. Не было ли это извращенной волей к самоуничтожению? Потому что деятельность Алии была безусловно направлена на то, чтобы уничтожить и себя, и основу власти, питавшейся от учения ее брата.

Слабая беспокойная суета в приемной усилилась, сделавшись вполне явной. Завсегдатаи этого места не могли не видеть, что Алия чересчур задерживается, и все они уже слышали, как Джессика властно отогнала фаворита Алии.

Джессика вздохнула. У нее было ощущение, что душа ее вся сжалась и отстала от тела, когда она вступала в это место. Передвижения среди челяди и челобитчиков были так прозрачны! Заискивание перед важными персонами — как танец ветра по полю зерновых всходов. Искушенные обитатели замка хмурили лбы, и с каждым из своих сослуживцев вели себя соответственно их шкале оценок придворного веса. Джавиду явно повредило полученная от нее выволочка — немногие с ним теперь заговаривали. Но другие! Ее наметанный глаз живо определял, какую оценку значимости имеет каждый из сателлитов власти.

«Они не обращаются ко мне, потому что я опасна, — подумала Джессика. — Они чуют, что я вызываю страх Алии».

Джессика оглядела помещение — и увидела, как отведены

от нее взгляды. До чего же всерьез принимают они собственную тщету! Ее вдруг охватило желание во всеуслышание провозгласить, до чего беспочвенны все избитые оправдания бесцельности их жизни.

Слух ее привлек отрывок ведущегося рядом разговора. Высокий и стройный жрец обращался к своей котерии, явно к покровительствуемым им просителям:

— Я часто должен говорить иначе, чем думаю. Это называется дипломатией.

Напряженный смех прозвучал слишком громко — и затих слишком быстро. Группка заметила, что Джессика их слушает.

«Мой Герцог услал бы такого в самую отдаленную адскую дыру! — подумала Джессика. — Нет, я не слишком скоро вернулась!» Она поняла теперь, что жила на Келадане как в изолированной капсуле, куда способны были просачиваться только вести о самых вопиющих крайностях Алии. «Я поддалась собственному дремотному существованию», — подумала она. Келадан был не меньше изолирован, чем первоклассный фрегат, благополучно ведомый надежным рулевым Космического Союза. Только самые резкие маневры ощутимы — да и те до нельзя смягчены.

«До чего же соблазнительно жить в мире!» — подумала она.

Чем дольше наблюдала Джессика двор Алии, тем больше испытывала симпатий к тому, что, по донесениям, говорил слепой Проповедник. Да, Пол мог бы произнести такое, видя, что творится в его царстве. Интересно, подумала Джессика, что выяснил Гурни среди контрабандистов.

Да, поняла Джессика, ее первое чувство по отношению к Арракину было верным. Когда она впервые ехала в город в сопровождении Джавида, ее внимание было привлечено бронированными экранами перед домами, тщательно охраняемыми дорожками и аллеями, терпеливыми наблюдателями на каждом углу, высокими стенами и толстыми фундаментами, говорившими о глубоких подземных помещениях. Арракин стал невеликодушным местом, ограниченным местом, с безрассудно, самодовольно жесткими очертаниями.

Вдруг открылась маленькая боковая дверца приемной, изрыгнув в помещение авангард из жриц-амазонок, под заслоном которых вышла Алия, высокомерно двигаясь со сдержанным осознанием подлинной и ужасной силы. Лицо Алии было спокойно — ни одна эмоция не проступила на нем, когда ее взгляд встретился со взглядом матери и выдержал его. Но обе знали, что битва началась.

По приказу Джавида распахнулись гигантские двери Большой Залы, подчиняясь бесшумной неизбежности скрытой энергии.

Алия подошла к матери, и стража прикрыла их со всех сторон.

— Не пора ли нам пройти в Залу? — спросила Алия.

— Самое время, — ответила Джессика. И подумала, увидев злорадство в глазах Алии: «Она полагает, будто сможет уничтожить меня и остаться невредимой! Она сумасшедшая!»

И Джессика задумалась, не может ли это быть связано с тем, что хотел Айдахо. Он передал ей послание, но она не сумела ответить. Такое загадочное послание: «Опасность. Должен вас увидеть». Написано оно было на одной из старых разновидностей Чакобсы, где особое слово, напрямую означавшее «опасность», подразумевало «заговор».

«Я повидаюсь с ним сразу же по возвращении в Табр», — подумала она.

Таков изъян власти: в конечном счете, она действенна лишь в абсолютном, ограниченном мироздании. Но основной урок нашего относительного мироздания в том, что все меняется. Пол Муад Диб преподал этот урок сардукарам на равнинах Арракина. Его потомкам еще предстоит заучить этот урок для самих себя.

Проповедник в Арракине.

Первым ходатаем на утренней аудиенции был кадешанский трубадур, пилигрим хаджжа, кошелек которого опустошили арракисские наемники. Он стоял на зеленых, как вода, плитах палаты, всем своим видом показывая, что может просить, но не попрошайничать.

Джессика сидевшая рядом с Алией на семиступенчатой платформе, восхитилась его дерзким видом. Для матери и дочери были поставлены рядом два одинаковых трона, и Джессика особенно отметила, что Алия села справа, на мужское место.

Что до кадешанского трубадура, то было ясно, что люди Джавида пропустили его как раз за демонстрируемую им сейчас черту характера — за удаль. Ожидалось, что трубадур развлечет придворных в Зале — этим и расплатится, взамен денег, которых у него больше не было.

По докладу Жреца-Ходатая, излагавшего сейчас дело трубадура, у кадешанца осталась только та одежда, что была на нем, да бализет на кожаном шнуре, закинутый за плечо.

— Он говорит, его попотчевали темным напитком, — губы Ходатая дрогнули в плохо сдерживаемой улыбке. — Если будет угодно вашему Святейшеству, питье погрузило его в беспомощное состояние, а когда он очнулся, его кошелек был срезан.

Джессика разглядывала трубадура, пока Ходатай нудил и нудил лживо лебезящим голосом, выдавая одну затхлую мораль за другой. Кадешанец высок, с лихвой за два метра. Его блуждающий взгляд говорит о бодром и остром уме. Его золотистые волосы ниспадают до плеч, по моде его планеты, и серый балахон хаджжа не в состоянии скрыть ощущение зрелой силы, которым веет от его тела, аккуратно сужающегося к талии от широкой грудной клетки. Он сообщил, что зовут его Тагир Мохандис, что происходит он от владевших собственным делом механиков, гордится своей родословной и самим собой.

Алия наконец резким взмахом руки прервала изложение ходатайства и заговорила, не поворачиваясь:

— Пусть первое суждение вынесет леди Джессика, в честь ее возвращения к нам.

— Спасибо тебе, дочь, — отозвалась Джессика, подчеркивая для всех, кто слышит, семейное старшинство. «Дочь!» Значит, этот Тагир Мохандис — часть ее плана. Или он просто невинный простак? Вынести суждение — открыть путь к нападению на себя, поняла Джессика. Вполне в духе Алии.

— Ты хорошо играешь на своем инструменте? — спросила Джессика, указывая на девятиструнный бализет на плече трубадура.

— Не хуже самого великого Гурни Хэллека! — Тагир Мохандис заговорил так громко, чтобы его услышали все в Зале, и его слова вызвали заинтересованное шевеление среди присутствующих.

— Ты ходатайствуешь о деньгах на проезд, — сказала Джессика. — Куда ты отправишься на эти деньги?

— На Салузу Вторую, ко двору Фарадина, — ответил Мохандис. — Я слышал, он выискивает трубадуров и менестрелей, поддерживает искусства, и вокруг него идет великое возрождение культурной жизни.

Джессика удержалась от взгляда на Алию. Здесь, конечно,

было известно, о чем будет просить Мохандис. Она обнаружила, что этот эпизод спектакля ее развлекает. Они что, думают, она не в состоянии выдержать подобный укол?

— Не сыграешь ли ты, за свой проезд? — спросила Джессика. — Мои условия — условия Свободных. Если мне понравится твоя музыка, я могу оставить тебя у себя, развевать мои заботы; если твоя музыка оскорбит мой слух, я могу послать тебя на работы в пустыню, чтобы ты там отработал деньги на свой проезд. Если я сочту, что ты играешь как раз подходяще для Фарадина, о котором говорят, что он враг Атридесов, я тебя пошлю к нему, с моим благословением. Будешь ты играть на этих условиях, Тагир Мохандис?

Запрокинув голову, тот громово расхохотался. Его светлые волосы взметнулись, когда он сорвал бализет с плеча и проворно его настроил — в знак того, что принимает вызов.

Толпа в Зале надавила, пытаясь подойти поближе, но была оттеснена придворными и стражей.

Вскоре Мохандис тронул струны, с тщательным вниманием прислушиваясь к привораживающей вибрации крайних, басовых струн, к их длящемуся гудению. Затем, возвысив голос до сочного тенора, он запел, явно импровизируя, но с такой ловкостью, что Джессика была околдована еще до того, как сосредоточилась на словах.

Неизбывной тоской по морям Келадана, Вы томитесь, Атридесы, В оно время его властелины, Но на долю изгнанников — чуждые страны.

Вы взнуздали Арракис рукой железной, Червь смирился пред вами, уйдя в свои бездны, Вы приняли судьбу без борьбы бесполезной — Ведь на долю изгнанников — чуждые страны.

— *Коан-Тином зовут тебя, Алия, всюду, Духом, скрытым от явного взора, покуда...*

— ДОВОЛЬНО! — взвизгнула Алия. Она резко привстала на троне. — Я тебя...

— Алия! — Джессика воззвала достаточно громко, голосом, повышенным ровно на столько, чтобы, привлекая полное внимание, одновременно избежать конфронтации. Она мастерски воспользовалась Голосом, и все, ее слышавшие, ясно ощутили, какая развитая упражнениями мощь стоит за этим возгласом. Алия опустилась на трон, и Джессика заметила, что дочь ее нисколько не расстроена.

«И это тоже было предусмотрено заранее, — подумала Джессика. — До чего же интересно!»

— Этот первый проситель подлежит моему суду, — напомнила она дочери.

— Очень хорошо, — едва слышно ответила Алия.

— Я нахожу его подходящим даром Фарадину, — сказала Джессика. — Его язык острее кресножа. Кровопускание, на которое способен этот язык, было бы весьма оздоровительным для нашего двора, но пусть лучше оно предназначается для Дома Коррино.

Легкая рябь смешков разбежалась по зале.

Алия пофыркивающе выдохнула воздух.

— Ты слышала, как он меня назвал?

— Он тебя никак не назвал, дочка. Он просто повторил то, что и он, и кто угодно может услышать на улице. Они называют тебя Коан-Тин...

— Дух смерти женского рода, расхаживающий без ног, — проворчала Алия.

— Если ты будешь отбрасывать тех, кто докладывает правду, то с тобой останутся лишь знающие, что ты желаешь услышать, — сладким голосом сказала Джессика. — Нет ничего более ядовитого, чем киснуть в собственном соку.

Все, стоявшие в непосредственной близости к трону, так и поперхнулись.

Джессика перевела взгляд на Мохандиса, хранившего молчание, и нисколько не запуганного. Он ожидал любого решения, которое может быть о нем вынесено, с таким видом, словно это его вовсе не касалось. Мохандис был как раз из породы тех, кого ее Герцог привлек бы на свою сторону в беспокойные времена: одним из действующих с уверенностью в своей правоте, но принимающим все, что выпадает на долю, даже смерть, не кляня судьбу. Зачем же он тогда выбрал такую линию?

— Почему ты пел именно такие слова? — спросила его Джессика. Он поднял голову и четко проговорил:

— Я слышал, что Атридесы благородны и свободомыслящи. Мне вздумалось проверить это и, может быть, остаться у вас на службе, получив время найти тех, кто меня ограбил, и расквитаться с ними по-своему.

— Он осмелился проверять НАС! — пробормотала Алия.

— Почему бы и нет? — осведомилась Джессика.

И улыбнулась трубадуру в знак благорасположения. Он пришел в этот зал только потому, что это сулило ему еще одно приключение, еще одно новое переживание. У Джессики появилось искушение забрать его в свою свиту, но

реакция Алии грозила бедами смелому Мохандису. Были и другие приметы, свидетельствовавшие, что как раз этого и ждут от леди Джессики — что она возьмет смелого и красивого трубадура себе на службу, как взяла храбреца Гурни Хэллека. Лучше всего отослать Мохандиса туда, куда ведет его путь, хотя и мучительно обидно отдавать Фарадину такой чудесный экземпляр.

— Он отправится к Фарадину, — сказала Джессика. — Проследите, чтобы он получил свои деньги на проезд. Пусть его язык пустит кровь Дому Коррино — посмотрим, выживет ли он после этого.

Алия устремила в пол вспыхнувший взгляд, затем выдавила запоздалую улыбку.

— Мудрость леди Джессики превыше всего, — сказала она, взмахом руки отсылая Мохандиса.

«Совсем не так пошло, как она хотела», — подумала Джессика, но по поведению Алии было красноречиво видно, что матери уготовлено и более зловещее испытание.

Следующего просителя препроводили вперед.

Джессику, видевшую реакцию дочери, начали грызть сомнения. Здесь пригодится урок, преподанный близнецами. Пусть Алия и БОГОМЕРЗОСТЬ, но она — одна из предрожденных. Она может знать свою мать так же, как знает саму себя. Не укладывается, что Алия могла неправильно предположить реакции матери в случае с трубадуром. «Зачем Алия разыграла это противостояние? Чтобы меня отвлечь?»

Времени на размышления больше не было. Второй проситель занял место перед двойным троном, его Ходатай — сбоку.

На этот раз просителем был Свободный, старик с песчаными отметинами на лице рожденного в пустыне. Он не был высок, но тело имел жилистое, а длинная одежда, носимая обычно поверх стилсьюта, придавала ему величественный вид. Широкая одежда сочеталась с его узким лицом, крючковатым носом и сплошной полыхающей синевой его глаз. Стилсьюта на нем не было — и без него старик чувствовал себя неуютно. Огромное пространство Приемной Залы наверняка казалось ему опасной открытой местностью, которая похитит из его тела драгоценную влагу. Под капюшоном, частично откинутым назад, видны были узлы нефайи — головного убора наиба.

— Я — Гадхеан ал-Фали, — сказал он, ставя ногу на

ступени под тронами, чтобы показать, насколько он выше по статусу всех остальных в толпе. — Я был одним из федайкинов Муад Диба, и я здесь по делу, касающемуся пустыни.

Алия чуть заерзала — совсем чуточку выдала себя. Под требованием ввести Джессику в Совет стояла и подпись ал-Фали.

«Касающееся пустыни», — подумала Джессика.

Гадхеан ал-Фали произнес эти слова прежде, чем Ходатай успел начать изложение его дела. Этой формальной фразой Свободных он приковывал их внимание к тому, что его дело настоятельно касается всей Дюны — и что он будет говорить данной ему властью федайкина, жертвовавшего своей жизнью рядом с Муад Дибом. Джессика засомневалась, об этой ли цели Гадхеан ал-Фали сообщил Джавиду или Главному Ходатаю, добиваясь приема. Догадка ее подтвердилась, когда от дальней стены палаты рванулся вперед один из священнослужителей, размахивая черной повязкой Ходатая.

— Миледи! — взывал священнослужитель. — Не слушайте этого человека! Он пришел под лживым...

Джессика, наблюдавшая за бегущим к ним жрецом, боковым зрением уловила какое-то движение — и увидела, что рука Алии подала сигнал на старом боевом языке Атридесов: «Сейчас!» Джессика не могла определить, куда адресован этот сигнал, но инстинктивно наклонилась влево, опрокидывая за собой трон. Она выкатилась кувырком из рухнувшего трона, вскочила на ноги и услышала резкое ХЛОП! пистолета маула... и еще одно. Но уже после первого выстрела она была в движении, почувствовав, как что-то дернуло ее правый рукав. Она нырнула в толпу просителей и придворных возле помоста. Алия, как она заметила, не шевельнулась.

Окруженная людьми, Джессика остановилась.

Она увидела, что Гадхеан ал-Фали шмыгнул к другой стороне помоста, но Ходатай оставался стоять, как стоял.

Все это произошло со стремительностью засады, но всякий в зале знал, как именно должен реагировать тренированный человек, которого застали врасплох. То, что Алия и Ходатай остались стоять как вкопанные, весьма изобличало их.

Смятение, покатившееся к середине Залы, привлекло внимание Джессики, она пробилась сквозь толпу и увидела четырех челобитчиков, державших жреца-служителя. Его черная повязка Ходатая валялась у его ног, из складок ее выглядывал пистолет маула.

Ал-Фали протолкался вслед за Джессикой, поглядел на пистолет, затем на жреца, испустил крик ярости и движением снизу вверх жестко напряженными пальцами правой руки нанес тому удар «ачаг». Удар пришелся в горло жреца и тот рухнул, задыхаясь. Не удостоив и взглядом сраженного им человека, старый наиб обратил гневное лицо к помосту.

— Делал-ил ан-наббава! — вскричал ал-Фали, поднося ладони ко лбу, а затем опустив их. — Квадис ас-Салаф не позволит заткнуть мне рот! Если мне не убить покушавшихся, то от других они не уйдут!

Он думает, что целью был он, сообразила Джессика. Посмотрев на свой рукав, она вдела палец в аккуратную дырочку, оставленную дробинкой маулы. Несомненно, отравленная.

Челобитчики бросили священнослужителя. Тот лежал на полу, с перебитой глоткой, умирая в корчах. Джессика знаком подозвала пару потрясенных придворных слева от себя.

— Я хочу, чтобы этого человека спасли, для допроса, — и, увидев их нерешительность, использовала Голос: — Живо!

Они шагнули к жрецу.

Джессика продралась к ал-Фали, ткнула его в бок:

— Ты дурак, наиб! Они охотились на меня, а не на тебя!

Несколько людей вокруг нее услышали. В следующий миг, в наступившей тишине ал-Фали поглядел на помост, где один трон был опрокинут, а на другом продолжала сидеть Алия. То понимающее выражение, которое промелькнуло на его лице, неопытному человеку ни за что было бы не разглядеть.

— Федайкин, — сказала Джессика, напоминая Свободному о его прежней службе ее семье, — мы, опаленные, знаем, как стоять спиной к спине.

— Доверяйте мне, миледи, — сказал он, сразу же ухватив значение ее слов.

Джессика обернулась на задыхающийся звук позади нее и почувствовала, как ал-Фали сразу же сдвинулся, чтобы прикрыть ее спину. Женщина в цветастом наряде городской Свободной наклонилась над лежавшим на полу жрецом. Двух придворных нигде не было видно. Женщина даже не взглянула на Джессику, а издала древнее похоронное причитание своего народа — призывая их прийти и собрать воду тела в бассейн племени. Занятным было несоответствие между этим причитанием и одеянием этой женщины. Джессика ощутила, как цепки старые обычаи, хоть и видела

лживость этой горожанки. Это создание в цветастых одеждах явно убило жреца, чтобы он уж точно не проговорился.

«И зачем лишние хлопоты? — удивилась Джессика. — Надо было лишь подождать, пока этот человек умрет от удушья». Этот поступок был актом отчаяния, приметой глубокого страха.

Алия пододвинулась к краю трона, в глазах ее блеснула настороженность. Стройная женщина, в косу которой были вплетены банты личной охранницы Алии, широкими шагами прошла мимо Джессики, наклонилась над жрецом, выпрямилась и оглянулась в сторону помоста:

— Он мертв.

— Уберите его, — приказала Алия и сделала знак охране возле помоста. — Поставьте на место трон леди Джессики.

«Так ты бесстыдством будешь брать!» — подумала леди Джессика. Неужели Алия думает, будто хоть кого-то одурачила! Ал-Фали говорил о Квадис ас-Салафе, взывая к святым отцам мифологии Свободных и к их покровительству. Но не сверхъестественные силы пронесли пистолет маула в помещение, где не дозволялось никакое оружие. Заговор, в который впутаны и люди Джавида, — вот единственный ответ, а беззаботность Алии по отношению к собственной персоне всем и каждому дает понять, что она — участница этого заговора.

Старый наиб, оборотясь через плечо, заговорил с Джессикой:

— Примите мои поздравления, миледи. Мы, люди пустыни, пришли к вам, как к нашей последней отчаянной надежде, а теперь видим, что вы все так же нуждаетесь в нас.

— Матереубийство не очень-то идет моей дочери, — сказала Джессика.

— Племена услышат об этом, — пообещал ал-Фали.

— Если вы так отчаянно во мне нуждаетесь, то почему не подошли ко мне на Приветственном Собрании в съетче Табр? — спросила Джессика.

— Стилгар бы этого не позволил.

«А-а-а, эти правила наибов! — подумала Джессика. — В Табре слово Стилгара — закон».

Опрокинутый трон поставили на место. Алия знаком пригласила мать вернуться, сказав:

— Вы все, будьте добры как следует запомнить смерть этого предателя— жреца. Угрожающие мне умирают, — и она взглянула на ал-Фали. — Большое спасибо тебе, наиб.

— Спасибо за ошибку, — пробормотал ал-Фали, взглянув на Джессику. — Ты права. Моя ярость устранила того, кого следовало допросить.

— Возьми на заметку тех двух придворных и женщину в цветастом платье, федайкин, — прошептала Джессика. — Я хочу, чтобы их схватили и допросили.

— Будет сделано, — ответил он.

— Если мы выберемся отсюда живыми, — добавила Джессика. — Ну, давай займем наши места и доиграем наши роли.

— Как скажете, миледи.

Они вместе вернулись к помосту, Джессика взошла по ступеням и уселась на свое место рядом с Алией, ал-Фали остался на месте для просителей внизу.

— Ну? — сказала Алия.

— Одну секунду, дочка, — проговорила Джессика. Она подняла свой рукав и, показав дырочку, продела в нее палец. — Нападающие целились в меня. Пуля чуть меня не задела, хотя я и увернулась. Вы все можете видеть, что пистолет маула теперь не лежит на прежнем месте, — она спросила: — У кого он?

Ответа не последовало.

— Его, наверное, можно найти, — сказала Джессика.

— Что за чушь! — заявила Алия. — Это на МЕНЯ...

Джессика полуобернулась к дочери, сделав жест левой рукой:

— Пистолет у кого-то в зале. Разве ты не боишься...

— Он у одной из моих стражниц! — сказала Алия.

— Тогда пусть эта стражница принесет его мне, — ответила Джессика.

— О чем ты говоришь? — вопросила Алия.

Джессика позволила себе мрачную улыбку.

— Я говорю, что двум твоим людям было поручено спасти жизнь ЖРЕЦА-ПРЕДАТЕЛЯ. Я предупредила их, что они умрут, если он умрет. И они умрут.

— Я это запрещаю.

Джессика только плечами пожала.

— Наш доблестный федайкин все ждет со своим делом, — Алия указала на ал-Фали. — Отложим наш спор.

— Он может быть отложен навсегда, — на Чакобса ответила Джессика, вдвойне усилив колкость своих слов, чтобы показать Алии, что никакой спор не отменит ее смертного приговора.

— Посмотрим! — и Алия повернулась к ал-Фали. — Зачем ты здесь, Гадхеан ал-Фали?

— Чтобы увидеть мать Муад Диба, — ответил наиб. — Те, кто остались от федайкинов, братства, служившего ее сыну, наскребли в складчину свои скромные средства, чтобы я мог добраться и проникнуть сюда, мимо алчных стражей, отгораживающих Атридесов от реальностей Арракиса.

— Все, что требуется федайкинам, они должны только... — начала Алия.

— Он пришел ко мне, — перебила Джессика. — В чем твоя отчаянная нужда, федайкин?

— Здесь я представляю Атридесов! — сказала Алия. — В чем...

— Замолчи, смертоносная Богомерзость! — огрызнулась Джессика. — Ты пыталась убить меня, ДОЧКА! Я говорю это для всех здесь — чтобы знали. Ты не сможешь перебить всех находящихся, чтобы вынудить их к молчанию — как этого жреца вынудили умолкнуть. Да, удар наиба был почти смертельным, но он мог быть еще спасен. Его можно было бы даже допросить! Тебя не заботит, что он умолк навсегда. Протестуй перед всеми, сколько хочешь — твоя вина ясно читается по всем поступкам.

Алия сидела в окаменелом молчании, с бледным лицом. И Джессика, следившая за игрой чувств на лице своей дочери, подметила и до ужаса знакомое движение рук Алии, бессознательный жест, некогда присущий злейшему врагу Атридесов. Пальцы Алии отстукивали ритм — один раз мизинец, трижды указательный палец, дважды безымянный, один раз мизинец, дважды безымянный... — и опять по новой в том же порядке.

Старый Барон!

Алия перехватила взгляд Джессики, посмотрела на свою руку, пальцы ее замерли, она опять взглянула на мать — и увидела, что ту осенила ужасная догадка. Злорадная улыбка свела губы Алии.

— Так вот месть нам, — прошептала Джессика.

— Ты сошла с ума, мама? — осведомилась Алия.

— Хотелось бы мне, чтобы было так, — ответила Джессика.

И подумала: «Она понимает, что я засвидетельствую это в Бене Джессерит. Понимает. Может, она даже заподозрит, что я расскажу об этом Свободным, и она вынуждена будет подвергнуться Испытанию на Одержимость. Ей нельзя позволить мне уйти отсюда живой».

— Наш доблестный федайкин ждет, пока мы спорим, — проговорила Алия.

Джессика заставила себя опять сосредоточить внимание на наибе. Взяв свои чувства под контроль, она сказала:

— Ты прибыл увидеть меня, Гадхеан.

— Да, миледи. Мы, люди пустыни, видим, что происходят ужасные вещи. Малые Создатели выходят из песка, как было предсказано в древних пророчествах. Шаи-Хулуда нельзя найти нигде, кроме глубокой пустыни. Мы покинули нашего друга, пустыню!

Джессика взглянула на Алию. Та просто сделала ей знак продолжать. Джессика обвела взглядом толпу в зале, увидела потрясенную настороженность на каждом лице. Значительность схватки между матерью и дочерью не осталась непонятой аудиторией, и они наверняка удивлены, почему продолжается аудиенция. Джессика опять обратилась к ал-Фали.

— Гадхеан, что это за разговоры о Малых Создателях и скудости песчаных червей?

— Мать Влаги, — он употребил ее старый титул среди Свободных. — Нас предостерегал об этом Китаб ал-Ибар. Мы взываем к тебе. Да не будет забыто, что в тот день, когда умер Муад Диб, Арракис вернулся к самому себе. Мы не можем бросить пустыню.

— Ха! — презрительно хмыкнула Алия. — Суеверное отребье Внутренней пустыни страшится экологического преображения. Они...

— Я понимаю тебя, Гадхеан, — сказала Джессика. — Если не будет червей, не будет спайса. Если не будет спайса, то откуда мы возьмем деньги на жизнь?

Ропот удивления: шумные вдохи и потрясенные шепотки разбежались по Палате, отдаваясь в ней эхом.

— Суеверная чушь! — пожала плечами Алия.

Ал-Фали, воздев правую руку, направил ее в сторону Алии:

— Я говорю с Матерью Влаги, а не с Коан-Тин!

Руки Алии вцепились в подлокотники трона, но она осталась сидеть.

Ал-Фали поглядел на Джессику.

— Некогда это была страна, где ничего не росло. Теперь появились растения. Они расползаются как вши по ране. Уже были облака и дожди вдоль пояса пустыни. Дожди, миледи! О, драгоценная мать Муад Диба, как сон — брат смерти, так дождь для Пояса Дюны. Это смерть для нас всех.

— Мы делаем только то, что предначертано самими Льет-Кайнзом и Муад Дибом, — возразила Алия. — К чему весь

этот лепет суеверий? Мы почитаем слова Льет-Кайнза, говорившего нам: «Я хочу увидеть всю планету окутанной сетью зеленых растений». Так и будет.

— А как насчет червей и спайса? — спросила Джессика.

— Сколько-то пустыни всегда останется, — ответила Алия. — Черви выживут.

«Она лжет, — подумала Джессика. — Почему?»

— Помоги нам, Мать Влаги, — взмолился ал-Фали.

Словно двойное зрение вдруг открылось у Джессики, сознание ее покачнулось, задетое словами старого наиба. Нет ошибки, это — АДАБ, вопрошающая память, приходящая сама по себе. Она безоговорочно овладела Джессикой, остановив все ее ощущения, глубоко укореняя в ее разуме урок прошлого. Она вся оказалась в плену адаба — рыба, попавшая в сеть. И при всем том, его взыскательность Джессика ощутила как момент наивысшей человечности, любая частичка — напоминание о творении. Каждый элемент этой памяти-урока был подлинен, но иллюзорен в своей постоянной изменчивости, и она поняла, что приблизилась, как только вообще могла, к тем предвидениям, что однажды и навсегда закогтили ее вкусившего спайс сына.

«Алия лжет, потому что она одержима одним из тех, кто несет гибель Атридесам. Она сама — первый источник гибели. Значит, ал-Фали говорит правду: черви обречены, если только курс экологического преображения не будет видоизменен».

Подневольная откровению, Джессика увидела людей в зале словно в замедленной киносъемке, постигая роль каждого из присутствующих. Она отчетливо определила всех, кому поручено не допустить, чтобы она вышла отсюда живой. И ее путь сквозь них начертался в ее сознании словно обрисованный ярким светом — смятение среди них, один при своем выпаде натыкается на другого, все группки людей перемешиваются. А еще она видела, что может покинуть Великую Залу только для того, чтобы вверить свою жизнь кому-то другому. Алию не заботит, сотворит ли она мученицу. Нет — ТОМУ, КЕМ ОНА ОДЕРЖИМА, на это наплевать.

В своем застывшем времени Джессика выбрала способ спасти старого наиба и отправить его посланцем. Путь из Залы виделся с неизгладимой четкостью. До чего же все просто! Фигляры с забаррикадированными глазами, чьи плечи сохраняют положение неподвижной обороны, и каждый из них в огромной Зале виделся ей в столь необратимом разладе, что мертвая плоть могла бы соскользнуть с них,

обнажая скелеты. Их тела, их одежды, их лица говорили о личном аде каждого: грудь, напоенная скрытыми кошмарами, блестящий серп драгоценного украшения, ставший заменой оружию; рты, безусловность приговоров которых — от испуга; кафедральные призмы бровей демонстрируют высокомерие и религиозность, отрицаемые чреслами.

Несомую гибель ощутила Джессика в той складывающейся силе, что выпущена была на волю на Арракисе. Голос ал-Фали дистрансом прозвучал в ее душе, пробуждая зверя в самых ее глубинах.

В мгновение ока Джессика вернулась из адаба в мир движения, но мир этот был уже другим по сравнению с тем, какой властвовал над ней лишь секунду назад.

Алия собиралась заговорить, но Джессика сказала:

— Тихо! — и затем: — Есть страшащиеся, будто я безоговорочно обратилась к Бене Джессерит. Но с того дня, когда Свободные в пустыне подарили жизнь мне и моему сыну, я — Свободная! — и она перешла на древний язык, который в этой Зале мог понять только тот, для кого он был предназначен! — Он сар акхака зеливан ау маслумен!

«Поддержи своего брата во время его нужды, прав он или неправ!»

Слова ее произвели желаемый эффект: легкое перемещение внутри Палаты.

Но Джессика разбушевалась:

— Вот Гадхеан ал-Фали, честный Свободный, приходит сюда сказать мне то, о чем мне должны бы были поведать уже другие. Пусть никто это не отрицает! Экологическое преображение стало вырвавшейся из-под контроля бурей!

Бессловесная волна согласия пробежала по зале.

— И моя дочь восторгается этим! — продолжала Джессика. — Мектуб ал-Меллах! Ты режешь мою плоть и солью пишешь по моим ранам! Почему Атридесы обрели здесь родной дом? Потому что Мохалата была единственной для нас. Для Атридесов править всегда означало защищать, сотрудничая: Мохалата, как всегда это знали Свободные. Поглядите теперь на нее! — и она указала на Алию. — Она хохочет по ночам в одиночестве, созерцая свое собственное зло! Производство спайса совсем иссякнет, или, в лучшем случае, будет ничтожной долей от прежнего уровня! И когда весть об ЭТОМ разойдется...

— Мы сохраним угол для самого ценного продукта во Вселенной! — вскричала Алия.

— Углом ада мы станем! — рассвирепела Джессика.

И Алия заговорила на самом древнем Чакобсе, личном языке Атридесов, с его трудными гортанными остановками и прищелкиваниями:

— Теперь ты знаешь, МАТЬ! Ты думала, внучка Барона Харконнена не усвоит всех тех жизней, что ты впихала в мое сознание еще до моего рождения? Когда я разозлилась на то, что ты со мной сделала, мне понадобилось только спросить саму себя, как бы поступил на моем месте Барон Харконнен. И он мне ответил! Понимаешь меня, Атридесова сука? Он ответил МНЕ!

Ядовитую злобу услышала Джессика и подтверждение своей догадки. БОГОМЕРЗОСТЬ! Алия побеждена изнутри, одержима КАХУЭТом зла, Бароном Владимиром Харконненом. Сам Барон говорит сейчас ее устами, не заботясь о том, что выходит наружу. Он хочет, чтобы она увидела его месть, хочет, чтобы она поняла — его не удастся сбросить со счета.

Предполагается, что я с моим знанием останусь здесь, беспомощной, подумала Джессика. И с этой мыслью она кинулась по пути, показанному ей в адабе, восклицая:

— Федайкины, следуйте за мной!

Как выяснилось, в зале было шесть федайкинов, и пять из них пробились вслед за ней.

Когда я слабее тебя, я прошу тебя дать мне свободу, поскольку это в согласии с твоими принципами; когда я сильнее тебя, я отбираю у тебя свободу, поскольку это в согласии с моими принципами.

Слова древнего Философа.
(Харк ал-Ада приписывает их Луису Вьело).

Лито высунулся из тайного выхода из съетча, увидел дно кручи, уходившей вверх за пределы его ограниченной видимости. Шедшее к закату солнце отбрасывало по вертикальным полосам обрыва длинные тени. Бабочка-скелетик порхала, залетая то в свет, то в тень, ее паутинные крылышки казались против света прозрачным кружевом. До чего же нежна эта бабочка, чтобы здесь существовать, подумал Лито.

Прямо впереди простирался абрикосовый сад, где работали дети, собирая упавшие плоды. За садом был канал. Он и Ганима ускользнули от своей охраны, затерявшись во

внезапном встречном потоке рабочих. Для них оказалось сравнительно простым проползти вниз по вентиляционным шахтам туда, где они соединялись с лестницей, к потайному выходу. Теперь им оставалось только смешаться с детьми, пробраться по каналу и шмыгнуть в туннель. Там они смогут держаться рядом с хищной рыбой, не дозволявшей песчаной форели втянуть в свой пузырь оросительную воду племени. Ни один Свободный никогда и не вообразит, что человек способен рискнуть погрузиться в воду.

Он вышел из защитных проходов. Круча простиралась вдаль по обе стороны от него, став горизонтальной просто благодаря его собственному движению.

Ганима двигалась вплотную за ним. У обоих были небольшие корзинки для сбора фруктов, сплетенные из волокон спайса, но в каждой корзинке находился запакованный сверток: фремкит, пистолет маула, криснож... и новые одежды, присланные Фарадином.

Ганима проследовала в сад за своим братом, смешалась с работающими детьми. Маски стилсьютов скрывали все лица. Они стали всего лишь еще двумя работниками, но Ганима чувствовала, что их поступок уводит ее жизнь за защищающие рубежи и с известных путей. До чего же прост этот шаг, шаг из одной опасности в другую! Новые одеяния, присланные Фарадином и находившиеся теперь в их корзинах, преследовали цель, хорошо понятную им обоим. Ганима подчеркнула это понимание, вышив свой личный девиз: «Мы Соучаствуем», на Чакобса, над двумя нагрудными ястребиными профилями.

Скоро наступят сумерки, и за каналом, проводившем границу между пустыней и возделанными землями съетча, воцариться такой особенный вечер, с которым немногие места во Вселенной могут потягаться. Будет мягко освещенная пустыня, мир настойчивого одиночества, пропитанный ощущением, будто каждое создание одиноко в этом новом мире.

— Нас видели, — прошептала Ганима, наклоняясь рядом со своим братом и приступая к работе.

— Охрана?

— Нет.

— Хорошо.

— Нам надо побыстрей уходить, — сказала она.

Лито, согласясь с этим, двинулся через сад прочь от кручи. Он подумал мыслью своего отца: «Все в пустыне или

пребывает подвижным, или исчезает». Вдали, в песках, он видел возвышающийся Спутник, напоминание о необходимости подвижности. Скалы, в своем загадочном бдении, оставались неподвижными и жесткими, год за годом истаивая под атаками несомого ветром песка. Однажды Спутник станет песком.

Приблизясь к каналу, они услышали музыку из высокого входа в съетч. Старомодный набор инструментов Свободных — двудырчатая флейта, тимпаны, тамбурины, сделанные из спайсового цилиндра и кожи, туго натянутой на него с одной стороны. Никто не спрашивал, у какого животного планеты берут такую кожу.

«Стилгар припомнит, что я говорил ему о той расщелине Спутника, — подумал Лито. — Он придет в темноте, когда будет слишком поздно — и тогда узнает».

Вскоре они были у канала. Они скользнули в открытую трубу, взобрались по инспекционной лестнице на выступ для обслуживания.

В канале было сумрачно, сыро и холодно, слышался плеск хищной рыбы. Любой несчастной форели, которая попробует украсть воду, рыба прокусит размягчившуюся от воды внутреннюю поверхность. Людям их тоже следует остерегаться.

— Осторожно, — сказал Лито, спускаясь со скользкого выступа. Он крепко пристегнулся памятью к местностям и временам, которых его тело никогда не знало. Ганима последовала за ним.

Преодолев канал, они разделись до стилсьютов и надели новые одежды. Оставив прежнее одеяние Свободных позади, они взобрались по другой инспекционной трубе, переползли через дюну на ее другую сторону. Там они присели, заслоненные от съетча, извлекли свои маулы и крисножи, надели упакованные фремкиты на плечи. Музыки им больше слышно не было.

Лито встал и направился по ложбинке между дюнами.

Ганима шаг в шаг пошла за ним, тренированно, аритмично и тихо перемещаясь по открытому песку.

Под гребнем каждой дюны они пригибались и прокрадывались к укромному местечку, где делали паузу и оглядывались назад — нет ли погони. Никаких преследователей не возникло в пустыне к тому времени, когда они достигли первых скал.

В тенях скал они пробрались вокруг Спутника к выступу,

смотревшему на пустыню. Далеко-далеко, где был БЛЕД, мерцали цвета. Темнеющий воздух казался хрупким, как тонкий хрусталь. Пейзаж открывшийся их взору, был превыше жалости, и растекался он беспрепятственно — ровная уверенность в себе. Шаря по безбрежным пространствам, взгляд не находил ни одной для себя зацепки.

Это горизонт вечности, подумал Лито.

Ганима присела на корточки рядом со своим братом, думая: «Скоро состоится нападение». Она прислушивалась к малейшему звуку, все ее тело превратилось в сгусток напряженно-пытливого ожидания.

Лито был не менее насторожен. Он владеет теперь в высшей степени тренированностью всех тех, чьи жизни живут внутри него. В пустыне приучаешься твердо полагаться на свои чувства, на ВСЕ чувства. Жизнь становится запахом накопленных восприятий, каждое из которых нацелено лишь на мгновенное спасение жизни.

Вскоре Ганима вскарабкалась наверх и поглядела через выемку в скале на путь, по которому они пришли. Казалось, целая жизнь отделяет их от безопасности съетча, грудой немых круч высившегося за коричнево-пурпурным пространством, с подернутыми пылью краями очертаний, где серебряными стрелками посверкивали остатки солнечного света. Погони так и не было видно на отделявшем их от съетча пространстве. Она вернулась и присела рядом с Лито.

— Это будет хищник, — сказал Лито. — Таково мое третичное вычисление.

— По-моему, ты слишком быстро остановился в своих вычислениях, — сказала Ганима. — Это будет не один хищник. Дом Коррино знает, что не надо складывать свои надежды в один мешок.

Лито кивнул в знак согласия.

Его ум внезапно ощутил тяжесть всего того множества жизней, которые вложила в него его НЕПОХОЖЕСТЬ — всех жизней, ставших его собственными еще до его рождения. Он был перенасыщен живыми и хотел сбежать от своего сознания. Внутренний мир был тяжким зверем, способным его сожрать.

Он обеспокоенно поднялся, вскарабкался к той выемке, через которую смотрела Ганима, поглядел на кручи съетча. Там под кручами, ему был виден канал, проводивший линию между жизнью и смертью. Виднелись на краю оазиса верблюжий шалфей, луковая трава, трава «перья гоби», дикая алфалфа. В остатках света ему видны были черные

движущиеся пятнышки — птицы, с полулета клевавшие алфалфу. Далекие колосья зерновых были взъерошены ветром, гнавшим двигавшиеся прямо на сад тени. Движение теней вывело Лито из забытья — он увидел, что тени скрывают внутри своей текучей формы большую перемену, и эта большая перемена высвободит изгибы радуг по подернутому серебряной пылью небу.

«Что здесь произойдет?» — спросил он самого себя.

Он знает, что это будет либо смерть, либо игра со смертью, целью которой станет он сам. Ганима — вот кому суждено вернуться, веря в реальность его смерти, увиденной ею. И под допросом в глубоком гипнозе она со всей искренностью покажет, что брат ее, разумеется, задран зверем.

Неизвестности этого места бередили его воображение. Он подумал, как легко поддаться призыву погрузиться в предвидение, рискнуть послать свое сознание в неизменяемое, абсолютное будущее. Хотя и малое видение его сна было достаточно дурным. Он знал, что не отважится увидеть больше.

Вскоре он спустился и присел рядом с Ганимой.

— Погони все еще нет, — сказал он.

— Звери, которых они на нас нашлют, будут большими, — проговорила Ганима. — Может, у нас будет время разглядеть их приближение.

— Нет, если они появятся ночью.

— Стемнеет очень скоро, — заметила она.

— Да. К этому времени нам надо будет уже находиться в НАШЕМ месте, — он указал туда, где слева от них, внизу, ветер песков выточил крохотную расщелинку в базальте. Она была достаточно велика, чтобы вместить их, и достаточно мала,чтобы в нее пролезли большие твари.

То место, которое он указал Стилгару.

— Они и в самом деле могут нас убить, — сказал он.

— Мы должны пойти на это, — возразила она. — Ради нашего отца.

— Я и не спорю.

И подумал: «Это правильный путь. Мы правы, так поступая». Но он знал, как опасно в этом мире быть ПРАВЫМ. Выживут ли они — это теперь зависит от постоянной сосредоточенности и контроля над собой, в любой момент времени нужно быть готовым к испытанию. Их лучшие доспехи — навыки Свободных, а знание Бене Джессерит — та сила, что у них в резерве. Оба они мыслят теперь как закаленные в битвах ветераны — Атридесы, не имеющие другой защиты, кроме суровой стойкости Свободных, хотя

ни намека на нее нет в их детских телах и их внешнем обличии.

Лито нашарил рукоять крисножа с отравленным лезвием у себя на поясе. Ганима повторила его жест.

— Не спуститься ли нам теперь? — спросила она. Произнося это, она заметила движение далеко внизу, легкое движение, на расстоянии казавшееся не таким угрожающим. Она замерла — и Лито все понял еще до того, как она предупредила его вслух.

— Тигры, — сказал он.

— Лазанские тигры, — поправила она.

— Они нас видят, — сказал он.

— Лучше нам поспешить, — сказала она. — Маула никогда не остановит таких созданий. Они наверняка хорошо на нее натасканы.

— Где-то поблизости — человек-наводчик, — и Лито первым начал спускаться, быстро и вприпрыжку, к скалам слева.

Ганима с ним согласилась, но вслух ничего не сказала, экономя силы. Где-то поблизости должен быть человек. Этим тиграм не позволили бы разгуливать на свободе до нужного момента.

Тигры быстро передвигались в последних остатках света, перепрыгивая со скалы на скалу. Их ум был — в их глазах, и скоро наступит ночь, время для таких, как они. Колокольчиковая трель ночной птицы донеслась до Спутника, подчеркивая перемену. Порождения тьмы уже ожили в тенях выщербленных расщелин.

Бегущие близнецы продолжали видеть тигров. От зверей веяло налитой силой, в каждом их движении было струящееся чувство золотой уверенности.

У Лито появилось ощущение, что он допустил ошибку, сунувшись сюда, и что здесь его жизнь окончится. Он бежал с твердым знанием, что и он, и Ганима вовремя достигнут узкой расщелины, но он не мог то и дело не оглядываться с восхищением на приближающихся зверей.

«Один раз споткнешься — и мы пропали», — подумал он. Эта мысль поубавила в нем уверенности, и он побежал быстрее.

Вы, Бене Джессерит, называете вашу деятельность Паноплиа Профетикус «Наукой Религии». Очень хорошо. Я, добивающийся УЧЕНИЯ другого рода, нахожу это подходящим

определением. Вы, разумеется, творите собственные мифы, но так поступают все общества. Но должен я вас, однако, предостеречь. Вы ведете себя, как вели себя столь многие заблуждающиеся ученые. Ваши действия показывают, что вы хотите что-то изъять из жизни. Вот время напомнить вам о том, что вы сами столь часто исповедуете: нельзя иметь любую вещь отдельно от ее противоположности.

Проповедник в Арракине: Послание Сестрам.

В предрассветный час Джессика неподвижно сидела на потрепанном коврике из спайсовой ткани. Вокруг нее были голые скалы старого и бедного съетча, одного из первоначальных поселений. Располагался он под Красным ущельем, заслоняемый от западных ветров пустыни. Ее доставили сюда ал-Фали и его собратья — и теперь они ждали слова Стилгара. На всякий случай федайкин проявил меры предосторожности, налаживая с ним связь. Стилгару не узнать, где они находятся.

Федайкин уже знал, что на них заведено Процесс-Вербал, официальное дело о преступлениях против Империи. Алия выдвинула обвинение, что ее мать подкупили, дабы склонить к лжесвидетельству, враги государства — хотя прямо Бене Джессерит не назывался. Самовластная, тираническая природа власти Алии была, однако, проявлена без обиняков, и теперь ее вера, что раз она контролирует Квизарат, ставший ее жречеством, то контролирует и Свободных, была на пороге настоящей проверки.

Послание Джессики Стилгару было прямым и простым: «Моя дочь одержима и должна быть подвергнута Испытанию».

Однако же страх разрушает ценности, и уже стало известно, что некоторые Свободные предпочли не верить этому обвинению. Попытки предъявлять обвинения, чтобы заручиться поддержкой и укрытием, вызвали две баталии за ночь, но орнитоптеры, угнанные людьми ал-Фали, доставили беглецов в это ненадежное убежище — Красное ущелье. Отсюда был кинут клич ко всем федайкинам, но меньше двух сотен их осталось на Арракисе. Остальные получили посты по всей Империи. Размышляя над этими фактами, Джессика призадумалась, не достигла ли она места своей смерти. Некоторые федайкины тоже так полагали, но для воинов-смертников смерть — не пугало. Ал-Фали просто усмехнулся ей, когда один из его молодых людей поделился своим страхом.

— Когда Господь предопределяет, что его творение

должно умереть там-то и там-то, он пробуждает в этом творении желание направиться в предначертанное место, — сказал старый наиб.

Зашелестели заплатанные занавеси на двери — вошел ал-Фали. Узкое, сожженное ветром лицо старика осунулось, взгляд был лихорадочным. Он явно не отдыхал.

— Кто-то идет, — сообщил он.

— От Стилгара?

— Возможно, — он опустил глаза и поглядел налево — так по старому обычаю Свободных поступал приносивший дурные новости.

— В чем дело? — вопросила Джессика.

— Мы получили весть из Табра, что твоих внуков там нет, — проговорил он, не глядя на нее.

— Алия...

— От нее поступил приказ передать близнецов под ее опеку, но съетч Табр докладывает ей в ответ, что детей нет на месте. Вот все, что мы знаем.

— Стилгар отослал их в пустыню, — сказала Джессика.

— Возможно. Но известно, что он искал их всю ночь. Это могло быть уловкой с его стороны...

— Такое не в духе Стилгара, — сказала Джессика и подумала: «Если только близнецы его не надоумили». Но и это тоже не очень смахивало на правду. Она подивилась самой себе: никакой паники или подавленности, ее страх за близнецов приглушен тем, что открыла ей Ганима. Поглядев на ал-Фали, она обнаружила, что тот смотрит на нее с жалостью. Она сказала:

— Они сами по себе ушли в пустыню.

— В одиночку? Двое детей?

Она не стала объяснять, что эти «двое детей» знают, вероятно, о выживании в пустыне побольше всех живущих Свободных. Вместо этого ее мысли сосредоточились на странном поведении Лито, когда тот приказал ей позволить себя похитить. Воспоминание об этом она задвинула в сторонку, но нынешний момент властно его вернул. Лито сказал, она распознает момент, когда повиноваться его приказу.

— Посланец уже, должно быть, в съетче, — сказал ал-Фали. — Я провожу его к тебе, — и он исчез за заплатанной занавесью.

Джессика воззрилась на занавесь. Соткана она была из красных волокон спайса, но заплаты были голубыми. Этот съетч отказывался принять благо религии Муад Диба, и в

лице жречества Алии нажил себе врага. Люди съетча, как было известно, вложили свои средства в проект разведения огромных псов величиной с пони, псов, выводимых для охраны детей. Все псы умерли. Некоторые говорили, что они были отравлены, и обвиняли жрецов.

Джессика тряхнула головой, отгоняя эти размышления, раскусив, чем они являлись: ГХАФЛОЙ, привязчивым слепнем, отвлекающим от сосредоточенности на нужных мыслях.

Куда же отправились дети? В Джакуруту? У них был план. Они старались просветить меня до той степени, до которой, по их мнению, я восприму, припомнила она. А когда они дошли до точки, видевшейся им пределом моего восприятия, Лито приказал мне повиноваться.

ОН приказал МНЕ!

Лито разгадал, что затевает Алия — уж это-то ясно. И брат, и сестра говорили о «злосчастье» своей тетки, даже когда защищали ее. Алия сейчас ставит на кон ПОЛНОМОЧНОСТЬ своего положения регентши. Это подтверждает и требование опеки над близнецами. Хриплый смех невольно сотряс грудь Джессики. Как же любила Преподобная Мать Гаиус Хэлен Моахим втолковывать своей учащейся, Джессике, именно такую ошибку: «Если ты сосредоточиваешься сознанием только на собственной правомочности, то тем самым приглашаешь силы оппозиции тебя одолеть. Это общая ошибка. Даже я, твоя учительница, ее совершила».

— И даже я, твоя учащаяся, ее совершила, — про себя прошептала Джессика.

Она услышала тихий шорох материи в коридоре за занавесью. Вошли два молодых Свободных, из тех, кого они собрали за ночь в свой отряд, — явно испытывая благоговейный страх в присутствии матери Муад Диба. Джессике они были видны как на ладони: из тех, кто не думает, и потому привержен вверять себя любой воображаемой власти, способной определить для них их личное место в мире. Они пусты, пока не наполнятся отраженным светом ее размышлений. А значит, они опасны.

— Ал-Фали послал нас вперед, — сказал один из них.

Джессика почувствовала, как ей словно тисками стискивает грудь, но голос ее оставался спокойным:

— Подготовить меня к чему?

— Своим посланцем Стилгар прислал Данкана.

Джессика натянула на голову капюшон своей абы — бессознательный жест. ДАНКАН? Но он ведь орудие Алии.

Тот Свободный, что сообщил это, сделал полшага вперед:

— Айдахо говорит, он прибыл, чтобы увезти тебя в безопасное место, но ал-Фали не понимает, как такое может быть.

— Да, это кажется чрезвычайно странным, — проговорила Джессика. — Но в нашем мире случаются вещи и постраннее. Введите его.

Они посмотрели друг на друга, но повиновались — выйдя одновременно и так стремительно, что изношенная занавесь порвалась еще в одном месте.

Вскоре вошел Айдахо, сопровождаемый сзади двумя молодыми Свободными и ал-Фали, с рукой на кринноже. Вид у Айдахо был собранный и спокойный. Одет он был в стилсьют Стражей Дома Атридесов — униформу, почти не потерпевшую изменений за четырнадцать веков. Единственно — на Арракисе крикнож заменил прежний пластальный меч с золотой рукоятью.

— Мне сообщили, ты хочешь мне помочь, — сказала Джессика.

— Сколь ни странным это может показаться.

— Но разве Алия не послала тебя меня похитить? — спросила она.

Лишь слегка поднявшиеся черные брови выдали его удивление. Сложносоставные тлейлаксские глаза продолжали смотреть на нее, не дрогнув, с напряженным мерцанием.

— Таковы были ее приказы, — сказал Данкан.

Костяшки пальцев Ал-Фали побелели, так сильно он стиснул свой крикнож, но не извлек его.

— Большую часть ночи я провела, пересматривая ошибки, которые я допустила в отношениях со своей дочерью, — сказала Джессика.

— Их было немало, — согласился Айдахо, — и большинство из них было и моими собственными.

Она заметила теперь, что мускулы ее челюсти подрагивают.

— Легко было прислушиваться к доводам, сбивавшим нас с пути, — сказала Джессика. — Я хотела покинуть это место. А ты... ты хотел девушку, в которой видел помолодевшую меня.

Он молчаливо с этим согласился.

— Где мои внуки? — подсевшим голосом вопросила она.

Он моргнул. Затем:

— Стилгар полагает, они ушли в пустыню — прячутся там. Возможно, они предвидели наступление этого кризиса.

Джессика взглянула на ал-Фали, подтвердившего кивком, что именно это она и предсказывала.

— Что делает Алия? — спросила она.

— Рискует гражданской войной, — ответил Данкан.

— Ты веришь, что до этого дойдет?

Айдахо пожал плечами:

— Вероятно, нет. Времена смягчились. Все больше людей склонно прислушиваться к приятным доводам.

— Согласна, — ответила она. — С этим ясно, а вот что с моими внуками?

— Стилгар найдет их — если...

— Да, понимаю, — тогда это и впрямь будет работкой для Гурни Хэллека, — она повернулась и взглянула на каменную стену слева от нее. — Теперь Алия крепко захватила власть, — она опять поглядела на Айдахо. — Ты понимаешь? Власть в твоем распоряжении, пока ты держишь ее мягко. Схватить ее слишком сильно — значит, стать заложником власти, а отсюда и ее жертвой.

— Как всегда говорил мне мой Герцог, — сказал Айдахо.

Джессика каким-то образом поняла, что он имеет в виду старшего Лито, а не Пола.

— Куда мне предстоит быть доставленной при... похищении? — спросила она.

Айдахо посмотрел на нее так, словно хотел разглядеть выражение ее лица под отбрасываемой капюшоном тенью.

Ал-Фали шагнул вперед:

— Миледи, вы ведь не думаете всерьез...

— Разве не вправе я сама решать свою судьбу? — спросила Джессика.

— Но он... — ал-Фали кивнул на Айдахо.

— Он был моим верным охранником еще до того, как родилась Алия, — проговорила Джессика. — И еще до того он погиб, спасая жизнь сына и мою. Мы, Атридесы, всегда соблюдаем определенные обязательства.

— Значит, вы поедете со мной? — спросил Айдахо.

— Куда ты ее повезешь? — в свою очередь спросил ал-Фали.

— Лучше, чтобы ты не знал, — ответила ему Джессика.

Ал-Фали поугрюмел, но промолчал. На лице его отразилась нерешительность, понимание мудрости слов Джессики, но и неразвеянные сомнения в надежности Айдахо.

— А что с федайкинами, которые мне помогли? — спросила Джессика.

— Стилгар гарантирует им свое покровительство, если они смогут добраться до съетча Табр, — сообщил Айдахо.

Джессика повернулась к ал-Фали:

— Приказываю тебе отправляться туда, мой друг. Стилгар сможет использовать федайкинов для поисков моих внуков.

Старый наиб потупил взгляд.

— Как прикажет мать Муад Диба.

«Он до сих пор повинуется Полу», — подумала Джессика.

— Нам следует побыстрей отправляться отсюда, — сказал Айдахо. — Поиски наверняка охватят и это место — и одним из первых.

Джессика подалась вперед и встала — с той струящейся грацией, которая никогда окончательно не покидала Бене Джессерит, даже в лапах старости. А сейчас, после ночи перелетов, она чувствовала себя старой. Даже когда она двигалась, ее не покидало воспоминание о той странной беседе с внуком. Что он делает сейчас на самом деле? Она мотнула головой — сделав вид, будто поправляет капюшон. Так легко попасть в ловушку, недооценив Лито. Жизнь с обычными детьми обусловливает ложный взгляд на то наследие, которым обладают близнецы.

Внимание ее привлекла поза Айдахо. Он стоял в непринужденной готовности применить силу, одна нога впереди — стойка, которой она сама его научила. Она быстро глянула на двух молодых людей и ал-Фали. Сомнения все еще грызли старика наиба, и двое юношей это ощущали.

— Я доверяю этому человеку жизнь, — обратилась она к ал-Фали. — И не в первый раз.

— Миледи, — запротестовал ал-Фали. — Ведь он же... — он метнул на Айдахо угрюмый взгляд. — Он муж Коан-Тин.

— Воспитанный мной и моим Герцогом, — сказала Джессика.

— Но он же — ГХОЛА! — ал-Фали как выплюнул эти слова.

— Гхола моего сына, — напомнила ему Джессика.

Это было уже слишком для старого федайкина, некогда присягнувшего до смерти служить Муад Дибу. Он вздохнул, отступил в сторону и сделал знак двум юношам раздвинуть занавесь.

Джессика вышла из помещения, Айдахо вслед за ней. Обернувшись у порога, она заговорила с ал-Фали:

— Ты отправишься к Стилгару. Ему следует доверять.

— Да... — но в голосе старика все еще слышалось сомнение.

Айдахо коснулся ее руки.

— Нам нужно немедленно двигаться. Что-нибудь хочешь взять с собой?

— Только мой здравый смысл, — ответила она.

— Почему? Ты боишься, что совершаешь ошибку?

Она взглянула на него.

— Ты всегда был лучшим водителем топтеров среди наших слуг, Данкан.

Он нисколько не повеселел. Обойдя ее, он быстро зашагал, в обратном направлении повторяя свой путь. Ал-Фали шел шаг в шаг рядом с Джессикой.

— Откуда ты узнала, что он прибыл на топтере? — спросил он.

— На нем нет стилсьюта, — ответила Джессика.

Ал-Фали, похоже, ошарашило это очевидное наблюдение. Но он продолжал говорить:

— Наш посыльный доставил его сюда прямо от Стилгара. Заметить их не могли.

— Вас не заметили, Данкан? — спросила Джессика в спину Айдахо.

— Разве ты меня не знаешь? — отозвался тот. — Мы летели ниже верхушек дюн.

Они свернули в боковой коридор, спустились по винтовой лестнице, выведшей их в итоге в открытую палату из бурого камня, хорошо освещенную высокими глоуглобами. Напротив дальней стены стоял одинокий орнитоптер, подобравшийся, как готовое к прыжку насекомое. Значит, эта стена — не настоящая скала, а дверь, отворяющаяся в пустыню. Как ни беден был этот съетч, но были у него приспособления для маскировочного маневра.

Айдахо открыл ей дверь орнитоптера, помог ей залезть на сиденье справа. Пробираясь мимо него, она заметила испарину на его лбу с выбившимся вниз завитком его похожих на черный каракуль волос. В ней всплыло незваное воспоминание о голове, из пробитого черепа которой хлестала кровь. Стальной мрамор тлейлакских глаз прогнал это воспоминание. Ничто ей больше не мерещилось. Она стала застегивать ремень безопасности.

— Много времени прошло с тех пор, как ты возил меня по воздуху, Данкан, — сказала она.

— Давнее и далекое время, — ответил Данкан. Он уже проверял контрольные показания приборов.

Ал-Фали и двое юношей Свободных ждали у системы управления поддельной скалы, готовые открыть ее.

— Ты думаешь, я лелею подозрения против тебя? — тихо спросила Джессика у Айдахо.

Айдахо, весь внимание к управлению летательным аппаратом, включил импеллеры и понаблюдал за движением иглы. Улыбка скользнула по его губам, быстрое и жесткое движение на рельефном лице, — и пропала так же быстро, как и появилась.

— Я до сих пор Атридес, — сказала Джессика. — А Алия нет.

— Не бойся ничего, — скрипуче ответил он. — Я и так служу Атридесам.

— Алия не Атридес, — повторила Джессика.

— Нечего мне напоминать! — огрызнулся он. — А теперь помолчи и дай мне поднять в воздух эту штуковину.

Отчаяние в его голосе было совершенно неожиданным, никак не соответствующим тому Айдахо, которого она знала. Вновь охваченная страхом, Джессика спросила:

— Что мы делаем, Данкан? Теперь-то ты можешь мне сказать.

Но он кивнул ал-Фали, и лжескала отворилась в яркий и серебряный солнечный свет. Орнитоптер прыгнул вперед и вверх, его крылья завибрировали от усилия, взревели реактивные двигатели, и они взвились в пустое небо. Айдахо взял юго-западный курс на хребет Саная, темной линией видневшийся над песком.

Вскоре он сказал:

— Не питай обо мне неприятных мыслей, миледи.

— У меня ни разу не было о тебе неприятных мыслей с той ночи, как ты ввалился в большую залу Арракина, шумный и буйный после пива из спайса, — сказала она. Но его слова оживили ее сомнения, и она расслабилась, полностью готовая к защите прана и бинду.

— Я хорошо помню ту ночь, — сказал он. — Я был очень молод... неопытен.

— Но лучший фехтовальщик в свите моего Герцога.

— Не совсем, миледи. В шести состязаниях из десяти Гурни брал верх надо мной, — он взглянул на нее. — Где Гурни?

— Выполняет мою просьбу.

Данкан покачал головой.

— Ты знаешь, куда мы направляемся? — спросила она.

— Да, миледи.

— Тогда скажи мне.

— Очень хорошо. Я обещал, что организую правдоподобную видимость заговора против Дома Атридесов. И есть только один способ достичь этого, — он нажал кнопку на руле, и со свистом выскочивший из сиденья Джессики сковывающий кокон обволок ее с неразрываемой мягкостью, только голову оставив свободной. — Я везу тебя на Салузу Вторую, — сообщил Данкан. — К Фарадину.

В редком для нее неподконтрольном порыве, Джессика рванулась из пут, но путы еще больше ее сдавили, посвободней стало только тогда, когда она расслабилась, и это стало ощутимо после того, как ужасный шигавир опять спрятался в пазы.

— Выброс шигавира отключен, — не глядя на нее, сказал Данкан. — Ах, да, и не пробуй на мне Голос. Я проделал долгий путь с тех пор, как ты могла им на меня влиять, — он поглядел на нее. — Тлейлакс вооружил меня против подобных уловок.

— Ты повинуешься Алии, — сказала Джессика, — а она...

— Не Алии, — возразил он. — Мы выполняем наказ Проповедника. Он хочет, чтобы ты обучила Фарадина так, как некогда обучала... Пола.

Джессика оцепенело молчала, припоминая слова Лито, что она получит интересного ученика. Вскоре она спросила:

— Этот Проповедник... он мой сын?

Голос Айдахо прозвучал как будто с огромного расстояния:

— Хотелось бы мне знать.

Мироздание просто ЕСТЬ; это единственный способ для федайкина обозревать его, оставаясь в то же время властелином своих чувств. Мироздание ни угрожает, ни обещает. Оно содержит вещи вне нашей власти: падающий метеор, выбросы спайса, старение и умирание. В этом мироздании есть реальности и их надо принимать вне зависимости от того, что ты к ним ИСПЫТЫВАЕШЬ. Эти реальности не отгонишь словами. Они придут к тебе своим собственным бессловесным путем, и тогда — тогда ты поймешь, что подразумевается под «жизнью и смертью». И с пониманием этого ты преисполнишься радости.

Муад Диб — своим федайкинам.

— Вот чему мы дали ход, — сказала Вэнсика, — Вот что было сделано для ТЕБЯ.

Фарадин, сидевший напротив матери в ее утренней комнате, остался недвижимым. Из-за его спины падал золотой солнечный свет, отбрасывая его тень на застланный белыми коврами пол. Отражаясь от стены позади его матери, свет наподобие нимба вспыхивал в ее волосах. На ней, как обычно, было белое одеяние, отделанное золотом — напоминание о царственных днях. Ее лицо в форме сердечка казалось спокойным, но Фарадин знал, что она следит за каждым его движением. У него появилось ощущение пустоты в животе, хотя он только что позавтракал.

— Ты не одобряешь? — спросила Вэнсика.

— А что мне здесь не одобрять? — вопросом ответил он.

— Ну... что мы до сих пор это от тебя скрывали?

— А, это, — он вглядывался в мать, пытаясь полностью определить ее роль в этом деле. На ум шло лишь замеченное недавно — что Тайканик больше не зовет ее «Моя Принцесса». Как же он ее называет? Королева-Мать?

«Почему у меня чувство потери? — недоумевал он. — Что я теряю?» Ответ был очевиден: он теряет свои беззаботные дни, теряет время для столь привлекавших его игр и исканий ума. Если заговор затеянный его матерью, удастся, такое будет утрачено навсегда. Его внимания потребуют новые обязанности. Он воспринимал это как глубокое оскорбление. Как они смеют так бесцеремонно поступать с его временем? И даже его не спросясь?

— Оставим это, — сказала его мать. — Что-то не так.

— А если этот план провалится? — спросил он, произнес первое, что пришло на ум.

— Как он может провалиться?

— Не знаю... Всякий план может провалиться. Как у тебя во все это вписывается Айдахо?

— Айдахо? С чего этот интерес к... Ах, да — тот тип, мистик, которого Тайк привел сюда, не посоветовавшись со мной. Неправильно он поступил. Мистик говорил об Айдахо, верно?

Неуклюже она врала, и Фарадин обнаружил, что смотрит на свою мать с удивлением. Она с самого начала знала о Проповеднике!

— Просто я никогда не видел гхолу, — сказал он.

Она приняла это объяснение. И сказала:

— Мы приберегаем Айдахо для кой-чего важного.

Фарадин стал молча жевать верхнюю губу. Напомнив Вэнсике своего умершего отца. Временами Далак бывал как раз таким, крепким орешком, замкнутым на себя и углубившимся в себя, пойди его раскуси. Далак, напомнила она себе, доводился родней Графу Казимиру Фенрингу и в обоих было одновременно что-то и от щеголя, и от фанатика. Пойдет ли Фарадин по этому пути? Она начала сожалеть, что Тайк познакомил сына с религией Арракиса. Кто знает, куда это может его завести?

— Как тебя теперь называет Тайк? — спросил Фарадин.

— То есть? — ее поразило столь резкое изменение темы.

— Я заметил, что он больше не называет тебя «Моя Принцесса».

«Как же он наблюдателен, — подумала она, недоумевая, почему это наполняет ее беспокойством. — Не думает ли он, что я взяла Тайка в любовники? Чепуха, это, как ни крути, не играло бы никакой роли. Тогда к чему этот вопрос?»

— Он называет меня «Миледи», — ответила она.

— Почему?

— Потому что так принято во всех Великих Домах.

«Включая Атридесов», — подумал он.

— Не так провоцирующе звучит для ненужных ушей, — объяснила она. — Посчитают, что мы отступились от наших законных притязаний.

— Найдутся такие дураки? — спросил он.

Она поджала губы, решив проигнорировать этот вопрос. Мелочь, но великие компании складываются из множества мелочей.

— Не стоило леди Джессике покидать Келадан, — сказал он.

Она резко мотнула головой. Что это? Его ум мечется как сумасшедший из стороны в сторону!

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

— Ей не следовало возвращаться на Арракис, — ответил Фарадин. — Плохая стратегия. Нельзя не удивляться. Не лучше ли было организовать приезд ее внуков на Келадан?

«Он прав», — подумала Вэнсика, расстроясь, что ей это ни разу и в голову не пришло. И опять она покачала головой. «Нет!» О чем толкует Фарадин? Он должен знать, что Квизарат никогда бы не допустил, чтобы оба близнеца вместе оказались в космосе.

Она указала на это.

— Квизарат или Жречество Леди Алии? — спросил он, отметив, что мысли ее пошли в желанном ему направлении.

Его стала веселить эта новая значимость, с теми возможностями для игр ума, что предлагало политическое интриганство. Много времени прошло с тех лет, как его занимали мысли матери. Слишком легко ей было вертеть.

— По твоему, Алия хочет власти для самой себя? — спросила Вэнсика. Он отвел взгляд от матери. Разумеется, Алия хочет власти для самой себя! Все донесения с проклятой планеты на этом сходятся. Мысли Фарадина избрали новое русло.

— Я читал об этом их Планетологе, — сказал он. — Где-то там и должен быть ключ к песчаным червям и гаплоидам, если только...

— Оставь это другим! — она начала терять терпение. — Это все, что ты способен сказать о сделанном нами для тебя?

— Не для меня это сделано.

— Что-о?

— Вы сделали это для Дома Коррино.

— А ты — нынешний Дом Коррино.

— Я еще не вступил во власть.

— У тебя есть ответственность! — заявила она. — Как насчет всех зависящих от тебя людей?

Он ощутил груз всех тех надежд и чаяний, что питал Дом Коррино, и ношу которых возложили на него эти слова.

— Да, — ответил он. — Насчет зависящих людей понимаю, но нахожу кое-что, сделанное ВО ИМЯ меня, безобразным.

— Безо... Как ты можешь говорить такое? Мы делаем только то, что делал бы любой Великий Дом, заботясь о собственном процветании!

— Неужели? По-моему, ты немножко преувеличиваешь. Нет! Не перебивай меня. Если мне предстоит стать императором, то тебе лучше выучиться слушать меня как следует. Ты думаешь, я не умею читать мысли между строк? Как были выдрессированы эти тигры?

Она лишилась языка, столкнувшись со столь резким проявлением его смышленности.

— Понимаю, — сказал он. — Ладно, я не поступлюсь Тайком, потому что знаю, что ты втянула его в это дело. В большинстве обстоятельств он хороший слуга, вот только принципы свои отстаивает лишь в благоприятной обстановке.

— Его... ПРИНЦИПЫ?

— Разница между хорошим служакой и плохим — в силе характера и твердости духа. Он должен держаться своих принципов, где бы им ни был брошен вызов.

— Тигры были необходимы, — сказала она.

— Поверю в это, если они преуспеют. Но не примирюсь с тем, что пришлось сделать при их дрессировке. Не протестуй. Это очевидно. Они были НАТАСКАНЫ. Ты сама это сказала.

— Что ты собираешься делать?

— Ждать, а там увидим. Может, я стану императором.

Она вздохнула, поднеся руку к груди. На несколько мгновений он до смерти ее напугал. Она уже почти поверила, что он ее осудит. Принципы! Но теперь он принял все как есть — ей это было видно.

Фарадин встал, подошел к двери и позвонил слугам матери.

— Мы все договорили, верно? — оглянулся он.

— Да, — она подняла руку, когда он выходил. — Куда ты?

— В библиотеку. В последнее время я увлекаюсь историей Коррино.

И он вышел, ощущая новые обязательства, несомые им в себе.

«Будь она проклята!»

Но он знал, что теперь повязан. И постиг он глубокую эмоциональную разницу между историей, записанной на шигаваре и читаемой на досуге, и историей, в которой живешь, — глубокую разницу. Эта новая живая история, ощутимо вокруг него сгущавшаяся, навязывала ощущение броска в необратимое будущее. Фарадину стало ощутимо, как претят ему устремления тех, чье преуспеяние зависело от него. Ему показалось странным, что в это движение он не может подсунуть свои собственные устремления.

Рассказывают о Муад Дибе, что однажды, увидя сорняк, пытающийся прорасти между двух камней, он убрал один из них. Позже, когда растение расцвело, он придавил его оставшимся камнем. «Такова была его судьба», — объяснил он.

Комментарии.

— Ну! — вскричала Ганима.

Лито, на два шага впереди нее на пути к узкой расселине, не колебался. Он нырнул в трещину и пополз вперед, пока его не обволокла тьма. Он услышал, как позади него приземлилась Ганима, затем — внезапная тишь, и голос Ганимы, не напуганный и не торопливый:

— Меня задели.

Он встал, зная, что при этом подставляет голову в пределы досягаемости ищущих когтей, развернулся всем телом и попятился назад, пока не нащупал протянутую руку Ганимы.

— Моя одежда, — сказала она. — Ее зацепили.

Он услышал, как прямо под ними осыпаются камни, потянул к себе ее руку, но Ганима почти не сдвинулась ему навстречу.

Сопение и рык послышались ниже их щели.

Лито напрягся, уперся бедрами о скалу, потянул руку Ганимы сильнее. Лопнула ткань, он ощутил, как Ганима рывком сдвинулась с места. Она со свистом выдохнула, и он понял, что ей больно, но потянул еще раз, еще сильней. Она еще чуть-чуть подалась, затем окончательно сдвинулась с места, упала рядом с ним. Однако ж, они были слишком близко к краю расщелины. Он повернулся, опустился на четвереньки и пополз вглубь. Ганима — за ним. По одышливой напряженности ее движений Лито понял, что она ранена. Он подкрался к краю отверстия над щелью, перевернулся на спину и посмотрел вверх, на узкий вход в их убежище. Отверстие было метров в двух над ним, полное звезд. Потом что-то большое заслонило звезды.

Раскатистый рык пронизал воздух вокруг близнецов. Глубокий, угрожающий, первобытный звук — обращение охотника к жертве.

— Ты сильно ранена? — спросил Лито, заставляя себя говорить спокойно. Она взяла такой же спокойный тон:

— Один из них задел меня когтем. Распорол мой стильсьют вдоль левой ноги. У меня идет кровь.

— Сильно?

— Из вены. Я не могу ее остановить.

— Зажми рану. Не шевелись. Я позабочусь о наших друзьях.

— Осторожно, — сказала она. — Они крупнее, чем я ожидала.

Лито обнажил свой криснож и полез с ним наверх. Он понимал, что тигр все еще старается просунуться вниз, когти скребли по узкому проходу, куда не могло пролезть тело.

Он медленно-медленно вынул свой криснож. Что-то резко ударило по острию лезвия. Он всем телом ощутил удар, чуть не выпустив при этом нож. По его руке хлынула кровь, брызнула ему на лицо, и сразу же раздался оглушивший его

вой. Стало видно звезды. Что-то метнулось прочь и покатилось со скал на песок, с яростным воплем большой кошки.

Опять звезды что-то заслонило, опять Лито услышал рык охотника. Место первого занял второй тигр, пренебрегая судьбой своего товарища.

— Они настойчивы, — сказал Лито.

— С одним наверняка покончено, — сказала Ганима. — Слышишь?

Визги и бьющиеся конвульсии снизу затихали. Второй тигр, однако, так и заслонял звезды.

— Как по-твоему, нет у них третьего в запасе? — спросила Ганима.

— Вряд ли. Лазанские тигры охотятся парами.

— Совсем как мы, — сказала она.

— Как мы, — согласился он. Он почувствовал, как в ладонь ему скользнула рукоять ее крисножа — и крепко ее стиснул. И опять начал осторожно продвигаться к незваному гостю. Лезвие пронзало лишь воздух, даже тогда, когда он продвинулся до уровня, опасного для него самого. Он подался назад, чтобы это обдумать.

— Не можешь его найти?

— Он ведет себя не так, как первый.

— Он все еще здесь. Чуешь его запах?

Лито сглотнул сухой глоткой. В ноздри ему ударило зловонное дыхание, мускусный запах кошки. Звезды были закрыты от взгляда. Первого из кошачьих вообще не было слышно: яд доделал свою работу.

— По-моему, мне придется встать, — сказал он.

— Нет!

— Надо раздразнить его, что бы он оказался досягаем для ножа.

— Но, мы ведь договорились, что если одному из нас удастся избежать ранения...

— А ранена ты, так что ты и пойдешь назад, — ответил он.

— Но если ты сильно пострадаешь, я не смогу тебя бросить.

— У тебя есть идея получше?

— Отдай мне мой нож!

— Но твоя нога...

— Я могу стоять на здоровой.

— Этот зверюга снесет тебе голову одним ударом. Может быть, маула...

— Если кто-нибудь нас услышит, то догадается, что мы пришли сюда заранее подготовленными.

— Мне не по душе, чтобы ты так рисковала, — заявил Лито.

— Кто бы ни был снаружи, он не должен знать, что у тебя и меня есть маула — пока еще не должен, — она коснулась его руки. — Я буду осторожной. Голову пригну.

Он безмолвствовал, и Ганима добавила:

— Ты знаешь, что именно я и должна это сделать. Отдай мне нож.

С неохотой он пошарил свободной рукой, нашел ее руку и вернул ей нож. Это было лишь логично, но все его чувства возмущались против логики.

Он почувствовал, как Ганима отодвинулась в сторону, услышал, как с резким наждачным звуком чиркнуло о камень ее одеяние. Она одышливо вдохнула, и он понял, что она встала на ноги. Будь очень осторожна, подумал он. Его так и подмывало оттащить ее назад и настоять, чтобы они воспользовались маулой. Но это могло предупредить кого-то снаружи, что у них есть такое оружие. Хуже того, это отпугнуло бы тигра за пределы досягаемости, и они бы оказались тут как в ловушке — с раненым тигром, подстерегающим их в неизвестном месте среди скал.

Ганима глубоко вдохнула, оперлась спиной на одну из стен расщелины. Мне надо быть быстрой, подумала она. Она двинула вверх острие ножа. Нога, разодранная когтями, пульсировала. Она ощущала, как там то подсыхает кровавая корочка, то по ней бежит тепло новых потоков крови. Очень быстрых! Она погрузилась по методу Бене Джессерит в безмятежное спокойствие, подготавливающее к переломному моменту, вытеснила из сознания боль и все остальное, отвлекающее. Кошка должна сунуться ниже! Она медленно провела ножом до самых краев отверстия. Где же это проклятое животное? Опять она рубанула воздух. Ничего. Тигра надо соблазнить на нападение.

Она осторожно принюхалась. Теплое дыхание доносилось слева от нее. Она собралась с духом, глубоко вдохнула и закричала: «Таква!» Это был старый боевой клич Свободных, перевод которого давался в самых древних легендах: «Цена свободы!» С этим кличем, она вскинула острие и пронзила тьму над расщелиной. Когти хватанули ее по локтю до того, как нож достиг тигра, и она лишь успела сквозь боль сделать выпад в направлении источника боли, до того, как агонизирующее страдание охватило ее руку от локтя до запястья. Сквозь боль она ощутила как вошло в тигра

отравленное острие. Нож выскочил из ее онемевших пальцев. Но опять очистилось небо над расщелиной, и ночь наполнилась воплями умирающей кошки. По этим воплям можно было различить, как животное в смертельной агонии заметалось, уходя вниз со скал. Вскоре наступила мертвая тишина.

— Он достал мою руку, — сказала Ганима, пытаясь перебинтовать рану болтающейся полой своей одежды.

— Сильно?

— По-моему, да. Не чувствую руки.

— Дай-ка я зажгу свет и...

— Нет, пока мы не отойдем в укрытие!

— Я поспешу.

Она услышала, как он извивается, чтобы снять со спины свой фремкит, потом все погрузилось в лоснящуюся тьму — Лито перекинул палатку ей через голову и подоткнул под Ганиму полог палатки, не став закреплять палатку, так, чтобы она стала влагонепроницаемой.

— Мой нож с этой стороны, — сказала она. — Я нащупываю его коленкой.

— Плюнь на него пока, — он зажег одинокий маленький глоуглоб. От яркого света она моргнула. Лито поставил глоуглоб сбоку на песок — и задохнулся, увидев ее руку. Коготь продрал длинную зияющую рану, извивавшуюся по тыльной стороне ее руки от локтя почти до запястья. По ране видно было, как именно она крутила рукой, чтобы поразить отравленным острием лапу тигра.

Ганима разок взглянула на рану, закрыла глаза и принялась читать литанию против страха.

Лито подумал, что ему подобная литания нужна не меньше, но, подавив все бушующие в нем эмоции, занялся перебинтовкой раны Ганимы. Это следовало сделать осмотрительно, чтобы и течение крови остановить, и сохранялась видимость, будто этот неуклюжий узел Ганима накрутила сама. Он дал ей затянуть узел свободной рукой — второй конец узла она держала зубами.

— Давай-ка теперь посмотрим ногу, — сказал он.

Она крутанулась на месте, чтобы показать другую рану. Не такую тяжелую: два поверхностных разреза когтями по икре. Кровь из них, однако, обильно натекла в стильсьют. Прочистив рану как только мог, Лито забинтовал ее под стильсьютом. Костюм он наглухо заклеил поверх повязки.

— В рану попал песок, — сказал он. — Пусть ее обработают, как только ты вернешься.

— Песок в наших ранах, — сказала она. — Сколь издавна это знакомо Свободным.

Он нашел в себе силы улыбнуться ей, сел посвободней.

Ганима глубоко вздохнула.

— Мы справились.

— Еще нет.

Она сглотнула, с усилием оправляясь от остаточного шока. В свете глоуглоба лицо ее было бледным. И она подумала: «Да, теперь мы должны двигаться быстро. Кто бы ни управлял этими тиграми — но он может быть сейчас совсем неподалеку».

У Лито, смотревшего на сестру, вдруг сердце скрутило внезапным чувством потери. Он и Ганима теперь должны разделиться. С самого рождения, все эти годы, они были как один человек. Но их план требовал от них теперь претерпеть метаморфозу, пойти каждому отдельным путем, каждому в свою неповторимость, и совместный опыт их ежедневных переживаний никогда больше не объединит их так, как они некогда были объединены.

Он вернулся к насущным необходимостям.

— Я вынул перевязочные материалы из своего фремкита. Кто-нибудь может заметить.

— Да, — она обменялась с ним фремкитами.

— У того, кто снаружи, есть радиопередатчик, настроенный на этих кошек, — сказал Лито. — Вероятней всего, он будет ждать у кваната, убедиться, что с нами покончено.

Ганима коснулась пистолета маула, лежащего сверху во фремките, вытащила его и заткнула за кушак своего широкого одеяния.

— Моя одежда порвана.

— Да... Ищущие скоро могут быть здесь. Может, предатель среди них. Пусть Харах тебя укроет.

— Я... Я начну поиски предателя, как только вернусь, — она поглядела в лицо брата, разделяя его болезненное понимание, что с этого мига в них начнет накапливаться все больше отличий друг от друга. Никогда более они не будут единым целым, с совместным знанием, которого никто больше не способен постичь.

— Я направлюсь в Джакуруту, — сказал он.

— Фондак, — произнесла она.

Он кивнул, соглашаясь. Джакуруту-Фондак — это должно быть одно и то же место. Только так легендарное место и можно было скрыть. Сделано, конечно, контрабандистами. Как легко для них переменить одно название на

другое, действуя под прикрытием того безмолвного соглашения, благодаря которому им дозволялось существовать. Правящее семейство планеты всегда должно иметь черный ход для бегства при крайних обстоятельствах. И небольшое участие в барышах от контрабанды сохраняло лазейку открытой. В Фондаке-Джакуруту контрабандисты владели полностью дееспособным съетчем, нетревожимым местным населением. Они спрятали Джакуруту на глазах у всех, под защитой табу, заставлявшго Свободных держаться от нее подальше.

— Ни одному Свободному не придет в голову искать меня в подобном месте, — сказал он. — Они, конечно, наведут справки среди контрабандистов, но...

— Мы сделаем, как договорились, — ответила она. — Это просто...

— Знаю, — услышав собственный голос, Лито понял, что они затягивают последние моменты полного сходства друг с другом. Горькая улыбка тронула его губы, сразу на годы его состарив. Ганима поняла, что смотрит сквозь завесу времени на повзрослевшего Лито. Глаза ее обожгли слезы.

— Незачем пока еще отдавать воду мертвым, — Лито обмахнул пальцем ее влажную щеку. — Я уйду достаточно далеко, где никто не услышит, и призову червя, — он указал на сложенные крюки Создателя, пристегнутые к его фремкиту. — Я буду в Джакуруту еще до зари второго дня.

— Езжай быстро, мой старый друг, — прошептала Ганима.

— Я вернусь к тебе, мой единственный друг, — ответил он. — Помни об осторожности у канала.

— Выбери себе хорошего червя, — ответила она прощальным приветствием Свободных. Левой рукой она погасила глоуглоб, зашуршало их темное укрытие, когда она стягивала его, скатывала и запихивала в свой фремкит. Она ощутила, как он уходит — только очень тихие звуки быстро таяли и превращались в молчание, когда он со скал спускался в пустыню.

Ганима принялась жестоко внушать себе то, что она должна была знать. Лито мертв для нее. В ее уме нет ни Джакуруту, ни брата, ищущего затерянное место мифологии Свободных. Начиная с этого мига, она не должна думать о Лито как о живом. Она должна вести себя с полнейшей верой в то, что ее брат мертв, убит здесь Лазанскими тиграми. Немногие могли одурачить Вопрошателя Правды, но она знала, что у нее получится... должно получиться. Многочис-

ленные жизни, жившие в ней и Лито, научили их, как это сделать: процесс гипноза, бывший древним еще во времена Шебы, хотя, может, она — единственная из живущих способна помнить Шебу как реальность. Она тщательно подавила память глубоким внушением, и долгое время после того, как Лито ушел, перерабатывала свое самосознание, конструируя одинокую сестру, выжившего близнеца — пока наконец полностью в это не поверила. Добившись этого, она обнаружила, что ее внутренний мир погружается в безмолвие, стирается любое его проникновение в ее сознание: побочный эффект, которого она не ожидала.

«Если б только Лито остался в живых, чтобы узнать это», — подумала она, и не сочла эту мысль парадоксальной. Встав, она посмотрела на пустыню, где тигры настигли Лито. Оттуда доносился нарастающий шум, шум, знакомый всем Свободным — прохождение червя. Как ни редки они были в этих местах, но все же червь пришел. Может, предсмертная агония первой кошки... Да, Лито убил одного зверя, прежде чем второй с ним разделался. Странная символика в том, что червь вздумал пожаловать. Так велико было полученное ею, что она видела три темных пятна на песке: двух тигров и Лито. Затем пришел червь, и только пробежавший волной след Шаи-Хулуда остался на поверхности песка. Не очень большой червь... Но достаточно велик. И ее внушение не позволило ей видеть маленькую фигурку, едущую на окольцованной спине.

Борясь с печалью, Ганима запаковала свой фремкит и осторожно выскользнула из потайного места. Держа руку на пистолете маула, она изучающе обшарила глазами все вокруг. Ни следа человека с радиопередатчиком. Она взобралась вверх по скалам и — через них — к дальней стороне, держась в лунных тенях, выжидая и выжидая, чтобы удостовериться, что никакой убийца не таится на тропе.

За открытым пространством ей видны были светильники Табра, волнообразная активность поисков. Темное пятно двигалось по направлению к Спутнику. Она отбежала подальше к северу от приближающегося отряда, спустилась на песок и отошла в тень дюны. Осторожно, сбивая ритм своих шагов, чтобы не привлечь червя, она устремилась в пустое пространство, отделявшее съетч Табр от места, где умер Лито. Ничто не воспрепятствует ее рассказу о том, как ее брат погиб, спасая ее от тигров.

Правительства, если они сохраняются, всегда склонны устремляться к аристократическим формам. Не известно ни одного правительства в истории, которое бы избежало развития по подобному образцу. И, по мере развития аристократии, правительство все больше и больше склонно действовать исключительно в интересах правящего класса — является ли этот класс наследственной знатью, олигархией финансовых империй или окопавшейся бюрократией.

Политика как Повторяющийся Феномен.
Учебное руководство Бене Джессерит.

— Почему он нам это предлагает? — спросил Фарадин. — Вот в чем суть.

Они с Башаром Тайкаником стояли в зале для отдыха личных апартаментов Фарадина. Вэнсика сидела на краешке низкого голубого дивана, скорее почти как зрительница, чем участница. Она понимала свое положение и возмущалась им, но с того утра, когда она открыла Фарадину их замыслы, в нем произошла устрашающая перемена.

День над замком Коррино близился к закату, и низкий свет подчеркивал тихий комфорт залы — заставленной воспроизведенными в пластино настоящими книгами, с полками, представлявшими несметное множество бобин с записями, банков данных, свитков шигавира, мнемонических усилителей. Всюду были приметы, что этим помещением много пользуются — потрепанные места на книгах, стертый до яркости металл на усилителях, сносившиеся уголки на кубиках банков данных. В зале был только один диван, но много кресел — все свободно изменяемой формы, чтобы ничто не мешало комфорту.

Фарадин стоял спиной к окну. На нем был простой серо-черный мундир сардукара, украшали который лишь золотые львиные когти на отворотах воротника. Он выбрал эту залу для приема своей матери и Башара, надеясь создать атмосферу более непринужденного общения, чем была бы достижима в обстановке поформальней. Но постоянные «Милорд» и «Миледи» Тайканика сохраняли дистанцию.

— Милорд, по-моему, он бы не сделал это предложение, будь он неспособен его выполнить, — сказал Тайканик.

— Разумеется, нет! — вмешалась Вэнсика.

Фарадин просто смерял мать взглядом, заставившим ее умолкнуть, и спросил:

— Мы ведь не оказывали никакого давления на Айдахо,

не делали никаких попыток добиться выполнения обещания Проповедника?

— Никаких, — ответил Тайканик.

— Тогда почему Данкан Айдахо, особо известный всю жизнь своей фантастической преданностью Атридесам, предлагает доставить леди Джессику в наши руки?

— Слухи о неурядицах на Арракисе... — рискнула вставить Вэнсика.

— Неподтверждено, — сказал Фарадин. — Возможно ли, чтобы это было подкинуто Проповедником?

— Возможно, — ответил Тайканик. — Но я не в силах постичь мотив.

— Он говорит, что ищет для нее убежища, — сказал Фарадин. — Могло бы соответствовать, если слухи...

— Именно, — вставила его мать.

— Или это может быть какой-то уловкой, — сказал Тайканик.

— Мы можем выдвинуть несколько предложений и разобрать их, — сказал Фарадин. — Что, если Айдахо попал в немилость у леди Алии?

— Это бы все объяснило, — проговорила Вэнсика. — Но он...

— До сих пор нет весточки от контрабандистов? — перебил Фарадин. — Почему мы не можем...

— Линии связи всегда работают медленно в это время года, — ответил Тайканик. — И требования безопасности...

— Да, конечно, но, все равно... — Фарадин покачал головой. — Мне не нравится наше предположение.

— Не спеши его отвергать, — сказала Вэнсика. — Все эти сплетни про Алию и жреца, как его там...

— Джавид, — сказал Фарадин. — Но этот человек явно...

— Для нас он ценный источник информации, — сказала Вэнсика.

— Я как раз собирался сказать, что он явно двойной агент, — проговорил Фарадин. — Как он мог навлечь на себя такие обвинения? Ему больше не следует доверять. Слишком много признаков...

— Никак их не вижу, — сказала она.

Ее тупость внезапно его разозлила.

— Поверь мне на слово, мама! Признаки есть — я объясню позже.

— Боюсь, я должен согласиться, — сказал Тайканик.

Уязвленная Вэнсика погрузилась в молчание. Как они смеют подобным образом выпихивать ее из Совета? Словно она какая-нибудь легкомысленная вертихвостка, которая...

— Мы не должны забывать, что Айдахо некогда был гхолой, — сказал Фарадин. — Тлейлакс... — он покосился на Тайканика.

— Это направление будет обследовано, — заявил Тайканик.

Он восхищался тем, как работает ум Фарадина: живо, пытливо, остро. Да, Тлейлакс, вернувший жизнь Айдахо, мог вмонтировать в него мощную кнопку для собственного использования.

— Но я не в силах уяснить мотив Тлейлакса, — сказал Фарадин.

— Капиталовложение в наше преуспевание, — предположил Тайканик. - Небольшая страховка ради будущих выгод?

— Я бы назвал это крупным капиталовложением, — сказал Фарадин.

— Опасным, — вставила Вэнсика.

Фарадин должен был с ней согласиться. Способности леди Джессики славились по всей Империи. В конце концов, это именно она обучила Муад Диба.

— Если станет известно, что она у нас... — сказал Фарадин.

— Да, меч обоюдоостр, — сказал Тайканик. — Но нет нужды делать это известным.

— Допустим, — предположил Фарадин, — мы принимаем предложение. В чем ее ценность? Можем мы обменять ее на что-нибудь очень важное?

— Не в открытую, — сказала Вэнсика.

— Разумеется, нет, — Фарадин выжидающе взглянул на Тайканика.

— Это еще надлежит рассмотреть, — сказал Тайканик.

— Да, — кивнул Фарадин. — По-моему, если мы согласимся, то нам надо рассматривать леди Джессику как деньги, отложенные на определенную цель. В конце концов, богатство вовсе не обязательно тратить на какую-то особую вещь. Оно просто... потенциально полезно.

— Она будет очень опасной пленницей, — сказал Тайканик.

— Это, разумеется, тоже надо взвесить, — ответил Фарадин. — Мне рассказывали, что ее премудрость Бене Джессерит позволяет ей манипулировать человеком лишь благодаря искусному применению своего голоса.

— Или своего тела, — добавила Вэнсика. — Однажды Ирулэн раскрыла мне некоторые из секретов, которым была обучена. Но она много задавалась в то время, и настоящих

доказательств я не увидела. И все равно, существуют весьма убедительные данные, что у учениц Бене Джессерит есть свои способы для достижения целей.

— Ты что, предполагаешь, она может меня соблазнить? — спросил Фарадин.

Вэнсика только плечами пожала.

— Я бы сказал, она для этого немножечко старовата, а? — ответил Тайканик.

Фарадин ощутил дрожь возбуждения, слегка окрашенного страхом. Игра в игру восстановления высокого престола власти Дома Коррино и привлекала, и отталкивала его одновременно. Насколько же оно оставалось заманчивым, побуждение бросить эту игру ради излюбленных занятий — исторических исследований и изучения столь внятных обязанностей правления Салузой Второй. Восстановление сардукарского войска — само по себе изрядная задача... и для выполнения ее Тайканик так и оставался хорошим инструментом. Одна эта планета, в конце концов, — огромная ответственность. Но — Империя — еще большая ответственность и, как орудие власти, намного привлекательней. И чем больше он читал про Муад Диба (Пола Атридеса), тем больше прельщали Фарадина возможности использования власти. Номинальный глава Дома Коррино, наследник Шаддама IV, каким великим достижением было бы вернуть свою династию на Львиный Трон. Он хочет этого! Хочет. Фарадин обнаружил, что, несколько раз повторив про себя это обворожительное заклинание, он может преодолеть минутные сомнения.

— ... и, конечно, — говорил Тайканик, — Бене Джессерит учит, что мир поощряет агрессию, отсюда разжигая войну. Парадокс...

— Как мы перешли к этой теме? — спросил Фарадин, вновь обращая свое внимание к предмету дискуссии.

— Ну как же! — сказала Вэнсика. — Я просто спросила, знаком ли Тайк с направляющей философией Бене Джессерит.

— Не будем относиться к философии слишком почтительно, — произнося это, Фарадин повернулся лицом к Тайканику. — Что до предложения Айдахо, то, по-моему, нам надо навести дальнейшие справки. Когда мы воображаем, будто что-то знаем, то это именно тот момент, когда надо приглядеться поглубже.

— Будет сделано, — Тайканику нравилась жилка осторожности в Фарадине, но, он надеялся, она не повлияет на те военные решения, где требуется точность и быстрота.

С кажущейся неуместностью, Фарадин спросил:

— Вы знаете, что самое интересное в истории Арракиса? Обычай Свободных дикарских времен — убивать каждого, попавшегося на глаза без стилсьюта с его легко различимым и характерным капюшоном.

— Что тебя восхищает в стилсьюте? — вопросил Тайканик.

— Значит, ты уловил, да?

— Да что мы могли уловить? — спросила Вэнсика.

Фарадин бросил на мать раздраженный взгляд — и что она вмешивается этаким образом? И сосредоточил свое внимание на Тайканике:

— Стилсьют — ключ к характеру планетянина, Тайк. Это — отличительная черта Дюны. Люди склонны сосредоточиваться на физических характеристиках: стилсьют сохраняет влагу тела, рециклирует ее и делает возможным существование на этой планете. Ты ведь знаешь, у Свободных был обычай иметь по одному стилсьюту на каждого члена семьи, КРОМЕ собирателей пищи. Те еще имели и запасной. Но, оба вы, заметьте, пожалуйста... — он сделал жест, охвативший и его мать. — Насколько во всей Империи вошли в моду одеяния, имеющие видимость стилсьютов, но ими на самом деле не являющиеся. Одна из действующих людских черт — подражать завоевателю!

— Ты действительно считаешь, что эта информация полезна? — озадаченным тоном спросил Тайканик.

— Тайк, Тайк, нельзя править, не имея такой информации. Я сказал, что стилсьют — ключ к характеру, и так оно и есть! Это вещь консервирующая. И те ошибки, что они совершат — будут ошибками консервативности...

Тайканик бросил взгляд на Вэнсику, встревоженно и хмуро смотревшую на своего сына. Предложенные Фарадином характеристики и привлекали, и беспокоили Башара. Совсем не похоже на старого Шаддама. Тот был по сути своей сардукаром — воякой-убийцей почти без сдерживающих центров. Но Шаддам пал перед Атридесами, сокрушенный этим проклятым Полом. Да, то, что Тайканик читал о Поле, указывало на те же черты, какие были сейчас обрисованы Фарадином. Вполне вероятно, что Фарадин будет меньше колебаться чем Атридесы, если жестокость будет необходима — но это его сардукарская выучка.

— Многие правили и не пользуясь информацией такого рода, — сказал Тайканик.

Фарадин только пристально поглядел на него одно мгновение. Затем сказал:

— Правили и терпели провал.

Рот Тайканика сузился до жесткой линии при этом явном намеке на крушение Шаддама. Это ведь было и крушение сардукаров — и ни один сардукар не способен был вспоминать о нем с легким сердцем.

Отпустив это замечание, Фарадин сказал:

— Видишь ли, Тайканик, влияние планеты на массовое бессознательное ее обитателей никогда полностью не осмыслялось. Чтобы нанести поражение Атридесам, мы должны понимать не только Келадан, но и Арракис: одна планета приветлива, другая — тренировочная площадка для крутых решений. Союз Атридесов и Свободных — это явление уникальное. Мы должны разобраться, как оно работает, или мы не сможем поравняться с ними, не говоря уже о том, чтобы их победить.

— Что это имеет общего с предложением Айдахо? — спросила Вэнсика.

Фарадин жалостливо глянул на мать.

— Их поражение начнется с того потрясения, которое мы подкинем в их общество. Это очень могучее оружие — потрясение. И отсутствие его тоже важно. Разве вы не замечали, что Атридесы способствуют легкому и беспрепятственному развитию здесь, у нас?

Тайканик позволил себе коротко кивнуть в знак согласия. Хорошее замечание. Нельзя было бы позволять сардукарам развиваться так беспрепятственно. Но предложение Айдахо продолжало его смущать. Он сказал:

— Может быть, лучше всего было бы отвергнуть это предложение.

— Пока еще нет, — возразила Вэнсика. — Перед нами — широкое поле выбора. Наша задача — исследовать все вероятности, какие только возможно. Мой сын прав — нам нужно больше информации.

Фарадин пристально на нее поглядел, оценив ее намерения, точно так же, как и внешнюю словесную оболочку сказанного ею.

— А мы сообразим, когда минуем ту точку, за которой больше нет свободы выбора? — спросил он.

— Если меня спросите, мы давно уже миновали эту точку, и возврата нет, — кисло хмыкнул Тайканик. Фарадин запрокинул голову и громко расхохотался. — Возврата нет, но выбор есть, Тайканик! Когда мы дойдем до конца каната — трудно будет не понять, где мы находимся!

В наш век, когда средства транспортировки людей включают устройства, способные в мгновение ока преодолевать глубины космоса, и другие устройства, способные быстро переносить людей над поверхностями совершенно непроходимых планет, кажется странным помышлять о долгих путешествиях. И все-таки это остается основным способом передвижения на Арракисе — факт, частично обязанный отдаваемому предпочтению, а частично тому жестокому обращению, которое уготовано планетой для всяческих механических приспособлений. В суровых условиях Арракиса человеческое тело является самым устойчивым и надежным ресурсом для хаджжа. Может быть, именно скрытое осознание этого факта и делает Арракис совершенным зеркалом души.

Карманная книга хаджжа.

Ганима пробиралась назад, в Табр, очень медленно и осторожно, держась в глубочайших тенях дюн, неподвижно съеживаясь, когда к югу от нее проходил поисковый отряд. Сознание ее было охвачено ужасом — червь, пожравший тигров и тело Лито, опасности впереди. Он погиб — ее брат-близнец погиб. Она подавила слезы, нянча свою ярость. В этом она была чистейшей Свободной. И она знала это — этим упиваясь.

Она поняла то, что говорилось о Свободных. Они, якобы, не имели совести, утеряв ее в жгучей жажде мести тем, кто гонял их с планеты на планету в их долгих странствиях. Глупость, конечно. Только у самых диких первобытных нет совести. У Свободных — высокоразвитая совесть, сосредоточенная на их благополучии как народа. Только пришельцам они кажутся зверями — точно так же, как пришельцы кажутся зверями Свободным. Всякий Свободный очень хорошо знает, что способен совершить жестокость, не испытав чувства вины. Свободные не чувствуют вины за то, что пробуждает это чувство в других. Их ритуалы обеспечивают им избавление от чувства вины, иначе бы оно могло их погубить. Потаенными глубинами своего сознания они понимают, что всякий поступок может быть приписан, хотя бы частично, хорошо известным извинительным обстоятельствам: «несостоятельности власти» или «ЕСТЕСТВЕННОЙ дурной склонности» ли — разделяемой всеми людьми, или «невезению», которое любое ощущающее создание должно быть способно распознавать как столкновение между смертной плотью и внешним хаосом мироздания.

В этом отношении Ганима чувствовала себя чистой Свободной, побегом, тщательно усвоившим племенную жестокость. Ей нужна была только цель — и целью, явно, был Дом Коррино. Она жаждала увидеть, как брызнет на землю к ее ногам кровь Фарадина.

У канала ее не подстерегали никакие враги. Даже поисковые отряды ушли еще куда-то. Она пересекла канал по земляному мосту, прокралась сквозь высокую траву к тайному выходу из съетча. Внезапно впереди нее полыхнул свет, и Ганима ничком распростерлась на земле. Она пригляделась сквозь высокие стебли алфалфы. Снаружи в проход вошла женщина, и кто-то позаботился приготовить ей вход так, как следовало быть приготовленным любому входу в съетч. В тревожные времена всякого приходящего в съетч встречали яркой вспышкой света, чтобы на время ослепить пришельца и дать охране время на принятие решения. Но такой свет никогда не должен был светить далеко в пустыню. Видимый здесь свет означал, что отомкнуты внешние запоры.

Ганиме горько стиснуло сердце это нарушение законов безопасности съетча — струящийся свет. Да, везде и всюду признаешь этих Свободных в кружевных рубашках!

Свет продолжал светить веером на землю перед основанием кручи.

Из тьмы сада на свет выбежала девушка, что-то боязливое было в ее движениях. Ганиме виден был яркий круг глоуглоба внутри прохода и ореол насекомых вокруг него. Свет освещал две тёмные фигуры в проходе — мужчину и девушку. Они стояли, взявшись за руки и глядя в глаза друг друга. Ганима ощутила что-то не то. Не просто любовники это были, подстерегающие момент, чтобы ускользнуть из съетча.

Свет был рассеян в проходе над ними и позади них. Они разговаривали на фоне светящейся арки, отбрасывая наружу длинные тени — где каждый мог наблюдать за их движениями по этим теням. Мужчина то и дело освобождал руку, и делал жест — быстрый и резкий жест украдкой, который тоже воспроизводился отбрасываемыми тенями.

Тьму вокруг наполнили одинокие звуки ночных созданий. Ганима отгородила сознание от этих отвлекающих звуков.

Так что же с этими двумя неладного?

Движения мужчины так застылы, так осторожны.

Он повернулся. Отражение от одеяния женщины его осветило, показав мясистое красное лицо с большим пятнис-

тым носом. Ганима испустила глубокий и бесшумный вздох узнавания. ПАЛИШАМБА! Внук наиба, сыновья которого пали на службе Атридесов. Лицо — и еще одно, обнажившееся, когда пола его робы взметнулась при его повороте — обрисовали для Ганимы законченную картину. Под накидкой у него был пояс, а к поясу пристегнута коробочка, поблескивавшая рычажками и циферблатами. Наверняка, изделие Тлейлакса или Икса. И, несомненно, — передатчик, освободивший тигров. Палишамба. Это означало, что еще один наибад перешел на сторону Дома Коррино.

Кто же тогда эта женщина? Неважно. Кто-то, кого Палишамба использует.

Мысль Бене Джессерит вдруг вторглась в сознание Ганимы: «У каждой планеты свой собственный срок, равно как и у каждой жизни».

Она отлично припомнила Палишамбу, наблюдая за ним и этой женщиной, видя его передатчик, его жесты украдкой. Палишамба преподавал в школе съетча. Математику. Начетчик и невежда. Пытался объяснить учение Муад Диба через математику, пока Жречество этого не запретило. Поработитель умов, и процесс этого порабощения можно было понять предельно просто: он передавал технические знания, не передавая истинных ценностей.

«Мне бы следовало заподозрить его раньше, — подумала она. — Все признаки были налицо».

А затем, со жгучим спазмом в животе: «Он убил моего брата!»

Она принудила себя к спокойствию. Палишамба и ее убьет, если она попробует настичь его здесь, в тайном входе. Теперь она поняла и почему совсем не в духе Свободных свет выставлен напоказ, выдавая секретный вход. В этом свете они наблюдали, не ускользнул ли кто-нибудь из жертв. Наверняка испытание для них — ждать как в незнании. И теперь, когда Ганима разглядела передатчик, она могла с уверенностью объяснить движение руки. Палишамба часто и сердито нажимал на один из рычажков передатчика.

О многом говорило Ганиме присутствие этой пары. Весьма вероятно, подобный наблюдатель таится в глубине у каждого входа в съетч.

В носу ей защекотала пыль, и она почесала нос. Ее раненая нога продолжала пульсировать, а руку то ломило, то жгло. Пальцы оставались бесчувственными. Если дойдет до использования ножа, ей придется держать его в левой руке.

Ганима подумала о том, чтобы воспользоваться пистолетом маула, но его характерный звук наверняка привлечет нежелательное внимание. Следовало найти другой путь.

Палишамба опять отвернулся от входа — темная фигура на фоне света. Наружу стала смотреть разговаривавшая с ним женщина. В женщине была живость хорошей вышколенности — она знала как, краем глаз, следить за тенями. Значит, она не была просто полезным орудием. Она была частью более глубокого заговора.

Теперь Ганима припомнила, что Палишамба домогался места Каймакана, политического губернатора Регентства. Он — часть более широкого заговора, это ясно. У него много сторонников. Даже здесь, в Табре. Ганима рассматривала все грани возникавшей таким образом проблемы, исследуя ее. Если бы ей удалось хоть одного из этих стражей захватить живьем, то поплатились бы и многие другие.

Внимание Ганимы привлекло «ф-ссс» небольшого животного, пьющего из кваната. Естественные звуки и естественные вещи. Память ее отправилась в поиск через странный барьер безмолвия в ее мозгу, нашла там жрицу Джоуфа, взятую в плен в Ассирии Сенначерибом. Воспоминания этой жрицы подсказали Ганиме, что следует делать. Палишамба и женщина были просто детьми, загораживающими путь и опасными. Они ничего не знали о Джоуфе, не знали даже о той планете, на которой Сенначериб и жрица обратились в прах. То, что вот-вот должно было произойти с парой заговорщиков, могло бы быть объяснено им — будь им это объяснено — в понятиях, берущих свое начало здесь.

И кончающихся здесь.

Перекатившись на бок, Ганима скинула фремкит, отстегнула трубку пескошноркеля, откупорила ее, удалила из нее длинный фильтр. Теперь у нее была сквозная трубочка. Выбрала иголку из запасного ремонтного комплекта, обнажила криснож и обмакнула иголку в полость с ядом на кончике ножа — туда, где некогда находился нерв червя. Раненая рука затрудняла ей работу. Движения ее были медленны и осторожны, с опаской держа отравленную иглу, она извлекла из набора комок спайсовой ваты. Тупой конец иглы она туго закрепила в этом комке, и затем так же туго вогнала свой металлический снаряд в трубку пескошноркеля.

Прямо держа свое оружие, Ганима подползла чуть ближе к свету, двигаясь медленно, чтобы как можно меньше задевать стебли алфалфы. При этом она внимательно при-

сматривалась к танцующему скоплению насекомых. Да, среди них были мухи пьюм, известные своими болезненными укусами. Отравленное острие может остаться незамеченным — по нему хлопнут, как по укусившей мухе, и смахнут с тела. Оставалось решить, кого из них поразить — мужчину или женщину.

МУРИЦ. Имя само по себе выпрыгнуло в памяти Ганимы. Так звали женщину. Ей припомнилось то, что о ней говорилось. Одна из тех, кто вьется вокруг Палишамбы, как насекомое вокруг источника света. Она — слабее, на нее легче воздействовать.

Очень хорошо. Палишамба выбрал на сегодняшнюю ночь неподходящую напарницу.

Ганима поднесла трубку ко рту, осторожно вздохнула — и выдула воздух одним мощным толчком.

Палишамба хлопнул по щеке, отвел руку с пятнышком крови на ней. Иглы нигде не было видно, он собственной рукой смахнул ее прочь.

Женщина сказала что-то утешающее, и Палишамба рассмеялся. Он еще смеялся, но его ноги начали уже подкашиваться. Он осел на женщину, пытавшуюся его поддержать. Она зашаталась под его тяжестью. В это время к ней подошла Ганима и прижала к ее пояснице острие обнаженного крисножа.

Словно болтая о пустяках, Ганима сказала:

— Без лишних движений, Муриц. Мой нож отравлен. Можешь отпустить Палишамбу. Он мертв.

Во всех главных общественных силах вы обнаружите подспудное движение к обретению и удержанию власти через использование слов. От знахаря до жреца и до бюрократа — это одно и то же. Управляемое население должно безусловно принимать слова-власть как действительность, путать символизированную систему с осязаемым мирозданием. При поддержании такой системы власти, определенные символы сохраняются вне общего понимания — символы, имеющие дело с регулированием экономики или с определением местной интерпретации здравомыслия. Такая форма символа-тайны ведет к развитию фрагментированных субязыков, каждый становится сигналом, что его пользователи вобрали определенную форму власти. С этой точки постижения процессов власти, наши

Имперские Силы безопасности всегда должны настороженно следить за формированием субязыков.

– Наверное, незачем вам это говорить, — сказал Фарадин, — но во избежание любых ошибок я сообщу, что здесь спрятан тайный наблюдатель, которому приказано убить вас обоих, если только во мне проявятся признаки, что я поддаюсь колдовским чарам.

Он не ожидал, что его слова произведут какой-то эффект. И леди Джессика, и Айдахо полностью соответствовали его представлениям.

Фарадин со тщанием выбирал обстановку для первого допроса этой пары — и остановился на прежней Палате Государственных Аудиенций Шаддама. То, что она проигрывала в величественности, наверстывалось в экзотике обстановки. Снаружи был зимний день, но светом в этом помещении без окон создавался бесконечный летний день, залитый золотым светом искусно размещенных глоуглобов из чистейшего икшианского хрусталя.

Новости с Арракиса наполнили Фарадина тихой робостью. Лито, брат-близнец, мертв, убит тигром-убийцей. Ганима, выжившая сестра, под опекой своей тетки и, как предполагалось, заложница. Полный доклад во многом объяснил появление Айдахо и леди Джессики. Они искали убежища. Шпионы Коррино докладывали о натянутом перемирии на Арракисе. Алия согласилась подвергнуться проверке, называемой «Испытание на Одержимость», цель которой не полностью была объяснена. Однако не было назначено даты этого испытания — и шпионы Коррино полагали, что она никогда не будет назначена. Хотя вот что было несомненным: произошедшие сражения между Свободными пустыни и Свободными Вооруженных Сил Империи, зачатки гражданской войны, временно парализовавшие правительство. Владения Стилгара являлись теперь нейтральной зоной, предназначенной для обмена заложниками. Ганима явно рассматривалась как одна из заложниц, хотя оставалось неясно, что же именно происходит в ее отношении.

Джессика и Айдахо были доставлены на встречу надежно привязанными к суспензерным креслам. Их опутывали угрожающие тонкие нити шигавира, которые бы впились в тело при малейшем порыве. Доставили их два сардукарских пехотинца, проверили путы и молча удалились.

Предупреждение было, разумеется, излишним. Джессика заметила вооруженного немого справа от нее, со старым, но эффективным метательным оружием в руке. Взгляд ее стал блуждать по экзотической отделке комнаты. Широкие листья редких железных кустов были отделаны крупными жемчужинами и переплетались, образовывая центральный полумесяц купольного потолка. Пол был выложен алмазным деревом и раковинами кабузу, оправленными в прямоугольные рамочки из кости пассаквета. Из них же были сделаны и плинтуса, обрезанные лазером и отполированные. Отобранные твердые материалы украшали стены тиснеными переплетающимися узорами, окаймлявшими четыре львиных символа — герб, права на который почитали своими потомки покойного Шаддама IV. Львы были сделаны из самородного золота.

Фарадин решил принимать пленников стоя. На нем были короткие форменные брюки и светло-золотистая куртка с шелковым, как у эльфа, воротом. Единственным украшением на нем была величественная пылающая звезда — знак его королевской семьи — слева на его груди. Сопровождающий его Башар Тайканик был облачен в сардукарский мундир дубленой кожи и тяжелые ботинки; в пристегнутой спереди у пряжки ремня кобуре был богато украшенный лазерный пистолет. Тайканик, суровое лицо которого было знакомо Джессике по докладам Бене Джессерит, стоял тремя шагами левее и чуть сзади Фарадина. Единственный трон темного дерева стоял у стены прямо позади Фарадина и Тайканика.

— Ну, — Фарадин обратился к Джессике, — что у вас имеется мне сказать?

— Я бы осведомилась, почему мы связаны таким образом? — Джессика жестом указала на шигавир.

— Мы только что получили донесения из Арракиса, объясняющие ваше присутствие здесь, — сказал Фарадин. — Возможно, мне вскоре придется вас освободить, — он улыбнулся. — Если вы... — он осекся, потому что через парадную дверь позади пленников вошла его мать.

Вэнсика торопливо прошла мимо Джессики и Айдахо, даже на них не взглянув, и вручив Фарадину кубик послания, включила его.Фарадин посмотрел на засветившуюся сторону, бросил мимоходом взгляд на Джессику, опять перевел глаза на кубик. Изображение померкло, и он вернул кубик матери, знаком показав ей, чтобы она передала послание Тайканику. Пока она передавала, он хмуро смотрел на Джессику.

Вскоре Вэнсика уже стояла справа от Фарадина, погасший кубик в ее руке частично был скрыт в складке ее белого платья.

— Бене Джессерит недоволен мной, — сказал Фарадин. — Они считают меня ответственным за смерть вашего внука.

Лицо Джессики не выразило никаких эмоций. Она подумала: «Значит, рассказу Ганимы нужно доверять, если только не...» Она не любила подозревать неизвестное.

Айдахо открыл глаза и, открыв их, взглянул на Джессику. Та продолжала смотреть на Фарадина неотрывным взором. Айдахо рассказал ей о своем видении Рхаджии, но она вроде бы, не обеспокоилась. Он не знал, к чему отнести ее отсутствие переживаний. Хотя она явно знает что-то, чего не открывает.

— Такова ситуация, — сказал Фарадин, и принялся рассказывать обо всем, что он знал о событиях на Арракисе, ничего не упуская. — Ваша внучка выжила, но она, судя по всему, под опекой леди Алии. Это должно вас радовать, — закончил он.

— Моего внука убил ты? — спросила Джессика.

Фарадин ответил правду:

— Нет. Недавно я узнал о заговоре, но затеян он был не мной.

Джессика взглянула на Вэнсику, увидела злорадство на ее лице сердечком и подумала: «Ее работа! Козни львицы ради своего львенка. Из тех игр, о которых львица может еще сильно пожалеть».

Вновь перенеся внимание на Фарадина, Джессика сказала:

— Но Сестры убеждены, что убил его ты.

Фарадин повернулся к матери:

— Покажи ей послание.

Поскольку Вэнсика заколебалась, он заговорил едва сдерживая гнев, что Джессика немедленно отметила, чтобы воспользоваться в будущем:

— Я сказал — покажи ей!

С бледным лицом Вэнсика поднесла рабочую поверхность кубика к глазам Джессики, включила его. По экранчику поплыли слова, скорость их прохождения соразмерялась с движением глаз Джессики: «Совет Бене Джессерит на Валлах Девятой выдвинул официальный протест против Дома Коррино за убийство Лито Атридеса II. Доводы и наличествующие улики направляются во Внутренний Комитет Безопасности Ландсраада. Будет выбрана нейтральная территория, имена

судей будут представлены на одобрение всем сторонам. Требуем вашего незамедлительного ответа. От Ландсраада, Сабит Рекуш».

Вэнсика вернулась и встала рядом с сыном.

— Как вы собираетесь ответить? — спросила Джессика.

Ответила Вэнсика:

— Поскольку мой сын не введен еще официально в ранг главы дома Коррино, я буду... Куда ты уходишь? — последнее адресовалось Фарадину, повернувшемуся и направившемуся к боковой двери возле бдительного немого.

Фарадин сделал паузу, затем полуобернулся:

— Назад к моим книгам и другим занятиям, которые для меня намного интереснее.

— Как ты смеешь? — вопросила Вэнсика, на лицо ее набежала мгновенная тень.

— Я очень немногое смею ради себя самого, — ответил Фарадин. — Ты от моего имени принимаешь решения — решения, которые я нахожу крайне противными. Либо с этого момента я сам буду принимать за себя решения — либо поищи Дому Коррино другого наследника!

Джессика, быстро переводившая взгляд с одного на другого участника стычки, увидела на лице Фарадина неподдельный гнев. Башар стоял, застыв по стойке «смирно», всем своим видом стараясь показать, что он ничего не слышал. Вэнсика заколебалась — на грани необузданной вспышки ярости. Фарадин вроде бы был совершенно не прочь против любого исхода своего хода ва-банк. Джессика даже восхитилась его позицией — улавливая в этой стычке многое, что могло оказаться для ее ценным. Похоже было, решение наслать на нее внуков тигров-убийц было принято без ведома Фарадина. Немного оставалось сомнений в правдивости его слов, что он узнал о заговоре только когда тот был уже запущен. Нельзя было ошибиться в истинности гнева в его глазах, пока он стоял, ожидая любого решения.

Вэнсика сделала глубокий дрожащий вздох. Затем:

— Очень хорошо. Официальное введение в должность состоится завтра. Можешь заранее действовать сейчас как наделенный всей полнотой власти, — она взглянула на Тайканика, спрятавшего от нее глаза.

«Между матерью и сыном будет яростная схватка, как только они выйдут отсюда, — подумала Джессика. — Но я верю, что победит он». Она вернулась мыслями к посланию Ландсраада. Бене Джессерит рассылал свои весточки с

тонкостью, делавшей честь их продуманной расчетливости. Под оболочкой официального протеста скрывалось послание для глаз Джессики. Сам факт послания говорил, что шпионы Сестер знают о положении Джессики — и что Бене Джессерит сверхточно оценивает Фарадина в своем предположении, что он покажет это послание своей пленнице.

— Я бы хотела получить ответ на свой вопрос, — обратилась Джессика к Фарадину, когда тот вернулся и вновь оказался лицом к лицу с ней.

— Я сообщу Ландсрааду, что не имею ничего общего с убийством, — ответил Фарадин. — Я добавлю, что разделяю глубокое отвращение Сестер к тому, как это было сделано, хотя и не могу быть от всей души огорчен исходом. Приношу мои извенения за всю скорбь, которую это, может быть, вам причиняет. От судьбы не уйдешь.

«От судьбы не уйдешь!» — это было любимой присказкой ее Герцога, и что-то в интонации Фарадина показывало, что это было ему известно. Она заставила себя исключить вероятность того, что Лито действительно убит. Она должна считать страхи Ганимы за Лито полностью обнажившимся замыслом близнецов. А тогда, контрабандисты обеспечат встречу Гурни и Лито, и в ход будут пущены механизмы Бене Джессерит. Лито должен будет пройти испытание. Должен. Без испытания он обречен, как Алия. А Ганима... Что ж, это можно рассмотреть потом. Нет способа направить предрожденных к Преподобной Матери Гаиус Хэлен Моахим.

Джессика глубоко вздохнула.

— Раньше ли, позже, — сказала она, — кому-нибудь придет в голову, что ты и моя внучка могли бы объединить два Дома и залечить старые раны.

— Это было мне уже упомянуто, в одной из вероятностей, — Фарадин быстро глянул на мать. — Я ответил, что предпочту подождать исхода последних событий на Арракисе. Нет надобности в поспешных решениях.

— И никуда не денется вероятность того, что ты уже сыграл на руку моей внучке, — сказала Джессика.

Фарадин напрягся.

— Объясните.

— Дела на Арракисе не таковы, какими могут тебе показаться, — проговорила Джессика. — Алия играет свою собственную игру. Игру Богомерзости. Моя внучка в опасности — если только Алия не себе на уме, как ее можно использовать.

— Вы хотите, чтобы я поверил, будто вы и ваша дочь противостоите друг другу, будто Атридесы сражаются против Атридесов?

Джессика поглядела на Вэнсику, затем опять на Фарадина.

— Коррино ведь сражаются против Коррино.

Губы Фарадина тронула кислая улыбка.

— Хорошо поддели. И как же я сыграл бы на руку вашей внучке?

— Оказавшись замешанным в смерти моего сына и в похищении меня.

— В похищении... .

— Не доверяй этой ведьме, — предостерегла Вэнсика.

— Я выберу, кому доверять, мама, — ответил Фарадин. — Простите меня, леди Джессика, но насчет похищения я не понимаю. Я так понял, что вы и ваш верный вассал...

— Являющийся мужем Алии, — проговорила Джессика.

Фарадин смерил Айдахо оценивающим взглядом и повернулся к Башару:

— Что думаешь, Тайк?

Мысли Башара явно были сходны с высказанными Джессикой.

— Мне нравятся ее доводы. Осторожность! — сказал он.

— Он — гхола-ментат, — проговорил Фарадин. — Даже подвергнув его смертельному испытанию, мы можем и не получить определенного ответа.

— Но предположение, что нас, вполне возможно, провели, вполне достоверно, — сказал Тайканик.

Джессика поняла, что настал момент сделать свой ход. Если только печаль Айдахо заставит его и дальше держаться в пределах раз выбранной им роли. Ей не хотелось использовать его таким образом, но были более важные соображения.

— Начать с того, — сказала Джессика, — что я могу открыто заявить: я прибыла сюда по собственному свободному выбору.

— Интересно, — сказал Фарадин.

— Вам бы надлежало доверять мне и предоставить мне полную свободу на Салузе Второй, — сказала Джессика. — Никак нельзя по мне вообразить, будто я говорю по принуждению.

— Нет! — запротестовала Вэнсика.

Фарадин ее проигнорировал.

— Какие у вас есть доводы?

— То, что я полномочный представитель Бене Джессерит, посланный сюда, чтобы заняться твоим образованием.

— Но Сестры обвиняют...

— Это требует от тебя решительных действий, — сказала Джессика.

— Не доверяй ей! — провозгласила Вэнсика.

Фарадин, взглянув на нее, сказал с предельной учтивостью:

— Если ты еще раз меня перебьешь, мама, я велю Тайку тебя удалить. Он слышал, как ты согласилась на мое официальное введение в права. А это переподчиняет его МНЕ.

— Она ведьма, говорю тебе! — Вэнсика поглядела на немого у стены.

Фарадин заколебался и спросил:

— А ты что думаешь, Тайк? Я околдован?

— По моему разумению, нет. Она...

— Вы оба околдованы!

— Мама, — тон его голоса был бесстрастен и окончателен.

Вэнсика стиснула кулаки, попробовала заговорить, развернулась всем телом и вылетела из помещения.

Опять обращаясь к Джессике, Фарадин спросил:

— Согласится ли с этим Бене Джессерит?

— Да.

Фарадин продумал все из этого вытекающее, натянуто улыбнулся.

— Чего Сестры хотят всем этим достичь?

— Твоего брака с моей внучкой.

Айдахо бросил на Джессику вопрошающий взгляд, шевельнулся, будто собираясь заговорить, но промолчал.

— Ты собирался что-то сказать, Данкан? — спросила Джессика.

— Я собирался сказать, что Бене Джессерит хочет того же, чего всегда хотела — такого миропорядка, который бы им не докучал.

— Очевидное предположение, — сказал Фарадин. — Но не понимаю, почему ты с ним вклинился.

Путы шигавира не позволяли Айдахо пожать плечами, поэтому он только поднятием бровей обозначил этот жест. И улыбнулся смущенно.

Фарадин, увидевший улыбку, резко повернулся к Айдахо:

— Я тебе смешон?

— Мне вся ситуация смешна. Кто-то из твоей семьи договорился с Космическим Союзом, чтобы они доставили на Арракис орудия убийства, орудия, предназначение которых невозможно было скрыть. Ты оскорбил Бене Джессерит, убив того, кого они хотели для своей программы разви...

— Ты называешь меня лжецом, гхола?

— Нет. Я верю, что ты не знал о заговоре. Но я подумал, что ситуацию нужно навести на фокус.

— Не забывай, что он ментат, — предупредила Джессика.

— Именно об этом я и думаю, — Фарадин опять повернулся к Джессике. — Допустим, я освобожу вас, и вы выступите со своим заявлением. Все равно останется дело о смерти вашего внука. Ментат прав.

— Это сделала твоя мать? — спросила Джессика.

— Милорд! — остерег Тайканик.

— Все в порядке Тайканик, — Фарадин непринужденно махнул рукой. — А если я скажу, что это моя мать?

Рискнув проверить, насколько глубока внутренняя трещина между Коррино, Джессика сказала:

— Ты должен осудить ее и изгнать.

— Милорд, — сказал Тайканик. — Здесь могут быть плутни внутри плутен.

— И если кто стал их жертвой, то это мы с леди Джессикой, — сказал Айдахо.

У Фарадина подобралась челюсть.

А Джессика подумала: «Не вмешивайся, Данкан! Не сейчас!» Но слова Данкана привели в действие ее собственные логические способности Бене Джессерит. Он ее потряс. Она начала сомневаться, возможно ли, что ее используют таким образом, которого она не понимает. Ганима и Лито... Предрожденные способны черпать из внутреннего опыта бесчисленных существований, их запасник, в котором можно найти совет, намного просторней, чем тот, от которого зависит любая из живущих Бене Джессерит. И есть еще один вопрос: совершенно ли были с ней откровенны ее же Сестры? Они могли до сих пор ей не доверять. В конце концов, она однажды их предала... ради своего Герцога.

Фарадин, недоуменно нахмурясь, посмотрел на Айдахо.

— Ментат, мне нужно знать, что значит для тебя этот Проповедник.

— Он устроил наше прибытие сюда. Я... Мы не перемолвились и десятью словами. Другие действовали от его имени. Он вполне может быть Полом Атридесом, но у меня недостаточно данных для полной уверенности. Все, что я знаю наверняка — для меня наступило время удалиться, и у него были для этого средства.

— Ты говоришь, что тебя околпачили, — напомнил Фарадин.

— Алия рассчитывает, что ты нас тихо убьешь и скроешь все концы в воду, сказал Айдахо. — Избавив ее от леди Джессики, я перестал быть ей полезен. А леди Джессика, отслужив целям Сестер, бесполезна для них. Алия призовет к ответу Бене Джессерит, но она проиграет.

Джессика, сосредоточиваясь, закрыла глаза. Он прав! Она слышала в его голосе твердость ментата, глубокую убежденность в каждом делаемом заявлении. Все сходилось тютелька в тютельку, без зазора. Она два раза глубоко вздохнула, вошла в мнемонический транс, прокрутила все данные в своем мозгу, вышла из транса, открыла глаза. Все это она проделала, пока Фарадин переходил от нее к Данкану и остановился в полушаге перед ним — расстояние не более трех шагов.

— Не говори больше ничего, Данкан, — сказала Джессика, горестно припомнив, как Лито предостерегал ее против методики Бене Джессерит.

Готовый заговорить, Айдахо закрыл рот.

— Здесь распоряжаюсь я, — сказал Фарадин. — Продолжай, ментат.

Айдахо безмолвствовал.

Фарадин полуобернулся и изучающе посмотрел на Джессику.

Она смотрела застывшим взглядом на точку на дальней стене, обдумывая то, что сложилось в цельную конструкцию благодаря Айдахо и трансу. Бене Джессерит, конечно же, не отверг род Атридес. Но Бене Джессерит хотел контролировать Квизац Садераха, и слишком много они вложили в длительную программу развития. Они хотели открытого столкновения между Атридесами и Коррино — ситуация, в которой они могли бы выступить арбитрами. Они бы взяли под свой контроль и Ганиму, и Фарадина. Это был единственный вероятный компромисс. Удивительно, что Алия этого не разглядела. Джессика сглотнула, снимая напряженность в горле. Алия... Богомерзость! Ганима права, ее жалея. Но кто пожалеет Ганиму?

— Бене Джессерит пообещал возвести тебя на трон, и Ганиму тебе в супруги, — сказала Джессика.

Фарадин сделал шаг назад. Эта ведьма что, мысли читает?

— Они действовали в тайне и не через твою мать, — продолжила Джессика. — Они сообщили тебе, что я не посвящена в их план.

Лицо Фарадина выдало все без утайки. До чего же он открыт. Но, значит, вся конструкция — правда. Айдахо

продемонстрировал великолепное владение своим ментатным сознанием, и с помощью доступных ему ограниченных данных насквозь видел всю подоплеку.

— Значит, они вели двойную игру и рассказали тебе, — сказал Фарадин.

— Они мне ничего этого не рассказали, — ответила Джессика. — Данкан прав — они меня надули, — и кивнула самой себе. Классическая акция замедленного действия по традиционному образцу Сестер — правдоподобная история, легко проглатываемая, поскольку соответствует тому, во что можешь поверить относительно их мотивов. Но они хотели убрать Джессику с дороги — подпорченную Сестру, которая однажды их подвела.

Тайканик подошел к Фарадину:

— Милорд, эти двое слишком опасны, чтобы...

— Погоди немного, Тайк, — ответил Фарадин. — Здесь есть планы внутри планов, — он повернулся лицом к Джессике. — У нас есть основания полагать, что Алия может предложить себя мне в невесты.

Айдахо непроизвольно дернулся, сдержал себя. Из его левого запястья, рассеченного шигавиром, закапала кровь.

Джессика позволила себе лишь широко открыть глаза в качестве короткого ответа. Она, знавшая первого Лито как любовника, отца ее детей, наперстника и друга, видела теперь, как присущий ему холодный расчет просачивается сквозь метания Богомерзости.

— Ты примешь это предложение? — спросил Айдахо.

— Оно рассматривается.

— Данкан, я велела тебе молчать, — сказала Джессика. И обратилась к Фарадину. — Ценой ее будут две незначительные смерти — нас двоих.

— Мы подозревали предательство, — сказал Фарадин. — Разве не твой сын сказал, что «предательство взращивает предательство?»

— Бене Джессерит рвется взять под контроль и Атридесов, и Коррино, — сказала Джессика. — Разве это не ясно?

— Мы играем теперь с идеей принять ваше предложение, леди Джессика, но Данкана Айдахо следует отослать назад, к любящей жене.

«Боль — это функция нервов», — напомнил себе Айдахо. «Боль приходит, как в глаза входит свет. Усилие происходит из мускулов, а не из нервов». Это было то, что зазубривали ментаты при выучке, и Айдахо произнес это от начала до

конца на одном дыхании, изогнул правое запястье и рассек его шигавиром.

Тайканик кинулся к креслу, разомкнул замок, убирая путы, призывая во весь голос врачебную помощь. И сразу же — из дверей, скрытых в панелях стен, — густой толпой сбежались помщники.

«Всегда Данкан был немножко с придурью», — подумала Джессика.

Фарадин с секунду внимательно смотрел на Джессику, пока врачи занимались Данканом.

— Я не сказал, что собираюсь принять его Алию.

— Он не поэтому разрезал себе запястье, — сказала Джессика.

— Да? Я думал, он просто пошевельнулся.

— Ты не настолько глуп, — возразила Джессика. — Перестань со мной притворяться.

Фарадин улыбнулся.

— Я отлично понимаю, что Алия меня уничтожит. Никто, даже Бене Джессерит, не вправе рассчитывать, что я приму ее предложение.

Джессика смерила Фарадина пристальным взглядом. Каков он из себя, молодой отпрыск Дома Коррино? Дурака он изображает не слишком хорошо. И опять она припомнила слова Лито, что она получит интересного ученика. И, по словам Айдахо, этого же хотел и Проповедник. Хотелось бы ей встретиться с этим Проповедником.

— Ты вышлешь Вэнсику в изгнание? — спросила Джессика.

— Вроде бы разумная сделка, — ответил Фарадин.

Джессика взглянула на Айдахо. Врачи с ним закончили. Теперь в обтекаемом кресле его удерживали менее опасные путы.

— Ментатам следует остерегаться абсолютностей, — сказала она.

— Я устал, — ответил Айдахо. — Ты даже не представляешь, как я устал.

— Даже верность в конце концов изнашивается, если ее чересчур эксплуатируют, — сказал Фарадин. — Я принимаю ваше предложение на ваших условиях, — он сделал знак немому у стены, щелкнув пальцами. Немой кивнул. Фарадин наклонился к системе управления креслом и освободил Джессику.

— Милорд, вы уверены? — спросил Тайканик.

— Разве это не то, что мы обсуждали? — вопросом на вопрос ответил Фарадин.

— Да, но..

Фарадин хмыкнул и обратился к Джессике:

— Тайканик не доверяет моим источникам. Но из книг и катушек учишься лишь тому, что то-то и то-то может быть сделано. Действительное обучение требует, чтобы ты сделал это на деле.

Джессика задумалась над этим, вставая из кресла. Мысли ее вернулись к сигналам руки Фарадина. Его боевой язык настолько был в стиле Атридесов! Это указывало на тщательный анализ. Кто-то здесь сознательно подражал Атридесам.

— Ты, конечно, захочешь, чтобы я обучила тебя так, как учат в Бене Джессерит? — спросила Джессика.

Фарадин ликующе ей улыбнулся.

— Именно то предложение, перед которым я не могу устоять, — сказал он.

Пароль был сообщен мне человеком, умершим в темницах Арракина. Видишь ли, это там я получил это кольцо в виде черепахи. За городом был САК, где меня спрятали мятежники. Пароль? О, с тех пор он менялся множество раз. Был он: «Настойчивость». А отзыв: «Черепаха». Они и вывели меня оттуда живым. Вот почему я ношу это кольцо: оно мне служит напоминанием.

Тагир Мохандис. Беседы с другом.

Лито был далеко в песках, когда услышал, как сзади к нему приближается червь, привлеченный тампером и запахом спайсовой пыли, которую Лито рассеял вокруг мертвых тигров. Хорошая примета в начале их плана — чаще всего черви бывали очень редкими в этих местах. Червь не то что был важен позарез, но очень в помощь. Ганиме не понадобится объяснять исчезновение тела.

К этому времени, он знал, Ганима уже внушила себе веру, что он мертв. Лишь крохотная изолированная капсулка осталась в ее сознании, наглухо запечатанная память, которую отворят лишь слова, произнесенные на древнем языке, известном только им двоим во всем космосе. «Зехер Нбиу». Если она услышит эти слова: «Золотая Тропа»... лишь тогда она его вспомнит. До тех пор — он мертв.

Теперь Лито и вправду был одинок.

Он припустил беспорядочным шагом, шум от которого

воспроизводил естественные шумы пустыни. Ничто в его передвижении не поведает червю, что здесь движется человек. Так глубоко был заложен в Лито подобный способ ходьбы, что ему не надо было следить за собой. Ноги шли сами по себе, не допуская никакой размеренности и ритмичности. Любой звук из-под его ноги мог быть приписан ветру, самоосыпанию песка. Нет, никакой человек здесь не идет.

Когда червь позади него закончил свою работу, Лито скрючился за дюной, вглядываясь в его сторону. В сторону Спутника. Да, он от него достаточно далеко. Лито установил тампер, — призывая свое средство к передвижению. Червь подоспел так быстро, что Лито едва успел занять нужную позицию до того, как червь поглотил тампер. Когда червь шел мимо, Лито забрался на него по крючьям Создателя, раздвинул чувствительную направляющую кромку кольца и направил неразумное животное к юго-востоку. Червь был небольшой, но сильный. Лито ощущал мощь в его изгибах, пока тот со свистом скользил по песку.

Дул попутный ветер, Лито ощущал исходивший от червя жар от трения, благодаря которому внутри червя начинал образовываться спайс.

По мере продвижения червя, путешествовал и ум Лито. В первую поездку на черве его брал с собой Стилгар. Лито надо было только позволить своей памяти течь свободно, ему становился слышен голос Стилгара: мягкий и точный, полный вежливости, из другого века. Не для Стилгара — угрожающе раскачиваться после спайсовой попойки, не тот это Свободный. Громкий голос и неистовства времен нынешних — тоже не для него. Нет — Стилгар блюдет свой долг. Он — наставник царственных отпрысков: «В древние времена птицам давались имена по их песням. У каждого ветра было свое имя. Ветер в шесть щелчков назывался Пастаза, в двадцать щелчков — Куэшма, в сто щелчков — Хейнале, толкатель людей. Затем был ветер демона открытой пустыни — Хулазикале Вала, ветер, сжирающий плоть».

И Лито, уже все это знавший, кивком выразил свою благодарность мудрости подобных наставлений.

Но еще много чем мог полниться голос Стилгара.

«Были племена в древнее время, известные как охотники за водой. Их называли Идуали, что означает «водные насекомые», потому что эти люди не колебались отнимать воду у другого Свободного. Если они настигали тебя одного в пустыне, то не оставляли тебе даже воду твоего тела. И место,

где они обитали, называлось съетч Джакуруту. Затем другие племена объединились и уничтожили Идуали. Было это давным-давно, даже еще до Кайнза — в дни моего прапрадедушки. И с того дня вплоть до наших дней ни один Свободный не вступает в Джакуруту. Это табу».

Вот так Лито напоминали о знаниях, покоившихся в его памяти. Это был важный урок для понимания, как работает память. Одной памяти недостаточно, даже для того, чье прошлое так многолико, как у Лито, до тех пор пока не научишься ей пользоваться и не оценишь ее ценность беспристрастным судом. В Джакуруту будут вода, ловушка для ветра — все, чему положено быть в любом съетче, плюс несравнимая ценность того, что ни один Свободный никогда не отважится туда заглянуть. Многие из молодых даже не знают, что когда-то вообще существовало такое место, Джакуруту. Да, конечно, они знают о Фондаке, но ведь это — обиталище контрабандистов.

Идеальное место, чтобы спрятаться мертвому — среди контрабандистов и мертвых других времен.

«Спасибо тебе, Стилгар».

Перед зарей червь устал. Лито соскользнул с него и понаблюдал, как тот зарывается в дюны, со свойственной для этих животных медлительностью в таких случаях. Он уйдет вглубь, схоронить там свое дурное настроение.

«Я должен переждать день», — подумал Лито.

Он взошел на дюну и тщательно осмотрелся. Пустота, пустота, пустота. Только колышащийся след исчезнувшего червя — вот и все.

Тихий крик ночной птицы призвал первую зеленую линию света вдоль восточного горизонта. Лито зарылся в песок, затаиваясь, завернулся в стилтент и выставил наружу трубку пескошноркеля, чтобы дышать через нее.

Долгое время до того, как к нему пришел сон, он лежал в своей искусственной тьме, размышляя над принятым им с Ганимой решением. Он не все ей рассказал о своем видении, и не обо всех выводах, из этого видения вытекающих. Как он понимал сейчас, это было именно видение, а не сон. Но изюминка его была в том, что Лито видел как бы видение видения. Если существовали какие-то доводы, способные убедить его, что его отец жив, то они заключались в этом двухслойном видении.

«Жизнь пророка запирает нас в его видении, — думал Лито. И пророк может вырваться из этого видения, лишь

устроив себе такую смерть, которая этому видению противоречит». Именно так и явилось это в двойном видении Лито и, по его разумению, — это было связано со сделанным им выбором. «Бедный Иоанн Креститель, — думал он. — Если б только у него достало мужества умереть как-то иначе... Но, может быть, его выбор и был самым мужественным. Откуда мне знать, перед какими альтернативами он предстал? Хотя я знаю перед какими альтернативами стоял мой отец».

Лито вздохнул. Повернуться к отцу спиной — все равно, что предать Бога. Но нужно встряхнуть Империю Атридесов. В видении Пола она пала до самого худшего. Как же небрежно она стирает людей. Делается это без долгих размышлений. Главный завод религиозного безумия заведен до упора и оставлен тикать.

«И мы заперты в видении моего отца».

Путь из этого безумия лежит по Золотой Тропе, понимал Лито. Его отец это видел. Но человечество может сойти с Золотой Тропы и оглянуться вспять на времена Муад Диба, решив, что тогда было лучше. Хотя человечество должно либо испытать на себе альтернативу Муад Дибу, либо никогда не разобраться в своих собственных мифах.

«Безопасность... Мир... Процветание...»

Предложи выбор — и мало сомнений, что именно выберут большинство подданных Империи.

«Хотя они ненавидят меня, — думал он. — Хотя Гани возненавидит меня».

Его рука зачесалась, и он припомнил о той суровой рукавице, что виделась ему в двойном видении.

«Это будет, — подумал он. — Да, это будет».

«Арракис, дай мне силу», — взмолился он. Под ним и вокруг него его планета пребывала живой и сильной. Дюна была великаном, считающим свои нагроможденные богатства. Обманчивое существо — и прекрасное, и ужасно уродливое. Единственная монета, которую на самом деле знали купцы Дюны, — это ощущение власти, пульсирующей в их жилках, неважно, как эта власть приобретена. Они обладали этой планетой так, как мужчина мог овладеть пленницей, или как Бене Джессерит владел своими Сестрами.

Неудивительно, что Стилгар ненавидит жрецов-торговцев.

«Спасибо тебе, Стилгар».

Лито затем припомнил красоты прежних обычаев съет-

чей, ту жизнь, что была до прихода имперской технократии, и ум его унесся вдаль точно так же, как, он знал, уносились вдаль грезы Стилгара. До глоуглобов и лазеров, до орнитоптеров и спайсовых краулеров была совсем другая жизнь: смуглокожие матери с младенцами на их бедрах, светильники, светившие на спайсовом масле, посреди тяжелого аромата корицы, наибы, убеждавшие свои племена, потому что никого нельзя было заставить делать что-то по принуждению. Темное кишение жизни внутри скалистых впадин...

«Суровая рукавица восстановит баланс», — подумал Лито.

И вскоре он спал.

Я видел его кровь и кусок одеяния, оторванный острыми когтями... Его сестра живо описывала тигров и уверенную направленность в их нападении. Мы допросили одного из заговорщиков, остальные мертвы или в заточении. Все указывает на заговор Коррино. Показание мое удостоверяет Видящая Правду.

Доклад Стилгара комиссии Ландсраада.

Фарадин наблюдал за Данканом через систему слежения, ища ключ к поведению этого странного человека. Едва перевалило за полдень Айдахо ждал у аппартаментов, отведенных леди Джессике, желая быть принятым ею. Примет ли она его?

Фарадин находился в помещении, где Тайканик руководил подготовкой Лазанских тигров, — в незаконном помещении, по правде говоря, с запрещенными инструментами производства Тлейлакса и Икса. С помощью переключателей под своей правой рукой Фарадин мог видеть Айдахо с шести разных точек зрения, либо переключаться на аппартаменты леди Джессики, где тоже были вмонтированы следящие устройства.

Глаза Айдахо нервировали Фарадина. Эти утопленные в глазницах металлические орбиты, которые вставляли на Тлейлаксе гхолам, заново рожденным в чанах, становились отчетливым выражением полного отличия их обладателя от всего остального человечества. Фарадин коснулся своих собственных век, ощутил твердые контактные линзы, которые он носил постоянно, чтобы скрыть свидетельство своей наркотической приверженности спайсу — полностью голу-

бые глаза. Глаза Айдахо наверняка видят мир совсем по-другому. Фарадина так и подмывало обратиться к хирургам Тлейлакса — чтобы на собственном опыте получить ответ на этот вопрос.

Почему Айдахо пытался себя убить?

И действительно ли он пытался сделать именно это? Он ведь должен был понимать, что мы ему не позволим.

Айдахо остается опасным знаком вопроса.

Тайканик хотел оставить его на Салузе или убить его. Может быть, так будет лучше всего.

Фарадин переключился на вид прямо спереди. Айдахо сидел на жесткой скамье перед дверью в аппартаменты леди Джессики, в фойе без окон и со стенами светлого дерева, украшенными пиками с вымпелами. Айдахо провел на этой скамье более часа и, похоже, готов ждать целую вечность. Фарадин наклонился вплотную к экрану. Верный мечевластитель Атридесов, наставник Пола Муад Диба, пользовался в свое время на Арракисе хорошей репутацией. Когда он прибыл сюда — в походке его была весенняя пружинистость юности. Наверняка, твердая спайсовая диета этому способствовала. И чудесный обмен веществ, всегда закладывавшийся в чанах Тлейлакса. Действительно ли Айдахо помнит свое прошлое до этих чанов?

В библиотеке были отчеты о его смерти. Зарубивший его сардукар засвидетельствовал его удаль: девятнадцать нападавших пали от руки Айдахо, прежде чем его удалось сразить. Девятнадцать сардукаров! Да, такое тело более чем заслуживало отправки в возрождающие чаны Тлейлакса. Но Тлейлакс сделал из него ментата. Что же за странное создание живет в этом регенерированном теле! Как это — ощущать себя человеком-компьютером, в добавление к прочим своим талантам?

Почему он пытался себя убить?

Фарадин знал свои собственные способности, и не питал насчет них особых иллюзий. Историк-археолог и знаток людей. Стать знатоком тех, кто будет ему служить, его заставила необходимость — необходимость и внимательное изучение Атридесов. Он рассматривал это как цену, всегда требуемую за высокородность. Править — это обязывает выносить точные и резкие суждения о тех, кто подчиняется твоей власти. Не один властитель пал из-за ошибок и крайностей своих подчиненных.

Внимательное изучение Атридесов выявило в них потря-

сающие способности в отборе слуг. Они знали, как поддерживать их верность, на какой тонкой кромке удерживать рвение своих воинов.

Айдахо действовал не в своем характере.

Почему?

Фарадин прищурился, пытаясь увидеть этого человека насквозь. От Айдахо веяло устойчивостью, ощущением,что этот человек просто не может сдать. Он производил впечатление выдержанности и самодостаточности — организованной и твердой целостности. Чаны Тлейлакса запустили в ход нечто больше человеческого. Фарадин это ощущал. Было что-то самообновляющееся в этом человеке, словно в нем действовали непреложные законы, что в каждом своем конце он находил свое новое начало. Он двигался по фиксированной орбите с такой же устойчивостью, с какой планета вращается вокруг светила. Никакое давление его не сломит — просто чуть сместит его орбиту, но не изменит в нем ничего действительно основополагающего.

Зачем он разрезал себе запястье?

Каким бы ни был его мотив — он сделал это ради Атридесов. Ради своего правящего Дома. Атридесы были тем светилом, вокруг которого пролегала его орбита.

Почему-то он убежден, что Атридесов усиливает то, что я удерживаю здесь леди Джессику.

И в это убежден ментат, напомнил себе Фарадин.

Это придавало мыслям Данкана добавочную глубину. Ментаты тоже ошибаются, но не часто.

Придя к этому заключению, Фарадин уже готов был послать своих слуг, чтобы увезти леди Джессику подальше от Айдахо. Он замер на пороге отдачи такого приказа — и отказался от него.

Оба они — и ментат, и эта колдунья Бене Джессерит — остаются фишками неизвестной стоимости в игре за власть. Айдахо следует отослать назад, потому что это наверняка не послужит спокойствию на Арракисе. Джессику нужно оставить здесь, выжать из нее все ее странные знания на благо Дома Коррино.

Фарадин понимал, в какую тонкую и смертоносную игру он играет. Но он многие годы готовил себя к такой вероятности, с тех самых пор, как осознал, что он более сообразителен и восприимчив, чем окружающие его. Для ребенка это стало пугающим открытием, и библиотека стала его убежищем не меньше, чем его учителем.

Хотя теперь его грызли сомнения, и он задавался вопросом, вполне ли он на уровне ведущейся игры. Он отстранил мать, лишился ее советов — но ее решения всегда были для него опасны. Тигры! Их дрессировка была злодеянием, а их использование было глупостью. Как легко было проследить, откуда они! Она должна быть благодарна, что наказана лишь изгнанием. Тут совет леди Джессикик точь-в-точь совпадал с его собственными нуждами. Она прямо создана для того, чтобы выдать на свет образ мышления Атридесов.

Его сомнения стали таять. Он подумал опять о своих сардукарах, становящихся все закаленней и неуступчивей в руководимых им суровых тренировках и через лишение всякой роскоши, о котором он распорядился. Его легионы сардукаров пока невелики, но каждый из бойцов опять стал ровней Свободному. Они мало пригодны, пока действуют ограничения Арракинского Договора, наложенные на численность его войск. Свободные возьмут числом — если только не будут связаны и обессилены гражданской войной.

Слишком рано еще для прямой схватки сардукаров со Свободными. Ему нужно время. Ему нужны новые союзники среди недовольных Великих Домов и набравших силу Малых. Ему нужен доступ к финансированию КХОАМ. Ему нужно время, чтобы Сардукары усилились, а Свободные ослабли.

И опять Фарадин посмотрел на экран — все та же картина терпеливого гхолы. Почему Айдахо понадобилось именно сейчас видеть леди Джессику? Он ведь знает, что за ними следят, что каждое слово, каждый жест будут записаны и проанализированы.

Почему?

Фарадин отвел глаза от экрана, взглянул на бортик своей контрольной панели. В бледном электронном свете он мог различить катушки с последними донесениями с Арракиса. Его шпионы повсюду — надо отдать им должное. Многое в их той странно отредактированной форме, которую он сам выкраивал из донесений ради собственного пользования:

«Поскольку планета сделалась плодородной, Свободные избавились от земельных ограничений, и их новые сообщества утрачивают традиционный характер твердынь-съетчей. В прежней съетчевой культуре Свободные с малолетства усваивали назубок: «Являясь основой твоего собственного существования, съетч создает твердую базу, откуда ты выходишь в мир и в космос».

Традиционные Свободные говорят: «Ищи Массиф», имея в виду, что основополагающая наука — Закон. Но новая социальная структура избавляется от этих прежних утвержденных ограничений, дисциплина разбалтывается. Новые вожди Свободных знают только Низкий Катехизис предков плюс историю, закамуфлированную в их песнях под структуру мифа. Старый народ съетчей более дисциплинирован, более склонен к совместным действиям и к более тяжелой работе — они более осторожны со своими запасами. Старый народ все еще верит, что упорядоченное общество есть завершение личности. Молодые все больше отходят от этого верования. Сохраняющиеся еще немногие представители старой культуры смотрят на молодых и говорят: «Ветер смерти источил их прошлое».

Фарадину нравилась отточенность его выжимки. Новые различия на Арракисе могли привести только к насилию. Главные концепции были твердо определены в катушках:

«Религия Муад Диба находит твердую основу в старой культурной традиции съетча у Свободных, в то время как новая культура отходит все дальше и дальше от этих порядков».

И не впервые Фарадин задался вопросом, почему Тайканик ударился в эту религию. Странно вел себя Тайканик, со своей новой моралью. Он казался совершенно искренним, но словно увлекаемый против своей воли. Тайканик был похож на того, кто ступил внутрь вихря, чтобы испытать его, и теперь пойман неподвластными ему силами. Обращение Тайканика раздражало Фарадина своей характерной полнотой. Это было возвращение к очень старым обычаям сардукаров. Ему хотелось, чтобы и молодые Свободные могли еще обратиться по сходному пути, чтобы возобладали врожденные, укоренившиеся традиции.

И опять Фарадин подумал об этих катушках с донесениями. В них говорилось о беспокоящей вещи: о настойчиво сохраняющемся с самых древних времен Свободных культурном пережитке — «Воде Зачатия». Сходившие при родах воды собирались и сохранялись, перегонялись в чистую воду, которой впервые поили новорожденного. Традиционная форма требовала, чтобы воду дала ребенку крестная мать, приговаривая: «Это вода твоего зачатия». Даже молодые Свободные соблюдали эту традицию, совершая этот обряд со своими новорожденными.

Фарадина мутило от одной мысли о том, чтобы пить воду,

выгнанную из жидкости, в которой он был выношен. И он подумал об уцелевшей двойняшке, Ганиме, — ее мать была уже мертва, когда она пила эту странную воду. Задумывалась ли она позднее над этим причудливым звеном, связанным с ее прошлым? Вероятно, нет. Она же воспитания Свободных. То, что для Свободных естественно и приемлемо — естественно и приемлемо и для нее.

На мгновение Фарадин пожалел о смерти Лито II. Было бы интересно обсудить с ним этот пункт. Может, предоставится возможность обсудить это с Ганимой.

«Почему Айдахо разрезал свои запястья?»

Вопрос настойчиво возвращался всякий раз, когда Фарадин взглядывал на следящий экран. Опять на него напали сомнения. Как же ему хотелось обладать способностью впадать в этот таинственный спайсовый транс — подобно Муад Дибу — чтобы прозреть будущее и ЗНАТЬ ответы на свои вопросы. Но, сколько бы спайса он ни поглощал, его обыкновенное сознание упорствовало в прикованности к единичному СЕЙЧАС, отражая целый мир неясностей.

На следящем экране появилась служанка, открыла дверь леди Джессики. Она поманила Айдахо, тот встал со своей скамьи и прошел в дверь. Служанка позднее предоставит полный отчет, но у Фарадина опять крайне разгорелось любопытство, он коснулся другой кнопки на пульте, увидел, как Айдахо входит в гостиную аппартаментов леди Джессики.

Каким же тихим и выдержанным кажется этот ментат. И до чего же бездонны его глаза гхолы.

И свыше всего остального, ментат должен не специализировать, а обобщать. Есть мудрость в том, чтобы решения великих моментов принимались обобщателями. Узкие знатоки и специалисты быстро направят вас в хаос. Они — источники бесполезного крохоборства, яростных пререканий из-за запятых. С другой стороны, ментат-обобщатель должен привносить в свой процесс принятия решений обычный здравый смысл. Он не должен отсекать себя от широкого размаха того, что происходит в мироздании. Он должен оставаться в состоянии сказать: «На данный момент в этом нет никакой настоящей загадки. Вот то, что мы сейчас хотим. Позже это может оказаться неверным, но мы это поправим, когда до того

дойдет». Ментат-обобщатель должен понимать: все, что мы можем идентифицировать как наш мир, есть всего лишь часть большого явления. Но специалист смотрит вспять — он смотрит внутрь узких стандартов своей специальности. Обобщающий смотрит вперед — он ищет живые принципы, полный знания о том, что такие принципы меняются, что они развиваются. Ментат должен вглядываться в характеристики самого изменения как такового. Не может быть постоянного каталога такого изменения, руководства по нему или справочника. Ты должен взирать на него как можно с меньшим количеством предубеждений, спрашивая себя: «И что же с этим делается сейчас?»

Карманная книга Ментата.

Был день Квизац Садераха, первый из Святых Дней для последователей Муад Диба, день признания обожествлен-ного Муад Диба, того, кто находится повсюду одновременно, Бене Джессерит мужского рода, в котором мужское и женское наследие слились в неразделимую силу, чтобы стать Одним-во-Всем. Верующие называли этот день «айил», «жертвоприношение» в почитание памяти о его смерти, сделавшей его присутствие «повсюду настоящим».

Проповедник выбрал раннее утро этого дня, чтобы опять появиться на площади перед храмом Алии, пренебрегая приказом о своем аресте, об отдаче которого было известно всем. Хрупкое перемирие сохранялось между Жречеством Алии и мятежными племенами из пустыни, но перемирие это ощущалось в Арракине как нечто до осязаемости явно наполняющее всех беспокойством. Присутствие Проповедника усугубляло это чувство.

Был двадцать восьмой день официального траура по сыну Муад Диба, шестой после поминального обряда в Старом проходе, из-за мятежа, состоявшегося позже положенного. Хотя даже военные действия не остановили Хадж. Проповедник знал, что площадь в этот день будет битком набита народом. Большинство паломников старались спланировать свое путешествие на Арракис так, чтобы застать Айил, «ощутить святое присутствие Квизац Садераха в Его день».

Проповедник вошел на площадь с первым рассветом, и площадь уже была заполнена верующими. Он небрежно держал руку на плече юного проводника, и ощущал в поступе того циничную гордость. Теперь при появлении Проповедника люди подмечали каждый нюанс его поведения. Такое

внимание было не столь уж неприятным юному поводырю. Проповедник просто принимал его как неизбежное.

Заняв позицию на третьей ступене храма, Проповедник подождал, пока уляжется шум. Когда по толпе волной разлилось безмолвие, и стали слышны торопливие шаги тех, кто тоже спешил на площадь послушать, он откашлялся. Вокруг него еще стоял утренний холод, свет из-за горных вершин еще не заполнил площадь. Он ощутил пасмурное молчание огромной площади и заговорил.

— Я пришел воздать дань почтения и проповедывать в память Лито Атридеса II, — провозгласил он голосом столь сильным, что напомнил голос песчаного червя в пустыне. — Я делаю это из сочувствия ко всем страдающим. Говорю вам то, что умерший Лито познал, что завтра еще не наступило и может никогда не наступить. Здесь и сейчас — вот единственные доступные нам для нашего обозрения время и место в нашем мироздании. Говорю вам — впитывайте этот момент, понимайте, чему он учит. Говорю вам, усвойте, что мужание и смерть правительства так же явны, как мужание и смерть его подданных.

По площади прошел встревоженный ропот. Не смеется ли он над смертью Лито II? Интересно, не сейчас ли Храмовые Стражи накинутся и схватят Проповедника?

Алия знала, что такого не будет. Это был ее приказ на сегодня: оставить Проповедника в покое. Она укрылась под хорошим стилсьютом, маска влагоуловителя скрывала ее нос и рот, и под общепринятым плащом с капюшоном спрятались ее волосы. Она стояла во втором ряду от Проповедника, внимательно за ним наблюдая. Пол ли это? Годы могли изменить его именно так. И он всегда идеально владел Голосом — так что трудно опознать его по речи. Этот Проповедник делал с голосом все, что хотел. У Пола бы не получилось лучше. Она чувствовала, что должна установить его личность, прежде чем предпринимать действия против него. Как же его слова ее ошарашили!

В заявлении Проповедника она не ощутила никакой иронии. Он пользовался соблазняющей привлекательностью четких формулировок, провозглащаемых с забирающей искренностью. Люди лишь на момент могли споткнуться, ухватывая смысл его слов — и осознать, что он и предполагал заставить их споткнуться, в такой манере их наставляя. Он, разумеется, уловил реакцию толпы и сказал:

— Ирония часто маскирует неспособность выйти за-

пределы собственных самонадеянных убеждений. Я не иронизирую. Ганима сказала вам, что кровь ее брата не может быть смыта. Я согласен.

Да будет сказано, что Лито ушел туда же, куда и его отец, сделав то же самое, что его отец совершил. Церковь Муад Диба говорит, что ради собственной человечности он выбрал курс, который может показаться нелепым и сумасбродным, но который оценит история. Что история переписывается даже сейчас.

Говорю вам, что есть и еще урок, который нужно усвоить из этих жизней и этих завершений.

Алия, зорко следившая за каждым нюансом, задалась вопросом, почему он сказал «завершений», а не «смертей». Имел ли он в виду, что один из них — или оба — на самом деле не мертвы? Как такое может быть? Видящая Правду подтвердила рассказ Ганимы. Что же тогда делает этот Проповедник? Говорит он о мифе или реальности?

— Хорошенько заучите этот урок! — прогремел Проповедник, воздевая руки. — Если хотите быть человечными, позвольте в мире идти все в нем как идет!

Он опустил руки и направил пустые глазницы прямо на Алию. Казалось, он разговаривает лично с ней, и настолько это было заметным, что некоторые вокруг обернулись и вопрошающе поглядели в ее направлении. Алия содрогнулась перед силой этого человека. Это вполне мог быть Пол. Вполне!

— Но я понимаю, что люди не могут вынести слишком много реальности, — сказал он. — Большинство жизней — это бегство от самого себя. Большинство предпочитает истину конюшен. Вы просовываете ваши головы между столбами и удовлетворенно чавкаете, пока не умрете. Другие используют вас для своих целей. Ни разу вам не жить вне конюшни, подняв голову и став хозяином самому себе. Муад Диб пришел сказать вам об этом. Без понимания его послания вам нельзя его чтить!

Кто-то в толпе — возможно, переодетый жрец — больше не мог вынести. Криком взметнулся его хриплый мужской голос:

— Ты не живешь жизнью Муад Диба! Как смеешь ты учить других, как именно им надо его почитать!

— Потому что он мертв! — проревел Проповедник.

Алия обернулась посмотреть, кто бросил вызов Проповеднику. Человек этот был от нее закрыт, но поверх мешающих его увидеть голов взвился следующий его выкрик:

— Если ты веришь, что он воистину мертв, то с этого времени ты одинок!

Наверняка, жрец, подумала Алия. Но не могла опознать его голоса.

— Я всего лишь задам простой вопрос, — сказал Проповедник. — Должно ли за смертью Муад Диба последовать моральное самоубийство всех людей? Это ли неизбежное последствие Мессии?

— Значит, ты признаешь его Мессией! — выкрикнул голос.

— Почему нет, раз я пророк его времени? — вопросил Проповедник.

В его голосе и манере было столько спокойной уверенности, что даже бросивший ему вызов замолк. Толпа откликнулась обеспокоенным ропотом, тихим животным гулом.

— Да, — повторил Проповедник. — Я — пророк его времен.

Алия, сосредоточенная на нем, подметила тонкие модуляции Голоса. Прошел ли он подготовку Бене Джессерит? Не еще ли одна хитрость Защитной Миссионерии? Вовсе не Пол, а еще одно составляющее бесконечной борьбы за власть?

— Я четко представляю миф и мечту! — вскричал Проповедник. — Я — тот врач, что принимает роды и провозглашает, что ребенок родился! А еще я прихожу к вам во время смерти. Разве это вас не тревожит? Этому бы следовало потрясти ваши души.

Хоть разозлившись на его слова, Алия все равно поняла, куда он метит своими речами. Она обнаружила, что вместе с другими подалась еще ближе вперед к этому высокому человеку в облачении пустынника. Внимание ее привлек его юный поводырь — как же он востроглаз и, похоже, нахален! Стал бы Муад Диб нанимать такого циничного юнца?

— Я и хочу вас встревожить! — проорал Проповедник. — В этом мое намерение! Я пришел сюда сразиться с мошенничеством и иллюзиями вашей общепринятой и установившейся религии! Как и со всеми такими религиями, ваша движется в трусость — движется в посредственность, инерцию и самоудовлетворенность.

В центре толпы стал подниматься сердитый ропот.

Алия ощутила напряжение, и злорадно подумала, не вспыхнут ли беспорядки. Сможет ли Проповедник справиться с этим напряжением? Если нет, он умрет прямо здесь!

— Ты, жрец, меня оспаривавший! — провозгласил Проповедник, указывая в толпу.

ОН ЗНАЕТ, подумала Алия. По ней пробежал трепет, почти сексуальный по скрытым своим оттенкам. Проповедник играет в опасную игру — но играет в нее просто мастерски!

— Ты, жрец в своей муфти, — окликнул Проповедник. — Ты — капеллан самоудовлетворенных. Я пришел бросить вызов не Муад Дибу, а тебе! Действительна ли твоя религия, когда она тебе ничего не стоит и не несет для тебя опасности? Действительна ли твоя религия, если ты жиреешь на ней? Как это сталось, что вы дегенерируете, скатываясь вниз от первоначального откровения? Ответь мне, жрец!

Но жрец промолчал в ответ. И Алия отметила, что толпа вновь с алкающей покорностью прислушивается к каждому слову Проповедника. Напав на Жречество, он обрел ее сочувствие! И, если верить ее шпионам, большинство пилигримов и Свободных Арракиса верят, что это — Муад Диб.

— Сын Муад Диба рискнул! — вскричал Проповедник, и Алия услышала слезы в его голосе. — Муад Диб рискнул! Они уплатили свою цену! И чего же достиг Муад Диб? Религии, с ним расправляющейся!

«Очень важно, произносит эти слова сам Пол или нет, — подумала Алия. — Я должна выяснить!»

Она продвинулась еще ближе, и остальные двинулись вместе с ней. Она протиснулась сквозь толпу к таинственному пророку настолько, что могла бы почти коснуться его. От него пахло пустыней, смешанным запахом спайса и кремня. И Проповедник, и его юный поводырь были покрыты пылью, как будто совсем недавно вышли из бледа. Руки Проповедника, насколько они были ей видны, вплоть до тугих манжет его стилсьюта, были венозными. На одном из пальцев левой руки он некогда носил кольцо — вмятина оставалась. Пол носил кольцо как раз на этом пальце — Ястреб Атридесов — покоящееся теперь в съетче Табр. Его бы получил Лито, останься он жив... или позволь ему Алия взойти на трон.

И опять Проповедник устремил пустые глазницы на Алию и заговорил лично с ней — но голосом, разносящимся надо всей толпой.

— Муад Диб показал вам две вещи: несомненное будущее и сомнительное будущее. С полным осознанием он сошелся лицом к лицу с конечной сомнительностью большого мироз-

дания. Он СЛЕПО ступил прочь от своего положения в этом мире. Он показал нам то, что мужчина должен делать всегда — выбирать сомнительное вместо несомненного.

В конце этого заявления, отметила Алия, в его голосе прозвучала умоляющая нотка.

Алия огляделась вокруг, рука ее скользнула на рукоять крисножа.

«Если я убью его прямо сейчас, что они сделают? — ее опять объял трепет. — Если я убью его и выдам себя, осуждая Проповедника как самозванца и еретика!»

«Но что, если докажут, что это Пол?»

Кто-то подпихнул Алию ближе к Проповеднику. Она почувствовала себя зачарованной перед ним, хоть и боролась с собой до сих пор, чтобы укротить гнев. Пол ли это? Великие боги! Что же ей делать?

— По-моему, еще один Лито взят от нас? — вопросил Проповедник. Неподдельная боль была в его голосе. — Ответьте мне, если можете! Их послание ясно: отвергните несомненность! — и он повторил, раскатистым зычным рыком: — Отвергните несомненность! Вот глубочайшее требование жизни! В этом — вся жизнь. Мы — ее щуп в неизвестное, в сомнительное. Почему вы не слышите Муад Диба? Если несомненность — это абсолютное знание абсолютного будущего, то это лишь замаскированная смерть! Такое будущее наступает СЕЙЧАС! Он это вам показал!

С ужасающей прицельностью Проповедник вытянул руку и схватил руку Алии. Сделано это было без нашаривания или колебаний. Она попробовала вырваться, но он держал ее крепко, до боли, говоря ей прямо в лицо — окружающие в смятении подались назад.

— Что говорил тебе Пол Атридес, женщина? — сурово вопросил он.

«Откуда он знает, что я женщина?» — спросила себя Алия. Она хотела ускользнуть в свои внутренние жизни, искать в них защиту, но внутренний мир оставался пугающе безмолвен, загипнотизированный этой фигурой из прошлого.

— Он говорил тебе, что завершенность равна смерти! — прокричал Проповедник. — Абсолютное предвидение — это завершенность... это смерть!

Она попробовала освободиться от его цепких пальцев. Ей хотелось выхватить нож и сразить его, чтобы избавиться, но она не смела. Никогда в жизни она не чувствовала себя такой устрашенной.

Проповедник вскинул подбородок и поверх ее головы обратился к толпе, вскричав:

— Я даю вам слова Муад Диба! Он сказал: «Я собираюсь ткнуть вас лицами в то, чего вы стараетесь избежать. Я не нахожу странным, что все вы хотите верить лишь в удобное для вас. Как же еще людьми изобретаются ловушки, чтобы ввергнуться в посредственность? Как же еще мы определяем трусость?» Так говорил вам Муад Диб!

Он резко отпустил руку Алии, отпихнул ее в толпу. Она бы упала, не удержи ее людская стена.

— Существовать — значит, выделяться, не оставаться фоном, — сказал Проповедник. — Вы не думаете о том, чтобы существовать по-настоящему, если только вы не готовы рискнуть даже собственным здравым рассудком ради верного суждения, что есть ваше существование.

Проповедник шагнул вниз и снова схватил руку Алии — без колебаний и без заминки. Хотя на сей раз он был мягче. Наклонившись к ней вплотную, он сказал ей прямо в ухо:

— Брось свои попытки опять низвести меня до фона, сестра.

Затем — рука на плече юного поводыря — он шагнул в толпу. Для странной пары освободили путь. Потянулись руки, чтобы коснуться Проповедника, но касались его люди с благоговейной легкостью, страшась того, что могло им открыться под запыленной накидкой Свободного.

Алия, потрясенная, осталась стоять в одиночестве, поскольку толпа потянулась за Проповедником.

Вот она, полная уверенность. Это Пол. Не остается никаких сомнений. Это — ее брат. Она ощутила то же, что толпа. Она предстала перед священным, и весь ее мир рушился теперь вокруг нее. Ей хотелось побежать за ним, умолять его спасти ее от самой себя, но она не могла пошевелиться. Пока другие теснились, следуя за Проповедником и поводырем, она стояла, отравленная полнейшим отчаянием, скорбью столь глубокой, что могла лишь трепетать, не в силах управлять собственными мускулами.

«Что мне делать? Что мне делать?» — спрашивала она себя.

Теперь при ней не было даже Данкана, чтобы найти опору, ни матери. Внутренние жизни продолжали безмолствовать. Есть Ганима, содержащаяся в Твердыне под надежной охраной, но Алия не могла преодолеть себя, чтобы обратиться со своим несчастьем к уцелевшей из близнецов.

«Все обратились против меня. Что мне делать?»

Одноглазый взгляд нашего мира говорит, что ты не должен высматривать слишком отдаленные проблемы. Такие проблемы могут никогда не наступить. Вместо этого займись волком на твоем собственном участке. Стаи, рыскающие за его заборами, могут даже не существовать.

Книга Азхара-Шамра 1:4

Джессика дожидалась Айдахо у окна своей гостиной, удобной комнаты с мягкими диванами и старомодными креслами. Ни в одной из ее комнат не было суспензера, а хрустальные глоуглобы были из другого века. Окно ее смотрело на внутренний сад этажом ниже.

Она услышала, как служанка открывает дверь, затем шаги Айдахо по деревянному полу, затем по ковру. Она слушала, не оборачиваясь, не отрывая взгляда от испещренного светом зеленого настила внутреннего двора. Безмолвная и боязливая война ее чувств должна быть сейчас подавлена. Она глубоко задышала — упражнения прана и бинду — и почувствовала прилив достигаемого спокойствия.

Прожектор пучком пронизывающих пыль лучей бил во внутренний двор, высвечивая серебряное колесо паутины, растянутой между ветвей липы, доходившей почти до ее окна. Внутри ее аппартаментов было прохладно, но за закрытым наглухо окном воздух вибрировал оцепенелым жаром. В замке Коррино царил мертвый застой, противоречивший зелени в ее дворике.

Она услышала, как Айдахо остановился прямо у нее за спиной.

Не оборачиваясь, она сказала:

— Дар слов — дар обмана и иллюзии, Данкан. Почему ты хочешь обменяться со мной словами?

— Может быть, только один из нас останется в живых, — сказал он.

— И ты хочешь, чтобы я дала благоприятный отчет о твоих усилиях? — она повернулась, увидела, с каким спокойствием он стоит, наблюдая ее своими серыми металлическими глазами без фокусирующих центров. Как же они непроницаемы! — Данкан, возможно, что тебе совсем не все равно твое место в истории?

Она проговорила это обвиняющим тоном и вспомнила, как говорила когда-то, стоя напротив этого человека. Он упился тогда, приставленный шпионить за ней, и его раздирали противоречивые обязательства. Но тот Данкан еще не

был гхолой. Сейчас это совсем другой человек. Этот — не противоречит сам себе в своих действиях, не раздираем на части.

Он улыбкой подтвердил ее вывод.

— У истории — свой собственный суд, выносящий свои собственные приговоры, — сказал он. — Сомневаюсь, что во время вынесения моего он еще будет меня беспокоить.

— Зачем ты здесь? — спросила она.

— По той же причине, по которой и ты, миледи.

Ни один внешний признак не выдал сокрушающую силу в этих простых словах, но она принялась яростно соображать: «Действительно ли он знает, зачем я здесь?! Откуда ему? Знает только Ганима. Значит, у него, у ментата, было достаточно данных, чтобы сделать свои выкладки? Это возможно. А вдруг он говорит просто для того, чтобы она себя выдала? Стал бы он это делать, ведая о причине ее пребывания здесь? Он ведь должен знать, что за каждым их движением, каждым словом следят либо сам Фарадин, либо его слуги».

— Дом Атридесов оказался на горьком перекрестке, — сказала она. — Внутри семьи — война, против себя. Ты был одним из самых преданных людей моего Герцога. Когда Барон Харконнен...

— Давай не говорить о Харконненах, — сказал он. — Сейчас — другое время, и твой Герцог мертв, — и подумал: «Неужели она не может догадаться, что Пол открыл мне, что в жилах Атридесов течет кровь Харконненов?» Как же это было рискованно для Пола, но это еще крепче привязало к нему Данкана. Такая откровенность была монетой, стоимость которой почти и представить нельзя. Пол знал, что люди Барона сделали Айдахо.

— Дом Атридесов не мертв, — сказала Джессика.

— Что такое — Дом Атридесов? — вопросил он. — Ты — Дом Атридесов? Алия? Ганима? Люди, служащие этому Дому? Посмотри на этих людей — на них отпечаток невыразимо тяжкого труда! Как могут они быть Атридесами? Твой сын сказал правильно: «Тяжкий труд и гонения — вот удел тех, кто следует за мной». Я хотел бы отделиться от этого, миледи.

— Ты и вправду перешел на сторону Фарадина?

— Не именно ли это сделала ты, миледи? Разве ты не прибыла сюда убедить Фарадина, что его брак с Ганимой станет разрешением всех проблем?

«Неужели он действительно так считает? — удивилась она. — Или он говорит это для наблюдателя?»

— Дом Атридесов всегда был по сути своей идеей, — сказала она. — Ты знаешь это, Данкан. Мы платили верностью за верность.

— Служба людям, — насмешливо хмыкнул Айдахо. — А, много раз я слышал, как Герцог это говорил. Неспокойно ему, должно быть, лежится в его могиле, миледи.

— Ты действительно думаешь, что мы так низко пали?

— Разве вы не знали, миледи, что есть мятежники среди Свободных — называющие себя «Маркиз Внутренней Пустыни» — проклинающие Дом Атридесов и даже Муад Диба?

— Я слышала сообщение Фарадина, — ответила она, недоумевая, куда он клонит.

— Это больше, миледи. Больше, чем сообщение Фарадина. Я сам слышал это проклятие. Вот оно: «Да спалят вас, Атридесы! Не будет у вас ни души, ни духа, ни тела, ни тени, ни магии, ни костра, ни волос, ни речи, ни слов. Не будете вы иметь ни дома, ни норы, ни могилы. Не будет у вас ни сада, ни дерева, ни куста. Да не будет у вас ни воды, ни хлеба, ни света, ни скота. И не будет у вас ни детей, ни семьи, ни наследников, ни племени. Пусть не будет у вас ни головы, ни рук, ни ног, ни поступи, ни семени. Не будет вам места на любой планете. Не дозволено будет никогда вашим душам выходить из глубин, и не будут они никогда среди тех, кому дозволено жить на земле. Да не будет дня, когда укротите вы Шаи-Хулуда, но скованы и связаны вы будете непревосходимой богомерзостью, и во веки веков не вступят ваши души в прославленный свет». Вот каково это проклятие, миледи. Можете вы представить такую ненависть со стороны Свободных? Они помещают всех Атридесов по левую сторону ада, туда, где всесжигающая Женщина-Солнце.

Джессика содрогнулась. Айдахо, несомненно, воспроизвел не только само проклятие, но и голос, который его произносил. Почему он демонстрирует это Дому Коррино? Она хорошо представляла разъяренных Свободных, ужасных в своем гневе, стоящих перед племенем, чтобы выплеснуть древнее проклятие. Почему Айдахо хочет, чтобы Фарадин это услышал?

— Ты привел сильный довод за брак моей дочери и Фарадина, — сказала она.

— У тебя вечно однодумный подход к проблемам, — сказал Айдахо. — Ганима — Свободная. Она может выйти

замуж только за того, кто не платит фая — налога за покровительство. Дом Коррино уступил весь свой пакет в КХОАМ твоему сыну и его наследникам. Фарадин существует с позволения на это Атридесов. И, вспомни — когда твой Герцог водрузил стяг Ястреба на Арракисе — вспомни, что он сказал: «Здесь я, и здесь я останусь!» Его кости там и покоятся. И Фарадин должен будет жить на Арракисе, вместе со своими сардукарами.

Айдахо покачал головой, отрицая саму мысль о таком союзе.

— Есть старая присказка,что проблему можно ободрать слой за слоем, как луковицу, — холодным голосом сказала Джессика. «Как он смеет относиться ко мне свысока! Если только он не разыгрывает спектакль для зорких глаз Фарадина...»

— Я как-то не могу представить сардукаров и Свободных на одной планете, — сказал Айдахо. — Это — тот слой, который не слезет с луковицы.

Ей не нравились те мысли, которые слова Айдахо могли возбудить в Фарадине и его советниках, и она сказала резко:

— Дом Атридесов — до сих пор закон этой Империи! — и подумала: «Хочет ли Айдахо внушить Фарадину веру, будто тот может завладеть троном без Атридесов?»

— О, да, почти забыл, — сказал Айдахо. — Закон Атридесов! В толковании, конечно, Жрецов Золотого Эликсира. Мне надо лишь глаза закрыть, чтобы услышать, как твой Герцог говорит, что владения приобретаются и удерживаются либо насилием, либо угрозой его. Как пел Гурни, от судьбы не уйдешь. Цель оправдывает средства? Или мне изменять пословицы? Что ж, не имеет значения, открыто ли размахиваешь кованым кулаком легионов Свободных или Сардукаров, либо держишь его спрятанным в Законе Атридесов — кулак все равно наличествует. И этот слой луковицы не обдерешь, миледи. Знаешь ли, мне интересно, какой кулак понадобится Фарадину?

«Что он делает? — недоумевала Джессика. — Как же Дом Коррино ухватится за этот довод, злорадствуя!»

— Так, по-твоему, Жречество не позволит Ганиме выйти замуж за Фарадина? — Джессика рискнула запустить пробный шар, чтобы увидеть, что могут означать слова Айдахо.

— Позволить ей? Великие боги! Жречество позволит Алии все, что она прикажет. Она даже сама может выйти замуж за Фарадина!

«Сюда ли он и закидывает удочку?» — задумалась Джессика.

— Нет, миледи, предмет спора не в этом. Люди Империи не могут провести различия между правлением Атридесов и правлением скотины Раббана. Каждый день люди умирают в темницах Арракиса. Я ушел, потому что больше ни часу не мог предоставлять Атридесам мою мечедержащую руку! Разве ты не понимаешь, о чем я говорю, почему я сейчас у тебя — у ближайшей представительницы Атридесов? Империя Атридесов предала твоего Герцога и твоего сына. Я любил твою дочь, но наши пути разошлись. Если дойдет до того, я посоветую Фарадину не принимать руки Ганимы — или Алии — иначе как только на собственных условиях!

«А, он ведет к официальному и почетному увольнению со службы Атридесов, — подумала Джессика. — Но все другие дела, о которых он говорил, возможно ли, чтобы он знал, насколько они для нее значимы и воздействуют на нее?»

Она нахмурилась:

— Ты ведь знаешь, что шпионы ловят каждое наше слово, верно?

— Шпионы? — он хмыкнул. — Они слушают нас так же, как на их месте слушал бы я. Знаешь ли ты, как моя верность пошла в другую сторону? Многие ночи провел я в одиночестве в пустыне, и Свободные были совсем неподалеку. В пустыне, особенно ночью, сталкиваешься с опасностью думать вовсю.

— Там ты и услышал, как Свободные нас проклинают?

— Да. В племени ал-Уруба. По повелению Проповедника я присоединился к ним, миледи. Мы называем себя Зарр Садус — те, кто отказывается повиноваться Жрецам. Я здесь, чтобы формально известить Атридесов: «Я перешел на вражескую территорию».

Джессика изучала его, ища малейших разоблачительных признаков, но Айдахо ничем не показал, будто говорит ложно или со скрытым умыслом. Действительно ли возможно, чтобы он перешел к Фарадину? Она напомнила себе максиму Бене Джессерит: «В делах человеческих ничто не остается устойчивым — дела человеческие закручиваются спиралью кругом и прочь». Если Айдахо действительно покинул клан Атридесов, то это бы объяснило его теперешнее поведение. Он движется кругом и прочь. Она должна рассмотреть это как вероятность.

«Но почему он подчеркнул, что сделал это по велению Проповедника?»

Ум Джессики быстро перебрал различные альтернативы — и она поняла, что, может быть, ей нужно убить Айдахо. План, на который она возложила свои надежды, оставался столь хрупким, что ничему нельзя было позволить в него встревать. Ничему. А в словах Айдахо был намек, будто он знает ее план. Она прикинула, каково их взаиморасположение, сдвинулась и повернулась, заняв позицию для нанесения смертельного удара.

— Я всегда считала упорядочивающее воздействие фоуфрелум столпом нашей силы, — сказала она. Пусть понедоумевают, почему она перевела разговор на систему классовых разграничений. — Совет Ландсраада Великих Домов, местные Сиселраады, все заслуживают нашего...

— Ты меня не собьешь, — сказал он.

До чего ж прозрачны ее действия, подумал Айдахо. Значит ли это, что она нарочито небрежна в утайке своих мыслей, или я все-таки прошиб стены закалки Бене Джессерит? Последнее, решил Айдахо, но, кроме того, что-то в ней самой — возрастные изменения. Ему печально было видеть все небольшие отличия между новыми Свободными и прежними. Уход пустыни — уход чего-то драгоценного для людей, и он не мог это описать, точно так же как не мог описать то, что произошло с леди Джессикой.

Джессика уставилась на Данкана с неприкрытым изумлением, даже не пытаясь скрыть свою реакцию. Неужели ее так легко видеть насквозь?

— Ты меня не убьешь, — сказал он слова старого предупреждения Свободных. — Не бросай свою кровь на мой нож, — и подумал: «Я в очень сильной степени стал Свободным». При осознании, насколько глубоко усвоил он обычаи планеты, приютившей его вторую жизнь, у него появилось досадливое ощущение непрерывности.

— По-моему, тебе лучше уйти, — сказала Джессика.

— Нет, до тех пор пока ты не примешь моего увольнения со службы Атридесов.

— Принято! — отрезала она. И только по произнесении этого слова осознала, насколько же было оно рефлекторным. Ей надо время подумать и переосмыслить. Откуда Айдахо заранее знал, что она сделает? Она не верила, что он способен при помощи спайса совершать прыжки во Времени.

Айдахо пятился от нее, пока спиной не уперся в дверь. Он поклонился:

— Еще раз я называю тебя миледи, и больше затем никогда. Мой совет Фарадину будет: отослать тебя назад на Валлах, тихо и быстро, как только можно скорей. Ты слишком опасная игрушка, чтобы держать тебя при себе. Хотя, по-моему, он не думает о тебе как об игрушке. Ты работаешь на Сестер, а не на Атридесов. Вы, ведьмы, движетесь в слишком глубокой тьме, чтобы обычный смертный мог когда-либо вам доверять.

— Гхола почитает себя обычным смертным, — поддела она.

— По сравнению с тобой, — ответил он.

— Уходи! — приказала она.

— Таково мое намерение, — он выскользнул за дверь, мимо любопытствующего взгляда явно подслушивающей служанки.

«Сделано, — подумал он. — И они смогут истолковать это лишь одним образом».

Только в царстве математики можем мы понять точность видения будущего Муад Дибом. Итак, во-первых, мы постулируем любое количество направленных измерений пространства. (Это классическая N-складчатая РАЗВЕРНУТАЯ СОВОКУПНОСТЬ N измерений). В этом построении ВРЕМЯ, как оно обычно понимается, становится совокупностью одномерных свойств. Прилагая это к феномену Муад Диба, мы обнаруживаем, что либо мы сталкиваемся с новыми свойствами Времени, либо что мы имеем дело с отдельной системой, содержащей число N свойств тела. Для Муад Диба, мы допускаем последнее. Как показывает редукция, направленные измерения N-складчатости могут иметь лишь раздельное существование внутри различных построений ВРЕМЕНИ. Раздельные измерения ВРЕМЕНИ демонстрируют таким образом свое сосуществование. Отсюда неизбежно вытекает, что Муад Диб в своих предвидениях воспринимает N-складчатость не как развернутую совокупность, а как операцию внутри единого построения. В результате, он укладывал свой мир в то единое построение, которое являлось его видением ВРЕМЕНИ.

Палишамба: Лекция в съетче Табр.

Лито лежал на гребне дюны, вглядываясь в извилистое скалистое возвышение за открытыми песками. Скалы возвышались над песком как огромнейший червь, плоский

и угрожающий в свете утра. Ни единой птицы не кружило над головой, ни единое животное не резвилось среди скал. Он видел щели ветроуловителей почти в середине спины «червя». Значит, там есть вода. У червя-скалы было сходство с привычным видом съетча-убежища, вот только все живое отсутствовало. Лито лежал тихо, сливаясь с песком, наблюдая.

В голове его, с монотонной настойчивостью блуждал один из напевов Гурни Хэллека:

«Под холмом, где лисица резвится, Где свет солнца так ярко струится, Там мой милый недвижно лежит. Сквозь пахучие травы пройду я, Но его разбудить не смогу я, Умер он, и в могилу зарыт».

Где же там вход, гадал Лито.

Он был уверен, что это — Джакуруту (Фондак), но кроме отсутствия животной жизни что-то еще было не так. Что-то, мерцавшее на краешке сознания и восприятия, предостерегая его.

Что прячется под холмом?

Отсутствие животных беспокоило. Оно пробудило его чувство осторожности Свободного: «Отсутствие говорит больше присутствия, когда дело касается выживания в пустыне». Но там была ветроловушка. Значит, вода и люди ее потребляющие. За названием Фондак скрывалось место, на которое наложено табу, даже в воспоминаниях большинства Свободных утерялось то, другое имя. И нигде не видно зверей и птиц.

Нет людей — и все же здесь начинается Золотая Тропа.

Его отец однажды сказал: «Неизвестное окружает нас везде и повсюду. Вот где ты ищешь знаний».

Лито поглядел направо, на гребни дюн. Недавно прошла материнская буря. Озеро Азрак, гипсовая равнина, обнажилась из-под своего песчаного покрытия. Поверье Свободных гласило, что у увидевшего Бийян, Белые Земли, исполнится жгучее и опасное желание, желание, которое может его уничтожить. Лито видел лишь гипсовую равнину говорившую ему о том, что некогда на Арракисе была открытая вода.

И она будет здесь вновь.

Он поглядел вперед, все обвел взглядом, высматривая какое-нибудь движение. Небо было пористым после шторма. Свет, сочившийся сквозь него, порождал впечатление молочной разлитости, серебряного солнца, спрятанного где-то выше пыльной завесы, продолжавшейся держаться в вышине.

Лито опять перенес внимание на извилистую скалу. Вытащил из своего фремкита бинокль, настроил его линзы и посмотрел на обнаженную серость, на это возвышение, где некогда жили люди Джакуруту. Укрупнение сделало видимым колючий кустарник, тот, что называют Царицей Ночи. Кустарник гнездился в тенях расселины, которая могла быть входом в старый съетч. Он прикинул длину торчащего нагромождения. Серебряное солнце превращало красное в серое, наводило размытую плоскостность по всей длинной протяженности скалы.

Он перекатился в другую сторону, повернувшись спиной к Джакуруту, осмотрел в бинокль все его окружавшее. Ничто в пустыне не носило отпечатков прохождения людей. Ветер уж стер и его следы, оставив только смутную округлость там, где ночью он слез с червя.

Опять Лито взглянул на Джакуруту. Кроме ветроловушки не было признаков, что там когда-либо проходили люди. И, не будь извилистой протяженности скалы, ничто бы не выделялось на выжженном песке — пустыня от горизонта до горизонта.

У Лито внезапно появилось чувство, что он оказался здесь потому, что не пожелал быть ограниченным системой, завещанной ему его предками. Он припомнил, как смотрели на него люди, все, кроме Ганимы — как на ошибку мироздания.

«Этот ребенок никогда не был ребенком, кроме как для потрепанной толпы его других памятей».

«Я должен нести ответственность за принятое нами решение», — подумал он.

Опять он тщательно проследовал взглядом по всей длине скалы. По всем описаниям, это должен быть Фондак, и никакое другое место не может быть Джакуруту.

Он ощущал странное перекликающееся родство с табу этого места. По методу Бене Джессерит, он отворил свой ум для Джакуруту, стараясь ничего о нем не знать. ЗНАНИЕ — это барьер, препятствующий обучению. На несколько мгновений он позволил себе просто откликаться на окружающее, не предъявляя требований и не задавая вопросов.

Проблема — в отсутствии животной жизни, но что-то одно особенное его настораживало. Теперь он ухватил: не было птиц, питающихся падалью — орлов, стервятников, ястребов. Даже если всякая другая жизнь пряталась, они оставались. Всякий источник воды в пустыне имел такую цепочку жизни. В конце цепочки были вездесущие пожира-

тели падали. Никто не наведался выяснить, что это он тут делает. Как хорошо он знал «сторожевых псов съетча», этот ряд нахохлившихся птиц на краю обрыва съетча Табр, примитивных гробовщиков, ждущих мяса. Как говорили Свободные, «наши соперники». Но добавляли, что не испытывают ревности к птицам, потому что эти любопытные твари часто предупреждают о приближении посторонних.

«Что, если Фондак покинут даже контрабандистами?»

Лито сделал паузу, чтобы отпить из влагосборной трубки.

«Что, если там на самом деле нет воды?»

Он рассмотрел свое положение. Он на двух червях добрался сюда, всю ночь подстегивая их своим цепом, оставив их полумертвыми. Это — Внутренняя пустыня, где должно найтись пристанище контрабандистов. Если жизнь здесь существует, если способна существовать — то только при наличии воды.

«Что, если там нет воды? Что, если это не Джакуруту?»

Опять он навел бинокль на ветроловушку. Ее внешние края сточены песком из-за недостатка должного ухода, но остается еще достаточно. Там должна быть вода.

«Но если ее там нет?»

В заброшенном съетче вода могла испариться, утратиться при любых — неизвестно, скольких — катастрофах. Почему нет птиц, питающихся падалью? Убиты ради их воды? Но кем? Как можно было уничтожить их всех до единой? Яд?

ОТРАВЛЕННАЯ ВОДА.

В легенде о Джакуруту не было такого, как отравленная цистерна, но на деле такое быть вполне могло. Если первоначальные обитатели были убиты, то почему их к этому времени никто не заметил? Идуали были уничтожены много поколений назад, и в рассказах об этом яд никогда не упоминался. Он опять внимательно осмотрел скалу в бинокль. Как можно было полностью истребить целый съетч? Наверняка ведь кто-то спасся. Обитатели съетча редко оказывались дома все вместе. Кто-то блуждал по пустыне, двигался в города.

Со смиренным вздохом Лито убрал свой бинокль. Он скользнул в укромное место дюны, со сверхпредосторожностями закрылся в свой стилтент и замел все следы своего пребывания, готовясь переждать жаркие часы. Вялые ручейки усталости струились по его телу, и он закрылся во тьму. Большую часть дня он провел в потном и тесном стилтенте, подремывая, воображая ошибки, которые он мог бы совер-

шить. Сны его были защитными, но не могло быть самозащиты в том испытании, которое выбрали они с Ганимой. Неудача сожжет их души. Он ел спайсовое печенье и спал, просыпался поесть опять, попить, и возвращался в сон. Долгим было путешествие к этому месту, суровая нагрузка для детских мускулов.

К вечеру он проснулся посвежевшим, прислушался — нет ли признаков жизни. Выбрался из своего песчаного савана. Пыль высоко в небе летела в одном направлении, но песок обжигал его щеку с другого — верные признаки идущей перемены погоды. Он ощутил приближение бури.

Он осторожно выбрался на гребень дюны, опять поглядел на загадочные скалы. Воздух между ним и скалами был желт. Приметы говорили, что надвигается буря Кориолис, ветер, несущий смерть в своем животе. Огромная простыня гонимого ветром песка растянется, возможно, свыше чем на четыре градуса широты. Заброшенная пустота гипсового поддона обрела теперь желтый оттенок, отражая облака пыли. Лито обволокло обманчиво мирным вечером. Затем свет угас и пала ночь — быстро приходящая ночь внутренней пустыни. Скалы предстали угловатыми вершинами, посеребренным светом Первой Луны. Он ощутил, как в кожу его впиваются песчаные колючки. Раскат сухого грома прозвучал эхом отдаленных барабанов, и в пространстве между лунным светом и тьмой он заметил внезапное движение: летучие мыши. Ему слышны были колыхания их крыльшек, их тонкие попискивания.

ЛЕТУЧИЕ МЫШИ.

Случайно или намеренно это место внушало мысль о заброшенности и запустении. Это, должно быть, и есть полулегендарная твердыня контрабандистов: Фондак. А если не Фондак? Если табу все еще действует и это — лишь призрачная мертвая оболочка Джакуруту?

Лито скорчился на подветренной стороне дюны, дожидаясь ночи, чтобы приноровиться и вписаться потом в ее собственные ритмы. Терпение и осторожность — осторожность и терпение. Некоторое время он развлекался, припоминая маршрут Чосера из Лондона в Кентербери — перечисляя места от Сауфмарка: две мили до оазиса Св. Томаса, пять миль до Дептфорда, шесть миль до Гринвича, тридцать миль до Рочестера, сорок миль до Ситтингбурна, пятьдесят миль до Баутона под Блином, пятьдесят восемь миль до Харблдауна и шестьдесят миль до Кентербери.

Сознание, что немногие в его мире помнят Чосера или знают какой-либо Лондон кроме поселения на Гансириде, вызывало в нем воодушевляющее чувство неподвластного времени бакена. Св. Томас сохранился в Оранжевой Католической Библии и в Книге Азхара, но Кентербери исчезло из людской памяти, точно так же, как и планета, где оно находилось. Такова ноша его воспоминаний, всех тех жизней, что угрожают его поглотить. Некогда он совершил эту поездку в Кентербери.

Однако нынешнее его путешествие было длиннее и опаснее.

Вскоре он прокрался через гребень дюны и направился к освещенным луной скалам. Он сливался с тенями, быстро проскальзывал через гребни, не издавал ни звука, способного дать знать о его присутствии.

Пыль исчезла, как это частенько бывало перед бурей, и ночь была великолепной. Сейчас, в отличие от недвижного дня, он слышал, как, приближаясь к скалам, маленькие создания суетятся во тьме.

В низине между двумя дюнами он наткнулся на семейство джебоа, бросившееся от него врассыпную. Он перемахнул через следующий гребень, соленая встревоженность пронизывала его эмоции. Та расселина, что он видел — это ли выход? Были и другие заботы: съетчи прежних времен всегда охранялись ловушками — отравленные шипы в ямах, отравленные иглы на растениях. На ум ему лезло старое выражение Свободных: «слухом мыслящая ночь». И он прислушивался к малейшему звуку.

Теперь серые скалы возвышались над ним, став гигантскими при приближении. Прислушиваясь, он услышал на этой круче невидимых птиц, тихий звук крылатой добычи для хищников. Голоса принадлежали дневным птицам, но раздавались ночью. Что так круто поменяло их образ жизни? Людские хищники?

Лито резко замолк. Над утесом светил огонь — танец мерцающих и загадочных драгоценностей на фоне черного газа ночи, вид того сигнала, что может подаваться из съетча странствующим по бледу. Кто же обитатели этого места? Он прокрался вперед, к глубочайшим теням у подножия кручи, пошарил по камню рукой, двинулся на ощупь в расселину, увиденную им днем. Нашел он ее при восьмом шаге, вытащил из фремкита пескошноркель и потыкал во тьму. Когда он сдвинулся, что-то тугое и вяжущее упало на его плечи и руки, сковав его.

КАПКАННАЯ ЛОЗА!

Он удержался от порыва начать бороться, лоза бы от этого только туже затянулась. Он уронил шноркель, изогнул пальцы правой руки, стараясь добраться до ножа на поясе. До чего ж он показал себя несмышленным — надо ж было с расстояния швырнуть что-нибудь в эту расселину, проверить, нет ли опасностей во тьме. Его ум был слишком занят светом над кручей.

От каждого движения лоза все туже затягивалась, но его пальцы коснулись наконец рукояти ножа. Он осторожно охватил рукой рукоять, начал вытаскивать нож.

Его окутал слепящий свет, сковавший его движения.

— А, славная добыча в наших сетях, — густой мужской голос позади Лито показался ему чем-то смутно знакомым. Лито попробовал повернуть голову, отдавая себе отчет, что лоза просто раздавит его тело, если он будет двигаться слишком вольно.

Рука забрала его нож, прежде чем он успел увидеть пленившего его. Та же рука со знанием дела обыскала его сверху донизу, вытащила маленькие приспособленьица, которые он и Ганима носили ради того, чтобы выжить. Ничего не ускользнуло от обыскивавшего, даже удавка из шигавира, спрятанная в волосах.

Лито так его и не видел.

Пальцы что-то сделали с лозой, и Лито обнаружил, что может вздохнуть свободней, затем мужчина сказал:

— Не сопротивляйся, Лито Атридес. Твоя вода — в моей чаше.

С огромным усилием сохранив спокойствие, Лито спросил:

— Ты знаешь мое имя?

— Разумеется?! Когда кто-то попадет в ловушку, то это ради чего-то. Он у нас уже намеченная жертва, разве нет?

Лито промолчал, но мысли его закружились вихрем.

— Подозреваешь предательство? — сказал густой голос. Руки повернули Лито, мягко, но с явной демонстрацией силы. Взрослый показывал ребенку за кем превосходство.

Лито посмотрел туда, где полыхали два переносных светильника, увидел черные обводы закрытого маской стилсьюта лица, капюшон. Когда глаза его привыкли после темноты, он увидел темную полоску кожи, глубоко запавшие глаза потребителя меланжа.

— Ты удивляешься, почему мы подняли всю эту суету, —

голос мужчины, исходивший из закрытой нижней части лица, как-то занятно приглушался, словно мужчина старался скрыть свой выговор.

— Я давно перестал удивляться количеству людей, желающих смерти близнецов Атридесов, — ответил Лито. — Причины очевидны.

Пока Лито это произносил, его ум кидался на неизвестное как на прутья клетки, яростно добиваясь ответов. Ловушка именно на него? Кто знал, кроме Ганимы? Невозможно! Ганима бы не предала собственного брата. Тогда кто-то, достаточно хорошо его знавший, чтобы предугадать его действия? Кто? Его бабушка? Откуда ей суметь?

— Тебе нельзя было позволить и дальше продолжать в том же духе, — сказал мужчина. — Очень плохо! Перед тем, как взойти на трон, тебе надо получить образование, — глаза без белков посмотрели на Лито. — Ты удивляешься, как кто-то осмеливается браться за образование такой персоны, как ты? Как ты, со знанием множества обитающих в твоей памяти! В том-то и дело, видишь ли! Ты считаешь себя образованным, но ты лишь склеп мертвых жизней. У тебя еще нет твоей собственной жизни. Ты — лишь ходячая перенасыщенность другими, всеми, у которых одна цель — искать смерти. Не годится правителю искать смерти. Ты все устелешь трупами вокруг себя. Твой отец, например, никогда не понимал...

— Ты осмеливаешься говорить о нем в таком тоне?

— Много раз я на это осмеливался. В конце концов, он был лишь Пол Атридес. Ладно, мальчик, добро пожаловать в свою школу.

Мужчина высвободил свою руку из-под плаща, коснулся щеки Лито. Лито ощутил толчок и его понесло куда-то во тьму, в которой развевался зеленый флаг. Это было зеленое знамя Атридесов с его символами дня и ночи, с древком Дюны, скрывавшим трубку с водой. Теряя сознание, он слышал журчание воды. Или это кто-то хихикнул?

•

МЫ все еще можем вспоминать золотые дни до Хайзенберга, показавшего людям стены, окружающие их предопределенные доводы. Жизни внутри меня находят это забавным. Знание, видите ли, бесполезно, если бесцельно, но цель — это и есть то, что возводит окружающие стены.

Лито Атридес II. Его Голос.

Алия жестко разговаривала со стражами, стоявшими перед ней в фойе Храма. Их было девять, в пыльных зеленых мундирах пригородного патруля, и все они еще не могли отдышаться и обливались потом от напряжения. Свет позднего полдня проникал в дверь за ними. Площадь была очищена от пилигримов.

— Итак, мои приказы ничего для вас не значат? — вопросила она.

И она удивилась собственному гневу, не пытаясь его сдержать, но выплескивая его наружу. Тело ее трепетало от напряжения многих событий — как с цепи всех разом сорвавшихся. Айдахо исчез... леди Джессика... никаких сообщений... Только слухи, что она на Салузе. Почему Айдахо не подал весточки? Что он совершил? Узнал ли он наконец о Джавиде?

На Алии было желтое одеяние — цвет Арракинского траура, цвет палящего солнца Свободных. Через несколько минут она возглавит вторую и последнюю погребальную процессию к Старому ущелью, чтобы установить там мемориальный камень по ее пропавшему племяннику. Работа будет завершена ночью, подходящие почести тому, кому предназначено было править Свободными.

Жреческая стража вроде бы встретила ее гнев даже с вызовом, и уже без всякого стыда. Они стояли перед ней, очерченные тающим светом. Запах пота легко проникал сквозь легкие и неэффективные стилсьюты горожан. Их глава, высокий светловолосый Каза, с символами бурки — символами семьи Каделам, убрал в сторону маску стилсьюта, чтобы говорить яснее. Голос его был полон гордыни, которую и следовало ожидать от отпрыска семьи, некогда правившей съетчем Табр.

— Разумеется, мы старались его схватить!

Он явно был выведен из себя ее нападением:

— Он богохульствует! Мы знаем твои приказы, но мы слышали его собственными ушами!

— И не сумели его схватить, — тихим и обвиняющим голосом сказала Алия.

Одна из стражей, невысокая молодая женщина, попробовала защититься:

— Там была густая толпа! Клянусь, люди нам намеренно встревали на пути!

— Мы до него доберемся, — сказал Каделам. — Не вечно же нам терпеть неудачу.

Алия нахмурилась.

— Вы что, не понимаете меня и мне не повинуетесь?

— Миледи, мы...

— Что ты сделаешь Каделам, если схватишь его и обнаружишь, что он и в самом деле мой брат?

Он явно не уловил оттенков интонации в ее вопросе, хотя не мог он стать жреческим стражем, не имея достаточно образования и сообразительности, чтобы соответствовать своей работе. Он желает пожертвовать собой?

Стражник сглотнул и сказал:

— Мы сами должны убить его, поскольку он сеет смуту.

Остальные воззрились на него с ужасом, отвращением — и все с таким же непокорством. Они понимали, что именно они слышали.

— Он призывает племена сплотиться против тебя, — сказал Каделам.

Алия теперь понимала, как его укротить. Она сказала спокойно и с будничной деловитостью:

— Понимаю. Что ж, если ты должен пожертвовать собой таким образом, открыто его настигнув, чтобы все видели, кто ты такой и что ты сделал — наверное, ты и вправду должен, как я понимаю.

— Пожертвовать со... — он осекся, поглядел на товарищей. Как Каза отряда, его назначенный руководитель, он имел право говорить за них, но тут он проявил признаки того, что предпочел бы промолчать. Другие стражи неуютно заерзали. В пылу преследования они открыто пренебрегли приказом Алии. Можно было только размышлять над тем, чем обернется такое неповиновение «Чреву Небесному». После того, как они явно почувствовали себя неуютно, между ними и их Казой образовалось небольшое расстояние.

— Ради блага Церкви наша официальная реакция должна быть сурова, — сказала Алия. — Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Но он...

— Я сама его слышала, — сказала она. — Но это особый случай.

— Он не может быть Муад Дибом, миледи!

«Как же мало ты знаешь!» — подумала она. И сказала:

— Нам нельзя рисковать, захватывая его на людях, где другие смогут увидеть причиненный ему вред. Если предоставится другая возможность — тогда конечно.

— Он все эти дни непрестанно окружен толпой!

— Тогда, я боюсь, мы должны быть терпеливы. Конечно, если ты настаиваешь на неповиновении мне... — она обор-

вала фразу, предоставив ему из воздуха выловить недосказанное о последствиях — но он хорошо понял. Каделам был честолюбив, перед ним открывалась блестящая карьера.

— Мы не имели в виду явить себя непокорными, миледи — он теперь овладел собой. — Мы действовали поспешно — теперь я это вижу. Простите нас, но он...

— Ничего не произошло — нечего прощать, — ответила она, пользуясь принятой формулой Свободных: одним из многих способов, при помощи которого племя поддерживало мир в своих рядах, и этот Каделам еще достаточно имеет от Старого Свободного, чтобы это помнить. В его семье — долгая традиция править. Вина — это хлыст наиба, которым надо пользоваться скупо. Свободные служат лучше, когда избавлены от вины и упреков.

Он показал, что осознает ее приговор, склонив голову и сказав:

— Ради блага племени — я понимаю.

— Идите и освежитесь, — сказала она. — Процессия начнется через несколько минут.

— Да, миледи, — и они заспешили прочь, каждое их движение выдавало, с каким облегчением они уходят.

Внутри Алии пророкотал бас:

«Ага! Ты донельзя искусно с этим справилась. Один-двое из них до сих пор верят, что ты хочешь смерти Проповедника. Они найдут способ».

«Заткнись! — прошипела она. — Заткнись! Мне бы никогда не следовало к тебе прислушиваться. Смотри, что ты натворил...»

«Направил тебя на путь безнравственности», — ответил бас.

Она ощутила, как этот голос откликается в ее черепе отдаленной болью, подумала: «Где мне спрятаться? Мне некуда идти!»

«Нож Ганимы остр, — сказал Барон. — Помни это».

Алия моргнула. Да, это то, что стоит помнить. Нож Ганимы остр. Может, этот нож еще избавит их от нынешних затруднений.

Веря неким словам, ты веришь в их скрытые доводы. Веря, что нечто правильно или неверно, правдиво или лживо, ты веришь в предположения, заключенные в словах, выражающих

эти доводы. Такие предположения часто полны пробелов, но для убежденных пребывают драгоценнейшими.

Доказательство с открытым концом.
Паноплиа Профетикус.

Ум Лито плавал в густейшем настое запахов. Он распознал тяжелый коричный запах меланжа, застоявшийся пот работающих тел, едкий запах из сборника воды мертвых со снятой крышкой, пыль многих видов — кремневая преобладала. Запахи образовывали шлейф через пески грез, творили туманные формы в мертвой стране. Он знал, что эти запахи должны что-то ему поведать, но часть его еще не могла слушать.

Мысли призраками проплывали в его мозгу: «В данное время у меня нет законченных черт — я весь состою из предков. Солнце, опускающееся в песок, — это солнце, опускающееся в мою душу. Некогда это множество внутри меня было великим, но с этим кончено. Я — Свободный и приму наконец Свободного. Золотая Тропа кончилась, не начавшись. Ничего нет, кроме завеваемого ветром следа. Мы, Свободные, знали все уловки, чтобы скрыть себя — не оставляли ни экскрементов, ни воды, ни следов... Смотри теперь, как тает мой след».

Мужской голос повторял у его уха: «Я мог бы убить тебя, Атридес. Я мог бы убить тебя, Атридес». Это повторялось снова и снова, пока не потеряло значения, не стало чем-то вроде бессловесного заклинания, запавшего в дремоту Лито: «Я мог бы убить тебя, Атридес».

Лито прокашлялся — и ощутил, как потрясла его чувства реальность этого простого действия. Его пересохшее горло сумело выдавить:

— Кто?..

Голос рядом с ним сказал:

— Я — образованный Свободный, и я убивал уже. Вы забрали наших богов, Атридесы. Что нам печься о вашем вонючем Муад Дибе? Ваш бог мертв!

Настоящий это голос урабы или еще один кусок его сна? Лито открыл глаза, обнаружил, что лежит несвязанным на жесткой кровати. Он посмотрел вверх — на камень, на тусклые глоуглобы, на лицо без маски, разглядывая его так близко, что он ощущал, как пахнет дыхание человека обычной едой съетчей. Лицо — Свободного: не могло быть ошибки насчет темной кожи, резких черт и обезвоженной

плоти. Это был не упитанный горожанин. Это был Свободный пустыни.

— Я — Намри, отец Джавида, — сказал Свободный. — Теперь ты знаешь меня, Атридес?

— Я знаю Джавида, — сипло проговорил Лито.

— Да, твоя семья хорошо знает моего сына. Я им горжусь. Возможно, вы, Атридесы, скоро узнаете его еще лучше.

— Что...

— Я — один из твоих школьных наставников, Атридес. У меня только одна задача: я — тот, кто мог бы тебя убить. Я бы с радостью это сделал. В этой школе, окончить успешно — означает жить, провалиться — означает попасть в мои руки.

В его голосе Лито услышал неумолимую искренность. Его пробрало морозом. Это — Гом Джаббар в человечьем обличии, высокомерный враг, для испытания его права на вход в человеческое сообщество. Лито ощутил в этом руку своей бабушки, а за ней — безликие массы Бене Джессерит. Его скорчило при этой мысли.

— Твое образование начинается с меня, — сказал Намри, — это справедливо. Это соответствующе. Потому что на мне оно может и кончиться. Теперь слушай меня внимательно. Каждое мое слово несет в себе жизнь. Все во мне несет смерть.

Лито стрельнул глазами по комнате: каменные стены, голо — только его кровать, тусклые глоуглобы и темный проход позади Намри.

— Мимо меня не проскочишь, — сказал Намри. И Лито ему поверил.

«Зачем ты это делаешь?» — подумал Лито.

— Это уже объяснено. Подумай, какие замыслы в твоей голове! Ты здесь, а в состояние настоящего нельзя вставить будущее. Несочетаема эта пара — «теперь» и «в будущем». Но если ты доподлинно узнаешь свое прошлое, если ты посмотришь вспять и увидишь, где ты пребывал, то, может быть, опять найдешь в нем разумное. Если нет — это будет твоя смерть.

Лито отметил, что в голосе Намри нет злобы, но, при всем том, звучит он твердо — обещание смерти сдержит.

Намри повернулся на каблуках, посмотрел в каменный потолок.

— Во время оно Свободные встречали зарю, обратясь лицом на восток. Эос, знакомо? «Заря» — на одном из старых языков.

— Я говорю на этом языке, — с горькой гордостью ответил Лито.

— Значит, ты меня не слушал, — сказал Намри, и лезвие ножа было в его голосе. — Ночь была временем хаоса. День был временем порядка. Вот как было во времена того языка, на котором, по твоим словам, ты говоришь: тьма-беспорядок, свет-порядок. Мы Свободные изменили это. Эос стал светом, которому мы не доверяли. Мы предпочли свет луны или звезд. Свет обозначал слишком много порядка, и это могло быть гибельным. Видишь, что сделали вы, Атридесы-Эос? Человек — творение лишь того света, котрый его защищает. На Дюне солнце было нашим врагом, — Намри опустил взгляд на Лито. — Какой свет ты предпочитаешь, Атридес?

По тому, как Намри приосанился, Лито почувствовал, что этот вопрос очень весом. Убьет ли его этот человек, если он не даст правильного ответа? Может. Лито видел, что рука Намри спокойно покоится на рукояти крисножа. Кольцо в виде магической черепахи блеснуло на боевой руке Свободного.

Лито легко присел на колени, перебирая в уме верования Свободных. Они доверяли Закону и любили, когда его уроки преподносились в виде аналогий, эти старые Свободные. Свет луны?

— Я предпочитаю... свет Лисану, Л'хакку, — сказал Лито, следя за Намри, чтобы уловить малейшую подсказку в его поведении. Тот, вроде бы, был разочарован, но его рука соскользнула с ножа. — Это свет правды, свет истинного мужчины, в котором ясно видно влияние ао-Мутакаллима, — продолжил Лито. — Какой иной свет предпочтет человек?

— Ты говоришь как цитирующий, а не как верующий, — проговорил Намри.

«Я и цитирую», — подумал Лито. Но начал ощущать направленность мыслей Намри, как тот процеживает свои слова через давний навык старинной игры в загадки. В подготовку Свободных включались тысячи таких загадок, и Лито надо было лишь обратиться памятью к обычаям, чтобы примеры начали всплывать в его уме. Вопрос: «Молчание?» Ответ: «Друг преследуемого».

Намри кивнул себе, как бы разделяя эту мысль, и сказал:

— Есть пещера, являющаяся для Свободных пещерой жизни. Взаправдашняя пещера, спрятанная пустыней. Шаи Хулуд, прапрадед всех Свободных, запечатал эту пещеру. Об этом рассказывал мне мой дядя Зиамад, а он никогда не лгал мне. Есть такая пещера.

Намри кончил говорить — и наступило вызывающее Лито молчание. ПЕЩЕРА ЖИЗНИ?

— Мой дядя Стилгар тоже рассказывал мне об этой пещере, — сказал Лито. — Она запечатана, чтобы трусы не могли в ней прятаться.

Отсвет глоуглоба промелькнул в затененных глазах Намри. Он спросил:

— Вы бы, Атридесы, открыли эту пещеру? Вы стремитесь управлять жизнью через духовенство: ваше централизованное духовенство для информации, Оквафа и Хаджжа. Уполномоченный Маулана называется Козар. Он проделал долгий путь от истоков своей семьи в соляных копях Ниази. Скажи мне, Атридес, что не так с вашим духовенством?

Лито выпрямился, отдавая себе отчет, насколько полно он втянут в эту игру в загадки с Намри, и что ставка — смерть. Все в этом человеке показывало, что при первом же неправильном ответе он использует свой кришнож.

Намри, увидя в Лито это понимание, сказал:

— Верь мне, Атридес. Я — сокрушитель мертвецов. Я — Железный Молот.

Теперь Лито понял. Намри виделся себе Мирзабахом, Железным Молотом, которым побивают тех мертвых, которые не могут дать удовлетворительного ответа на вопросы, на которые они обязаны ответить при входе в рай. Что не так с централизованным духовенством, созданным Алией и ее жрецами?

Лито подумал о том, как он ушел в пустыню, и к нему вернулась маленькая надежда, что Золотая Тропа может еще появиться в его мире. Намри подразумевал в своем вопросе нечто большее, а не то, какой мотив погнал собственного сына Муад Диба в пустыню.

— Только Господу принадлежит указывать путь, — сказал Лито.

У Намри дернулся подбородок и он впился в Лито колючим взглядом:

— Может ли быть правдой, что ты действительно в это веришь? — вопросил он.

— Поэтому я и здесь, — ответил Лито.

— Найти путь?

— Найти его для самого себя, — Лито свесил ноги с кровати. Непокрытый коврами каменный пол был холоден.— Жрецы создали свою духовную организацию, чтобы спрятать путь.

— Ты говоришь, как неподдельный мятежник, — сказал Намри и потер кольцо-черепаху на своем пальце. — Посмотрим. Еще раз внимательно слушай. Ты знаешь высокую защитную стену в Джалалуд-Дине? Эта стена хранит знаки моей семьи, высеченные там в первые дни. Джавид, мой сын, видел эти знаки. Абеди Джалал, мой племянник, видел эти знаки. Муджахид Шафкват из Тех, Других, он тоже их видел. В сезон бурь под Суккаром, я проходил с моим другом Якупом Абадом возле этого места. Ветры были опаляюще горячи, как те вихри, от которых мы научились нашим танцам. У нас не было времени взглянуть на знаки, потому что буря загородила дорогу. Но когда буря миновала, нам было видение Фатты над взвеянным песком. На мгновение показалось лицо Шакир Али, взирающего сверху на свой город гробниц. Видение исчезло через краткий миг, но мы все его видели. Скажи мне, Атридес, где могу я найти город гробниц?

«Вихри, от которых мы научились нашим танцам, — подумал Лито. — Видение Фатты и Шакит Али». Это были слова Скитальца Дзэнсунни — одного из тех, кто почитал себя единственными настоящими мужчинами пустыни.

«И у Свободных нет гробниц».

— Город гробниц в конце той тропы, которой следуют все люди, — сказал Лито. И процитировал представление Дзэнсунни о рае: «Это сад на тысячу шагов в охвате. Чудесный коридор служит входом в него, в двести тридцать три шага в длину и в сотню шагов в ширину, весь вымощенный мрамором из древнего Яйпура. Там обитает ар-Раззак, дающий пищу всем жаждущим. И в Судный День, все, кто встанет и будет искать этот город гробниц, не найдет его. Поскольку писано: то, что ты знаешь в одном мире, ты не найдешь в другом».

— И опять ты цитируешь без веры, — насмешливо скривился Намри. — Но, пока что, я приму это, потому что, по-моему, ты знаешь, зачем ты здесь, — холодная улыбка тронула его губы. — Я даю тебе УСЛОВНОЕ будущее, Атридес.

Лито напряженно приглядывался к Намри. Не еще ли один это вопрос — замаскированный?

— Хорошо, — сказал Намри. — Твой разум был уже подготовлен. Я убрал шипы. Ладно, еще один вопрос. Ты слышал, что в городах далекого Кадриша имитируют стилсьюты?

Пока Намри ждал, Лито вопрошал свой ум, нет ли и здесь скрытого значения. «Имитация стильсютов? Их носят на многих планетах». И он сказал:

— Кадриш? Пусть расфуфыриваются, как хотят, это давно известно, уже набило оскомину, Умные животные сливаются с фоном.

Намри медленно кивнул и сказал:

— Тот, кто тебя поймал и доставил сюда, скоро тебя навестит. Не пытайся покинуть это место. Это станет твоей смертью.

Встав при этих словах, Намри вышел и исчез в темном проходе.

Долгое время после того, как он ушел, Лито вглядывался в проход. Ему слышны были звуки за пределами его помещения, тихие голоса стоявших на страже. В уме Лито держалась история Намри о видении-мираже. Далеко надо было добираться по пустыне до того места. Теперь не имеет значения, Джакуруту это или нет. Намри — не контрабандист. Он — кто-то намного могущественней. И от игры, в которую играл Намри, попахивало леди Джессикой — явный душок Бене Джессерит. Поняв это, Лито почуял опасность со всех сторон. Но темный проход, в который ушел Намри, был единственным выходом из комнаты. И за проходом был незнакомый съетч — а за съетчем пустыня. Жесткая суровость пустыни, ее упорядоченный хаос с миражами и песчаными дюнами, виделись Лито частью ловушки, в которую он попал. Он мог бы пересечь пустыню опять — но куда приведет его бегство? Мысль эта была как стоячая вода. Она не утолит его жажду.

Представление Времени текущим в одном направлении, в котором пребывает погруженным обыденный ум, дает оценку всего происходящего, как последовательную фиксируемую словами схему. Эта ловушка ума порождает очень близорукие концепции воздействия и последствий, постоянное состояние непланируемых реакций на кризисы.

Льет — Кайнз. Арракианские конспекты.

«Слова и движения одновременно», — напомнила себе Джессика и направила мысли на необходимые умственные приготовления к близкой встрече.

Это было вскоре после завтрака, золотое солнце Салузы

Второй едва начинало касаться дальней стены закрытого сада в ее окне. Оделась она вдумчиво: черное облачение с капюшоном Преподобной Матери, но на облачении — окаймляющия манжеты и края гербы Атридесов, вышитые золотом. Джессика осторожно оправила складки своего платья, повернулась спиной к окну, держа левую руку на талии, чтобы ясно был виден ястребиный мотив гербов.

ФАРАДИН заметил гербы Атридесов, отпустил, войдя, замечание по этому поводу, но не показал ни гнева, ни удивления. Джессика заметила оттенок добродушного юмора в его голосе и подивилась этому. Как она и предполагала, он оделся в серое трико. Он сел на предложенный ему Джессикой низкий зеленый диван, расслабился, рука под голову.

«Почему я ей доверяю? — недоумевал он. — Ведь это ж ведьма Бене Джессерит!»

Джессика, увидевшая контраст между его расслабленной позой и выражением его лица, угадала его мысль, улыбнулась и сказала:

— Ты доверяешь мне, потому что знаешь, что наша сделка выгодна, и хочешь того, чему я могу тебя научить.

Увидев, как хмурая тень скользнула по его лбу, она махнула левой рукой, чтобы его успокоить:

— Нет, я не читаю мыслей. Я читаю по лицу, по телу, по манерам, тону голоса, положению рук. Это может всякий, освоивший Путь Бене Джессерит.

— И ты будешь меня учить?

— Я уверена, ты штудировал отчеты о нас. Есть в них где-нибудь, чтобы мы не выполнили прямо обещанного?

— Нигде нет, но...

— Частично, мы до сих пор существуем благодаря тому полному доверию, которое люди могут испытывать к нашей правдивости. Это неизменно.

— Нахожу это разумным, — сказал он. — Мне не терпится начать.

— Удивительно, как это ты никогда не обращался к Бене Джессерит с просьбой о наставнице, — сказала она. — Они бы ухватились за возможность сделать тебя своим должником.

— Моя мать и слушать не желала, когда я упрашивал ее об этом. Но теперь... — он пожал плечами, красноречивый довод за изгнание Вэнсики. — Не начать ли нам?

— Лучше было бы начать, когда ты был намного моложе,

— сказала Джессика. — Теперь тебе будет тудней, да и времени понадобится намного больше. Ты должен будешь начать с обучения терпению, крайнему терпению. Молюсь, чтобы ты не счел это слишком высокой ценой.

— Не за ту награду, что ты предлагаешь.

В его голосе она услышала искренность, настойчивость ожиданий и оттенок благоговейного страха. Подходяще, есть откуда начать.

— Тогда, искусство терпения, — сказала она. — Начнем с некоторых элементарных упражнений прана и бинду для рук и ног, и для дыхания. Кисти рук и пальцы оставим на потом. Ты готов?

Она опустилась на табуретку лицом к нему.

Фарадин кивнул, силой сохранив на лице ожидающее выражение, чтобы скрыть внезапный призрак страха. Тайканик предостерегал его, что должна быть какая-то хитрость за предложением Джессики, что-то, затеянное Сестрами. «Нельзя верить, что она их покинула, или что они покинули ее». Фарадин прервал этот довод вспышкой гнева, о которой немедленно пожалел. Его эмоциональная реакция заставила его быстрее согласиться с предостережениями Тайканика.

Фарадин посмотрел на углы комнаты, на тонкое поблескивание самоцветов под нишами сводов. Все эти мерцающие штучки на самом деле не были самоцветами — все, происходящее в этой комнате должно быть записано, и надо будет собранно и вдумчиво пересмотреть каждый нюанс, каждое слово, каждое движение.

Джессика улыбнулась, увидя направление его взгляда, но не выдала, что понимает, куда отвлеклось его внимание.

— Чтобы научиться терпению на Пути Бене Джессерит, — сказала она, — ты должен начать с распознания сущностной, животной нестабильности нашего мироздания. Мы называем природу — имея в виду все ее проявления, вместе взятые — Крайней Не-Абсолютностью. Чтобы освободить свое зрение и суметь распознать эту заданность изменчивости путей природы, вытяни руки перед собой. Посмотри на свои вытянутые руки, сперва на ладони, затем на тыльные стороны. Рассмотри свои пальцы, сверху и снизу. Выполняй.

Фарадин повиновался, но чувствовал себя глупо. Это ж его собственные руки. Он их знает.

— Вообрази, что твои руки стареют, — сказала Джессика. — Что они у тебя на глазах становятся все более и более

старческими. Очень-очень старыми. Заметь, как суха кожа...

— Мои руки не меняются, — сказал он. Он уже ощущал дрожание в мускулах предплечий.

— Продолжай смотреть на свои руки. Сделай их старыми, такими старыми, как только можешь вообразить. На это может потребоваться время. Но когда ты увидишь, что они состарились, обрати процесс вспять. Сделай их юными — такими юными, как только сможешь. Превращай их по своей воле из младенческих в старческие, и так снова и снова, туда и обратно.

— Они не меняются! — запротестовал он. У него ныли плечи.

— Если ты потребуешь этого от своих чувств, твои руки изменятся, — сказала она. — Сосредоточься на созерцании того потока времени, который тебе нужен: от младенчества к старости, от старости к младенчеству. Это может занять у тебя часы, дни, месяцы. Но это достижимо. Обращая туда и обратно эти изменения, ты научишься видеть любую систему как нечто вращающееся в относительной стабильности... только относительной.

— Я думал, я учусь терпению, — сказал он. В его голосе она услышала гнев на грани разочарования.

— И относительной стабильности, — сказала она. — Это перспектива, которую создаешь через собственную веру, а верой можно манипулировать при помощи воображения. Ты обучен пока лишь ограниченному взгляду на мироздание. Теперь ты должен создать мироздание, тобой самим творимое. Это позволит тебе взнуздывать любую относительную стабильность ради своих собственных целей, для любых целей, на которые ты будешь способен своим воображением.

— Сколько, ты сказала, на это потребуется времени?

— Терпение, — напомнила она ему.

Невольная улыбка тронула его губы. Его глаза перешли на Джессику.

— Гляди на свои руки! — резко приказала она.

Улыбка исчезла. Взгляд его, переметнувшись назад, застыл в сосредоточенности на вытянутых руках...

— Что мне делать, когда мои руки устанут? — спросил он.

— Прекрати разговаривать и сосредоточься, — сказала она. — Если ты устанешь, остановись. Вернемся к этому после нескольких минут отдыха и упражнений. Ты должен упорствовать в этом, пока не преуспеешь. На твоем нынеш-

нем этапе это более важно, чем ты даже можешь себе представить. Выучи этот урок — или других не последует.

Фарадин глубоко вздохнул, пожевал губы, воззрился на свои руки. Он медленно ими ворочал — вверх ладонями, вниз, вверх, вниз... Его плечи дрожали от утомления. Вверх, вниз... Ничего не менялось.

Джессика встала, подошла к единственной двери.

— Куда ты идешь? — спросил он, не отывая взгляда от рук.

— У тебя это получится лучше, если ты останешься один. Я вернусь примерно через час. Терпение!

— Я знаю!

Она с мгновение внимательно на него смотрела. Какой же у него собранный вид. С щемящей сердце внезапностью он напомнил ей ее собственного утраченного сына. У нее вырвался вздох.

— Когда я вернусь, — сказала она, — я дам тебе упражнения для снятия усталости мускулов. Посвяти этому время. Ты поразишься, когда достигнешь совместной работы твоего тела и твоих чувств.

И она вышла.

Вездесущие стражи двинулись на расстоянии трех шагов за ней, когда она направилась в холл. Их благоговение и страх были очевидными. Они были сардукарами, трижды предостереженными о ее отваге, воспитаны на истории о своем поражении от Свободных Арракиса. Эта ведьма была Преподобной Матерью Свободных, Бене Джессерит и из рода Атридесов.

Джессика, оглянувшись, увидела их строгие лица — путевые столбы ее замыслов. Она отвернулась, подходя к лестнице, спустилась по ней и через короткий коридорчик вышла в сад под окнами.

«Только бы теперь Данкан и Гурни справились со своими задачами», — подумала она, ощутив гравий аллейки под ногами и увидев сочащийся сквозь зелень золотой свет.

Ты научишься интеграционным методам коммуникации, когда завершишь следующую ступень образования ментата. Это — компонующая функция, которая покроет тропинки данных в твоем сознании, разрешит сложности и расставит по местам массы введенной по той ментатской технике индекс-каталога, которой ты уже овладел, информации. Твоей первоначальной проблемой станет преодоление напряжений,

возникающих из дивергентного собрания мелких данных по отдельным предметам. Остерегайся. Без все покрывающей ментатной интеграции ты можешь увязнуть в Проблеме Бабеля — ярлык, с помощью которого мы обозначаем вездесущие опасности получения неправильных комбинаций из накопленных данных.

Карманная книга ментата.

Звук трущихся друг о друга тканей искорками пробежал в сознании Лито, пробуждая его. Лито удивился, обнаружив, что, даже не придя еще в себя, он чутко определил, откуда именно доносится звук и в чем его причина: это терся о грубую ткань занавеси плащ свободного. Лито повернулся на звук. Тот доносился из прохода, где несколько минут назад исчез Намри. Повернувшись, Лито увидел, что входит его тюремщик — тот самый человек, который его захватил, с той же самой темной полоской кожи над маской стилсьюта, с теми же опаляющими глазами. Мужчина поднял руку к маске, убрал из ноздрей влагосборную трубку, опустил маску и — одновременным движением — откинул капюшон. Даже еще не заметив шрама от инквайного хлыста на челюсти мужчины, Лито его узнал. Узнал с полувзгляда — и все остальное стало лишь второстепенными подтверждающими деталями. Никакой ошибки — этот круглый колобок, этот воин-трубадур — Гурни Хэллек!

Лито стиснул руки в кулаки, на мгновение до глубины потрясенный этим узнаванием. Не было у Атридесов вассала вернее. Не было лучшего в поединках при включенном защитном поле. Он был доверенным наперстником и учителем Пола.

И он был слугой леди Джессики.

Все это и многое другое хлынуло в ум Лито. Его тюремщик — Гурни. Гурни и Намри — в заговоре между собой. И за всем этим — рука леди Джессики.

— Насколько мне известно, ты повидался с Намри, — сказал Хэллек. — Прошу тебя, верь ему, юный милорд. У него одна функция — одна-единственная. Он тот, кто способен тебя убить, коли потребует возникшая необходимость.

Лито автоматически отозвался интонациями своего отца:

— Итак, ты примкнул к моим врагам, Гурни! Никогда я не думал...

— Не пробуй надо мной никаких своих дьявольских

уловочек, парень, — сказал Хэллек. — Я для них непроницаем. Я следую приказаниям твоей бабушки. Твое образование распланировано до последней мелочи. Это она одобрила мой выбор Намри. То,что будет сейчас — каким бы болезненным это ни показалось — делается по ее приказу.

— И каков ее приказ?

Хэллек поднял руку из складок своей робы и показал шприц Свободных — примитивный, но действенный. Его прозрачная трубочка была заполнена голубой жидкостью.

Лито, скорчась, отпрянул на своей койке, уткнулся в стену.Тут как раз вошел Намри, встал рядом с Хэллеком, держа руку на крисноже. Вдвоем они полностью перекрыли единственный выход.

— Я вижу, ты узнал экстракт спайса, — сказал Хэллек. — Тебе предстоит совершить ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕРВЯ, паренек. Ты должен через него пройти. Иначе то, на что осмелился твой отец и на что не осмеливаешься ты, будет гнести тебя до скончания дней.

Лито, не находя слов, безмолвно затряс головой. Это было то самое, о чем и он, и Ганима знали: это их одолеет. Гурни — невежественный дурак! Как может Джессика... Лито ощутил, как его память заняло присутствие отца. Отец оккупировал его ум, стараясь лишить его всякой возможности обороняться. Но это было то бессловесное, чего все предрожденные боялись больше всего. Провидческий транс, чтение непреложного будущего, со всей его зафиксированностью и со всеми ужасами. Никак не могла Джессика назначить подобное испытание собственному внуку. Но теперь и она появилась в его мозгу: «Я не должен бояться. Страх — убийца мозга. Страх — маленькая смерть, приносящая полное уничтожение. Я встречу мой страх лицом к лицу. Я позволю ему пройти через меня и сквозь меня. И когда он уйдет...»

С проклятием, древним еще в те времена, когда Халдея была молодой, Лито попробовал двинуться, попробовал прыгнуть на нависавших над ним мужчин, но его мускулы отказались повиноваться. Лито увидел движение руки Хэллека и приближение шприца так, как будто уже находился в трансе. Свет глоуглоба искорками отразился в голубой жидкости. Шприц коснулся левой руки Лито. Его пронзила боль, по мускулам отдавшаяся в его голове.

Лито вдруг увидел молодую женщину, сидящую на заре у грубой хижины. Она сидела прямо перед ним, поджаривая

кофейные зерна до розовато-коричневого оттенка, добавляя кардамон и меланж. Где-то позади него запела старинная трехструнная скрипка. Музыка отдавалась и отдавалась эхом, пока ее эхо не зазвенело в его голове. Она заполонила его тело, и он почувствовал себя большим, очень большим, вовсе не ребенком. И его кожа не была его собственной. Он узнал это ощущение! Тепло растеклось по его телу. И так же резко, как пришло его первое видение, он увидел себя стоящим в темноте. Была ночь, звезды дождем раскаленных угольков сыпались под порывами ветра из сверкающего космоса.

Часть его знала, что бежать некуда, но он все равно до тех пор пытался сопротивляться этому, пока не вмешался его отец-память: «Я защищу тебя во время транса. Другие внутри тебя не овладеют тобой».

Лито был опрокинут ветром, ветер его покатил, засыпал песком и пылью, иссекая его руки, его лицо, обдирая его одежды, полоща в воздухе разорванными лохмотьями бесполезной теперь материи. Но Лито не чувствовал боли и видел, как порезы ветра заживают столь же быстро, как и появляются. А его все гнало ветром. И его кожа не была его собственной. «Это произойдет!» — подумал он.

Но мысль эта была отдаленной и пришла, словно и не его собственная — не на самом деле его собственная, не более, чем кожа.

Его поглотило видение. Оно разостлалось стереологической памятью, разделившей прошлое и настоящее, будущее и настоящее, будущее и прошлое. И все разделенное сливалось в тройном фокусе, ощущаемом им многомерной рельефной картой собственного будущего существования.

Он подумал: «Время — мера пространства, точно так же, как мерой пространства является дальномер, но измерение запирает нас в том месте, которое мы измеряем».

Он ощутил, как транс углубляется. Пришло это усилием внутреннего сознания, впитанного его «я» словно губкой — с последовавшим ощущением, что он изменяется. Это было живое Время, и ни секунды его он не мог удержать. Его затопили фрагменты памяти о прошлом и будущем — но были они как встряхиваемый калейдоскоп. Взаиморасположение их менялось в непрерывном танце. Память его была линзой, освещающим прожектором, выхватывающим фрагменты, но навечно неспособным остановить непрестанные изменения и перестановки, заполонившие его взгляд.

Через прожектор прошло то, что задумали они с Ганимой, прошло самым главным и выделяющимся — но теперь это его ужаснуло. Реальность видения боль отдалась в нем. Принимаемая на веру неизбежность заставила его «я» съежиться от страха.

И ЕГО КОЖА НЕ БЫЛА ЕГО СОБСТВЕННОЙ! Прошлое и настоящее накатывали на него, перехлестывая через барьеры его ужаса. Он не мог их разделить. На мгновение он ощутил себя заброшенным в Бутлерианский Джихад, полным горячего желания уничтожить любую машину, подражающую человеческому мышлению. Это наверняка прошлое — миновавшее, с которым покончено. И все же его ощущения неслись через опыт того времени, впитывая даже самые мелочи. Он услышал священника, говорящего с кафедры во время своей беседы: «Мы должны отвергнуть думающие машины. Человечество должно само пролагать свой курс. Это не то, что могут делать машины. Разумность зависит от программирования, не от микросхем, а конечная программа — мы!»

Он ясно слышал голос, видел, где он раздается — в огромном деревянном зале с затемненными окнами. Свет давало потрескивающее пламя. И беседующий с ним священник говорил: «Наш Джихад — это «программа стирания». Мы стираем то, что уничтожает нас как людей!»

И Лито знал, что говорящий был до того слугой компьютеров, одним из тех, кто в них разбирался и обслуживал их. Но это видение исчезло и теперь перед ним стояла Ганима, говоря: «Гурни знает. Он мне сказал. Вот слова Данкана, а Данкан говорил как ментат: «Делая добро, избегай дурной славы, творя зло, избегай осознания, что делаешь».

Это наверняка будущее — далекое будущее. Но он ощущал его реальностью — настолько же насыщенной, сколь и любое прошлое из множества его жизней. И он прошептал: «Это правда, отец?»

Но отец-память внутри него предостерегающе проговорил: «Не накликай несчастье! Сейчас ты учишься стробоскопическому мышлению. Без него ты выйдешь за пределы своего «я» и заблудишься, утеряв свою истинную точку во Времени».

И настойчивы были рельефные образы. Незваные, они так и ломились в него. Прошлое-настоящее-сейчас. Без подлинного разделения. Он понимал, что должен поплыть по этому руслу, но плавание его ужасало. Как он сможет

вернуться к какому-нибудь узнаваемому месту? И все же он чувствовал, что должен заставить себя отказаться от любых попыток сопротивления. Он не мог ухватить свое новое мироздание в неподвижных и маркированных кусочках. Ни один кусочек не стоит на месте. Ничто не может быть навеки упорядочено и сформулировано. Он должен выявить ритм перемен и среди изменений разглядеть саму изменчивость. Без знания, где ее истоки, он движется внутри гигантского moment dienheureux, способный видеть прошлое в будущем, настоящее в прошлом, СЕЙЧАС и в прошлом и в будущем. От одного удара сердца до другого он проживал целые века в сгущенном виде.

Ум Лито сободно парил, никаких устремлений души в компенсацию самосознанию, никаких барьеров. «Условное будущее» Намри витало слегка, но совместно со многими другими будущими. И в раздробленном его сознании, все из его прошлого, каждая внутренняя жизнь становились его собственной. И, с помощью величайшего из всех в нем живущих, его «я» доминировало над жизнями-памятями. Все они принадлежали ЕМУ.

Он подумал: «Когда изучаешь объект с расстояния, только его принцип и можно разглядеть». Он достиг нужного расстояния и мог теперь разглядеть собственную жизнь: многочисленность прошлых и их памятей — его ноша, его радость, его необходимость. Но ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕРВЯ добавило еще одно измерение, и его отец больше не стоял внутри него на страже, потому что не возникало в том больше нужды. Лито ясно видел расстояния — прошлое и настоящее. И прошлое показывало ему его начального предка — того, кого звали Харум, и без которого не будет отдаленного будущего. Эти ясные расстояния дали ему новые принципы, ввели в новые измерения, к которым он приобщался. Какую жизнь он теперь ни выбирает, она проживается им как автономный отрезок массового опыта настолько закрученной по спирали цепочки жизней, что ни одно единичное время жизни не идет в расчет по сравнению с отложенными на ней поколениями. Воспрянув, этот массовый опыт властен подчинить себе его самость. Он может сделаться ощутимым на личности, на нации, на обществе, на целой цивилизации. Вот почему, конечно же, Гурни внушили, что его нужно бояться — вот почему ждал нож Намри. Им нельзя позволить увидеть эту силу внутри него. Никому нельзя никогда увидеть эту силу во всей полноте — даже Ганиме.

Вскоре Лито выпрямился и увидел, что остался только наблюдающий за ним Намри.

Постаревшим голосом Лито сказал:

— Нет единого набора ограничений для всех людей. Универсальное предвидение — пустой миф. Только самые мощные из локальных течений Времени можно предсказать. Но в бесконечном мироздании и ЛОКАЛЬНОЕ может быть настолько гигантским, что ум испуганно отпрянет от него.

Намри кивнул, не понимая.

— Где Гурни? — спросил Лито.

— Ушел, чтобы ему не пришлось увидеть, как я тебя убью.

— Ты убьешь меня, Намри? — интонации голоса Лито почти умоляли сделать это.

Намри убрал руку с ножа.

— Поскольку ты об этом просишь — нет. Вот если бы ты был безразличен.

— Болезнь безразличия — это то, что многое погубило, — сказал Лито. Он кивнул сам себе.— Да... даже цивилизации умирают от этого. Это как бы расплата, требуемая за достижение новых уровней сложности или самосознания, — он поглядел на Намри. — Так ты говоришь, ты следил, не появится ли во мне безразличие? — и он понял, что Намри — больше чем убийца: Намри изворотлив.

— Как признак неукрощенной силы, — сказал Намри, и это была ложь.

— Безразличная сила, да, — Лито выпрямился с глубоким вздохом. — Не нравственное величие в жизни моего отца, Намри, — лишь локальная ловушка, которую он сам себе соорудил.

О Пол, Ты Муад Диб, Ты всех людей Махди. Повеет ураганом Вздох из твоей груди.

Песни Муад Диба.

— Никогда! — сказала Ганима. — Я убью его в брачную ночь.

Она сказала это с тем ершистым упрямством, которое до сих пор не поддавалось никаким уговорам. Алия и ее советники прозаседали из-за этого полночи, заразив все королевские покои своей взбудораженностью, посылая за новыми советниками, за едой и питьем. Весь храм и приле-

гающая Твердыня бурно переживали разочарование невыработанных решений.

Ганима очень спокойно восседала в зеленом суспензерном кресле в своих собственных аппартаментах, в большой комнате, обтянутой сыромятной кожей, чтобы сымитировать камень съетча. Потолок, однако ж, был имбиратским кристаллом и светился голубым помаргивающим светом, а пол был черного кафеля. Мебели было мало: маленький письменный столик, пять суспензерных кресел и узкая койка, установленная в алькове, по обычаю Свободных. На Ганиме были желтые одеяния траура.

— Ты не вольный человек, имеющий право выбирать все стороны своей собственной жизни, — Алия, наверно, уже в сотый раз это произнесла. «Эта маленькая дурочка должна рано или поздно до этого дойти! Она должна пойти на помолвку с Фарадином. Должна! Пусть потом убивает его, но от обрученной Свободной требуется публичное провозглашение о своей помолвке».

— Он убил моего брата, — Ганима была замкнута на одном. — Всем это известно. Свободные будут плевать при упоминании моего имени, если я соглашусь на эту помолвку.

«И это одна из причин, по которым ты должна согласиться», — подумала Алия. Вслух она сказала:

— Это сделала его мать. Он изгнал ее за это. Чего еще ты от него хочешь?

— Его крови, — ответила Ганима. —Он Коррино.

— Он осудил свою собственную мать, — возразила Алия. — И почему тебя должны беспокоить досужие пересуды Свободных? Они примут все, что мы там ни прикажем им принять. Гани, мир в Империи требует...

— Я не соглашусь, — сказала Ганима. — Без меня вы помолвку объявить не сможете.

Ирулэн, вошедшая в комнату как раз при этих словах Ганимы, вопрошающе взглянула на Алию и двух советниц, стоявших рядом с ней. Ирулэн увидела, как Алия в отвращении вскинула руки и опустилась в кресло напротив Ганимы.

— Поговори с ней ты, Ирулэн, — сказала Алия.

Ирулэн пододвинула суспензерное кресло и села рядом с Алией.

— Ты — Коррино, Ирулэн, — сказала Ганима. — Не думай, что тебе повезет меня уговорить.

Ганима встала, перешла на койку и уселась там, ноги

накрест, посверкивая глазами на двух женщин. Ирулэн, видела она, надела черную абу, под стать Алии, откинутый капюшон не скрывал ее золотых волос. Волосы траура — в желтом свете освещавших комнату парящих глоуглобов.

Ирулэн взглянула на Алию, встала, подошла к Ганиме, поглядела ей в лицо. ,

— Ганима, я бы сама его убила, если бы этим можно было разрешить все проблемы. И Фарадин — моей крови, как ты так мило подчеркнула. Но у тебя есть долг намного выше твоих обязательств перед Свободными...

— Звучит не лучше, исходя от тебя, чем от моей драгоценной тети, — сказала Ганима. — Кровь брата смыть нельзя. Это больше, чем афоризм каких-то маленьких Свободных.

Ирулэн поджала губы. Потом сказала:

— У Фарадина в пленницах твоя бабушка. У него Данкан, и если мы не...

— Меня не устраивают твои версии, как все произошло, — сказала Ганима, мимо Ирулэн глядя на Алию. — Однажды Данкан предпочел умереть, чем дать врагам захватить моего отца. Может быть, его новая плоть гхолы уже не такая же, как...

— Данкану было поручено охранять твою бабулю, — сказала Алия, поворачиваясь на стуле. — Я убеждена, он выбрал единственный способ для этого, — и подумала: «Данкан! Данкан! Вовсе не предполагалось, что ты сделаешь это так».

Ганима, уловившая неискренние нотки в голосе Алии, пристально посмотрела на тетю:

— Ты лжешь, о Чрево Небес. Я слышала о твоей схватке с бабушкой. Что же такое ты боишься рассказать нам о ней и своем драгоценном Данкане?

— Ты все слышала, — сказала Алия, но почувствовала укол страха при этом неприкрытом обвинении, со всем, что под ним подразумевалось. Она поняла, что устала, вплоть до потери осторожности. Встав, она сказала: — Все, что знаю я, знаешь и ты, и, — повернувшись к Ирулэн, — займись ей ты. Ее нужно подвигнуть на...

Ганима перебила ее грубым ругательством Свободных, прозвучавшим шокирующе из девичьих уст. И сразу сказала, пользуясь тут же наступившим молчанием:

— Вы считаете меня просто ребенком, и что у вас впереди годы убедить меня, и что я в конце концов соглашусь. Подумай еще, о Небесная Регентша. Тебе лучше

других известно, сколько мне внутренних лет. Я буду прислушиваться к ним, а не к тебе.

Алия едва удержалась от гневного ответа — и тяжело всмотрелась в Ганиму. БОГОМЕРЗОСТЬ? Кто — это дитя? В Алии вновь начал подниматься страх перед Ганимой. Пришла ли она к собственному соглашению с жизнями, данными ей до рождения?

— У тебя еще есть время внять доводам рассудка, — сказала Алия.

— Тогда, может, у меня еще будет время увидеть, как кровь Фарадина захлещет из под моего ножа, — ответила Ганима. — Поживем — увидим. Если когда-либо останусь с ним наедине, один из нас наверняка умрет.

— По-твоему, ты любила своего брата больше моего? — вопросила Ирулэн. — Ты валяешь дурака! Я была ему матерью, точно так же, как тебе. Я была...

— Ты никогда его не знала, — ответила Ганима. — Все вы, за исключением — временами — моей ОБОЖАЕМОЙ ТЕТИ, упорно считали нас детьми. Это вы — дураки! Алия знает! Посмотри, как она сбегает от...

— Ни от чего я не сбегаю, — сказала Алия, но повернулась спиной к Ирулэн и Ганиме и посмотрела на двух амазонок, делавших вид, будто они ничего не слышат. Они явно подались на сторону Ганимы. Может быть, они ей сочувствуют. Алия сердито отослала их из комнаты, когда они уходили, на их лицах было написано облегчение.

— Сбегаешь, — настаивала Ганима.

— Я выбрала устраивающий меня путь жизни, — Алия вновь обернулась, чтобы внимательно поглядеть на сидящую на койке, ноги поджаты крест-накрест, Ганиму, но не в силах была уловить ни одного разоблачающего промелька на лице Ганимы. «Да, я знаю тебя — Богомерзость. И, может быть, меня заведет туда же, куда завело тебя, но на нынешний день я могу лишь жалеть тебя и тебя презирать».

Молчание повисло между Ганимой и Алией, почти осязаемая вещь, насторожившая обладавшую выучкой Бене Джессерит Ирулэн. Переводя взгляд с одной из них на другую, она сказала:

— Почему вы вдруг так притихли?

— Меня только что посетила мысль, требующая значительного обдумывания, — ответила Алия.

— Обдумай на досуге, дорогая тетя, — насмешливо хмыкнула Ганима.

Алия, подавляя гнев, которому ее измотанность чуть не дала прорваться, сказала:

— Пока что хватит! Оставим ее подумать. Может быть, она придет в себя.

Ирулэн встала и сказала:

— Во всяком случае, уже почти заря. Гани, перед тем, как мы уйдем, не выслушаешь ли последнее послание от Фарадина? Он...

— Не выслушаю, — ответила Ганима. — И с этих пор прекратите называть меня этим нелепым уменьшительным Гани! Это только поддерживает заблуждение, будто я ребенок, которого вы можете...

— Почему ты и Алия так внезапно притихли? — Ирулэн вернулась к предыдущему вопросу, но задала его теперь, тонко используя модуляции Голоса.

Ганима, запрокинув голову, расхохоталась.

— Ирулэн! Ты пробуешь на мне Голос?

— Что? — Ирулэн была ошеломлена.

— Ты еще полезь в пекло поперек своей бабушки, — сказала Ганима.

— Что-что?

— Сам тот факт, что мне известно это выражение, а ты его никогда прежде не слышала, должен бы заставить тебя примолкнуть, — ответила Ганима. — Это старая насмешка, Бене Джессерит тогда еще только возникла. Но если это не запятнает твоей чистоты, спроси себя, о чем только думали твои родители, называя тебя Ирулэн? Или это Руины-льна?

Несмотря на свою закалку, Ирулэн вспыхнула.

— Ты пытаешься вбесить меня, Ганима.

— А ты попыталась опробовать на мне Голос. На мне! Я помню первые опыты людей в этом направлении. Я помню ТО ВРЕМЯ, Руинная Ирулэн! Теперь ступайте отсюда, вы обе.

Но Алия теперь была заинтригована, и в ней возникло предположение, прогнавшее ее утомленность.

— Возможно, у меня есть предложение, которое могло бы заставить тебя передумать, Гани, — сказала она.

— Опять Гани! — с уст Ганимы сорвался жесткий смешок. — Задумайся на миг: если я жажду убить Фарадина, мне нужно лишь согласиться с вашим планом. Мне как дважды два ясно, что есть у тебя такая мысль. Бойся Гани послушную! Вот видишь, я предельно откровенна с тобой.

— То, на что я надеялась, — сказала Алия. — Если ты...

— Кровь брата не может быть смыта. Я не выйду к моему

любимому народу Свободных предательницей этого завета. НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАТЬ, НИКОГДА НЕ ПРОЩАТЬ. Разве не это наша заповедь? Предупреждаю тебя здесь и заявлю об этом публично — ты не сумеешь обручить меня с Фарадином, посмеиваясь при этом в рукав: «Вот-вот, она заманивает его в ловушку». Если ты...

— Понимаю, — сказала Алия, направляясь к Ирулэн. Ирулэн, заметила она, стоит в потрясенном молчании, поняв уже, куда направлен этот разговор.

— Да, вот так я заманила бы его в ловушку, — сказала Ганима. — Это, соглашусь, было б то, чего ты хочешь, но он может и не попасться. Если ты хочешь расплатиться этим лжеобручением как фальшивой монетой — за выкуп моей бабушки и твоего драгоценного Данкана, да будет так. Но это — на твоей совести. Выкупай их. Фарадин, однако ж, мой. Его я убью.

Ирулэн всем телом повернулась к Алии, до того, как та успела заговорить.

— Алия, если мы вспомним о нашем слове... — она на миг оставила фразу висеть в воздухе, пока Алия с улыбкой размышляла о могучей клятве, данной Великими Домами на Ассамблее в Фофрелучисе, о разрушительных последствиях пропажи веры в честь Атридесов, о потери религиозного опекунства, обо всем, что, возводимое по большим и малым кирпичикам, рухнет в одночасье.

— Это обернется против нас, — протестующе договорила Ирулэн. — Разрушится вся вера в то, что Пол — пророк. Это... Империя...

— Кто осмелится сомневаться в нашем праве решать, что верно и что неверно? — мягким голоском вопросила Алия. — Мы — связующее звено между добром и злом. Мне надо лишь провозгласить...

— Ты не можешь этого сделать! — запротестовала Ирулэн. — Память Пола...

— Это всего лишь один из инструментов Церкви и Государства, — сказала Ганима. — Не говори глупостей, Ирулэн, — она коснулась кресножа у себя на поясе, подняла взгляд на Алию. — Я не правильно судила о моей умной тетушке, Регентше всего Святого в Империи Муад Диба. Да, конечно, я неверно судила о тебе. Заманивай Фарадина в нашу приемную, если хочешь.

— Это безрассудство, — умоляюще проговорила Ирулэн.

— Ты согласна на это обручение, Ганима? — спросила Алия, игнорируя Ирулэн.

— На моих условиях, — ответила Ганима, так и держа руку на крисноже.

— Я здесь умываю руки, — Ирулэн сделала такое движение руками, словно на самом деле их мыла. — Я готова была отстаивать истинную помолвку ради исцеления...

— Мы нанесем тебе рану, которую намного труднее будет исцелить, Алия и я, — сказала Ганима. — Давайте его побыстрее сюда — если он поедет. И, возможно, он поедет. Станет ли он подозревать ребенка моих нежных лет? Давайте разработаем формальную церемонию обручения, чтобы потребовать его присутствия. Предусмотрим в церемонии возможность для меня остаться с ним наедине... Всего лишь на одну-две минутки...

Ирулэн содрогнулась при этом свидетельстве, что Ганима, в конечном итоге, Свободная с головы до пят, ребенок, по кровожадности ничем не отличающийся от взрослого. В конце концов, детям Свободных не привыкать было добивать раненых на поле боя, избавляя женщин от этой поденщины, чтобы они могли собирать тела и отволакивать их к водосборникам смерти. И Ганима, говоря как истинное дитя Свободных, продуманной зрелостью своих слов нагромождала ужас на ужас, древнее чувство вендетты аурой исходило от нее.

— Решено, — сказала Алия, борясь со своим голосом и выражением лица, чтобы они не выдали ее радости. — Мы подготовили формальную грамоту о помолвке. Мы заверим ее подписями надлежащих представителей Великих Домов. Фарадин никак не сможет сомневаться...

— Он будет сомневаться — но придет, — сказала Ганима. — И при нем будет охрана. Но ведь никто не подумает охранять его от меня.

— Ради любви ко всему, что для вас старался сделать Пол, — запротестовала Ирулэн, — давайте по крайней мере представим смерть Фарадина несчастным случаем, или как результат внешней озлобленности...

— Я с радостью покажу мой окровавленный нож моим собратьям, — сказала Ганима.

— Алия, умоляю тебя, — сказала Ирулэн. — Откажись от этого опрометчивого безумия. Провозгласи против Фарадина канли, все, что...

— Нам не требуется формальное объявление вендетты против него, — сказала Ганима. — Вся Империя знает, что мы должны чувствовать, — она указала на свой рукав. — Я

ношу желтый цвет траура. Когда я сменю его на черный — цвет обручения у Свободных — одурачит ли это кого-нибудь?

— Молись, чтоб это одурачило Фарадина, — сказала Алия. — И делегатов от Великих Домов, которых мы пригласим засвидетельствовать...

— Все и каждый из этих делегатов обратятся против вас, — сказала Ирулэн. — Вы это знаете!

— Превосходное замечание, — сказала Ганима. — Тщательней подбирай делегатов, Алия. Нам нужны такие, от которых мы не прочь будем потом избавиться.

Ирулэн в отчаянии взметнула руки, повернулась и выбежала вон.

— Держи ее под пристальным наблюдением, на случай, если она попытается предупредить своего племянника, — сказала Ганима.

— Нечего учить меня, как устраивать заговоры, — и Алия последовала за Ирулэн, но более медленным шагом. Наружная охрана и ждущие советники шлейфом потянулись за ней — как песчинки во всасывающем вихре поднимающегося червя.

Ганима печально покачала головой, когда дверь закрылась, и подумала: «Как и полагали бедный Лито и я. Великие боги! Я бы хотела, чтобы тигр убил меня, а не его».

Многие силы стремились к контролю над близнецами Атридесами, и, когда было объявлено о смерти Лито, движение заговоров и контр-заговоров покатилось по нарастающей. Отметьте соответственные мотивировки: Бене Джессерит боялся Алию, взрослую Богомерзость, но все так же нуждался в генетических характеристиках, носимых Атридесами. Церковная иерархия Аудафа и Хаджжа понимала лишь, что контроль над наследницей Муад Диба подразумевает власть. КХОАМ хотел доступа к богатствам Дюны. Фарадин и его сардукары мечтали вернуть былую славу Дому Коррино. Космический Союз боялся равенства: Арракис = меланж, но без спайса они не смогли бы водить свои корабли. Джессика хотела исправить то, что сотворило ее непокорство Бене Джессерит. Немногие думали спросить о том, каковы их планы, самих близнецов — пока не стало слишком поздно.

Книга Креоса.

Вскоре после вечерней трапезы Лито увидел, как мимо дверной арки его помещения прошел человек, и ум Лито последовал за этим человеком. Проход оставался открыт, и Лито было видно там некое оживление, корзины со спайсом, провозимые мимо, три женщины в изысканных одеждах не с этой планеты, сразу обличавших в них контрабандисток. Человек, привлекший внимание Лито, не отличался бы ничем особенным, не иди он походкой Стилгара, намного помолодевшего Стилгара.

Именно эту особенность походки и отметил его ум. Осознание времени переполняло Лито, словно звездный шар. Ему были видны бесконечные пространства времени, но для того, чтобы понять, в каком же мгновении пребывает его собственное тело, ему приходилось втискиваться в собственное будущее. Многогранные жизни-памяти приливами и отливами вздымались и опадали в нем, но теперь все они были в его подчинении. Они были как волны на морском берегу, но если они поднимались чересчур высоко, он приказывал им, и они отступали, оставляя после себя лишь царственного Харума.

Снова и снова вслушивался он в эти жизни-памяти. Каждая — как суфлер, высовывающий голову над настилом сцены, чтобы подсказать нужную реплику поведения актера. Во время этой умственной прогулки пришел и его отец, сказав: «Ты — ребенок, стремящийся стать мужчиной. Когда ты станешь мужчиной, то тщетно будешь стремиться стать тем ребенком, которым был».

Все это время его тело терзали блохи и вши — за старым съетчем был плохой уход. Никто из прислуги, приносившей ему обильно сдобренную спайсом еду, как будто и внимания не обращал на этих тварей. Что, у этих людей иммунитет против них, или они прожили здесь так долго, что им наплевать на подобное неудобство?

Кто же эти люди, собравшиеся вокруг Гурни? Как они сюда прибыли? Джакуруту ли это? Его многочисленные памяти давали ответы, ему не нравившиеся. Отвратительные люди, и Гурни — самый отвратительный из всех. Хотя дремлющее в ожидании под уродливой поверхностью здесь было разлито совершенство.

Частично он понимал, что связан узами спайса, ощущал эти оковы в обильных дозах меланжа в каждом блюде. Его детское тело хотело взбунтоваться, в то время как ум его неистово носился сквозь непосредственную реальность памятей, уводящих за тысячи геологических эр.

Ум его вернулся из этого путешествия, и он усомнился, действительно ли тело так и оставалось на месте. Из-за спайса его ощущения смешались. Он чувствовал давление самоограничений, громоздящихся на него, как будто плоские барханы дюн бледа медленно поднимаются все выше у пустынной кручи. И однажды через вершину кручи потечет несколько струек песка, затем еще, еще и еще... И только песок будет глядеть в небо.

Но под ним все равно останется каменная круча.

«Я все еще в трансе», — подумал он.

Он знал, что скоро попадет на распутье жизни и смерти. Его тюремщики снова и снова ниспосылал и его в околдованность спайсом, неудовлетворяемые ответами, получаемыми при каждом повторном испытании. И всегда ждал со своим ножом коварный Намри. Лито были ведомы бесчисленные прошлые и будущие, но ему все еще предстоит выяснить, что же удовлетворит Намри... или Гурни Хэллека. Они хотели чего-то помимо его видений. Распутье жизни и смерти соблазняло Лито. Его жизнь, он понимал, должна будет приобрести какое-то внутреннее значение, которое вознесет его над обстоятельствами его видений. Думая об этом требовании, он ощутил свое внутреннее существование как нечто истинное, а внешнее — как пребывание в трансе. Это его ужаснуло. Он не хотел возвращаться в съетч с его блохами, Намри, Гурни Хэллеком.

«Я трус», — подумал он.

Но трус, даже трус, может умереть мужественно, с красивым жестом напоследок — единственным, что ему остается. Где же тот красивый жест, способный опять превратить его в единое целое? Как он может выполнить то, чего требует Гурни — очнуться от транса и видений ради открытого мироздания? Без этого превращения, без пробуждения от бесцельных видений он сам себя подвергает остаться пленником до конца своих дней. Его выбор совпадает с выбором его тюремщиков. Где-то он должен набраться мудрости, внутреннего равновесия, которое отразилось бы на мироздании и вернуло ему образ спокойной силы. Только тогда он сможет отыскать свою Золотую Тропу и жить в коже, которая будет не его собственная.

Кто-то играл на бализете. Лито ощущал койку у себя под спиной. Он слышал музыку. Это Гурни играет. Ничьи другие пальцы не могли сравниться с его по мастерству владения этим наисложнейшим инструментом. Играл он старую пес-

ню Свободных, называемую «Хадит» за ее внутреннее повествование и напоминание об обыденных занятиях, необходимых, чтобы видеть на Арракисе. Песня рассказывала о занятиях людей внутри съетча.

Лито ощутил, как музыка ведет его через чудесную древнюю пещеру. Он увидел женщин, работающих на ножной давильне, чтобы получить выжимки спайса для топлива, ставящих спайсовую закваску, ткущих спайсовую ткань. Меланж был в съетче повсюду.

И наступили мгновения, когда музыка и видение людей в пещере слились для Лито воедино. Подвывания и хлопки механического ткацкого станка стали подвыванием и хлопками бализета. Но его внутреннее зрение созерцало материи из человеческих волос, длинного меха крыс-мутантов, нитей хлопка из пустыни, полосок, нарезанных из птичьей кожи. Он увидел школу съетча. Экоязык Дюны на крыльях музыки яростно ворвался в его ум. Он увидел работающую на солнечной энергии кухню, длинное помещение, где изготовлялись и хранились стильсюты. Он увидел предсказателей погоды, делающих прогнозы по палочкам, вытянутым ими из песка.

Во время его путешествия кто-то принес ему еду и покормил его с ложки, поддерживая его голову сильной рукой. Он знал, что это ощущение — из настоящего, но восхитительная игра перемещений продолжалась в нем.

И, словно это пришло через миг после приема приправленной спайсом пищи, он увидел несущуюся песчаную бурю. Движущиеся образы дыхания песка стали золотыми отражениями в глазах мотылька, и его собственная жизнь сжалась до размеров вязкого следа ползучего насекомого.

Через его ум пронеслись слова из Паноплиа Профетикус: «Сказано, что нет ничего прочного, уравновешенного, ничего устойчивого во всем мироздании — ничего не остается в прежнем состоянии, и перемены приносит каждый день, а порой и каждый час».

«Старая Защитная Миссионерия знала, что делает, — задумался Лито. — Они знали об Ужасных Целях. Они знали, как манипулировать людьми и религиями. Даже мой отец не смог избегнуть этого». Здесь был ключик, с которым стоило разобраться. Лито внимательно его рассмотрел. Ощутил в себе достаточно сил вернуться в собственное тело. Все его многоликое бытие повернулось в противоположном направлении и посмотрело в открытый космос. Он присел — и

обнаружил, что находится один, в тусклой камере, освещаемой лишь светом из того прохода, где целую вечность назад привлек его внимание проходивший мимо человек.

— Доброго счастья всем нам! — по обычаю Свободных провозгласил он.

В дверной арке появился Гурни Хэллек, голова против света — черным силуэтом.

— Принесите свет, — сказал Лито.

— Хочешь и дальше проходить испытания?

Лито рассмеялся:

— Нет. Теперь моя очередь испытывать вас.

— Посмотрим, — Хэллек исчез и через мгновение появился с ярким голубым глоуглобом, несомым им в сгибе локтя левой руки. Он отпустил его к потолку и оставил плавать там над их головами.

— Где Намри? — спросил Лито.

— Прямо за дверью. Могу его позвать.

— А-а-а, Старик Вечность всегда ждет терпеливо, — сказал Лито. Он чувствовал занятное облегчение, стоя на пороге открытия.

— Ты называешь Намри именем, принадлежащим Шаи-Хулуду, — сказал Хэллек.

— Его нож — зуб червя, — ответил Лито. — Значит, он — Старик Вечность.

Хэллек хмуро улыбнулся, но промолчал.

— Ты все еще ждешь, чтобы вынести мне приговор, — сказал Лито. — Согласен, без вынесения приговоров нет способа обменяться информацией. Впрочем, нельзя от мироздания требовать точности.

Шуршащий звук позади Хэллека известил Лито, что входит Намри. Он остановился в полушаге слева от Хэллека.

— Левая рука ада, а? — сказал Лито.

— Неумно острить о Бесконечном и Абсолютном, — буркнул Намри и искоса взглянул на Хэллека.

— Разве ты Бог, Намри, чтоб ведать Абсолютным? — спросил Лито. Но внимание его было сосредоточено на Хэллеке. Оттуда последует приговор.

Оба мужчины просто пристально на него посмотрели, ничего не отвечая.

— Всякий приговор балансирует над обрывом ошибки, — объяснил Лито. — Претендовать на абсолютное знание — значит стать чудовищем. Познание — это бесконечное приключение на грани сомнения.

— В какую это словесную игру ты играешь? — спросил Хэллек.

— Пусть говорит, — сказал Намри.

— Это игра, которую первоначально затеял со мной Намри, — сказал Лито, и старый Свободный кивнул в знак согласия. Он не мог не узнать игру в загадки. — Наше восприятие имеет два уровня, — добавил Лито.

— Послание внешнее и сокровенное, — сказал Намри.

— Превосходно! — откликнулся Лито. — Ты сообщаешь мне внешнее — я отвечаю тебе сокровенным. Я вижу, я слышу, я обоняю, я осязаю — я ощущаю разницу температур, вкусовых ощущений. Я ощущаю течение времени. Я снимаю образчики эмоционального. А-а-а! Я счастлив. Понимаешь, Гурни? Намри? Нет никакой загадки человеческой жизни. Это не проблема, которую нужно разрешить, а реальность, которую нужно прожить.

— Ты испытываешь мое терпение, паренек, — сказал Намри. —Разве здесь ты хочешь умереть?

Но Хэллек сдерживающе поднял руку.

— Во-первых, я не паренек, — сказал Лито, впервые показывая, что желает слышать правильное обращение. — Ты не убьешь меня — я возложил на тебя ношу воды.

Намри наполовину вытащил криснож из ножен.

— Я тебе ничего не должен!

— Но Бог создал Арракис для закалки верных Ему, — сказал Лито. — Я не только показал вам мою веру, я заставил вас осознать собственное существование. Жизнь требует обсуждения. Вы были мной подведены к ЗНАНИЮ, что вы и в самом деле отличаетесь от других — таким образом, вы знаете, что вы живете.

— Опасно играть со мной в непочтительность, — сказал Намри, держа криснож наполовину вытащенным из ножен.

— Непочтительность — наинужнейшая составная часть религии, — сказал Лито. — Не говоря уж о ее важности в философии. Непочтительность — единственный оставленный нам способ пытать мироздание.

— Так, по-твоему, ты понимаешь мироздание? — спросил Хэллек, освобождая пространство для Намри.

— Мм-да, — сказал Намри, и смерть была в его голосе.

— Мироздание может быть понято только ветром, — сказал Лито. — Не обитает в мозгу мощной опоры рассудку. Творение — это открытие. Господь открыл нас Пустоте, потому что мы двигались на уже знакомом ему фоне. Была ровная стена. Затем — пришло движение.

— Ты играешь в прятки со смертью, — предостерег Намри.

— Но вы оба — мои друзья, — Лито поглядел прямо в лицо Намри. — Когда ты предлагаешь кандидатуру как Друг своего съетча, разве не убиваешь ты орла и ястреба — в знак, что ты доносишь предложение? И разве не следует ответ: «Бог посылает каждого человека к собственному концу, вот так ястребов, вот так орлов, вот так друзей?»

Рука Намри соскользнула с ножа. Лезвие ушло назад в ножны. Он уставился на Лито расширенными глазами. У каждого съетча был свой тайный ритуал дружбы — и вот она, часть этого обряда.

Но Хэллек спросил:

— В этом ли месте твой конец?

— Я знаю, что тебе нужно от меня услышать, Гурни, — сказал Лито, наблюдая за игрой надежд и подозрений на уродливом лице. Он положил руку на грудь. — Этот ребенок никогда ребенком не был. Мой отец живет внутри меня, но он — не я. Ты любил его, и он был доблестным человеком, деяния которого превыше высоких берегов. Намерением его было покончить с круговоротом войн, но в свои расчеты он не включил движения бесконечности, как оно выражаемо жизнью. Это — Раджия! Намри знает. Ее движение может увидеть любой смертный. Остерегайся троп, сужающих вероятности будущего. Такие тропы уведут тебя от бесконечности в смертельные ловушки.

— Это ли мне нужно услышать от тебя? — спросил Хэллек.

— Он просто играет словами, — сказал Намри — но голосом, полным глубоких колебаний и сомнений.

— Я объединяюсь с Намри против моего отца, — сказал Лито. — И мой отец внутри меня объединяется с нами против того, что из него сделали.

— Почему? — вопросил Хэллек.

— Потому что это то amor fati, что я несу человечеству, — акт окончательного экзамена, сдаваемого самому себе. Мой выбор в этом мире — быть союзником против любой силы, несущей унижение человечеству. Гурни! Гурни! Ты не в пустыне родился и вырос. Твоя плоть не ведает истины, о которой я говорю. Но Намри знает. На открытой местности одно направление не хуже другого.

— Я до сих пор не услышал того, что должен услышать, — сердито обрезал Хэллек.

— Он выступает за войну и против мира, — сказал Намри.

— Нет! — ответил Лито. — Как и мой отец нисколько не выступал против войны. Но посмотрите, что из него сделали. «Мир» в этой Империи имеет только одно значение — поддержание движения по единственному жизненному пути. Жизнь должна быть однообразна на всех планетах, как едино правительство Империи. Вам велят быть довольными. Главная цель штудий священнослужителей — найти правильные формы жизни. Ради этого они прибегают к словам Муад Диба! Скажи мне, Намри, ты доволен?

— Нет! — отрицание вырвалось спонтанно и бесстрастно.

— Значит, ты богохульствуешь?

— Разумеется, нет!

— Но ты недоволен. Понимаешь, Гурни? Намри это нам доказывает: каждый вопрос, каждая проблема не имеют единственного правильного решения. Надо разрешить разнообразие. Монолит неустойчив. Так почему ты требуешь от меня единственно верного высказывания? Этому ли быть мерилом твоего чудовищного приговора?

— Ты вынудишь меня убить тебя? — спросил Хэллек, глубокое страдание было в его голосе.

— Нет, я тебя пощажу, — ответил Лито. — Пошли весточку моей бабушке, что я буду сотрудничать. Бене Джессерит может еще пожалеть о таком сотрудничестве, но Атридес дает свое слово.

— Это надо проверить Видящей Правду, — сказал Намри. — Эти Атридесы...

— У него будет шанс сказать перед своей бабушкой то, что должно быть сказано, — Хэллек кивнул головой в сторону прохода.

Намри помедлил перед тем, как уйти, взглянул на Лито.

— Молюсь, что мы поступаем правильно, оставляя его в живых.

— Идите, друзья, — сказал Лито. — Идите и поразмыслите.

Когда двое мужчин удалились, Лито повалился на спину, ощутил холод от койки. От совершенного движения голова у него закружилась на грани его перегруженного спайсом сознания. И в этот миг он увидел всю планету — каждое поселение, каждый городок, большие города, пустыни и высаженную растительность. Все образы, обрушившиеся в его видение, были тесно взаимосвязаны со смесью стихий внутри и вовне самих себя. Он видел общественные структуры Империи отраженными в материальных структурах

планет и их обитателей. Это развернутое гигантское полотно его откровения он воспринял именно так, как следовало: как смотровое окно на невидимые механизмы общества. И, видя это, Лито понял, что для каждой системы есть такое окно. Даже для системы самого себя и собственного мироздания. И он принялся заглядывать в окна, космический подсмотрщик.

Это было то, к чему стремились его бабка и Сестры! Он это знал. Его самосознание вышло на новый, высший уровень. Он ощущал прошлое, несомое им в его клетках, его памятях, в архитипах, от которых строились его предположения, в кольцевых зарубках мифов, в известных ему языках и их праисторическом детрите. И все формы из его человеческого и дочеловеческого прошлого, все жизни, которыми он теперь правил, слились в нем наконец в единое целое. На фоне занавеса вечности он был протозойским творением, рождение и смерть которого по сути одновременны, но он был столь же бесконечным, сколь протозойским, творение, состоящее из молекулярных памятей.

«Мы, люди, есть форма семейного организма!» — подумал он.

Они хотят его сотрудничества. Обещание сотрудничать предоставило ему очередную отсрочку от смерти от ножа Намри. Добиваясь сотрудничества, они стремятся распознать целителя.

И он подумал: «Но не тот общественный порядок я им принесу, на который они расчитывают!»

Гримаса исказила рот Лито. Он знал, что не будет так бессознательно зловолен, как его отец — деспотизм как один конечный итог, и рабство как другой — но этот мир может молиться по «добрым старым дням».

И тогда его отец-память заговорил с ним, неназойливо, не в силах потребовать внимания, но прося его выслушать.

И Лито ответил: «Нет. Мы подкинем им головоломки, чтобы занять их умы. Есть много способов бегства от опасности. Откуда им знать, что я опасен, пока я не войду в их жизни на тысячи лет? Да, отец, мы понаставим им вопросительных знаков».

Нет в вас ни вины, ни невиновности. Все это в прошлом. Вина лупит мертвых, а я не железный Молот. Вы, множество

мертвых, всего лишь люди, совершавшие определенные вещи, и память об этих вещах освещает мою дорогу.

Лито II — своим жизням-памятям,
по Харк-ал-Аде.

— Само получается! — еле слышным шепотом сказал Фарадин.

Он стоял над кроватью леди Джессики, пара охотников прямо позади него. Леди Джессика приподнялась на руках. На ней был парашелковый халат мерцающе белого цвета и такая же лента в бронзовых волосах. Фарадин ворвался к ней несколько мгновений назад. На нем было серое трико. Лицо его вспотело — от возбуждения и от отчаянной пробежки по коридорам дворца.

— Сколько времени? — спросила леди Джессика.

— Времени? — озадаченно переспросил Фарадин.

Один из охранников подал голос:

— Третий час пополуночи, миледи.

Охрана боязливо посматривала на Фарадина. Молодой принц стремглав пронесся по освещенным ночными светильниками коридорам, и ошеломленные охранники сорвались вслед за ним.

— Но ведь получается, — сказал Фарадин. Он поднял левую руку, затем правую. — Я видел, как мои собственные руки уменьшаются в пухлые кулачки, и вспомнил! Это мои руки, когда я был маленьким. Я припомнил, как был маленьким, но это было... более ясная память. Я реорганизовывал мои воспоминания!

— Очень хорошо, — сказала Джессика. Его возбуждение было заразительно. — А что произошло, когда твои руки состарились?

— Мой... мой ум стал... косным. И у меня заболела спина. Вот здесь, — он коснулся места чуть выше левой почки.

— Ты выучил наиважнейший урок, — сказала леди Джессика. — Ты понимаешь, что это за урок?

Руки его упали, он поглядел на нее и сказал:

— Мой ум управляет моей реальностью, — глаза его сверкнули, и он повторил погромче. — Мой ум управляет моей реальностью!

— Это начало равновесия прана-бинду, — сказала Джессика. — Хотя всего лишь только начало.

— Что мне делать дальше? — спросил он.

— Миледи, — стражник, ответивший на ее вопрос, осмелился теперь вмешаться. — Время...

«Интересно, есть ли кто-нибудь в такой час на их пунктах слежения?» — подумала Джессика. И сказала:

— Удалитесь. Нам нужно поработать.

— Но, миледи... — охранник боязливо перевел взгляд с Фарадина на Джессику и обратно.

— По-твоему, я собираюсь его соблазнить? — спросила Джессика.

Тот закоченел.

Фарадина охватило веселье, он расхохотался и выпроваживающе махнул рукой.

— Вы слышали ее. Удалитесь.

Охранники поглядели друг на друга, но повиновались.

Фарадин присел на край кровати Джессики.

— Что дальше? — он покачал головой. — Хотелось мне верить тебе, и все же я не верил. Потом... потом мой ум как будто стал таять. Я устал. Мой ум сдался, перестал бороться с тобой. Вот так это было. Да, вот так! — он щелкнул пальцами.

— Не со мной боролся твой ум, — сказала Джессика.

— Конечно, нет, — согласился он. — Я сражался с самим собой, с той чушью, которой был обучен. Ну, что теперь дальше?

Джессика улыбнулась.

— Признаться, я не рассчитывала, что ты так быстро добьешься успеха. Тебе понадобилось только восемь дней и...

— Я был терпелив, — ухмыльнулся он.

— И терпению ты тоже начал учиться.

— Начал?

— Ты едва-едва пригубил от учености. Теперь ты и вправду младенец. До этого ты был... неродившейся возможностью.

Углы его рта поникли.

— Не будь так мрачен, — сказала она. — Ты это сделал. Это важно. Сколь многие могут сказать о себе, что они родились заново?

— Что следующее? — упорно повторил он.

— Ты будешь упражняться в том, чему научился, — сказала она. — Я хочу, чтоб у тебя это получалось очень легко, в зависимости лишь от твоей воли. Потом я заполню еще одно место в твоем сознании, которое это упражнение распахнуло в тебе наружу. Оно будет заполнено способностью проверять, как подействуют твои запросы на любую реальность.

— Это все, что мне сейчас делать?.. Упражняться в...

— Нет. Теперь ты можешь начать тренировку мускулов. Скажи мне, можешь ли ты пошевелить мизинцем левой ноги, чтобы больше ни один мускул твоего тела не дрогнул?

— Мизи... — она увидела, как на лице его появилось отстраненное выражение — он пробовал пошевелить мизинцем. Вскоре он поглядел на свои ноги, уставился на них. На его лбу выступил пот. Из груди вырвался глубокий выдох. — Нет, не могу.

— Да, можешь, — ответила она. — Ты этому научишься. Ты познаешь каждый мускул своего тела. Познаешь их точно так же, как знаешь свои руки.

Он тяжело сглотнул перед такой распахнутой перспективой. Затем спросил:

— Для чего ты это со мной делаешь? Каков твой план в отношении меня?

— Я намереваюсь высвободить тебя над мирозданием, — ответила она. — Ты станешь кем угодно — кем сам больше всего жаждешь стать.

Он осмысливал сказанное одно мгновение.

— Кем я только ни пожелаю стать ?

— Да.

— Это невозможно!

— Если только ты не научишься управлять своими желаниями так же, как управляешь своей реальностью, — сказала она. И подумала: «Вот оно! Пусть его аналитики разбираются с этим. Они посоветуют ему принять это, но с осмотрительностью, а Фарадин на шаг приблизится к пониманию того, что я делаю на самом деле».

Он сказал, проверяя свою догадку:

— Одно дело — сказать человеку, что он осознает свое сердечное желание. Другое дело — воистину подвести его к этому.

— Ты пойдешь дальше, чем я думала, — сказала Джессика. — Очень хорошо, обещаю: если ты полностью пройдешь программу обучения, ты станешь хозяином самому себе. Что ты ни сделаешь — это будет только то, чего ты захочешь.

«И пусть Видящая Правду попробует вычленить из этого все смыслы», — подумала она.

Он встал, и выражение его лица, когда он склонился над ней, было теплым, и было в нем чувство товарищества:

— Я, знаешь ли, верю тебе. Будь я проклят, если знаю,

почему я верю. И не скажу ни слова о других вещах, о которых думаю сейчас.

Джессика смотрела на него, пока он, пятясь задом, удалялся из ее спальни. Завернув глоуглобы, она легла. В Фарадине есть глубина. Он сказал ей ни много ни мало, как то, что начал понимать ее умысел, но по собственной воле присоединяется к ее заговору.

«Подожди, пока он не начнет постигать свои собственные эмоции», — подумала она. С этим она успокоилась и вернулась ко сну. Завтра утром, предвидела она, ей будут отчаянно докучать случайные встречи с разными придворными, задающими внешне невинные вопросы.

Человечество периодически проходит через убыстрение своих дел, переживая гонку между обновляемой жизнеспособностью существования и манящим обессиливанием декаданса. В этой периодической гонке любая пауза становится роскошью. Только тогда можно вообразить, что все дозволено, что все возможно.

Апокрифы Муад Диба.

«Касание песка — важно», — сказал Лито.

Ему, сидевшему под ослепительным небом, был ощутим крупнозернистый песок под ним. Его принудили съесть еще одну обильную дозу меланжа, и ум Лито обратился на себя самого, подобно водовороту. Глубоко внутри воронки этих завихрений покоился остававшийся без ответа вопрос: «Почему они добиваются того, что я это скажу?» Гурни был упрям — нет сомнений. И приказ свой он получил от леди Джессики.

Лито вывели из съетча на дневной свет ради его «урока». Из-за того, что тело его совершило эту короткую прогулку из съетча, в то время как ум присутствовал при битве Лито с Бароном Харконненом — наблюдая ее глазами обоих, у него было странное ощущение. Они сражались внутри него, через него, поскольку он не мог дать им сойтись в непосредственной схватке. Эта битва открыла ему, что случилось с Алией. Бедная Алия.

«Я был прав, страшась этого спайсового путешествия», — подумал он.

Горькая обида на леди Джессику переполнила его до краев. Проклятый ее Гом Джаббар! Сразиться с ним и

победить — или умереть при испытании. Она не могла поднести отравленную иглу к его шее, но она могла послать его в ту долину опасностей, перед которыми не устояла ее собственная дочь.

Внимание его привлекло сопение. Оно колебалось, становилось громче, тише, громче... тише. Он не мог определить, принадлежит ли оно нынешней реальности или навеяно спайсом.

Тело Лито поникло на скрещенные руки. Ягодицами он ощущал горячий песок. Прямо перед ним был коврик, но он сидел на голом песке. На коврик упала тень: Намри. Лито поглядел на запачканный рисунок ковра, по которому, чудилось ему, бежит пузырчатая рябь. Его сознание поплыло из настоящего через пейзаж, где до горизонта простирались взбудораженные зеленые кроны.

В черепе его стоял барабанный бой. Ему было жарко, его лихорадило. Лихорадка была давлением того жара, что заполнял его ощущения, вытесняя осознание собственного тела, пока не остались для него ощутимы лишь движущиеся тени грозящих опасностей. Намри и его нож. Давление... Давление... Наконец Лито простерся ничком между песком и небом, не ощущая ничего, кроме лихорадки. Теперь он ожидал, чтобы что-нибудь произошло, чувствуя, что любое событие станет главным и единственным.

Жаркое-прежаркое солнце топтало его, сокрушая ослепительным блеском, и ни успокоения, ни избавления. «Где моя Золотая Тропа?» Всюду ползли жучки. Всюду. «Моя кожа — не моя собственная». Он слал послания своим нервам, ожидая, что удастся добиться каких-то ответов от других в нем.

«Подними голову», — велел он своим нервам.

Голова, которая могла бы ползком волочиться вперед, поднялась и взглянула на заплаты пустоты в ярком свете.

— Он теперь глубоко в этом, — прошептал кто-то.

Никакого ответа.

Но солнце, полыхавшее огнем, возводило давящие здания жара.

Медленно, выпрямляясь, течение его сознания повлекло его через последнюю завесу зеленой пустоты и далее, по низким складкам дюн; не больше чем на километр от мелком прочерченной линии съетча лежало — ВОН ТАМ — зеленое расцветающее будущее, мощно растекавшееся, в изобилии бесконечной зелени, вспухающее зеленью, зелень, зелень, бесконечно наступающая.

И во всей этой зелени не было ни одного зеленого червя. Буйство диких зарослей, но нигде нет Шаи-Хулуда.

Лито ощутил, что это он переступил за прежние границы в новую страну, свидетельницей которой было лишь его воображение, и что непосредственно прозревает теперь сквозь ближайшую завесу то, что позевывающее человечество именует НЕИЗВЕСТНЫМ. Это стало кровожадной реальностью.

Он ощущал, как колышется на ветке красный плод его жизни, как сочится из него сок, и соком этим был спайс, текущий по его венам.

Раз нет Шаи-Хулуда — и спайса больше нет.

Он прозрел будущее без великого серого червя-змеи Дюны. Он понимал это, хотя и не мог вырваться из транса, чтобы отгородиться от собственного проникновения.

Его сознание резко отпрянуло назад — назад, назад, прочь из столь смертоносного будущего. Мысли его перетекли в его кишечник, стали примитивными, движимыми лишь напряженностью эмоций. Он обнаружил, что не в состоянии сосредоточиться на каком-то одном аспекте и его видения, и того, что в действительности его окружало, но внутри него звучал голос. Говорил голос на древнем языке, и Лито идеально его понимал. Голос был мелодичен и оживлен, но каждое слово словно било Лито по голове.

«Ты, глупец, вовсе не настоящее влияет на будущее, но будущее творит настоящее. Ты видишь обратную перспективу. Поскольку будущее задано, разворачивание событий, которые его обеспечат, происходит зафиксированно и неизбежно».

Слова эти пронзили его. Ужас пустил корни и в его материальное тело. Благодаря этому он понял, что тело его все еще существует, но отчаянная сущность и огромнейшая сила его видения оставили в нем чувства распада, беззащитности, он неспособен был послать сигнал своим мускулам и добиться их повиновения. Он понял, что все больше и больше уступает тому скопищу жизней, чьи памяти заставили его некогда повернуть в собственную реальность. Его наполнил страх. Он подумал, что, может быть, утрачивает свой контроль над ними, впадает, в итоге, в Богомерзость.

Лито почувствовал, как его тело корчится от ужаса.

Он попал в зависимость от одержанной победы и недавно достигнутого сотрудничества с жизнями-памятями. Все они обернулись против него, все они — даже царственный

Харум, которому он доверял. Он попытался мысленно сосредоточиться на собственном изображении, наткнулся на накладывающиеся рамки других изображений, каждое разного возраста: ребенок, впадающий в старческий маразм. Он припомнил первые уроки, полученные его отцом: «Пусть твои руки молодеют, затем стареют». Но все его тело было погружено теперь в сгинувшие реальности, и все попытки опереться на собственное воображение таяли среди других лиц, среди черт тех, кто наделил его своей памятью.

Алмазный удар грома разбил его на куски.

Лито ощутил, как рассыпаются в стороны кусочки его сознания — и все же сохранялось в нем осознание самого себя — где-то между бытием и небытием. С оживающей надеждой он ощутил, что тело его — дышит. Вдох... Выдох... Он сделал глубокий вдох: ЙИН. Он выдохнул: ЙАНГ.

Где-то, вне пределов его досягаемости, находилось место высшей независимости, победы над спутанным наследием множества его жизней — не ложного ощущения владычества над ними, но истинной победой. Он понял теперь свою предыдущую ошибку: он искал силы в реальности транса, предпочтя его прямой встрече с теми страхами, что он и Ганима вскармливали друг в друге.

«Страх одолел Алию!»

Но стремление к силе подсовывало другую ловушку, устремляя его в мир фантазии. Теперь он различал иллюзию. Весь процесс иллюзии повернулся на пол-оборота, и теперь он видел тот центр, из которого сможет бесцельно наблюдать за полетом своих видений, своих внутренних жизней.

Он ощутил душевный подъем. От этого ему захотелось смеяться, но он не позволил себе этой роскоши — зная, что она запрет двери памяти.

«А-а-а, мои памяти, — подумал он. — Я вижу нашу иллюзию. Вы больше не изобретаете для меня следующего мгновения. Вы просто показываете мне, как создавать новые мгновения. Я не замкнусь на прежней колее».

Эта мысль прошла через его сознание, как будто все в нем стирая набело, и влекомый этой мыслью, он ощутил все свое тело, einfalle, в самых доскональных деталях отчитывавшееся о каждой клеточке, каждом нерве. Он достиг состояния напряженного спокойствия. В этом спокойствии он услышал голоса — понимая, что они доносятся издалека, но вместе с тем слыша их так ясно, как будто их усиливало эхо ущелий.

Один из них был голосом Хэллека:

— Может быть, мы дали ему слишком большую дозу.

Намри отвечает:

— Мы дали ему именно столько, сколько она велела.

— Может, нам стоило бы сходить туда, еще раз на него взглянуть.

Это Хэллек.

— Сабиха смыслит в таких делах — она позовет нас, если что-то пойдет не так.

Это Намри.

— Не нравится мне это дело с Сабихой.

Хэллек.

— Она — необходимое составляющее.

Намри.

Лито ощутил яркий свет вокруг себя и пустоту внутри, но тьма была укромной, защищающей и теплой. Свет заполыхал, и Лито понял, что родился он из его внутренней тьмы, распространяясь теперь водоворотом сияющего облака. Тело его стало прозрачным, его потянуло вверх, но он сохранял при этом einfalle-контакт с каждой своей клеточкой и с каждым нервом. Множество внутренних жизней обрело порядок, ничего перепутанного и смешанного. Они стали очень тихи — воспроизводя его собственное внутреннее безмолвие, каждая жизнь-память присмирела, невещественное и неделимое бытие.

И тогда Лито с ними заговорил:

— Я — ваш дух. Я — единственная жизнь, которую вы можете осознать. Я — дом вашего духа в Стране Нигде, только напоминающей родное жилье. Без меня внятность мироздания обратится в хаос. Творческое и бездонное неразрешимо скованы во мне друг с другом — только я могу быть посредником между ними. Без меня человечество увязнет в трясине и тщете ЗНАНИЯ. Через меня, вы и оно найдете единственную дорогу из хаоса: ПОНИМАНИЕ ЖИЗНИ.

С этим он высвободил собственное «я» и стал самим собой, своей собственной личностью, сориентированной в цельность собственного прошлого. Это не было ни победой, ни поражением — чем-то новым, чтобы разделить это с любой внутренней жизнью по его выбору. Лито смаковал эту новизну, позволяя ей овладеть каждой клеточкой, каждым нервом, отказываясь от того, что предложила ему einfalle, и в ту же секунду обрстая целостность.

Через какое-то время, он очнулся в белой пустоте и, со

вспыхнувшим сознанием, понял, где находится его тело: сидит на песке в километре от той кручи съетча, что является его северной стеной. Он теперь не ведал сомнений, что это за съетч: Джакуруту... и Фондак. Но он очень сильно отличается и от легенд и мифов, и от слухов, которым потакают контрабандисты.

Прямо напротив него сидела на коврике молодая женщина, прицепленный к ее левому рукаву глоуглоб парил над ее головой. Когда Лито поднял взгляд выше глоуглоба, то увидел звезды. Он знал эту молодую женщину — она уже появлялась раньше в его видениях, это она жарила кофе. Она была племянницей Намри, так же готовой пустить в дело нож, как и ее дядя. Нож лежал у нее на подоле, подоле простого зеленого одеяния поверх серого стилсьюта. Сабиха, так ее звали. И у Намри были на нее собственные планы.

По глазам его Сабиха увидела, что он очнулся, и сказала:

— Уже почти заря. Ты провел здесь целую ночь.

— И большую часть дня, — сказал он. — Ты делаешь хороший кофе.

Это замечание ее озадачило, но она проигнорировала его — с той прямолинейностью мышления, что свидетельствовало, что нынешнее ее поведение определяется суровой подготовкой и подробнейшими инструкциями.

— Вот и час убийства, — сказал Лито. — Но твой нож больше не надобен, — он указал на нож у нее на подоле.

— Намри о том судить, — ответила она.

«Значит, не Хэллеку». Она лишь подтвердила его внутреннее знание.

— Шаи-Хулуд — великий уборщик мусора и уничтожитель ненужных свидетельств, — сказал Лито. — Я сам его так использовал.

Она непринужденно положила руку на рукоять ножа.

— Как показательно то, где каждый из нас сидит, — сказал Лито. — Ты сидишь на коврике, а я — на песке.

Ее рука полунакрыла рукоять ножа.

Лито зевнул, так сильно и широко, что у него заболели челюсти.

— У меня было видение, в котором и ты присутствовала, — сказал он.

Ее плечи слегка расслабились.

— Мы были очень односторонни в отношении к Аракису, — сказал он. — Просто варварство. Есть некая инерция в том, что мы до сей поры делаем, но кое-что из сделанного мы должны переделать. Чашечки весов надо уравновесить получше.

По лицу Сабихи скользнула хмурая озадаченность.

— Мое видение, — сказал он. — Если только мы не восстановим здесь, на Дюне, танец жизни, не будет больше дракона на полу пустыни.

Поскольку он использовал для червя название, употреблявшееся Старыми Свободными, она чуть замешкалась, чтобы его понять.

— Черви? — спросила она.

— Мы в темном проходе, — сказал он. — Без спайса распадется Империя. Не сдвинутся корабли Космического Союза. Воспоминания планет друг о друге будут все тускнеть и тускнеть. Планеты замкнутся на самих себя. Спайс станет той границей, на которой навигаторы Союза утратят свое мастерство. Мы станем цепляться за наши дюны, невежды насчет того, что есть над нами и под нами.

— Ты говоришь очень странно, — сказала она. — Как ты видел меня в своем видении?

«Полагайся на суеверия Свободных!» — подумал он. И сказал:

— Я стал пазиграфичен. Я — живая скрижаль, на которой надо высечь те перемены, которые должны проследовать. Если я их не запишу, вы встретитесь с такой сердечной болью, какой еще не испытывало человечество.

— Что это за слова? — спросила она, а рука ее легко покоилась на ноже.

Лито повернул голову на кручи Джакуруту, увидел начинающееся свечение, которым Вторая луна отмечала свой предрассветный проход за скалами. Предсмертный крик пустынного зайца потряс его душу. Он увидел, как Сабиха содрогнулась. Затем послышалось хлопанье крыльев — ночная птица, ставшая здесь ночной. Он увидел янтарное свечение многих глаз, проносящихся мимо него по направлению к трещинам кручи.

— Я должен следовать велениям моего нового сердца, — сказал Лито. — Ты смотришь на меня как на простого ребенка, Сабиха, но если...

— Он предостерегал меня насчет тебя, — сказала Сабиха, и плечи ее теперь напряглись в готовности.

Услышав страх в ее голосе, он сказал:

— Не бойся меня, Сабиха. Ты прожила на восемь лет больше моего тела. В этом я отношусь к тебе с почтением. Но во мне намного больше тысяч лет нерассказанных жизней — намного больше, чем знаешь ты. Не смотри на

меня как на ребенка. Я прошел через мосты многих будущих и в одном из них видел нас, переплетенных в любви. Тебя и меня, Сабиха.

— Что... Этого не может... — она смущенно осеклась.

— Эта мысль разовьется в тебе, — сказал он. — Теперь помоги мне вернуться в съетч, потому что я побывал во многих местах и ослаб, утомленный моими путешествиями. Намри должен услышать, где я был, — заметя в ней нерешительность, он добавил: — Разве я не Гость Пещеры? Намри должен узнать то, что открылось мне. Многое мы должны сделать, иначе выродится мир.

— Я не верю этому... Насчет червей, — сказала она.

— И насчет объятий любви тоже?

Она покачала головой. Но ему видно было, как мысли проплывают в ее мозгу подобно несомым ветром перышкам. Его слова и привлекали, и отталкивали ее. Необычайно соблазнительно, конечно, стать супругой властвующего. Но есть ведь и приказы ее дяди. Но сын Муад Диба может однажды стать правителем всего их мироздания — от Дюны до самых крайних его пределов. Отвращение, вспыхнувшее в ней к такому будущему, было необычайно в духе Свободных — народа, привыкшего прятаться в пещерах. Спутница Лито будет на виду у всех, станет объектом сплетен и пересудов. Она, однако, будет богата, но...

— Я — Сын Муад Диба, способный видеть будущее, — сказал он.

Она медленно убрала нож в ножны, легко поднялась с коврика, подошла к Лито и помогла ему встать на ноги. Лито немало позабавили ее дальнейшие действия: она аккуратно сложила коврик, повесила его через правое плечо. Он видел, что она сравнивает их рост, размышляя над его словами — «переплетенные в любви»?

«Рост — из тех вещей, которые меняются», — подумал он.

Она положила руку ему на руку, помогая ему и направляя его. Он споткнулся, и она резко проговорила:

— Здесь ЭТОМУ не место! — имея в виду нежелательный звук, который мог привлечь червя.

Лито ощутил, что тело его стало сухой скорлупкой, покинутой насекомым. Он узнал эту скорлупку: некогда в ней было общество, основанное на торговле меланжем и на Религии Золотого Эликсира. Его опустошили крайности. Высокие цели Муад Диба ниспали до волховства, поддерживаемого вооруженной силой Ауквафа. Религия Муад Диба

имеет теперь другое имя: Шьен-сан-Шао, икшианское словцо, означающее умоисступление и безумие считающих, будто они могут провести мироздание в рай на острие крисножа. Но и это изменится, как изменилось название Икс — попросту девятая планета их солнца, но они забыли язык, давший им это название.

— Джихад был видом массового безумия, — пробормотал он.

— Что? — Сабиха была сосредоточена на том, чтобы идти вне ритма, не выдавая своего присутствия на открытом песке. На мгновение она задумалась над его словами, затем истолковала их как еще один плод его очевидного истощения. Она ощущала слабость, то, как он был высосан трансом. Если должно ему быть убитым, как говорит Намри, то следует сделать это быстро, без всех этих игр в кошки-мышки. Но Лито говорил о дивном откровении. Может, именно за этим и гонится Намри. Наверняка должен быть мотив за действиями собственной бабушки этого ребенка. С чего бы еще Нашей Госпоже Дюны давать свое добро на столь опасные для жизни ребенка действия?

РЕБЕНКА?

Опять она задумалась над его словами. Они были уже у подножия кручи, и она остановила своего подопечного, дав ему секунду передохнуть в местечке побезопасней. Глядя на него в неясном звездном свете, она спросила:

— Как же так может быть — что больше не будет червей?

— Только я могу изменить это, — ответил он. — Не бойся. Я могу изменить что угодно.

— Но это...

— На некоторые вопросы нет ответов, — сказал он. — Я видел то будущее, но противоречия только собьют тебя с толку. Это — наш меняющийся мир, и мы — самое странное изменение из всех. Мы откликаемся на множество воздействий. Наши будущие нуждаются в постоянной модернизации. Сейчас имеется преграда, которую мы должны устранить. Это диктует нам жестокость, и совершать ее мы будем против наших самых основных и лелеемых желаний... Но это должно быть сделано.

— Что должно быт сделано?

— Ты когда-нибудь убивала друга? — вопросил он, отворачиваясь и проходя в расщелину, свод которой нависал над тайным входом в съетч. Шел он так быстро, как только позволяла измученность трансом, а она сразу его догнала, вцепилась в его одежду и заставила остановиться.

— Что это такое — об убийстве друга?

— Он все равно умрет, — сказал Лито. — Мне не придется убивать его самому, но я мог бы это предотвратить. А если я не предотвращу — разве это не значит, что я убью?

— Кто это... кто умрет?

— Альтернатива налагает на меня молчание, — сказал он. — Я, может, обязан буду отдать мою сестру чудовищу.

И опять он отвернулся от нее, и на этот раз оказал сопротивление, когда она потянула его за одежду, отказался отвечать на ее вопросы. «Лучше всего ей не знать, пока не наступит время», — думал он.

Естественный отбор описывается как работа окружающей среды по отборочному отсеву тех, кто даст потомство. Однако это чрезвычайно ограниченная точка зрения, когда дело касается людей. Воспроизведение через секс склонно к экспериментам и новшествам. Это ставит многие вопросы, в том числе тот, самый старый: является ли окружающая среда критерием при отборе после того, как видоизменение уже произошло, или же она заранее детерминирует те видоизменения, которые отсеет при отборе. Дюна никак не ответила на эти вопросы: она лишь поставила новые, которые Лито и Сестры могут попытаться разрешить за последующие пять сотен поколений.

Катастрофа Дюны, по Харк-ал-Аде.

В возвышавшиеся на расстоянии голые бурые утесы Защитной стены виделись Ганиме воплощением того призрака, что угрожал ее будущему. Она стояла на краю сада-крыши крепости, спиной к заходящему солнцу. Из-за пыльных туч солнце светило накаленным оранжевым, цветом столь же сочным, как у краев пасти червя. Ганима вздохнула, думая: «Алия... Алия... Предстоит ли мне повторить твою судьбу?»

Внутренние жизни в последнее время все громче заявляли о себе. Было что-то, связанное с внутренним миром женщин-Свободных — может, и вправду половые различия с мужчинами, но что бы это ни было — женщина всегда была более восприимчива к подобному внутреннему приливу. Ее бабушка предупредила ее об этом, когда они строили планы, и Ганима столько же почерпнула из аккумулированной

мудрости Бене Джессерит, сколько осознала через эту мудрость угрожавшее ей.

Леди Джессика внутри нее ей сказала:

— За нашим наименованием для предрожденных — Богомерзость — долгая история неоднократного горького опыта. Действие Богомерзости, как представляется, таково, что внутренние жизни разделяются. Они расщепляются на благоволящие и зловолящие. Благоволящие остаются покорными, полезными. Зловолящие, похожи, объединяются мощным психо, старающимся завладеть живым телом и его сознанием. Этот процесс, как известно, занимает определенное время, но признаки его легко узнаваемы.

— Почему ты бросила Алию? — спросила Ганима.

— Я в ужасе бежала от своего порождения, — тихим голосом ответила Джессика. — Я сдалась. И теперь меня тяготит то, что... может быть, я сдалась слишком рано.

— Что ты имеешь в виду?

— Еще не могу объяснить тебе, но... может быть... нет! Я не подам тебе ложных надежд. У Гхафлы, богомерзкого безумия, долгая история в человеческой мифологии. Его называли очень по-разному, но чаще всего — ОДЕРЖИМОСТЬЮ. Вот так оно выглядит. Злая воля сбивает тебя с пути и одерживает верх над тобой.

— Лито... боялся спайса, — сказала Ганима, обнаруживая, что может говорить о нем тихо. Жестокая потребовалась от них цена!

— И мудро, — ответила Джессика. И больше ничего не сказала.

Но Ганима пошла на опасность выплеска ее внутренних памятей, вглядываясь в прошлое сквозь странно расплывчатую завесу и сквозь тщетно рапространяющийся страх Бене Джессерит. Просто объяснить, что сокрушило Алию, — не принесет ни капли облегчения. Аккумулированный Бене Джессерит опыт указал ей на возможный выход из ловушки, однако же и Ганима, рискнув разделить внутреннюю жизнь с другими, прежде всего призвала Мохалату, благое партнерство, которое может ее защитить.

И сейчас она призывала жизнь-соучастницу, стоя в зареве заката на краю крыши-сада крепости. И сразу же явилась к ней жизнь-память ее матери. Чани стояла призраком между Ганимой и отдаленными обрывами.

— Войдя сюда, ты съешь плод Заккуума, пищу яда! — воззвала Чани. — Затвори эту дверь, дочка! Так будет лишь безопасней.

Вокруг видения с шумом нахлынула толпа внутренних

жизней, и Ганима сбежала, погрузив свое самосознание в Кредо Сестер, действуя больше из отчаяния, чем из доверия. Она быстро произнесла Кредо, шевеля губами, понижая голос до шепота:

— Религия — это подражание ребенка взрослому. Религия — это оболочка прежним верованиям — мифологии, являющейся догадками, скрытой убежденности, что мирозданию можно доверять, теми декларациями, что делают стремящиеся к личной власти мужчины, и все это перемешано с крохами просвещенности. И всегда непроизнесенное главенствующее повеление таково: «Да не вопросишь ты!» Но мы вопрошаем. Мы по ходу дела нарушаем это повеление. Работа, на которую мы себя направляем, — освобождение воображения, использование энергии воображения ради глубочайшего восприятия творчества человечеством.

Мысли Ганимы понемногу опять упорядочились. Хотя она ощущала, как трепещет ее тело, и знала, как непрочен достигнутый ею мир — и эта расплывчатая завеса в ее мозгу.

— Леб Камай, — прошептала она. — Сердце моего врага, да не станешь ты моим сердцем.

И она вызвала в памяти лицо Фарадина, сатурнинское молодое лицо с тяжелыми бровями и твердым ртом.

«Ненависть сделает меня сильной, — подумала она. — Через ненависть я смогу сопротивляться судьбе Алии».

Но осталась трепещущая непрочность ее положения, и все, о чем она могла теперь думать, — как Фарадин напоминает своего дядю, покойного Шаддама IV.

— Вот ты где!

Это к Ганиме справа подходила Ирулэн, широко — почти по-мужски шагавшая вдоль парапета. Повернувшись, Ганима подумала: «А она — дочь Шаддама».

— Почему ты все время ускользаешь сюда одна? — вопросила Ирулэн, становясь перед Ганимой и возвышаясь над ней с сердитым лицом.

Ганима воздержалась говорить, что она не одна, что стража видела, как она взбиралась на крышу. Гнев Ирулэн относился к тому факту, что место здесь было открытое и что здесь их могло настичь дальнобойное оружие.

— Ты не носишь стилсьют, — сказала Ганима. — Разве ты не знаешь, что в прежние времена любой, пойманный вне пределов съетча без стилсьюта, автоматически убивался. Растрачивать воду значило быть опасностью для племени.

— Вода! Вода! — бросила Ирулэн. — Я хочу знать, почему ты сама себя подвергаешь опасности таким образом. Пошли назад, вовнутрь. Мы все из-за тебя переволновались.

— Какая же теперь может быть опасность? — спросила Ганима. — Стилгар казнил всех изменников. Повсюду — охрана Алии.

Ирулэн посмотрела на темнеющее небо. На его серо-голубом занавесе уже стали видны звезды. Потом она снова поглядела на Ганиму:

— Не буду спорить. Меня послали сказать тебе, что мы получили послание от Фарадина. Он согласен, но по некоторым причинам он желает отложить церемонию.

— На сколько?

— Мы еще не знаем. Идут переговоры. Но Данкана отсылают домой.

— И мою бабушку?

— Она предпочла остаться пока что на Салузе.

— Кто может ее осуждать? — спросила Ганима.

— А, глупая стычка с Алией!

— Не дурачь меня, Ирулэн. Это не было глупой стычкой. Я слышала рассказы.

— Страхи Сестер...

— Истинны, — сказала Ганима. — Что ж, ты получила мое послание. Постараешься еще раз меня разубедить?

— Нет, сдаюсь.

— Тебе бы следовало знать лучше, чем пытаться мне лгать, — сказала Ганима.

— Очень хорошо! Я не оставлю попыток тебя разубедить. Такой курс — сумасшествие, — и Ирулэн подивилась, почему она позволяет себе так раздражаться на Ганиму. Сестры Бене Джессерит ни из-за чего не должны раздражаться.

— Я озабочена грозящей мне крайней опасностью. Ты это знаешь.

— Гани... ты дочь Пола... Как ты можешь...

— Потому что я — его дочь, — ответила Ганима. — Мы, Атридесы, ведем свой род от Агамемнона, и знаем, что в нашей крови. У нас, Атридесов, кровавая история — и мы не миримся с пролитой кровью.

Отвлеченная, Ирулэн спросила:

— Кто такой Агамемнон?

— До чего же скудно, оказывается, ваше хваленое образование Бене Джессерит, — сказала Ганима. — Я все время забываю, что ты видишь историю в уменьшающейся перспективе. Но мои воспоминания уходят до... — она осеклась: лучше не пробуждать эти тени от их хрупкого сна.

— Что бы ты там ни помнила, — сказала Ирулэн, — ты должна знать, как опасен этот курс для...

— Я убью его, — сказала Ганима. — Жизнь за жизнь.

— А я предотвращу это, если смогу.

— Мы уже это знаем. Тебе не предоставится возможность. Алия отошлет тебя на юг в один из новых городов, пока все не будет кончено.

Ирулэн уныло покачала головой.

— Гани, я дала клятву, что буду охранять тебя от любой опасности. Я заплачу за это собственной жизнью, если будет необходимо. Если ты думаешь, что я собираюсь бездельничать за кирпичными стенами какой-нибудь джедиды, пока ты...

— Всегда есть Хуануи, — мягким голосом сказала Ганима. — И альтернатива — водосборник смерти. Уверена, тебе не стоит вмешиваться от туда, где ты будешь.

Ирулэн побледнела, поднесла руку ко рту, забыв на мгновение всю свою выучку. Это было свидетельством, сколько заботы она вложила в Ганиму — почти полное забытье чего-либо, кроме животного страха.

— Гани, за себя я не боюсь. Ради тебя я брошусь в пасть червя. Да, я то, чем ты меня называешь — бездетная жена твоего отца. Но ты — мой ребенок, которого у меня никогда не было. Я умоляю тебя... — слезы блеснули в углах ее глаз.

Ганима, поборов тяжелый комок в горле, сказала: «Есть между нами и еще одно различие. Ты никогда не была Свободной. А я являюсь именно ей. Это — пропасть, которая нас разделяет. Алия это понимает. Кем там она еще ни будь, но это она понимает».

— Нельзя сказать, что Алия понимает, — с горечью проговорила Ирулэн. — Не знай я, что она из рода Атридесов, я бы решила, что она задалась целью уничтожить эту семью.

«А откуда тебе знать, что Алия до сих пор Атридес?» — подумала Ганима, дивясь слепоте Ирулэн. Она же — из Бене Джессерит, а где ж еще лучше знают историю Богомерзости? А она не позволяет себе даже думать об этом, не говоря уж о том, чтобы поверить. Алия, должно быть, заколдовала каким-то образом бедную женщину.

Ганима сказала:

— Я должна тебе долг воды. Ради этого я буду охранять твою жизнь. Но твой кузен поплатится. И не будем больше об этом.

Ирулэн уняла дрожь губ, вытерла глаза.

— Я так любила твоего отца, — прошептала она. — И даже не знаю, жив он или мертв.

— Может, он и не мертв, — ответила Ганима. — Этот Проповедник...

— Гани! Порой я тебя не понимаю. Стал бы Пол нападать на собственную семью.

Ганима пожала плечами, поглядела в меркнущее небо.

— Может быть, его развлекает такое...

— Как можешь ты так легко говорить об этом...

— Чтобы держаться подальше от темных глубин, — ответила Ганима. — Я не насмехаюсь над тобой. Видят боги, нет. Но я просто дочь своего отца. Я — каждый из тех, кто вложил свое семя в род Атридесов. Ты не думаешь о Богомерзости, а я ни о чем другом думать не могу. Я — предрожденная. Я знаю, что внутри меня.

— Глупое старое суеверие о...

— Нет! — Ганима подняла руку ко рту Ирулэн. — Я — проклятая программа развития всего Бене Джессерит, вплоть до... и включая мою бабушку. И я — много большее, — чиркнув ногтем по левой ладони, она расцарапала ее до крови. — Тело мое юно, но его жизненные опыты... О, БОГИ, Ирулэн! Опыты моих жизней! Нет! — она опять подняла руку, поскольку Ирулэн подошла поближе. — Я знаю все будущие, которые провидел мой отец. Во мне — мудрость многих жизненных сроков, и все их невежество тоже... вся их бренность. Если ты намерена мне помочь, Ирулэн, узнай сначала, кто я есть.

Ирулэн непроизвольно наклонилась и обняла Ганиму, обняла крепко, прижавшись щекой к ее щеке.

«Не делай так, чтобы я должна была убить эту женщину, — подумала Ганима. — Не допусти этого».

И только промелькнула в ней эта мысль, надо всей пустыней опустилась ночь.

Моя маленькая птичка, клювик в красных жилочках, Свой зов тебе послала, пропев над съетчем Табр. Лишь раз тебя окликнула, и ты ушел от нас, От нас ты удалился в Долину Похорон.

Плач по Лито II.

Лито пробудило звяканье водных колец в женских волосах. Он поглядел в открытый дверной проем своей камеры и увидел сидящую там Сабиху. Полуспутанным от дурмана спайса сознанием он увидел вокруг нее очертания

всего того, что открылось ему о ней в его видении. Она была на два года старше того возраста, когда большинство женщин Свободных выходят замуж или, по крайней мере, заключают помолвку. Следовательно, ее семья для чего-то ее приберегла... или для кого-то. Она брачного возраста... Это очевидно. Его подернутые видениями глаза видели ее существо из Земного прошлого человечества: темные волосы и бледная кожа, глубокие глазницы, придававшие зеленоватый отлив ее заполненным синевой глазам. Маленький носик, широкий рот над острым подбородком. И она была для него живым сигналом, что здесь, в Джакуруту, знают о плане Бене Джессерит — или подозревают, каков он. Значит, они надеются возродить через него Империю Фараонов, да? Вот почему они намереваются заставить его жениться на их Сестре? Сабиха наверняка не может этого предотвратить.

Хотя его тюремщикам известен этот план. И откуда они его узнали? Они не уходили вместе с ним туда, где жизнь становится движущейся перепонкой среди других измерений. В рефлекторную и круговую субъективность его видений, открывших ему, что Сабиха принадлежит лишь ему, и только ему одному.

Опять звякнули водные кольца в волосах Сабихи, и этот звук всколыхнул его видения. Он знал, где он побывал и чему научился. Ничто не сможет этого стереть. Он не ехал теперь в паланкине на большом Создателе под позвякивание водных колец среди других пассажиров и напевов их путевых песен. Нет... Он был здесь, в каморке Джакуруту, отправившийся в самое опасное из всех путешествий: прочь из Ал аз-сунна уал-джамас и назад в него, прочь из реального мира ощущений и назад в этот мир.

Что она делает здесь, с ее позвякивающими в ушах водными кольцами? О, да, помешивает очередную порцию того варева, что, как они считают, держит его в плену — пищу, приправленную эссенцией спайса, чтобы держать его наполовину в реальном мире, либо вне его, пока он либо не умрет, либо не достигнет успеха — план его бабушки. И всякий раз, когда он полагал, будто выиграл, они отсылали его назад. Леди Джессика, конечно, права — старая колдунья! Но что делать? Самое полное припоминание всех жизней внутри него бесполезно до тех пор, пока он не сумеет организовать данные и вспоминать их по своей воле. Эти жизни стали сырьем для анархии. Одна из них — или все вместе — могли бы его и одолеть. Спайс и его странное

пребывание здесь, в Джакуруту, — игра по отчаянным ставкам.

«Сейчас Гурни ждет знака, а я отказываюсь его подать. Сколько продлится его терпение?»

Он посмотрел на Сабиху. Она откинула капюшон, обнажив татуировку племени на висках. Лито сначала не узнал татуировку, затем вспомнил, где он находится. Да, Джакуруту до сих пор живет.

Лито не знал, благодарить ли свою бабушку или ненавидеть ее. Она хотела, чтобы его инстинкты вышли на уровень самосознания. Но инстинкты — это только расовая память о том, как управляться с кризисами. Его непосредственные воспоминания других жизней рассказывают ему намного больше этого. Теперь он их упорядочил — и видел, в чем опасность разоблачения себя перед Гурни. И нет способа утаить свое откровение от Намри. Да, Намри — еще одна проблема.

Сабиха вошла в его каморку с чашей в руках. Он восхитился тем, как падал свет, радужным свечением окаймляя ее волосы. Она нежно приподняла его голову и принялась кормить его из чаши. И только тогда Лито осознал, как же он слаб. Он позволил ей кормить себя, а ум его блуждал, припоминая собеседования с Гурни и Намри. Они ему верят! Намри больше, чем Гурни, но даже Гурни не может отрицать того, что его чувства уже поведали ему о происходящем на этой планете.

Сабиха вытерла его рот краем своего платья.

«А-а-а, Сабиха! — подумал он, припоминая другие видения, болью наполнявшие его сердце. — Много ночей грезил я возле открытой воды, прислушиваясь к дующим над головой ветрам. Много ночей мое тело покоилось рядом со змеиным логовом, и сквозь летний жар я грезил о Сабихе. Я видел, как она укладывает спайсовый хлеб на раскаленные докрасна пластальные противни. Я слышал чистую воду канала, нежную и сияющую, но буря бушевала в моем сердце. Она отхлебывает кофе и ест. Зубы ее сверкают среди теней. Я вижу ее вплетающей в свои волосы мои водные кольца. Благоуханный аромат от ее груди поражает меня до глубины души. Она терзает меня и гнетет самим своим существованием».

Давление его множественных памятей погрузило его в недвижность округлившегося времени — то, чему он раньше сопротивлялся. Он ощутил объединившиеся тела, издавае-

мые любовниками звуки, ритмы, вплетавшиеся в каждое чувственное впечатление — губы, дыхание, влажные выдохи, языки. Где-то внутри его видения возникли угольного цвета завитки, и он ощущал, как пульсируют эти завитки, поворачиваясь внутри него. В его черепе взмолился голос: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...» Мужская сила вспухала в его чреслах, и он ощутил, держась и цепляясь за восставшую палицу экстаза, как открылся его рот. Затем — вздох, медлящая сладость тяжелых волн, опадание.

О, как же сладостно будет воплотить это в реальности!

— Сабиха, — прошептал он. — О, моя Сабиха.

Когда ее подопечный явно погрузился после приема пищи в глубокий транс, Сабиха взяла чашу и ушла, помедлив у дверей, чтобы заговорить с Намри:

— Он опять называл мое имя.

— Вернись к нему и побудь с ним, — велел Намри. — Я должен найти Хэллека и обсудить с ним это.

Сабиха поставила чашу у двери и, вернувшись в каморку, села на край койки, созерцая затененное лицо Лито.

Она накрыла его руку своей, когда он заговорил. Как же он сладок, до чего же сла... Она поникла на койку, баюкаемая его рукой, пока совсем не впала в забытье. Тогда он вытянул руку. Присел, чувствуя, до чего же глубока его слабость. Спайс и видения опустошили его. Он пошарил по клеткам своего тела, собирая все уцелевшие искорки энергии, слез с койки, не потревожив Сабиху. Он должен идти — хоть и знает, что далеко не доберется. Он медленно застегнул свой стильсьют, надел робу, скользнул по коридорам к проходу наружу. Людей было совсем немного, все занятые своими делами. Они знали его — но он ведь не на их попечении. Намри и Хэллек наверняка знают, что он делает, да и Сабиха не может быть далеко.

Он нашел нечто вроде бокового прохода — то, что ему было нужно — и смело двинулся по нему.

Оставленная им Сабиха безмятежно спала, пока ее не разбудил Хэллек.

Она села, протерла глаза, увидела пустую койку, своего дядю, стоящего позади Хэллека, гнев на их лицах.

Намри ответил на выразившийся на ее лице немой вопрос:

— Да, он ушел.

— Как ты могла дать ему сбежать? — разъярился Хэллек. — Как такое возможно?

— Видели, как он шел к нижнему выходу, — странно спокойным голосом сказал Намри.

Съежившись от страха Сабиха старалась припомнить.

— Как? — вопросил Хэллек.

— Я не знаю. Я не знаю.

— Сейчас ночь, и он слаб, — сказал Намри. — Далеко он не уйдет.

— Ты хочешь, чтобы мальчик умер! — повернулся к нему Хэллек.

— Меня бы это не расстроило.

И опять Хэллек повернулся к Сабихе:

— Расскажи мне, что произошло.

— Он коснулся моей щеки. Говорил и говорил со мной о своем видении... о нас вместе, — она поглядела на пустую койку. — Он меня усыпил. Какими-то чарами.

Хэллек взглянул на Намри:

— Может он прятаться где-нибудь внутри съетча?

— Внутри негде. Его бы увидели, обнаружили. Он направлялся к выходу. Он где-то снаружи.

— Чары, — пробормотала Сабиха.

— Никаких чар, — проговорил Намри. — Он ее загипнотизировал. Со мной ведь тоже чуть такого не сделал, помнишь? Сказал, что я — его друг.

— Он очень слаб, — сказал Хэллек.

— Только телесно, — возразил Намри. — Но далеко он все равно не уйдет. Я вывел из строя каблучные насосы его стилсьюта. Он умрет от обезвоживания, если мы его не найдем.

Хэллек чуть не ударил Намри со всего размаху, но жестко взял себя в руки. Джессика предупреждала его, что Намри, может быть, должен будет убить паренька. Великие боги! До чего же они докатились, Атридесы против Атридесов.

— Возможно ли, что он ушел как лунатик — в спайсовом трансе? — спросил Хэллек.

— А в чем разница? — спросил в ответ Намри. — Если он ускользнет от нас, то наверняка умрет.

— Мы начнем поиски с первой зарей, — сказал Хэллек. — Он взял фремкит?

— Всегда есть несколько возле наружной двери, — ответил Намри. — Надо быть дураком, чтоб не взять. А он никогда не казался мне дураком.

— Тогда отправь послание нашим друзьям, — сказал Хэллек. — Сообщим им, что произошло.

— Никаких посланий сегодня ночью, — сказал Намри. —

Надвигается буря. Племена ушли от нее на три дня пути. Она будет здесь к полуночи. Линия связи уже бездействует. Спутники передали сигнал окончания связи с нашим сектором два часа назад.

Глубокий, судорожный вздох сотряс Хэллека. Мальчик наверняка погибнет, если его настигнет песчаная буря. Она сдерет мясо с костей, а кости иссечет на кусочки. Их задумка была лишь пугнуть его смертью — но смерть станет настоящей. Он ударил кулаком по ладони. Буря как пить дать запрет их в съетче. Они не смогут даже выйти на вершину съетча. Затишье перед бурей уже изолировало съетч.

— Дистранс, — сказал он, размышляя о том, как бы они могли запечатлеть послание в голосе летучей мыши и отправить ее с сигналом тревоги.

Намри покачал головой.

— Летучая мышь не полетит в бурю. Нет-нет, старина. Они чувствительнее нас. Они уже попрятались в расщелины обрывов, пока она не минует. Лучше подождать, пока спутники снова выйдут с нами на связь. Тогда мы сможем попробовать найти его останки.

— Нет — если он взял фремкит и спрячется в песке, — сказала Сабиха.

Ругаясь себе под нос, Хэллек отвернулся от нее и зашагал прочь размашистым шагом.

Мир требует компромиссных решений, но мы никогда не достигаем действительных решений — мы только работаем, прокладывая к ним путь. Беда с миром в том, что он больше склонен карать за ошибки, чем вознаграждать великолепие.

Слова Моего Отца: рассказ Муад Диба, по реконструкции Харк ал-Ады.

— Она обучает его? Обучает Фарадина?

Алия грозно взглянула на Данкана Айдахо, с примесью злости и недоверия. Хайлайнер Союза вышел на орбиту Арракиса в полдень по местному времени. Часом позже корабль высадил Айдахо на Арракисе — без уведомления, но с явно показываемой беспечностью. Через несколько минут орнитоптер доставил его на плоскую крышу крепости. Предупрежденная о его скором прибытии, Алия встретила его там, держась перед своими стражами с

холодной сдержанностью, но теперь они стояли в ее аппартаментах под северным краем. Он просто доложил ей обо всем, правдиво, точно, подчеркивая все данные в манере ментата.

— Она выжила из ума, — сказала Алия.

Он воспринял это заявление как проблему для ментата.

— Все существующие данные указывают, что она уравновешена и в здравом рассудке. Я бы сказал, ее индекс здравомыслия был...

— Брось это! — огрызнулась Алия. — Что она может замышлять?

Айдахо, знавший, что теперь его собственное эмоциональное равновесие зависит от того, насколько глубоко он погружается в ментатный холод, ответил:

— По моим расчетам, она думает о помолвке своей внучки, — он тщательно сохранял на лице бесстрастное выражение, маску гнетущей скорби, грозившей его поглотить. Алии здесь нет. Алия мертва. На какое-то время он сохранял еще в своих чувствах миф об Алии, сооруженный им для собственных нужд, но ментату такой самообман доступен лишь на ограниченное время. Это создание, рядящееся под человека, — одержимо; демонический психо управляет ей. Его стальные глаза с миллиардами граней способны были по его воле воспроизводить перед его органами зрения множество Алий-мифов. Но когда он соединял их в единый образ, никакой Алии не существовало. Ее черты поневоле вели к другим выводам. Она была лишь оболочкой, под которой вершится возмутительное надругательство.

— Где Ганима? — спросил он.

Она отмахнулась:

— Я отослала ее вместе с Ирулэн на попечение Стилгара.

«Нейтральная территория, — подумал он. — Состоялись еще одни переговоры с мятежными племенами. Она теряет почву под ногами и не понимает этого... или понимает? Нет ли другой причины? Не покинул ли Стилгар ее сторону?»

— Помолвка, — задумалась Алия. — Каковы условия Дома Коррино?

— Салуза кишмя кишит понаехавшими родственниками, все работают на Фарадина, надеясь урвать свою долю при его возвращении к власти.

— И она готовит его по методике Бене Джессерит?..

— Разве это не годится для мужа Ганимы?

Алия улыбнулась про себя, подумав о несокрушаемой

ярости Ганимы. Пусть его Фарадин учится. Леди Джессика обучает труп. Вся работа пойдет впустую.

— Я должна подробно это обдумать, — сказала она. — Ты что-то притих, Данкан.

— Я жду твоих вопросов.

— Понимаю. Я, знаешь ли, очень на тебя сердита. Увезти ее к Фарадину!

— Ты велела, чтобы это выглядело натуральным.

— Я вынуждена была выступить с иском, будто бы вы оба захвачены в плен.

— Я повиновался твоим приказам.

— Ты порой так буквален, Данкан, что чуть ли не пугаешь меня. Но если б тебя не было, ладно...

— Леди Джессика устранена так, чтобы больше не навредить, — сказал он. — А ради Ганимы мы должны быть благодарны, что...

— Чрезвычайно благодарны, — согласилась она. И подумала: «Ему больше нельзя доверять. Он хранит эту проклятую верность Атридесам. Я должна найти предлог, чтобы отослать его прочь... и уничтожить. Несчастный случай, разумеется».

Она коснулась его щеки.

Он заставил себя ответить на ласку, взяв ее руку и поцеловав.

— Данкан, Данкан, как же это печально, — сказала она. — Но я не могу тебя здесь со мной оставить. Слишком много происходит вокруг, и слишком немногим я могу полностью доверять.

Отпустив ее руку, он ждал.

— Я была ВЫНУЖДЕНА отправить Ганиму в Табр, — продолжила она. — Слишком здесь беспокойно. Набегами из Каньонных Земель разрушены каналы Кагга Базина, вся их вода выпущена в песок. Арракин на жестком рационе. Базин живет еще за счет песчаной форели, пожиная урожай воды. Там, конечно, нужно вмешаться, но наши силы растянуты так, что стали слишком тонки.

Он уже заметил, как мало амазонок из личной гвардии Алии оставалось в крепости-Твердыне. И подумал: «Маркизет Внутренней пустыни будет и дальше испытывать на прочность ее оборону. Разве она этого не понимает?»

— Табр остается нейтральной территорией, — сказала она. — Там прямо сейчас продолжаются переговоры. Там Джавид, с делегацией Квизарата-Жречества. Но я бы хотела,

чтобы ты был в съетче Табр и присматривал за ними, особенно за Ирулэн.

— Да, она из Дома Коррино, — согласился он.

По ее глазам он понял, что она поставила на нем крест. До чего ж прозрачным стало это новое создание в оболочке Алии!

Она махнула рукой.

— Теперь ступай, Данкан, а то я передумаю и оставлю тебя при себе. Я так по тебе соскучилась...

— И я по тебе, — в этой короткой фразе он дал вылиться всей своей скорби.

Она воззрилась на него, потрясенная его печалью.

— Ради меня, Данкан... — и подумала: «Слишком плохо, Данкан». Всух же сказала: — Зиа отвезет тебя в Табр. Нам надо, чтобы орнитоптер вернулся назад.

«Ее любимая амазонка, — подумал он. — Я должен быть с ней осторожен».

— Понимаю, — и он опять поцеловал ей руку. Он посмотрел на дорогое ему тело, некогда бывшее его Алией. Уходя, он не смог заставить себя взглянуть ей в лицо, кто-то другой взглянул бы на него ее глазами.

Поднимаясь на крышу крепости-Твердыни, Айдахо все больше ощущал, сколько же вопросов осталось без ответа. Если говорить о той его части, что была ментатом, не перестающим учитывать все данные и признаки, то встреча с Алией оказалась для него чрезвычайно утомительной. Он ждал возле орнитоптера вместе с одной из амазонок Алии, угрюмо смотря на юг. Воображение уносило его взгляд на Защитную стену, к съетчу Табр. «Почему в Табр везет меня Зиа? Отгонять назад геликоптеры — лакейская работа. И почему задержка? Не получает ли Зиа особые инструкции?»

Айдахо взглянул на дозорную, забрался в орнитоптер на место пилота. Высунувшись из кабины, сказал:

— Передай Алии, я немедленно пришлю орнитоптер назад с одним из людей Стилгара.

Дозорная не успела запротестовать, как он закрыл дверь и включил орнитоптер. Он видел, что дозорная в нерешительности. Как можно возражать супругу Алии? Он поднял топтер в воздух до того, как она решила, что ей делать.

Теперь, внутри топтера, он дал волю своей скорби и от глубины души сокрушительно разрыдался. Алии больше нет. Они расстались навсегда. Слезы струились по его тлейлаксовским глазам, и он прошептал:

— Пусть все воды Дюны уйдут в песок. Им не сравниться с моими слезами.

Однако же, это была не ментатская крайность, каковой он ее и признал, заставив себя переключиться на трезвую оценку нынешних нужд. Топтер требовал его внимания. Управление топтером принесло ему некоторое облегчение, и он снова взял себя в руки.

«Ганима опять со Стилгаром. И Ирулэн».

Почему Зиа была назначена ему в попутчицы? Он поставил эту проблему перед собой как перед ментатом — и от ответа у него мороз пробежал по коже: «Со мной должен был произойти несчастный случай».

Каменная река с черепом правителя не принимает молитв. Она стала гробницей плача. Только ветру слышен голос этого места. Крики ночных зверей и преходящее странствие двух лун — все говорит о том, что день кончился. Не придут больше молящиеся. Гости удалились с праздника. Как же гола тропа, ведущая с этой вершины.

Надпись на раке Герцога Атридеса. Аноним.

Все представлялось Лито с обманчивой простотой: избегать, чтобы его заметили, делать то, чего никто не увидит. Он распознавал ловушку в подобном представлении — случайные нити стиснутого будущего очень даже могут переплетаться, пока не опутывают тебя намертво — но ведь он теперь по-новому их крепко ухватил. Ни в одном из видений он не видел себя бегущим из Джакуруту. Значит, ниточку к Сабихе нужно обрезать первой.

Он скорчился в затухающем дневном свете на восточном краю защищавшего Джакуруту утеса. Во фремките нашлись энергетические таблетки и еда. Теперь он набирался сил. К западу располагалось озеро Азрак, гипсовая равнина, где некогда — в дни до червя — была открытая вода. Невидимое, к востоку находилось Бене Шерк, несколько новых разбросанных поселений, вторгшихся в открытый эрг. К югу была Танцеруфт, Страна Ужаса: три тысячи километров пустыни, где лишь встречаются порой заплатки укрепляющих дюны трав и ветряные ловушки для их полива — работа экологического преображения, переделывавшего ландшафт Дюны. Их обслуживали воздушные бригады, и никто не задерживался там надолго.

«Я пойду на юг, — сказал Лито. — Гурни ожидает, что я именно так и поступлю. Но не то время сейчас, чтобы выкидывать что-нибудь совершенно неожиданное».

Скоро наступит тьма, и он сможет покинуть свое временное потайное пристанище. Он поглядел на южную линию горизонта. Там посвистывала с сумрачного неба, перекатывалась подобно дыму, полыхала волнистая полоса пыли — буря. Он увидел, как высокий центр бури взметнулся над Великой Равниной, подобно любопытствующему червю. Целую минуту этот центр не двигался ни вправо, ни влево. Старая присказка Свободных появилась в его мозгу: «Если центр бури не движется — значит, ты на его пути».

Этот шторм все меняет.

Мгновение он смотрел на запад, назад, на съетч Табр, вбирая обманчивый сумрачно-серый покой вечерней пустыни, видя слой белого гипса с отшлифованными ветром голышами по краям, необитаемую пустоту с ее нереальной поверхностью светящегося белого цвета, отражающей пылевые облака. Ни в одном из своих видений не видел он себя уцелевшим в вихре бури-матери — либо как зарывается в песок достаточно глубоко, чтобы уцелеть. Было только то видение, когда он перекати-полем катился под ветром... Но ведь это, может быть, не сейчас.

А буря уже шла, охватывая многие градусы широты, бичами ветра покоряя перед собой мир. Можно рискнуть. Были старые истории — всегда услышанные от друга друзей — будто некто сумел удержать на поверхности истощенного червя, вогнав хук Создателя под одно из его широких колец, и, сковав его таким образом, выехать на нем из бури в подветренной тиши. Была в этом искушающая его грань между дерзновением и несостоятельным безрассудством. Буря, самое раннее, придет лишь к полуночи. Еще есть время. Сколько нитей он может на этом перервать? Все, включая и самую последнюю?

«Гурни будет ожидать, что я направляюсь на юг — но не в бурю».

Он поглядел на юг, ища пути, увидел текучие эбеновые штришки глубокой теснины, прорезавшей Твердыню Джакуруту. Увидел он завитки песка в кишке теснины, химерического песка. Они, словно вода, струились на равнину высокомерными струйками. Раздирающая горло жажда зашептала у него во рту, когда он вскинул на плечи фремкит и направился по спускавшейся в этот каньон тропинке. Еще

достаточно светло, и его могут увидеть, но время сейчас — его главная и отчаянная ставка.

Когда он достиг дна каньона, над ним быстро опустилась ночь центральной пустыни. Только иссушающее глиссандо лунного света освещало ему теперь путь на Танцеруфт. Сердце его забило быстрее, наполняясь всеми теми страхами, что в изобилии хранили его памяти. Он чувствовал, что, может быть, движется прямо в Хуануи-наа, как Свободные в страхе своем называли величайшие бури: Дань Смерти Земле. Но, чтобы ни приближалось, в его видениях этого не было. Каждый шаг оставлял все дальше позади него спайсом порожденную дхьяну — распространяющееся осознание своей интуитивно-созидательной натуры с его разверткой по неподвижной цепи случайностей. Теперь по крайней мере каждые сто шагов надо было делать шажок в сторону, за границы слов и внутрь связи с его заново ухваченной внутренней реальностью.

«Одним путем или другим, отец, я иду к тебе».

Вокруг него таились в скалах невидимые птицы, давая о себе знать негромкими звуками. Наделенный мудростью Свободных, он прислушивался к их эху, чтобы определить дорогу, видеть которую не мог. Часто, проходя мимо трещин, он видел в них злобную зелень глаз — тварей, прятавшихся в убежищах при приближении бури.

Он вышел из каньона в пустыню. Под ним двигался и дышал песок, говоря о глубинной активности и латентных фумаролах. Он оглянулся на тронутые лунным светом чашечки лавы над отрогами съетча. Вся структура была метаморфичной, в основном сформированной давлением. У Арракиса оставалось еще что сказать своему будущему. Лито установил тампер, вызывая червя, и, когда тот заколотился о песок, занял позицию, с которой все будет видно и слышно. Его рука бессознательно нашла ястребиное кольцо Атридесов, скрытое под узловатой складкой его дишсаши. Гурни его нашел — но оставил ему. О чем тогда подумал — увидя кольца Пола?

«Отец, жди меня вскоре».

Червь пришел с юга. Он изгибался, обходя скалы, не такой большой, как надеялся Лито. Но ладно, это ничего. Он перехватил червя, вогнал в него крючья, быстро, цепляясь, вскарабкался на чешуйчатый бок червя, пока тот обрушивался на тампер, посреди свистящей серой пыльцы. Червь послушно последовал туда, куда направили его крючья Лито.

Они поехали — с ветерком, развевавшим одеяния мальчика. Он устремил взгляд на южные звезды, потускневшие за завесой пыли, и направил червя туда.

ПРЯМО В БУРЮ.

Когда взошла Первая луна, Лито прикинул высоту бури и приблизительно определил время, когда она придет. Не раньше, чем на заре. Она расширялась, собирала энергию для гигантского броска. Много задаст она работы бригадам экологического преображения. Словно бы сама планета с разумной яростью выходила отсюда на бой с ними, с яростью тем более возраставшей, чем больше земель охватывало преображение.

Всю ночь он гнал червя к югу, через его движения, передающиеся его ногам, улавливая, какой у червя есть запас энергии. Периодически он давал червю сворачивать к западу, куда того беспрестанно тянуло — либо, чтоб вернуться в невидимые границы собственной территории, либо всеми инстинктами чувствуя приближение бури. Черви закапываются в песок, чтобы спастись от секущих песчаных ветров, но этот червь не уйдет под поверхность, пока крючья Создателя держат одно из его колец открытым.

К полуночи червь стал выказывать множество признаков изможденья. Лито переместился назад по его большим гребням и заработал цепом, позволив червю замедлить ход, но все так же направляя его на юг.

Буря настигла их сразу после зари. Сперва была росистая простертая неподвижность пустынного рассвета, прижимающая дюны одну к другой. Затем первая пыль заставила Лито застегнуть отвороты стильсюта на лице. В сгущающейся пыли пустыня стала сумраком, лишенным очертаний. Затем песчаные иглы начали покалывать его щеки, впиваться ему в губы. Он ощутил жесткий крупнозернистый песок на языке и понял, что настал решающий миг. Да стоит ли рисковать, полагаясь на старые байки, и еще больше понукать почти изможденного червя? Он за долю секунды отверг этот выбор, опять пробрался к хвосту червя, вытащил крючья. Уже едва шевелясь, червь начал зарываться. Но его переработавшая теплораспределительная система успела выпустить — словно из духовки — циклончик жара в нарастающей буре. Дети Свободных с самых ранних лет знали, как опасно находиться у хвоста червя. Черви были фабриками кислорода — воздух бешено загорался за ними, благодаря обильным выбросам продуктов химических реак-

ций, снимавших в них негативные последствия внутреннего трения.

Песок начал захлестывать его ноги. Лито выпустил крючья и прыгнул подальше, избегая раскаленной топки в хвосте червя. Все зависело теперь от того, успеет ли он забраться под песок в том месте, где червь разрыхлил спрессованную поверхность.

Сжимая в левой руке прибор стационарного уплотнения, Лито зарылся под скользящую поверхность дюны — зная, что червь слишком устал, чтобы обернуться и проглотить его своей огромной бело-оранжевой пастью. Работая левой рукой, чтобы зарыться поглубже, он правой извлек стилтент из своего фремкита и приготовил его к надуванию. Все было сделано меньше чем за минуту — и вот он уже впихивает тент в плотный кармашек песчаных стен с подветренной стороны дюны. Он надул тент, забрался в него. Перед тем, как наглухо застегнуть сфинктер, он втащил внутрь стационарный уплотнитель и выключил его. Скользящие пески дюны поползли на тент. Но лишь несколько песчинок проникли внутрь, прежде чем он закрыл вход.

Теперь он должен работать еще быстрее. Ни один пескошноркель не дотянется отсюда до поверхности, чтобы обеспечить его воздухом. Буря великая, такая, в которой очень немногие выживают. Она может накрыть его тоннами песка. И только нежный пузырек тента да внешнее уплотнение будут его защищать.

Лито вытянулся на спине, сложил руки на груди и отправил себя в сонный транс — в спячку, при которой его легкие будут совершать лишь один вдох в час. С этим он и вверил себя неизвестности. Буря пройдет, и если она не разорит его хрупкое укрытие, он еще сможет выбраться... или может встретиться с Мадинат ас-салам, Обиталищем Мира. Что ни случись, он знает, что обязан был оборвать нити, одну за другой, чтобы только ему Золотая Тропа и осталась. Только так, или он не сможет вернуться в калифат наследников его отца. И не будет он больше жить ложью этого Деспозайни, этого ужасного калифата, поющего славословия его обожествленному отцу. Не будет больше хранить молчание, когда уста жреца изрыгают оскорбительную чушь: «Его кризнож развеет демонов!»

Придя к тому, разум Лито скользнул в паутину безвременного дао.

В любой планетарной системе явно существует величина высшего порядка. Это часто проявляется при перенесении земной формы жизни на новооткрытую планету. Во всех таких случаях жизнь в сходных зонах развивается в поразительно схожих адаптационных формах. Такая форма означает намного большее, чем просто внешний облик — она означает организацию выживания и взаимосвязи такой организации. Человек ищет такого взаимозависимого порядка, и наша ниша внутри него представляет глубинную необходимость. Поиск, однако, может извратиться, став консервативным цеплянием за одинаковость. Такое всегда оказывается гибельным для целой системы.

Катастрофа Дюны по Харк-ал-Аде.

— Мой сын на самом деле не видел БУДУЩЕЕ — он видел процесс творения и его взаимосвязь с теми мифами, в которых спит человек, — сказала Джессика. Она говорила быстро, но без всякой видимости, будто подгоняет ход событий. Она понимала, что скрытые наблюдатели найдут способ вмешаться, как только поймут, что она делает.

Фарадина, сидевшего на полу, резко освещал луч полдневного солнца, косо падавший из окна у него за спиной. Джессике видна была верхушка дерева во внутреннем саду, когда она выглядывала в окно со своего места у дальней стены. Видела она нового Фарадина: более стройного, более мускулистого. Месяцы обучения подчинили его необратимым чарам. Его глаза сверкали, когда он смотрел на нее.

— Он видел формы, которые сотворят существующие силы, если этого не предотвратить, — сказала Джессика. — Он предпочел обернуться против себя, а не против своих собратьев. Он отказывался принимать что-либо только потому, что это его устраивает, потому что это было бы моральной трусостью.

Фарадин научился слушать, безмолвно проверяя, вникая, придерживая вопросы, пока они не оформятся у него в предельно отточенную форму. Джессика говорила о взгляде Бене Джессерит на молекулярную память, выражающемся в ритуале, и, конечно, обратилась к тому, как Сестры анализируют феномен Пола Муад Диба. Фарадину, однако, была видна игра теней в ее словах и движениях, проекция бессознательных форм разнообразия при внешней жесткой направленности ее заявлений.

— Из всех наших наблюдений, это — кардинальнейшее, — сказала она до того. — Жизнь — это маска, через которую

выражает себя мироздание. Мы предполагаем, что все человечество и все его поддерживающие формы представляют ЕСТЕСТВЕННОЕ сообщество, и что судьба всей жизни вообще ставится на карту в судьбе отдельной личности. Таким образом, когда доходит до высшей и окончательной самопроверки, до амор-фати, мы перестаем играть в божеств и обращаемся к учительству. Если вникнуть в суть, то мы отбираем личности и освобождаем их настолько, насколько способны.

Он понимал теперь, куда она вела, и понимал, какое это окажет воздействие на наблюдающих за ними, и удерживал себя от того, чтобы бросить встревоженный взгляд на дверь. Только наметанный глаз мог заметить его секундную неуравновешенность, но Джессика заметила ее и улыбнулась. Улыбка, в конце концов, ничего не значит.

— Есть нечто вроде выпускной церемонии, — сказала она. — Я очень довольна тобой, Фарадин. Встань, пожалуйста.

Он повиновался и закрыл от ее глаз верхушку дерева в окне позади него.

Неподвижно держа руки по бокам, Джессика заговорила:

— Я уполномочена сказать тебе следующее: «Я стою перед священным присутствием человека. Как я стою сейчас, так и ты встань однажды. Молюсь о твоем присутствии, чтобы было именно так. Будущее остается сомнительным, да так и следует, ибо это лишь холст, на котором мы рисуем красками наших желаний. И так всегда предстоит человеку видеть перед глазами прекрасную пустоту холста. Мы обладаем лишь нынешним моментом, в который мы себя и посвящаем, неуклончиво следуя священному присутствию, которое мы разделяем и творим».

Едва Джессика закончила говорить, через дверь слева от нее беспечно вошел Тайканик, наигранность чего выдавала угрюмость на его лице.

— Милорд... — сказал он.

Но было уже слишком поздно. Слова Джессики, и все, совершенное до этого, сделали свое дело. Фарадин больше не был Коррино. Он был Бене Джессерит.

То, что вы в директорате КХОАМ окажетесь не в состоянии понять: редко в коммерции встречаешь истинную верность. Когда вы в последний раз слышали о клерке, отдавшем жизнь за свою компанию? Может быть ваша неполноценность основы-

вается на ложном убеждении, будто вы можете приказать людям думать и сотрудничать? Что только такое убеждение и не приводило к краху на протяжении всей истории — от религий до генеральных штабов, уничтоживших собственные нации. Что до религий, я рекомендую перечитать Фому Аквинского. Что до вас, в КХОАМ, то в какую же чушь вы верите! Ведь, конечно же, люди хотят делать лишь то, к чему направлены их сокровеннейшие устремления. Люди, а не коммерческие организации и цепочки приказов — вот то, благодаря чему работают великие цивилизации. Всякая цивилизация зависит от качества личностей, которых она производит. Если вы сверхорганизуете людей, сверхобзакониваете их, подавляете их тягу к величию — они не могут работать, их цивилизация рушится.

Письмо КХОАМ, приписывается Проповеднику.

Выход Лито из транса был настолько мягким, что одно состояние не отделялось отчетливо от другого. Один уровень сознания просто переместился в другой.

Он понимал, где он находится. В нем мощной волной поднималась возрождающаяся энергия, но и другое взывало к нему из спертой мертвенности бедного уже кислородом воздуха внутри стилтента. Лито понимал, что если откажется двигаться, то останется пойманным паутиной безвременья, вечным СЕЙЧАС, в котором сосуществуют все события. Эта перспектива его соблазняла. Время виделось ему условностью, которую оформляет коллективный разум всех воспринимающих. Время и Пространство — лишь категории, наложенные на мироздание этим Разумом. Ему надо лишь вырваться на свободу из той множественности, где его искушают провидческие видения. Дерзкие решения могут изменять условные будущие.

Какой же дерзости требует данный момент?

Его искушало состояние транса. У Лито было ощущение, что он вышел из алам ал-митал в мир реальности только для того, чтобы обнаружить их идентичность. Он хотел удержать магию этого откровения, но чтобы выжить — надо принимать решения. Его неослабный вкус к жизни посылал сигналы его нервам.

Он резко протянул правую руку туда, где оставил стационарный уплотнитель. Схватил его, перекатил на живот, расстегнул сфинктер тента. Ему на руки сразу же потек песок. В темноте, донимаемый спертым воздухом, он рабо-

тал быстро, прокладывая туннель круто вверх. Он прошел шесть расстояний своего тела, прежде чем выбрался в темноту чистого воздуха. Выскользнув на освещенную луной поверхность длинной извивающейся дюны, он обнаружил, что находится где-то на одной трети пути от ее вершины.

Над ним была Вторая луна. Она быстро прошла над его головой, уходя за Дюну, а звезды над ним были как маленькие блестящие камешки вдоль тропинки. Лито поискал созвездие Скитальца, нашел его, примерил глазом по протянутой руке к ослепительно сверкавшей Фаум ал-Хаут, Южной Полярной звезде.

«Вот тебе твое проклятое мироздание!» — подумал он. Если поглядеть вблизи — на этих звездах кипит жизнь, неисчислимая, как песчинки вокруг нас, там вечные перемены, уникальное громоздится на уникальное. А смотришь издали — только узоры созвездий и видны, и эти узоры так и подмывают поверить в абсолютное.

«В абсолютном мы можем потерять наш путь». А это напомнило ему знакомое предостережение из песенки Свободных: «Потерявший свой путь в Танцеруфте, потеряет и жизнь». Устоявшиеся образцы могут быть путеводными, а могут привести в ловушку. Надо помнить, что даже узоры созвездий меняются.

Он глубоко вздохнул, побуждая себя к действию. Спустившись назад, в свой туннель, он сдул тент, вытащил его наружу и перепаковал свой фремкит.

Над восточным горизонтом проступило свечение винного цвета. Лито надел на плечи поклажу, взобрался на гребень дюны и стоял там в зябком предрассветном воздухе, пока восходящее солнце не так слепило, понимая, что теперь ему надо заискивать перед пустыней, а не сражаться с ней. Убрав краску обратно во фремкит, он пригубил воды из одной из своих трубок, но высосал оттуда лишь несколько капель, а затем пошел воздух.

Опустившись на песок, он принялся осматривать весь свой стилсьют и добрался наконец до каблучных насосов. Они были хитро продырявлены шилом. Он вылез из стилсьюта и починил их, но от причиненного вреда деться было некуда. Потеряна примерно половина воды его тела... Он грустно поразмышлял над этим, надевая стилсьют, подумал, как же странно, что он такого не заподозрил. Вот она — явная опасность будущего вне видений.

Затем Лито присел на корточки на гребне дюны, настой-

чиво изучая пустынную местность. Взгляд его блуждал, выискивая посвистывающую отдушину в песке, какую-нибудь выдающуюся детальку в дюнах, которая могла бы указать на спайс или на жизнедеятельность червя. Но буря утрамбовала все до полного единообразия. Вскоре он извлек из фремкита тампер, установил его и запустил, вызывая из глубин Шаи-Хулуда. Затем он стал ждать.

Червь появился очень не скоро. Лито прежде услышал его, чем увидел, обернулся на восток, где сотрясающий землю шорох отдавался дрожью в воздухе, дождался, когда блеснет восстающая из земли оранжевая пасть. Червь поднялся из земли с колоссальным присвистом и облаком пыли, затмившим его бока. Извивающаяся серая стена взметнулась рядом с Лито, он всадил в нее крючья и легкими шагами взобрался наверх. Взобравшись, он направил оставляющего огромный извивающийся след червя на юг.

Под понукающими крючьями червь увеличил скорость. Ветер хлестал по одежде Лито. У него было ощущение, будто он понукаем не меньше червя. У каждой планеты свой период, и точно так же у каждого человека, напоминал он себе.

Червь был того типа, который Свободные называют «ворчуном». Он часто зарывался передними пластинами в песок, в то время как хвост его работал. От этого возникал раскатистый грохот, часть его тела полностью взмывала над песком движущимся бугром. Однако же червь этот был быстр, и когда они делали рывок, то раскаленные газовые выбросы из его хвоста веяли вокруг них жарким ветерком. Ветерок полнился едкими запахами, несомыми струей кислорода.

Пока червь двигался к югу, Лито позволил своим мыслям тучь по вольному руслу. Он старался думать об этом переезде как о новой церемонии в своей жизни, о такой, что отвращала его от размышлений о цене, которую ему придется уплатить за свою Золотую Тропу. Как Свободные прежних лет, он понимал, что должен установить многие новые церемонии, чтобы не допустить расчленения своей личности на отдельные кусочки памяти, чтобы алчные охотники за его душой вечно держались на опасливом расстоянии. Противоречивые образы, никогда не сводимые воедино, должны теперь оказаться в одной оболочке живого напряжения, поляризующими силами, уводящими его от внутреннего.

«Всегда новизна,— подумал он.— Я должен всегда извлекать новые нити из моих видений».

Вскоре после полудня он заметил возвышение — впереди и чуть справа по его курсу. Вскоре это возвышение предстало узким утесом, скалой, торчащей именно там, где он и ожидал ее найти.

«Теперь, Намри... Теперь, Сабиха, посмотрим, как ваши собратья отнесутся к моему появлению», — подумал он. Перед ним теперь была самая нежная ниточка, опасная своей заманчивостью больше прямых угроз.

Утес долго маячил перед ним, меняясь в размерах. На время Лито даже показалось, что это утес приближается к нему, а не он к утесу.

Усталый же червь повернул налево. Лито скользнул по огромному склону, чтобы по-новому установить крючья и заставить червя идти прямо. Мягкая острота меланжа ударила ему в ноздри, сигнал о богатой жиле. Они миновали фиолетовые пятна проказы — место выброса спайса — и он твердо правил червем, пока жила не осталась далеко позади. Ветерок, полный приятного коричного аромата, преследовал их еще некоторое время, пока Лито не направил червя новым курсом прямо на возвышающийся утес.

Далеко в южном бледе резко мигнули цвета — опрометчивая радужная вспышка — дело рук человеческих посреди безбрежности. Лито поднес к глазам бинокль, навел его и увидел на расстоянии выступающие крылья спайсоискателя, посверкивающие на солнце. Под ним расправлял свои крылья большой сборщик урожая, будто хризалис перед тем, как неуклюже полететь прочь. Когда Лито опустил бинокль, сборщик урожая превратился в точку, и он почувствовал, как его осилил хадхдхаб, безбрежная вездесущность пустыни. Ведь и эти охотники за спайсом видят его точно так же, темной точкой между пустыней и небом, что символизирует для Свободных ЧЕЛОВЕКА. Они его, конечно, тоже увидят, и насторожатся. Будут выжидать. Свободные с большим подозрением относятся друг к другу, пока либо не признают в приближающемся знакомого, либо не поймут, что он не представляет для них угрозы. Даже под тонким флером цивилизации Империи и ее утонченных правил они остались полуприрученными дикарями, всегда помнящими, что криснож расстается со смертью его владельца.

«Вот, что может спасти нас, — подумал Лито — Это дикость».

На расстоянии спайсоискатель повернул направо, потом налево — подавая сигнал. Лито представил, как сидящие в

нем обшаривают пустыню, выясняя, не может ли он быть чем-то большим, чем одиноким наездником на одиноком черве.

Лито повернул червя налево, удерживая его, пока тот не сменил курс, спустился ему на бок и аккуратно спрыгнул. Червь, избавленный от докуки, угрюмо выдохнул еще несколько раз, затем на треть зарылся в песок и замер, приходя в себя — верный знак того, что Лито его совсем заездил.

Он отвернулся от червя — пусть пока что остается, где есть. Спайсоискатель кружил, продолжая подавать сигналы крыльями. Наверняка наемные ренегаты контрабандистов, избегающие электронных средств связи. Скоро за спайсом прибудут охотники. Вот о чем говорит присутствие краулера.

Разведчик сделал еще один круг, сложил крылья, и направился прямо на Лито. Он узнал в нем тот тип легкого топтера, что завел на Арракисе его дед. Аппарат сделал над ним еще один круг, пролетел вдоль дюны, на которой он стоял, и приземлился против ветра. Он остановился в десяти метрах от Лито, подняв пыль. Дверь сбоку приоткрылась как раз настолько, чтобы выпустить одного человека в тяжелом одеянии Свободного, со знаком копья на правой стороне груди.

Свободный медленно приближался, представляя себе и Лито время чуть-чуть изучить друг друга. Человек был высок, глаза полностью ярко-голубого цвета. Маска стилсьюта закрывала нижнюю часть его лица, а капюшон был глубоко надвинут, чтобы защитить лоб. Колыхания одежды позволяли угадать, что рука под ней держит пистолет маулу.

Человек остановился в двух шагах от Лито, поглядел на него озадаченно сощуренными глазами.

— Доброй удачи нам всем,— сказал Лито.

Человек поглядел вокруг, обыскивая взглядом пустоту пустыни. Затем перевел взгляд на Лито.

— Что ты здесь делаешь, дитя? — вопросил он, голос из-под маски звучал приглушенно. — Пытаешься стать затычкой для пасти червя?

И опять Лито прибег к традиционной формуле Свободных:

— Пустыня — мой дом.

— Венн? — вопросил мужчина.— Какой дорогой ты идешь?

— Я иду с юга, из Джакуруту.

Короткий смешок вырвался у мужчины.

— Ну, Батигх! Ты — самая странная штука, какую я когда-либо видел в пустыне.

— Я не твоя Маленькая Дыня, — ответил Лито, откликаясь на слово Батигх. Жутковатый был подтекст у этого обращения. Маленькая Дыня на краю пустыни отдавала свою воду всякому, кто ее найдет.

— Мы не выпьем тебя, Батигх, — ответил мужчина. — Я — Муриз. Я — арифа этого тайфа, — он указал головой на отдаленный краулер.

Когда Лито ничего не ответил, Муриз спросил:

— Имя у тебя есть?

— Батигх подойдет?

Муриз усмехнулся.

— Ты ведь не расскажешь мне, что ты тут делаешь?

— Ищу следы червя, — Лито употребил религиозную фразу, означающую, что он в хаджже ради собственной уммы, собственного спасения.

— Такой юный? — спросил Муриз. Он покачал головой. — Не знаю, что мне с тобой делать. Ты нас видел.

— Что я видел? — спросил Лито. — Я говорил о Джакуруту, и ты мне ничего не ответил.

— Игра в загадки, — сказал Муриз. — Ну, тогда — что это? — он кивнул головой на отдаленный утес.

Лито обратился к своему видению:

— Всего лишь Шулох.

Муриз застыл, а Лито почувствовал, как у него участился пульс.

Последовало долгое молчание. И Лито видел, что мужчина обдумывает и отбрасывает различные варианты. ШУЛОХ! В тихое время после вечерней трапезы часто припоминались истории о каравансарае Шулохе. Слушатели всегда почитали Шулох мифом, местом, куда для завлекательности историй помещались интересные события. Лито припомнил историю Шулоха: на краю пустыни нашли сироту и привели в съетч. Сначала сирота отказывался разговаривать со своими спасителями — а когда заговорил, его языка никто не мог понять. Проходили дни, а он оставался все столь же необщительным, отказывался одеваться сам и вступать в контакты. Каждый раз, когда его оставляли одного, он делал странные движения руками. Всех знатоков съетча собрали, чтобы изучить этого сироту — никто не мог дать этому объяснения. Затем его увидела проходившая мимо его открытой двери старуха — и рассмеялась: «Он всего лишь подражает движениям своего отца, плетущего веревку из волокон спайса, —

объяснила она. — Именно таким способом они до сих пор делают это в Шулохе. Он просто старается чувствовать себя не таким одиноким». И отсюда мораль: «На старых путях Шулоха — безопасность и чувство принадлежности к золотой нити жизни».

Поскольку Муриз продолжал безмолвствовать, Лито сказал:

— Я тот сирота из Шулоха, что умеет сучить руками.

По быстрому движению головы мужчины Лито понял, что Муриз знает эту историю. Ответил он медленно, голосом тихим и зловещим:

— Ты человек?

— Такой же, как и ты, — ответил Лито.

— Для ребенка ты разговариваешь странней некуда. Напоминаю тебе, что я — судья, могущий нести ответственность за такву.

«О, да!» — подумал Лито. В устах такого судьи слово «таква» сулит непосредственную угрозу. «Таквой» назывался страх, вызываемый присутствием демона — доподлинное верование среди старых Свободных. Арифа знал, как убить демона, и арифу всегда выбирали «потому, что он обладал мудростью быть беспощадным, не будучи жестоким, знает, где доброта на самом деле приведет лишь к еще большей жестокости».

Но разговор повернул как раз туда, куда нужно было Лито. И он сказал:

— Я могу подчиниться Машхаду.

— Я буду судьей при любом Духовном Испытании, — сказал Муриз. — Ты это понимаешь?

— Би-ла каифа, — ответил Лито. — Безоговорочно.

Хитрое выражение появилось на лице Муриза. Он сказал:

— Не знаю, почему я это разрешаю. Лучше всего было бы прикончить тебя на месте, но ты маленький Батигх, а у меня был сын, который умер. Ну, пойдем в Шулох, и я соберу Иснад, чтобы вынести решение о тебе.

Лито, заметив, что все в поведении мужчины выдает принятое им смертоносное решение, подивился, неужели такое может хоть кого-нибудь провести.

— Я знаю, что Шулох — это Алас-суннауал-джамас, — сказал он.

— Что знает ребенок о настоящем мире? — вопросил Муриз, знаком веля Лито идти к топтеру впереди него.

Лито повиновался, но тщательно прислушивался к звуку шагов Свободного.

— Лучший способ хранить тайну — заставить людей поверить, будто они уже знают ответ, — сказал Лито. — Тогда люди не задают вопросов. Очень умно для вас, изгнанных из Джакуруту. Кто поверит, что Шулох, место из легенд, существует на самом деле? И как удобно для контрабандистов и всех остальных, кому нужен доступ на Дюну.

Шаги Муриза остановились. Лито обернулся спиной к боку топтера, крыло слева от него.

Муриз стоял в шаге от него, держа пистолет маулу нацеленным прямо на Лито.

— Значит, ты не ребенок, — сказал Муриз. — Проклятый карлик, пожаловавший шпионить за нами! Я так и думал, что для ребенка твоя речь чересчур мудра, но ты слишком быстро сказал слишком много.

— Но недостаточно, — ответил Лито. — Я — Лито, сын Муад Диба. Если ты убьешь меня, ты и твои люди потонут в песках. Если ты пощадишь меня, я приведу вас к величию.

— Не играй со мной в эти игры, карлик, — язвительно хмыкнул Муриз. — Лито — в настоящем Джакуруту, откуда, как ты говоришь... — он осекся, рука, державшая пистолет, чуть опустилась, а глаза его озадаченно скосились в сторону.

Это был тот момент колебаний, который Лито и ожидал. Он всем телом показал, будто хочет двинуться влево, отклонившись при этом не больше, чем на миллиметр, и пистолет Свободного бешено взметнулся по направлению к краю крыла топтера. Пистолет маула вылетел из его руки, и до того, как он сумел оправиться, Лито уже был рядом с ним, прижимая к спине Муриза его же собственный нож.

— Кончик ножа отравлен, — сказал Лито. — Вели своим друзьям в топтере оставаться на своих местах, вообще не двигаться. Иначе я буду вынужден тебя убить.

Муриз, держась за свою поврежденную руку, сказал, кивнув на фигуру в кабине:

— Мой компаньон Бехалет слышал тебя. Он будет не подвижней камня.

Понимая, что у него очень мало времени до того, как эти двое выработают свой план действий или прибудут их друзья, выяснить, в чем дело, Лито быстро заговорил:

— Я убежден, Муриз. Без меня черви и их спайс исчезнут с Дюны, — он почувствовал, как окоченел Свободный.

— Но откуда ты знаешь о Шулохе? — спросил Муриз. — Я знаю, что в Джакуруту они ничего о нем не говорят.

— Значит, ты признаешь, что я — Лито Атридес?

— Кем же ты можешь быть? Но как ты...

— Раз ты здесь, значит, Шулох существует, а все остальное до чрезвычайности просто. Вы — Отверженные, бежавшие из Джакуруту, когда оно было разрушено. Я видел, как вы сигналите крыльями, а значит, вы не пользуетесь аппаратами, сигналы которых можно перехватить на расстоянии. Вы собираете спайс — значит, вы торгуете. А торговать вы можете только с контрабандистами. Ты — контрабандист, но ты еще и Свободный. Ты должен быть из Шулоха!

— Почему ты искушал меня убить тебя на месте?

— Потому что ты бы убил меня в любом случае, когда мы прибыли бы в Шулох.

Тело Муриза жестко напряглось.

— Осторожней, Муриз, — предупредил Лито. — Я знаю о вас. Это в вашей истории было, что вы забирали воду беспечных путешественников. И сейчас это было бы тебе не в новинку, проделать такое со мной. Как же еще вы заставляете молчать тех, кто случайно на вас натыкается? Как еще хранить свою тайну? Батигх! Ты заманивал меня ласковыми прозвищами, добрыми словами. Зачем упускать воду в песок? А если бы я исчез, как многие до меня... что ж, значит, Танцеруфт взяла меня к себе.

Муриз сделал правой рукой знак Родки Червя, чтобы оградиться от Рихани, о котором заставляли думать слова Лито. А Лито, зная, насколько Свободные старой закалки не доверяют ментатам и всему, что поражает их демонстрацией твердой логики, подавил улыбку.

— Манри говорил о нас в Джакуруту, — сказал Муриз. — Его вода будет моей, когда...

— У тебя не будет ничего, кроме пустого песка, если ты не перестанешь валять дурака, — сказал Лито. — Что ты будешь делать, Муриз, когда вся Дюна станет травой, деревьями и открытой водой?

— Этого никогда не случится!

— Это случится у тебя на глазах!

Лито услышал, как зубы мужчины скрежещут от ярости и растерянности. Вскоре Муриз проскрипел:

— И как же ты это предотвратишь?

— Я знаю весь план преображения, — сказал Лито. — Я знаю все его сильные и слабые стороны. Без меня Шаи-Хулуд исчезнет навсегда.

Опять в голосе Муриза прорезалась хитреца, когда он спросил:

— Ну, и что нам здесь это обсуждать? Мы на мертвой точке. Ты можешь убить меня, но Бехалет застрелит тебя.

— Я бы быстрей него воспользовался твоим пистолетом, — сказал Лито. — А затем бы я забрал топтер. Да, я умею его водить.

Лоб Муриза под капюшоном угрюмо наморщился.

— Что, если ты не тот, за кого себя выдаешь?

— Мой отец меня опознает? — спросил Лито.

— А-а-а, — сказал Муриз. — Вот что тебе ведомо, да? Но... — он осекся, покачал головой. — Его поводырь — мой собственный сын. Но он говорит, что вы с отцом никогда... Как может...

— Значит, ты веришь, что Муад Диб читает будущее, — сказал Лито.

— Разумеется, мы верим! Но он говорит о себе, что... — Муриз опять осекся.

— И ты считаешь, будто он не осознает вашего недоверия, — сказал Лито. — Я прибыл именно в это место и именно в это время, чтобы встретиться с тобой, Муриз. Я знаю все о тебе, потому что я тебя ВИДЕЛ... и твоего сына тоже. Я знаю, в какой безопасности вы себя чувствуете, как вы глумитесь над Муад Дибом, как замышляете спасти свой маленький клочок пустыни. Но ваш маленький клочок пустыни без меня обречен, Муриз. Пропадет навсегда. Дела на Дюне зашли слишком далеко. Мой отец почти сбежал от своего видения, и только на меня вы можете уповать.

— Тот слепец... — Муриз остановился, сглотнул.

— Он скоро вернется из Арракина, — сказал Лито. — И тогда мы увидим, насколько он слеп. Насколько ты отдалился от старых обычаев Свободных, Муриз?

— Что?

— Он же твой Уадкульяс. Твои люди нашли его одного в пустыне и доставили в Шулох. Какое же это оказалось богатство! Богаче спайсовой жилы. Уадкульяс! Он жил с вами — его вода смешивалась с водой племени. Он — часть вашей Духовной Реки, — Лито плотно прижал нож к одеянию Муриза. —Осторожней, Муриз, — левой рукой Лито отстегнул поднятый отворот на лице Свободного, отбросил его.

Поняв, что хочет Лито, Муриз спросил:

— Куда ты отправишься, если убьешь нас обоих?

— Назад, в Джакуруту.

Лито прижал мясистую часть своего кулака ко рту Муриза.

— Надкуси и пей, Муриз. Либо это, либо умрешь.

Муриз заколебался, потом злобно впился в руку Лито.

Лито посмотрел на горло мужчины, увидел заглатывающие конвульсии, опустил нож и вернул его Муризу.

— Уадкульяс, — сказал Лито. — Я должен оскорбить племя, прежде чем ты возьмешь мою воду.

Муриз кивнул.

— Вон твой пистолет. — подбородком указал Лито.

— Ты мне теперь доверяешь? — спросил Муриз.

— А как еще я смогу жить с отверженными?

И опять Лито увидел хитрое выражение в глазах Муриза, но на сей раз оно означало оценку и прикидку экономических выгод. Он отвернулся с резкостью, говорившей о принятых тайных решениях, подобрал свой пистолет маулу и поставил ногу на ступеньку крыла.

— Поехали, — сказал он. — Мы и так слишком замешкались близ логова червя.

Будущее в предвидении не всегда может быть втиснуто в правила прошлого. Нити существования переплетаются в соответствии с многими неизвестными законами. Предвидимое будущее упорно задает собственные правила. Оно не подчиняется ни упорядочиванию Дзэнсунни, ни упорядочиванию наукой. Предвидение строит относительною целостность. Оно требует сиюминутного действия, всегда предостерегая, что не все нити ты сможешь вплести в ткань прошлого.

Ганима: Изречения Муад-Диба.
Шулохский Комментарий.

В Шулох Муриз вел орнитоптер с легкостью, говорившей о хорошем навыке. Лито, сидевший рядом с ним, спиной ощущал, что Бехалет следит за ним, не выпуская оружия из рук. Все теперь работало на доверии — и держалось на узкой ниточке видения, за которое он цеплялся. Если его постигнет неудача, Аллах Акбар. Приходится порой подчиняться более высокому порядку.

Громада Шулоха впечатляла в этой пустыне. Ненанесенный на карты, он говорил о многих смертях, о многих друзьях на высоких постах. Подножия каньонов окаймляла густая поросль шелушельника и солевых кустов, а внутри был круг веерных пальм, указывавших, что это место богато водой. Среди пальм торчали грубые строения из зеленого кустарника и спайсового волокна. Строения казались зелеными

путовками, разбросанными по песку. Там жили отверженные среди Отверженных, те, кто ниже смерти пасть уже не мог.

Муриз приземлился на плоской площадке у подножия одного из каньонов. Прямо перед топтером виднелось единственное строение, в основе которого была переплавленная жаром спайсовая ткань. Это было точное воспроизведение самых первых стилтентов, говорившее о деградации некоторых из обитателей Шулоха. Лито знал, что такие строения упускают влагу и что в них наверняка набегает полным-полно ночных кусачих насекомых из близлежащей поросли. Значит, вот так жил его отец. И бедная Сабиха, вот что ждет ее в наказание.

По приказу Муриза Лито вылез из топтера, спрыгнул на песок, зашагал к хижине. Ему видно было множество людей, работавших в отдалении под пальмами. Вид у них был оборванный и бедный, и тот факт, что они едва взглянули на него и на топтер, немало говорил о том, какой гнет здесь царил. Позади работающих Лито видна была каменная губа канала, и нельзя было ошибиться, действительно ли в воздухе ощущается такая влажность: вон она, открытая вода. Проходя мимо хижины, Лито увидел, что сделана она так топорно, как он и предполагал. Он подошел к каналу, поглядел в него, увидел в темной глубине завихрения ходившей там хищной рыбы. Рабочие, избегая его взгляда, продолжали очищать от песка ряд входных отверстий в твердыне.

Муриз подошел сзади Лито, сказал:

— Ты стоишь на границе между рыбой и червем. У каждого из этих каньонов есть собственный червь. Мы открыли этот канал, и вскоре уберем хищную рыбу, чтобы привлечь песчаную форель.

— Ну, конечно, — сказал Лито. — Вроде садков. Вы продаете песчаную форель и червей за пределы планеты.

— Так предложил Муад Диб!

— Знаю. Но ни один из ваших червей, ни одна из форелей не прожили долго вдали от Дюны.

— Пока что, да.Но однажды...

— Нет — хоть за десять тысяч лет, — сказал Лито. И повернулся, чтобы посмотреть на смятение на лице Муриза. Вопросы протекали по нему, как вода по каналу. Действительно ли этот сын Муад Диба способен читать будущее? Некоторые до сих пор верят, что Муад Диб это сделал, но... Как же можно судить о подобном?

Вскоре Муриз отвернулся и направился назад к хижине. Он отворил грубый дверной замок, поманил Лито, приглашая войти. У дальней стены горела лампа на спайсовом масле, а под ней, спиной к двери, сидела на корточках маленькая фигурка. От горящего масла разносилось сильное благоухание корицы.

— Нам прислали новую пленницу, чтобы она заботилась о съетче Муад Диба, — ухмыльнулся Муриз. — Если она будет хорошо работать, то на какое-то время сохранит свою воду, — он повернулся к Лито. — Некоторые считают, что забирать такую воду — зло. Эти новые Свободные в кружевных рубашках насочиняли в своих городах горы чепухи! Горы чепухи! Когда еще видела Дюна такие горы чепухи? Когда мы получаем вот таких... — он указал на фигурку под лампой. — Они обычно полуобезумевшие от страха, потерянные для своего рода и никогда не приемлемы истинными Свободными. Ты понимаешь меня, Лито-Батигх?

— Я понимаю тебя.

Скрюченная фигурка не шелохнулась.

— Ты говоришь о том, чтобы вести нас, — сказал Муриз.— Свободными руководят люди, привыкшие пускать кровь. Куда ты нас поведешь?

— Кразилек, — ответил Лито, не отрывая взгляда от скрючившейся фигурки.

Муриз посмотрел на него вспыхнувшим взглядом, брови высоко поднялись над его глазами цвета индиго. Кразилек? Это не просто война или революция, это — Тайфунный Бой. Это слово из отдаленных легенд Свободных — битва при светопреставлении. Кразилек?

Высокий Свободный судорожно сглотнул. Этот юнец так же непредсказуем, как городской щеголь! Муриз повернулся к скрюченной фигурке.

— Женщина! Либан вахид! — приказал он. «Принеси спайсовый напиток!»

Она заколебалась.

— Делай, как он говорит, Сабиха, — сказал Лито.

Она вскочила на ноги, развернулась всем телом, воззрилась на него, не в силах оторвать взгляда от его лица.

— Ты знаешь ее? — спросил Муриз.

— Это племянница Намри. Она провинилась в Джакуруту, и ее направили сюда.

— Намри? Но...

— Либан вахид, — сказал Лито.

Она метнулась мимо них, выскочила за дверь, и они услышали звук ее бегущих ног.

— Далеко она не уйдет, — сказал Муриз. Он коснулся пальцем ноздри. — Родственница Намри, гм. Интересно. В чем она провинилась?

— Дала мне сбежать, — Лито повернулся и пошел следом за Сабихой. Он нашел ее стоящей на краю канала. Подойдя и встав рядом с ней, он поглядел на воду. Им слышно было, как перекликаются и трепещут крыльями птицы в веерных пальмах неподалеку. Со стороны рабочих, убирающих песок, доносились скребущие звуки. Лито стоял так же неподвижно, как и Сабиха, глядя вниз, на глубокую воду и отражения в ней. Уголком глаза он видел голубых длиннохвостых попугаев среди широких листьев пальм. Один из них перелетел через канал и полетел точно над серебряным водоворотом хищной рыбы, разглядывая свое отражение — двигались они настолько синхронно, как будто и птица, и хищник плыли в одной среде.

Сабиха прочистила горло.

— Ты меня ненавидишь, — сказал Лито.

— Ты опозорил меня. Ты опозорил меня перед моим народом. Они собрали Иснад и отправили меня сюда, чтобы здесь я лишилась своей воды. И все из-за тебя.

Прямо позади них рассмеялся Муриз.

— Теперь ты видишь, Лито-Батигх, у нашей Духовной Реки много жертвователей.

— Но моя вода течет не в твоих жилах, — повернулся к нему Лито. — Никакой жертвы. Сабиха — судьба моего видения, и я следую за ней. Я бежал через пустыню, чтобы здесь, в Шулохе, найти свое будущее.

— Ты и... — указав на Сабиху, он расхохотался, запрокинув голову.

— Это будет не так, как кто-либо из вас способен поверить, — ответил Лито. — Запомни это, Муриз. Я нашел следы своего червя, — и слезы навернулись ему на глаза.

— Он отдает свою воду мертвым, — прошептала Сабиха.

Даже Муриз благоговейно воззрился на Лито. Свободные никогда не плачут, если только не подносят кому-то или чему-то драгоценнейшего дара своей души. Почти смущенный, Муриз застегнул застежку надо ртом и натянул низко на лоб капюшон своей джебаллы.

Лито, посмотрев поверх него, сказал:

— Здесь, в Шулохе, до сих пор молятся о росе на краю пустыни. Ступай, Муриз, и молись о Кразилеке. Обещаю тебе, он придет.

Речь Свободных отличается большой сжатостью, точностью выражаемого смысла. За ней — подразумевается иллюзия абсолютного. Ее предложения — плодородная почва для абсолютных религий. Более того, Свободные обожают морализовать. Через отстоявшиеся высказывания они противостоят ужасающей нестабильности всех вещей. Они говорят: «Мы знаем, что нет предела количеству накапливаемых знаний — завершенность знания является прерогативой Бога. Но все, что человек может выучить, он может и вспомнить». Из этого как ножом обрезающего взгляда на мироздания они выкраивают фантастическую веру в приметы и знаменья и в собственную судьбу. Таковы истоки их легенды о Кразилеке — о войне при конце света.

Закрытый Отчет Бене Джессерит, досье 800881.

— Теперь он у них, в надежном месте и в безопасности, — сказал Намри, через квадратное каменное помещение улыбаясь Гурни Хэллеку. — Можешь доложить об этом своим друзьям.

— Где это безопасное место? — спросил Хэллек. Тон Намри ему не понравился, но его задерживали приказания леди Джессики. Проклятая колдунья! В ее объяснениях нельзя было выудить никакого смысла — кроме предостережения о том, что может произойти, если Лито не удастся стать хозяином над своими жуткими памятями.

— В безопасном месте, — повторил Намри. — Это все, что мне позволено тебе сообщить.

— Откуда ты это знаешь?

— Получил дистранс. С ними Сабиха.

— Сабиха. Да она просто даст ему...

— Не на этот раз.

— Ты собираешься убить его?

— Не мне уже это решать.

Хэллек скорчил гримасу. ДИСТРАНС. Какова дальность полета у этих проклятых пещерных летучих мышей? Он часто видел, как они легко и бесшумно летят через пустыню, переносчики тайных посланий, запечатленных в их попискиваниях. Но какова дальность их перелетов на этой адской планете?

— Я должен сам его увидеть, — заявил Хэллек.

— Этого не дозволено.

Хэллек сделал глубокий вздох, чтобы сохранить спокойствие. Он провел два дня и две ночи в ожидании отчета о

розысках. Теперь было уже следующее утро, и он чувствовал, как все тает его влияние на окружающее, оставляя его обнаженным. Да он никогда и не любил командовать. Командующий должен ждать, пока другие сделают все интересное и опасное.

— Почему не дозволено? — спросил он. Контрабандисты, обустроившие для себя этот съетч, слишком много вопросов оставляли без ответов, и он не хотел больше, чтобы и Намри играл в такие же игры.

— Есть мнение, что увидев тот съетч, ты увидишь слишком много, — ответил Намри.

Хэллек, расслышав угрозу, с небрежной расслабленностью занял позу опытного бойца, рука близко от ножа, но не на ноже. Ему бы очень хотелось иметь защитное поле, но оно исключалось — во-первых, из-за его действия на червей, и, во-вторых, из-за того, что в атмосфере, насыщенной статическим электричеством — порождавшимся бурями — оно очень быстро выходило из строя.

— Скрытность не входила в условия нашей сделки, — сказал Хэллек.

— Убей я его, это вошло бы в условия нашей сделки? — сказал Намри.

И опять Хэллек ощутил козни невидимых сил, о которых леди Джессика его не предупреждала. Проклятый ее план! Может быть, правильно, что не надо доверять никому из Бене Джессерит. И он тут же почувствовал себя изменником. Она объяснила ему проблему, и он взялся действовать по ее плану, так и предполагая, что в этот план, как и в любой другой, действительность потребует внесения поправок. И не было ничего общего с Бене Джессерит — были леди Джессика из рода Атридесов, никем другим никогда для него не являвшаяся, кроме как другом и опорой. Без нее он так и плыл по воле волн в мире поопасней того, в котором он обитает теперь.

— Ты не можешь ответить на мой вопрос, — проговорил Намри.

— Ты должен был убить его только в том случае, если бы в нем явно проявилась... одержимость, — проговорил Хэллек. — Богомерзость.

Намри поднял кулак к правому уху.

— Твоя госпожа знала, что мы подвергнемся его проверкам на этом. Мудро было с ее стороны передать суд в мои руки.

Хэллек разочарованно поджал губы.

— Ты слышал, что сказала мне Преподобная Мать, — продолжал Намри. — Мы, Свободные, понимаем таких женщин, но вы, люди других миров, их никогда не поймете. Женщины Свободных часто посылают своих сыновей на смерть.

Хэллек заговорил все еще плохо слушающимися губами:

— Ты извещаешь меня, что ты его убил?

— Он жив. Он в безопасном месте. Он продолжает получать спайс.

— Но я должен доставить его к бабушке, если он выживет, — сказал Хэллек.

Намри только плечами пожал.

Хэллек понял, что это единственный ответ, на который он может рассчитывать. Проклятье! Он не может вернуться к Джессике, не имея ответов на такие вопросы. Он покачал головой.

— Зачем спрашивать о том, чего ты не можешь изменить? — спросил Намри. — Тебе хорошо платят.

Хэллек грозно воззрился на него. Свободные! Они считают, будто все иностранцы падки прежде всего до денег. Но Намри говорил о большем, чем просто о предубеждениях Свободных. Здесь трудились другие силы, и это было ясно тому, кто свое обучение прошел под наблюдением Бене Джессерит. Все это попахивало интригой внутри интриги внутри интриги...

Принимая оскорбительно фамильярный тон, Хэллек сказал:

— Леди Джессика будет в ярости. Она может послать когорты против...

— Занадик! — выругался Намри. — Ты, официальный гонец! Держись подальше от Мохалаты! Я с удовольствием отдам твою воду Благородному Народу!

Хэллек положил руку на нож, приготовил левый рукав, где у него был спрятан маленький сюрприз для нападающих.

— Не вижу разбрызганной здесь воды, — сказал он. — Наверно, ты ослеплен своей гордостью.

— Ты живешь, потому что я хотел, чтобы ты узнал перед смертью: твоя леди Джессика не пошлет когорты против кого бы то ни было. Тебе не проскользнуть тихой сапой в Хуануи, ты, отбросы другого мира. Я — из Благородного Народа, а ты...

— А я — просто слуга Атридесов, — мягко заметил

Хэллек. — Мы — те самые отбросы, что сняли ярмо Харконненов с вашей вонючей шеи.

У Намри так перекосило лицо, что зубы обнажились.

— Твоя госпожа — пленница на Салузе Второй. Приказы, которые, по-твоему, идут от нее, поступают от ее дочери.

С крайним усилием, но Хэллек сохранил свой голос бесстрастным.

— Неважно. Алия...

Намри вытащил свой криснож.

— Что ты знаешь о Чреве Небесном? Я — ее слуга, ты, шлюха среди мужчин. По ее повелению забираю я твою воду! — и он с безрассудной прямотой кинулся через комнату.

Хэллек не дал себя обмануть такой притворной неуклюжестью, взмахнул левым рукавом своей робы, высвобождая дополнительный кусок плотной материи, подшитой к нему, — и нож Намри увяз в этой материи. Тем же движением Хэллек закинул за голову Намри складки своей одежды и ударил ножом под его покрывало точно ему в лицо. Он почувствовал, что удар его достиг цели, когда тело Намри стукнулось о Хэллека твердой поверхностью надетого под робой металлического доспеха. Свободный испустил лишь один вопль ярости, запрокинулся назад и упал. Он лежал, кровь хлестала у него изо рта, какое-то время его глаза еще смотрели на Хэллека, потом медленно потускнели.

Хэллек выдохнул воздух через губы. Как мог этот дурак Намри рассчитывать, будто хоть кто-то не заметит надетого под робой доспеха? Убирая рукав-ловушку, вытирая нож и вкладывая его в ножны, Хэллек обратился к трупу:

— Как, по-твоему, обучены мы, СЛУГИ Атридесов, дурак?

Он глубоко вздохнул, задумавшись: «Ну, ладно. Чьей же интриги я отвлекающая завеса?» В словах Намри вполне могло быть сколько-то правды. Джессика в плену у Коррино, Алия плетет собственные козни. Джессика неоднократно предупреждала, что Алия — враг, но вот своего пленения она не предвидела. Однако у него есть ее приказы, и он будет им повиноваться. Во-первых, необходимо поскорее убраться из этого места. Хорошо, что один закутанный Свободный похож на другого. Он закатил тело Намри в угол, забросал его подушками, передвинул коврик, прикрывая кровь. Когда это было сделанно, Хэллек приладил носовую и ротовую трубки своего стилсьюта, надел маску, как всякий, готовящийся выйти в пустыню, поглубже натянул капюшон и вышел в длинный коридор.

«Невиновные ходят беззаботно», — подумал он, приноравливая шаги под этакую небрежную походку. «И я расскажу ей это, если ее увижу». Потому что если слова Намри правдивы, то действует опаснейший встречный план. Алия недолго позволит ему оставаться в живых, если его поймает, но всегда есть Стилгар — порядочный Свободный, с суевериями порядочного Свободного.

Джессика ему объяснила: «На естественную натуру Стилгара наложен лишь очень тонкий слой цивилизованного поведения. И вот как снять с него этот слой...»

Дух Муад Диба — это больше, чем слова, больше, чем буква Закона, возвышающего его имя. Муад Диб всегда должен быть внутренней яростью против самодовольно могучих, против шарлатанов и догматичных фанатиков. Именно эта внутренняя ярость и должна говорить, потому что Муад Диб учил нас одному превыше всего прочего: что люди могут выжить только в братстве общественной справедливости.

Договор Федайкинов.

Лито сидел, прислонясь спиной к стене хижины, глаза на Сабихе, внутренним зрением следя за разматывающейся нитью своего видения. Сабиха приготовила кофе и отставила его в сторону. Теперь она сидела на корточках напротив него, помешивая вечернюю трапезу, кашу, приправленную меланжем. Руки ее проворно управлялись с ковшиком и с жидкостью цвета индиго, оставлявшей следы на краях чаши. Она склонила свое худое лицо над чашей, размешивая концентрат. Грубая перепонка, составлявшая стилтент хижины, прямо позади нее имела заплату из более светлого материала, и возникал серый ореол, на который падала тень Сабихи, танцуя в помаргивающем свете огня, на котором готовился ужин, и единственной лампы.

Лампа заинтриговала Лито. Народ Шулоха был расточителен со спайсовым маслом. Лампа, а не глоуглоб. Они владели рабами-отверженными на тот момент, о котором рассказывается в историях о самых старых обычаях Свободных. И при том пользовались орнитоптерами и современнейшими спайсоуборщиками. Жестокая смесь древности и современности.

Сабиха пододвинула ему чашку с кашей, загасила огонь.

Лито не обратил внимания на чашу.

— Меня накажут, если ты этого не съешь, — сказала она.

Лито воззрился на нее, думая: «Если я убью ее, разобьется одно видение. Если я расскажу ей о планах Муриза, разобьется другое видение. Если я буду дожидаться здесь отца, это видение-ниточка станет мощным каналом».

Он мысленно рассортировал ниточки. В некоторых было обаяние, не дававшее ему покоя. Одно из будущих — с Сабихой — обладало в его провидении соблазняющей реальностью. Оно угрожало перекрыть все остальные, пока он мучительным усилием не отделался от него.

— Почему ты так на меня смотришь? — спросила она.

Он так и не ответил.

Она пододвинула чашку поближе к нему.

Лито попробовал сглотнуть сухим горлом. Побуждение убить Сабиху нарастало в нем. Он даже задрожал. Как легко было бы разбить одно видение — и выпустить все остальные на свободу!

— Муриз это велит, — сказала она, касаясь чаши.

Да, Муриз это велит. Суеверие побеждает повсюду. Муриз хочет, чтобы ему истолковали его видения. Он — как древний дикарь, просящий ведьминого доктора бросить бычьи кости и истолковать их расклад. Муриз забрал стильсют пленника «из чистой предосторожности». Здесь была коварная шпилька в адрес Намри и Сабихи. Мол, «только дураки дают пленникам сбежать».

Хотя у Муриза есть глубокая эмоциональная проблема. Духовная Река. Вода пленника течет в жилах Муриза. Муриз ищет повода, который позволил бы ему убить Лито.

«Каков отец — таков сын», — подумал Лито.

— Спайс только даст тебе твои видения, — сказала Сабиха. От его долгого молчания ей стало не по себе. — У меня самой много раз бывали видения во время оргий. Они ничего не значат.

«Вот оно!» — подумал он, тело его напряглось в неподвижности, от которой его кожа почудилась ему холодной и влажной. Тренировка Бене Джессерит овладела его сознанием, направленный свет, вращающийся над ним, чтобы озарить полыхающим светом видение о Сабихе и о всех ее отверженных собратьях. Древнее наставление Бене Джессерит было ясным:

«Языки конструируются для того, чтобы отражать особости на пути жизни. Каждая особость может быть опознана по

словам, их допускаемым толкованиям и конструкции предложения. Ищи перемычки. Особости представляют те места, где жизнь остановлена, где движение запружено и заморожено». Затем он увидел Сабиху, обладательницу видений, принадлежащих ей по праву, и всех других людей носителями той же силы. И она все же с презрением относилась к своим навеваемым спайсом видениям. Они вызывали отвращение и, следовательно, должны были быть отодвинуты в сторонку, умышленно позабыты. Они молились о росе на краю пустыни, потому что влага ограничивала их жизни. А еще они купаются в богатстве спайса и заманивают песчаную форель к открытым каналам. Сабиха относится к его провидческим видениям пренебрежительно и неточно, и все же внутри ее слов он увидел путеводные огоньки: она зависит от абсолютностей, стремится к конечным пределам, и все потому, что не может справиться с суровостью тех жестоких решений, что затрагивают ее собственную плоть. Она цепляется за одноглазое видение мира, может быть замкнутое, как шар, и с замороженным временем, потому что альтернативы ее устрашают.

Напротив, Лито ощущает чистое движение самого себя. Он — мембрана, собирающая бесконечные измерения, и, поскольку ему видимы эти измерения, он может принимать жестокие решения.

«Как делал мой отец».

— Ты должен это съесть! — с раздражением сказала она.

Лито разглядел весь узор своих видений, и знал теперь, по какой ниточке он должен двигаться. «Моя кожа — не моя собственная». Он встал, замотался в балахон. Без стилсьюта, защищающего тело, прикосновение одежды оставляло странное ощущение. Он стоял босиком на полу из плавленной спайсовой ткани, ощущая пробравшиеся внутрь песчинки.

— Что ты делаешь? — вопросила Сабиха.

— Воздух здесь плох. Я выйду наружу.

— Ты не сумеешь бежать, — сказала она. — В каждом каньоне есть свой червь. Если ты выйдешь за канал, червь учует тебя по твоей влаге. Эти плененные черви бдительны — совершенно непохожи на тех, кто в пустыне. Кроме того... — как же злорадно звучал ее голос! — На тебе нет стилсьюта.

— Тогда чего же ты боишься? — спросил он, гадая, сумеет ли спровоцировать ее на правдивый ответ.

— Чтобы тебя не съели.

— И тебя накажут.

— Да!

— Но я уже перенасыщен спайсом. Видение каждый миг, — он указал босой ногой на чашу. — Выплесни это в песок. Кто узнает?

— Они следят, — прошептала она.

Он покачал головой, устраняя ее из своих видений, чувствуя, как новая свобода обволакивает его. Нет нужды убивать эту бедную пешку. Она танцует под чужую музыку, не зная даже па, веря, что она все еще сможет разделить ту власть, что соблазняет голодных пиратов Шулоха и Джакуруту. Лито подошел к дверному замку, положил на него руку.

— Когда придет Муриз, — сказала она, — он очень рассердится, что...

— Муриз — торговец пустотой, — ответил Лито — Моя тетка его обезводила.

Она поднялась на ноги.

— Я пойду с тобой.

И он подумал: «Она помнит, как я от нее сбежал. Теперь она чувствует, до чего слабой хваткой меня удерживает. Ее видения волнуются внутри нее. Но она не прислушивается к этим видениям. Ей надо лишь поразмыслить: а как он может перехитрить плененного червя в узком проходе? Как он сможет жить в Танцеруфте без стилсьюта или фремкита?»

— Я должен побыть один, чтобы посоветоваться со своими видениями, — сказал он. — Останься здесь.

— Куда ты пойдешь?

— К каналу.

— Ночью косяком пойдет песчаная форель.

— Она меня не съест.

— Червь порой доходит до самого канала. Если ты пересечешь канал... — она осеклась, чтобы выразить как бы угрожающий смысл своих слов...

— Как я могу взобраться на червя без крючьев? — спросил он, гадая, не сохранились ли в ней все же крохи от ее видений.

— Ты поешь, когда вернешься? — спросила она, опять приседая на корточки перед чашей, чтобы взять черпачок и еще раз помешать похлебку цвета индиго.

— Всему свое время, — сказал он, зная, что она не в состоянии будет распознать тонкое воздействие Голоса — через внушающую силу которого он превращал свои собственные желания в ее решения.

— Муриз придет и проверит, было ли у тебя видение, — предупредила она.

— С Муризом я разберусь по-своему, — сказал он, отмечая какими медленными и тяжелыми стали ее движения. В том, как он ею сейчас управлял, отражалась естественная склонность всех Свободных, народа необычайно энергичного на рассвете, но часто одолеваемого глубокой летаргической меланхолией при наступлении тьмы. Ее уже клонило в сон и в сновидения.

И Лито один вышел в ночь.

В небе мерцали многочисленные звезды, и ему видны были громады окружающих круч на фоне звездного неба. Он под пальмами прошел к каналу.

Долгое время Лито сидел на корточках у края канала, прислушиваясь к шипению песка в каньоне за водной преградой. Червь маленький, судя по звуку, — несомненно, по этой причине и пойман. Маленького червя легче перевозить. Он подумал о способе ловли червя: охотники глушат его водяным туманом, используя старый метод Свободных, добывающих червя для оргии — обряда преображения. Но этот червь не будет убит окупанием. Он отправится на хайлайнере Союза к какому-нибудь полному надежд покупателю, пустыня которого почти наверняка окажется слишком влажной. Очень немногие представители других миров понимают, какова же должна быть сухость Арракиса, чтобы там сохранился червь. СОХРАНИЛСЯ — почти в прошедшем времени. Потому что даже здесь, в Танцеруфте, воздух был насыщен влагой во много раз больше, чем когда-либо ведал любой червь — разве что погибая в цистерне Свободных.

Он услышал, как в хижине позади него двигается Сабиха. Она была обеспокоена, уязвима своими подавленными видениями. Он недоумевал, каково это было бы быть вне видений вместе с ней, принимая каждый наступающий миг совместно и как существующий сам по себе. Эта мысль привлекла его намного больше, чем любое из навеянных спайсом видений. Была некая ясность в том, чтобы жить лицом к неизвестному будущему.

«Поцелуй в съетче стоит двух в городе».

Так говорила старая аксиома Свободных. В традиционном съетче узнаваемое дикарство смешивалось с застенчивостью.

Следы этой застенчивости были и в людях Джакуруту и Шулоха — но только следы. Он опечалился, уяснив до конца, что же именно теперь потеряно.

Медленно, так медленно, что он полностью понял это

прежде, чем сам успел сообразить, его сознание наполнилось шуршанием многих тварей вокруг него.

«Песчаная форель».

Вскоре наступит время перейти от одного видения к другому. Он ощущал движение форели, как движение внутри себя. Свободные прожили целые поколения бок о бок со странными созданиями, зная, что стоит пожертвовать на приманку хоть каплю воды, и эти создания можно заманить в пределы своей досягаемости. Многие Свободные умирали от жажды, рискуя своими последними немногими каплями поставленной на карту воды, зная, что вытягиваемый из форели сладкий зеленый сироп может хоть немного прибавить сил. Но, в основном, песчаная форель — это для детей, играючи ловящих ее ради Хуануи. И для забавы.

Лито содрогнулся при мысли, какую же ЗАБАВУ это означает для него сейчас.

Он почувствовал, как одна из форелей скользнула по его босым ногам, заколебалась, потом пустилась дальше, привлеченная много большим количеством воды в канале.

За мгновение, однако, он понял, что его жуткое решение осуществимо. «Форельная перчатка». Детская игра. Если держишь форель в руке, разглаживая ее по всей коже, то она образует живую перчатку. Следы крови в порах кожи ощутимы для этих созданий, но почему-то все связанное с водой крови их отталкивает. Раньше или позже, перчатка соскальзывает на песок, и ее подбирают в корзинку из спайсового волокна. Спайс утихомиривает их до тех пор, пока их не топят в водосборнике смерти.

Ему слышно было, как форель сыплется в канал, как бурлит вода вокруг пожирающих ее хищных рыб. Вода размягчает песчаную форель, делает ее податливой. Дети рано это усваивают. Плевок на форель — и из нее исторгается сладкий сироп. Лито прислушался к плеску. Мигрирующая форель добралась до открытой воды, но не могла вобрать в себя струящийся канал, охраняемый хищными рыбами.

Но она все шла — и все так же с плеском шлепалась в воду.

Лито пошарил правой рукой по песку, пока его пальцы не наткнулись на кожистую форель. Как раз большая, какую ему хотелось. Она не попыталась от него ускользнуть, наоборот, с жадностью полезла на его тело. Он свободной рукой на ощупь изучил ее форму — нечто, напоминающее алмаз. Ни головы, ни выступов, ни глаз, и все же воду

находит безошибочно. Вместе со своими собратьями она может слипаться телом к телу, одна за другой, становясь частью грубых переплетений плотно сжимающихся ресничек, пока все целое не превратится в единый сосущий организм, поглощающий в себя воду, отгораживающий «яд» от гиганта, которым станет песчаная форель — от Шаи-Хулуда.

Песчаная форель извивалась у него на груди, вытягиваясь и удлиняясь. При этих ее движениях он ощутил, как вытягивается и удлиняется и избранное им видение. «Эта ниточка, а не та». Он почувствовал, как песчаная форель становится все тоньше, все больше и больше распространяясь на его руку. Ни одна форель еще не встречала руки, подобной этой, так перенасыщенной спайсом. Ни один человек еще не жил и не мыслил в подобных условиях. Лито тонко подрегулировал свой энзимный баланс, со светлой уверенностью, обретенной им после того, как это было проиграно в видении транса. Знания бесчисленных жизней, сливавшиеся внутри него, обеспечили надежность и точность всех его действий, защитили от смерти от передозировки, которая бы поглотила его, если б он хоть на долю секунды ослабил внимание. И, одновременно, он сливался с форелью, впитывая ее, обильно ее подкармливая, изучая ее. Он действовал точно по лекалу своего видения.

Он почувствовал, как форель делается все тоньше, все больше растекаясь по руке, взобравшись уже на предплечие. Он поймал еще одну, положил поверх первой. При соприкосновении по двум созданиям прокатились возбужденные корчи. Ресничка сцепилась, и они стали единой пленкой, по локоть обволокшей его руку. Ну, в точности живая перчатка детской игры, но теперь тоньше и чувствительней, поддавшаяся на его приманку, занимая свое место в симбиозе с его кожей. Он опустил руку в живой перчатке, ощупал песок, отчетливо чувствуя каждую песчинку. Это уже не форель, то, что выходит — это крепче, сильнее, и будет делаться все сильней и сильней... Его шарящая рука наткнулась еще на одну форель, с нахлесту примкнувшую к первым и приспособившуюся к новой роли. Кожистая мягкость уже одела всю его руку вплоть до плеча.

С жуткой до небывалости концентрацией он достиг единства своей новой кожи со своим телом, предотвратил отторжение. На это потребовалось все его внимание, и ни уголка не осталось в мозгу, где могло бы сохраниться

осознание устрашающих последствий делаемого им. Только то, что видение его транса представило необходимым, имело значение. Золотая Тропа могла отвориться только после этого испытания.

Лито скинул одежды и обнаженным лег на песок, протянув одетую в перчатку руку на пути мигрирующей форели. Он припомнил, как однажды они с Ганимой поймали песчаную форель и терли ее о песок до тех пор, пока та не превратилась в «червя-детеныша» — жесткую трубочку, налитую изнутри зеленым сиропом. Только аккуратно надкуси и быстро выпей — пока укус не затянулся, спасая хоть немногие капли.

Они были теперь по всему его телу. Он чувствовал, как пульсирует его кровь под этой живой оболочкой. Одна попыталась закрыть ему лицо, он грубо ее покрутил, пока она не вытянулась в тонкую трубочку — удлинилась намного больше червя-детеныша, оставаясь при этом гибкой. Лито надкусил ее кончик и стал смаковать тонкую струйку сиропа, которого вытекло намного больше, чем когда-либо приходилось отведывать Свободному. Он почувствовал, как энергия сиропа разливается по его телу. Его охватило занятное возбуждение. Некоторое время он был занят тем, что отвертывал от лица наползающую пленку, пока не получилось окоченевшей кромки, замкнувшейся в круг от лба до челюсти и оставляющей его глаза открытыми.

Теперь надо испытать видение.

Он встал на ноги, повернулся, чтобы побежать назад к хижине — и обнаружил, что бежит так быстро, что не в состоянии сохранять равновесие. Он рухнул на песок, перекувырнулся и вскочил на ноги. Прыжок на два метра вознес его над песком — а когда он, приземлившись, попробовал просто идти, то опять-таки он двигался слишком быстро.

«Стоп!» — велел он себе, и погрузился в расслабляющее прана-бинду, собирая все свои ощущения в пруд своего сознания. Пробежала внутренняя рябь ТЕПЕРЬ-ПОСТОЯННО, через которую он вживе ощутил Время, и возвышенный восторг видения его согрел. Оболочка работала в точности так, как предсказало видение.

«Моя кожа — не моя собственная».

Но его мускулам надо было немного потренироваться, прижиться к усилию любого движения. Когда он пошел, он упал и покатился. Вскоре он сел. В спокойствии кайма под его челюстью попыталась стать пленкой и закрыть ему рот.

Он плюнул на нее и надкусил, отведал сладкого сиропа. Потом рукой закрутил ее вниз.

Прошло достаточно времени, чтобы возникло единство его новой кожи с его телом. Лито вытянулся на спине, перевернулся на живот. Затем он пополз, царапая оболочкой по песку. Он отлично ощущал песок, но ничто не царапало его собственного тела. Сделав лишь несколько плавательных движений, он одолел пятьдесят метров песка. От трения по телу разлилось тепло.

Пленка больше не пыталась закрыть его нос и рот, но теперь ему предстоял второй значительный шаг к Золотой Тропе. Его упражнения вывели его за канал, в каньон, где находился пойманный червь. Он услышал, как червь приближается с шипящим свистом, привлеченный его движениями.

Лито вскочил на ноги, намереваясь встать и подождать, но это движение послало его метров на двадцать в глубь каньона. Невероятных усилий стоило контролировать свои реакции, он опять присел на корточки, выпрямился. Теперь прямо перед ним начал пухнуть песок, вздымаясь чудовищным завитком, освещенным лунным светом. Песок разошелся перед ним на расстоянии всего в два его роста. В тусклом свете полыхнули кристальные зубы. Он увидел, как разверзается рот-пещера, далеко в глубине которой тягуче шевелилось тусклое пламя. Всепобеждающий аромат спайса захлестнул его. Но червь остановился. Он продолжал стоять перед Лито, когда из-за круч вышла Первая Луна. Ее свет отразился на зубах твари, окаймлявших пламенные отсветы горения химических реакций внутри нее.

Так глубоко был в нем закоренелый страх Свободных, что Лито просто с места срывало желание удрать. Но его видение удержало его в неподвижности, в очарованности этим затянувшимся моментом. Еще ни один, стоявший так близко к пасти живого червя, не уцелел. Лито тихо двинул правую ногу, зацепился за песчаный бугорок и, среагировав слишком сильно, полетел прямо к пасти червя. Он остановился, упав на колени. Червь так и не шевельнулся.

Он почувствовал только форель, и не станет нападать на эту глубоко-песочную ядовитую штуку, его родню. Червь нападает на другого червя, посягнувшего на его территорию, или пожалует на обнаженный спайс. Только водный барьер его останавливает — а песчаная форель, живая капсула воды, и есть такой водный барьер.

Ради эксперимента Лито протянул руку к наводящей

благоговейный ужас пасти. Червь подался назад на целый метр.

К Лито вернулась уверенность, и он, отвернувшись от червя, принялся обучать свои мускулы жить с этой новой заключенной в них силой. Он осторожно прошел назад к каналу. Червь позади него оставался недвижимым. Когда Лито оказался за водной преградой, он подпрыгнул от радости, пролетел метров десять над песком в парящем полете, шлепнулся, перекувырнулся и расхохотался.

Приоткрыв затвор хижины, на песок упал яркий свет. Сабиха, стоя в ореоле желто-сиреневого свечения лампы, воззрилась на него.

Смеясь, Лито опять перебежал через канал, остановился перед червем и, протянув руку, повернул лицо к Сабихе.

— Смотри! — окликнул он. — Червь слушается моих повелений!

Пока она стояла, окаменев от шока, он развернулся и бегом промчался мимо червя в глубь каньона. Приобретая кой-какой опыт в своей новой коже, он уже выяснил, что может бежать, лишь совсем чуть-чуть сгибая мускулы. Усилий почти не требовалось. Когда он бежал, прилагая усилие, то взмывал так, что его незащищенное лицо обжигал ветер. В глухом конце коньона он не остановился, а подпрыгнул метров на пятнадцать вверх, вцепился в обрыв и пополз наверх как насекомое. Он вылез на гребень Танцеруфта.

Перед ним простиралась пустыня в лунном свете — бескрайними серебрящимися волнами.

Маниакальный восторг Лито приулегся.

Он присел на корточки, чувствуя потрясающую легкость тела. После проделанного им физического упражнения он покрылся тонкой пленочкой пота, которую стилсьют впитал бы и прогнал бы через влагоемкую прокладку, удаляющую соли. Теперь пот исчез, как только он расслабился, мембрана поглотила его быстрее любого стилсьюта. Лито, задумавшись, развернул рулончик оболочки под губой, засунул его в рот, отпил сироп.

Вот рот его не закрыт. Чутким разумом Свободного он ощущал, как влага его тела теряется через рот. Лито натянул оболочку себе на рот, закатал ее край, попытавшийся запечатать ноздри, и держал так, пока ограничивающая ее свернутая трубочка не осталась на месте. В пустыне он дышал уже автоматически по принципу: вдох — через нос, выдох — через рот. Оболочка над его ртом вздулась маленьким пузырьком, но осталась неподвижной. Не теряя ни

крупицы влаги, собирающейся в носу и на губах. Значит, он все теперь приспособил.

Между Литой и луной пролетел топтер, сделал вираж, опустился на широкую посадочную площадку на вершине, метрах в ста от Лито. Лито глянул на него, отвернулся, поглядел на тот путь, которым он выбрался из каньона. Внизу, у канала, виднелось множество огней, различалось мельтешение большой толпы. Он услышал далекие выкрики, звучавшие с различимой истерией. От топтера к нему приближались двое. Лунный свет блестел на их оружии.

«Машхад», — подумал Лито, и это была печальная мысль. Отсюда — его гигантский скачок на Золотую Тропу. Он надел живой, саморемонтирующийся стилсьют из мембран песчаной форели, вещь неизмеримой ценности на Арракисе... пока не поймешь уплаченную цену. «Я больше не человек. Легенды об этой ночи будут расти и раздуваться до неузнаваемости среди всех, кто ее застал. Но она будет правдой, эта легенда».

Он поглядел вниз, прикинул, что уровень пустыни метрах в двухстах внизу. Луна высвещала выступы и трещины на крутой поверхности, но никакой непрерывной тропки. Лито встал, сделал глубокий вздох, взглянул на приближающихся мужчин и прыгнул в воздух. Примерно тридцать метров ниже его согнутые ноги наткнулись на узкий выступ. Усиленные мускулы погасили удар и, спружинив, направили его полет в сторону, до другого выступа, который он задел руками, отскочил еще метров на двадцать вниз, наскочил — опять руками — на следующий выступ и опять пошел вниз. Наконец заключительные сорок метров он одолел одним прыжком, приземлился кувырком, поджимая колени, вонзился в покатый склон дюны, подняв тучи песка и пыли. У подножия дюны он поднялся на ноги, одним прыжком взлетел на гребень следующей дюны. Он услышал хриплые крики с вершины обрыва, но проигнорировал их, сосредоточась на широких прыжках с вершины на вершину дюны.

Побольше приспособясь к новой силе мускулов, он испытывал чувственную радость того, что в предвидениях не было того, насколько пожирающими расстояниями станут его движения. Он был пулей пустыни, таким вызовом Танцеруфти, который никто до него не бросал.

Когда он решил, что двое из орнитоптера достаточно оправились от шока, чтобы возобновить преследование, он нырнул на теневую сторону дюны и зарылся там. Для его

новых мускулов песок был как тягучая жидкость, вот только температура опасно поднималась, когда он рыл слишком быстро. Он вышел наружу с другого конца дюны и обнаружил, что мембрана закрыла его ноздри. Удаляя ее, он ощутил, как пульсирует его новая кожа, вовсю трудясь, чтобы поглотить его пот.

Лито пристроил себе в рот трубочку, отпил сиропа, глядя вверх на звездное небо. По его подсчетам, он был километрах в пятнадцати от Шулоха. Вскоре на фоне звезд возникли очертания топтера, огромной птицы, а за ней еще и еще одной. Он услышал тихое присвистывание их крыльев, ропот их приглушенных реактивных двигателей.

Потягивая жидкость из живой трубочки, он ждал. Первая луна прошла по своему пути, потом — Вторая.

За час до зари Лито выбрался из своего укрытия на гребень дюны, оглядел небо. Никаких охотников. Теперь он знал, что вступил на тропу, с которой нет возврата. Впереди Время и Пространство уже приготовили ему ловушку, ради незабываемого урока для него самого и всего человечества.

Лито повернулся на северо-восток и пропрыгал еще пятьдесят километров, прежде чем на день зарылся в песок, оставив только крохотный выход на поверхность, через который высовывалась форельная трубочка. Оболочка училась жить с ним одной жизнью точно так же, как он научился жить с ней. Он старался не думать о всем другом, что она совершает с его плотью.

«Завтра я совершу набег на Гара Рулен, — подумал он. — Я разрушу их канал и выпущу его воду в песок. Затем я пойду на Виндсак, Старое ущелье и Харг. За месяц экологическое преображение будет отброшено назад на целое поколение. Это даст нам время для разработки нового расписания».

И, конечно, дикость мятежных племен будет осуждена. Кое в ком проснутся воспоминания о Джакуруту. У Алии будет хлопот невпроворот. Что до Ганимы... Лито беззвучно, одними губами, произнес слова, которые вернут ей память. Время этому позже... если они уцелеют в этом жестоком переплетении нитей.

Золотая Тропа заманчиво простиралась перед ним по пустыне, почти материальная вещь, видимая им открытыми глазами. И он подумал о том, как это бывает: «Животные должны перемещаться по земле, чтобы существовать, а существование людей зависит от движения души человечества, заблокированной на целые годы, нуждающейся в пути, по которому она сможет двигаться».

Затем он подумал об отце, говоря себе: «Скоро мы обсудим все это как мужчина с мужчиной, и выявится одно-единственное видение».

Пределы выживания задаются климатом, теми долгими течениями медленных изменений, которые поколение может и не заметить. И именно крайности климата являются решающими и наглядными. Одинокие, конечные личности могут наблюдать климатические провинции, ежегодные перепады погоды, случайно отмечать вещи навроде: «Этот год холоднее всех, что на моей памяти». Такие вещи ощутимы. Но люди редко зорки в отношении той усредненной перемены, что происходит за большое количество лет. Но как раз через такие зоркость и чуткость люди учатся, как выжить на любой планете. Они должны изучать климат.

«Арракис, Преображение» по Харк ал-Аде.

Алия сидела на кровати, скрестив ноги, стараясь успокоить себя Заклинанием Против Страха, но в ее черепе отдавалась насмешливое хихикание, блокировавшее все ее усилия его сказать. Вскоре ей стал слышен голос — он завладел ее ушами, ее умом.

— Что это за чушь? Чего тебе бояться?

Мускулы ее ляжек дрогнули, словно ноги ее пытались пуститься бегом. Но бежать некуда.

На ней был только золотой халат из чистейшего палианского шелка, и он не скрывал припухлостей ее начинавшего полнеть тела. Только что миновал Час Убийц — заря уже близка. Отчеты за последние три месяца лежали перед ней на красном коврике. Ей слышно было жужжание кондиционера, легкий ветерок колыхал таблички на катушках шигавира.

Советники боязливо разбудили ее два часа назад, с новостями о последних потрясениях, и Алия затребовала отчеты, чтобы поискать через них ясное представление о происходящем.

Она отказалась от Литании.

Эти нападения наверняка работа мятежников. Явно. И все больше и больше из них обращаются против религии Муад Диба.

— Ну, и что тут дурного? — вопросил насмешливый голос внутри нее.

Алия яростно затрясла головой. Намри ее подвел. Дурой она была, что доверилась такому опасному двойному орудию. Ее советники перешептывались, что на очереди обвинение Стилгару, что он скрытый мятежник. И что сталось с Хэллеком? Затаился среди своих друзей-контрабандистов? Вероятно.

Она взяла одну из катушек. И МУРИЗ! Этот человек — истерик. Это единственно возможное объяснение. Иначе ей надо поверить в чудеса. Ни один человек, не говоря уже о ребенке (даже о таком ребенке, как Лито) не мог бы прыгнуть с громады Шулоха и уцелеть, удрав после этого в пустыню такими скачками, что переносили его с гребня на гребень дюн.

Алия ощутила под рукой холод шигавира.

Где же тогда Лито? Ганима отказывалась считать его иначе, чем мертвым. Видящая Правду подтвердила ее рассказ: Лито задран Лазанским тигром. Тогда кто же этот ребенок, о котором докладывают Намри и Муриз?

Она содрогнулась.

Разрушено сорок кванатов, их вода выпущена в песок. Верные Свободные и даже мятежники — все невежественные суеверы, все! Ее отчеты полным-полны рассказами о загадочных событиях. Песчаная форель прыгает в кванаты и распадается на великое множество своих маленьких копий. Черви умышленно топят себя. Кровь сочится из Второй Луны, падая на Арракис, где она вызывает великие бури. А ведь частота бурь и ВПРАВДУ возрастает!

Она подумала о Данкане, отрезанном в Табре от внешнего мира, раздраженном ограничениями, наложения которых на него она настоятельно потребовала от Стилгара. Он и Ирулэн болтают и еще кое о чем кроме того, каково ИСТИННОЕ значение всех этих знамений. Дураки! Даже ее шпионы поддаются влиянию этих возмутительных побасенок!

Почему Ганима настаивает на своей истории с Лазанским тигром?

Алия вздохнула. Только одно из сообщений на шигавирах было для нее утешительным. Фарадин прислал отряд своей личной гвардии, чтобы «помочь вам в тревогах и подготовить путь для Официального Обряда Обручения». Алия улыбнулась самой себе и присоединилась к хихиканию, рокотавшему в ее черепе. Этот план, по крайней мере, остается в целостности. Надо найти логическое объяснение, чтобы развеять всю остальную суеверную чушь.

Тем временем она использует людей Фарадина, чтобы помочь под Шулохом и арестовать известных диссидентов, особенно среди наибов. Она прикинула, не предпринять ли действий против Стилгара, но внутренний голос остерег ее от этого.

— Пока еще — нет.

— У моей матери и Сестер до сих пор имеется свой собственный план, — прошептала Алия. — Почему она тренирует Фарадина?

— Может, он ее возбуждает, — сказал Старый Барон.

— Нет, что ты, такая ледышка?..

— Ты не думаешь о том, чтобы потребовать от Фарадина вернуть ее?

— Я знаю опасности этого!

— Хорошо. Между тем, недавно заходила твоя молодая советница, Зия. Как его звать? Агарвис? Да, Бур Аргавис. Если б ты пригласила его нынче вечером...

— Нет!

— Алия...

— Уже почти заря, ненасытный ты старый дурак! Нынче утром собирается военный совет, жрецы будут...

— Не доверяй им, дорогая Алия.

— Конечно, нет!

— Очень хорошо. Теперь, этот Бур Аргавис...

— Я сказала — нет!

Старый Барон промолчал, но она начала испытывать головную боль. Боль медленно подползала от левой щеки внутрь черепа. Однажды он заставил ее метаться как безумную по коридорам, проделав такую штуку. Теперь она твердо решила ему воспротивиться.

— Будешь Упорствовать — приму болеутоляющее, — сказала она.

Ему было ясно видно, что она и в самом деле это сделает. Боль начала слабеть.

— Очень хорошо, — с обидой. — Тогда в другой раз.

— В другой раз, — согласилась она.

Ты разделил песок пустыни, драконам пустыни разбил Ты головы. Да, вижу тебя я зверем, выходящим из дюн, два рожка агнца у тебя, но говоришь ты как дракон.

Пересмотренная
Оранжевая Католическая Библия, Арра П:4.

Непреложным было это пророчество, нитки превращаются в каналы, и Лито теперь казалось, что он знал об этом всю свою жизнь. Он посмотрел вперед за вечерние тени над Танцеруфтом. В ста семидесяти колометрах к северу находится Старое Ущелье, глубокая извивающаяся расселина в Защитной стене, через которую первые Свободные мигрировали в пустыню.

В Лито не оставалось сомнений. Он знал, почему он стоит здесь в пустыне, в одиночестве, и с чувством притом, что вся эта страна принадлежит ему, что она должна повиноваться его велению. Он ощущал струну, связывающую его со всем человечеством, и глубинную необходимость мироздания жизненных опытов, придававших ему логический смысл, мироздания принятых регулярностей внутри вечного изменения.

«Я знаю это мироздание».

Червь, доставивший его сюда, явился на притоптывание его ноги, и, восстав перед ним, замер как послушный зверь. Он вскочил на него и только при помощи своих обладающих новой силой рук развел ведущую губу колец червя, чтобы держать его на поверхности. Червь совсем притомился за целую ночь гонки на север. Его кремниево-серная внутренняя «фабрика» работала на полную мощь, щедро выбрасывая клубы кислорода, которые попутный ветер доносил до Лито обволакивающими вихрями. По временам у него начинала от теплых выбросов кружиться голова, и он испытывал странные ощущения. Рефлекторная и круговая субъективность его видений обратилась вовнутрь, на его предков, заставляя его припоминать кусочки его прошлого на Земле, сравнивая затем эти кусочки с его изменившимся «я».

Он уже ощущал теперь, как его все больше уносит от чего-то узнаваемого человеческого. Соблазняя спайсом, который он заглатывает, где только натыкается хоть на самую чуточку, и оболочка его больше не была песчаной форелью, как и сам он больше не был человеком. Реснички проникли в его плоть, создав новое творение, которому искать теперь свою собственную метаморфозу в грядущих эрах.

«Ты видел это, отец, и отверг это, — подумал он.— Слишком ужасающе это было, чтобы посмотреть этому в лицо».

Лито знал, что думает о своем отце, и почему.

«Муад Диб умер от предвидения».

Но Пол Атридес ушел из мира реальности в алам алмифал, хоть и живет еще, сбежал от того, на что отважился его сын.

Теперь есть только Проповедник.

Лито присел на корточки и стал непрерывно смотреть на север. Оттуда придет червь, а на нем — двое: юный Свободный и слепец.

Над головой Лито пронеслась стайка мертвенно бледных летучих мышей, держа курс на юго-восток. Они были редкими крапинками в темнеющем небе, и глаз знающего Свободного по направлению их полета способен определить, к какому убежищу лежит их путь. Однако Проповедник обойдет это убежище сторонкой. Место его назначения — Шулох, где не допускают никаких летучих мышей, чтобы они не привели посторонних к этому тайному месту.

Червь появился сперва темным движущимся пятнышком между пустыней и северным ветром. Матар, песочный дождь, принесенный с горных вершин умирающей бурей, на несколько минут скрыл его из виду, затем он стал виден яснее и ближе.

Линия холода у основания дюны, где примостился Лито, начала источать ночную влагу. Он ноздрями попробовал слабую сырость, прикрыл рот пузырящейся чашечкой мембраны. Для него больше не было необходимости охотиться за каждой крохотной капелькой. От своей матери ему досталась в наследство большая кишка Свободных, длиннее и больше обычной, возвращавшая в организм воду из всего, что в нее попадало. Живой стилсьют хватал и усваивал каждую достижимую капельку влаги. Даже сейчас, пока он сидел, его оболочка, коснувшись песка выпустила реснички-псевдоподы, чтобы запастись до крохи всей энергией, какую они смогут собрать.

Лито присматривался к приближающемуся червю. Он знал, что юный поводырь к этому времени уже увидел, заметил темное пятно на вершине дюны. Наездник не мог определить с расстояния специфику видимого объекта, но Свободные издавна знали, как поступить в таких случаях. Незнакомый объект может быть опасен. Действия юного поводыря были предсказуемы, никакого предвидения не надо.

Все верно, он чуть изменил курс и поехал прямо на Лито. Гигантские черви были оружием, которым Свободные пользовались множество раз. Черви помогли разбить Шаддама под Арракином. Этот червь, однако же, не стал повиноваться наезднику. Он остановился метрах в десяти, и, как тот его ни понукал, больше ни на песчинку не продвинулся вперед.

Лито встал, почувствовал, как реснички втянулись назад в мембрану. Освободив рот, он окликнул:

— Ахлам, васах-ахлан! — «Добро пожаловать, дважды добро пожаловать!»

Слепец стоял на черве позади проводника, одна рука на плече юноши. Он высоко поднял голову, нос устремлен на голову Лито, словно старался унюхать, кто это у них на пути. Закат окрасил оранжевым его лоб.

— Кто это? — спросил слепец, тряся плечо поводыря. — Почему мы остановились? — сквозь затворы стилсьюта его голос звучал гнусаво.

Юноша, боязливо поглядев на Лито, сказал:

— Всего лишь кто-то одинокий в пустыне. По виду, ребенок. Я попробовал направить на него червя, но червь не идет.

— Почему ты ничего не сказал? — вопросил слепец.

— Я думаю, это всего лишь кто-то один в пустыне! — запротестовал проводник. — Но это демон.

— Сказано истинным сыном Джакуруту, — заметил Лито. — А вы, достопочтенный отец, вы — Проповедник.

— Да, это я, — и страх был в голосе Проповедника, потому что, наконец, он встретился со своим прошлым.

— Здесь не сад, — сказал Лито. — Но добро пожаловать разделить со мной на сегодня это место.

— Кто ты? — вопросил Проповедник. — Как ты остановил нашего червя? — зловещие нотки узнавания были в голосе Проповедника. Он призывает воспоминания о своем альтернативном видении... понимая, что может найти здесь конец.

— Это демон! — протестовал юноша-поводырь. — Мы должны бежать отсюда, или наши души...

— Молчи! — взревел Проповедник.

— Я — Лито Атридес, — сказал Лито. — Ваш червь остановился, потому что я ему приказал.

Проповедник застыл в остолбенелом молчании.

— Пойдем, отец, — сказал Лито. — Слезай, и проведи ночь со мной. Я напою тебя сладким сиропом. Я вижу, у тебя есть фремкит с водой и кувшинами. Мы разделим наши богатства здесь, на песке.

— Лито еще ребенок, — возразил Проповедник. — И, говорят, он погиб по подлости Коррино. В твоем голосе нет детства.

— Ты знаешь меня, Отец, — сказал Лито. — Я мал для своего возраста, как и ты был, но мой опыт древен и мой голос обучен.

— Что ты делаешь здесь, во Внутренней Пустыне? — спросил Проповедник.

— Бу джи, — ответил Лито. «Ничего из ничего». Это был ответ Скитальца Дзэнсунни, того, кто действует только с позиций отдыха, не прилагая усилий и в гармонии с тем, что его окружает.

Проповедник потряс поводыря за плечо:

— Это ребенок, и вправду ребенок?

— Айджа, — ответил поводырь, бросая на Лито опасливый взгляд.

Глубокий до дрожи вздох вырвался из груди Проповедника.

— Нет, — сказал он.

— Это демон в облике ребенка, — сказал поводырь.

— Вы проведете ночь здесь, — сказал Лито.

— Мы сделаем так, как он говорит, — проговорил Проповедник. Он убрал руку с плеча проводника, соскользнул по боку червя и по его кольцу на песок, чисто отпрыгнув, когда его ноги коснулись земли. Обернувшись, он сказал: — Отгони червя и дай ему потом уйти в песок. Он так устал, что не станет нам докучать.

— Червь не уйдет! — запротестовал поводырь.

— Он уйдет, — сказал Лито. — Но если ты попытаешься бежать на нем, я отдам тебя ему на съедение, — он подошел к сенсорной бровке червя и указал ему в том направлении, откуда они прибыли. — Иди туда.

Юноша хлопнул червя по кольцу позади себя, понукая его, покачнул крюк, державший кольцо открытым. Червь медленно заскользил по песку, повернул, когда юноша наклонил крюк.

Проповедник, двигаясь на звук голоса Лито, взобрался на дюну и остановился в двух шагах от него. Сделано это было с уверенностью и проворством, поведавшими Лито, что состязание будет нелегким.

Здесь их видения расходятся.

— Сними маску стилсьюта, отец, — сказал Лито.

Проповедник повиновался, откинул складку своего капюшона и удалил прикрытие со рта.

Зная свой собственный внешний облик, Лито изучал это лицо, так ясно видя черты сходства, как будто они были подчеркнуты светом. Эти черты необъяснимо согласовывались, хоть и не было в них ничего резкого, но нельзя было ошибиться насчет генетической тропинки, на которой они помещались. Именно эти черты унаследовал Лито из дней, полных жужжания и сочащейся воды, из волшебных морей

Келадана. Но теперь они стоят на разделяющей их точке Арракиса, и ночь вот-вот падет на дюну.

— Итак, отец, — сказал Лито, глянув налево, где тащился к ним по пескам поводырь, и где был отпущен червь.

— Му зейн! — и Проповедник резко рубанул воздух правой рукой. «Это не к добру!»

— Кулиш зейн, — мягко ответил Лито. «Только это добро и дано нам когда-либо иметь». И добавил на Чакобсе, боевом языке Атридесов: «Я здесь, и здесь я останусь! Нам нельзя забывать этого, отец».

У Проповедника поникли плечи. Полузабытым жестом он поднес обе руки к своим пустым глазницам.

— Однажды я поглядел твоими глазами и изучил твои воспоминания, — сказал Лито. — Я знаю твои решения, и я побывал в том месте, где прятался ты.

— Знаю, — Проповедник опустил руки. — Ты останешься?

— Ты назвал меня в честь того, что этот девиз вписал в фамильный герб, — ответил Лито. — Джи суа, джресте!

Проповедник глубоко вздохнул.

— Как далеко это зашло, то, что ты над собой сделал?

— Моя кожа — не моя собственная, отец.

Проповедник содрогнулся:

— Тогда я знаю, как ты меня здесь нашел.

— Да, я пристегнул свою память к месту, где мое тело никогда не бывало. Мне нужен был вечер со своим отцом.

— Я не твой отец. Я только бедная копия, пережиток, — он повернул голову на звук приближающегося поводыря. — Я больше не обращаюсь к видениям, чтобы узнать свое будущее.

Пока он говорил, тьма накрыла пустыню. Над ними вспыхнули звезды, и Лито тоже повернул голову к приближающемуся к ним поводырю.

— Вубак ул кухар! — окликнул Лито юношу. — «Привет тебе!»

— Субак ун нар! — последовал ответ.

Проповедник сказал хриплым шепотом:

— Этот юный Ассан Тарик — из опасных...

— Все Отверженные опасны, — ответил Лито. — Но не для меня, — он говорил тихо, в разговорной интонации.

— Если в этом твое видение, то я в нем соучаствовать не буду, — сказал Проповедник.

— Возможно, у тебя нет выбора, — сказал Лито. — Ты — филхаквиква, Реальность. Ты — Абу Дхур, отец Бесконечных дорог Времени.

— Я не больше, чем приманка в ловушке, — сказал Проповедник, и в голосе его была горечь.

— И Алия уже проглотила эту приманку, — сказал Лито. — Но мне не нравится ее вкус.

— Ты не сможешь этого сделать! — прошипел Проповедник.

— Я уже это сделал, отец. Моя кожа — не моя собственная.

— Может, еще не слишком поздно для тебя...

— Слишком поздно, — Лито наклонил голову набок. Ему слышно было, как по склону дюны на звук их голосов тяжело взбирался Ассан Тарик. — Привет тебе, Ассан Тарик из Шулоха, — сказал Лито.

Юноша остановился на склоне как раз под Лито, темная тень в звездном свете. В его осанке и в том, как он задирал голову, прочитывалась нерешительность.

— Да, — сказал Лито. — Я — тот, кто бежал из Шулоха.

— Когда я услышал...— начал Проповедник. И повторил. — Ты не сможешь этого сделать!

— Я это делаю. Что значит, если тебя еще раз ослепят!

— Ты думаешь, я этого страшусь? — спросил Проповедник. — Разве ты не видишь чудесного поводыря, которого они ко мне приставили?

— Вижу, — Лито опять повернулся лицом к Тарику. — Ты что, не слышал меня, Ассан? — сказал Лито. — Но ты — мой демон, — и Лито ощутил, как возрастает напряжение между ним и его отцом. Вокруг них велась игра теней, проекции неосознанных обликов. И Лито ощущал воспоминания своего отца — нечто вроде пророчества назад, отбиравшего видения из устойчивой реальности этого момента.

Тарик почувствовал это, эту битву видения. Он скользнул на несколько шагов вниз по склону.

— Нельзя управлять будущим, — прошептал Проповедник, с большим усилием в голосе, словно поднимал огромный вес.

Лито понял, в чем разногласие между ними. Это была стихия мироздания, над постижением которой он бьется всю свою жизнь. Либо он, либо его отец вынуждены будут действовать быстро, принимая решения по своим действиям, выбирая видения. И отец прав: стремясь к какому-то окончательному управлению мирозданием, только создашь оружие, которым в конце концов мироздание тебя и сразит. Выбрать видение и управлять им — это балансировать на единственной тонкой ниточке — играть в Бога на высоко натянутом цирковом канате, по обе стороны которого —

космическое безмолвие. Ни одному из борющихся сейчас нельзя отступить в смерть— как прекращение парадокса. Каждый знает видения и их правила. Все старые иллюзии умирают. И когда один из состязающихся делает ход, другой может сделать контр-ход. Единственная неподдельная правда, имеющая сейчас значение для них, это та, что отделяет их от предпосылок видения. Нет безопасного места, только скоротечно тасуемые взаимосвязи, фиксируемые внутри тех пределов, к которым они привязаны лишь сейчас, устремленные в неизбежные изменения. Каждому из них не на что было положиться, кроме как на отчаянное и одинокое мужество, но у Лито были два преимущества: он направил себя по тропе, с которой нет возврата, и он принял все жуткие последствия этого для себя самого. Его отец все еще надеялся, что есть дорога назад — и не взял на себя бесповоротных обязательств.

— Ты не должен! Ты не должен! — наждачным голосом проговорил Проповедник.

«Он видит мое преимущество», — подумал Лито.

И Лито заговорил, взяв разговорную интонацию, маскируя собственное напряжение, — сбалансированное усилие, которого требовал от него иной уровень его соперника.

— У меня нет страстной веры в правду, и исповедую я лишь то, что сам творю, — сказал он. И уловил тогда движение между ним и отцом, нечто, гранулярные свойства чего касались только собственной, страстно субъективной веры Лито в самого себя. Из этой веры он и знал, что разметил вехи Золотой Тропы. Наступит день, когда эти вехи смогут поведать другим, как быть человечными — странный дар от того, кто в этот день уже не будет человеком. Но такие вехи всегда расставляются рисковыми игроками. Лито ощущал, как тут и там возникали они по всему пейзажу его внутренних жизней — и, ощущая это, бесповоротно пошел ва-банк.

Он тихо понюхал воздух, ожидая сигнала, о котором и он, и отец знали, что он должен появиться. Оставался лишь один вопрос: предостережет ли отец напуганного до смерти юного поводыря, ждущего их снизу?

Вскоре Лито ощутил запах озона в своих ноздрях, разоблачительный запах защитного поля. Верный приказам, данным ему Отверженными, юный Тарик пытается убить обоих этих опасных Атридесов разом, не ведая об ужасах, которые это обрушит.

— Нет, — шепнул Проповедник.

Но Лито знал, что сигнал истинен. Он чуял озон, но воздух вокруг них не позвякивал. Тарик использовал в пустыне псевдо-поле — оружие, разработанное исключительно для Арракиса. Эффект Холцмана призовет червя, в то же время приводя его в неистовство, ничто не остановит такого червя — ни вода, ни присутствие песчаной форели... Ничто. Да, поводырь установил устройство на склоне дюны и теперь выбирался бочком из опасной зоны.

Лито вспрыгнул на вершину дюны, услышав протестующий вопль отца, но мощный импульс усиленных мускулов Лито ракетой швырнул вперед его тело. Одна взметнувшаяся рука ухватила Тарика за шею, через стилсьют, другая обвилась вокруг поясницы обреченного юноши. Раздался один короткий щелчок — шея сломалась. Лито перекувырнулся, поднял свое тело, словно отменно сбалансированный инструмент, и нырнул прямо туда, где в песке было спрятано псевдо-поле. Его пальцы нашли приспособление, он извлек его из песка и по широкой дуге швырнул далеко к югу.

Вскоре из того места, куда упало псевдо-поле, донесся громчайший шипяще-молотящий грохот. Потом он смолк, и вновь наступила тишина.

Лито поглядел на вершину дюны, где стоял его отец, все еще непокорный, но уже побежденный. Да, это Пол Муад Диб там — слепой, гневный, близкий к отчаянию из-за последствий его бегства от того видения, которое принял Лито. Пол мог бы поразмыслить теперь над словами из Долгого Коана Дзэнсунни: «При одном из актов прозрения будущего Муад Диб ввел элемент роста и развития в самое предвидение, через которое он видел человеческое существование. Через это он тратил несомненность. Стремясь к абсолютности упорядоченного прозрения, он умножил беспорядок, сказал прозрение».

Одним прыжком вернувшись на вершину дюны, Лито сказал:

— Теперь я — твой поводырь.

— Никогда!

— Вернешься ли назад в Шулох? Даже если они хорошо тебя примут, когда ты вернешься без Тарика, то куда теперь делся Шулох? Видят ли его твои глаза?

Тогда Пол повернулся к сыну, устремив на него безглазые глазницы:

— Ты действительно знаешь тот мир, который здесь создал?

Лито уловил особое ударение в вопросе. Видение, которое, как они оба знали, запущено здесь в ужасающее движение, требовало, чтобы акт создания произошел в установленной точке времени. В тот миг все чуткое мироздание разместится в линейной перспективе времени, обладающего характеристиками упорядоченной прогрессии. Они вошли в это время как могли бы вскочить в движущийся транспорт — и сойти могли лишь точно так же.

Против этого, у Лито были в руках поводья из многих нитей, уравновешенные его собственным, видениями освещенном, взгляде на время как на многомерное и многократное петляющее. Он был зрячим в мире слепых. Только он мог разгромить упорядоченные логические основания, потому что его отец больше не держал поводья. С точки зрения Пола, сын изменил прошлое. А мысль, даже и невообразимая еще, из отдаленнейшего будущего могла повлиять на СЕЙЧАС и шевельнуть его рукой.

Только ЕГО рукой.

Пол понимал это, потому что не мог больше видеть, как Лито способен управлять поводьями, мог только распознать вне-человеческие последствия, которые принял для себя Лито. И он подумал: «Вот перемена, о которой я молился. Почему я ее страшусь? Потому что это — Золотая Тропа!»

— Я здесь, чтобы придать целесообразность эволюции, и, следовательно, придать целесообразность нашим жизням, — сказал Лито.

— Ты ЖЕЛАЕШЬ прожить все эти тысячи лет, изменяясь так, как тебе теперь известно, что ты изменишься?

Лито понял, что отец говорит не о физических изменениях. Физические последствия понимали они оба: Лито будет приспосабливаться и приспосабливаться, кожа — не его собственная, будет приспосабливаться и приспосабливаться. Эволюционное взаимопроникновение переплавит обе части в иное, они сольются, преображенные в единое, возникнет новое целое. Когда состоится метаморфоза — ЕСЛИ состоится — возникнет мыслящее создание ужасающих размеров, и мир станет поклоняться ему.

Нет... Пол имел в виду перемены внутренние, мысли и решения, которые будут влиять на жизнь поклоняющихся.

— Те, кто думает, что ты мертв, — сказал Лито, — знаешь, какие они приписывают тебе последние слова?

— Конечно.

— «Сейчас я делаю то, что вся жизнь должна сделать во

имя службы жизни». Ты никогда этого не говорил, но жрец, думавший, будто ты никогда не сможешь вернуться и обозвать его лжецом, вложил эти слова в твои уста.

— Я бы не назвал его лжецом, — Проповедник глубоко вздохнул. — Это хорошие последние слова.

— Останешься ли ты здесь или вернешься в свою хижину у водоема Шулоха? — спросил Лито.

— Теперь это твой мир, — ответил Пол.

Это признание поражения как ножом резануло Лито. Пол постарался управлять последними нитями личного видения — выбор, за много лет до того сделанным им в съетче Табр. Ради этого он принял свою роль инструмента мщения Отверженных, оставшихся от Джакуруту. Они осквернили его, но он предпочел скорей принять это, чем тот взгляд на мир, который выбрал Лито.

Печаль Лито была так велика, что он несколько минут не мог говорить. Справившись наконец со своим голосом, Лито сказал:

— Итак, ты заманил Алию, искусил ее и сбил ее на бездействие и на неверные решения. А теперь она знает, кто ты.

— Знает... Да, она знает.

Голос Пола звучал по-стариковски и полнился подавленным протестом. Но запас сопротивления в нем еще оставался. Он сказал:

— Я отберу у тебя это видение, если сумею.

— Тысячи мирных лет, — ответил Лито. — Вот что я им дам.

— Спячка! Застой!

— Конечно. И те формы насилия, которые я разрешу. Это будет урок, который человечество никогда не забудет.

— Плюю я на твой урок! — сказал Пол. — Думаешь, мне не виделось сходного с тем, что выбрал ты?

— Ты видел это, — согласился Лито.

— И разве твое видение сколько-то лучше моего?

— Ни на грам лучше. Хуже, может быть.

— Тогда, что я могу, как не сопротивляться тебе? — вопросил Пол.

— Убить меня, может быть?

— Я не настолько наивен. Я знаю чему дан ход. Я знаю о разрушенных кванатах и о брожении.

— А теперь Ассан Тарик никогда не вернется в Шулох. Ты должен пойти туда вместе со мной или не ходить вообще, потому что теперь это мое видение.

— Я выбираю не возвращаться.

«До чего же старчески звучит его голос», — подумал Лито, и эта мысль причинила ему терзающую боль. Он сказал:

— Со мной — ястребиное кольцо Атридесов, спрятанное в моей диш-даше. Хочешь, чтобы я тебе его вернул?

— Если б я только умер, — прошептал Пол. — Я действительно хотел умереть, отправившись той ночью в пустыню, но знал, что не могу покинуть этот мир. Я должен был вернутся и...

— Возродить легенду, — сказал Лито. — Понимаю. А шакалы Джакуруту ждали тебя в ту ночь, и ты знал, что они будут ждать. Им нужны были твои видения! Ты знал это.

— Я отказывался. Я не сообщил им ни одного видения.

— Но они осквернили тебя. Они закармливали тебя эссенцией спайса и потчевали женщинами и грезами, и у тебя БЫЛИ видения.

— Иногда, — как же хитро звучал его голос.

— Так ты возьмешь назад свое ястребиное кольцо? — спросил Лито.

Пол внезапно опустился на песок — темная клякса в звездном свете:

— Нет!

«Значит, он понимает бесполезность той тропы», — подумал Лито. Это приоткрывало многое, но недостаточно. Соперничество видений переместилось из нежной плоскости выборов к массивному откидыванию альтернатив. Пол знал, что не может победить, но он еще надеялся обратить в ничего то единственное видение, за которое цеплялся Лито.

Вскоре Пол сказал:

—Да, я был осквернен Джакуруту. Но ты осквернил сам себя.

— Правда, — признался Лито. — Я же твой сын.

— И ты хороший Свободный?

— Да.

— Дозволишь ли ты слепцу окончательно уйти в пустыню? Дозволишь ли мне обрести мир на моих собственных условиях? — он похлопал рукой по песку.

— Нет, я тебе этого не дозволю, — ответил Лито. — Но ты имеешь право броситься на свой нож, если будешь настаивать.

— И ты получишь мое тело?

— Да.

— Нет!

«Значит, и эту тропу он знает», — подумал Лито. Если б

сын Муад Диба поместил тело отца в святую реку — это послужило бы чем-то вроде цемента для видения Лито.

— Ты никогда им не рассказывал, да, отец? — спросил Лито.

— Я им никогда не рассказывал.

— Но я им рассказал, — сказал Лито, — Рассказал Муризу. Кразилек, Тайфунный Бой.

Плечи Пола поникли.

— Ты не сможешь, — прошептал он. — Ты не сможешь.

— Я теперь творение пустыни, отец, — ответил Лито. — Говорил бы ты так с бурей Кориолис?

— Ты считаешь меня трусом за отказ от той тропы, — сиплым и дрожащим голосом проговорил Пол. — О, я хорошо тебя понимаю, сын. Авгуры и прорицатели всегда были пыткой для самих себя. Но я никогда не терялся в возможных будущих, потому что то, о котором ты говоришь — непроизносимо!

— Твой Джихад будет летним пикником на Келадане, если сравнить с этим, — согласился Лито. — А теперь, я отведу тебя к Гурни Хэллеку.

— Гурни! Он служит Сестрам через мою мать.

И теперь Лито понял, какова область видения отца.

— Нет, отец, Гурни больше никому не служит. Я знаю место, где его найти, и я могу отвести тебя туда. Настало время сотворить новую легенду.

— Вижу, мне от тебя не отделаться. Дай мне коснуться тебя, поскольку ты — мой сын.

Лито подал правую руку навстречу шарящим пальцам, ощутил их силу, ответил ей равной, и не шелохнулся, как Пол ни тянул туда и сюда.

— Даже отравленный нож не причинит мне вреда, — сказал Лито. — Во мне теперь другой химический состав.

Слезы выступили на незрячих глазах, Пол разжал свою хватку, уронил руку.

— Если б я выбрал твою тропу, я бы стал бикуросом шайтана. Кем станешь ты?

— Некоторое время и меня будут называть посланником шайтана, —ответил Лито. — Затем начнут удивляться и, наконец, поймут. Ты не слишком далеко простер свое видение, отец. Твои руки вершили и добро и зло.

— Но зло распознается лишь после события!

— Таков путь многих великих зол. Ты проник только в часть моего видения. У тебя было недостаточно силы?

— Ты знаешь, я не мог в нем оставаться. Я никогда не мог

сделать зло, о котором еще до совершения его известно, что это зло. Я не Джакуруту, — он поднялся на ноги. — Ты что, думаешь, я один из тех, кто в одиночку смеется по ночам?

— Печально, что ты никогда по-настоящему не был Свободным. Мы, Свободные, знаем, как выбирать арифу. Наши судьи могут выбирать среди зол. Так всегда у нас было.

— Свободные, да? Рабы судьбы, которую вы сами и помогли соорудить? — Пол шагнул к Лито, продвигаясь со странной застенчивостью, коснулся одетой в оболочку руки Лито, прощупал ее, потом добрался до уха, потом до щеки,и, наконец до рта.

—А-а-а, вот все еще твоя собственная плоть, — сказал он. — И куда она тебя заведет?

— Туда, где люди смогут творить каждое мгновение своих будущих.

— Ты так говоришь. Богомерзость могла бы сказать то же самое.

— Я не Богомерзость, хотя мог бы ей стать, — ответил Лито. — Я видел, как это происходит с Алией. В ней живет демон, отец. Гани и я знаем этого демона. Это Барон — твой дед.

Пол закрыл лицо ладонями. Мгновение плечи его дрожали, потом он опустил руки — и рот его теперь был сурово поджат.

— Проклятье лежит на нашем Доме. Я молился, чтобы ты выбросил кольцо в песок, отверг меня и убежал прочь строить... другую жизнь. Так было б для тебя...

— За какую цену?

После долгого молчания Пол сказал:

— Конец подстраивает под себя ведущую к нему тропу. Только однажды не стал я сражаться за свои принципы. Только однажды. Я принял махдинат. Сделал я это ради Чани, но это превратило меня в плохого вождя.

Лито обнаружил, что на это ему ответить нечего. Память о том решении была внутри него.

— Я могу лгать тебе не больше, чем мог самому себе, — сказал Пол. — Я знаю это. Всякому человеку следует иметь подобного слушателя. Лишь об одном тебя спрошу: Тайфунный Бой необходим?

— Или это, или человечество угаснет.

Пол расслышал правду в словах Лито и заговорил тихо, признавая, что видение сына намного шире его собственного:

— Я не видел этого среди выборов.

— По-моему, Сестры это подозревают, — сказал Лито. — Не могу найти другого объяснения решениям моей бабушки.

Ночной ветер дохнул на них холодом. Захлестнул робу Пола вокруг его ног. Пол задрожал. Видя это, Лито сказал:

— У тебя есть фремкит, отец. Я надую стилтент, и ночь мы сможем провести удобно.

Но Пол мог только потрясти головой, зная, что ни в эту ночь, ни в какую другую ему уже не будет успокоения. Муад Диб, Герой, должен быть уничтожен. Только Проповеднику можно теперь двигаться дальше.

Фримены были первым народом, развившим сознательно-безсознательную символику для обживания движений и взаимосвязей своей планетарной системы. Они были первым народом, когда либо выразившим климат в терминах полуматематического языка, чьи письменные символы воплощают (или интернационализируют) внешние взаимосвязи. Язык сам стал частью системы, им описываемой. В этом развитии подразумевалось интимное местное знание того, что является достижимым для поддержания жизни на планете. Можно оценить размах этого взаимодействия язык-система по тому факту, что фримены воспринимали себя как блуждающих в поисках корма жвачных животных.

— Кавен вахид, — сказал Стилгар. «Подайте кофе». Он посигналил поднятой рукой слуге, стоявшему за порогом единственной двери в аскетичную комнату с каменными стенами, где Стилгар проводил свои бессонные ночи. Здесь старый наиб Свободных и завтракал обычно, по-спартански — и время завтрака как раз подступило — но после такой ночи ему не хотелось есть. Он встал, разминая мускулы.

Данкан Айдахо сидел на низенькой подушке возле двери, он постарался подавить зевок. Он только что осознал, что за их разговорами промелькнула целая ночь.

— Прости меня, Стил, — сказал он. — Я продержал тебя всю ночь.

— Прободрствовать целую ночь — значит прибавить день к своей жизни, — ответил Стилгар, принимая переданный из-за двери поднос с кофе. Он пододвинул к Айдахо низенькую скамеечку, поставил на нее поднос и уселся напротив гостя.

На обоих были желтые одеяния траура, но Айдахо носил одолженную одежду, потому что его зеленый официального цвета мундир Атридесов вызвал резкую неприязнь обитателей Табра.

Стилгар разлил горячую темную жидкость из пузатого медного кувшинчика и, пригубив первым, поднял свою чашку, делая знак Айдахо. Старинный обычай Свободных: «Это безопасно — я это отведал».

Кофе готовила Хара, и приготовлен он был как раз так, как Стилгар больше всего любил: зерна прожарены до розовато-коричневого, еще горячими растерты в тончайший порошок в каменной ступке и сразу же сварены — и добавить щепотку меланжа.

Айдахо, вдыхая густой аромат спайса, прихлебывал осторожно, но шумно. Он так и не знал, удалось ли ему убедить Стилгара. Его способности ментата застопорились к началу утра, любые его выкладки заходили в тупик, неувязываясь с неопровержимыми данными, содержащимися в сообщении Гурни Хэллека.

Алия знала про Лито! Знала!

И Джавид не мог не быть здесь замешан.

— Я должен быть освобожден от наложенных тобой ограничений, — сказал наконец Айдахо, еще раз изложив все доводы.

Но Стилгар стоял на своем:

— Соглашение о нейтралитете требует от меня вынесения тяжких приговоров. Ганима здесь в безопасности. Ты и Ирулэн здесь в безопасности. Но тебе нельзя отправлять посланий. Получать послания — пожалуйста, но не отправлять их. Я дал свое слово.

— Это вообще-то не обращение, подобающее для гостя и старого друга, пережившего вместе с тобой немало опасностей, — сказал Айдахо, отлично помня, что он уже прибег к этому доводу.

Стилгар поставил чашку, аккуратно установив ее на место на подносе, и, не отводя от нее взгляда, заговорил.

— Мы, Свободные, не чувствуем вины за те вещи, которые обычно возбуждают подобное чувство в других, — сказал он. И поднял взгляд на лицо Айдахо.

«Его нужно заставить забрать Ганиму и бежать отсюда», — подумал Айдахо. Вслух он сказал:

— Совсем не в моих намерениях раздуть в тебе бурю вины.

— Понимаю, — ответил Стилгар. — Я поднял этот вопрос лишь для того, чтобы подчеркнуть подход к этому нас,

Свободных, — поскольку именно с этим мы и имеем дело: со Свободными. Даже Алия мыслит как Свободная.

— А жрецы?

— Они — другое дело, — сказал Стилгар. — Они хотят, чтобы люди проглатывали серый ветер греха, и чтобы он безысходно пребывал внутри них. Они хотят, чтобы на фоне грязных пятен была лучше различима их набожность, — говорил ровным голосом, но Айдахо уловил оттенок горечи и подивился, почему эта горечь не может поколебать Стилгара.

— Есть старый-престарый трюк автократического правления, — сказал Айдахо. — Алии он отлично известен. Хорошие должны чувствовать вину. С вины начинается ощущение неудачи. Хороший автократ создает много возможностей, чтобы население чувствовало себя неудачниками.

— Я это заметил, — сухо проговорил Стилгар. — Но ты должен простить меня, если я еще раз тебе напомню, что та, о которой ты говоришь, — твоя жена и сестра Муад Диба.

— Она одержима, говорю тебе!

— Многие это говорят. Однажды она должна будет подвергнуться испытанию. Тем временем есть другие соображения, более важные.

Айдахо печально покачал головой:

— Все, что я рассказал тебе, можно доказать. Связь с Джакуруту всегда проходила через Храм Алии. Там были сообщники для заговора против близнецов. Деньги за межпланетную торговлю червями поступают туда. Все ниточки ведут в палаты Алии, к Регентству.

Стилгар покачал головой, глубоко вздохнул:

— Это нейтральная территория. Я дал слово.

— Так просто не может идти дальше! — запротестовал Айдахо.

— Согласен, — Стилгар кивнул. — Алия поймана, и каждый день круг сужается. Это как наш старый обычай иметь много жен. Сразу говорит о мужском бесплодии, — он кинул на Айдахо вопросительный взгляд. — Ты говоришь, она обманывала тебя с другими мужчинами — «использовала свой секс как оружие», как ты, по-моему, выразился. Тогда тебе открыта совершенно законная и прямая дорога. Джавид здесь, в Табре, с посланиями от Алии. Тебе надо только...

— На твоей нейтральной территории?

— Нет, вне ее, в пустыне.

— А если воспользуюсь этим как возможностью для побега?

— Тебе не представится такой возможности.

— Стил, я клянусь тебе, Алия одержима. Что мне сделать, чтобы убедить тебя в...

— Трудненько такое доказать, — сказал Стилгар. Этим доводом он уже неоднократно пользовался в течение ночи.

Айдахо, припомнив слова Джессики, сказал:

— Но у тебя есть способы доказать это.

— Способ, да, — Стилгар опять покачал головой. — Болезненный, не обратимый. Вот почему я напомнил тебе о нашем отношении к вине. Мы можем освободиться от любой вины, которая могла бы нас погубить — от любой, кроме Суда Одержимости. В этом случае трибунал, целиком состоящий из наших людей, принимает полную ответственность.

— Вы делали это раньше, верно?

— Уверен, Преподобная Мать не избегала в своих повествованиях историю Свободных, — сказал Стилгар. — Ты хорошо знаешь, что мы делали это раньше.

— Я не стараюсь запутать тебя ложью, — откликнулся Айдахо, заметив раздражение в голосе Стилгара. — Это просто...

— Ночь была долга, и вопросы — без ответов, — сказал Стилгар. — А теперь утро.

— Мне должно быть дозволено послать весточку Джессике, — сказал Айдахо.

— Это было бы весточкой на Салузу, — ответил Стилгар. — Я не даю вечерних обещаний. Если я даю слово — то буду его держать, вот почему Табр — нейтральная территория. Я не дам тебе заговорить отсюда. Я поклялся в этом всей своей родне.

— Алия должна предстать перед вашим Трибуналом!

— Возможно. Во-первых, мы должны выяснить, нет ли извиняющих обстоятельств. Неудачи власти, может быть. Или просто невезения. Это может быть делом естественных дурных склонностей, которым подвержены все люди, и даже не одержимые.

— Ты хочешь быть уверен, что я не просто оскорбленный муж, ищущих в других исполнителей своей мести, — сказал Айдахо.

— Такая мысль приходит в голову другим, но не мне, — ответил Стилгар, улыбнувшись, чтобы убрать заключенное в этих словах жало.

— У нас, Свободных, есть своя наука, традиции, наш Хадит. Когда мы боимся ментата или Преподобную Мать, мы обращаемся к хадит. Сказано, что единственный непоправимый страх — это страх перед своими ошибками.

— Леди Джессика должна быть извещена, — сказал Айдахо. — Гурни говорит...

— Может, послание пришло и не от Гурни Хэллека.

— Ни от кого другого оно не пришло. У нас, Атридесов, есть свои способы проверки достоверности посланий. Стил, не исследуешь ли ты по крайней мере некоторые из ...

— Джакуруту больше нет, — сказал Стилгар. — Оно было разрушено много веков назад, — он коснулся рукава Айдахо. — Да и в любом случае я не могу выделить вооруженных бойцов. Неспокойные времена, угроза кванату... Понимаешь? — он откинулся назад— Нет, когда Алия...

— Алии больше нет, — сказал Айдахо.

— Ты так говоришь, — Стилгар отпил еще глоточек кофе, поставил чашку на место. — Оставим это в покое, друг Айдахо. Частенько не бывает нужды отрывать руку, чтобы удалить занозу.

«Нельзя ему быть таким наивным», — подумал Айдахо.

Но Стилгар встал на ноги, показывая, что беседа закончена.

Айдахо встал на ноги, почувствовал, как у него затекли колени. И ляжки онемели. Когда Айдахо встал, вошел слуга и остановился сбоку. В комнату вслед за ним вошел Джавид. Айдахо одним быстрым движением выхватил свой нож и вонзил его в грудь ничего не ожидавшего Джавида. Тот покачнулся назад, лезвие вышло у него из груди. Он повернулся и рухнул ничком. Ноги его взбрыкнули — и он был мертв.

— Это, чтобы унять сплетни, — сказал Айдахо.

Слуга стоял с обнаженным ножом, не зная, как реагировать. Айдахо уже убрал в ножны свой нож, оставив кровавый след на краю своей желтой робы.

— Ты опозорил мою честь! — вскричал Стилгар. — Это нейтральная...

— Заткнись! — Айдахо бросил разъяренный взгляд на потрясенного наиба. — Ты носишь ошейник, Стилгар!

Для Свободного это было одним из трех самых смертельных оскорблений. Стил побледнел.

— Ты слуга, — сказал Айдахо, — Ты продаешь Свободных за воду.

Это было второе смертельное оскорбление, то самое, что разрушило первоначальный Джакуруту.

Стилгар заскрежетал зубами, положил руку на криснож. Слуга отшагнул назад от лежащего в дверях тела.

Повернувшись спиной к наибу, Айдахо шагнул в дверь, в

узкий проход рядом с телом Джавада, и, не оборачиваясь, изверг третье смертельное оскорбление:

— У тебя нет бессмертия, Стилгар. Ни в одном из твоих потомков нет твоей крови.

— Куда ты теперь идешь, ментат? — окликнул Стилгар, когда Айдахо снова двинулся из комнаты. Голос Стилгара был холоден, как ветер с полюсов.

— Искать Джакуруту, — все так же, не оборачиваясь, ответил Айдахо.

Стилгар выхватил свой нож:

— Может быть, я тебе помогу!

Айдахо был теперь на выходе из коридора. Не оборачиваясь, он сказал:

— Если ты хочешь помочь мне своим ножом, водяной вор, то бей мне, пожалуйста, в спину. Только так и подобает носящему ошейник демона.

Двумя прыжками Стилгар пересек комнату, перемахнул через тело Джавада и настиг Айдахо во внешнем коридоре. Жилистая рука рывком повернула и остановила Айдахо. Стилгар стоял перед ним с обнаженными зубами и с ножом наготове. Его ярость была такова, что он даже не заметил занятную улыбку на лице Айдахо.

— Вытаскивай свой нож, погань ментатская! — взревел Стилгар.

Айдахо рассмеялся и резко отвесил Стилгару — сначала левой рукой, потом правой — две жгучие пощечины.

С бессвязным скрежетом Стилгар ударил Айдахо ножом в живот, и направленный снизу вверх нож проник сквозь диафрагму в сердце.

Айдахо осел на лезвие и улыбнулся Стилгару, ярость которого растаяла во внезапном шоке.

— Две смерти за Атридесов, — просипел Айдахо. — И причина второй не лучше, чем у первой.

Он скривился набок, и рухнул лицом на каменный пол. Из его раны растекалась кровь.

Стилгар поглядел на свой каплющий кровью нож, на тело Айдахо и глубоко и с дрожью вздохнул. Джавид лежал мертвый рядом с ним. И супруг Алии, Чрева Небесного, пал от собственной руки Стилгара. Можно было доказывать, что наиб лишь защищал свою честь, отомстя за поругание своего нейтралитета. Но этим мертвецом был Данкан Айдахо. Ни любые доступные доводы, ни «извиняющие обстоятельства», ничего не могло стереть такого поступка. Даже если в

душе Алия это и одобрит, публично она должна будет ответить местью. В конце концов, она — Свободная. Для того, чтобы править Свободными, она должна была ни на йоту от них не отличаться.

Только тогда Стилгару пришло в голову, что своей «второй смертью» Айдахо добился именно той ситуации, которой хотел.

Стилгар поднял взгляд, увидел потрясенное лицо Хары, своей второй жены, смотрящей на него из сгрудившейся вокруг толпы. Куда Стилгар не бросал взгляд — везде на лицах было одно и то же выражение: шок и понимание последствий.

Стилгар медленно выпрямился, вытер нож о рукав и убрал его в ножны. Обратился к этим лицам, небрежным тоном, сказав:

— Идущие со мной должны немедленно укладываться. Пошлите людей пригнать червей.

— Куда ты уходишь, Стилгар? — спросила Хара.

— В пустыню.

— Я пойду с тобой.

— Конечно, ты пойдешь со мной. И все жены пойдут со мной. И Ганима. Достать ее, Хара. Немедля.

— Да, Стилгар... немедля, — она заколебалась — А Ирулэн?

— Если пожелает.

— Да, мой муж, — она все еще колебалась. — Ты берешь Гани в заложницы?

— В заложницы? — он был неподдельно удивлен этой мыслью. — Женщина... — он мягко коснулся носком ноги тела Айдахо. — Если этот ментат прав, я — единственная надежда Гани, — и припомнил затем предостережение Лито: «Остерегайся Алии. Ты должен взять Ганиму и бежать».

Вслед за Свободными, все планетологи видят жизнь выражением энергии и ищут основополагающие взаимосвязи. В маленьких кусочках, крохах и частичках, врастающих в общее понимание, расовая мудрость Свободных переводится в новую несомненность. То, что есть у Свободных как народа, может быть у любого народа. Нужно лишь развить чувство энергии взаимосвязей. Нужно лишь наблюдать, как эта энергия пропитывает структуру вещей и строит из этих структур.

«Катастрофа Арракина» по Харк ал-Аде.

Это был съетч Тьюка на внутренней губе Ложной Стены. Хэллек стоял в тени каменного столпа, защищавшего высокий вход съетча, дожидаясь, пока находившиеся в съетче решат, дать ли ему убежище. Он поглядел вдаль, на северную пустыню, а затем вверх, на серо-голубое утреннее небо. Здешние контрабандисты были изумлены, узнав, что он, рожденный другой планетой, поймал червя и приехал на нем. Но и Хэллека их реакция изумила не меньше. Так это просто для проворного мужчины, несколько раз видевшего, как это делается.

Хэллек опять поглядел на пустыню, серебряную пустыню со сверкающими складками и серо-зелеными полями, где вершила свое чудо вода. Все это внезапно представилось ему необычайно хрупким вместилищем энергии, жизни — всего, чему угрожает резкая перетасовка извечных перемен.

Он понял, откуда такая реакция. Контейнеры с мертвой песчаной форелью тащили в съетч для перегонки и извлечения ее воды. Их были тысячи, этих созданий. Они пришли на вытекавшую воду. Вот эта утечка и дала первоначальный толчок мыслям Хэллека.

Хэллек поглядел вниз, на поля съетча и границу кваната, более не наполненную драгоценной водой. Он видел дыры в каменных стенах кваната, ободранную каменную облицовку, откуда вода выплеснулась в песок. Кто же проделал эти дыры? Некоторые тянулись метров на тридцать вдоль самых уязвимых секций кваната, в местах, где мягкий песок нисходил к поглощающим воду углубленьицам. В этих-то углубленьицах и кишела форель. Дети съетча убивали ее и собирали.

Ремонтные бригады трудились над разбитыми стенами кваната. Другие поливали самые нужные растения минимальным количеством оросительной воды. Водный источник гигантского резервуара под ветроловушкой был наглухо закрыт, чтобы вода не текла в разоренный кванат. Работающие на солнечной энергии насосы были отключены. Оросительную воду брали из тающих луж на дне кваната и усердно носили из резервуара съетча.

Металлическая рама непроницаемой двери позади Хэллека щелкнула в возрастающей дневной жаре. Словно этот звук направил его глаза, Хэллек посмотрел на самый дальний изив кваната, туда, где бессовестней всего вода источилась в пустыню. Полные надежд на сад, планировщики съетча посадили там особое дерево, которое обречено, если только водный поток не удастся быстро восстановить. Хэллек

поглядел на глупый свешивающийся плюмаж ивы, обдираемой песком и ветром. Для него это дерево символизировало новую реальность и его самого, и Арракиса в целом.

«Мы оба здесь чужаки».

Они уже совещаются в съетче, какое решение им принять, но им могут пригодиться хорошие бойцы. Хорошие мужчины контрабандистам всегда нужны. Хотя Хэллек не питал особых иллюзий. Контрабандисты этого века совсем не те, что приютили его много лет назад, когда он бежал из павших владений своего Герцога. Нет, это была новая поросль, быстро соображающая, как нажиться.

Он опять сосредоточил свой взгляд на глупой иве. И подумалось ему, что бури новой реальности могут снести этих контрабандистов и всех их друзей. Могут снести Стилгара с его хрупким нейтралитетом, а вместе с ним и все племена, сохраняющие верность Алии. Все они стали колониалистами. Хэллек видел, как это происходило раньше, отведал горький вкус этого в своем родном мире. Он видел это ясно, припоминая манерность городских Свободных, структуру пригородов, и то, насколько даже в этом закутке контрабандистов стираются безошибочно узнававшиеся черты деревенских съетчей, деревенские съетчи становились колониями крупных городов. Они научились носить ярмо с мягкой прокладкой, загнанные в него своей жадностью, если не своими суевериями. Даже здесь, особенно здесь, в людях узнавались повадки покоренного населения, а не действительно Свободных. Они были насторожены, скрыты, уклончивы. Любая демонстрация власти становилась предметом ненависти — любая власть: Регентства, Стилгара, их Свободного Совета...

«Мне им нельзя доверять», — подумал Хэллек. Печально. Ушли прежние взаимные уступки свободных людей. Старые обычаи свелись к ритуальным словам, их истоки утрачены памятью.

Алия хорошо сделала свою работу, карая оппозицию и награждая за помощь, наугад тасуя силы Империи, скрывая главные элементы ее имперской власти. Шпионы! Великие боги, у нее наверняка есть шпионы!

«Если Свободные останутся в спячке, она победит», — подумал он.

Дверь позади него скрипнула и открылась. Вышел служитель съетча, по имени Мелидес: коротышка, с телом, похожим на тыкву, и переходившим в тоненькие ножки, уродство которых подчеркивал стилсьют.

— Ты принят, — сообщил ему Мелидес.

И что-то хитрое и лицемерное послышалось Хэллеку в интонациях этого голоса — вполне достаточно, что Хэллек понял: убежище ему здесь — только на короткий срок.

«Только до тех пор, пока я не угоню один из их топтеров», — подумал он.

— Моя благодарность Совету, — произнес он и подумал о Эзмаре Тьюке, в честь которого был назван этот съетч. Эзмар, давно павший в результате предательства, перерезал бы горло этому Мелидесу, едва взглянув на него.

Любая тропа, сужающая будущие возможности, может стать смертельной ловушкой. У людей нет ниточки для дороги через лабиринт — они обшаривают безбрежный горизонт, наполненный уникальными возможностями. Узкой точке зрения лабиринта следует быть привлекательной лишь для тех созданий, у которых нос засунут в песок. Сексуально производимые уникальности и различия — защита жизни пространств.

Руководство Космического Союза.

— Почему я не испытываю скорби? — Алия адресовала этот вопрос в потолок своего маленького приемного покоя, помещения, которое она могла пересечь за десять шагов в одном направлении и за пятнадцать шагов в другом. В нем были два высоких и узких окна, смотревших за крыши Арракина на Западную Стену.

Был уже почти полдень, солнце так и выжигало плато, на котором был построен город.

Алия опустила взгляд на Бура Агарвиса, бывшего Табрита, а теперь служителя Зии, руководившей Храмовой стражей. Агарвис принес известия о том, что Джавид и Айдахо мертвы. Вместе с ним вошла толпа лизоблюдов, служителей и стражей, и еще больше их толпилось снаружи, показывая, что им уже известно сообщение Агарвиса.

Дурные новости быстро доходят на Арракисе.

Невысок он был, этот Агарвис, с лицом, слишком круглым для Свободного, почти инфантильным в своей округлости. Он был из той новой поросли, что достигла упитанности водой. Алии он виделся словно бы расщепленным на два облика: один — с серьезным лицом и непроницаемыми глазами цвета индиго, озабоченная

складка у рта, а другой — чувственный и уязвимый, возбуждающе уязвимый. Ей особенно нравилась пухлость его губ.

Хотя еще и полдня не наступило, Алия в потрясенном молчании вокруг ощутила нечто, говорившее о закате.

«Айдахо бы следовало умереть на закате», — сказала она себе.

— Как же так вышло, Бур, что ты приносишь мне эти новости? — спросила она, и отметила, как бдительное и живое выражение появилось на его лице.

Агарвис постарался сглотнуть и заговорил хриплым голосом, более напоминающим шепот.

— Я поехал с Джавидом, вы помните? И когда... Стилгар отослал меня к вам, он велел мне передать вам, что я несу вам его конечное повиновение.

«Конечное повиновение»? — откликнулась она. — Что бы это значило?

— Не знаю, леди Алия, — взмолился он.

— Объясни мне еще раз, что ты видел, — приказала она, и подивилась, какой же холод пробирает ее кожу.

— Я видел...— он нервно качнул головой, поглядел в пол перед Алией. — Я видел Святого Супруга мертвым на полу центрального прохода, а Джавид лежал неподалеку в боковом проходе. Женщины уже готовили их для Хуануи.

— И Стилгар вызвал тебя туда?

— Верно, миледи. Стилгар послал Модибо, Склоненного, своего рассыльного в съетче. Модибо меня ни о чем не предупредил. Он просто сказал, что Стилгар хочет меня видеть.

— И ты видел тело моего мужа там на полу?

Он стрельнул взглядом в ее глаза и опять посмотрел в пол перед тем, как кивнуть:

— Ды, миледи. И Джавид, мертвый, рядом. Стилгар сказал мне... сказал мне, что Святой Супруг убил Джавида.

— А моего мужа, ты говоришь, Стилгар...

— Он собственными устами мне это сказал, миледи. Стилгар сказал, что он сделал это. Он сказал, Святой Супруг искушал его ярость.

— Ярость, — повторила Алия. — А как?

— Он не рассказал и никто не сказал. Я спрашивал, но никто не сказал.

— И вот тогда тебя отправили ко мне с этими новостями?

— Да, миледи.

— Ты там ничего не мог сделать?

Агарвис облизнул губы перед тем, как ответить:

— Стилгар приказал, миледи. Это его съетч.

— Понимаю. И ты во всем подчинился Стилгару.

— Во всем, миледи, пока он не освободил меня от моих обязательств.

— Ты имеешь в виду, когда ты был отправлен со своим поручением?

— Теперь я подчиняюсь лишь вам, миледи?

— Да, правда? Скажи мне, Бур, если я прикажу тебе убить Стилгара, твоего старого Наиба, ты это сделаешь?

Он встретил ее взгляд с крепнущей твердостью:

— Если ты прикажешь, миледи.

— И я приказываю. Ты не имеешь представления, куда он отправился?

— В пустыню, это все, что я знаю, миледи.

— Скольких людей он взял с собой?

— Может быть, с половину боеспособных.

— И Ганима и Ирулэн с ним!

— Да, миледи. Остались обремененные своими женщинами, своими детьми и своими пожитками. Стилгар предоставил каждому свободный выбор — идти с ним или быть освобожденным от крепости. Многие предпочли быть освобожденными. Они будут выбирать нового наиба.

— Я им выберу их нового наиба! И им станешь ты, Бур Агарвис, в тот день, когда ты принесешь мне голову Стилгара.

Агарвис мог принять выбор поединком. Такое в обычаях Свободных. Он сказал:

— Как прикажешь, миледи. Какие силы я могу...

— Поговори с Зией. Я не могу дать тебе много топтеров, они нужны повсюду. Но бойцов ты получишь достаточно. Стилгар опозорил свою честь. Многие с радостью пойдут вместе с тобой.

— Тогда я этим займусь, миледи.

— Погоди! — она с секунду его изучала, размышляя, кого бы послать для надзора за этим уязвимым младенцем. За ним следует как следует следить, пока он не докажет свою благонадежность. Зия сообразит, кого послать.

— Мне можно идти, миледи?

— Нет, еще не уходи. Я должна обсудить с тобой лично и в подробностях твой план по захвату Стилгара, — она подняла руку к лицу.

— Я не буду скорбеть, пока ты не осуществишь мою месть. Дай мне несколько минут прийти в себя, — она опустила руку. — Одна из моих служительниц тебя проведет, — она подала незаметный знак рукой одной из служительниц и шепнула Шалусе, своей новой камер-даме:

— Вымой его и надуши, прежде чем привести. Он пахнет червем.

— Да, госпожа.

Затем Алия отвернулась, изображая печаль, которой не чувствовала, и выбежала в свои личные аппартаменты. Там, в спальне, она с грохотом захлопнула дверь, выругалась и топнула ногой.

«Проклятье этому Данкану! Почему? Почему? Почему?»

Она ощущала, что это была осознанная провокация Айдахо. Он убил Джавида и раздразнил Стилгара. Это свидетельствовало, что он знал о Джавиде. И все вместе выглядело посланием от Данкана, его прощальным жестом.

Она топала ногой опять и опять, в ярости кружа по спальне.

«Проклятье ему! Проклятье ему! Проклятье ему!»

Стилгар перешел к мятежникам, и Ганима с ним. И Ирулэн тоже.

«Проклятье им всем!»

Ее топнувшая нога наткнулась на что-то металлическое — очень болезненно. Вскрикнув от боли, она поглядела вниз, ища, обо что ушибла ногу, и обнаружила металлическую пряжку. Она схватила пряжку — и окаменела, от одного вида ее на своей ладони. Это была старая пряжка, одна из тех, из платины и серебра, настоящих изделий Келадана, которыми некогда Герцог Лито Атридес I наградил своего мечевластителя, Данкана Айдахо. Она много раз видела ее на Данкане. И теперь Данкан бросил ее здесь.

Пальцы Алии судорожно стиснули пряжку. Данкан бросил ее здесь, когда... когда...

Слезы брызнули у нее из глаз, пересилив все ее воспитание Свободной. Рот ей свела окоченелая гримаса, и она почувствовала начало прежней битвы внутри ее черепа, битвы, распространившейся по телу вплоть до кончиков пальцев рук и ног. Она стала двумя людьми в одном теле, и один из обитателей смотрел на эти телесные корчи с изумлением, а другая — охотно уступила огромной боли, разлившейся в нее груди. Слезы теперь свободно текли у нее из глаз, а Тот, Изумленный внутри нее, брюзгливо вопрошал: «Кто плачет? Кто это плачет? Кто сейчас плачет?»

Но ничто не останавливало слёз, и она, рухнув на кровать и свернувшись на ней, ощутила, как боль словно прожигает ее грудь.

А нечто так и продолжало вопрошать в полном изумлении:

«Кто плачет? Кто это...»

Этими деяниями Лито II устранил себя из эволюционной последовательности. Он сознательно себя отсек, утверждая: «Быть независимым есть быть устранившимся». Близнецы смотрели на память шире, чем на измерительный процесс, то есть, на способ определения своего расстояния от человеческих истоков. Это оставлено было Лито II совершить эту дерзость постижения, что подлинное творение независимо от своего творца. Он отказался заново включиться в эволюционную последовательность, утверждая: «И это тоже уводит меня все дальше и дальше от человечества». Он видел сложности этого: в жизни не может быть действительно замкнутых систем.

Харк-ал-Ада «Святая метаморфоза».

Птицы жадно охотились за насекомыми, кишмя кишевшими в сыром песке за разломанным каналом: попугаи, сороки, сойки. Прежде здесь был джедида, последний из новых городов, построенный на фундаменте обнажившегося базальта. Теперь он был поникут. Ганима, пользовавшаяся утренними часами для того, чтобы изучать местность за естественной растительностью заброшенного съетча, уловила движение и увидела пеструю ящерку гекко. До того пролетел дятел джила, гнездившийся в глинобитной стене джедиды.

Она-то думала об этом как о съетче, но на самом деле это оказалось собранием низких стен, сделанных из закаленного глинобитного кирпича, и окруженных посадками, сдерживающими дюны. Находилось это внутри Танцеруфта, шестистами километрами южнее Хребта Сихайя. Без человеческих рук, поддерживавших съетч в порядке, он уже начал таять в пустыне, его стены разрушались песчаными ветрами, секущими как наждак, его растения умирали, его плантация потрескалась под палящим солнцем.

И все же песок за разрушенным каналом оставался влажным, свидетельствуя, что приземистая глыба ветроловушки все еще работает.

За месяцы после бегства из Табра, беглецы обращались за защитой к нескольким таким местам, которые Демон Пустыни сделал необитаемыми. Ганима не верила в Демона Пустыни, хотя нельзя было отрицать наглядного доказательства канала, кем-то разрушенного.

Случайно до них дошла весточка из северных поселений, переданная через встречавшихся им мятежных охотников за спайсом: несколько топтеров — некоторые говорили, более

шести — совершают разведывательные полеты, ища Стилгара, но Арракис велик и пустыня дружелюбна к беглецам. По сообщениям, существовала группа поиска и уничтожения, которой было поручено найти отряд Стилгара, но эти силы, возглавляемые бывшим Табритом Буром Агарвисом, имели и другие обязанности и часто отзывались в Арракин.

Мятежники рассказывали, что между ними и отрядами Алии происходит мало сражений. Беспорядочные погромы Демона Пустыни сделали первой заботой Алии и наибов охрану населенных мест. Даже контрабандисты пострадали, но о них рассказывали, что они рыщут по пустыне в поисках Стилгара ради цены, назначенной за его голову.

Стилгар привел свой отряд в джедиду накануне, как раз перед наступлением тьмы, пользуясь своим старым носом Свободного, безошибочно чующим влагу. Он пообещал, что скоро они двинутся на юг, к пальмам, но отказался назначить дату выхода. И хотя за его голову была назначена такая цена, на которую можно было купить целую планету, Стилгар казался счастливейшим и беззаботнейшим из людей.

— Это хорошее место для нас, — сказал он, указывая на все еще функционирующую ветроловушку. — Наши друзья оставили нам немного воды.

Их отряд был теперь маленьким, всех вместе шестьдесят человек. Старики, больные и совсем юные были тайком доставлены на юг, в пальмы, и рассредоточены там среди семей, которым можно доверять. Остались только самые стойкие, и у них было много друзей и на севере, и на юге.

Ганима подивилась, почему Стилгар отказывается обсуждать то, что происходит с планетой. Разве ему не видно? Каналы сокрушаются, Свободные оттесняются назад к тем южным и северным границам, что очерчивали некогда пределы их владений. Движение это — наверняка проявление того, что вершится в самой Империи. Состояние одной зеркально отражало состояние другого.

Ганима запустила руку под воротник своего стилсьюта и ослабила его. Несмотря на тревоги, она чувствовала себя здесь замечательно вольной. Внутренние жизни больше ее не преследовали, хотя она ощущала порой, как их памяти проникают в ее сознание.Она знала, из этих воспоминаний, какой пустыня была прежде, до экологического преображения. С того начать, она была суше. Непочиненная ветроловушка функционировала до сих пор, потому что воздух был влажен.

Многие создания, некогда чуравшиеся пустыни, теперь рискнули в ней поселиться. Многие в отряде отмечали, как расплодились дневные совы. Да вот, прямо сейчас Ганиме видны муравьеловы, припрыгивающие и пританцовывающие среди линий насекомых, кишащих в сыром песке разрушенного канала. Можно даже найти несколько барсуков, а вот мышей-кенгуру просто не сосчитать.

Новыми Свободными правил суеверный страх, и Стилгар был не лучше остальных. Эта джедида была возвращена пустыне после того, как канал был разрушен в пятый раз за последние одиннадцать месяцев. Четыре раза они отремонтировали его после разрушительных налетов Демона Пустыни, затем у них не осталось излишка воды, чтобы рисковать еще одной ее потерей.

То же самое происходило со всеми джедидами и со многими старыми съетчами. Каждые восемь из девяти новых поселений были покинуты. Многие старые съетчи были перенаселены так, как никогда не бывали. И в то время, как пустыня вступила в эту новую фазу, Свободные обращались на прежнюю стезю. Во всем они видели знаменья. Червей стало очень мало. Кроме как в Танцеруфте? Это суд Шаи-Хулуда. Видели мертвых червей — без всяких признаков, отчего они умерли. Они быстро после смерти превращались в пыль пустыни, но Свободных наполняло ужасом, когда они наталкивались на этих разрушающихся громадин.

Отряд Стилгара наткнулся на такую тушу в прошлом месяце и им понадобилось четыре дня для того, чтобы избавиться от неприятного ощущения. От червя разило прокисшим и ядовитым разложением. Его рассыпающееся тело сидело на огромном спайсовом выбросе, спайс по большей части пропал.

Ганима отвернулась от кваната и поглядела назад на джедиду. Прямо перед ней была разрушенная стена, некогда защищавшая муштамалу, небольшой прилегающий садик. Она обследовала все место, подчиняясь собственному неумелому любопытству, и нашла запас плоского и пресного спайсового хлеба в каменном коробке.

Стилгар уничтожил этот хлеб, сказав: «Хорошую еду Свободный никогда не оставит».

Ганима заподозрила тогда, что он ошибается, но это не стоило ни споров, ни риска. Свободные менялись. Некогда они свободно перемещались по бледу, влекомые собственными нуждами: вода, спайс, торговля была для них сигналом

тревоги. Но жизнь животных. Активация жизни пошла теперь в странных новых ритмах, в то время как большинство Свободных сгрудились в своих старых пещерах-лабиринтах под тенью северной Защитной стены. Редкостью стали в Танцеруфте охотники за спайсом, и только отряд Стилгара продвигался по старым путям.

Она доверяла Стилгару и его страху перед Алией. Ирулэн теперь лишь подкрепляла его доводы, обратясь к причудливым размышлениям Бене Джессерит. Но на далекой Салузе до сих пор жил Фарадин. Однажды обязательно наступит день, который станет для него судным днем.

Ганима поглядела на серебристо-серое утреннее небо, мысленно ища ответа. Откуда же найти помощь? Где кто-нибудь, кто будет ее слушать, когда она поведает, что она видела, что происходит вокруг них? Леди Джессика на Салузе, если верить сообщениям. А Алия — она стоит на пьедестале, заботясь только о том, чтобы выглядеть грандиозной, и в то же время все больше и больше теряет связь с реальностью. Гурни Хэллека нигде не найти, отовсюду сообщают, что его видели. Проповедник где-то укрылся, его еретические проповеди — лишь тускнеющая память.

И Стилгар.

Она поглядела через сломанную стену туда, где Стилгар помогал чинить резервуар. Стилгар упивается своей ролью блуждающего огонька пустыни, цена за его голову ежемесячно возрастает.

Ничто больше не имеет смысла. Ничто.

Кто этот Демон Пустыни, это создание, способное разорять каналы, словно они — лживые идолы, которые должны быть сошвырнуты в песок? Был ли это блуждающий червь? Была ли это третья сила в мятеже — много людей? Никто не верил, что это червь. Вода бы убила любого червя, рискнувшего напасть на канал. Многие Свободные считали, что Демон Пустыни был на самом деле революционным отрядом, стремящимся свергнуть Махдинат Алии и вернуть Арракис на прежние пути. Верившие в это говорили, что такое будет во благо. Избавиться от этих жадных апостольских когорт, не занятых почти ничем, кроме созерцания собственной посредственности. Вернуться к истинной религии, которой отдал себя Муад Диб.

Глубокий вздох потряс Ганиму. «Ах, Лито, — подумала она. — Я почти рада, что ты не живешь и не видишь этих дней. Я бы сама к тебе присоединилась, но я — еще

неокровавленный нож. Алия и Фарадин. Фарадин и Алия. Ее демон — старый Барон, и этого нельзя позволять».

Из джедиды вышла Харах, подошла к Ганиме твердо меряющим песок шагом. Остановясь перед Ганимой, она спросила:

— Что ты делаешь здесь одна?

— Это странное место, Хара. Нам следует его покинуть.

— Стилгар дожидается здесь встречи кое с кем.

— Да? Он мне не говорил.

— А с чего ему все тебе рассказывать? Маку? — она хлопнула по меху с водой, вздувавшемуся у Ганимы на животе. — Ты что, взрослая женщина, чтобы быть беременной?

— Я бывала беременной так много раз, что их и не сосчитать, — ответила Ганима. — Не играй со мной в эти игры взрослого с ребенком!

От злобы в голосе Ганимы Хара отступила на шаг.

— Вы — компания дураков, — продолжала Ганима, взмахом руки охватывая джедиду и деятельность Стилгара и его людей. — Мне бы никогда не следовало идти с вами.

— Ты была бы уже мертва, если б не пошла.

— Может быть. Но вы не видите того, что прямо у вас под носом! С кем это Стилгар дожидается встречи?

— С Буром Агарвисом.

Ганима воззрилась на нее.

— Он будет тайно доставлен сюда друзьями из съетча Красное Ущелье, — пояснила Хара.

— Игрушечка Алии.

— Его повезут с завязанными глазами.

— И Стилгар в это верит?

— Бур попросил о переговорах. Он согласился на все наши условия.

— Почему мне об этом не сказали?

— Стилгар знал, что ты выступишь против него.

— Выступлю против... Это безумие!

Хара насупилась:

— Не забывай, что Бур...

— Он — СЕМЬЯ! — огрызнулась Ганима. — Он внук кузины Стилгара. Знаю. И Фарадин, чью кровь я однажды пущу — мой не менее близкий родственник. По-твоему, я оставлю свой нож в ножнах?

— Мы получили дистранс. За ними никто не следует.

Ганима тихо проговорила:

— Ничего хорошего из этого не выйдет, Хара. Нам надо немедля отсюда удалиться.

— У тебя было знаменье? — спросила Хара. — Этот мертвый червь, которого мы видели! Был он...

— Запихай это в свое чрево, и пусть это родится где-нибудь в другом месте! — рассвирепела Ганима. — Мне не нравится ни эта встреча, ни это место. Разве этого недостаточно?

— Я скажу Стилгару, что ты...

— Я сама ему скажу! — и Ганима широким шагом прошла мимо Хары, которая вслед ей сделала «рожки червя», чтобы отогнать зло.

Но Стилгар только рассмеялся над страхами Ганимы и велел ей идти собирать песчаную форель, словно бы она была одной из детей. Она сбежала в один из заброшенных домов джедиды и скорчилась в углу, лелея свой гнев. Хотя чувство гнева быстро прошло — она ощутила оживление среди внутренних жизней и припомнила чью-то присказку: «Если мы сможем все остановить, то все пойдет как мы планируем».

«Что за странная мысль».

Но она не могла припомнить, кто же это сказал. Муад Диб был лишен наследства, и говорил он от лица лишенных наследства всех времен. Он возмутился вопиющей несправедливостью, отделяющей личность от того, во что она приучена верить, от того, что по праву должно к ней перейти.

Харк-ал-Ада, «Анализ махдината».

Гурни Хэллек сидел на круче Шулоха, его бализет лежал рядом с ним на коврике из спайсового волокна. Замкнутая котловина внизу была полна рабочими, сажающими урожай. Песчаный спуск, по которому Отверженные заманивали червей на спайсовый след, был перегорожен новым кванатом, и новые посадки укрепляли его.

Было почти уже время полуденной трапезы, и Хэллек находился на круче больше часа. Он искал уединения, чтобы подумать. Люди внизу усердно трудились, но все, им видимое, было работой меланжа. Личная оценка Лито была такова, что производство спайса скоро упадет и стабилизируется на одной десятой своего пика в годы Харконненов. Пакеты с едой по всей империи вдвое возрастали в цене при каждом новом объединении. Говорили, семье Метулли было уплачено за половину планеты Новеброунс триста двадцать один литр спайса.

Отверженные трудились как понукаемые дьяволом — и, возможно, так оно и было. Перед каждой трапезой они обращались лицом к Танцеруфту и молились воплощению Шаи Хулуда. Так им виделся Лито и, их глазами, Хэллек видел будущее, где их веру разделит почти все человечество. Хэллек не был уверен, что ему нравится эта перспектива.

Лито заложил основу этому, когда доставил сюда Хэллека и Проповедника на угнанном топтере. Лито разломал канал Шулоха голыми руками, отшвыривая огромные камни более чем на пятьдесят метров. Когда Отверженные попробовали вмешаться, Лито почти незаметным взмахом руки обезглавил первого же, приблизившегося к нему. Остальных он пошвырял назад их товарищам, смеясь над их оружием. Он заорал на них голосом Демона:

— Огонь меня не коснется! Ваши ножи не причинят мне вреда! На мне кожа Шаи Хулуда!

Отверженные узнали его и припомнили его бегство, когда он с обрыва прыгнул «прямо в пустыню». Они простерлись перед ним и Лито отдал свои приказы:

— Я привез вам двух гостей. Вы будете их охранять и почитать их. Вы восстановите свой канал и начнете сажать сад оазиса. Однажды я сделаю это место своим домом. Вы больше не будете продавать спайс, вы будете сохранять каждую собранную крошку.

Он продолжал свои наставления дальше и дальше, и Отверженные ловили каждое слово, смотря на него остекленелыми от страха глазами, в священном ужасе.

Вот он, пришел наконец из песков Шаи Хулуд!

Ни намека на эту метаморфозу не было, когда Лито нашел Хэллека с наибом ал-Фали в одном из мятежных съетчей Гаре Руден. Лито со своим слепым спутником прибыл из пустыни на черве, по старому спайсовому маршруту, через те области, где черви стали редкостью. Он говорил о нескольких обходных петлях, которые вынужден был сделать из-за влажности воздуха, достаточной, чтобы отравить червя. Они прибыли вскоре после полудня, и охрана провела их в общее помещение с каменными стенами.

Воспоминания об этом завладели Хэллеком!

— Значит, это Проповедник, — сказал он.

Вышагивая вокруг слепца, изучая его, Хэллек припомнил рассказы об этом человеке. В съетче лицо старика не было закрыто маской стилсьюта, и можно было мысленно сравнить в памяти черты этого лица с другим. Да, этот человек

и впрямь очень похож на старого Герцога, в честь которого назван Лито. Случайно ли сходство?

— Ты знаешь рассказы об этом человеке? — спросил Хэллек, обращаясь в сторону, к Лито. — Что это твой отец, вернувшийся из пустыни?

— Я слышал такие версии.

Хэллек повернулся, чтобы оглядеть мальчика. На том был странный стилсьют с закрученными краями вокруг лица и ушей. Покрывала его черная роба, ноги его были одеты в пескоступы. Очень многое в отношении его присутствия здесь требовало объяснений — как он умудрился бежать еще раз?

— Почему ты привез сюда Проповедника? — спросил Хэллек. — В Джакуруту мне сказали, что он работает у них.

— Больше нет. Я привез его, потому что Алия хочет его смерти.

— Вот как? По-твоему, здесь убежище?

— Ты — его убежище.

К этому времени Проповедник стоял рядом с ними, слушая, но ничего не показывая, будто его не волнует, какой оборот примет их дискуссия.

— Он хорошо мне послужил, Гурни, — сказал Лито. — Дом Атридесов не до конца утратил чувство признательности к тем, кто нам служит.

— Дом Атридесов?

— Я — Дом Атридесов.

— Ты бежал из Джакуруту до того, как я успел завершить проверку, о которой распорядилась твоя бабушка, — сказал Хэллек холодным голосом. — Как можешь ты допускать...

— Жизнь этого человека следует охранять так, словно она — твоя собственная, — проговорил Лито, — Будто и нет никакого спора, — и он встретил взгляд Хэллека, нисколько не дрогнув.

Джессика обучила Хэллека многим из тонкостей умения наблюдать, входящим в Бене Джессерит, но в Лито он не мог разглядеть ничего, кроме спокойной уверенности. Но еще оставались в силе приказы Джессики.

— Твоя бабушка поручила мне завершить твое образование и удостовериться, что ты не одержим.

— Я не одержим, — просто бесстрастное заявление.

— Почему ты сбежал?

— У Намри был приказ убить меня, неважно, что я делаю. Приказ этот исходил от Алии.

— Так ты что, Видящий Правду?

— Да, — еще одно бесстрастное заявление, преисполненное самоуверенности.

— И Ганима тоже?

— Нет.

Тут Проповедник нарушил свое молчание, устремив слепые глазницы на Хэллека, но указывая на Лито:

— По-твоему, ТЫ можешь его проверять?

— Не вмешивайся, ничего не зная о проблеме и ее последствиях, — ответил Хэллек, даже не глянув на слепца.

— О, мне достаточно хорошо известны ее последствия, — сказал Проповедник. — Однажды меня проверяла старуха, воображавшая будто знает, что делает. Как выяснилось, она не знала.

Тогда Хэллек на него поглядел:

— Ты тоже — Видящий Правду?

— Всякий может быть Видящим Правду, даже ты, — ответил Проповедник. — Это дело честности перед самим собой насчет природы твоих собственных чувств. Для этого требуется внутренняя согласованность с легко распознаваемой правдой.

— Почему ты вмешиваешься? — спросил Гурни, кладя руку на нож. — Кто он, этот Проповедник?

— Я ответственен за эти события, — сказал Проповедник. — Моя мать могла бы возложить на алтарь даже свою собственную кровь, но у меня другие мотивы. И я действительно понимаю твою проблему.

— Ну? — Хэллек теперь был неподдельно заинтригован.

— Леди Джессика приказала тебе отличить собаку от волка, зе'еб и ке'еб. По ее определению, волк — это тот, наделенный силой, кто этой силой злоупотребляет. Однако, между собакой и волком есть предрассветный период, когда ты не можешь отличить их друг от друга.

— Почти в цель, — сказал Хэллек, заметив, что все больше и больше обитателей съетча заходят в помещение, чтобы послушать. — Откуда тебе это известно?

— Потому что я знаю эту планету. Не понимаешь? Подумай, как это. На поверхности — скалы, грязь, осадочные породы, песок. Это — память планеты, картины ее истории. Точно так же с людьми. Собака напоминает волка. Всякое мироздание вращается вокруг ядра БЫТИЯ, и из этого ядрышка идут наружу все воспоминания, прямо на поверхность.

— Очень интересно, — сказал Хэллек. — И как это поможет мне выполнить приказанное?

— Пересмотри картину твоей истории внутри себя. Приобщись к ней по-звериному.

Хэллек покачал головой. В Проповеднике была подчиняющая себе прямота, качество, многократно встречавшееся ему в Атридесах — и не один намек он уловил, что человек пользуется силой Голоса. Хэллек почувствовал, как у него сердце начинает ходить ходуном. Возможно ли?..

— Джессика хочет окончательной проверки, потрясения, при котором проявится подкладочная ткань ее внука, — сказал Проповедник. — Но эта ткань всегда перед тобой, открытая взору.

Хэллек повернулся и посмотрел на Лито — непроизвольно, подчиняясь неодолимой силе.

А Проповедник продолжал, словно читая назидание упрямому ученику:

— Этот молодой человек смущает тебя, поскольку он не единичное бытие. Он сообщество. И, как в любом сообществе, при потрясении любой его член может взять на себя руководство. Такое не всегда во благо, и мы получаем наши истории о Богомерзости. Но ты уже достаточно ранил это сообщество, Гурни Хэллек. Разве ты не видишь, что трансформация уже произошла? Этот юноша достиг такой внутренней общности, которая обладает безмерной силой, которую уже не сокрушить. Я и без глаз это вижу. Сперва я противостоял ему, но теперь следую его велениям. Это — Целитель.

— Кто ты? — вопросил Хэллек.

— Я — большее, чем видимо тебе. Не смотри на меня, смотри на того, кого тебе приказали учить и проверять. Он сформировался через кризис. Он уцелел в смертельной среде. Он здесь.

— Кто ты? — настойчиво повторил Хэллек.

— Я велю тебе смотреть только на этого юношу Атридеса! Он — та основополагающая обратная связь, от которой зависит наш человеческий род. Он заново введет в систему результаты ее прошлых разработок. Никто не в состоянии знать эти прошлые разработки так, как знает он. А ты помышляешь уничтожить такого!

— Мне было приказано проверить его, и я не по...

— Помышлял!

— Богомерзость ли он?

Проповедник утомленно рассмеялся :

— Ты упорствуешь в чуши Бене Джессерит. Как же они творят мифы, усыпляющие людей!

— Ты — Пол Атридес? — спросил Хэллек.

— Пола Атридеса больше нет. Он пытался стоять верховным моральным символом, в то время как сам отрекся от всех моральных претензий. Он стал святым без Бога, каждое слово — богохульство. Как ты можешь думать...

— Потому что ты говоришь его голосом.

— Не МЕНЯ ли ты будешь проверять? Остерегайся Гурни Хэллек.

Хэллек сглотнул и заставил себя опять посмотреть на бесстрастного Лито, который так и стоял, хладнокровно наблюдая.

— Кто кого проверяет? — вопросил Проповедник. — Не может ли быть так, что леди Джессика проверяет тебя, Гурни Хэллек?

Хэллека глубоко всколыхнуло это замечание, он сам понять не мог, почему дал словам Проповедника так запасть ему в душу. Но в слугах Атридесов глубоко сидело повиновение принимать за должное подобное загадочное умение их владык. Леди Джессика ему это объясняла — и сделала все еще более загадочным для него. И теперь Хэллек ощутил, как происходит в нем некое изменение, НЕЧТО, лишь самым краешком задевшее при проникновении всю выучку Бене Джессерит, которой закалила его леди Джессика. В нем поднялась безмолвная ярость. Он не хотел меняться!

— Кто из нас играет в Бога, и куда ведет? — осведомился Проповедник. — Чтобы ответить на этот вопрос, тебе нельзя полагаться на один лишь рассудок.

Медленно, осмотрительно Хэллек перевел взгляд с Лито на слепца. Джессика частенько повторяла, что ему следует достигать равновесия клириса — «ты ты-будь не будь». Она называла это наукой вне слов и фраз, вне правил и доводов. Это — отточенный край его собственной внутренней — всепоглощающей — истины. Что-то в голосе слепца, его тоне, его манерах зажгло ярость Хэллека, перегоревшую в нем в глухое спокойствие.

— Ответь на мой вопрос, — сказал Проповедник.

Хэллек ощутил, как эти слова усугубили его сосредоточенность на данном месте, данном конкретном моменте и его требованиях. Его положение в мире определялось только лишь сосредоточенностью. В нем не осталось никаких сомнений. Это Пол Атридес, не мертвый, а вернувшийся. И это не дитя — Лито. Хэллек еще раз поглядел на Лито — и теперь действительно его увидел. Увидел приметы перенесенного потрясения вокруг глаз, чувство уравновешенности

в осанке, пассивный рот с его причудливым чувством юмора. Лито выделился из фона, как будто в фокусе ослепительного света. Он достиг гармонии, просто ее приняв.

— Скажи мне, Пол, — проговорил Хэллек, — твоя мать знает?

Проповедник вздохнул.

— Для Сестер, для всех них, я мертв. Не пытайся меня оживить.

Так и не глядя на него, Хэллек спросил:

— Но почему она...

— Делает то, что ей нужно. Строит собственную жизнь, полагает, будто управляет многими другими жизнями. Все мы играем в бога.

— Но ты жив, — прошептал Хэллек, потрясенный теперь до глубины души осознанием этого, поворачиваясь, наконец, чтобы взглянуть на этого человека, который был моложе его, но которого так состарила пустыня, что он казался вдвое старше Хэллека.

— Ну что? — вопросил Пол. — Живой?

Хэллек посмотрел вокруг, на наблюдающих Свободных, на их лицах застыло смешанное выражение сомнения и благоговения.

— Моя мать никогда не должна была усваивать мой урок, — это был голос Пола. Быть богом вполне способно в конечном итоге сделать тебя скучающим и деградирующим. Одно это было бы достаточной причиной для изобретения свободы воли! Бог мог бы захотеть тогда сбежать в сон и жить только среди бессознательных проекций созданий своих грез.

— Но ты жив! — громче теперь проговорил Хэллек.

Пол, проигнорировав возбуждение в голосе своего старого товарища, спросил:

— Ты бы действительно стравил бы его и сестру в испытании Машад? Какая смертельная чушь! Каждый из них заявил бы: «Нет! Убей меня! Оставь другому жизнь!» И куда бы привело такое испытание? И что тогда значит жить, Гурни?

— Это было не испытание, — сказал Хэллек. Ему не понравилось, как Свободные плотнее стеснились вокруг них, разглядывая Пола, не обращая внимания на Лито.

Но теперь вмешался Лито.

— Погляди на ткань, отец.

— Да... Да... — Пол высоко поднял голову, как будто принюхивался. — Так это Фарадин.

— Как легко следовать нашим мыслям, а не нашим чувствам, — сказал Лито.

Хэллек был не в состоянии последовать за этой мыслью, и уже собирался спросить, но Лито перебил его, положив руку ему на плечо:

— Не спрашивай, Гурни. Ты можешь вернуться к подозрению, что я Богомерзость. Нет! Оставь это, Гурни. Если ты попытаешься взять это силой, то только погубишь себя.

Но Хэллека одолели сомнения. Джессика его предостерегала: «Они могут быть очень хитрыми, эти пред-рожденные. У них есть трюки, которые тебе даже и не снились». Хэллек медленно покачал головой. И Пол! Великие боги! Пол жив и в союзе с этим знаком вопроса, которому является отцом!

Свободные вокруг них не могли больше сдерживаться. Они полезли между Хэллеком и Полом, между Лито и Полом, оттеснив Хэллека и Лито на второй план. Хриплые вопросы хлынули градом:

— Ты Муад Диб? Ты вправду Муад Диб? Это правда, то, что он говорит? Скажи нам!

— Вы должны думать обо мне только как о Проповеднике, — совсем затолканный ими, ответил Пол. — Я не могу быть Полом Атридесом или Муад Дибом, никогда больше. Я ни супруг Чани, ни Император.

Хэллек, боясь того, что может случиться, если эти разочарованные вопросы не получат логического ответа, собирался уже было вмешаться, когда Лито его опередил. Вот когда Хэллек впервые узрел стихию жуткого изменения, совершившегося в Лито. Взревел бычий голос: «По сторонам!» — и Лито шагнул вперед, раскидывая взрослых Свободных налево и направо, сшибая их, молотя их руками, вывертывая ножи у них из рук, хватаясь за лезвия.

Меньше чем через минуту те Свободные, что оставались на ногах, жались по стенам в оцепенении ужаса. Лито встал рядом с отцом.

— Когда говорит Шаи Хулуд, вы повинуетесь, — сказал Лито.

И когда кое-кто из Свободных вздумал спорить, Лито отломил кусок у каменной стены прохода при выходе из помещения и раскрошил его голыми руками — не переставая улыбаться.

— Я разрушу ваш съетч у вас на глазах, — сказал он.

— Демон Пустыни, — прошептал кто-то.

— И ваши каналы, — сказал Лито. — Я разорву их на кусочки. Нас здесь не было, вы слышите меня?

Головы испуганно и покорно закивали в разные стороны.

— Ни один из вас нас не видел, — сказал Лито. — Один шепоток от вас — и я выгоню вас в пустыню без воды.

Хэллек увидел руки, поднятые в предостерегающем жесте — знаке червя.

— Теперь мы пойдем, мой отец и я, в сопровождении нашего старого друга, — сказал Лито. — Приготовьте нам топтер.

...А затем Лито направил их на Шулох, объяснив по пути, что они должны двигаться быстро, потому что «Фарадин прибудет на Арракис совсем скоро. И, как сказал мой отец, тогда ты увидишь настоящее испытание, Гурни».

Глядя вниз на кручи Шулоха, Хэллек опять себя спросил, как спрашивал каждый день: «Что за испытание? Что он имеет в виду?»

Но Лито больше не было в Шулохе, а Пол отказывался отвечать.

Церковь и Государство, научные обоснования и вера, личность и общество, даже прогресс и традиции — все это может быть примирено в учении Муад Диба. Он учил нас, что не существует непримиримых противостояний, кроме как в верованиях людей. Всякий может сорвать завесу Времени. Будущее можно открыть в прошлом или в собственном воображении. Делая это, отвоевываешь самосознание во внутреннем бытии. И тогда понимаешь, что космос — связное целое, и ты — неотделим от него.

Проповедник в Арракине, по Харк-ал-Аде.

Ганима сидела за пределами светового круга спайсовых ламп, наблюдая за Буром Агарвисом. Ей не нравились его круглое лицо и непрестанно движущиеся брови, то, как при разговоре он шевелит ногами, словно его слова были скрытой музыкой, под которую он танцевал.

«Он здесь не для того, чтобы вести переговоры со Стилгаром», — сказала Ганима, видя подтверждение этому в каждом слове и движении Бура. Она еще дальше отодвинулась от круга Совета.

Во всяком съетче было помещение, подобное этому, но зала собраний заброшенной джедиды производила на Ганиму впечатление удушающе тесного места — слишком низок был потолок. Шестьдесят людей отряда Стилгара плюс

девять прибывших вместе с Агарвисом все уместились в одном конце залы. Масляные светильники отбрасывали отсветы на низкие несущие балки потолка и дрожащие тени, танцевавшие на стенах, а едкий дым наполнял все помещение запахом корицы.

Встреча началась в сумерках, после молитв о влаге и вечерней трапезы. Теперь уже она длилась более часа, и Ганима не могла измерять до дна скрытые потоки в поведении Агарвиса. Слова его представлялись вполне ясными, но с ними не согласовывались движения его тела и глаз.

Сейчас говорил Агарвис, отвечая на вопрос одного из заместителей Стилгара, племянницы Хары по имени Раджия. Эта сумрачно аскетичная молодая женщина с опущенными углами губ казалась взирающей на мир с непреходящим отвращением. Ганима сочла это выражение лица Раджии вполне соответствующим обстоятельствам.

— Разумеется, я верю, что Алия дарует всем нам полное и совершенное прощение, — говорил Агарвис. — Иначе бы я не находился здесь со своей миссией.

Раджия собиралась еще что-то сказать, но вмешался Стилгар:

— Меня не настолько беспокоит, доверяем ли мы ей, как то, доверяет ли она тебе, — в голосе Стилгара слышались рыкающие полутона. Он неуютно чувствовал себя от этого предложения занять прежнее место.

— Неважно, доверяет ли она мне, — сказал Агарвис. — Если быть искренним — мне в это не верится. Я слишком долго искал вас, вас не находя. Но я всегда чувствовал, что она не очень-то хочет, чтоб тебя на самом деле схватили. Она...

— Она была женой человека, которого я убил, — сказал Стилгар. — Заверяю тебя, он сам на это напросился. Мог бы с равным успехом кинуться на собственный нож. Но от этого нового подхода попахивает...

Агарвис, пританцовывая, вскочил, гнев ясно был написан на его лице.

— Она тебя прощает! Сколько раз я должен это повторять? Она заставила жрецов устроить большой спектакль ниспрошения о божественном наставлении о...

— Это лишь поднимает другую проблему, — это Ирулэн наклонилась вперед, мимо Раджии, темные волосы Раджии подчеркнуто оттеняли ее светлую головку. — Она убедила тебя, но у нее могут быть другие планы.

— Жречество...

— Но ходят самые разнообразные слухи, — сказала Ирулэн. — Что ты не только ее военный советник, что ты ее...

— Довольно! — Агарвис был вне себя от ярости. Бушующие эмоции кровью бросились ему в лицо, исказили его черты. — Верьте чему хотите — но я не могу больше с этой женщиной! Она оскверняет меня! Она пачкает все, к чему ни прикоснется! Я использован. Я замаран. Но я никогда не подниму нож против моей родни! Нет — никогда!

Ганима, наблюдавшая за ним, подумала: «Тут, по крайней мере, из него полезла правда».

Как ни удивительно, Стилгар рассмеялся.

— А, кузен, — сказал он. — Прости меня, но гнев выдает правду.

— Значит ты согласен?

— Я этого не сказал, — он поднял руку, предупреждая новый взрыв Агарвиса. — Это не ради меня, Бур, но ради других, кто здесь есть, — он обвел рукой вокруг себя. — Они на моей ответственности. Давай поразмыслим на миг, какое возмещение предлагает Алия?

— Возмещение? Нет ни слова о возмещении. Прощение, но не...

— Тогда что же предлагает она порукой за свое слово?

— Съетч Табр, и ты в нем наибом, полная автономия нейтральной стороны. Она теперь понимает, как...

— Я не войду опять в ее свиту и не буду поставлять ей вооруженных бойцов, — предупредил Стилгар. — Это понятно?

Ганима услышала, что Стилгар начинает сдавать, и подумала: «Нет, Стил! Нет!»

— В этом нет нужды, — ответил Агарвис. — Алия хочет только, чтобы Ганима вернулась к ней и выполнила данное обязательство об обручении с...

— Так вот оно наконец! — у Стилгара сдвинулись брови. — Ганима — цена моего прощения. Неужели она считает меня...

— Она считает тебя разумным, — возразил, усаживаясь, Агарвис.

Ганима восторженно подумала: «Он этого не сделает. Переведи дух. Он этого не сделает».

И только она это подумала, тихий шорох послышался сзади и левей от нее. Она не успела обернуться, как ее схватили сильные руки. Плотный коврик, пахнущий снотворным, накрыл ее лицо до того, как она успела позвать на помощь. Теряя сознание, она ощутила, как ее несут к двери

в самом темном уголке залы. И подумала: «Мне бы следовало догадаться! Мне бы следовало быть начеку!» Но державшие ее руки были взрослыми и сильными. Она не могла из них вывернуться.

Последними ее впечатлениями были холодный воздух, мерцание звезд, лицо под капюшоном, взглянувшее на нее и спросившее:

— Она ведь не пострадала, а?

Ответа она уже не слышала, звезды завертелись у нее перед глазами, вытягиваясь в полоски, и пропали во вспышке света, который был ядрышком ее внутреннего «я».

Муад Диб снабдил нас особого рода знанием о пророческом видении, о поведении, окружающем такое пророчество, и о его влиянии на события, сопровождавшиеся находящимися «на линии». (То есть, события, которым дано произойти внутри взаимосвязанной системы, которую пророк открывает и интерпретирует.) Как было еще где-то отмечено, такое видение действует как своеобразная ловушка для самого пророка. Он становится жертвой того, о чем знает — относительно распространенный вид человеческого крушения. Опасность в том, что предсказывающие реальные события могут проглядеть поляризующий эффект, привносимый сверх-потворством собственной правде. Они склонны забывать, что в нашем поляризованном мироздании ничто не может существовать без наличия своей противоположности.

Харк-ал-Ада, «Провидческое видение».

Вздуваемый песок туманом висел на горизонте, затмевая восходящее солнце. В тенях дюн песок был холоден. Лито стоял перед кольцом пальм, глядя на пустыню. Он чуял запах пыли и колючих растений, слышал утренние звуки людей и животных. В этом месте у Свободных не было канала, только чистый минимум посадок вручную, орошаемых женщинами, носившими воду в кожаных мехах. Их ветроловушка была хрупкой, легко сокрушаемой бурями, но и легко восстанавливаемой. Тяготы, суровость спайсового промысла и приключения — вот как протекала здесь жизнь. Эти Свободные до сих пор верили, что рай — звук льющейся воды, но лелеяли древнюю концепцию свободы, которую и Лито с ними разделял.

«Свобода — это состояние одиночества», — подумал он.

Лито расправил складки белой робы, закрывавшей его живой стильсют. Ему было уже ощутимо, насколько изменила его оболочка песчаной форели — и вместе с этим чувством он всегда испытывал чувство огромной утраты. Он уже не был полностью человеком. Странные вещи плавали в его крови. Реснички песчаной форели проникли в каждый орган, приспосабливая его и изменяя. Но, зная это, Лито чувствовал себя оторванным от всех прежних нитей утраченной человечности; жизнь его поймана в первичность острой тоски по концу тянувшейся из древности непрерывности. Он понимал, однако, какая ловушка в потакании эмоциям. Он хорошо понимал.

«Пусть будущее происходит для самого себя, — думал он. — Единственное правило, руководящее творчеством — это само творение».

Трудно было отвести взгляд от песков, от дюн — от великой пустоты. Здесь на краю песка было несколько скал, но воображение бежало вперед, за них, к ветрам, пыли, редким и одиноким растениям и животным, дюне, сливающейся с дюной, пустыни с пустыней.

Позади него раздался звук флейты, зовущей на утреннюю молитву, молитву по влаге, звучала чуть измененная серенада новому Шаи Хулуду. Едва Лито это понял, как музыка зазвучала для него напевом вечного одиночества.

«Я мог бы попросту уйти в эту пустыню», — подумал он.

Все тогда изменится. Одно направление станет не хуже другого. Он уже научился жить жизнью, свободной от страстей. Его мистицизм Свободного утончился до жуткой грани: все, что он имел при себе, было ему необходимо — но только это и было. А это составляло всего лишь накинутую робу, спрятанного в ее складках ястреба Атридесов и кожу, которая-не-его-собственная.

Было бы легко уйти отсюда прочь.

Внимание его привлекло движение высоко в небесах — по косо выкроенным кончикам крыльев он узнал стервятника. От этого у него заныло в груди. Как и дикие Свободные, стервятники живут в этой стране, потому что здесь они рождены. Ничего лучшего они не знают. Пустыня делает их такими, какие они есть.

Но в кильватере Муад Диба и Алии взросла другая порода Свободных. Она-то и была причиной того, почему он не мог уйти в пустыню подобно своему отцу. Лито припомнил слова

Айдахо очень давних дней «Эти Свободные! Они восхитительно жизненны. Я никогда не встречал жадного Свободного».

Теперь жадных Свободных полным-полно.

Волна печали поднялась в Лито. На нем лежит продолжить курс, который все это изменит, но жестокой ценой. И управлять этим курсом будет все трудней и трудней по мере их приближения к вихрю.

Кразилек, Тайфунный бой впереди... Но Кразилек или худшее будет расплатой за неправильный шаг.

Позади него послышались голоса, затем чистый и пронзительный детский голосок произнес:

— Вот он.

Лито обернулся.

Из-под пальм выходил Проповедник, ведомый ребенком.

«Почему я думаю о нем как о Проповеднике?» — подивился Лито.

Ответ был ясно начертан на скрижали ума Лито: «Потому что он больше не Муад Диб, не Пол Атридес». Пустыня сделала его тем, что он есть сейчас. Пустыня и шакалы Джакуруту с их чрезмерными добычами меланжа и постоянным предательством. Проповедник состарился. Да, состарился, несмотря на спайс, а благодаря ему.

— Мне сказали, ты хочешь меня видеть, — заговорил Проповедник, когда ребенок-поводырь остановился.

Лито поглядел на это дитя пальмовой рощи, мальчика ростом почти с него самого, благоговение которого умерялось ненасытным любопытством. Молодые глаза томно поблескивали над маской стилсьюта детского размера.

Лито махнул рукой:

— Оставь нас.

На миг плечи мальчика выразили яркое нежелание, затем благоговение и естественное уважение Свободного к личной жизни других взяли верх. Ребенок удалился.

— Ты знаешь, что Фарадин здесь, на Арракисе? — спросил Лито.

— Гурни рассказал мне, когда прилетел вчера ночью.

И Проповедник подумал: «Как же холодно отмерены его слова. Совсем он как я в прежние мои дни».

— Я стою перед трудным выбором, — сказал Лито.

— Я думал, все выборы тобой уже сделаны.

— Мы понимаем ТУ ловушку, отец.

Проповедник прочистил глотку. Напряжение дало ему понять, как близко они к сокрушительному кризису. Теперь

Лито будет полагаться не на чистое видение, а на управление видением.

— Тебе нужна моя помощь? — спросил Проповедник.

— Да. Я возвращаюсь в Арракин и хочу пройти туда как твой поводырь.

— Для чего?

— Ты не будешь еще раз проповедовать в Арракине?

— Может быть. Есть вещи, которых я им еще не сказал.

— Ты не вернешься назад в пустыню, отец.

— Если пойду с тобой?

— Да.

— Я сделаю все, как ты ни реши.

— Ты подумал? Ведь вместе с Фарадином там будет и твоя мать.

— Несомненно.

И опять Проповедник прокашлялся. Проявлял нервозность — чего Муад Диб себе никогда не позволял. Слишком долго это тело пребывало вне прежнего режима самодисциплины, слишком часто Джакуруту изменнически поило этот мозг безумием. И Проповедник подумал, что, может, и не слишком мудро возвращаться в Джакуруту.

И Лито, ощутив в Проповеднике промелькнувшую тень прежнего безумия видений, подумал: «Играет ли он в игру предвидения?». Нет. Он никогда больше не пойдет этой дорогой. Он ведал о ловушке частичных уступок. Каждое слово Проповедника подтверждало, что он передал видения своему сыну, понимая, что все в этом мире уже предугадано.

Нет, старые противоположности мучали сейчас Проповедника. Он убегал из парадокса в парадокс.

— Тогда мы отправимся через несколько минут, — сказал Лито. — Ты скажешь Гурни?

— Разве Гурни с нами не пойдет?

— Я хочу, чтобы он уцелел.

И опять Проповедник всем телом ощутил напряжение. Оно было разлито в воздухе вокруг него, в земле у него под ногами, в парящей птице, смотревшей на не-ребенка, который был его сыном. Резкий вопль его прежних видений скребся в его горле.

«Проклятая святость!»

Не уйти от сочащегося песка своих страхов. Он знал, с чем столкнется в Арракине. Они опять вступят в игру с ужасающими и смертоносными силами, которые никогда не смогут принести им покой.

Ребенок, отказывающийся путешествовать в снаряжении своего отца — это символ самой уникальной человеческой способности. «Я не обязан быть тем, чем был мой отец. Я не обязан подчиняться правилам моего отца или даже верить всему, во что верил он. В том-то и моя сила как человека, что я могу делать собственный выбор, во что мне верить и во что мне не верить, кем мне быть и кем мне не быть».

Лито Атридес П. Биография Харк-ал-Ады.

Женщины-пилигримы танцевали под барабан и флейту на Храмовой площади, головы их обнажены, браслеты на шеях, платья тонки и открыты. Их длинные черные волосы сперва развевались, затем нахлестывали им на лица, когда они кружились.

Алия глядела на эту сцену, и привлекательную и отталкивающую, с высоты своего храма. Была середина утра, час, когда на площади начинал растекаться запах сдобренного спайсом кофе — от торговцев под тенистыми аркадами. Вскоре она должна будет выйти приветствовать Фарадина, преподнести формальные дары и присутствовать при его первой встрече с Ганимой.

Все шло согласно плану. Гани убьет его, и, в последующих потрясениях, только один человек будет готов улучать свою выгоду. Куклы танцуют точно так, как потянешь за веревочку. Как она и надеялась, Стилгар убил Агарвиса. А Агарвис привел похитителей к джедиде, не ведая о том, что секретный передатчик был спрятан в новых сапогах, которые она ему подарила. Теперь Стилгар и Ирулэн ждут в темницах Храма. Может, они и умрут, а может, их можно будет и как-то иначе с пользой употребить. Пусть подождут, вреда не будет.

Она заметила, что городские Свободные наблюдают за танцовщицами на площади глазами напряженными и не бегающими. Принцип равенства, начав из пустыни, переселился и в города и городки Свободных, до сих пор упорно в них сохраняясь, но социальные различия между мужчиной и женщиной уже давали о себе знать. Это тоже отлично соответствует плану. Разделяй и властвуй. Алия улавливала, что в том, как двое Свободных смотрят на этих инопланетянок и их экзотический танец, уже ощущается еле заметная перемена.

«Пусть смотрят. Пусть наполнят свои умы гхафлой».

Жалюзи окна Алии были открыты, и ей ощутимо было

резкое усиление жары, в то время года начинавшейся прямо на восходе и достигавшей пика в полуденные часы. Температура каменных плит площади наверняка намного выше. Неуютно для этих танцовщиц, но они все продолжали кружиться и изгибаться, взмахивая руками и волосами в страстном упоении танцем. Они посвятили свой танец Алии, Чреву Небесному. Об этом Алии шепнула специально для этого пришедшая служанка, поглумясь над инопланетянками и их странными обычаями.Служанка объяснила, что они — с планеты Икс, где сохранялись остатки запрещенных наук и технологий.

Алия фыркнула. Эти женщины так же невежественны, суеверны и отсталы, как Свободные пустыни... Точь-в-точь как заметила глумливая служанка, прибежавшая, чтобы подольститься, с докладом о посвящении их танца. И ни служанка, ни икшианки не знают, что Икс — это просто буква алфавита позабытого языка.

Весело смеясь про себя, Алия подумала: «Пусть танцуют». В танце выходит энергия, которая иначе могла бы найти себе разрушительное применение. И музыка приятна, тонкие завывания, плоские тимпаны, барабаны из тыквы, хлопающие ладони.

Внезапно музыку заглушил гул множества голосов на дальнем конце площади. Танцовщицы сбились, потом, после краткого замешательства, опять поймали ритм, но утратили при этом чувство одиночества, и даже их взгляды обратились к воротам площади, где толпа растекалась по каменным плитам как хлещущая через открытый клапан вода.

Алия вгляделась в надвигающуюся волну.

Теперь ей стали слышны слова, и надо всем: «Проповедник! Проповедник!»

Затем она увидела его, шагающего широкими шагами в первом приливе волны, рука на плече мальчика-поводыря.

Пилигримы-танцовщицы перестали кружиться и удалились на террасы ступеней под Алией. Там к ним присоединились их зрители — и во всех, наблюдающих за Проповедником, она различила благоговение. Ее же собственным чувством был страх.

«Как он смеет!»

Она полуобернулась послать стражу, но сразу же пришедшие соображения остановили ее. Толпа уже заполнила площадь. Она может повести себя совсем не мирно,

если станет упрямствовать в своем явном желании услышать слепого провидца.

Алия стиснула кулаки.

ПРОПОВЕДНИК! Зачем Пол это делает? Для половины населения, он — «сумасшедший пустыни», и, следовательно, свят. Другие перешептываются на базарах и в лавках, что это почти наверняка Муад Диб. С чего бы еще Махдинату дозволять его гневную ересь?

Среди толпы Алии видны были беженцы, крохи добравшихся из брошенных съетчей, их одежды в лохмотьях. Опасное там внизу место — место, где возможно допустить ошибки.

— Госпожа?

Голос раздался позади Алии. Она обернулась и увидела Зию, стоявшую в арке дверного проема внешней палаты. При ней была вооруженная охрана из Личной Гвардии.

— Да, Зия?

— Миледи, Фарадин за дверьми и просит аудиенции.

— Здесь? В моих покоях?

— Да, миледи.

— Один?

— С ним два телохранителя и леди Джессика.

Алия положила руку на горло, припомнив последнюю немирную встречу с матерью. Времена, однако, изменились. Их отношения будут определяться новыми условиями.

— До чего же он импульсивен, — сказала Алия. — Какую причину он выдвигает?

— Он слышал о... — Зия указала на окно на площадь. — Он говорит, что слышал, будто от вас лучший вид.

Алия нахмурилась.

— Ты веришь этому, Зия?

— Нет, миледи. По-моему, он слышал слухи. И хочет видеть вашу реакцию.

— Это моя мать его настроила!

— Вполне вероятно, миледи.

— Зия, дорогая моя, я хочу, чтобы ты выполнила особый ряд очень важных для меня приказаний. Подойди сюда.

Зия подошла на расстояние шага от Алии.

— Миледи?

— Пригласи Фарадина, его телохранителей и мою мать. Затем приготовь Ганиму. Ее следует облачить как невесту по обычаям Свободных, до последней детали — ПОЛНОСТЬЮ.

— И нож, миледи?

— И нож.

— Миледи, это ...

— Ганима не представляет для меня угрозы.

— Миледи, есть основания полагать, что она сбежала со Стилгаром в пустыню больше, чтобы его защитить, чем по любой другой причине...

— Зия!

—Миледи?

— Ганима уже подала свое ходатайство за Стилгара, и Стилгар останется в живых.

— Но она предполагаемая наследница!

— Просто выполни мои приказы. Пусть Ганиму приготовят. Когда ты присмотришь, чтоб это делалось, пошли пять служителей из храмового жречества на площадь. Пусть пригласят Проповедника сюда. Пусть подождут удобного случая и заговорят с ним, больше ничего. Силу им применять нельзя. Я хочу, чтобы они его вежливо пригласили. Абсолютно никакого принуждения. И, Зия...

— Миледи? — как же насупленно она это произносила.

— Проповедник и Ганима должны быть введены сюда одновременно. Они должны вместе войти по моему сигналу. Понимаешь?

— Я понимаю план, миледи, но...

— Просто сделай это! Вместе, — И Алия кивнула своей амазонке, отпуская ее. Когда Зия, повернувшись, уходила, Алия сказала: — Выходя, пригласи Фарадина и его сопровождающих, но позаботься, чтобы перед ними вошли десять моих самых достойных доверия стражей.

Зия, выходя из комнаты, оглянулась на ходу.

— Все будет сделано по вашим распоряжениям, миледи.

Алия отвернулась и посмотрела из окна. Всего лишь через несколько минут ее ПЛАН принесет кровавые плоды. И Пол будет здесь, когда его дочь нанесет COUP DE GRACE* его святошеским претензиям. Алия услышала, как входит присланное Зией подразделение. Все скоро будет кончено. Все кончено. Она поглядела вниз на Проповедника, занимаеющего свое место на первой ступени, с растущим ощущением триумфа. Его юный поводырь присел на корточки рядом с ним. Алия увидела желтые одежды храмовых жрецов, поджидающих слева, застопоренных плотной толпой. Они, однако, опытны в обращении с толпами. Они найдут дорогу к цели. Голос Проповедника прогремел над площадью,

---

* «удар милосердия» (франц.) — смертельный завершающий удар, прерывающий мучения противника.

толпа с сосредоточенным вниманием ожидала его слов. Пусть слушают! Скоро в его слова бедет вложен совсем другой смысл, чем он предполагает.

И не будет поблизости никакого ПРОПОВЕДНИКА, чтобы запротестовать.

Она услышала, как вошел Фарадин с сопровождающими, услышала голос матери:

— Алия?

Не оборачиваясь, Алия сказала:

— Добро пожаловать, Принц Фарадин, матушка. Идите сюда, любуйтесь спектаклем, — затем она оглянулась, и увидела рослого сардукара, Тайканика, злобно хмурившегося на стражу, загородившую дорогу. — Но это негостеприимно, — сказала Алия. — Дайте им пройти, — двое стражей, явно действуя по приказам Зии, подошли к ней и встали между ней и остальными. Прочие стражи расступились. Алия отошла к правой стороне окна, указала жестом: — Отсюда и вправду наилучший вид.

Джессика, в своей традиционной черной абе, сумрачно глянула на Алию, сопровождая Фарадина к окну, но встала между ним и стражами Алии.

— Так это любезно с вашей стороны, леди Алия, — сказал Фарадин. — Я столько слышал об этом Проповеднике.

— И вот он во плоти, — сказала Алия. На Фарадине был серый мундир командующего сардукарами, без знаков отличия. Поджарая грациозность его движений восхитила Алию. Возможно, этот Принц Коррино будет не просто забавой от безделья.

Голос Проповедника загремел в помещении через усилители возле окна. Алия почувствовала, как этот звук пронизал ее трепетом до самых костей, и стала слушать еще зачарованней.

— И обнаружил я, что я — в пустыне Зан, — вскричал Проповедник, — в ее бесплодии воющей дикости. И Господь повелел мне очистить это место. Поскольку мы искушаемы пустыней, и скорбны в пустыне, и соблазняемы ее дикостью забросить наши пути.

«Пустыня Зан», подумала Алия. Такое название было дано месту первого испытания Скитальцев Дзэнсунни, от которых произошли Свободные. Но его слова? Завоевывает ли он доверие, чтобы обратить его на разрушение твердынь съетчей верных ей племен?

— Дикие звери лежат на ваших землях, — голос Проповедника гулко гремел над площадью. — Скорбные твари

наполняют ваши дома. Вы, бежавшие из своих домов, не умножите больше ваших дней на песке. Да, вы, забросившие свои пути, вы умрете в смраднейшем гнезде, если и дальше будете идти по этой дороге. Но если вы внемлете моему предупреждению, то Господь проведет вас через страну западней в Горы Господни. Да, Шаи Хулуд вас проведет.

Над толпой поднялись тихие стоны. Проповедник сделал паузу, поводя безглазыми глазницами в направлении звуков. Затем он возвел руки, широко их распахнул и воззвал:

—О Господь, моя плоть томится по пути Твоему в сухой и полной жажды стране!

Старуха перед Проповедником — явная беженка, судя по ее заношенным и заплатанным одеяниям — возвела руки и взмолилась.

— Помоги нам, Муад Диб! Помоги нам!

У Алии внезапным испугом стиснуло грудь, она спросила себя, действительно ли эта старуха знает правду. Она взглянула на мать, но Джессика пребывала недвижимой, деля свое внимание между стражами Алии, Фарадином и видом в окне. Фарадин, слушавший с зачарованным вниманием, словно к месту прирос.

Алия взглянула из окна, стараясь разглядеть храмовых жрецов. Их не было видно, и она предположила, что они пробираются прямо под ней мимо ворот храма, чтобы по прямой спуститься к Проповеднику сзади.

Проповедник указал правой рукой поверх головы старухи и вскричал:

— Только вы и есть — себе в помощь! Вы были мятежными, вы приносили сухой ветер, который не чистил и не освежал. Вы несете ношу вашей пустыни, и вихрь выходит оттуда, из той жесткой страны. Я был в том запустении. Вода бежит в песок из разбитых каналов. Потоки бороздят землю. Вода падает с неба в Поясе Дюны! О, друзья мои, Господь мне повелел. Прямо в пустыне проложите прямую и широкую дорогу к вашему Господу, поскольку я — его голос, доходящий до вас из пустыни, — он напряженным и негнущимся пальцем указал на ступени у себя под ногами. — Это не потерянная джедида, которой вовеки более не быть заселенной! Здесь ели мы хлеб наш райский. И здесь шум чужестранцев выгнал нас из домов! Взращивают они для нас запустение, страну, в которой ни единому человеку не обитать, ни единому человеку не пройти по которой!

Топла недовольно всколыхнулась, беженцы и городские

Свободные озирались, выглядывая стоящих среди них пилигримов хаджжа.

«Он может спровоцировать кровавые бесчинства! — подумала Алия. — Ладно ну и пусть.Тогда мои жрецы схватят его среди сметения». И затем она увидела пятерых жрецов, тугой узел желтого цвета, прокладывающий себе дорогу по ступеням вниз, к Проповеднику.

— Воды, что разливаем мы над пустыней, стали кровью, — Проповедник широко взмахнул руками. — Кровь на крови! Воззрите на нашу пустыню, что могла бы радоваться и цвести — она соблазняет чужестранца, искушая его пребывать среди нас. Они приходят ради насилия! Лица их закрыты, как последний ветер Кразилека. Они берут землю в полон. Они высасывают изобилие, то скрытое сокровище, что в глубинах песка. Воззрите, как продвигаются они все дальше в своем дьявольском труде. Писано вам: «И стоял я на песке, и видел зверя, восставшего из того песка, и на главе того зверя было имя Господне!»

В толпе раздался гневный ропот, взметнулись и затряслись кулаки.

— Что он делает? — прошептал Фарадин.

— Хотелось бы мне знать, — ответила Алия. Она поднесла руку к груди, в боязливом возбуждении этого мига. Толпа кинется на пилигримов, если он и дальше будет продолжать в то же духе!

Но Проповедник полуобернулся, устремил свои мертвые глазницы на храм, и поднял руку, указывая на высокие окна Алии.

— Одно богохульство остается! — провопил он. — Богохульство! И имя этому богохульству — Алия!

На площади воцарила потрясенная тишина.

Алия стояла, оцепенев от ужаса. Она знала, что толпа не может ее видеть, но ее одолело чувство уязвимости, выставленности напоказ. Эхо успокоительных слов внутри ее черепа боролось с тяжелой колотьбой ее сердца. Она могла лишь окаменело взирать на живую картину внизу. Проповедник продолжал указывать рукой на ее окна.

Но для жрецов его слова оказались последней каплей. Нарушив молчание гневными криками, они бросились в атаку вниз по ступеням, распихивая в стороны людей. На их передвижение толпа отреагировала волной, накатившись на ступени, сметая первые ряды зрителей, унося перед собой Проповедника. Тот слепо спотыкался, отделенный от своего юного поводыря. Затем над людской давкой взметнулась

облаченная в желтое рука — вместе с ней взлетел кристнож. Алия увидела, как нож пал вниз, по рукоять входя в сердце Проповедника.

Из шока Алию вывел громоподобный грохот захлопывающихся гигантских ворот замка. Стража явно сделала это, заграждаясь от толпы. Но люди уже отхлынули, образуя пустое пространство вокруг валявшейся на ступенях фигурки. Сверхъестественное затишье охватило площадь. Алии видно было много тел, но только одно из них валялось само по себе.

Над толпой раздался хриплый крик:

— Муад Диб! Они убили Муад Диба!

— Великие боги, — дрожащим голосом проговорила Алия. — Великие боги!

— Чуть поздновато для этого, ты не думаешь? — спросила Джессика.

Алия повернулась всем телом, заметила при этом, какая ошарашенность появилась на лице Фарадина при виде ее ярости:

— Это Пол — тот, кого они убили! — взвизгнула Алия. — Это был твой сын! Когда это подтвердится — ты знаешь, что будет?

Джессика застыла на бесконечно долгий для нее миг, ей казалось, она сейчас услышала нечто, уже ей известное. Из этого застывшего мгновения ее вывел Фарадин, положив руку ей на руку.

— Миледи, — сказал он, и в его голосе было столько сочувствия, что, подумалось Джессике, она могла бы прямо сейчас от него умереть. Она перевела взгляд с полыхающего холодной яростью лица Алии на несчастное и сочувствующее лицо Фарадина и подумала: «Я слишком хорошо сделала мою работу».

Нельзя было сомневаться в словах Алии. Джессика припомнила каждую интонацию голоса Проповедника, расслыша в нем свои собственные уловки, долгие годы наставлений, которые провела она с юношей, которому предназначалось стать Императором, и который комком кровавых тряпок валялся сейчас на ступенях Храма.

«Меня ослепила гхафла», — подумала Джессика.

Алия сделала знак одной из прислужниц, окликнула:

— Теперь введите Ганиму.

Джессика заставила себя задуматься над этими словами: «Ганима? Почему Ганима — теперь?»

Прислужница повернулась к внешней двери, двинулась к

ней, чтобы отворить, но, не успел никто и слова произнести, как дверь просела вперед. Лопнули дверные петли. Засов щелкнул, и дверь — толстая пластальная конструкция, которая по мысли должна была выдерживать кошмарные напряжения — рухнула в комнату. Стража кинулась из-под нее врассыпную, хватаясь за оружие.

Но в дверном проеме оказалось лишь двое детей: слева — Ганима, в черных одеждах обручения, и справа — Лито, из-под его белых, запятнанных пустыней одежд виднелся серый лоснящийся стилсьют.

Алия перевела взгляд с упавшей двери на детей, ее охватила неподконтрольная дрожь.

— Семья здесь, чтобы нас приветствовать, — сказал Лито. — Бабушка, — он кивнул Джессике, перевел взгляд на Принца Коррино. — А это, должно быть, Принц Фарадин. Добро пожаловать на Арракис, Принц.

В глазах Ганимы было пустое выражение. Она держала правую руку на рукояти церемониального кресножа на поясе, и, вроде бы, пыталась вырваться от Лито, жесткой хваткой державшего ее руку. Лито встряхнул ее руку, и все ее тело затряслось вместе с ней.

— Воззри на меня, семья, — сказал Лито. — Я — Ари, Лев Атридесов. А это... — он опять встряхнул руку Ганимы с такой могучей легкостью, что все ее тело дернулось. — Это Ариэ, Львица Атридесов. Мы пришли направить вас на Сехер Нбиу, Золотую Тропу.

Ганима впитала ключевые слова — «Сехер Нбиу» — и почувствовала, как отворилась запертая перегородка в ее сознании, как что-то потоком потекло в ее мозг. Оно втекло с линейной четкостью, и над ним парило внутреннее присутствие ее матери, стоявшей на страже у ворот. И Ганима поняла, что в этот момент она покорила свое крикливо-навязчивое прошлое. Она обрела ворота, через которые, если надо будет, сможет созерцать прошлое. Месяцы самогипнотического подавления соорудили внутри нее безопасное место, из которого она способна править своей собственной плотью. Она начала поворачиваться к Лито, чувствуя необходимость объяснить ему это — когда внезапно до нее дошло, где и с кем она стоит.

Лито отпустил ее руку.

— Твой план сработал? — прошептала Ганима.

— Вполне неплохо, — ответил Лито.

Алия, оправясь от шока, крикнула кучке стражей слева:

— Схватить их!

Но Лито наклонился, одной рукой поднял упавшую дверь и через помещение запустил ею в стражников. Двух из них она пригвоздила к стене. Остальные в ужасе повалились на спины. Дверь, весящую половину метрической тонны, швырнул ребенок!

Алия, разглядевшая, что в коридоре за дверью валяются поверженные стражники, сообразила, что это никто иной, как...

Джессика тоже увидела тела, увидела грандиозную силу Лито — и пришла к сходным заключениям, но слова Ганимы были ухвачены самой сердцевиной ее тренированного Бене Джессерит и обученного науке хладнокровного мышления.

— Какой план? — спросила Джессика.

— Золотая Тропа, наш Имперский План, для Империи, — сказал Лито. Он кивнул Фарадину. — Не держи на меня зла, кузен. Я действую не меньше и ради тебя. Алия надеялась, что Ганима зарежет тебя. Мне предпочтительней, чтобы ты прожил в относительном счастье.

Алия завизжала охране, оробело теснившейся в проходе:

— Я велю вам их схватить!

Но стража отказалась войти в помещение.

— Подожди меня здесь, сестра, — сказал Лито. — У меня есть неприятная задача, — и он направился к Алии.

Та подалась от него в угол, сжалась там и вытащила свой нож. В свете из окна полыхнули зеленые драгоценные камни на рукояти.

Лито просто продолжал на нее наступать, с руками безоружными, но широко расставленными и наготове.

Алия сделала выпад.

Лито подпрыгнул почти до потолка, ударил ее левой ногой. Он нанес зрячий удар ей в голову, оставив ей кровавую отметину на лбу — и Алия распростерлась на полу. Нож выпал у нее из рук и по полу скользнул прочь от нее. Алия потянулась за ножом, но обнаружила, что перед ней стоит Лито.

Алия заколебалась, вспомнила все, чему учил ее Бене Джессерит. Встала с пола, тело расслаблено в боевой позиции.

И опять Лито двинулся на нее.

Алия правым плечом обозначила ложный выпад влево, в то время как ее правая нога выстрелила, нанося точечный удар, который при попадании мог бы распороть человеку живот.

Лито принял удар на руку, схватил ногу Алии, за ногу

оторвал ее от земли и закружил у себя над головой. От скорости ее вращения раздался полоскающийся и шипящий звук бьющихся о ее тело одежд.

Остальные отпрянули, присев.

Алия визжала и визжала, но все вращалась, вращалась и вращалась. Вскоре она примолкла.

Лито медленно снизил скорость вращения и мягко опустил ее на пол. Она повалилась там запыхавшимся комком.

Лито наклонился над ней:

— Я мог бы швырнуть тебя в стену, — сказал он. — Может, так было бы лучше всего, но мы сейчас в главной точке нашей борьбы. Ты заслуживаешь свой шанс.

Глаза Алии бешено стрельнули из стороны в сторону.

— Я победил свои внутренние жизни, — сказал Лито. — И Гани тоже. Она может...

— Алия, я могу показать тебе... — вмешалась Ганима.

— Нет! — это слово словно с натугой вывернулось из Алии. Грудь ее вздымалась, из уст ее хлынули голоса — несвязные, клянущие, умоляющие. — Вот видишь! Почему ты не слушала? — а затем: — Зачем ты это делаешь? Что происходит? — И другой голос: — Останови их! Заставь их прекратить!

Джессика закрыла руками глаза, почувствовала, как ее ободряюще поддерживает рука Фарадина.

А Алия неистовствовала:

— Я тебя убью! — ее рот изрыгал отвратительные ругательства. — Я выпью твою кровь! — из нее полились голоса на многих языках, все спутанные и перемешанные.

Теснящиеся в проходе странники сделали знак червя, затем стиснутыми кулаками заткнули уши. Она одержима!

Лито встал, покачивая головой. Он подошел к окну и тремя быстрыми ударами разнес якобы несокрушимое, укрепленное хрусталем оконное стекло, выбив его из рамы.

По лицу Алии скользнуло хитрое выражение. Джессика услышала, как из перекореженного рта вырвалось нечто похожее на собственный голос — пародия на самоконтроль Бене Джессерит:

—Вы, все! Стойте, где стоите!

Джессика, опустив руки, обнаружила, что они влажны от слез.

Алия перевернулась и встала на колени, потом поднялась на ноги.

— Разве вы не знаете, кто я? — вопросила она. Это был ее прежний голос, сладостный и звенящий голос той юной

Алии, которой больше не было. — Почему вы все так на меня смотрите? — она повернулась к Джессике, умоляюще на нее глядя. — Мама, заставь их прекратить.

Джессика смогла только покачать головой, охваченная предельным ужасом. Все старые предостережения Бене Джессерит были истиной. Она поглядела на Лито и Ганиму, рядышком стоящих возле Алии. А что значат эти предупреждения для бедных близнецов?

— Бабушка, — сказал Лито, и его голос был умоляющ. — Должны ли мы проводить Трибунал Одержимости?

— Кто вы такие, чтобы говорить о трибунале? — осведомилась Алия, и голос ее был голосом желчного мужчины автократичного и чувственного, слишком далеко зашедшего в самоублажении.

И Лито, и Ганима узнали этот голос. Старый Барон Харконнен. Ганима услышала, как тот же самый голос эхом откликнулся у нее в голове, но внутренние ворота заперты, и ее мать неусыпно бдит возле них.

Джессика промолчала.

— Тогда решение за мной, — сказал Лито. — А выбор твой, Алия. Либо Трибунал Одержимости, либо... — он кивнул на открытое окно.

— Кто ты такой, чтобы предлагать мне выбор? — вопросила Алия, и опять-таки это был голос Старого Барона.

— Демон! — вскрикнула Ганима. — Дай ей выбрать самой!

— Мама, — в интонациях маленькой девочки взмолилась Алия. — Мама, что они делают? Что ты от меня хочешь? Помоги мне.

— Сама себе помоги, — приказал Лито и, на кратчайший миг, увидел в глазах Алии присутствие своей уничтоженной тети, ее собственное «я», без всякой надежды бросившее на него жаркий взгляд и исчезнувшее. Но тело ее двигалось — деревянными, отталкивающими шажками. Она вихляла, спотыкалась, сбивалась с пути и возвращалась на него — все ближе и ближе к открытому окну.

Теперь с ее уст звучал неистовствующий голос старого Барона:

— Остановись! Остановись, я говорю! Я велю тебе! Остановись! На, получай! — Алия стиснула руками голову, еще ближе подковыляла к окну. Она уже касалась ляжками подоконника, а голос все бушевал. — Не делай этого! Остановись и я помогу тебе! У меня есть план! Послушай меня! Остановись, я сказал! Подожди! — но Алия оторвала

руки от головы, вцепилась в разбитую оконную раму. Одним дерганым движением она перевалилась через подоконник и исчезла. Падая, она даже крика не испустила.

Находившиеся в палате услышали крик толпы, тяжелый сырой шлепок — Алия рухнула на ступени далеко внизу.

Лито поглядел на Джессику:

— Мы говорили тебе, чтоб ты ее жалела.

Джессика отвернулась и спрятала лицо в тунике Фарадина.

Убеждение, будто можно всю систему заставить работать через нападение на ее мыслящие элементы, выдает опасное невежество. Оно часто является невежественным подходом тех, кто называет себя учеными и технологами.

Харк-ал-Ада. «Бутлерианский Джихад».

— Он бегает по ночам, кузен, — сказала Ганима. — Он бегает. Ты видел, как он бегает?

— Нет, — ответил Фарадин.

Он ждал вместе с Ганимой в приемной малого зала аудиенций Твердыни, куда Лито пригласил их. Тайканик стоял с другой стороны, вместе с леди Джессикой, чувствуя себя уютно рядом с ней, а у леди Джессики вид был отстраненный, словно мыслью она обитала где-то не здесь. И часа еще не прошло после утренней трапезы, но многое уже было сделано — извещение Союзу, послания КХОАМ и Ландсрааду.

Фарадин находил затруднительным понимать этих Атридесов. Хоть леди Джессика и предупреждала его, но реальность все равно оставляла его озадаченным. Они продолжали говорить о помолвке, хотя, вроде бы, почти все политические причины для нее развеяны. Лито воссядет на трон — в этом, похоже, сомневаться не приходилось. Его странную ЖИВУЮ КОЖУ следует, конечно, удалить... но, со временем...

— Он бегает, чтобы утомить себя, — сказала Ганима. — Он — воплощенный Кразилек. Ни один ветер не обгонит его бега. Он — пятнышко на дюнах, я видела его. Он бежит и бежит. А когда он, наконец, изматывается, он возвращается и кладет голову мне на колени. «Попроси нашу мать внутри тебя найти для меня способ умереть», — молит он.

Фарадин воззрился на нее. Всю неделю после бесчинств

на площади Твердыня жила странным ритмом, таинственными приходами и уходами. Истории о яростном сражении за Защитной стеной дошли до него через Тайканика, к которому обратились за военным советом.

— Не понимаю тебя, — сказал Фарадин. — Найти для себя способ умереть?

— Он просил меня подготовить тебя,— сказала Ганима. Не впервые поразила ее занятная невинность этого Принца Коррино. Работа леди Джессики — или врожденное?

— К чему?

— Он больше не человек, — сказала Ганима. — Вчера ты спросил, когда он собирается снять свою ЖИВУЮ КОЖУ? Никогда. Она — часть его, а он — ее часть. По приблизительным подсчетам Лито, он, вероятно, проживет около четырех тысяч лет, прежде чем его уничтожит метаморфоза.

Фарадин попытался сглотнуть сухим горлом.

— Теперь понимаешь, почему он бегает? — спросила Ганима.

— Но если он собирается прожить так долго, и быть таким...

— Потому что слишком богата его память о человеческом бытии. Подумай обо всех его жизнях, кузен. Нет. Ты не можешь представить, что же это такое, поскольку ты этого не испытал. Но я знаю. Я могу представить его боль. Наш отец удалился в пустыню, пытаясь убежать от этого. Алия в страхе перед этим стала Богомерзостью. В нашей бабушке — лишь расплывчатые зачатки этого состояния, и все же ей приходится прибегать ко всем уловкам Бене Джессерит, чтобы жить с этим — с тем, с чем все равно приходится иметь дело, если ты — Преподобная Мать. Но Лито! Он совсем одинок, и никогда не будет воспроизведен.

Фарадин был напрочь оглушен ее словами. Император на четыре тысячи лет?

— Джессика знает, — Ганима поглядела на бабушку. — Он рассказал ей вчера вечером. Он называет себя первым воистину долгосрочным планировщиком в человеческой истории.

— Что... что он планирует?

— Золотую Тропу. Он объяснит тебе позже.

— И в этом... плане у него есть роль для меня?

— Да, моего спутника. Он возьмет на себя программу развития Бене Джессерит. Уверена, бабушка рассказывала тебе о мечте Бене Джессерит создать мужчину — Квизац Садерах с необычными силами. Он...

— То есть, мы попросту будем...

— Не ПОПРОСТУ, — ее теплая рука стиснула его руку. — У него будет много ответственных поручений для нас обоих. То есть, когда мы будем производить детей.

— Ну, для этого ты пока что маловата, — сказал Фарадин, убирая ее руку.

— Никогда не повторяй этой ошибки, — сказала она. И льдинка была в ее голосе.

Джессика подошла к ним вместе с Тайкаником.

— Тайк рассказывает мне, боевые действия распространились на всю планету, — сказала Джессика. — Центральный Храм на Биареке взят в осаду.

Фарадину показалось странным спокойствие, с которым она это произнесла. Ночью он проглядывал доклады вместе с Тайкаником. Пожар мятежа ширится по всей Империи. Он, конечно, будет погашен, но Лито придется восстанавливать Империю из печального состояния.

— Вот и Стилгар, — сказала Ганима. — Его поджидали, — и снова она взяла Фарадина под руку.

Старый наиб Свободных вошел в двери в сопровождении двух своих соратников из Команды Смерти по прежним дням в пустыне. Все они были одеты в официальные черные робы с белыми разводами, на головах их были желтые траурные повязки. Они подошли твердым широким шагом. Стилгар задержал взгляд на Джессике. Он остановился перед ней, настороженно кивнул.

— Ты все еще терзаешься из-за смерти Данкана Айдахо, — сказала Джессика. Ей не понравилась эта настороженность в старом друге.

— Преподобная Мать, — сказал он.

«Вот, значит, что, — подумала Джессика. — Все официально и в соответствии с кодексом Свободных. Есть кровь, которую нельзя стереть».

И она сказала:

— С нашей точки зрения, ты лишь сыграл ту роль, на которую назначил тебя Айдахо. Не впервые человек отдает свою жизнь за Атридесов. Почему они это делают, Стил? Потому ли, что знают, как велико бывает вознаграждение Атридесов?

— Я счастлив, что ты не ищешь предлога для мести, — сказал он. — Но есть дела, которые я должен обсудить с твоим сыном. Эти дела могут разлучить нас навсегда.

— Ты имеешь в виду, Табр не принесет вассальной присяги? — спросила Ганима.

— Я имею в виду, что погожу с суждением, — он холодно поглядел на Ганиму. — Мне не нравится то, чем стали мои Свободные, — проворчал он. — Мы вернемся на прежние пути. Без вас, если будет необходимо.

— На время — возможно, — ответила Ганима. — Но пустыня умирает, Стил. Куда ты денешься, когда не будет больше червей, не будет больше пустыни?

— Я не верю этому!

— Через одну сотню лет, — сказала Ганима, — здесь будет менее пятидесяти червей, да и те будут больными, содержащимися в тщательно оберегаемом заповеднике. Их спайс будет только для Космического Союза, а его цена... — она покачала головой. — Я видела подсчеты Лито. Он побывал на всей планете. Он знает.

— Еще один ваш трюк, чтобы оставить Свободных своими вассалами?

— Когда ты был нашим вассалом? — спросила Ганима.

Стилгар поугрюмел. Что он ни сделай или ни скажи — эти близнецы всегда представят это его грехом.

— Вчера вечером он рассказывал мне о Золотой Тропе, — бухнул Стилгар. — Мне это не нравится!

— Странно, — сказала Ганима, взглянув на бабушку. — Большинство Империи будет ее приветствовать.

— Разрушение нас всех, — пробормотал Стилгар.

— Но всякий жаждет Золотого Века, — сказала Ганима. — Разве не так, бабушка?

— Всякий, — согласилась Джессика.

— Они жаждут Империи Фараонов, которую даст им Лито, — сказала Ганима. — Жаждут богатого мира, изобильных урожаев, процветания торговли и ремесел, равенства всех, кроме Золотого Правителя.

— Это будет смертью для Свободных! — возразил Стилгар.

— Как ты можешь так говорить? Разве нам не нужны будут солдаты и храбрецы, чтобы справляться со случающимися возмущениями? Нет, Стил, ты и бравые соратники Тайка будут по шею загружены работой.

Стилгар взглянул на сардукарского офицера — и между ними промелькнул странный свет взаимопонимания.

— И Лито будет контролировать спайс, — напомнила Джессика.

— Он будет под его абсолютным котролем, — добавила Ганима.

Фарадин, слушавший тем новым сознанием, которому

Джессика его научила, уловил в репликах Ганимы и ее бабки игру по заранее согласованному между собой сценарию.

— Мир будет сохраняться, пока за него борешься, — сказала Ганима. — Память о войне что угодно, но не исчезнет. Лито будет вести человечество этим садом по меньшей мере четыре тысячи лет.

Тайканик вопросительно взглянул на Фарадина, кашлянул.

— Да, Тайк?

— Я бы хотел поговорить с вами лично, Мой Принц.

Фарадин улыбнулся, зная вопрос, возникший в военном уме Тайканика, и зная, что еще по меньшей мере двое из присутствующих поняли этот вопрос.

— Я не продам сардукаров, — сказал он.

— Нет надобности, — сказала Ганима.

— Ты слушаешь этого ребенка? — вопросил Тайканик. Он был в ярости. Вот этот старый наиб понимает проблемы, возникающие из всех этих замыслов, но никто больше ни дьявола не смыслит в ситуации!

Ганима мрачно улыбнулась:

— Объясни ему, Фарадин.

Фарадин вздохнул. Легко забыть о странности этого ребенка, который вовсе не ребенок. Ему легко вообразилась вся жизнь в браке с ней, скрытые уловки за всем интимным. Не слишком приятная перспектива, но он начинал постигать ее неизбежность. Полный контроль над существующими поставками спайса! Ничто в мире не сдвинется без спайса.

— Позже, Тайк, — сказал Фарадин.

— Но...

— ПОЗЖЕ, Я СКАЗАЛ! — Фарадин впервые опробовал на Тайканике Голос, увидел, как тот моргнул от изумления и примолк.

Тугая улыбка тронула губы Джессики.

— Он на одном дыхании говорит о мире и о смерти, — сказал Стилгар. — Золотой Век!

Ганима сказала:

— Он поведет людей через культ смерти на вольный воздух изобилия жизни! Он говорит о смерти, потому что это необходимо, Стил. Это — напряжение, через которое живущие понимают, что живы. Когда Империя падет... О, да, она падет. Ты думаешь, будто Кразилек — сейчас, но Кразилек еще только наступит. А когда он наступит, люди обретут обновленную память о том, что такое быть живым. Память будет упорно сохраняться до тех пор, пока жив хоть один

человек. Мы еще раз пройдем через суровое испытание, Стил. И мы выйдем на него. Мы всегда воскресаем из собственного пепла. Всегда.

Фарадин понял, слушая ее слова, что она имела в виду, рассказыва я ему о бегающем Лито. ОН — ЧЕЛОВЕКОМ НЕ БУДЕТ.

Стилгар все еще не был убежден.

— Никаких больше червей, — проворчал он.

— О, черви вернутся, — заверила его Ганима. — Через две сотни лет все они будут мертвы — но они вернутся.

— Как... — Стилгар осекся.

Фарадин поплыл по волне откровения. Он понял, что скажет Ганима еще до того, как она заговорила.

— Союз с трудом переживет скудные годы, и только лишь благодаря собственным и нашим запасам, — сказала Ганима. — Но и после Кразилека будет изобилие. Черви вернутся после того, как мой брат уйдет в песок.

Как это бывает с очень многими религиями, Золотой Эликсир Жизни Муад Диба скатился до поверхностного волховства. Его таинственные знаки стали всего лишь символами для замещения более глубоких психологических процессов, и эти процессы, конечно, пошли наперекосяк. В чем была нужда, так это в живущем Боге, а ни одного не имелось — эту ситуацию и исправил сын Муад Диба.

Речение, приписываемое Лу-Тунг-пину
(Лу, Гость Пещеры).

Лито сидел на Львином троне, принимая присягу племен. Ганима стояла рядом с ним, одной ступенькой ниже. Церемония в Великой Зале длилась целые часы. Племя за племенем Свободных представало перед ним, через своих делегатов и наибов. Каждая делегация подносила дары, подобающие Богу устрашающей силы, Богу мести, сулившему им мир.

Он через испуг привел их к покорности, устроив спектакль перед общей арифой племен. Судьи увидели, как он заходил в огненную яму и, выйдя из нее невредимым, попросил их внимательно осмотреть его кожу — что на ней нет никаких отметин. Он приказал бить себя ножами — и его непреодолимая кожа запечатывала при этом его лицо так,

что ножу не было куда проникнуть. При малейшем дымке из него начинали сочиться кислоты. Он съел их яды — и посмеялся над ними.

Под конец он вызвал червя и постоял в его пасти лицом к ним. Затем он повел их на летное поле Арракина и там нагло опрокинул фрегат Союза, подняв его за один из посадочных стабилизаторов.

Арифа отчиталась обо всем этом с благоговейным страхом, и теперь прибыли делегации племен, чтобы официально закрепить свою покорность.

Сводчатое пространство Великой Залы, с акустическими свойствами его увлажнительных систем, почти поглощало резкие шумы, но непрестанный шорох движущихся ног, плывущий на волнах пыли и запахов кремниевой гальки, принесенных снаружи, неотступно проникал в слух.

Джессика, отказавшаяся присутствовать, наблюдала из потайного глазка за троном. Взгляд ее был прикован к Фарадину — с осознанием, что и ее, и Фарадина переиграли. Конечно же, Лито и Ганима предвидели действия Сестер! Внутри себя близнецы могли посоветоваться со множеством более великих бене джессериток, чем все живущие ныне в Империи.

Особенно ей было горько из-за того, как именно мифология Сестер поймала в западню Алию. «Страх возводит страх!» Поколениями складывавшиеся особенности взгляда отпечатали на ней судьбу Богомерзости. Алия не ведала надежды. Конечно, она поддалась. На фоне ее судьбы еще трудней было видеть, чего достигли Лито и Ганима — даже не одного выхода из западни, а двух. И самым горчайшим были победа Ганимы над своими внутренними жизнями и ее настояния, что Алия заслуживает только жалости. Гипнотическое подавление под стрессом, сцепленное с опекунством благого предка, спасли Ганиму. Они могли бы спасти и Алию. Но, не имея надежды, она ничего не предприняла, пока уже не стало слишком поздно. Вода Алии ушла в песок.

Джессика вздохнула, перевела взгляд на Лито на троне. Огромный глобусообразный кувшин с водой Муад Диба занимал почетное место по его правую руку. Он похвалился Джессике, что его отец-память посмеялся над этим жестом, хоть и восхищаясь им в то же время.

Кувшин и похвальба укрепили решимость Джессики не принимать участия в ритуале. Сколько ни проживи, знала она, она никогда не сможет принять Пола, говорящего из уст

Лито. Она радовалась, что устоял Дом Атридесов, но невыносимы были мысли о том-что-могло-бы-быть.

Фарадин сидел, скрестив ноги, рядом с сосудом с водой Муад Диба. Это было место Царственного Писца, почести новопожалованной и новопринятой.

Фарадин чувствовал, что отменно приспосабливается к новым реальностям, хотя Тайканик до сих пор был в ярости и сулил зловещие последствия. Он вошел со Стилгаром в союз на основе недоверия к происходящему — и их смычка, похоже, забавляла Лито.

За часы церемонии принесения присяги Фарадин переходил от благоговения к скуке, а от нее опять к благоговению. Нескончаемым потоком текли эти люди, эти бесподобные бойцы. Их обновленная верность Атридесу на троне уже не становилась под вопрос. Они стояли перед ним в покорном ужасе, напрочь запуганные тем, о чем доложили арифы.

Наконец все почти кончилось. Перед Лито стоял последний наиб — Стилгар, шедший «Последним и Почетным». Вместо тяжелых корзин со спайсом, полыхающих драгоценных камней и любых других дорогостоящих даров, горами громоздившихся вокруг трона, Стилгар держал плетеную из волокон спайса повязку для головы. На ней был Ястреб Атридесов, исполненный в золоте и зеленом.

Ганима узнала повязку и искоса бросила взгляд на Лито.

Стилгар положил повязку на вторую ступень, низко поклонился.

— Я подношу тебе повязку, которую носила твоя сестра, когда я увел ее в пустыню, чтобы ее защитить, — сказал он.

Лито подавил улыбку.

— Я знаю, что тяжелые тебе выпали времена, Стилгар, — сказал он. — Есть ли что-нибудь, способное стать тебе возмещением? — он указал на груду дорогих даров.

— Нет, милорд.

— Тогда я принимаю твой дар, — Лито наклонился вперед, ухватил край одеяния Ганимы и оторвал от него тонкую полоску. — В обмен я даю тебе кусочек одежды Ганимы, той одежды, в которой она была, когда ее похитили из твоего лагеря в пустыне, вынудив меня прийти ей на выручку.

Стилгар принял дар дрожащей рукой.

— Ты смеешься надо мной, милорд?

— Смеюсь над тобой? Именем своим клянусь, Стилгар, никогда бы я не стал над тобой смеяться. Я велю тебе всегда

носить это близко к сердцу — как напоминание, что все люди подвержены ошибкам, и что все вожди — люди.

Стилгар слегка усмехнулся.

— Какой бы из тебя получился наиб!

— Какой я есть наиб! Наиб наибов. Никогда об этом не забывай!

— Как скажешь, милорд, — Стилгар сглотнул, припоминая отчет своего арифы. И подумал: «Однажды у меня была мысль его убить. Теперь уже слишком поздно». Взгляд его упал на изящный сосуд, покрытый плотной позолотой и с зеленой крышкой. — Это вода моего племени.

— И моего, — сказал Лито. — Приказываю тебе прочесть, что на нем написано. Прочти громко, чтобы всякий мог слышать.

Стилгар бросил на Ганиму вопрошающий взгляд, но она лишь подбородком вздернула — холодный ответ, от которого у Стилгара пробежали мурашки. Не намереваются ли эти Атридесовские бесенята призвать его к ответу за его горячность и его ошибки?

— Читай, — указал Лито.

Стилгар медленно поднялся по ступеням, наклонился, разглядывая сосуд. Вскоре он прочел:

— «Эта вода есть первосущность, источник вовне текущего творчества. Хоть и неподвижна, эта вода есть основа любого движения».

— Что это значит, милорд? — прошептал Стилгар. Он ощутил священный трепет перед этими словами, затронувшими в нем нечто, непонятное ему самому.

— Тело Муад Диба — сухой панцирь, наподобие сброшенного насекомым, — сказал Лито. — Овладевая внутренним миром, он с презрением относился к внешнему, и это привело к катастрофе. Овладевая внешним миром, он исключал внутренний, и это отдало его потомков демонам. Золотой Эликсир исчезнет с Дюны, но будет продолжаться семя Муад Диба, и вода его будет двигать мироздание.

Стилгар склонил голову. Мистическое всегда приводило его в смятение.

— Начало и конец есть одно, — сказал Лито. — Мы живем в воздухе, и его не видим. Фаза завершена. Из ее завершения произрастет начало ее противоположности. Отсюда у нас будет Кразилек. Потом все вернется в измененном виде. Ты ощущал и ощущаешь мылти в своей голове — твои потомки ощутят их нутром. Возвращайся в съетч Табр, Стилгар. Там к тебе присоединится Гурни Хэллек, моим представителем в твоем Совете.

— Ты не доверяешь мне, милорд? — тихо проговорил Стилгар.

— Доверяю полностью, иначе бы не послал к тебе Гурни. Он начнет вербовку новых сил, которые нам скоро понадобятся. Я принимаю твою присягу верности, Стилгар. Ты можешь идти.

Стилгар низко поклонился, задом спустился со ступеней, повернулся и вышел из залы. Остальные наибы шаг в шаг потянулись за ним, в соответствии с принципом Свободных, что «последние будут первыми». Но некоторые из вопросов уходящих доносились до трона.

— О чем вы там говорили, Стил? Что это значит, эти слова на воде Муад Диба?

Лито обратился к Фарадину:

— Ты ничего не упустил, Писец?

— Нет, милорд.

— Моя бабушка говорит, что хорошо тебя подготовила по мнемонике Бене Джессерит. Это славно. Мне хочется, чтобы ты строчил рядом со мной.

— Как прикажешь, милорд.

— Иди сюда, встань передо мной, — сказал Лито.

Фарадин повиновался, более чем когда-либо благодарный Джессике за науку. Когда принимаешь тот факт, что Лито больше не человек, не может больше мыслить по-человечески — курс Золотой Тропы становится еще более пугающим.

Лито посмотрел на Фарадина. Стражи находились далеко, вне пределов досягаемости слуха. В Великой Зале оставались лишь советники Внутреннего Присутствия, но их заискивающие группки были далеко от первой ступени. Ганима подошла поближе и положила руку на спинку трона.

— Ты все еще не согласен отдать мне своих сардукаров, — сказал Лито. — Но ты согласишься.

— Я должен тебе многое, но не это, — сказал Фарадин.

— Ты думаешь, они не сойдутся с моими Свободными?

— Сойдутся не хуже этих новых друзей, Стилгара и Тайканика.

— И все же ты отказываешься?

— Я жду твоего предложения.

— Я должен делать мое предложение, только зная, что ты никогда не предашь его огласке. Молюсь, чтобы моя бабушка хорошо выполнила свою работу, чтобы ты был подготовлен к пониманию.

— Что я должен понять?

— В любой цивилизации всегда есть преобладающий

культ, — сказал Лито. — Он устанавливает себя преградой для перемен, и это всегда оставляет будущие поколения неподготовленными к предательству от мироздания. Все культы одинаковы в деле возведения преград — религиозный, героя-вождя, мессии, науки и технологии, самой природы. Мы живем в Империи, в которой оформился такой культ, и теперь Империя разваливается, потому что большинство людей не отличают культ от мироздания. Видишь ли, культ — он как демоническая одержимость, он завладевает сознанием, заставляет все видеть лишь его глазами.

— Узнаю мудрость твоей бабушки в этих словах, — сказал Фарадин.

— Хорошо и славно, кузен. Она спросила меня не Богомерзость ли я. Я ответил, что нет. Это стало моим первым предательством. Видишь ли, Ганима этого избегла, но я — нет. Я был вынужден уравновешивать внутренние жизни под давлением чрезмерных доз меланжа. Уравновешивая, я избег зловольнейших и выбрал того доминирующего помощника, которого подсунул мне мой отец-память. На самом деле я ни отец, ни этот помощник. Но, опять-же, я не Лито Второй.

— Объясни.

— В тебе есть восхитительная прямота, — сказал Лито. — А я — сообщество, в котором доминирует один, древний и исключительно могучий. Он основал династию, продержавшуюся три тысячи лет. Звали его Харум, и, пока его род не закатился на слабом и суеверном от природы потомке, жизнь его подданых текла в возвышенном ритме. Они бессознательно двигались вместе со сменами времен года. Личности, которых они воспитывали, склонны были к кратколетию и суевериям, ими легко было править богу-царю. Если брать в целом, это был могучий народ. Выживаемость, как рода, стала для них развившейся особенностью их жизни.

— Мне это не нравится, по твоему описанию, — сказал Фарадин.

— На самом деле, не нравится и мне, — сказал Лито. — Но это — тот мир, который я создам.

— Почему?

— Есть урок, преподанный Дюной. Мы относились к присутствию смерти как к доминирующему среди живущих здесь признаку. Благодаря этому признаку мертвые изменили живых. Люди такого общества погрязнут в собственном

желудке. Но, когда придет время противоположному, они воспрянут, они станут величавы и прекрасны.

— Это не ответ на мой вопрос, — возразил Фарадин.

— Ты не доверяешь мне, кузен.

— Так же, как твоя бабушка.

— Имея на то действительные причины, — сказал Лито. — Но она уступит, потому что должна. Все Бене Джессерит в конечном итоге прагматики. Я, ведь знаешь, разделяю их взгляды на наш мир. Ты — мечен этим миром. Ты сохраняешь склад характера правителя, и, отсюда, все человеческие свойства каталогизированы тобой с той точки зрения, какие из них тебе, как правителю, представляют угрозу, а какие — ценность.

— Я согласен стать твоим писцом.

— Это развлекает тебя и льстит твоему истинному дарованию, дарованию историка. У тебя определенный дар читать настоящее через прошлое. В нескольких случаях ты меня предвосхитил.

— Мне не нравятся твои завуалированные намеки, — сказал Фарадин.

— Хорошо. От бесконечного честолюбия ты опустился до нынешнего состояния. Разве моя бабушка не остерегала тебя от бесконечности? Она привлекает нас подобно прожектору в ночи, и, ослепленными, ввергает в крайности, которыми она может поранить конечное.

— Афоризмы Бене Джессерит!

— Мои намного точнее, — сказал Лито. — Бене Джессерит верили, будто могут предсказывать направление эволюции. Но они проглядели изменения самих себя в процессе этой эволюции. Они воображали, будто могут оставаться на месте, в то время как их программа развития эволюционировала бы. У меня нет подобной рефлекторной слепоты. Погляди на меня внимательно, Фарадин, я больше не человек.

— Так уверяет меня твоя сестра, — Фарадин заколебался. Богомерзость?

— Возможно, если брать определения Сестер. Харум жесток и автократен. Я — соучастник его жестокости. Хорошенько запомни: во мне — жестокость крестьянина, и мир человеческий — мое угодье. Некогда Свободные держали ручных орлов, а у меня будет прирученный Фарадин.

Лицо Фарадина помрачнело:

— Остерегайся моих когтей, кузен. Я хорошо понимаю, что со временем мои сардукары падут перед твоими Свобод-

ными. Но мы вас крепко пораним, а шакалы всегда стерегут, чтобы накинуться на слабого.

— Я хорошо буду с тобой обращаться, обещаю, — Лито наклонился вперед. — Разве я не сказал, что я больше не человек? Поверь мне, кузен. Не выйдет детей от моих чресел, поскольку у меня нет больше чресел. А это понуждает меня ко второму предательству.

Фарадин ждал, увидя, наконец, в какую сторону клонит Лито.

— Я пойду наперекор всем заповедям Свободных, — сказал Лито. — И они примут это, потому что больше им делать будет нечего. Я держал тебя здесь под приманкой обручения, но не будет обручения между тобой и Ганимой. Моя сестра выйдет замуж за меня!

— Но ты...

— Выйдет замуж, я сказал. Ганима должна дать продолжение роду Атридесов. Да, еще и в этом дело программы развития Бене Джессерит, которая отныне — моя программа развития.

— Я отказываюсь, — сказал Фарадин.

— Ты отказываешься стать отцом династии Атридесов?

— Какой династии? Ты будешь занимать трон тысячи лет.

— Отливая твоих потомков по своему подобию. Это будет самая напряженная, самая всеобъемлющая программа развития во всей истории. Видишь ли, какую систему, обеспечивающую их выживание, ни выбери животные, она должна основываться на структуре взаимосцепленных сообществ, взаимозависимости, совместно работающих в том общем устройстве, которая и есть система. И эта система будет производить самых умных и сведующих правителей, каких когда-либо видели.

— Ты фантазируешь на самую противную...

— Кто переживет Кразилек? — спросил Лито. — Обещаю тебе, Кразилек придет.

— Ты сумасшедший! Ты развалишь Империю.

— Разумеется, развалю... Я не человек. Но я сотворю новое самосознание всех людей. Говорю тебе, под пустыней Дюны есть место, где таится величайшее сокровище всех времен. Я не лгу. Когда умрет последний червь и будет собран последний урожай меланжа, эти глубинные сокровища забьют ключом на все наше мироздание. По мере того, как иссякнет сила монополии на спайс и истощатся скрытые хранилища, новые силы будут являться над всем нашим

царством. В это время человечество еще раз научится жить по инстинктам.

Ганима убрала руку со спинки трона, подошла к Фарадину, взяла его за руку.

— Как моя мать не была женой, так ты не будешь мужем, — сказал Лито. — Но, может быть, будет любовь, и этого будет достаточно.

— Каждый день, каждый миг приносит свою перемену, — сказала Ганима. — Учишься, постигая мгновения.

Фарадин ощущал настойчивость тепла крохотной ручки Ганимы. Он хорошо постиг все приливы и отливы доводов Лито, но тот не единожды использовал Голос. Взывая к нутру, а не к уму.

— Это твое предложение за моих сардукаров? — спросил Фарадин.

— Больше, много больше, кузен. Я предлагаю твоим потомкам Империю. Я предлагаю тебе мир.

— Каков будет исход твоего мира?

— Его противоположность, — голос Лито прозвучал спокойно и насмешливо.

Фарадин покачал головой.

— Слишком высока цена за моих сардукаров. Должен ли я остаться Писцом, тайным отцом твоих детей?

— Должен.

— Будешь ли ты стараться навязать мне свой уклад мира?

— Буду.

— Я буду ежедневно и до конца жизни сопротивляться этому.

— Но именно этого я от тебя и ожидаю, кузен. Вот почему я выбрал тебя. Я оформлю это официально. С этого момента ты будешь называться Харк-ал-Ада, что на одном из древних языков означает «Ломающий Уклад». Ну-ну, кузен, не упрямься. Бабушка хорошо тебя обучила. Отдай мне своих сардукаров.

— Отдай, — эхом откликнулась Ганима. — Он так или иначе их возьмет.

Фарадин расслышал страх в ее голосе. Значит, любовь? Лито взывал не к рассудку, а к интуитивному прыжку.

— Возьми их, — сказал Фарадин.

— Разумеется, — Лито поднялся с трона — занятно струящимся движением, словно держа свою ужасную силу под самым тонким контролем. Спустясь на уровень Ганимы, он мягко повернул сестру, так что она оказалась затылком к нему, повернулся сам и встал с ней спиной к спине. — Запомни это, кузен Харк-ал-Ада. Так всегда будет с нами.

Мы будем стоять так, когда поженимся. Спиной к спине, каждый глядя вперед, в другую сторону от другого, чтобы защитить то единое, чем мы были и есть, — он обернулся, насмешливо поглядел на Фарадина, понизил голос. — Помни об этом, кузен, когда будешь с моей Ганимой лицом к лицу. Помни об этом, нашептывая ей любовные ласки, наиболее искушаем укладом моего мифа и довольства. Твоя спина останется неприкрытой.

Отвернувшись от них, он зашагал со ступеней к ждущим придворным, те шлейфом, словно спутники, потянулись за ним, и он покинул залу.

Ганима опять взяла Фарадина за руку, но взгляд ее был прикован к дальнему концу залы еще очень долго после ухода Лито.

— Один из нас должен был принять страдания, — сказала она, — а из нас двоих он всегда был сильнее.

Содержание

МЕССИЯ ДЮНЫ
5
ДЕТИ ДЮНЫ
209

Книготорговый отдел
издательства

«СИГМА-ПРЕСС»

предлагает книжную продукцию в ассортименте.

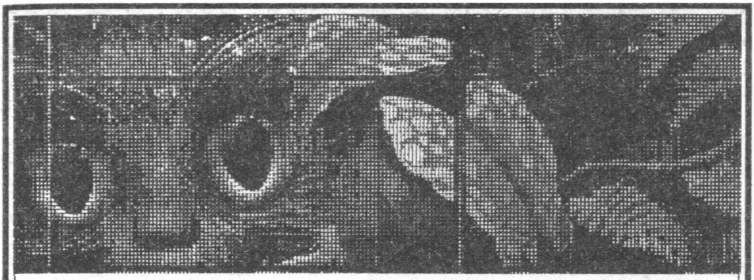
Покупая книги по нашим ценам,
Вы покупаете их у себя в городе.

Если Вы получаете книги
в железнодорожных контейнерах,
ЗНАЙТЕ — так работали ВЧЕРА.
СЕГОДНЯ есть более оперативный
способ доставки.

**В ЛЮБОЙ ГОРОД РОССИИ
МЫ ДОСТАВИМ
КУПЛЕННЫЕ У НАС КНИГИ
В ТОЧНО ОГОВОРЕННЫЙ СРОК.**

Форма оплаты по договоренности.
Минимальная партия — 500 пачек.

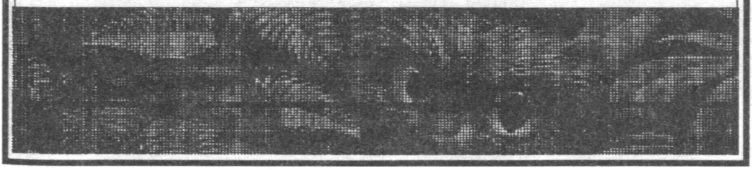
МЫ ЖДЕМ ВАС!

ANDRE NORTON AGENCY

представляет права на публикацию произведений зарубежных авторов и художников. Тематическое и жанровое составление, детективы, фантастика, триллеры, ужасы, вестерны, музыкальная литература...

Майкл МУРКОК, Глен КУК,
Джеймс УАЙТ, Сара ПАРЕЦКИ,
Тед ВУД, Джеймс ГРАНТ,
Эдвард ЛИ, Эрл МЭРФИ,
Майкл ВЕЛАН,
Родни МЭТТЬЮ и др.

Херберт ФРЭНК

МЕССИЯ ДЮНЫ
ДЕТИ ДЮНЫ

Литературно-художественное издание

Ответственный за выпуск
И. Гусейнов

Редактор
Н. Бархатов

Художник
Д. Аввакумов

Корректоры:
Н. Суворова
К. Прилипко

Технический редактор
В. Казачек

Издательство «Амбер Лтд.»
665830, Ангарск, 76-9.
Лицензия № 070335 от 28.01.92.

Сдано в набор 19.09.94 г. Подписано в печать 20.10.94 г.
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 32,5.
Физ. п. л. 20. Тираж 25 000 экз. Заказ № 2401.

Отпечатано при содействии издательства «Фактор».
170024, Тверь, пр-т Ленина, 5.

Верстка АО «Музыка сфер»

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, Тверь, проспект Ленина, 5.

